

Андрей  
КОРОБЕЙЩИКОВ

# Иту-Тай

Включенные в данное произведение мистические и обрядовые практики основаны на личном опыте автора, известного исследователя шаманской культуры Сибири и Горного Алтая. При этом книга остается художественным произведением с необыкновенно захватывающим детективным сюжетом и увлекательными историческими поворотами, представляющими другой взгляд на развитие мировой цивилизации. «Иту-Тай» - могущественная сила шаманов и кому-то книга поможет открыть скрытые внутренние возможности.

---

Андрей Коробейщиков

ИТУ-ТАЙ

Темный Ветер с зеленых холмов

Посвящается моей Семье

С благодарностью к Высшим Силам и людям,  
поддерживающим меня на Пути!!!

С любовью к родным и близким, навсегда  
запечатленным в моем сердце!!!

С трепетом к планете – прекрасному дому,  
дарующему нам жизнь!!!

С уважением к врагам, показывающим мне  
мою темную половину!!!

Автор не претендует на соответствие данной информации официальной науке или общепринятым мнениям, а предлагает исключительно свое видение и свои версии, часть из которых основана на личной мистической и обрядовой практике.

"Услышь глас разума, пребывающего в тебе.

Внемли разуму своему, гласу истины и света.

Уподобься ветру, выбирающему свет среди тьмы.

Путь ветра – видение действия в бездействии

и бездействия в действии.

Внешнее деяние – лишь иллюзия,

под маской действия скрыто бездействие.

Тьма скрывает свет, и свет скрывает тьму.

Одно сокрыто в другом...

Тьма покрывает истину. Истина надевает маску.

Лишь избранный узрит медведя и зайца, быка и лисицу.

Глаза, глаза вездесущие – прячут истину.

В них сокрыта истина, покрытая маской.

Открой волк истину зайца, истину лисы и медведя.

Глаза зримые, страшные, истинные.

В глазах истина волчья.

Пусть все сокрыто тьмой.

Но глаза – свет во тьме.

Уймите страсти, отдайте чувства ветру, предайте сердцу.

Сожми волю в кулак.

И ударь в колокол знания.

Звон его уничтожит недоразумение и глупость.

Укажите ложное и ненужное, мешающее и убивающее.

Грешен да пробудится, праведен да возгорится.

Труден путь истинный, но прекрасен и чист, как роса.

Ургор – оборотень. Обернись совой, иль медведем,

Чтоб пройти непроходимое.

Только так:

Оборачиваясь, и пройдешь все преграды,

Вставшие на пути твоём.

Средь тьмы свет возгорится, но свет разный.

И тот лишь узнает истинный свет,

кто чист душой и сердцем.

Так успокой и укроти ум свой,

обрати взор к разуму истинному,

Дающему путь к свободе.

Обернись птицей, и пусть идущий не заметит тебя.

В том твоя победа.

Волк лишь тогда зол,

Когда зло причинили ему самому.

Терпи холод и голод,

Но накажи причинившего зло.

Лишь терпение да стальная воля поможет.

Надуманное доводи до конца.

Или погибнешь сам.

Не причиняй зла никому,

Разве что причинившему боль.

Без надобности не убей, лишь когда голоден.

Не смей нападать, скройся в тени.

Тьма тебе мать. День – твой враг.

Почувяв опасность – уйди,

Пусть стрела летит мимо цели.

Уйми гиен и жди.

Жди день, три, месяц.

Увидев спину, нападай.

Обернись птицей, деревом.

Тебя нет. Тогда ты выше. Успех твой.

Молния пришла и ушла.

Как внезапно появился, так и исчезни.

Только так достигнешь успеха.

Молния – причина успеха.

Никто не знает, откуда она появилась во мгле.

И куда исчезла,

И где появится вновь,

И с какой силой.

Но и молния бывает разная.

Может слегка покалечить, а может и убить.

Может дать искру, а может и сжечь все.

Гром предвестник молнии,

Гром способен оглушить,

Парализовать все живое,

Слабого же сердцем – убить.

Молния и гром – вот успех в сражении.

Но более разумен тот, кто избежит сражения,

Тот истинно разумен.

Учись сражаться, чтоб никогда не сражаться.

Используй малое, получишь большое.

Избегая схваток – найдешь покой.

Покой – сила жизни.

В покое все едино,

И ничто не потревожит.

Душа спокойна.

Разум чист и светел.

Иди к чистоте,

И придешь к прекрасной долине знаний.

Наполни знанием свой разум,

И другой мир предстанет пред тобой.

Мир благоденствия и счастья.

Внутренний мир прекрасен и чист,

Полон знаний и чудес.

Открой сей мир

И узри же истинный мир

Пребывающий в нас".

Г.Э. Адамович. "Белорусские асилки", серия "Славянские, единоборства".

Эпизод I

СУМЕРКИ

Хроники Наваждений

Подобные вереску волосы ваши,  
Хранители каждого лога!  
Водою жертвуем,  
Ходим по тебе, Хан-Алтай!  
Темный лес, синий, покрывает  
Россыпи твои, подобно кольчуге!  
С рождения кланяемся тебе!  
Предки наши молились тебе!

Часть 1

ТЕНИ ПРОШЛОГО

"Я вошел во врата всякой доброй философии – вернулся в детство"

Г.К. Честертон "Вечный человек"

## ПРОЛОГ

Прощальный Костер ( 1982 г .)

Озеро переливалось, словно сотни зеркальных карпов всплыли из непроглядной глубины на поверхность, подставляя ярким солнечным лучам серебристые чешуйки, похожие на звенья миниатюрной кольчуги.

– Ух, ты. Вот это да! – восторженно прошептал Юрка. Красотища...

Он зажмурился и, блаженно улыбувшись, принялся стягивать с себя коротенькую футболку с изображением леопарда. Затем он смешно запрыгал к кромке воды, на ходу снимая запыленные оранжевые сандалии и несоразмерно большие аляповатые шорты. Через несколько секунд он, вереща от восторга, ринулся в озеро, оставляя за собой фонтан пахнущих тиной брызг.

Максим улыбнулся и посмотрел на Олю.

– Ты пойдешь?

Ответом был неопределенный кивок. Ольга повернулась к нему спиной и зашагала к гигантскому пню, торчавшему из зарослей огромных лопухов.

– Позже...

Максим вздохнул и чуть заметно пожал плечами. Купаться почему-то уже не хотелось. Он снова посмотрел на бликующую гладь озера и, помахав рукой Юрке, вяло поплелся вслед за Ольгой. Он понимал, чем вызвано это ее меланхолическое настроение, и поэтому не обижался: ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ СЕЗОНА. Сегодня вечером – последняя линейка со снятием флага, лимонад с пирожными в столовой, ночью – прощальный Костер, а утром... три-четыре автобуса – и все... Все! Что ж, и у хорошего бывают свои ограничения. Должно же было это когда-то закончиться. Все разъедутся кто куда, закрутятся в водовороте школьных проблем, и постепенно забудется и Лесной Город, и Топь, и Мост...

С озера что-то возбужденно кричал Юрик, смеясь и наяривая руками по воде. От него во все стороны расходились, увеличиваясь по яркой поверхности, медленные круги.

Ольга уже сидела на пне и, поджав под себя согнутую ногу, рассеянно смотрела на противоположный берег. Максим подошел и опустился рядом на траву, стараясь произнести как можно больше звуков, чтобы хоть как-то заполнить эту напряженную паузу в общении. Нужно было что-то сказать, что-то умное и смешное. В голове мучительно ворочались фразы, одна глупее другой, которые ни в коем случае нельзя было произносить вслух. Ольга не терпела глупости и неискренности.

"Нужно говорить то, что думаешь, – как-то произнесла она, – или не говорить вообще. Лживые слова видно, и они сразу портят все впечатление". И Максим запомнил это. О каком впечатлении шла речь, Максим догадывался, и с тех пор всегда был с Ольгой настороже,

стараясь не сболтнуть лишнее и не испортить это самое впечатление. Ну и, естественно, пытался быть искренним, в меру своих возможностей.

Неподалеку, в ельнике внезапно застучал по стволу дерева дятел. Максим вздрогнул от неожиданности и нерешительно пробормотал: "Во долбит...". Получилось отвратительно, жалко, натянуто и абсолют-но неестественно. Максим даже скривился от ненависти к самому себе – "бездна ума, юмора и искренности". Ну, все, в общем-то, верно – что подумал, то и сказал. Остроумец.

Оля потянулась вперед и, нагнувшись, сорвала огромный одуванчик, возвышающийся над травой.

– Странно...

– Что? – Максим повернулся к ней всем телом, рассматривая ее лицо, красивое и грустное.  
– Что странно?

Оля тихонько подула на белый ажурный шарик и задумчиво проводила взглядом несколько крошечных "парашютиков", медленно улетающих к воде.

– Странно, что все так заканчивается. Безрадостно. Скучно. Последний Костер, последняя ночь. Жаль, весело было. Максим вздохнул и тихо пробормотал:

– Да, обидно. Но ведь... – он замолчал, а Ольга смотрела на него, ожидая продолжения, словно он мог предложить что-нибудь такое, что остановит время и закрутит его вспять, позволяя хоть ненадолго продлить сезон.

– Но ведь... ну, это, можно ведь встретиться в городе. Взять и собраться! Всем... – сбивчиво пробормотал Максим, торопливо добавив последнее слово.

– У-у-у, водичка – класс! Эй, там, на берегу, айда в воду... – донесся с озера голос Юрика. Он смешно барахтался где-то на середине, нелепо взмахивая тоненькими ручками и фыркая потюленьи. Оля прищурилась и тихо спросила:

– А ты, правда, хотел бы? Ну, встретиться...

Максим судорожно вдохнул ставший вдруг плотным воздух и внутренне сжался.

"Вот сейчас, сейчас нужно ей все сказать. Честно. Искренне. Плюнув на все свои глупые страхи – да, хотел бы. Еще как! И со всеми хотел встретиться, но самое главное – с тобой! Почему? Да потому что ты самая...".

– Я... – У него, наверное, было такое глупое выражение лица, что Ольга с трудом удержалась от улыбки. Нет, не улыбнулась. Она выжидательно смотрела на него своими ясными серыми глазами, и от этого взгляда нужно было спасаться, бежать, раздеваясь на ходу, и нырять с головой в прохладную воду, остужая воспаленное воображение и покрасневшую физиономию.

– Я думаю... в городе... у нас, у всех...

Ему не дали договорить. Из кустов, растущих в нескольких метрах от берега, с шумом и треском высыпала "копровая бригада": Руслан, Севка, Лена, Денис и пионервожатый Вени – Вениамин, ответственный за организацию Большого Костра. В задачи "бригады" входил поиск сухого валежника и обеспечение его доставки в район костровища в количестве, необходимом для того, чтобы поддерживать огонь в течение всей ночи. Оля вздохнула и, покачав головой, еще пару секунд смотрела Максиму в глаза, затем встала и, повернувшись к вновь прибывшим, помахала им рукой:

– Ну, сколько можно ждать? Нашли?

Загорелый, словно мулат, Руслан кувыркнулся и остался лежать на траве, подложив под голову руки, закрыв глаза и блаженно улыбаясь. Остальные засуетились, увидев озеро и услышав призывные вопли Юрика. Вениамин насторожился, потом рассеянно заозирался, а затем стал кричать, чтобы никто не смел лезть в воду. Но его уже никто не слушал, и через несколько



секунд новая партия пловцов, истошно визжа, уже неслась к озеру, откуда вылезал, пошатываясь и цепляясь за камыш, одуревший от купания, мокрый и озябший Юрик.

Вениамин как сумасшедший метался по берегу, не зная что делать, и нервно приговаривал: "Я вам, сопляки... Ну, я вам сейчас... Салажня паршивая". Затем он в отчаянии стянул с себя рубашку и шорты и красиво прыгнул прямо с отвесного берега, без всплеска войдя в воду.

– Нашли? – повторила Ольга и запустила стайку "парашюти-ков" прямо в лицо Руслану. Тот поморщился, но глаз не открыл.

– А ты как думаешь? Конечно, нашли. Делов-то. Я в этом лагере уже третий год, весь валежник окрестный как свои пять пальцев знаю.

– Ага, только нашел его я, – радостно сообщил худощавый Денис, в последний момент передумавший лезть в воду и теперь выискивающий в куче небрежно побросанной одежды свои поспешно снятые брюки.

– Далеко отсюда?

Руслан пожал плечами и пробормотал:

– Рядышком. Вот сейчас позагораем полчаса и пойдем собирать.

– Мы уже нарубили валежник, осталось только все это упереть, – деловито добавил Денис, рассеянно вертя в руках Ленкин комбине-зон, похожий по цвету на его брюки.

Оля раздраженно дунула на остатки одуванчика, и невесомые пу-шинки полетели вперед, плавно пикируя на улыбающегося Руслана.

С озера послышались протестующие возмущенные вопли – пио-нервожатый Вениамин выгонял всех на берег.

Линейка прошла торжественно. Сначала отчитались за сезонные мероприятия командиры отрядов, затем с речью выступил началь-ник лагеря Олег Евгеньевич, потом долго говорила набившими ос-комину фразами суровая замначальника Галина Александровна, а потом – под дробь барабанов и хрип горнов спустили с флагштока пыльный красный флаг, и все разошлись.

Атмосфера в лагере неуловимо стала накаляться – все суетились, доделывая незаконченные дела, собираясь в группы и обмениваясь адресами и сувенирами. Все ждали чего-то необычного, яркого и та-инственного. Впереди был Большой Костер! Под общее настроение попали даже взрослые, отработавшие в этом лагере уже несколько сезонов и повидавшие не один Костер.

Максим подошел к корпусу отряда, но никого там не застал. Вок-руг домика было пустынно, все разошлись кто куда, решая самые неотложные вопросы в условиях жуткого дефицита времени – его осталось всего несколько часов! И за это время нужно было успеть сделать то, что обычно откладывают на самый последний день, – попрощаться. Попрощаться с друзьями и знакомыми, с заклятыми врагами и суровыми воспитателями, с памятными местами, нако-нец, которые навсегда останутся в воспоминаниях детства.

Внутри корпуса тоже никого не было. Сев на прогнувшуюся со скри-пом кроватьную сетку, Максим задумался на минуту, затем наклонил-ся и открыл дверцу тумбочки. На верхней полке лежали собранные в пакет предметы первой необходимости: мыло, зубная щетка и паста с привкусом клубники. Тюбик был почти пуст, и не потому, что Мак-сим исступленно чистил зубы с утра и до вечера. Большая часть пасты была израсходована не по назначению: ею мазали девчонок из сосед-ней палаты, Ваську Рюмина – из своей, и к тому же ее просто поглоща-ли, несмотря на обильные завтраки, обеды и ужины. Это был гурман-ский изыск, причем совершенно естественно, что особенно ценились при этом пасты с фруктовым наполнителем. "Поморин" и "Жемчуг" использовали исключительно в диверсионных целях. Здесь же, рядом с

пакетом, стоял одеколон "Эллада", лежал карманный нож, фонарик и замусоленная книжка Беляева. Все было готово к отъезду и собрано с завидной тщательностью. Завтра утром выдадут сумки из склада-хранилища, и все – прощай любимый лагерь!

Максим взял в руки книжку и, полистав страницы, поднял упавший на колени календарик-закладку – глянецовый квадратик картона с изображением горной гряды. Фотография очень нравилась Оле. Она подолгу рассматривала ее и при этом неизменно повторяла: "Краси-во! Вершины мира...".

Максим все пытался подарить ей календарь, но каждый раз она лишь улыбалась и говорила: "К сожалению, это только фотография...", – и вкладывала его на место, между страницами.

Теперь был повод. Максим достал из кармана трехцветную шариковую ручку и вывел на полях календаря свой адрес и телефон, при-чем, выбрав красный цвет, чтобы надпись не сливалась с многочисленными стройными колонками цифр. Затем подумал и приписал еще несколько слов. "Вот так. Искренне и честно...".

Теперь предстояло найти ребят. В том, что все собрались вместе, Максим ни на секунду не сомневался. И, конечно же, знал где. На Мосту...

Мостом они называли старый навесной мостик через узкую, но быструю и глубокую речку, даже не имевшую названия, протекающую рядом с лагерем. Вода в ней всегда была холодной и прозрачной. Сев-ка утверждал, что это один из притоков Катуня. Денис клялся, что это – река Аламбай. Руслан при этом громко смеялся, приговаривая: "Ну да, ну да, только у этой Катуня еще одно название есть – Чумыш. Полный аламбай...". Все тоже смеялись, но название речки по-прежнему оставалось тайной.

Мостик нашел Максим. Он сразу назвал его МОСТОМ, и теперь на другой берег переходили исключительно по шатким брускам, вплетенным в мощное канатное основание. И хотя в некоторых местах речку можно было перейти вброд и даже попросту перепрыгнуть с помощью длинной жерди, все почему-то не упускали возможности, покачавшись на мостике, степенно перейти на другую сторону.

Про Мост, вероятно, знали только они – Семерка из первого отряда. Никто другой не смог бы его обнаружить по нескольким причинам: во-первых, для этого нужно было, как минимум, покинуть территорию лагеря, на что отваживались немногие его обитатели, во-вторых. Мост настолько зарос непролазным кустарником, что увидеть его со стороны было просто невозможно. Его можно было только найти, а для этого нужно было полчаса продирается сквозь густую чащу осоки и ивняка, проросшую вокруг реки наподобие амазонской сельвы. Поэтому неудивительно, что Мост сразу же был объявлен древним и заброшенным, а, следовательно, загадочным и таинственным. Сева даже выдвинул гипотезу, согласно которой, мост был натянут здесь вооруженными отрядами Ермака во времена его легендарного похода, для переправы на тот берег коней и пушек. Как всегда, Руслан хохотал громче всех. Но, тем не менее, для всех членов Семерки было в этом что-то символическое – перейти, пусть даже через небольшую речку, по старому, неведомому Мосту дальше, в неизвестность – на другой берег, который сплошь был покрыт густыми зарослями елей, берез и еще каких-то деревьев, названия которых никто из Семерки не знал, даже Сева.

Уже совсем стемнело, когда Максим, запыхавшись, выскочил из ивняка к канатному мосту. Все были здесь. Но вопреки обычному на-строению, все были задумчивы и молчаливы. Исключение составляли только Руслан и Сева, сидевшие на траве и, сосредоточенно перешептываясь, что-то доказывающие друг другу. Ольга стояла на середине Моста и, слегка покачиваясь, смотрела вниз на струящийся с тихим плеском поток воды. Юрий трещал сучьями из зарослей ивняка. Денис прыгал на другом берегу, яростно хлеща себя ивовыми ветками, отгоняя вышедших на вечернюю охоту комаров. Лена сидела на корточках недалеко, на

травянистом холме, и рассеянно смотрела на ос-тальных членов Семерки.

– Ну вот, здрасьте... печальное место, – Максим шагнул на Мост, чувствуя, как тот дрогнул и прогнулся под мальчишеским весом. – Там уже общий сбор объявили.

– А ты торопишься, да? – тихо спросила Ольга, не повернув головы.

– Ну... – Максим, смутившись, пожал плечами, – я думал...

– Думал он, – Ольга насупилась и плюнула в воду.

"Ну вот, обиделась, – мрачно подумал Максим, разглядывая ее, – как будто это я все придумал: и Костер, и закрытие сезона, и все остальное...".

– Эй, ребята, а может, правда, пойдём, а? А то сейчас весь лагерь на уши поставят, – Лена, как всегда, пыталась найти компромисс.

Руслан и Сева перестали шептаться и неохотно встали, стряхивая с шорт пожухлые травинки.

– Давайте, идите, заждались вас... – Ольга фыркнула, и Максим заметил в ее глазах странный блеск, еле заметный в сгустившихся сумерках.

– Оль, ну что ты дуешься? Ты что, Костер хочешь сорвать? Ну так это ничего не изменит. Развезут нас завтра без всяких проводов по домам с соответственными характеристиками и сопроводительными письмами для директора школы...

– Вон темнотища какая, – добавил Максим. – Сейчас там Вениа-мина припадок хватит. Ольга вдохнула и с сожалением, покачав головой, тихо сказала:

– Балбесы вы. Вы хоть знаете, какая сегодня ночь? Все удивленно запереглядывались.

– Последняя, – неуверенно вставил Юрик, растерянно улыбнув-шись.

– Эх вы... – Ольга запрокинула голову вверх, и все машинально сделали то же самое. Там, в темно-синем небе, пронзительно ярко светился четкий диск луны в окружении сотен непривычно крупных звезд, похожих на сверкающее конфетти.

– О-го-го, – восхищенно прошептал Денис.

Деловитый Руслан хмыкнул и, засунув руки в карманы торт, не-брежно спросил:

– Что за ночь-то? Обычная.

– Обычная, – презрительно передразнила его Ольга и развела руки в стороны, словно собираясь обнять ими все это великолепиие.

– Сегодня особенная ночь, – загадочно прошептала она, и все насторожились, этот тон не предвещал ничего хорошего. Вернее, ничего привычного, спокойного, обыденного. Стало ясно, что сегодня ночью Большим Костром дело не закончится – Семерка будет прощаться с сезоном по-своему. А вот это уже, в свою очередь, не предвещало ничего хорошего.

– Оль, ну ты не тяни. Чем она особенная-то?

Ольга опустила руки и примирительно рассмеялась.

– Эх вы, ну что с вас взять? Так и проживете всю жизнь под горн да команды вожатых. Сегодня... особенная ночь! Колдовская. Не слу-чайно на нее конец сезона выпал. И Костер не случаен... Говорят, давным-давно в эту ночь наши предки складывали такие костры в своих поселениях, но не прощальные, а почитальные. Ивана Купалу почитали, и обязательно через эти костры купальские перепрыгива-ли, чтоб огнем очиститься, порчу и заговоры оттолкнуть, здоровья набраться...

– О-го-го! – опять восхищенно вставил Денис, и все рассмеялись, приглушенно, вполголоса, чтобы эхо детских голосов не долетело до территории лагеря, темнеющего невдалеке несколькими корпусами с погашенными окнами. Это были "малолетские" домики, и в них уже

наверняка спали самые юные обитатели лагеря.

– Точно, сегодня же Купала... – Было слышно, как Руслан звонко хлопнул себя ладошкой по лбу. – Только почему мы на него попали? Я уже три года в этом сезоне отдыхаю, мы ни разу до Купалы не дотягивали.

– Это потому что сезон на несколько дней сдвинули, – догадался Максим.

– Так что же мы тогда здесь стоим? Аида на Костер, а то без нас запалят. – Юрик начал пробираться к единственной тропинке, ведущей через кустарник, но запнулся о корягу и шумно упал во весь рост, зашипев от боли, словно гигантский змей. Все опять прыснули.

– Живой?

– Вроде бы...

– Ты поберегись, Юрик, а то Вениамин не переживет нашего членовредительства. Он за нас еще одну ночь головой отвечает.

– Ой. можно подумать, вы в темноте как мыши летучие видите!

– Эх ты, неуч. Мыши не видят.

– Да? А что же они?

– Во балбес, они слышат.

– Ага, я тоже слышу – Денис в канаву упал.

– Я не упал, а оступился.

– Ладно вам болтать. Тихо. Возьмите друг друга за руки, а то мы к утру только отсюда выберемся. Пошли...

Костер получился грандиозный. Как и все Большие Костры, его проводили на одном, постоянном, месте – большой поляне в нескольких метрах от забора. В центре поляны располагалось неровное, черное выжженное пятно, оставшееся от предшествующих церемоний.

К тому моменту, когда вожатые привели на поляну свои отряды, на этом пятне уже красовался выстроенный из сухих корявых жердей остроконечный "вигвам", сложенный физруками. Внутри его все пространство было заполнено мелким наломанным сушняком, вперемешку с сеном и тремя основательными поленьями, установленными в центре сооружения. Пионеры расположились вдоль выжженной границы, кольцом окружив костровище. Когда все расселись, галдя и возбужденно толкаясь, на середину круга вышел начальник лагеря и, встав рядом с "вигвамом", опять начал много и торжественно говорить. Правда, на этот раз у него был более компанейский и менее официальный тон – все-таки здесь собрались не дети уже, а старшие пионеры, да и сезон закончился, поэтому Олег Евгеньевич позволил себе быть более раскованным и даже рассказал пару смешных и не совсем приличных происшествий из истории предшествующих Костров. И заключение своей речи он пожелал всем удачной учебы и выразил надежду, что проведенное здесь время пошло всем присутствующим исключительно на пользу. Пионеры загудели и захлопали. Олег Евгеньевич дал отмашку, и церемония зажжения Костра началась.

Старший вожатый лагеря – двадцатилетний парень, именуемый школьниками уважительно – Игорь Сергеевич, подошел к деревянной закладке и плеснул на нее желтую жидкость из литровой банки. По поляне тут же разошелся едкий запах бензина. Игорь Сергеевич чиркнул спичкой и, осторожно подкравшись вплотную к костровищу, бросил ее в центр "вигвама". Через секунду под восторженные крики присутствующих трехметровый язык сипя извился вверх, лизнул небо и затрещал, пожирая гонкие ветки и пучки соломы. Все радостно и одобрительно зашумели. Прощальная ночь – ночь на Ивана Купалу – началась.

Максим сидел рядом с Ольгой, касаясь ее своим плечом. Прошло уже около двух часов. В костер добавляли новый хворост, и он гудел, стреляя искрами во все стороны и пылая жаром.

Все разошлись по поляне, и каждый наслаждался этой ночью, зная, что скоро насту-пит новый день и все это останется далеко позади, только в воспоми-наниях.

Семерка, как всегда, была неразлучна. Все сгрудились около ог-ромного бревна, притащенного сюда из леса в качестве скамьи. Оль-га, Максим и Денис сидели на жесткой древесине. Руслан, Юрик и Лена присели на корточки рядом, обхватив руками колени. Сева разлегся прямо на траве, попивая из бутылки свой любимый "Буратино". Все слушали Ольгу, а она увлеченно рассказывала предания о купальской ночи:

– ...взявшись за руки, через костер прыгали, да не с кем попало, а с тем, кто нравится. Если руки у молодых не разойдутся да вслед ис-кры полетят, то поженятся они обязательно...

– Ха, классно, а если в огонь грохнутся? – попытался сострить Юрик, но был встречен раздраженным шиканьем.

– Ну-ну, а дальше-то что? Чем эта ночь – колдовская-то?

– А тем, – Ольга загадочно улыбается и делает паузу, рассматри-вая ребят блестящими глазами, в которых танцуют мерцающие от-светы костра. – В ночь на Купалу чудеса всякие случаются. Расцве-тает в купальскую ночь цветок папоротника, один во всем лесу...

– Вот те на, а я слышал, что папоротник не цветет, – пробормотал Денис, и все опять зашикали.

– Ну да, не цветет, – Ольга снисходительно пожимает плечами, – я же говорю, ночь-то волшебная. В эту ночь один лишь цветок и рас-цветает. Говорят, он невероятно красивый. Все его найти пытаются, но редко кому такое счастье выпадает.

– А зачем его ищут? В гербарий, что ли? – Сева хохотнул, отрыва-ясь от бутылки с лимонадом.

– Говорят, кто его найдет, тому он место укажет, где сокровища зарыты. Их черти из-под земли достают, чтобы посушить в лунном свете. От этого света, говорят, сокровища сверкают и увеличивают-ся. Так вот, если кинуть в этот момент в чертей папоротниковый цветок, они застынут как истуканы. Тогда главное – не растеряться, а хватать золото и серебро и бежать прочь от этого места. Только... – Ольга замолчала, словно раздумывая, рассказывать ли дальше, но все тут же зашептали хором, ожидая продолжения.

– Только слушать внимательно нужно, в погоню за похитителем конь огненный бросается. Как услышишь треск в лесу, так бросаться нужно на землю, замереть и глаза закрыть, тогда конь потопчетя вокруг, огнем пофыркает, да и уйдет, а золото все твое будет.

– Мое? – тонким голосом прогнусавил Юрик. Все засмеялись.

– А вот здорово было бы это золото найти, а? – Сева мечтательно прикрыл глаза.

– Куда тебе? Что ты с ним делать-то будешь?

– Уж я найду что... – Он глотнул лимонада и заулыбался, словно уже представляя себе, как будет тратить бесовское золото.

– Цветок сначала найди, буржуй, – Лена кинула в него завязан-ную в узел травинку.

– Ага, тут найдешь. Шаг влево, шаг вправо – расстрел. В кустики отойти захочешь, смотришь, а Вениамин уже тут как тут, рядышком стоит, стыдливо отворачивается – следит, чтобы не слинял никто, – Сева скрутил из двух травинок замысловатый узор и запустил им в Лену, но попал в Руслана. Тот сразу зашарил вокруг себя, отыскивая закрутку.

– Эх вы, так ничего и не поняли... – Ольга вздохнула, и Максим увидел, что смотрит она почему-то именно на него. Словно ждет чего-то. Чего?

– А че понимать-то? Все понятно... – Денис встал и размял затек-шие от долгого сидения ноги. – Цветок – в лесу, сокровища тоже в лесу, нам в лес нельзя, да и фонари мы в корпусе оставили...

Ольга тоже встала и, не оборачиваясь, шагнула к костру, присела, протянув худые ладошки перед собой, и замерла.

– Ничего так и не поняли... – повторила она тихо. Максим расте-рянно посмотрел на ребят.

С поляны уйти было совсем не трудно, просто шагнул за границу светового круга в кусты, и все... нет никого. Другое дело, как передви-гаться ночью по лесу без фонаря? Максим остановился, решая, как быть дальше. О том, чтобы вернуться назад, не могло быть и речи. Возвращаться – это трусость, а возвращаться теперь, когда костер мелькал уже на довольно приличном расстоянии, – это глупость, лучше уж тогда нужно было сидеть со всеми и не дергаться. Максим мыс-ленно обозвал себя дураком, понесла же его нелегкая в этот пугающий темный лес. Ведь пег никакого цветка, сказки все это, а вот заблудить-ся ночью в лесу – вполне реальная перспектива, или еще хлеще: ухнуть в какой-нибудь овраг в темноте... Максим обернулся назад, туда, где вдалеке мигал ему оранжевыми сполохами костер. Нет, возвра-щаться нельзя, это позорище, уж лучше ухнуть в овраг. Он опять стал медленно двигаться вперед – в непроглядную тьму, окружившую его со всех сторон. Рассеянный свет луны поглощался раскидистыми кро-нами мохнатых елей, накрывавших лесные поляны сплошным непро-ницаемым пологом. Под ноги то и дело попадались пни, сломанные стволы и древесные корни, вывороченные наружу. В лицо больно хле-стали ветки, а глаза и рот периодически забивала липкими нитями паутина, натянутая между стволов, словно мина-ловушка.

"Вот дурень, поперся, наслушался сказок, герой какой... Блин, надо же было так выставиться...".

Костер был еще виден. Там наверняка засуетился уже бдительный Вениамин, осуществляющий за членами Семерки особый контроль.

"Ну и пусть. Вот возьму и найду этот чертов папоротников цве-ток. Вот все забегают. Как он хоть выглядит-то?"

Максим закусил губу и зашагал дальше, выставив перед собой руки с растопыренными пальцами. Через несколько минут костер окон-чательно исчез из виду. Вокруг были жуткая ночь и жуткий лес, в котором распускался где-то в призрачном свете луны редкий цветок папоротника, и довольные черти сноровисто доставали из-под зем-ли свои несметные сокровища, уверенные в том, что в эту ночь никто не осмелится побеспокоить их своим присутствием.

## 1. ЧЕЛОВЕК БЕЗ ЛИЦА

(Главы-реконструкции, 1999 г ., Москва)

Самолет тряхнуло, и мимо иллюминаторов побежала смазанная картинка посадочного поля. Обстановка в салоне неуловимо смяг-чилась. Многие пассажиры неосознанно делали глубокий вдох, рас-слабляющий чуть больше обычного напряженные мышцы шеи, спи-ны и брюшного пресса. Организм всегда ведет себя так. Там, в возду-хе, он во "враждебной" среде, он напряжен, он на волосок от гибели. На земле он в среде "привычной", он в безопасности, наступает фаза релаксации, и все тело отдается этому приятному ощущению – отды-ху от страха. "Дамы и господа", – приятный голос стюардессы раз-дался в салоне, зашелестев в динамиках селекторной связи, и все разом пришло в движение, послышались щелчки отстегиваемых поясов, бормотание и шорох газет. – "Наш самолет совершил по-садку в аэропорту "Домодедово" города Москвы..."

Пассажиры засобирались, в нетерпении привставая, с надоевших за несколько часов полета кресел, и хотя самолет еще только выруливал на стояночную площадку, в проходе образовалось некое подобие очереди.

Только один мужчина среди всей этой кутерьмы оставался недвижим. Его глаза были полуприкрыты, казалось, что он дремлет. Окружающая суета его не беспокоила, и может быть поэтому, смуглое восточное лицо его вызывало у некоторых соседей, обращавших на него внимание, ассоциации с безмятежным обликом медитирующего Будды, застывшего в неудобном кресле и грезившего о неизбывном. Единственное, что не соответствовало привычному для многих европейцев образу Будды, была печать времени на его лице – длинные волосы с сильной проседью и глубокие морщины, свидетельствующие о почтенном возрасте их обладателя. Одет мужчина был неброско, но очень аккуратно и даже со вкусом. Одежда была подобрана тщательно и выдержана преимущественно в серых тонах. Словом, пожилой житель какой-нибудь небольшой республики со средним достатком, вот такое впечатление сложилось о нем у соседа по креслу, крупного усамого здоровяка с рыхлым раскрасневшимся лицом, который поглядывал на дремлющего пассажира и неприязненно думал о том, что старик не самый лучший попутчик, который попадает в дороге: за все время полета он не произнес ни единого слова, не сделал ни единого движения. И только еле заметное колыхание грудной клетки свидетельствовало о том, что он дышит, а, следовательно, еще жив.

Сосед раздраженно качнул головой и, наклонившись к самому уху старика и обдавая его густым запахом баварского пива, выпитого в большом количестве, утробно пророкотал:

– Эй, старина, подъем! Прибыли...

Веки спящего дрогнули, и он медленно открыл глаза, разглядывая склонившегося к нему соседа, который тут же отпрянул назад и, толкнув рукой сидящую рядом женщину, забормотал извинения. Затем толстяк встал и, не прекращая извиняться, отдуваясь, стал неловко пробираться в проход между рядами кресел. На него никто не обратил внимания, возбужденная атмосфера, царившая в салоне самолета, казалось, подзарядкалась от самого московского воздуха, хлынувшего свежим потоком в открывшуюся дверь. Здоровяк, чувствуя легкий озноб, еще раз обернулся на разбуженного им пассажира и, стремительно отведя взгляд, стал мелкими шажками двигаться в направлении выхода, следуя за общим потоком. Первый раз в жизни он видел такие страшные глаза. Словно житель другой вселенной заглянул в этот мир черными, как провалы в бездну, очами. Раскосые глаза взирали на окружающую суету безучастно, будто из иного, бесконечно далекого и ужасного измерения, и на фоне этой завораживающей черноты вспыхивали и гасли пурпурные крошечные протуберанцы, похожие на мерцающие искры от костра. Исходя из своего жизненного опыта и богато-того воображения, здоровяк мог предположить, что такие глаза могут принадлежать разве что хладнокровному и многоопытному убийце. Не было в них тех эмоций, которые проявляются в обычном человеческом взгляде. Не было в них мира и спокойствия, присущих облику Будды, растаявшему как призрачная иллюзия в момент пробуждения длинноволосого старика. Только полная покорность судьбе и леденящий холод полного равнодушия, характерный, вероятно, только для темных богов на иллюстрациях к восточным сказкам.

"Он сумасшедший! Или, скорее, бандит, волчара матерый".

Здоровяк вышел на площадку трапа и почувствовал, что успокаивается.

"Да мне-то что до этого... Ну, бандит и бандит. Мало их, что ли, повсюду? Всяких повидали...".

Теперь, когда он уже шагал по летному полю к автобусу-перевозчику, причины его неожиданного испуга казались ему надуманными, нелепыми и даже смешными. Еще через несколько минут неприятный инцидент окончательно забылся, стерся из памяти под напором радостного возбуждения... Москва!!!

Пожилой пассажир, так напугавший своего соседа, вышел из самолета в числе последних. Свежий майский ветерок приятно овеял спокойное безмятежное лицо. В воздухе пахло дождем и весенней сыростью. Мужчина глубоко вдохнул в себя эту гамму запахов и, задержав на мгновение дыхание, медленно выдохнул, словно привыкая к новой обстановке, анализируя все вокруг, даже запахи, пробуя их на вкус. Москва...

Он закинул себе на плечо большую дорожную сумку "Samsomait" и медленно, как и подобает пожилым людям, стал спускаться по ступеням трапа. Последний автобус был практически пуст, и можно было даже поставить тяжелую сумку на сиденье. Створки дверей с шипением захлопнулись, и, качнувшись, огромный перевозчик плавно покатился к главному корпусу аэропорта.

У входа в аэропорт, выстроившись в две шеренги, вновь прибывших встречали суетливые москвичи. Большинство встречающих составляли так называемые "извозчики" – частные водители. Поэтому с появлением у входа первого пассажира зазвучали торопливыми скороговорками заученные фразы:

– Братка, тебе куда?

-Такси... такси...

– Недорого возьму...

– Куда едем?

– До метро... до метро...

Приезжие торопливо двигались вперед, боязливо лавируя между навязчивыми калымщиками. Практически все предпочитали более надежный и менее дорогой автобусный сервис. Правда, попадались и те, кто заинтересованно реагировал на настойчивые предложения. Этим моментально отводили в сторону для обсуждения условий поездки.

Седоволосый пассажир вошел в здание аэропорта опять в числе последних. Морщинистой, но крепкой рукой он придерживал сумку, висящую на плече которую дергали за ручку кончиками пальцев очередные водители, предлагая помочь донести, загрузить и отвезти в любую точку Москвы по самому льготному тарифу. По мере удаления от входного тамбура предложения становились менее торопливыми и более навязчивыми. Здесь обрабатывали пассажиров, миновавших "сито" первого извозничьего заслона. Человек с сумкой уверенно переходил из зала в зал, двигаясь в направлении выхода, ведущего прямо на стоянку автобусов. Пару раз ему предложили помочь с билетами, один раз попросили нажать кнопку "Пуск" в компьютерном тотализаторе и один раз проверили документы. Все как обычно. Московский аэропорт жил своей привычной беспокойной жизнью, настороженно встречая новых гостей.

Уже у самого выхода на улицу, около дверей, перед вновь прибывшим появился юркий молодой человек в спортивном костюме, вращая на пальце связку с ключами от автомобиля. Широко улыбаясь, он сделал притворно-удивленное лицо, внимательно разглядывая "гостя".



– Извините, а откуда этот рейс?

Седоволосый пожал плечами и собрался пройти мимо, но парень преградил ему путь и со смущенным видом выпалил:

– Вы простите, ради бога, что я вас задерживаю. Вы не и центр? До метро? Автобус уже ушел, а следующий будет только через сорок пять минут. Давайте я вас до метро подброшу? А то шефа своего привез, он в командировку полетел, а назад порожняком гнать неохота. Да ты не бойся, – он перешел на "ты", видимо, определив слит ком явный "провинциальный тип" гостя, компанейски хлопая мол-чаливого иногородца по руке. – Я ведь недорого возьму – копейки. Я же не калымщик. Эти – три шкуры сдерут. А я ведь из-за компании, вдвоем и ехать веселее, и хоть бензин окупится. Да и тебе, отец, при-ятней – переплатишь червонец, зато домчу быстро, комфортно и с музыкой...

Теперь улыбнулся незнакомец. Его темные глаза, когда он рассматривал своего собеседника, на несколько секунд потеряли фокус, зрачки разошлись в стороны, тут же вернувшись на место. Эта странность в действиях старика осталась незамеченной – парень болтал без умолку, стараясь не смотреть в глаза собеседнику.

– Ну, поехали...

– Отлично! Вот и славненько, батя, поехали, дорогой.

Парень обрадовался, засуетился, и через пару минут они уже сидели в салоне белой забрызганной грязью "девятки". Сев за руль, Гена, как он представился, сноровисто убрал вниз рычаг ручного тормоза, толкнул пальцем кассету, утонувшую в недрах магнитофона, и, повернув ключ зажигания, лихо вырулил к шлагбаумам пропускной системы "Барьер", установленной по периметру въездных путей "Домодедово".

– Ну, вот и все, сейчас мигом домчим, – Гена весело хохотнул и, сунув в рот сигарету, приоткрыл боковое окно.

Сразу же за выездом автомобиль сбавил скорость и остановился: "голосовали" двое мужчин, только что вышедших из бара "Олимп", расположенного на обочине шоссе. Они быстро уселись в машину на заднее сиденье и шумно стали обмениваться приветствиями с водителем, старательно изображая радость случайной встречи.

– Генка, привет! Ты что тут?

– Да вот, шефа привез. А вы куда мотаете? До поста? Последний вопрос вызвал неудержимый приступ хохота у новых пассажиров:

– Ага, Генка, до поста. Там и выйдем...

Незнакомец сидел тихо на переднем сиденье, словно опять впад в старческую дрему. Он не проявлял никакого интереса к разговору, думая о чем-то своем, казалось, не замечая ни оглушительной музыки, ни переглядываний странных попутчиков, ни притворства, витающего внутри салона вместе с клубами сигаретного дыма.

– Издалека, батя? – Гена откинулся на спинку сиденья, поворачиваясь к иногородцу. Получив вместо ответа еле заметный кивок, он опять улыбнулся.

– Ты прямо молчун какой-то. К нам-то зачем? Турист? Или, как это модно говорить, бизнес? Незнакомец опять кивнул.

– Бизнес... да, – пробормотал он неохотно, отворачиваясь к окну.

– Чем занимаешься, если не секрет? – не обращая внимания на явное нежелание пассажира общаться, задал очередной вопрос один из сидящих сзади.

Незнакомец вздрогнул, словно, наконец, очнувшись от дремы, и повернулся к водителю, разглядывая его улыбочивое лицо. Затем он скосил глаза вглубь салона, рассматривая лица попутчиков – вытянутое болезненное одного и приплюснутое скуластое другого, явно имеющего боксерское прошлое.

– Сникерсы-тампаксы, панты-манты? – Гена опять засмеялся, выбросив дымящийся окурок на улицу.

– Я священник... – пробормотал незнакомец и тут же улыбнулся, словно давая понять, что это шутка или почти шутка. Юмор оцени-ли. Гена ойкнул, недоверчиво посмотрел на старика, затем оглуши-тельно заржал. С заднего сиденья тоже раздалось довольное уханье.

– Священник? Круто. Круто, батя! То-то, я смотрю, хайер у тебя культовый. Ты, какой веры будешь-то? Далай-лама или наш, право-славный?

– Тебя, отец, случайно не Петром звать? – спросили сзади и опять загоготали.

– Можете называть меня Ямой.

– Как, как?

– ЯМА, – старик медленно и отчетливо произнес каждую букву, словно объясняя алфавит невнимательным детям.

Водитель ощерился, кивая головой. С заднего сиденья через спин-ку перегнулся "болезненный":

– Что-то я первый раз слышу имя такое, не поповское. Ты, батя, случайно не из-за Забора?

"Девятка" стремительно неслась по шоссе, оставляя за собой шлейф мелкой водяной капели. Над Москвой угрюмо нависло тяже-лое свинцовое небо. Уже несколько минут шел дождь.

Автомобиль свернул с дороги в лес, и теперь маленькие колеса "де-вятки" с трудом справлялись с грязевым месивом лесной тропинки. Проехав метров тридцать, машина остановилась, уткнувшись пере-дним бампером в раскидистый кустарник, оцетинившийся, будто дикобраз, серыми стеблями низкорослых веток. Водитель глубоко вдох-нул и шумно выдохнул, поворачиваясь к седоволосому пассажиру:

– Все батя, приехали. Москва.

Сзади опять засмеялись, но на этот раз ехидно, оскорбительно. Пассажир продолжал сидеть, не двигаясь, отвернувшись к окну. На его лишенном эмоций лице не дрогнул ни один мускул, словно это была искусно сделанная маска, безучастно взирающая на мир за окном, наблюдающая, как струи воды стекают сквозь сплетение ве-ток, падая вниз тяжелыми нитями капели.

– Все говорю, батя, конечная.

Родитель потормошил оцепеневшего "лоха" за плечо. "Обхезался чурка", подумал он, чувствуя, как закручивается внутри невидимая пружина, готовая в любой момент толкнуть вовне заряд злобы и раз-дражения. Пассажир не пошевелился. Только губы его, дрогнув, за-шептали что-то вроде молитвы или детской песенки.

– Эй ты, урюк, просыпайся! – Один из попутчиков – "болезнен-ный" – с силой ударил по спинке переднего сиденья. – Бабки, золото, документы... Давай выворачивайся!

Второй – бывший боксер – начал "заводиться", наблюдая за по-ведением "терпилы".

– Еб... тебе говорят, косоглазый! Подъем, дедуля! Саня, выводите его...

Задние дверцы автомобиля открылись, и в салон хлынул свежий утренний воздух. Водитель примерился к неподвижной фигуре, ре-шая, куда лучше ударить, чтобы "замороженный" сам вывалился из машины, но тот вдруг сам, с невероятной быстротой, выскользнул наружу, под дождь.

"Гена" еще соображал, что же так насторожило его в этом движе-нии, когда понимание холодной волной накатило из глубины под-сознания, обвивая скользкими щупальцами позвоночник и пара-лизуя ватной тяжестью ноги. "Быстро. Слишком быстро. Так не мо-жет быть...".

Снаружи сплошным потоком лил дождь, и через мокрые стекла ничего уже не было видно.

Человек, назвавший себя Ямой, вышел из леса и встал на обочине дороги, рассматривая проезжающие мимо автомобили. Через не-сколько минут из общего потока машин отделился черный тони́ро-ванный джип "Grand Cherokee" и, подъехав к пожилому азиату с дорожной сумкой на плече, затормозил около него. Яма улыбнулся и, открыв дверь, сел в темный автомобиль. Джип резко вывернул в крайний левый ряд и, набирая скорость, понес страшного "гостя" дальше, в направлении Москвы.

Через час в одном из московских дворов Яма покинул дорожную машину, получив от ее водителя пару ключей от квартиры, которая располагалась в одной из девятиэтажек, похожей как две капли воды на не-сколько других таких же домов, окаймляющих двор со всех сторон. Джип гуднул старику на прощание и тут же исчез, отражая в темных зеркалах окон мелькающие элементы жилого массива. Яма посмотрел ему вслед, и не спеша вошел в один из подъездов, вызывая лифт и озираясь по сторонам, разглядывая корявые цветные надписи на стенах: "Кузя – лох", "Панки – скоты, попса – х...ня". Особенно выделялась на старой побелке огромная надпись, сделанная жирным черным фломастером: "А ты готов умереть?", плавно переходящая в стилизованное изображение черепа. Яма мрачно посмотрел на нее, укоризненно покачивая головой. Эта композиция почему-то испортила ему настроение, и когда створки лифта с шумом распахнулись перед ним, он еще задержался на мгновение, повернувшись к нагло ухмыляющемуся черепу.

Прибыв на нужный этаж, старик рассеянно прошелся по площадке, отыскивая свою квартиру, щуря глаза и наклоняясь к каждой двери, вглядываясь в номера. Наконец он нашел то, что искал, и, тщательно изучив дверь, вошел в квартиру. Помещение он тоже осматривал с огромной тщательностью, как дотошный старик, привыкший к порядку, заглядывая во все углы и отмечая малейшие особенности интерьера. Затем он вышел на балкон и так же внимательно изучил окна, сам балкон и прилегающую к нему территорию – соседские окна, поверхность стены, расстояние до пожарной лестницы и крыши. Вернувшись в квартиру, Яма разделся, сняв с себя всю одежду и аккуратно сложив ее на стуле, стоявшем в спальне, прошел в ванную.

Приняв контрастный душ, чередуя горячую и холодную воду, он, как был, обнаженным вернулся в спальню и упав на кровать, мгновенно заснул. Его тело, словно свитое из перекрученных канатов-мышц, смотрелось гротескно, нереально в сочетании с седой головой, лицом стари-ка и руками, от локтя резко меняющими структуру кожи. Казалось, к молодому и сильному телу просто пришили чужие фрагменты, принадлежавшие старику. И теперь этот нелепый гибрид неподвижно застыл на скомканном покрывале, устилающем диван.

Так он проспал почти весь день. За это время солнце опустилось за горизонт, невидимый в городе из-за непроницаемой гряды высотных зданий. Сгустились сумерки.

Яма, по-прежнему не двигаясь, открыл глаза, вслушиваясь в кажущуюся тишину квартиры. Иго чуткий слух улавливал десятки звуков, обычно не воспринимаемых нетренированным слухом, создающим к своему самообману иллюзию тишины: шлепанье тараканьих лап по кухонному паркету, треск льда в холодильнике, скрип рассыхающегося гарнитура и пола в коридоре, оглушительный шум поды в трубах санузла... Пролежав так еще несколько минут. Яма неслышно встал, в одно неуловимое движение оказавшись на ногах, и, так же бесшумно ступая по полу, прошелся по квартире еще раз. Закончив повторный осмотр своего нового жилища, он вернулся в спальню, прихватив из коридора свою большую сумку, и поставив ее перед собой, расстегнул молнию, затем стал вытаскивать, раскладывая прямо на полу, ее содержимое. Когда он достал оттуда небольшую пластиковую коробочку, его губы растянулись в мертвенной

улыбке. "Как иногда бывает просто ввести в заблуждение самодовольный человеческий разум. Раз – и определен-ный штамп в подсознании сам выстраивает череду ассоциаций. Два – и ты демонстрируешь то, что хочешь, независимо оттого, чем это явля-ется на самом деле".

Яма встал и, прихватив коробочку с собой, опять пошел в ванную. Включил теплую воду и расположился перед большим, потускневшим от времени зеркалом, висевшим над раковиной. В отражении появился пожилой мужчина с морщинистым обветренным лицом. Длинные се-дые волосы, спутавшись, достигали плеч. Яма довольно усмехнулся и, открыв коробочку, принялся совершать со своей внешностью ловкие манипуляции, используя для этого различные предметы гримерного инвентаря, который в ней находился. С ним тут же стали происходить удивительные метаморфозы. Через пять минут внешность его разитель-но изменилась. Вместо длинных, выбеленных сединой прядей появил-ся коротко стриженный ежик черных, как смоль, волос. Куда-то делись морщины, пролегающие по лбу, в области щек и шеи кожа приобрела молодой вид. Прежними остались только глаза – черные, словно остыв-шие угли в кучке пепла. Степенный, умудренный годами Будда (каким бы он стал, если бы достиг старческого возраста), исчез. Вместо него в зеркале отражался молодой человек лет двадцати пяти с великолепно развитой мускулатурой.

На самом деле это был истинный облик Ямы. Другой оказался всего лишь иллюзией, одной из многих, которыми этот странный человек окружал себя в течение всей своей жизни.

Одетый в просторную полуспортивную одежду черного цвета, Яма практически сливался с тенями, господствующими повсюду. Он сто-ял на балконе и смотрел вниз на мигающую неоновыми огнями тем-ную Москву. Где-то здесь, среди многочисленных улиц и переулков скрывается до поры до времени "петля Амита", один из причудли-вых изгибов его Судьбы, который и привел его сюда, в этот город.

Судьба... Для цивилизованного европейского мира пустое слово. Фатальная череда случайностей и закономерностей, ведущих чело-века к его неизменному финалу – смерти.

Для той части азиатского мира, которая еще не попала под это отупляющее мировоззрение, Судьба оставалась абстрактным поня-тием, включающим, тем не менее, в себя все: жизнь, битву, колдов-ство, смерть, бессмертие и любовь... Только такое восприятие мира способно подарить истинное наслаждение от переживания каждой минуты, каждого мгновения, которое ведет воина к месту его После-дней Битвы. Судьба – это как мост от жизни к смерти, он где-то начи-нается и где-то заканчивается, но, двигаясь по нему, воин знает, что, покинув один берег, он неизбежно придет к другому, это называется Судьбой и ее нужно принимать трепетно, отрешенно и смиренно. Но это не обреченное смирение приговоренного к смерти. Принятие своей Судьбы – это мужество и решительность, восторг и страсть, сердце и дух.

"Слышишь шум крови в венах врага? Слышишь его дыхание? Бе-шеный стук сердца? Страх, источаемый его мыслями?".

Далекий голос его наставников зазвучал на периферии сознания подобно шепоту призрачных духов.

"Неистовый натиск... Ярость... Хищная сталь клинка... Удар...".

Яма дрожит. Все это происходит на самом деле? Или это иллюзии, навеянные ожиданием грядущей Игры, аберрации возбужденной психосферы?

Клекот коршуна высоко в небе. Здесь? Откуда?

Яма глубоко дышит, закрыв глаза. Прохладный вечерний воздух приятно расходится по телу колючей волной.

"Игра начинается. Я иду...".

Он вернулся в комнату и сел прямо на пол, склонившись над вещами, щами, разложенными перед ним. Взяв в руки черный брезентовый рюкзак, наподобие тех, которыми пользуются роллеры и школьники, Яма положил его перед собой, помещая в него необходимые вещи, которые могли понадобиться ему в предстоящем поединке. ...Моток тонкой, но невероятно прочной, веревки. Стальная "кош-ка" обмотанная черной тканью. Три кронштейна и два мощных альпинистских карабина с тросами-переходниками. Кожаный планшет с набором небольших ампул и комплектом игл, закрепленных в специальных нишах. Мягкая войлочная тряпица. Небольшой баллончик с резиновой трубкой. Замшевый чехол с двумя слегка изогнутыми ножами. Шнур-удавка стремя узлами. Тонкая маска, одна половина которой была белой, а другая – бледно-голубой. Два баллона с краской, снабженных распылителями. Компактный сотовый телефон "Motorola", выглядевший совершенно нелепо на фоне остальных принадлежностей.

Укомплектовав рюкзак. Яма закинул его на плечо и вышел в коридор, погасив свет в комнате. Обувшись в мягкие спортивные туфли темного цвета, он открыл дверь и неслышно выскользнул на площадку, прислушиваясь к окружающему пространству. Стандартный набор звуков, который можно услышать в любом подъезде – глухие голоса, далекий шум работающего телевизора, звяканье посуды – всю эту какофонию жилмассива подъезд впитывает в себя, словно губка. Находясь в подъезде, можно много узнать о том, что скрывают люди за перегородками своих квартир. Но Яму сейчас не интересовали аспекты личной жизни соседей, он слушал подъезд, чтобы узнать скрывает ли он в своих недрах какую-нибудь опасность.

Все в порядке. Ничего подозрительного. Подъезд, казалось, тоже замер, настороженно наблюдая за темным человеком, бесшумно спускающимся вниз по запасной лестнице. Игра началась.

Сумерки. Время смещения света и тьмы. Время древних страхов, загнавших людей в города. То, что еще несколько часов назад было привычным и знакомым, приобретало сейчас зыбкие зловещие очертания. Стены домов изменили цвет. Деревья потеряли свою привлекательность, превратившись в угрюмые многорукие силуэты. Тени вокруг, хлынув из подворотен призрачной лавиной, слились воедино, образовав одну гигантскую тень, поглотившую город. Уличные фонари, фары автомобилей и неоновые рекламы пытаются разбавить тьму своим холодным светом, но тщетно, тень лишь набирает силу, наливаясь каждую минуту все более интенсивной чернотой.

Люди всегда чувствуют метаморфозы, происходящие с миром в это время. Эти ощущения скрыты в подсознании, глубоко-глубоко, в области, где дремлют с незапамятных времен инстинкты в родовой памяти человечества. Движения людей становятся менее уверенными, мысли – более путанными и хаотичными. Это влияние темноты. Она опустошает людей или, наоборот, переполняет их чем-то незнакомым и пугающим. Погружаясь в ночь, человечество оказывается во враждебной стихии, в ином мире, где действуют совершенно чуждые законы и правила, в мире, где господствует Неизвестное. Люди не привыкли к этому времени суток, потому что с раннего детства их обучали игнорировать его, настраивая биологические ритмы организма таким образом, чтобы ночь автоматически выпадала из стадии сознательной деятельности. Это время одни переживают во сне, другие бодрствуют, инстинктивно стараясь окружить себя электрическим светом, шумом, компанией других, таких же подавленных фобиями, людей... Дыхание ночи наполнено страхом.

Яма чувствовал себя в это время в своей стихии. Он и был суще-ством ночи, поэтому не просто любил сумерки, он наслаждался ими, насыщаясь от них невидимой энергией. Это было его время. Время, когда мир застигает тьма.

Черный человек двигался вперед стремительным упругим шагом, изучая окружающее пространство расфокусированным взглядом, по-зволяющим охватывать максимальное количество объектов, попадающих в поле зрения. Прохожие расступались перед невысоким мужчиной, уверенно рассекающим толпу, словно остро отточенный клинок. Казалось, невидимые волны его энергии расшвыривают в стороны этих напряженных и ослабленных людей с тусклыми аура-ми, попадавших на его пути. При этом никто не обращал на него внимания, как будто его и не было вовсе. Просто люди шарахались в стороны, рассеянно и удивленно пытаясь осмыслить причины этого неясного дискомфорта, заставившего их сойти со своего пути. Но спустя мгновение они уже продолжали идти дальше, отмахнувшись от этого смутного чувства, всколыхнувшего их эмоциональную сфе-ру. Подсознание иногда выкидывает и не такие номера. Не стоит заострять внимание на этих хаотичных всплесках интуиции. Это уто-мительно, глупо и опасно.

"Невидимый" человек буквально сочился опасностью. Она скво-зила в его походке, в манере двигаться, в движениях рук и головы, во взгляде, который замечал все вокруг. Огромный, увешанный фонарями-"люстрами" джип, оглушитель-но гуднув, стремительно выехал из арки большого респектабельного дома и, не сбавляя скорости, выскочил на проспект, "подрезав" сразу несколько автомобилей ниже классом. Яма еле успел отскочить в сторону, уворачиваясь от тяжелого усиленного бампера, чуть не пе-реломавшего ему ноги. Что-то прошептав сквозь сжатые зубы, он проводил глазами джип, который мгновенно растворился в бурном потоке автомобилей. Его водитель, скорее всего, даже не заметил прохожего, который чуть было не стал окровавленной жертвой тяже-ловесного дорогого авто. И даже если бы джип зацепил своим мощ-ным корпусом хрупкое человеческое тело, вряд ли водитель стал бы терять время и останавливаться, чтобы оказать первую помощь. Хотя нет, наверное, остановился бы, чтобы убедиться в отсутствии вмя-тин или царапин на корпусе автомобиля, оставленных заезавшим-ся "лохом". Яма подумал, что будь на его месте кто-нибудь другой, подобного столкновения избежать было бы невозможно. А ведь это могла быть женщина с ребенком, пожилой человек... да мало ли кто из этого огромного стада, "быдла", людей второго сорта, вынужден-ных ходить по улицам города пешком.

Яма шел дальше, даже не замедлив шага. Происшествие не испор-тило ему настроения. Наоборот, тело получило дополнительную пор-цию адреналина, толчок, "включение". Это было одним из уроков, полученных ранее, – извлекать из любой, даже, на первый взгляд, негативной ситуации максимальную пользу. Так наставляли Яму его Наставники, и он запомнил эту истину, навсегда избавляясь от мелочного раздражения, разочарования, усталости, злости. Теперь все, что происходило с ним, все без исключения, служило лишь для увеличения его Силы. Так враги сами отдают противнику преиму-щество над собой, своими действиями провоцируя собственное по-ражение.

Воин расслаблен и, тем не менее, всегда готов к атаке. Это аксиома – опасности нет... Но любой элемент окружающего мира потенциаль-но может таить в себе угрозу. Реальную или гипотетическую, не имеет значения. Подобные градации чрезвычайно условны в этом мире. Для Ямы уже давно перестала существовать грань между реальностью и иллюзией. Он вспомнил, как много лет назад, будучи еще совсем мо-

лодым воином, он сидел перед Наставником в зале, погруженном во мрак. Ничего не видно вокруг, лишь ощущение чужого присутствия перед собой. Наставник, невидимый в темноте, тихо шепчет:

– Мы владеем энергией, вернее обладаем способностью генерировать и фокусировать ее. Эта энергия, подобно клею, соединяет ил-люзии, из которых состоит все. Тебе кажется, что иногда невозможно влиять на ход событий – реалии так устойчивы в своих проявлениях. Но... это всего лишь очередная иллюзия. А раз так, значит ты можешь раскрасить ее в свои цвета. Обладая Силой и владея искусством манипулирования этими образами, мы можем изменять мир и даже создавать собственные законы...

Яма погружается в дрему, растворяясь в этом безликом шепоте ночи. Слова проникают в сознание тихой рекой, омывая холодными волнами возбужденный разум.

– Свет и Тьма... день и ночь... это лишь сны... они меняются местами, мерцают, текут... куда? Ты чувствуешь?

Яма медленно кивает головой. Он уже ничего не чувствует, кроме этого всезнающего завораживающего шепота:

– Никуда... ни-ку-да... Это образы... зыбкие, как вода, и податливые, как песок... им нет места в твоей голове... Отпусти их от себя... в никуда...

Яма смеется, он испытывает чувство легкости и радости, готовность уплыть вместе с этими образами вслед за своими страхами и надеждами. В никуда.

Призрачные отсветы на каменных ликах древних статуй, застывших в нишах стен погруженного в сумрак святилища.

– Вот они – смотри... Мастера иллюзий... Белый Будда и Синий Будда. Какой образ истинный, а какой ложный? Ты знаешь? Яма смеется.

– Грань, разделяющая реальное и воображаемое, исчезает...

Воспоминание погасло, и только слова Наставника еще звучали затихающим эхом в памяти.

Иллюзии... Одно из двух: либо они манипулируют человеком, либо человек ими. Но для того, чтобы овладеть этой возможностью, необходимо понять природу иллюзий, их суть. А для этого нужно нечто большее, чем пять органов восприятия, присущих обычному человеческому мироощущению. Только с помощью сверхчувственного восприятия возможно проникнуть за видимую часть фасадов окружающего мира. Так наставляли Яму его Наставники, и он запомнил эту истину. Здесь, в Москве, он остро ощущал напряженность, витающую в воздухе. Аура этого города была насквозь пропитана смертью. Повсюду – на улицах и во дворах, в зданиях и скверах сама атмосфера была насыщена ядовитыми зловещими флюидами, наплавленными десятилетиями. Какое-то мрачное проклятие, казалось, душило Москву невидимыми щупальцами. Здесь всегда нужно было быть настороже. Яма шел по улице и наблюдал за прохожими: бога-тыми и бедными, старыми и молодыми. Он чувствовал страх скрытый в этих людях. Этот страх имел давнюю, очень древнюю природу. Передаваясь веками по звеньям родовой цепи, он оседал глубоко, на самом дне чувственной сферы, отравляя дух и затуманивая разум. Созерцание московских улиц вызвало у Ямы отвращение и брезгливость. Так, анализируя свои впечатления, он дошел до нужного ему дома, адрес которого держал в памяти уже несколько месяцев.

Двери в подъезд оказались распахнутыми настежь, несмотря на то, что были снабжены "кольцевым" кодовым замком. Подобная мера защиты, конечно же, не являлась серьезным препятствием для преступных намерений, но иногда ограждала жильцов подъезда от дворовой шпаны, наркоманов, пьяниц и обычных граждан с переполненными мочевыми пузырями,

использующих теплые подъезды и холодное время года предельно практично.

Сейчас двери были открыты. Подобный факт уже о многом говорит внимательному человеку. Например, о том, что в подъезде давно уже не совершалось ничего предосудительного: никого не обворовывали, не убивали, не насиловали и даже, вероятно, не раскрашивали постыдными надписями стены. Жильцы просто успокоились, а, значит, потеряли бдительность, забывая поговорку о том, что беда приходит тогда, когда ее совсем не ждешь.

Яму здесь не ждали. Он не был желанным гостем в этом доме, но это уже не имело никакого значения. Он пришел сюда не гостить.

Яма отошел от подъезда и слился с темнотой, господствующей в глубине двора, там, где лестницы и качели создавали целый детский городок, опустевший с наступлением сумерек. Отсюда, невидимый для посторонних глаз, Яма внимательно изучил расположение окон нужной ему квартиры, отметил расположение балконов, пожарной лестницы, клумб внизу и всевозможные пути отхода – через забор, арку, баки газгольдеров, беседку, гаражи... Все было учтено. В вопросах, касающихся жизни и смерти, нельзя допускать ошибок. Даже самый незначительный на первый взгляд просчет может повлечь слишком значительные последствия для того, кто берет на себя смелость участвовать в подобной Игре. Поэтому Яма не торопился.

Вверху, над кроной дерева, под которым он стоял, послышался тихий шелест. И тут же колючий зуд, словно микроразряды тока, завибрировал по всей поверхности тела. Яма запрокинул голову, разглядывая причину этой вибрации, уже зная, что послужило ее источником. Через секунду он увидел их. Это были летучие мыши, пронесившиеся над двором живыми комочками тьмы, шурша кожистыми крыльями. Однако сейчас этот звук показался Яме шумом крыльев "алдачей" – духов смерти, прилетевших за скорой добычей и витающих в нетерпении среди переплетения веток, проводов и темного неба.

\* \* \*

В коридоре зазвонил телефон. Игорь Семенович Орский, президент коммерческого банка "Ультра", недовольно поставил на журнальный столик чашку с горячим какао и, запахнувшись в шелковый халат, не спеша покинул гостиную. Его недовольство имело вполне понятные причины – человек, принявший душ и расслабившийся в мягком кресле с чашечкой изумительного ароматного напитка, не ждал ничего хорошего от позднего телефонного звонка. Это могла быть Валерия со своей очередной истерикой, и ладно, если бы она, а не какие-нибудь производственные неприятности. О работе сейчас думать хотелось меньше всего. Нет, поздние звонки определенно не сулят ничего хорошего. Ну вот... Трубка молчала. В ответ на раздраженное "алло", повторенное несколько раз, не последовало ни единого звука. Абонент на другом конце линии связи хранил ледяное молчание... или развлекались телефонные хулиганы... или произошло несоединение на АТС... или... Орский с силой бросил трубку на рычаг и, выматерившись, выдернул из розетки телефонный шнур, сводя к минимуму все дальнейшие недоразумения. Раздражение никогда не было хорошим советчиком, но Орский не хотел сейчас никаких контактов с миром за дверью, никаких неожиданностей и неприятностей. Чашка какао, телевизор – и все. Все! Он одернул халат и, посмотревшись мимоходом в зеркало, поправил сбившиеся волосы. На мгновение ему вдруг показалось, что в квартире чем-то пахнет. Слабый сладковато-приторный запах, чем-то напоминающий дым от сгорающих прелых листьев или какой-то травы, смешанной с откровенно синтетическими добавками. Игорь Семенович подумал, что, вероятно, именно так и пахнет "анаша", которую, воз-



можно, курят сейчас в подъезде представители местной молодежи. Орский хмыкнул и покачал головой. Коридор сразу как-то странно качнулся из стороны в сторону. Банкир нахмурился и прислушался к своему состоянию. "Устал. Давление. Нужно сегодня пораньше лечь спать".

Вернувшись в гостиную, Игорь Семенович почувствовал во рту странный железисто-горьковатый привкус. Машинально отпив сладкого какао, Орский с усилием подавил неприятный рвотный позыв и удивленно поставил чашечку обратно на столик. Вдруг сильно закружилась голова, заслезились глаза и защипало в носу. Озабоченный своим состоянием, Орский судорожно вздохнул, чувствуя, как сильно распух во рту язык и спазм сковал онемевшую грудь.

"Господи..." – мелькнула испуганная и растерянная мысль, – "что это со мной?".

Все тело покрылось холодной испариной и мелко затряслось, словно в лихорадке. Предметы вокруг окрасились в фосфоресцирующие желтые и зеленые цвета, больно бьющие по зрению пронзительны ми вспышками.

"Господи... Плохо мне... Плохо". Мысли скакали в бешеной пляске в такт лимонному мерцанию, уже залившему все вокруг. Орский встал и сделал несколько шагов обратно в коридор, где стоял, спасительный теперь, телефон. Но онемевшие вдруг ноги неожиданно подломились, и президент банка упал сначала на колени, потом на грудь, ударившись об пол нечувствительным подбородком. Организм как будто вмиг лишился всей жизненной силы, причем как стремительно, что разум успел лишь только испугаться. Анализировать происходящее было просто невозможно. Бесформенная черная клякса расплылась по всей периферии зрения, погружая человека в бездонную пропасть, разверзнувшуюся прямо под ним, в поду дорогой московской квартиры.

"Все. Умираю...", – последняя мысль мелькнула и растаяла в наступившей темноте. Орский захрипел и, отчаянно выгнувшись, мучительным усилием перекатился на спину. Все пространство вокруг залепила сплошная непроницаемая жидкая тьма. Тьма...

– Игорь! Игорешка, помоги отцу передвинуть стол, – голос мамы прозвучал так отчетливо и близко, что Орский сразу открыл глаза.

Яркое солнце заливают ослепительным белым светом квартиру его детства, и он, семилетний, стоит посреди коридора, растерянно вслушиваясь в родные, до боли знакомые звуки: шелест высоких тополей в парке за окном, звяканье посуды на кухне и голоса...

"Мама! Мамочка! Она там...". Мальчик бросился на кухню, но замер у входа в гостиную, пораженный увиденным – отец выдвигает огромный массивный стол на середину комнаты. Так в семье Орских всегда готовились к какому-нибудь празднику. Отец обернулся, подмигнул и, улыбнувшись неподвижно замершему сыну, кивнул на тяжелую ношу:

– Игорешка, ну что же ты стоишь? Давай, сынок, помогай.

Отец! Живой! Живой!!! Стол со скрипом встал на место, а отец, что-то весело напевая себе под нос, наклонился к нижней дверце шкафа, доставая белую праздничную скатерть. Игорь, неуверенно улыбаясь, опасаясь поверить в это чудо, сделал робкий шаг в гостиную, не чувствуя своих ног. Ему вдруг захотелось подбежать к отцу и обнять его крепко-крепко. Что же это? Отец! Живой!.. Если смерть возвращает человека опять в детство, это здорово! Если так умирают, то нужно было умереть еще раньше, много лет назад, а не цепляться за эту дерьмовую адскую жизнь, шагая по головам. Как хорошо! Он снова вернулся назад, в детство, к родителям, которые уже давно ждут его здесь, в светлой квартире на изнанке мира. Им будет хорошо здесь

всем вместе! На кухне зазвенела посуда и голос мамы:

– Семен, принеси мне салатницу, будь добр.

Игорь весело рассмеялся и, подпрыгивая, помчался на кухню. Нужно обрадовать маму – он наконец-то вернулся к ним. Они знали об этом, готовились встретить его, чтобы все было как раньше: праздничный стол и они – втроем. Им будет хорошо здесь, всем вместе. Как раньше. Хорошо.

На кухне никого не было. НИКОГО. И в ванной тоже. И в спальне, и в гостиной... Игорь замер в коридоре, отчаянно мотая головой, словно пытаясь стряхнуть с себя это наваждение. Затем робко позвал звонким голосом, готовым в любой момент сорваться на плач:

– Папа, пап... Мама... Вы где?

Тишина. Никого. Только что они были здесь, живые, только что...

Загробная жизнь оказалась на самом деле не такой уж и предсказуемой... Игорь почувствовал, как текут по щекам горячие слезы и, уже не сдерживая плач, закричал:

– Папка, где вы-ы-ы?..

Из гостиной послышался голос отца, сдавленный и приглушенный:

– Игорь, ты очнись, сынок, очнись. А не то сойдешь с ума...

Мальчик упал на колени, чувствуя, как не хватает воздуха для очередного вдоха и сердце мучительно пульсирует в груди, угрожая разорваться в клочья.

– А-а-а-а... – детский крик и слезы навзрыд, – папочка, помоги мне...

Игорь Семенович вздрогнул всем телом и открыл мокрые от слез глаза. Он действительно плакал, лежа на полу в коридоре, и это значило, что он по-прежнему жив. Запределье отпустило его, поугав своим страшным ликом. Теперь сознание функционировало четко, значит, приступ прошел. Смерть выпустила свою жертву обратно, в мир живых.

Орский несколько раз глубоко вдохнул, выдохнул и попробовал пошевелиться. Мышцы отозвались пронзительной болью, словно сотни иголок вонзились в каждый сантиметр кожи. "Мышечный спазм. Нужно подождать".

Через несколько минут боль прошла, и банкир уже мог слабо шевелить онемевшими пальцами. А вот ниже пояса, казалось, ничего не было. Ноги, неестественно изогнувшись, лежали на полу, словно части тела, принадлежавшего кому-то другому. В этом зрелище было что-то жуткое, зловещее и тоскливое.

"Хорошо, подожду", – как-то отстраненно подумал Орский, уставившись в потолок. – "Ничего страшного, сейчас все пройдет". Он еще находился под впечатлением своего страшного, но удивительно-го видения, очевидно, спровоцированного этим странным приступом. И кто знает, может, это были превратности умирающего мозга, а может быть – реалии посмертного существования? И может быть, где-то его действительно ждет самое счастливое время, в котором он бы хотел остаться навсегда?

"Ничего, ничего. Сейчас отлежусь, и все будет и порядке. Позвоню в "скорую". Разберемся, что это за причуды...".

Дыхание до сих пор давалось тяжело – легкие тоже восстанавливали после приступа свою нарушенную моторику. Дышать удавалось после первых глубоких вдохов почему-то только небольшими порциями, но это все равно лучше, чем ничего. Желудок вдруг наполнился какой-

то отвратительной горечью. Орский попробовал перевернуться на живот. С третьей попытки ему это удалось, и как раз вовремя, вязкая рвотная масса стремительным потоком хлынула наружу.

"Тьфу ты, черт, что же это? Неужели отравился?"

Банкир попытался отползти от едкой лужи, разлитой перед лицом.

"Ничего, сейчас. Сейчас..."

Орский медленно полз в сторону телефона, прилагая невероятные усилия к каждому движению. Он чувствовал себя совершенно беспомощным, обессиленным, жалким и разбитым. Но, надежда на то, что все закончится благополучно, заставляла его преодолевать сантиметр за сантиметром. Через несколько секунд он опять потерял сознание.

Его подняли с пола сильные крепкие руки и поставили на ноги – тонкие мальчишеские ножки, слабенькие, но послушные.

– Папа!

Орский-старший приложил палец к губам, словно заговорщик, и кивнул головой в сторону входной двери:

– Ты слышишь, сынок?

Они замолчали, вслушиваясь в тишину по ту сторону двери.

– Там кто-то есть... – зловеющий шепот отца волной ужаса захлестнул мальчика с головой.

– Кто? – хотел спросить Игорь, но не успел. Жуткий по силе удар обрушился на дверь с той стороны.

Игорь отскочил назад и спрятался за отца, а тот стоял, ссутулившись, безвольно опустив руки вдоль тела, и молча наблюдал за сотрясающейся от ударов дверью.

– Папа! Папочка! Я не хочу... Нет!! Что же ты стоишь? Побежали отсюда. Я боюсь! Побежали... – сын тряс отца за рубашку, обезумев от страха, а тот лишь грустно пожал плечами и обреченно покачал головой: "Куда бежать, Игореша? Некуда..."

Столько тоски было в его голосе, столько бессилия и безнадежности, что Игорь почувствовал, как его разум сжимается от страха до размеров крохотной точки, теряя все пространственно-временные ориентиры. Новый удар потряс дверь, и она, гулко ухнув, задрожала, чудом удерживаясь на петлях. Игорь зажмурился, обхватывая голову руками. Удары прекратились. Мальчик, прищурившись, медленно открыл глаза. Рядом уже никого не было. И только голос, тихий и далекий, послышался откуда-то из глубины квартиры: "Открой ему, сынок. Это смерть".

Мальчик всхлипнул и, выгнувшись, упал назад, в темноту, опять принявшую его в свои спасительные объятия, где-то там, глубоко внизу...

Тишина... Лишь за окном гостиной послышался рокот проезжающей мимо машины. Орский облизал пересохшие губы и вытер рукой слезы. Сознание будто заморозили. В голове не было ни единой мысли, только память о страхе, жутком, нечеловеческом. Тело уже практически вернуло себе возможность двигаться. Банкир поднял перед собой растопыренную ладонь, фокусируя на ней плавающее зрение: "Уже лучше. Гораздо".

"Что-то сделать хотел... Что? А-а...". Телефон стоял на тумбочке в полуметре от

распростертого на полу тела. Орский приподнялся на локтях и протянул к аппарату дрожащую руку. Когда трубка оказалась в ладони, он облегченно вздохнул и набрал "03". Молчание. Ни ответа, ни гудков, ни шума, ничего.

"Черт бы вас побрал, сволочи".

Повторив набор, банкир тщетно вслушивался в мертвенную тишину в трубке. Его блуждающий взгляд наткнулся на шнур, свисающий с тумбочки.

"Вот дерьмо, я же его сам выключил".

Протянув руку, он воткнул вилку в розетку и вздрогнул. Телефон сразу же пронзительно зазвонил.

– Алло, кто это? – хриплый голос президента "Ультры" походил сейчас на сипение запитого алкаша. – Алло, кто? Кто?

Молчание. Кто-то позвонил, но лишь для того, чтобы поиздеваться над ним.

– Кто это? Алло, мне нужна помощь, мне плохо... Алло... Орский чувствовал, что кто-то слушал эти жалобные хрипы. Слушал и молчал.

– Эй, не молчите, сволочи! Позовите кого-нибудь на помощь, я умираю. Лера, это ты?

– Игорь... – Орский оцепенел. Голос отца. Там!! В трубке!! – Игорь, не сопротивляйся. Это бессмысленно, я знаю... Открой ему сынок, и мы снова будем вместе... – короткие гудки отбоя.

В дверь постучали. Тихо. Без нажима. Там кто-то стоял все это время. Тот, кто хотел войти в квартиру. Отец сказал, что это смерть. Смерть. Она войдет и уведет его к отцу и маме, и они опять будут вместе. Навсегда.

Снова стук. Орский уронил телефонную трубку на пол и безвольно опустил руки, прижавшись головой к стене. Он вдруг почувствовал невероятную тоску, смертельную, томительную грусть. И не было сил противостоять ей. Нужно было идти и открывать дверь.

Банкир встал на подламывающиеся ноги, постоял немного, пошатываясь, а затем сделал шаг, еще один. Ноги неохотно повиновались ему, еще не восстановив свою динамику. А может, это организм боролся с подавленным разумом, не желая двигаться к единственному препятствию, отгораживающему обреченного человека от неизвестности, притаившейся за дверью. Еще шаг.

– Не надо, – прошептал Орский, всхлипывая, словно это семилетний мальчик пытался разжалобить свой самый страшный детский кошмар, вымаливая у него пощады.

– Ну не надо, пожалуйста. – Еще шаг. Тот, кто стоял там, в подъезде, воздействуя на его сознание, не знал пощады. Он тянул к себе невидимым магнитом, лишив воли и сил к сопротивлению. Еще шаг. Вот она – дверь. Мощная металлическая установка, намертво вросшая в стены системой "крабов" и спаренных электрозамков. Такую невозможно открыть снаружи. Только изнутри.

– Папа, помоги мне, папочка... Я боюсь. Я уже рядом... Помоги, – шептали дрожащие губы, а руки, словно принадлежа другому хозяину, уже тянулись к запирающему механизму замков. Клец – четыре штыря синхронно отщелкнулись, исчезая в нише замка.

– Господи, ну не надо, не надо же... – Там, в подъезде, была тьма. И от нее ощутимо, даже сквозь толстый лист металла, веяло потусторонним холодом.

– Все. Конец. Ну не надо!! – Слезы капали на пол, стекая по трясущимся мокрым щекам. Нужно бежать. Куда? Тогда убить... Дар. Нужно вспомнить, как это делается. Пробудить в себе уничтожающую силу, направить ее против этого ужаса за дверью. Уничтожить его. Убить. Убить! Убить!!!!

Орский почувствовал как внутри, в области солнечного сплетения что-то неумовимо шевельнулось. Как будто задрожал какой-то аспидно-черный кокон, скрывающий в себе неведомую жизнь, которая начинала пробуждаться. Словно детеныш какой-нибудь хищной рептилии пытался продавить сковывающие его границы яичной скорлупы. Банкир глубоко вздохнул, пытаясь избавиться от этого неприятного ощущения. Вдруг давление на мозг исчезло. Словно свежий ветер ворвался в черепную коробку. Орский торопливо отдернул руку от второго замка. Тот, кто был за дверью, почему-то перестал внушать, на мгновение упустив контроль. Но этого мгновения оказалось достаточно, чтобы осознать весь ужас происходящего. Орский стремительно закрыл первый замок и прижался, обмирая, горячим лбом к холодному пластику, покрывающему дверь. За дверью было тихо. Может, тот уже ушел? Может, его спугнули?

Нет! Тихие шаги. Нет! Он там!! За дверью!! Легкая тень набежала на сознание и снова исчезла. Орский понял, что тот снова пытается возобновить контроль, завладеть его волей, наладить связь, поймать его мысли. Этого нельзя допустить! Иначе – конец! Нужно что-то делать... кричать, звать на помощь, звонить в милицию... Банкир схватил трубку, но она безжизненно молчала. Тот, видимо, перерезал провода, ведущие к распределительному щиту АТС в подезде.

– Эй ты, убирайся, гад. Убирайся! – горло издавало вместо криков сильные визгливые стоны.

– Открой мне, – шепот у двери. Орский отшатнулся назад, словно увидев чудовище в сантиметре от своего лица, но, поскользнувшись в собственной рвоте, снова упал на пол. Быстро вскочил, опять припадая к двери, понимая, что она надежно защищает его от чужака. Вопли перешли в испуганно-яростный рык:

– Вон-вон-вон... Я тебе не открою, гад... Ни-ко-гда!

– Открой дверь, – голос мертвый, как шепот призрака.

-Нет! Нет! Пет! Убирайся!!

– Игорешка... – Отец! Там, за дверью?! Не может быть!

– Игорешка, открой мне, сынок. Я пришел за тобой.

– А-а-а... Нет! Нет! Ты не отец! Ты только кажешься им. Убирайся! – Истерические крики стали обретать силу.

– Ладно. Я уйду. Слышишь? Уйду... – Голос удаляется. Орский напряженно вслушивается в затихающие шаги.

"Ушел или притворяется? Неважно. Теперь это неважно. Этому ублюдку, кто бы он ни был, теперь не удастся командовать мной. Нужно просто выждать. Послушать еще, а потом позвать на помощь. Все кончилось. Господи...".

Орский опять заплакал, но теперь это были уже слезы радости и облегчения. По ногам побежали теплые струи мочи, это, не выдержав напряжения, расслабилась гладкая мускулатура.

Звон разбитого стекла остро резанул по издерганным нервам. "Это в гостиной. Боже мой! Окно...". Орский метнулся туда, но затем понижение необратимости трагедии выключило в нем все чувства. Он медленно опустился на колени и безучастно стал ждать своего мучителя.

Какое-то движение, напоминающее дуновение ветра, ворвавшись сквозь распахнутое окно. Дверь гостиной начала медленно открываться.

Яма, словно каменная статуя, замер перед обычной с виду дверью. Если бы кто-нибудь наблюдал за ним сейчас, он мог бы поклясться, что с тех пор как этот облаченный и черный человек убрал в рюкзак небольшой баллон с хоботком резинового шланга, увенчанного гонкой иглой, его тело не сделало ни единого движения, застыв в странной позе.

Яма прикрыл глаза и, прислонившись лбом к двери, отпустил свои мысли странствовать по извилистым лабиринтам иллюзии, созданной им в этом мире. "Грань, разделяющая реальное и

воображае-мое, исчезает...".

Что-то действительно неуловимо сдвинулось в привычном мире вокруг. Изменилась какая-то константа в сложнейшем комплексе пространственно временных координат. В древности это называли магией. Так шли минуты, но за обманчивой тишиной скрывалась драматическая, исполненная чувств и переживаний, мистерия. В нее были погружены только двое – беглец и мститель, жертва и охотник, долгожитель и мастер иллюзий. Никто из жильцов этого дома даже не подозревал о том, что здесь, в самом центре Москвы, в этом подъезде, в нескольких метрах от привычной и налаженной жизни, может произойти нечто подобное, даже не имеющее аналогов в обычном человеческом восприятии.

Яма терпеливо ждал. Он стоял вот так, не двигаясь, уже двадцать минут, но время перестало иметь для него значение. Стрелки часов совершали теперь бессмысленные движения, не означавшие сейчас ровным счетом ничего. Пройдут час, два, сутки... Яма был погружен в собственный мир со своими законами и ориентирами. Противник уже здесь, рядом. Он уже вступил в Игру. Нужно только немного подождать. Яма не двигается. Кажется, он грезит наяву, глаза его полуприкрыты, дыхание медленное и глубокое. МАГИЯ. Страшное слово, потерявшее свое истинное значение в этом убогом "цивилизованном" мире. Шарканье ног за дверью. "Вот так. Тихо. Иди ко мне...". Яма улыбается кончиками губ. Он чувствует близость противника на расстоянии вытянутой руки, его прерывистое дыхание, его дрожь, его детские переживания и грезы. Это Корчун выворачивает наизнанку пойманного в свои темные объятия человека.

"Слышишь шум крови в венах врага? Слышишь его дыхание? Бешеный стук сердца? Страх, источаемый его мыслями?"

Щелк-щелк. Открылся один замок. Яма не двигается. Он знает – их должно быть два. Он тщательно изучил дверь, прежде чем начать Игру. Вот он – смертельный ужас, бьющий из-за дверей упругой струей. Поздно. Слишком поздно.

"Неистовый натиск... Ярость... Хищная сталь клинка... Удар..."

"Открой мне дверь. Открой. Открой. Открой..."

Далеко внизу хлопнули входные двери, и в подъезд вошли двое – мужчина и женщина. Шумные, возбужденные, что-то увлеченно рассказывающие друг другу. Их шаги раздаются в замкнутом пространстве подъезда оглушительно громко, особенно для сверхчутко-го слуха. Яма не двигается, хотя часть его сознания автоматически фиксирует и анализирует все посторонние звуки. На слух можно определить, на какой этаж поднимаются люди: это изменение ритма шагов, бряцанье ключей, шорох пакетов, переключаемых из руки в руку, речевые нюансы... Все это нужно отследить и сделать для себя выводы, чтобы успеть принять своевременное решение и не дать повода для нежелательного визуального контакта.

Яма сжал зубы, чувствуя, что этот досадный эпизод ослабил его концентрацию и, как следствие, – контроль над жертвой. Человек в квартире ускользнул из сферы влияния его воли, почувствовав се-кундную заминку.

Щелк-щелк. Открытый ранее замок опять защелкнулся. Это было крайне нежелательно. Нельзя прерывать процесс, теперь придется заново налаживать зыбкий мысленный контакт с полуотравленным мозгом. Обычно второй раз это удается значительно труднее, если вообще удастся. Теряется "эффект неожиданности", поврежденная эмоциональная сфера автоматически блокирует все сенсорные центры, замыкаясь на своих видениях, вызванных Корчуном. Словно рыба, сорвавшаяся с крючка и обезумевшая от боли в разорванной губе, уходящая на дно и не обращающая уже никакого внимания на множество соблазнительных насадов, плавающих вокруг.

Шаги все ближе. Яма неслышно переместился на площадку между эта-жами, спрятавшись за трубу мусоропровода. Шумная парочка про-шла мимо, даже не посмотрев в его сторону. Через минуту наверху закрылась дверь, и все стихло. Яма вернулся на площадку и снова встал перед дверью, пытаясь уловить возбужденное излучение чу-жой психосферы. Какие-то смутные образы, бессвязные мысли... Вот, кажется... Вот-вот. Нахлынули и утекли куда-то зыбкие волокна об-рывочных мыслей. Игрок почувствовал, что его опять ловят, и ин-стинктивно заистериковал. Послышались жалобные повизгивания, словно за дверью бился в агонии смертельно раненный зверь. Яма наклонился к самой двери и тихонько прошептал:

– Открой мне.

Крики стали громче. Это было уже опасно. Ситуация явно выходи-ла из-под контроля. Через минуту перепуганный насмерть человек начнет орать во все горло и поднимет на ноги весь дом. Нужно успо-коить его, притупить страх, расслабить до предела натянутые нервы. Чтобы затем ударить по ним с новой силой.

– Я ухожу. Слышишь? Ухожу... – Вопли мгновенно стихли. Это агонизирующий разум хватается за спасительную соломинку в тщет-ной надежде на спасение.

Время пошло на секунды. Яма стремительно двигался по лестнице вверх, преодолевая за один прыжок по шесть-семь ступеней, словно мифический демон, беззвучно несущийся по витым переходам сред-невекового замка.

Дверь на чердак открыта. Он позаботился об этом заранее, спилив старый ржавый замок и тщательно исследовав запутанные грязные закоулки чердачных катакомб. Он бежал в темноте, не сбавляя шага, огибая огромные балки, составляющие каркас крыши, разрубая рукой огромные сети паутины, натянутые между ними.

Вот и окно. Яма одним прыжком оказался на крыше и почти сразу нашел нужное ему место. Привязав к длинному штырю антенны проч-ную веревку, он стал короткими прыжками спускаться по стене дома, стараясь огибать светлые участки рядом с освещенными окнами квар-тир. Что ж, этот вариант тоже был предусмотрен. Окна – самое уязви-мое место в любом жилище. Их невозможно полностью изолировать от мира, как дверь, на то они и окна. Решетки, сигнализация, усилен-ные стекла – все это значительно усложняет проникновение, но не настолько, чтобы проникатель предпочел этому входу штурм сталь-ной двери. К тому же обыватели обычно попадают под ошибочное мнение, что высота сама по себе является достаточной гарантией бе-зопасности. В данном случае это оказалось смертельной ошибкой.

Яма неслышно приземлился на карниз и внимательно осмотрел окно. Кроме стандартных датчиков отключенной сейчас сигнализа-ции, на раме и на стекле не было никаких следов сложной охранной спецтехники. Что ж, этого и следовало ожидать – установить такую дверь и забыть про окна, понадеявшись на тонкий слой стекла и высоту в шесть этажей. Глупо.

Яма был уверен, что противника в комнате нет. Аналитические функции мозга очень сильно затормаживаются под влиянием пси-хотропа, попавшего в организм. Скорее всего, Орский сидит до сих пор в коридоре, у спасительной двери, не веря еще в собственное спасение. Осмотрев с карниза шестого этажа темный двор внизу, и убедившись в отсутствии нежелательных свидетелей, Яма коротким и стремительным ударом выбил стекло форточки и, просунув в от-верстие руку, открыл затворную раму изнутри. Тихо проскользнув в комнату, он тут же закрыл окно.

"Мы владеем энергией, вернее обладаем способностью генериро-вать и фокусировать ее. Эта энергия, подобно клею, соединяет ил-люзии, из которых состоит все".

Яма достал из рюкзака и надел двухцветную маску, тут же превратившись в сверхъестественное существо, лик которого был разделен пополам двумя полями – белым и бледно-голубым.

Орского он нашел там, где и предполагал. Жалкий подавленный человек сжался, сидя на коленях и ожидая своей участи. Белое от пережитого ужаса лицо тоже напоминало вырезанную из картона маску, промокшую от слез и соплей. В безумных глазах, затуманенных психоделиком – немой вопрос и обреченная тоска. В коридоре стоял острый запах рвоты, кала и мочи. Яма замер, рассматривая своего противника.

– К-к-ик-к-т-то... ты? – заикаясь, проблеял банкир, начиная мелко трястись. Яма приблизился к нему вплотную. В это мгновение Орский неестественно изогнулся, будто его подтолкнула изнутри упругая неведомая сила, и бросился на человека в черном. Яма увернулся от этого броска и ребром ладони нанес короткий сильный удар в ухо противнику. Орский обмяк и начал заваливаться набок. Его истязатель наклонился и, подняв одним рывком бесчувственное тело, без всяких усилий внес его в гостиную, где швырнул на стол, стоящий посередине комнаты. Занавесив плотными портьерами все окна, Яма достал из сумки четыре тонкие свечи – две белые и две синие, зажигая их одну за другой и выставляя в углах комнаты. Помещение сразу наполнилось призрачным колеблющимся светом. В этом бледном мерцании фигура Ямы казалась нереальной, будто ожившая тень, и особенно зловецей. Черным силуэтом без четких очертаний он двигался по комнате, превращая ее в ритуальный зал.

Орский застонал и, открыв глаза, заворочался, пытаясь встать со стола, но тут же, получив еще один короткий удар в нервный узел, расположенный в основании шеи, снова впал в беспамятство. Его тело сотрясали судороги, словно кто-то еще пытался выбраться наружу из полупарализованного тела. Яма достал из сумки моток веревки и, как многоопытный паук, в несколько ловких движений связал руки и ноги своей жертве хитроумными узлами, делающими невозможным любое движение. Затем он извлек из сумки зачехленные ножи, планшет с ампулами, два баллончика-спрея с краской и пару резиновых перчаток, остро пахнущих тальком. Через несколько минут, подготовившись, он встал перед столом, зависнув в странной позе над обездвиженным телом, широко расставив ноги и сложив определенным образом пальцы рук. Сейчас он напоминал древнего жреца, совершающего обряд жертвоприношения.

– Ару мнарк тустремм морх янне, – тихо и монотонно зазвучали в комнате страшные слова на старинном языке, словно заклинание, вызывающее невидимых духов. Яма снова и снова повторял их, пока время не остановилось в этой московской квартире и не закружилось вспять, возвращая двух человек к истоку их смертельного противостояния – в прошлое...

\* \* \*

Управление специальных операций  
Начальнику УСО ОРУ МУР ГУВД / Москвы.

ИНФОРМАЦИОННАЯ СПРАВКА №8

Конфиденциально.

(доп. информация по делу УПД 18)

Дата: 12.05.99

Автор: следователь по особо важным делам УСО ОРУ МУР – П.С. Демин.

В ходе оперативной работы сотрудниками оперативно-следственной группы были установлены дополнительные факты, имеющие отношение к делу УПД 18.

1. По факту убийства г-на Орского И.С., квалифицированного как убийство,



совершенное, предположительно, на религиозной почве или как ритуальное, были опрошены представители научных кругов на предмет выяснения принадлежности оставленных на месте преступления ритуальных рисунков к какой-нибудь религиозной или оккультной концепции. Консультанты квалифицировали предложенные им материалы – фотографии и графические зарисовки – как набор символов, используемых в некоторых мистических традициях (доп. см. пр-е N 5-11.06)

Тот факт, что на теле жертвы обнаружены разрезы различной глубины и длины, также составляющие определенный геометрический узор, свидетельствует о ритуальной подоплеке убийства, характерной для магических ритуалов некоторых тайных общин, существующих в период примерно VIII-XVII вв. н. э. в Китае и Монголии. Работа по дальнейшему анализу данной ритуальной символики продолжается.

2. Анализы крови и органических тканей (токсикологический анализ ТАСПР) показали наличие сильно токсичного вещества, обладающего активными галлюциногенными свойствами (идентификация вещества ведется с привлечением материалов всех медучреждений, имеющих опыт работы с ВТВ).

Вещество попало в организм посредством дыхательных путей и, диффундировав через слизистую поверхность в кровеносную систему, распространилось по организму, оказав действие на головной мозг, как следствие, парализовав основные моторные функции тела.

Предварительный вывод: вещество предположительно является сублимированным в газообразное состояние токсином органического происхождения, вероятно, растительного вида, психотропного ряда.

3. В ходе отработки официальных и неофициальных контактов г-на Орского И.С. установлено, что он не имел никаких связей с представителями религиозных организаций или сект, которые могли послужить причиной убийства на религиозной почве.

Предварительный вывод: выбор г-на Орского И.С. в качестве жертвы преступления не имеет ярко выраженных мотивов и, предположительно, является случайным.

\* \* \*

– Лесник. Лесни-и-ик, – шепот тихо вливается во сны человека, проникая сквозь каждую пору кожи, вибрируя на всех нервах, сливаясь с кровью и растекаясь по венам, отравляя мозг.

– Лесссс-сс-нии-иик. – Это был даже не шепот. Дуновение ветерка, залетевшего в приоткрытое окно. Шипение змеи, ползающей в темноте вокруг дома. Кто-то звал, манил за собой, дурманил разум непривычными звуками. Прошепчет и замолчит, спрятавшись где-то рядом, ожидая пробуждения.

Тишина. Только тяжелые дождевые капли чуть слышно бараба-нят по стеклу, словно это ночь, жалобно плача, пытается пробраться в дом.

– Лесник. Лесник. Лесник, – снова и снова на разные голоса увеще-вал, тормошил, угрожал, повелевал загадочный некто. Человек вздрогнул и открыл глаза. Он даже что-то крикнул при этом, то ли называя свой кошмар по имени, то ли просто испугавшись резкого перехода от жуткого сна к жуткой реальности. Никого, только тишина, поглотившая собой разом все звуки дремлющего мира. Пару раз за окном хрипло гавкнула собака и поспешно замол-кла, словно испугавшись своей выходки.

Бизнесмен Борис Вениаминович Перов, в определенных кругах известный как криминальный авторитет Марек, лежал неподвижно, опасаясь спугнуть эту тишину, которая разбудила его своим пугающим безголосым шепотом. Ночь. Перов откинул влажное от пота одеяло и сел на кровати, опустив ноги в высокий густой ворс ковролина. О сне уже не могло быть и речи. Оставалось сидеть вот так в темноте и ждать утра, когда все страхи уползут вместе с ночной мглой на запад, на долгих восемнадцать часов. Тогда можно будет проанализировать эти всплески беспокойства, которые терзают его последние несколько дней. Сейчас даже думать было трудно, мысли кружились в голове, мешаясь в кучу, сталкиваясь и разлетаясь вдребезги от этих столкновений.

Перов вздохнул и, спрягав лицо в дрожащие ладони, забылся в настороженной дреме, съжившись, сжавшись, словно ожидая удара. В таком состоянии он провел целую вечность, позволяя бессвязным мыслям рассеянно бродить по лабиринтам скопанной необъяснимым страхом и томительными предчувствиями, души.

...Это все тот же сон, в котором человек без лица преследует его повсюду. От него невозможно скрыться, он везде. Он всегда погружен во мглу, поэтому у него нет лица, нет тела, только голос. Этот жуткий голос. Он сам – мгла. Он пришел, чтобы убивать...

...Нужно что-то делать, бежать, защищаться... Применить свой Дар, наконец. Но что-то мешает сосредоточиться, сконцентрироваться... Голос! Человек из мглы зовет его. Он уже здесь! Нужен фокус, чтобы разбудить Дар. Какая-то липкая тьма внутри, обволакивающая сердце, легкие, мозг. Так, наверное, и ощущается погружение в вечность – отрешенно, без сил и желаний, миллиметр за миллиметром, мысль за мыслью, на самое дно, которого, наверное, и нет вовсе... Кап-кап-кап. Угасание. Тьма...

Вечность закончилась смутным ощущением чьего-то присутствия. Перов вздрогнул и поднял голову, вглядываясь в сумрак, царящий в комнате. Он отчетливо теперь чувствовал, что в этой темноте он не один.

– Кто здесь?

Глаза никак не могли уловить что-то важное, какую-то деталь, в которой, собственно, и было все дело.

– Кто здесь, я спрашиваю? Сева, это ты?

Марек знал, что никто из охранников, дежуривших внизу, не осмелится войти к нему в спальню без разрешения. Но кто-то определенно находился в комнате... Тьма в углу вдруг шевельнулась, приобретая очертания человеческого силуэта. Раздался тихий шелестящий смех:

-Нет... нет...

-Кто здесь? Стоять! Кто? Стоять! Сева!! – Перов закричал, пытаясь не столько позвать на помощь, сколько криком отпугнуть этот оживший вдруг конгломерат теней в углу комнаты.

– Нет, Лесник... Ты зря кричишь, там никого нет. Твои люди уже мертвы...

– Кто ты? Что тебе нужно?

-Я – ЯМА... – шепчет призраком зловеще и приглушенно.

-Кто? Какая яма? Сева!! Охрана!! – Перов, дрожа, извивался всем телом, выставив перед собой трясущиеся руки.

– Я – ЯМА... Я пришел за тобой.

Тени в углу комнаты двигаются, дышат, перемещаются.

– К-куда? Боже мой... ты? Ты?

Силуэт заколыхался во тьме и комнату наполнил отвратительный гулкий смех.

– Боже твой? Да... Да... Можешь называть меня так. Я – ЯМА. Человек из Мглы. Я приплел забрать твою молодость и твой темный Дар.

Перов закричал и затравленно осмотрелся в поисках спасения. Решение пришло сразу. Эти тени в углу не оставляли другого выбора.

Оконная рама с грохотом разлетелась, и десятки стеклянных осколков, брызнув во все стороны, посыпались вниз, на клумбу под окном. Туда же рухнуло тело Марека вместе с растерзанными обломками пластиковых жалюзи.

Перов, пошатываясь, поднялся на ноги и, сплюнув кровь, наполнив рот, медленно побежал вперед, не обращая внимания на боль, kloчущую внутри. Человек из Мглы страшнее боли. Раны заживут за несколько дней, это не проблема. А вот это существо... Прочь! Прочь! Подальше от этого дома, который вдруг превратился в обиталище демонов. Перов сделал несколько шагов и упал, опять поднялся и снова побежал, припадая на одну ногу. А сзади неслось вослед:

– Лесник. Лес-сс-ннн-иии-к... Куда же ты? – и снова смех. Жуткий. Завораживающий. Марек застонал и хрипло закричал, не прекращая бега:

– Сева! Охрана!! – Никто не ответил. Скорее всего, они действительно были уже мертвы. Прочь!

Прихрамывая и захлебываясь утренним воздухом, Перов ковылял туда, где в дымке утреннего тумана темнели стволы деревьев, в лес. Там можно отсидеться до утра. Скорее... Когда до спасительной рощи осталось всего несколько шагов, что-то произошло, неуловимо сдвинулось в привычном мире вокруг. Деревья вдруг ожили, зашелестели иссиня-черной листвой, заухали, завздохали.

Перов остановился и, присмотревшись, с изумлением понял, что каждый листочек на ветках мигает ему, посверкивая голубовато-зеленой люминесценцией. Каждый блик вызывал мучительный приступ тошноты и головокружения. Бизнесмен поспешно закрыл глаза, но картина мигающих деревьев не исчезла. Наоборот, калейдоскоп вспышек замерцал с еще большей интенсивностью. Перов с ужасом понял, что видит сквозь веки. Его тут же вырвало. Затем еще раз.

Бежать. Бежать! Он снова бросился вперед, но ноги подломились, словно лишившись костной основы, и бизнесмен, упав вперед, захрипев и извиваясь, продолжал ползти, раздвигая ослабевшими руками мокрые от дождя стебли высокой травы, судорожно изгибая тело, похожий на змея-переростка, спешащего скрыться в укромной поре.

Сзади налетел пронзительный холодный ветер, отнимая остатки сил и воли, принес с собой – "Приве-ее-т...". Будто великан выдохнул это жуткое приветствие вместе с ледяными потоками воздуха. Перов уткнулся лицом в траву и замер. Затем перевернулся на спину и посмотрел назад – туда, где стоял окутанный тьмой сто коттедж. Разбитое окно контрастно чернело на фоне застекленных окон, похожее на огромную беззубую пасть поприветствовавшего Марека великана. Из этой квадратной черноты кто-то разглядывал обезумевшего окровавленного человека, съежившегося в мокрой траве у самой кромки леса.

Перов завыл от отчаяния и предчувствия скорой смерти, сжав в кулаки дрожащие ладони. Из воспаленных глаз хлынули обжигающие слезы, словно прорвало сдерживающую их до сих пор плотину.

– Гад, сук-ка, а-а-а... – пытался прокричать беглец по прозвищу Лесник, грозя стоявшему в глубине своей спальни Человеку Без Лица ободраным в кровь кулаком. Он рыдал, чувствуя, что с каждой секундой грань, отделяющая его от безумия, становится все тоньше. Нервная система агонизировала, разум из последних сил удерживал свои позиции. Когда слезы закончились, его опять стало тошнить, выворачивая наизнанку, скручивая в узлы воспаленные

внутренности, выжимая из желудка остатки желчи. Через мгновение он отключился.

– Вставай! Вставай! – Кто-то тормошил Перова за плечо, пытаясь помочь встать. Наверное, он потерял сознание. Прошло уже много времени с момента той жуткой атаки, потому что небо стало чуточку светлее. Приближалось утро.

– Вставай! Вставай! – Голос детский, дрожащий и прерывистый.

Мальчик, казалось, сейчас заплачет. Перов хотел повернуть голо-ву, чтобы рассмотреть пацана, но в шею словно вбили гвоздь. Оста-валось только слушать этот голос и пытаться встать на ноги.

"Ничего. Все уже позади. Я живой. Живой!".

Свежий предрассветный воздух приятно охлаждал кожу.

– Ну, вставай же ты. Скорее! Он идет. Вставай! Беги! – мальчик плачет, отчаянно всхлипывая.

–Что ты, глупый... Все позади, – распухший язык еле шевелился во рту, производя невнятные звуки. – Уже все, все...

– Беги-и-и! Он идет! Беги-и-и... – Перов, наконец, повернулся к своему спасителю. Невысокий рыжеволосый мальчуган, одетый воп-реки прохладной утренней сырости в легкую рубашку и коротенькие шортики, смотрит на него умоляющими заплаканными глазами. Он сильно напуган, весь трясется от страха и холода.

– Пацан, ты откуда здесь? Успокойся. – Перов положил руку на непослушный короткий ежик рыжих волос. – Я тебя знаю? Ты из деревни? – Слова выговаривались плохо, и Перов подумал, что мо-жет напугать мальчика. Рано утром, в лесу, весь в кровище...

– Я не пьяный, ты не бойся. Слушай, где-то я тебя видел...

Лесник на секунду задумался, пытаясь вспомнить, где он мог встре-чать этого симпатичного мальчугана, невесть откуда взявшегося здесь, за пять километров от деревни, в это ранее время.

– Вот он... вот он... – Мальчик уже не плачет, он рычит, словно пере-пуганный львенок, безумно выпучив глаза и задыхаясь от ужаса.

Перов медленно повернулся в ту сторону, куда смотрел мальчик, и вздрогнул. Через подернутую легким туманом поляну, отделяющую коттедж от лесополосы, к ним приближался демон, закутанный по шею в темную одежду. Человек Без Лица. Человек из мглы...

– Гнида долбанная, – зло прошептал Перов и, сжав зубы, попытал-ся еще раз воззвать к своему спасительному Дару, скрывающемуся в недрах психики. Разбудить его, выплеснуть вовне, обрушить на это-го ненавистного мучителя невидимые щупальца своей ауры, сжать, раздавить.

Тщетно. Внутри была пустота. Перов обреченно схватился за грудь скрюченными пальцами, словно пытаясь разорвать ее, вывернуть наи-знанку и вытащить оттуда свои разрушительные способности, делаю-щие его некогда грозным оружием уничтожения. Бесполезно. А этот, в темном, все ближе. Лесник растерянно обернулся, но мальчика уже не было рядом. Перов вдруг с предельной ясностью понял, что это финал, и устало опустил на землю, наблюдая за приближением своего кош-мара. Внезапно опять пошел дождь. Воздух вокруг замерцал, затуманился, потек. Темный человек подошел к своей жертве и завис над ней, закрывая собой безграничное, почти высветленное небо. Но Лесник уже не имел сил для испуга, он просто сидел на траве, молча, уставившись в лицо своего убийцы, одна половина которого была белой, а другая поче-му-то бледно-голубой. Ему мерещилось, что он уже смог добежать до леса и теперь

идет по еле заметной тропинке прочь от этого страшного места, а рядом, улыбаясь, бежит вприпрыжку рыжеволосый мальчик, так сильно похожий на него самого в детстве. Потом это видение мигнуло, исчезая, и тогда перед затуманенным зрением Лесника смутно проступили очертания огромного дома, стоящего неподалеку.

Мир рушился, и для бизнесмена Перова остались знакомыми только запах дождя и шелест листвы. Но и они скоро исчезли. Только откуда-то изнутри пришел щемящий импульс, и какая-то сила стремительно стала подниматься с самого дна внутреннего пространства, захватывая управление над непослушным уже телом. Сознание Лесника сжалось до размеров крохотной точки и теперь безучастно наблюдало за этой ужасающей мистерией. Человек из Мглы обнял его своими сильными руками и прижал к себе, словно блудного сына, как будто пытаясь передавить невидимые тоннели внутри тела, по которым неудержимо рва-лось на поверхность эту мира подлинное безумие. Раздался хруст сломанных костей. Жар в голове, вспышка света, судороги, боль...

– Я же тебя предупреждал...

Перов бросил растерянный взгляд на своего юного спутника.

– Куда мы идем?

Мальчик удивленно посмотрел на него, недоверчиво прищутив глаза:

– Ты что, правда ничего не помнишь? Перов растерянно развел руки в стороны:

– Не помню. Столько времени прошло. Я многое забыл. Мальчик улыбается ему, подмигивая:

– Теперь у нас с тобой целая уйма времени. Теперь тебе ведь некуда торопиться? Так даже лучше. Наконец-то мы встретились. Пойдем! Столько еще всего впереди. Начнем с Зброшеного Лога, по-мнишь, куда тебя не пускали родители? Мы ведь всегда мечтали туда сходить...

Маленькая ладошка уверенно берется за большую окровавленную ладонь, и оба путешественника идут дальше по еле заметной тро-пинке, прочь от этого страшного места.

Серая "Волга" стремительно въехала на единственную улицу между двумя рядами коттеджей, объединенных одним общим названием – "Поселок Лесное", один из самых престижных районов подмос-ковных новостроек, домов для состоятельных людей. Синие блики проблескового маячка освещали фасады дорогостоящих вилл, при-надлежавших влиятельным чиновникам и известным бизнесменам. Скребанув шинами по идеально ровному асфальту, "Волга" резко затормозила перед мостом ограждения – "Фордом" патрульно-постовой службы. Около автомобиля ППС неподвижно замерли два высоких широкоплечих бойца, одетых в серую камуфлированную форму. Увидев номера подъехавшей машины и мигающий стробос-коп, оба подобрались, вытянулись, поправляя укороченные автома-ты, висевшие сбоку.

"Волга" проехала во двор дома, где уже дежурили по периметру здания солдаты полка ППС, стояли машины местного муниципаль-ного отдела РОВД, прокуратуры, ФСБ. Из автомобиля вышел невы-сокий, немолодой уже человек – подполковник Николаев, возглав-ляющий следственную опергруппу МУРа при спецотделе по рассле-дованию убийств. В соответствии с

директивой начальника МУРа, предписывающей данной опергруппе работу исключительно по делам, имеющим обозначение "ЧП" – "чрезвычайные происшествия", ее сотрудников за глаза называли "чэпами", а подполковника Ни-колаева уважительно именовали Экспертом. Группа занималась преимущественно такими серьезными проблемами, как терроризм, убийства высокопоставленных или просто известных лиц, чья гибель может вызвать широкий резонанс в массах, а также серийные убийства, которые тоже сильно возмущали общественные круги. В общем, всем тем, за что обычные оперативники не взялись бы ни за какие административные блага. Но все это имело и обратную сторону медали: спецгруппа имела в своем распоряжении не только самые широкие полномочия, но и мощную материально-техническую базу – спецоборудование и современную технику, самых высококвалифицированных медэкспертов, криминалистов, аналитиков, профессиональных оперов. Поэтому появление здесь столь неординарной фигуры было воспринято с энтузиазмом – оперативники всегда с удовольствием делились "глухарями" со своими сослуживцами или коллегами из сопредельных ведомств.

Подполковник поздоровался с дежурными офицерами, один из которых – капитан из опергруппы РОВД, тут же вкратце обрисовал ему обстановку:

– Сегодня, в 18.32, на пульт дежурного РОВД поступил звонок с сообщением об убийстве. Местные жители обнаружили на окраине леса окровавленное тело мужчины без признаков жизни. Дежурный наряд ППС, проверяющий сообщение, сразу же вызвал опергруппу... Николаев досадливо поморщился:

– В чем причина вызова нашей группы?

Капитан, молодой широкоплечий парень, смущенно пожал плечами:

– В присутствии понятых была осмотрена квартира погибшего, вернее принадлежащий ему дом. – Капитан кивнул в направлении коттеджа. – Фамилия погибшего – Перов, известный бизнесмен...

– И? – Николаев смотрел на черный прямоугольник разбитого окна, зияющего в доме, ощущая, как нехорошие предчувствия одолевают его все сильнее, коварно шепча на ухо: "Еще... еще...".

– В результате осмотра мы обнаружили еще два трупа со следами насильственной смерти, очевидно, перовская охрана. Ну и... – капитан замолчал, подыскивая наиболее удачные выражения, – еще кое-что нашли... Я посчитал необходимым связаться с вами. Ввиду особого характера происшествия... – добавил он поспешно.

– Какого это, особого? – подполковник удивленно посмотрел на собеседника.

– Вам лучше самому посмотреть, товарищ подполковник...

В доме вес было пропитано смертью. Не запахом, а особой некротической энергией, которую могут ощущать лишь некоторые люди в силу своей профессиональной деятельности: прозекторы, солдаты, воевавшие в "горячих точках", и опытные оперативники, привыкшие к подобным ощущениям за долгие годы своей работы.

Внешне все выглядело безмятежно: коридор, кухня, шикарный зал с камином, кабинет... Вот только спальня являла собой абсолютно ужасное зрелище. Она больше напоминала не жилую комнату, а скорее декорации какого-нибудь психоделического театра. Все стены, с которых были содраны картины и декоративные панно, были расписаны уже знакомыми замысловатыми символами, составляющими в целом какой-то жуткий, бьющий по нервам ажурный узор.

Левая стена была покрыта синими символами, правая – красными, нанесенными краской, напоминающей кровь. Там, где цветовые поля пересекались, в большой черный круг был вписан огромный бордовый знак – стилизованная свастика и еще какие-то знаки, чуть меньше размером. В углах комнаты в полусидячем положении за-мерли два трупа, прислоненные к стенам. Рядом лежали, очевидно, неостребованные ими, пистолеты. Посередине спальни, на большой полукруглой кровати, в ворохе смятого постельного белья, лежал букет из остро пахнущей травы и мелких голубых цветов.

Николаев медленно втянул носом воздух, разглядывая рисунки на стенах.

– Польша, – произнес он еле слышно, и капитан, стоявший сзади, удивленно спросил: – Что?

Николаев покачал головой, чувствуя, как нехорошо заняло сердце:

– Польша, говорю. Горькая трава.

– А-а, – протянул капитан, – поминальный венок.

Подполковник достал из кармана пачку сигарет и, взяв одну, вышел из комнаты, не проронив ни слова.

Еще один... Это уже серьезный прецедент – религиозный маньяк, убивающий видных бизнесменов. Паника, ажиотаж, фобии, истерия... Тогда все. Конец. Страх всегда играет на руку тем, кто использует его умело. Этот сеял страх сознательно. Все эти жуткие картины на стенах для того и предназначены. Они деморализуют, ломают волю, подтачивают дух, подобно ржавчине, грызущей металл изнутри. Эти символы сродни визитной карточке, оставляемой убийцей на месте преступления. И если расшифровать их тайный смысл, возможно, удастся прочитать на этой визитке реквизиты ее владельца.

Николаев вышел на улицу, и к нему сразу же подошел представитель "фээсбэшной" опергруппы;

– Александр Васильевич, забираете дело? Подполковник хмуро кивнул.

– Да, это наша "серия". Будем сами ее расхлебывать. Сухопарый майор ФСБ понимающе улыбнулся и развел руками:

– Баба с возу...

Было видно, что он испытывает явное облегчение в связи с подобным исходом инцидента. Связываться с подобными происшествиями всегда неприятно, а когда дело касается каких-то мрачных подоплек... В это время в ворота вкатился, неслышно шелестя мотором, бордовый "Понтиак" – изящный микроавтобус с тонированными стеклами. Все присутствующие во дворе синхронно повернули головы в его сторону.

– Ваши? – фээсбэшник кивнул на автобус, ему явно не терпелось покинуть этот зловещий дом и вернуться в отдел.

– Мои, – пробормотал Николаев и, повернувшись, опять пошел в здание. Из "Понтиака" стремительно выходили хмурые люди, деловитые, собранные, знающие цену убегающим минутам. В руках – массивные кейсы, футляры, видеокамеры, штативы...

Николаев на ступенях дома кивнул капитану, стоявшему неподалеку.

– Распорядитесь, чтобы остался только пост 1ШС, выполняющий заградительные функции. Все остальные свободны. Посторонних за оцепрайон. Этих – убрать в первую очередь, – подполковник ткнул пальцем в направлении, где уже стоял белый "Вольво", расписанный эмблемами "Дорожного патруля". Он только что подъехал и остановился около машины заграждения в ожидании разрешения на съемки. Оператор уже снимал панораму окрестных коттеджей.

– Да, и еще. – Николаев сосредоточенно размышлял. – Все комментариисты для СМИ только у сотрудника пресс-центра ГУВД Вольского. Только у него, – повторил он значительно.

Капитан понимающе кивнул:

– Слушаюсь, товарищ подполковник.

– Все материалы, протоколы предварительного осмотра, он рос свидетелей, фото, и видеоматериалы я попрошу передать нашим сотрудникам.

В доме уже велась активная оперативная деятельность. Эксперты раскрывали портативные кейсы, скрывающие в своих недрах микро-компьютеры, экспресс-лаборатории, специнструмент и другую спецтехнику, на которую с уважением и неким оттенком зависти смотрели сотрудники из смежных ведомств, постепенно покидающие, с облегчением, место происшествия.

Подполковник подошел к "Волге" и сел в салон, откинувшись на сиденье. Отсюда ему было видно, как в пустом проеме окна спальни, вспыхнули малогабаритные спецлампы, освещающие комнату все-возможными градациями света: обычным, ультрафиолетовым, инф-красным...

Николаев поморщился: отчего-то вдруг опять сильно закололо сердце. Непривычная боль острой иглой запульсировала в груди.

"Вот так это и начинается", – тревожно подумал подполковник и медленно стал втягивать воздух через нос, заполняя легкие постепенно. Через несколько минут боль отпустила, но остался неприятный осадок в душе. "Вроде не старый еще. Обидно. Побережись нужно, хватит жилы рвать. Вот поймаю этого "художника" – и в отпуск. Отдыхать".

К автомобилю подошел медэксперт. Николаев вышел ему на-встречу.

– Закончил осмотр трупов, Александр Васильевич. Могу составить только предварительное заключение, более корректные результаты – после вскрытия. У обоих охранников – сильные повреждения внут-ренних органов: многочисленные переломы костных участков, внутреннее кровоотечения, деформация жизненно важных органов – почек, печени, разрыв селезенки, нарушение структуры позвоночного столба. Смерть наступила в результате совокупных телесных повреждений. У трупа, найденного на улице, также отмечаются значительные внутренние травмы, вызванные предположительно падением с высоты. Но смерть наступила в результате рассоединения шейных позвонков – от перелома шеи, причем обусловленного, скорее всего, проведением сложного удушающего приема, повлекшего прекращение жизнедеятельности. Действовал явно профессионал. Грубым ударом или жимом на изгиб эти позвонки невозможно рассоединить. После грубого перелома картина несколько другая. Здесь же, можно сказать, ювелирная работа. Ее невозможно спутать с последствиями падения с высоты или...

Николаев рассеянно достал сигареты, но затем вспомнил про сердце и, поморщившись,



пробормотал:

-Хорошо, спасибо, Саша. Забирайте трупы. Результаты вскрытия, токсикологический анализ, аналитическая справка – все это мне понадобится не позднее чем через четыре часа.

Из дома выносили трупы, упакованные в серые пластиковые мешки, похожие на коконы какого-то огромного животного, отложившие их в этом дорогом коттедже. Подполковник мрачно наблюдал, как их погружают в спецмашину.

"Еще один. Еще один. Еще..."

\* \* \*

Начальнику УСО ОРУ МУР ГУВД г. Москвы

ИНФОРМАЦИОННАЯ СПРАВКА N 16

Конфиденциально.

(доп. информация по делу УПД 18) Дата: 18.05.99

Автор: следователь по особо важным делам УСО ОРУ МУР – П.С. Демин.

1. Согласно материалам вскрытия и проведенному комплексу анализов тканей и крови у одного из фигурантов дела УПД 18 – г-на Орского И.С., главмедэксперт УСМЭ сделал заключение о некоторых несоответствиях физиологических показателей погибшего с данными, указанными в его идентификационных документах. Речь идет об общем состоянии организма, который имеет практически идеальную сохранность всех функциональных систем. В условиях неблагоприятной экологической среды обитания, образа жизни и с учетом его возраста, данная картина является неадекватной наиболее вероятному биологическому состоянию организма. Подобное несоответствие может являться либо результатом исключительно интенсивной медтерапии, либо ошибкой в регистрации данного гражданина органами социального контроля и внутренних дел (имеется в виду оформление паспорта, постановка на военный учет и т.д.).

Консультации у представителей ведущих лечебных и профилактических медучреждений дают основания предполагать, что подобный уровень оздоровительной терапии при тех возрастных данных, которые указаны в паспорте г-на Орского, просто невозможен. Вообще подобное состояние организма является исключительно редким случаем, учитывая все неблагоприятные факторы окружающей среды, которой подвержены все люди без исключения. Кроме того, выяснилось, что процесс некротического разложения не соответствует обычному циклу трупного распада. Тело прекрасно сохранилось даже без применения стандартного набора мумифицирующих спецпрепаратов.

2. В связи с прецедентом, возникшим в отношении погибшего г-на Орского, лаборатория УСМЭ провела комплексные исследования тела другого фигуранта по делу УПД 18 – г-на Перова. Б.В.

В результате специсследований выяснилось, что физиологическое состояние данного фигуранта также не соответствует всем стандартным нормам развития организма и его некротического разложения. Внутренние органы не имеют естественных органических повреждений, эрозии...

(Мной сделан запрос на дополнительные исследования генной структуры ДНК обоих фигурантов).

Предварительный вывод: подобные обстоятельства позволяют утверждать, что оба фигуранта имеют общие точки пересечения по еще не установленным параметрам.

Следовательно, можно предположить, что их выбор в качестве, жертв преступлении имеет определенную закономерность, т.е. является неслучайным!

\* \* \*

АУДИОЗАПИСЬ ГРД 12.3

УСО. Технический отдел

Информация только для руководящего состава оперативной части МУР ГУВД г. Москвы. 22.05.99.

ФОНОГРАММА (распечатка).

Доп. инф.: УПД 18 (выдержки)

Участники:

1. Начальник УСО ОРУ МУР, подполковник Николаев А.В.

2. Директор Центра оккультных исследований, член-корреспондент Института Востока и стран Азии, профессор кафедры этнографии Каменский Л.Б.

Н: Лев Борисович, не могли бы вы прокомментировать материал, представленный вот на этих фотографиях? Я бы хотел знать, что на них изображено?

К: Очень интересные рисунки, знаете ли. Александр Васильевич, очень. Насколько я понимаю, они имеют отношение к какому-то криминалу, не так ли?

Н: В некоторой степени. Я не хотел бы вдаваться в детали, если возможно, то ограничимся только тем, что я могу вам предложить. Что обозначают эти рисунки, что они выражают? Они вам знакомы? Может быть, вам известно, к какой религиозной или оккультной концепции они относятся?

К: Если бы я обладал большим объемом информации, то смог бы дать вам более исчерпывающие ответы.

Н: Увы. Лев Борисович, к огромному моему сожалению, просто не имею права посвящать вас в обстоятельства этого дела. Во всяком случае, на настоящем этапе. Поверьте, я это делаю не только в интересах следствия, но и в ваших интересах, поэтому давайте ограничимся тем минимумом информации, который есть в нашем распоряжении. Итак...

К: Что ж, Александр Васильевич, я вас понимаю и постараюсь быть вам максимально полезным. Что же касается фотографий, то, как можно заметить, они сделаны в разных местах. Значит, дело принимает серьезный оборот, а, Александр Васильевич?

Н: Лев Борисович...

К: Ну хорошо, хорошо. Пусть это действительно будет вашей проблемой. Я же постараюсь в меру своих скромных знаний пролить свет на эти ваши "художества". Давайте посмотрим... Что ж, эти рисунки, как вы могли заметить, несколько разнятся по своей структуре на всех фотографиях, но в их основе, безусловно, содержится единая концепция, выдержан единый стиль, так сказать. Могу вас заверить, что это не абсурдная мазня шизоида или сюрреалиста. Насколько я понимаю, рисунки содержат в себе чрезвычайно сложную символику пространства и времени. Можно сказать, что это очень глубокая и тщательно продуманная оккультная психографика, несущая в себе не только определенную идею, но и некий энергетический заряд, который выражает чувства и намерения того, кто все это создал. Как вы видите, все рисунки составлены из нескольких иконографических мистико-ритуальных традиций, тем не менее, явно взаимосвязанных между собой. Вот, например, посмотрите сюда. Эти символы типологически близки к ритуальной росписи древних тюрков. Вот эти рунические письмена тоже родственны этой группе. Великолепные образцы подобной

письменности обнаружены в Монголии, на реке Орхон, на развалинах когда-то знаменитой столицы чингисидов – Кара-Корум, что в переводе означает Черный город. А вот, вы посмотрите, посмотрите, Александр Васильевич, как выполнена вот эта вязь. На-поминает черную паутину, не правда ли? Ее наносили, скорее всего, с помощью трафарета, либо... человек, рисовавший ее, не только неплохой знаток оккультных знаний, но еще и большой художник.

Н: Лев Борисович, посмотрите, а вот эти знаки? Они расположе-ны как-то странно...

К: А-а, вы тоже заметили? Это неудивительно. Это, скорее всего, "соперничающие" знаки. Я могу предположить, что эти – символы буддийской традиции, а вот эти, на другой стороне, выполненные в другом цвете, – знаки "бон".

Н: "Бон"? Что это такое?

К: Соперником буддийского мировоззрения, проникшего в Тибет в VII веке нашей эры, стала религия "Бон", первоначально имено-вавшая себя "Лха Чой". "Бон" называли наследником переднеазиатского митраизма, высокоразвитым шаманизмом. Так вот, позже термин "бон" перешел к буддийской секте, которая стала называться "бон по". Позднее последователи "бон" распались на два направ-ления – "белый бон" и "черный бон". Некоторые тибетологи тракту-ют термин "бон" как небуддийские по своему происхождению эле-менты, включенные в тибетский буддизм. Например, в тюркской среде буддизм гак плотно сросся с шаманизмом, что получился совершенно уникальный религиозно-мистический субстрат. Все дело в том, что тюрки имели очень тесные связи с буддизмом. На протяжении столетий культура тюрков соприкасалась с буддийским миром Ти-бета и Монголии, а еще ранее с буддийскими центрами Средней Азии и Восточного Туркестана. Важную роль в проникновении буддизма к древним тюркам играли согдийцы. Буддийская терминология уй-гуров обнаруживает большое число согдийских заимствований. В процессе адаптации буддийских верований у древних уйгуров сло-жился своеобразный буддийско-тюркский пантеон. Вот, например, видите эти символы? Знаете, что они означают? Это имя. Оно, кста-ти, встречается на всех фотографиях и означает оно – Айбыстан, или, если хотите, – "адский Эркиг-хан", Черный бог подземного мира Эрлик у алтайцев, или в ламаистской мифологии бог смерти Яма.

Н: Очень интересно. Я, правда, несколько упустил кое-какие мо-менты из вашего рассказа, но... если имя этого бога встречается на всех рисунках, значит, это почитатель этого – как вы назвали его – Ямы оставляет нам все эти картинки?

К: Да, вполне возможно, я ведь не знаю всех обстоятельств этого дела.

Н: Лев Борисович, простите мне еще раз мою некомпетентность, тюрки – это где-то...

К: Тюрки занимали довольно обширную территорию. Но в каче-стве ориентира могу назвать один из исторических центров распро-странения тюркских племен – это Алтай.

Н: А-а, понятно. Я и не подозревал, что Алтай как-то связан с буддизмом.

К: А это и неудивительно. Очень многие, даже из живущих на Алтае сейчас, не подозревают об этом, как и о многом другом, что происходит в этом загадочном краю. А, между прочим, существует легенда, согласно которой Алтай является прародиной всех людей Земли.

Н: Ну-у, такие легенды есть у каждого народа.

К: Так-то оно так, но, хотя пока это только гипотеза, многие извес-тные ученые всерьез рассматривают подобную возможность. Рас-копки на Алтае вообще породили массу сенсаций. Например, обще-принято было считать, что Сибирь не входит в число

тех мест, где зародился "человек разумный". Археологические и антропологические исследования последних лет позволили включить Алтай в область становления современного физического вида человека. Именно с Алтая началось распространение палеолитических культур в северные районы Сибири. Считалось, что "человек разумный" сформировался 37-39 тысяч лет назад. Алтай отодвинул эту границу до 50 тысяч. Алтайские раскопки имеют без преувеличения мировое значение. Например, с помощью находок на Алтае доказано, что в Северную и Южную Америку человек пришел из Сибири. Предполагается, что индуизм имеет сибирские корни, и где-то в Сибири в незапамятные времена был построен легендарный храм Ханумана. Есть еще много интересных фактов, но я не буду отнимать у вас ваше бесценное время. Для нас в данный момент важен тот факт, что во времена Будды на Алтае действительно складывалась особая цивилизация. И кто знает, может, и Будда, в самом деле, принимал в алтайских горах высокое посвящение?

Н: Минуточку. Вы о чем? Какое посвящение? Насколько мне известно, Будда – это... Индия, или Цейлон, Непал, или что-то в этом роде?

К: Ну, видите ли, Александр Васильевич, не все так однозначно, как вы думаете. История Будды не так категорична, как это представляют себе многие люди. Что же касается Алтая, то это довольно интересный миф. Мне затруднительно будет пересказать его вам. Советую почитать как-нибудь на досуге. Это алтайский миф о сотворении мира.

Н: Что вы, Лев Борисович, у меня не бывает досуга. Особенно последнее время. Ну, а вкратце, в чем там суть?

К: Суть в том, что, согласно этому мифу, верховный бог Ульгень создал сначала небо и воду. Создан впоследствии землю, он сотворил первое живое существо – Эрлика, который был ему как брат и помощник, а затем первый враг. Для того чтобы противостоять ему, Ульгень создал из сплава чугуна и серебра богатыря Мангдышире. В ламаистской мифологии это бодхисатва Манджушри, один из пяти дхьяни-бодхисатв пантеона северного буддизма. Затем из камыша и глины Ульгень создал семерых мужчин, восьмого он сотворил на горе Алтын-ту и, вдохнув в него жизнь, дал ему власть над человеческим миром. Когда этот человек сотворил себе женщину, тоже из глины и камыша, от Ульгения к нему пришла собака, которая принесла в зубах письмо, что гласило: "Будь имя твое Майдере, всем ты управляй". Вот такая история.

Н: Подождите, Лев Борисович, а причем тут Будда? Какая-то собака, какой-то Майдере...

К: Именно, какая-то собака, Александр Васильевич. У меня на этот счет есть ряд собственных гипотез, если заинтересуетесь, я вам расскажу поподробнее. А что касается Майдере, вы ничего не улавливаете в этом имени?

Н: Простите, мне оно ни о чем не говорит.

К: Это неудивительно, вы же не специалист. Майдере – в монгольском пантеоне – Майдар. Ламаисты-тувинцы, например, считают, что когда-нибудь в нашем мире появится "религия бога Майдара". Сейчас же существует "религия бога Чанарзака" – тибетского Ченрезига. То есть созданный на горе Алтын-ту Майдере – это не кто иной, как Майтрея, будущий пятый Будда в человеческом облике.

Н: М-да-а.

К: Вы, я вижу, совсем запутались, Александр Васильевич.

Н: Да уж, столько информации... Не пойму только, как это все пересекается друг с другом, в какой точке? И что эти рисунки делают в наше время здесь, в Москве?

К: Ну, если повнимательней взглянуть на конфигурацию рисунков, то точки пересечения проглядываются достаточно отчетливо.

Н: В самом деле?

К: Да. Вот они.

Н: Что это за символы?

К: Это очень сложная область на самом деле, Александр Васильевич. Давайте для начала рассмотрим все остальные символы, которые нам предложил ваш загадочный некто. Начнем вот с этого.

Н: Что это?

К: Это "шаманская Сеть", графическое выражение магической воли шамана. С помощью таких "Сетей" шаманы некоторых народностей выслеживают и ловят "Кут" своего врага или человека, которого необходимо отыскать в стране мертвых.

Н: "Кут"? Что это значит?

К: У разных народностей этот термин имеет различное толкование. У одних он обозначает понятие "двойника", у других – "удачи", "воли", "жизненной силы". Когда шаман ловит "Кут" своего врага, про такого человека говорят: "Кам джигён" – шаман съел. Об этой процедуре упоминается в "Сабыр Бичик" – "Книге о нашептываниях", одном из редких письменных текстов шаманов. Между прочим, эта вязь чем-то напоминает "пене".

Н: "Ве́ве"?

К: Да. Магический символ колдунов-вуду. У них он символизирует астральную силу и используется для привлечения мощи того или иного духа. Она также напоминает "ключи Ма-ку-тан" – древнюю тайнопись, но опять же, только напоминает. М-да... Ну ладно, давайте теперь рассмотрим знаки, которые встречаются на всех фотографиях. Это и есть точки пересечения. Вот, например, этот знак. Что вы можете сказать о нем?

Н: Напоминает стилизованную свастику?

К: Да, это Свастика, опять же, шаманская Свастика. Видите, как она нарисована? М-м, очень интересно... В нашей стране сложилось превратное отношение к этому знаку, а ведь свастика – это не элемент фашистской идеологии, так же, впрочем, как и христианский крест, который стал символом жестокости и насилия во многих странах, поработанных крестоносцами. Свастика является очень древним магическим элементом. Это символ благополучия. Это также символ эзотерического буддизма. Ее даже называют "Печать Сердца", по преданию, она была запечатлена на сердце Будды. Известна она также под названием "буддийский крест", "оружие Тора", "мистический крест Джайна". С санскрита переводится как "прекрасный", или "Быть добру!". Очень часто встречается в Иране, Индии, Китае, Тибете, Сиаме, Японии и ряде других стран, где буддизм пустил прочные корни. Хотя, одной из стран, где Свастика применялась наиболее часто, является, между прочим, Россия. Да-да. Свастика являлась главным обереговым символом славянских народов. В праславянских орнаментах она является, чуть ли не единственным символом защиты и удачи. Согласно преданиям. Огненная Свастика была изображена на щите, который Вещий Олег прибил на врата Царьграда. Наиболее популярной у славян была как называемая Свастика-Коловрат. Очень распространенным символом свастика была у народов Западной Сибири. Я, например, встречал ее на росписи старинной утвари в Горной Кольвани. Между прочим, этот знак очень активно использовался большевиками. Представляете, на большевистских тысячерублевых банкнотах был изображен знак вращающейся "лунной" Свастики. Она даже была изображена на

печати Московского губернского совета депутатов РСФСР. А красные конники Отдельной одиннадцатой армии, носили свастичный символ на рукаве, а на головных уборах у них, вместо красноармейской звезды, красовалась голубая Свастика. Вообще, это чуть ли не самый распространенный мистический символ. Очень тесно связан он с культом бога огня Агни и культом Ветра. Как символ Агни, свастика обозначает высший принцип, первичное Начало. Символика Хастамги – Свастики – наиболее известна и почитаема среди кочевых Тамг. Крест, который лежит в основе свастики, символизирует Учение о Четырех Великих Элементах. Упоминание об этом знании, в частности, встречается в шаманских обрядниках, посвященных культу Огня – "dorben xari tabun ongge". Свастика выражает эзотеризм "Четырех Великих". Видите, этот знак развернут в другую сторону? Петь два вида свастики: "правосторонняя" и "левосторонняя". "Правосторонняя" символизирует концентрацию, "за-винчивание" энергии, что позволяет открывать проход высшим си-лам. "Левосторонняя" свастика считается символом магического влияния. Да, кстати, согласно некоторым источникам, свастика до конца Средневековья была одной из эмблем Христа. А согласно еще одному преданию, Чингисхан носил на правой руке перстень с изображением свастики, в которую был вправлен рубин – солнечный камень. Кроме того, свастика засвидетельствована в традиционной символике Древнего Египта.

Н: О-го-го, я сегодня узнал столько нового, что голова кругом. Ну, а вот этот знак?

К: Это очень необычный знак. Он напоминает древний символ богини Иштар, превратившийся со временем в символ ислама. Но на самом деле это нечто иное. Он обозначает древнюю магию, настолько древнюю, что ее можно сравнивать с появлением первого человека. Это – Солнце и Темный Полумесяц. Свет и Тьма. Это могущество особого рода. Его практиковали древние шаманские культы, которые рассматривали сферу нашего мира как "лунно-солнечную землю" – "Ёджлу-кюндю джар". Больше про них мне ничего не известно.

Н: Однако! Ну да ладно, но я никак не могу понять одного: как связаны между собой все эти знаки? Египет и буддизм, азиатские маги и шаманы, солнце с луной и свастика?

К: Я же уже говорил вам, уважаемый Александр Васильевич, не все так однозначно, как это может показаться на первый взгляд. Я чувствую, что здесь зашифрована какая-то важная идея, какой-то глубинный пласт чего-то грандиозного. Но для того чтобы проанализировать свои впечатления, мне необходимо время.

Н: Боюсь, Лев Борисович, у меня его нет.

К: Я понимаю, понимаю, но вот так сразу, сейчас, я вам вряд ли скажу что-то большее. Эти знаки... Они ведь не случайно расположены подобным образом. Скорее всего, они являются указателями, которые задают направление. Вот, посмотрите: Солнце, оттененное Луной, крест Джайна или Свастика – они имеют одно и то же значение и, словно ступени, ведут нас к пониманию идеи, которую хотел выразить ваш таинственный художник. Я ведь не случайно в своем рассказе об Алтае проводил параллели с другими религиями. Уже давно известно, что все мифы, подобно ветвям одного дерева, питаются из одного корня. Так и все магические традиции имеют свою точку отсчета. Вот, смотрите, на всех рисунках идет четкое разделение на два цветовых поля – красное и синее. Свет и Тьма. Солнце и Луна. Они всегда взаимодействуют друг с другом. Солнце в мистической традиции – источник Силы, Луна – источник Мудрости и Тайны. Полумесяц был священным символом вавилонской и халдейской Астарты, египетской Исиды и греческой Дианы. Позднее,

между прочим, использовался в символике, связанной с Девой Марией. Кстати, Лунную Свасти-ку изображали внизу живота богини Иштар. А вот символ Солнца – Огненная Свастика, огненный знак. Вот здесь, видите, у этого знака нарисованы два протуберанца, два крыла? Крылатое божество. И вот здесь тоже. Темное солнце – и тоже с крыльями. Крылатая Тьма и Крылатый Свет. Это на самом деле очень символическое дополнение к общей картине. "Непознаваемая Тьма" расправляет свои крылья, "Кали Хамса" – Черный Лебедь, или как его еще называли – "Хун Шубун", Черный Гусь – Мудрость во Тьме. А вот этот знак может символизировать Крылатого бога Солнца.

Н: Уф. Боюсь показаться вам несносным тупицей, Лев Борисович, я окончательно запутался. Это невысказано. Я полностью потерял нить понимания. Мне необходим небольшой тайм-аут. Давайте не-много отдохнем, попьем кофейку...

К: С удовольствием, Александр Васильевич, с удовольствием!

Н: Одно для меня по-прежнему остается камнем преткновения: что он хотел выразить этими рисунками?

К: На этот вопрос, боюсь, сиюминутного ответа вы сейчас не получите. Хотя... у меня есть одна гипотеза. Причем она странным образом перекликается с темой моих последних изысканий. Единственное, Александр Васильевич: я надеюсь получить от вас гораздо больше исходной информации, это облегчит мне работу. Ведь очевидно, и не пытайтесь это скрывать, все эти рисунки связаны со смертью. Ведь так?

Н: М-м, можно сказать, что так.

К: На это указывают все атрибуты, составляющие композиции. Эти рисунки – часть ритуала. Древнего ритуала. Человек, создавший их, очевидно, сведущ в этой области. Вероятно, он принадлежит к какой-нибудь секте или является специалистом по оккультизму, трудно предугадать. Ясно одно – эти рисунки выражают определенное мировоззрение, они очень тщательно продуманы и созданы с величайшим вкусом и мастерством. Этот человек – мастер. Но мировоззрение, которое он выражает посредством своих работ, конечно же, устрашающе. Потому что оно чуждо современному человеку. Оно основано на магии, древней магии. И еще одно я могу сказать вам наверняка. С этим человеком у вас еще будут проблемы. Большие проблемы.

Н: Почему вы так думаете?

К: Потому что вот этот знак, выполненный на всех фотографиях темно-красной краской, очевидно, кровью, обозначает символ Проводника.

Н: Проводника?

К: Да. Проводник – "Дух смерти". Он уводит человека в подземный мир, когда наступает его время и проводит его через Ворота ино-го мира. А ваш художник явно ассоциирует себя с чем-то подобным. Да и эти знаки: Солнце, вписанное в темный круг с неполной Луной, и Свастика, они действительно отождествляют собой запретную область. И то, что этот человек использует их в своих ритуалах, говорит о многом. Он может быть опасен, очень опасен. Согласно догматам розенкрейцеров, "Свет и Тьма сами по себе тождественны, они разделены лишь в человеческом уме". Понимаете? Вот что он пытается вам объяснить. Красный и синий цвет. Солнце и Луна... И если Крылатый Бог Солнца – светлое божество, то обычно упоминается и его вторая половина, неотъемлемая часть его сущности – Великая Тень – темный бог-разрушитель...

Николаев устало откинулся на спинку кресла и, закрыв глаза, по-массировал пальцами виски. В кабинете было темно. Свет зажигать не хотелось, хотя ослепительный фон монитора многократно усиливал давление на глаза за счет контраста с окружающей темнотой.

"Домой ехать поздно уже..." – подумал подполковник и посмотрел на часы, – "половина третьего". За окном ночь – время тишины, самое удобное для работы, требующей концентрации и отсутствия по-стороннего внимания. Внезапно Николаев понял, что провел эту ана-логию не столько применительно к себе, сколько к Духу, так опера-тивники условно назвали ритуального убийцу. Он был где-то по-близости, в том же городе... Возможно даже, что эта ночь принесет новые хлопоты.

"ТЬфу-тьфу-тьфу. Этого еще только не хватало. Как это утомитель-но, сидеть и ждать, пока пот мистический киллер умертвит очередную жертву, вполне вероятно, что тоже с физиологическими анома-лиями. И правда, мистика какая-то. Предугадать его поведение невоз-можно, хотя, как выяснилось, оно имеет определенную системность и последовательность. Интересно, сколько их в Москве, этих "аномальщиков"? И почему этот убийца их так ненавидит? Каменский назвал его мастером. Возможно. Людей он мочит действительно мастерски. Но зачем ему весь этот балаган с рисунками? Демин считает, что весь этот ритуальный антураж – блеф, нагнетание страха. Что ж, это тоже версия. Но Каменский, похоже, придерживается иной точки зрения. Его сильно увлекли эти проклятые рисунки. Посмотрим, может, он предложит что-нибудь действительно стоящее. Наверное, лучше него с этой "визитной карточкой карающего бога" не справится никто. Мощный мужик! У него в голове невероятное количество информа-ции: аналогии, ассоциации, гипотезы, мифы... Рисунки-то он сразу по полочкам разложил: там – свет, там – тьма, там – добрый светоносец, там – его зеркальное отражение, дух-убийца. Жуть!".

Николаев посмотрел на экран монитора, где высвечивались дан-ные по обеим жертвам этого темного бога или его жреца. Фамилии, имена, места работы, адреса и так далее. Уже более четырех часов подполковник сидел вот так перед компьютером и всматривался в этот список, пытаясь все-таки понять, разобраться, что же объе-д-няло этих двух несчастных в их прошедшей жизни и что могло послу-жить причиной того интереса, который проявил к ним убийца? Ох-ранники господина Перова в данном случае в расчет не идут, так как, вероятнее всего, они оказались втянутыми в этот ужас случай-но. У них-то с физиологией оказалось все в порядке. А вот у этой парочки... Кто они? В какой клинике получили эти загадочные люди свое идеальное здоровье? Ответ на этот вопрос мог бы послужить ключевым звеном в разгадке всей головоломки. Согласно докумен-там, подлинность которых, кстати, поставлена сейчас под сомнение, этим людям было уже около сорока. А состояние внутрен-них орга-нов – как у двадцатилетнего юноши, все двадцать лет прошедшего в идеальных условиях обитания: все органы без признаков каких-либо дефектов. Согласно анализу ДНК – вероятно способность к повы-шенной регенерации, т. е. восстановлению любых органических повреждений, за исключением разве что, смертельных, как показала практика. Прямо – "Homo super"...

Николаев встал и прошелся по кабинету, разминая затекшие ноги и спину. Подошел к шкафчику в углу кабинета и достав из него пакет с кофе, насыпал в кофеварку двойную порцию. Домой ехать хотело лишь уставшее тело, возбужденный разум нетерпеливо жаждал продолже-ния изысканий. Подполковник сел обратно за стол,



отпив обжигающий кофе. На столе короткими сигналами зазвонил аппарат транковой спецсвязи. Николаев взял в руки изящную трубку "ТС":

– Слушаю.

-Алло, Александр Васильевич, вы где? – это был капитан Демин.

– Я у себя, в кабинете. Ты где, Паша?

– Я в управлении, в БОИ. У нас новости.

"Началось", – мрачно подумал Николаев и пробормотал, чувствуя, как опять нехорошо заныло сердце. Похоже, недавние опасения все же начали сбываться.

– Что, еще?

– Не совсем, хотя и возможно, – Демин был, как всегда, бодр в любое время суток и по его голосу невозможно было определить степень его волнения или озабоченности. – Нужно разобраться...

– Сколько их? – сухо спросил подполковник, откидываясь на спинку кресла и расстегивая верхнюю пуговицу сорочки.

-Трое...

"Вот дерьмо. Значит, их уже семеро...".

-Как трое?

– Александр Васильевич, тут нужно выяснить некоторые обстоятельства. Может это и не наши вовсе. Дело почти месячной давности. Я отработывал все ЧП за последнее время по Москве и наткнулся на них. Кое-что мне показалось странным. И хотя общая картина несколько иная, чем в наших случаях, некоторые моменты заставляют насторожиться. Вы еще долго у себя будете? Я бы прямо сейчас подъехал.

– Я тебя жду.

– Буду через двадцать минут.

Сигнал отбоя дал отсчет долгим двадцати минутам, в течение которых. Эксперт это знал, зловещие домыслы будут терзать его воображение новыми видениями, исполненными очередными ужасами.

– Вот они. – На стол легла папка с подколотыми к уголовному делу стандартными фотографиями, на которых в нелепых позах застыли трупы.

Николаев мрачно рассматривал их, пытаясь увидеть почерк Духа, затем перевел взгляд на капитана:

– В чем схожесть ЧП?

Демин склонился над полом и, взяв в руки глянцевые фотоснимки с жутким содержанием, принялся объяснять:

– Месяц назад, десятого мая, в лесополосе, окаймляющей Каширское шоссе, были обнаружены трупы трех мужчин. Все трое установлены. Вот этот – Пеньковецкий Григорий Дмитриевич, этот – дважды судимый Кутаев Олег Васильевич, этот – тоже судимый Гурзовский Виктор Степанович. Рядом с трупами находился автомобиль "Жигули" девятой модели, принадлежавший одному из убитых – Пеньковскому. По факту убийства возбуждено уголовное дело и выдвинуты две рабочие версии: одна – сведение личных счетов, другая – передел влияния в криминальном бизнесе. Версия – убийство с целью грабежа или угона транспортного

средства – сразу отпала: все деньги и автомобиль были нетронутыми. По сведениям оперативников РОВД, которые занимались этим делом, все трое занимались "черным извозом" – "кидали" гостей столицы, предлагая им автомобиль до города по бросовой цене. Может, не поделили что-нибудь, может, дорогу кому-то переехали, а может, "кинули" кого-нибудь не того. В общем, все трое со следами насильственной смерти – в темном лесочке, куда на-верняка сами лохов возили "побриться".

Николаев еще раз внимательно изучил изображения трупов, действительно отмечая что-то непривычное в их позах. Хотя, какая может быть привычность в расположении мертвых тел. Смерть редко приходит к людям подобного образа жизни безмятежно, во всяком случае, таковыми занимаются другие инстанции. "Клиенты" УСО с жизнью расстаются обычно мучительно и тяжело. Столько уже подполковник пересмотрел этих искореженных смертью тел, что, казалось бы, действительно должен был уже привыкнуть. Но оказывается, к этому привыкнуть невозможно. Смерть ведь тоже мастер на все руки. Ее околелые "скульптуры" постоянно бьют по подсознанию, обдавая могильным холодом даже с листа фотографии. А в этих трупях есть что-то еще, что-то...

– Паша, я не хочу читать описание и заключение. В двух словах... Демин хмыкнул и, кивнув на принесенные им материалы дела, про-изнес:

– Интересный нужно отметить случай. Автомобиль был один. Трупов – три. Значит, пассажиров было максимум двое, перегруженную машину тормознули бы на КП. Все трое – здоровые молодые мужики. Один в прошлом – мастер спорта по боксу. И что мы имеем? Все трое – трупы. У всех троих почти все кости сломаны, словно их через дробилку прогнали. Причем характер повреждений дает основания предполагать, что все участки костной структуры были нарушены точными сильными ударами. Я консультировался у спецов, они разводят руками. Маловероятно, говорят, хотя, конечно, возможно. Но мастера такого класса у них – но пальцам. Причем все – сотрудники силовых спецподразделений. Спортсмен не сможет действовать столь эффективно и... эффектно. Однозначно лишь одно – здесь поработал настоящий костолом. Профи высшего класса. Представляете, с какой скоростью он должен двигаться, чтобы обработать всех троих, и с какой силой должен лупить, чтобы кости в нескольких местах просто взрывались? Да, вот еще что, он разложил их как-то странно. Словно нам послание оставил. Мол, и эти "огарки" – тоже моих рук дело. Правда, никаких рисунков шизоидных, но...

Демин замолчал, выжидательно глядя на Эксперта. Николаев, прищурившись, перебирал фотографии, пытаясь поймать то неуловимое ощущение, которое всегда присутствовало вокруг деяний Духа. Очень хотелось верить, что эти жертвы принадлежат руке другого убийцы, но интуиция уже коварно шептала подполковнику, что никакой другой убийца действительно не сможет действовать так эффективно и... эффектно.

"Это он. Он. Он. Он все еще здесь... Это он".

– Какого, ты говоришь, числа были обнаружены трупы?

– Десятого мая.

– А первая жертва Духа зарегистрирована...

– Одиннадцатого. Орский.

– Это он, Павел. Я уверен, это он. И это – тоже наши клиенты. Эксперт бросил кипу фотографий на стол, и они разлетелись по гладкой поверхности несимметричным веером.

– Значит, он прилетел десятого или девятого в Домодедово?

– Выходит, так.

– И тут же оставил нам послание. Первый указатель. Словно обращает на что-то внимание, ведет нас куда-то. Ты понимаешь, Паша, что это означает?

– Не совсем, Александр Васильевич.

Николаев улыбнулся, вспоминая свою недавнюю беседу с Каменским:

– Это значит, уважаемый Павел Сергеевич, – Эксперт назидательно направил на капитана указательный палец, – что наш "азиатский ястреб" прилетел все-таки оттуда, где, как предполагает профес-сор Каменский, взяла начало человеческая цивилизация.

– Из Эдема что ли? – улыбаясь, спросил Демин, удивленно по-смотрев на своего шефа.

## 2. БЕЗЫСХОДНОСТЬ. Сны

(Главы-ретроспекции, 1992 г., Барнаул)

Меня зовут Максим Ковров. Я – тайшин. Что это значит? Я не таю точно. Но я попробую рассказать об этом тому, кто сейчас читает мой дневник. Но писал я его не для этого. Более того, скорее всего, читатель моих сумбурных записей сочтет это все полным бредом или вымыслом. Но мне все равно. Возможно, эти записи вообще никогда не станут достоянием постороннего человека. Я писал их для себя. Для того чтобы не свихнуться. Но, обо всем по порядку. Итак – я тайшин! Хотя подобное утверждение стало доступным для меня только сейчас. Тогда, в 92-м, я и думать не смел о тех событиях, и которые был впоследствии вовлечен. Можно бесконечно долго вспоминать о том периоде, когда я еще пребывал в "счастливом" неведении относительно моей будущей судьбы, но в данный момент у меня нет ни времени, ни желания касаться этой полузабытой и наполненной слишком драматическими переживаниями области воспоминаний. Это было воистину жуткое время для меня. Я совершенно не понимал, что со мной происходит, мрачный и таинственный мир неведомого постепенно овладевал моим рассудком, моим телом и моей душой. И в то же время привычный для меня мир вдруг в один прекрасный момент предал меня, превратившись в хитрого и коварного преследователя. Я оказался между двух огней, каждый из которых хотел меня испепелить и в одинаковой степени угрожал моему разуму. Это были самые страшные дни, когда непонимание родных и предательство многих людей, которые раньше считались моими друзьями, граничило с темными аспектами иного мира, который вдруг заявил на меня свои права. Я назвал тот период Безысходностью. Это название как нельзя лучше отображает то состояние, которое я переживал в своей мятущейся душе. Эта рукопись, составленная из моих черновиков, позволила мне не сойти с ума, снять колоссальное напряжение, которое царило у меня внутри. Здесь я приведу лишь основные моменты того периода, которые являются наиболее фундаментальными и наиболее значительными для меня. И хотя мое Посвящение началось намного раньше, первый осмысленный шаг к его осознанию и практическому постижению приходится на 92-й год – время беспокойных снов и загадочных знаков, Время Наваждений...

## ЗАПИСИ В ДНЕВНИКЕ (Максим Ковров – 21 год).

"20.06.92 г., время – 02.36 (ночь)

Проснулся в холодном поту – опять все тот же сон! Оба демона – ЙОРМ и Зеркальщик снова охотились за мной. Я больше не могу это терпеть! Жуткая боль во всем теле. Я опять выбрался из своего сна, приложив поистине нечеловеческие усилия, извиваясь на кровати от этой адской боли. Хорошо хоть сегодня не кричал. Нее спят, значит, на этот раз обошлось.

Как обычно, проснулся только АРЧИ, тревожно меня разглядывая. Боже, как мне плохо! Тряхнуло так, словно прижался к оголенно-му высоковольтному проводу. Лежу, прихожу в себя, пытаюсь рассла-биться. Что же это делается, а?

Сильно помогают записи – я отвлекаюсь. Вот и сейчас, накрылся одеялом и пишу при свете фонарика. Рука дрожит, как у алкаша. Может, это от боли, а может, от страха. За окном – ночь. В квар-тире, соответственно, тоже. Жутко! Боюсь увидеть бликующий силуэт Зеркальщика в темноте комнаты. Тогда точно сойду сума. А ЙОРМА вообще нельзя увидеть во тьме. Он сам – тьма. Может, он и сейчас там, висит под потолком и смотрит на меня. Хотя его наверняка учуял бы АРЧИ и поднял лай, прогоняя прочь. Говорят, собаки очень чувствительны к призракам. А АРЧИ всегда насто-ро-же. Мой верный Пес. Дремлет, но я знаю, он все слышит, малейший звук. Дружище АРЧИ. Его присутствие внушает какой-то необъяс-нимый покой. Он, словно телохранитель, бодрствует со мной ноча-ми, а затем отсыпается днем, бедняга. Мне же сегодня днем придет-ся туго. На этот раз "выворот" был что надо! Наверняка темпера-тура подскочит под сорок, нахлынет эта одуряющая слабость и буду несколько дней валяться в кровати. Черт подери! Тьфу-тьфу... Упоминание чертей сейчас неуместно. Ничего. Отлежусь. Во всяком случае, после "выворотов" эти твари дают мне передохнуть. Отку-да они взялись? Что это – шизофрения? Еще немного, и я точно сой-ду с ума. Рассказать обо всем родителям? Поймут ли? Пока у меня только один Друг – АРЧИ, которому я могу доверить свои секреты. Нужно, кстати, пойти погулять с ним, пока совсем не скрутило. Нам обоим безумно нравятся эти прогулки по ночному городу. И по-степенно прихожу в себя, а АРЧИ бесится, как щенок, без поводка и намордника. Он у меня совсем стал ночной собакой. Сам черный как смоль, словно и правда кусочек ночи. Я и его втянул вслед за собой в этот кошмар, сбил псу все биоритмы. Вон, подпил свою остроухую голову и смотрит на меня. Уловил мое настроение? Как он почувствовал? Может, он телепат? Я не удивлюсь. С такими ушами можно слышать все, даже мысли. Редкий красавец! И к тому же ни самом деле – мой единственный Друг. Он один знает о моих проблемах. И он, только он защищает меня от них.

Все, заканчиваю писать. Никогда еще не шкал так много, даже палец заболел. Но, тем не менее, полегчало. Кроме того, мне важно максимально зафиксировать первые впечатления от "выворотов", пока они свежи в памяти. Днем все воспоминания об этих диких сновидениях стремительно тускнеют и забываются. Уже к вечеру я ничего не помню. Остается только боль, температура, мои записи и безликий, тягучий страх. Безысходность. Ладно, все. Пора освежить мозги...".

"20.06.92 г., время – 11.30 (день)

Так я и думал. Полный отруб. Лежу, словно игрушка без батареек. Абсолютная обесточенность, слабость и тошнота. В глазах – черно-красная пелена. Дальше будет

еще хуже, я знаю...".

"21.06.92 г., время – 9.17 (утро)

Температура – 39,7. Самочувствие на нуле. Пошел в туалет и упал в обморок. Рухнул в угол и очухался только через пару минут. В глазах – тьма и мерцающая зелень. Еле дополз до кровати. Всего трясет, уши заложило, в животе спазмы и пульсирующая боль. Да-а, так меня еще никогда не прихватывало...".

"... время –15.43 (день)

Вроде отпустило немного. Приходил врач, растерянно осмотрел, с диагнозом – заминка. Назначил какие-то таблетки, я их выбросил в форточку (от демонов таблетки вряд ли помогут). Вообще, мерзкий тип. АРЧИ хотел его укусить. Чувствительный пес! После пани-ческого бегства врача-очкарика подошел и положил голову мне на грудь. Сразу стало легче. Собаки – потенциальные экстрасенсы. АРЧИ – точно!".

\* \* \*

– Первая пара: Пешков – Кутасов, вторая: Ковров – Медяник...

Максим кивнул и сел вместе с остальными учениками на пол, на-блюдая за джиу-кумите, поединком первой двойки. Нее началось как обычно: поклон сэнсэю, поклон залу, поклон сопернику и... Хаджиме! Бой начался. Бойцы замерли на мгновение, оценивая потенциал противника, а затем медленно пошли на сближение. Додзе – школьный спортзал, замер. Слышны были только шлепанье босых ног спаррингующихся по деревянному полу и их громкие крики, вы-рывающиеся из груди во время нанесения очередного удара.

– Не танцуем, жестче работаем. Это вам не балет... – сэнсэй, молодой парень по имени Володя, кружил вокруг соперников, словно тигр, отмечая каждое их движение. Он сам был очень жестким бойцом и стирался передать этот стиль ведения боя своим ученикам. Карате он начал заниматься лег семь назад, во Владивостоке, у на-стоящего японского мастера. Но, помимо восточных единоборств, в арсенале Володи была многолетняя практика уличного боя, которая и наложила основной отпечаток на методику его преподавания.

– Яме! Закончили. Следующие.

Максим поднялся на ноги и, разминая мышцы, вышел на освободившееся пространство импровизированного татами – участка пола, огороженного со всех сторон сидящими на полу учениками.

– Повторяю, основная цепь воина – вывести противника из строя наиболее эффективным методом и с наименьшей затратой сил, – сэнсэй объяснял эту аксиому присутствующим каждые пятнадцать минут тренировки. – Запомните, мы не на спортивной арене и не перед девочками во дворе. Карате – это искусство, созданное, в первую очередь, для выживания. Танцы и красование здесь неуместны. Приготовились...

Это относилось уже исключительно к повой паре, вышедшей на татами. Максим почувствовал возбуждение, разрастающееся внут-ри упругой волной. Хаджиме! Бой начался...

Волны с тихим шелестом мягко ударялись в ржавый борт дебарка-дера, плавно покачивая тяжелое сооружение. С реки дул нежный прохладный ветер, приятно обдувающий тело. Жара стояла просто нереальная. Воздух, казалось, загустел от обжигающих солнечных лучей, пронизывающих все вокруг. И если бы не этот спасительный бриз, Максим не смог бы вынести и десяти минут на этом старом, раскалившемся до невероятной температуры, железном монстре. Близость реки оказывала благотворный эффект: дисперсия воздуш-ных потоков вызывала странное ощущение – медленное сгорание в раздражающей духоте и последующее наслаждение

от прикоснове-ния прохладного ветра.

Максим поправил солнцезащитные очки, съехавшие на нос, и пе-ревел взгляд с бликующих волн на беснующегося у самой кромки воды Арчи, мускулистого, мерного как ворон пса, невероятно силь-ного и поразительного ловкого даже для представителя породы вос-точно-европейских овчарок.

Арчи ловил зубами гребешки волн, накатывающихся на берег. Он погружал свои огромные мощные лапы в песок, замирая перед стремительным прыжком и, дожидаясь очередного наплыва воды, ярост-но бросался вперед, хна гая зубами водяной холмик, исчезающий в то же мгновение. Текучая субстанция не замечала тщетных атак со-баки и ее жутких укусов, что в свою очередь приводило черного охот-ника в еще более яростное возбуждение. Клацанье зубов и звонкий лай заполнили собой весь берег. Максим улыбнулся: "Ничего, здесь это можно себе позволить". Берег представлял собой старый забро-шенный пляж, соседствующий с причалом, тоже старым и уже давно не функционирующим. Людей здесь не было уже, наверное, несколь-ко лет. Все побережье заросло высоченной густой травой. И только один человек приходил сюда снова и снова, каждое лето, каждый дачный сезон, сопровождаемый угрожающе мощной овчаркой, ок-рашенной в цвета безлунной ночи.

Высоко в небе пронзительно закричала чайка. Максим посмотрел вверх, щурясь от яркого света солнца, ловя взглядом одинокий бе-лый силуэт, зависший в безоблачном бирюзовом небе. Печальные звуки разносились на многие метры вокруг, усиливались речной поверхностью и угасали, не найдя понимания, в шуме ветерка, шеле-сте трав, гудке далекого пароходика и гавканье молодого зверя.

– Арчи, дружище, иди-ка сюда. У меня для тебя есть сюрприз.

Овчарка несется к переходным доскам, зачем-то зайдя в зеленова-тую воду, и теперь, словно крейсер, разгребая ее широкой грудью и оставляя за собой шлейф брызг.

Пес наверняка уже давно учуял своим невероятным обонянием запах любимого печенья, но терпеливо ждал приглашения, зная, что лакомство приготовлено специально для него.

-Арчи, сладкоежка...

Хозяин запустил руки в густую шерсть собаки, чувствуя, как игра-ют под кожей упругие канаты мускулов.

В небе опять заплакала чайка. В этом крике было столько тоски и одиночества, что даже пес, склонив голову набок, растерянно по-смотрел вверх.

– Она плачет, Арчи. Плачет. Ей грустно одной там, в безгранич-ном небе. Позови ее к нам, пусть прилетает. Ты угостишь ее своим печеньем.

"Гав. Гав". Пес старательно лает, то ли действительно приглашая птицу к угощению, то ли, наоборот, пытаясь отпугнуть ее от после-дней печенюшки, задержавшейся в руке хозяина.

– Ну, ты, толстый, и жадина. Пожалел для бедной несчастной пти-цы крошку печенья. 1гй надо-то – клювом щипнуть. Это ты их глота-ешь, не замечая. Стыдно, дружище, стыдно...

Пес торопливо жует последний сухой кружочек, растерянно по-глядывая на хозяина виноватыми карими глазами.

-Эге-гей...

Большеухая голова собаки резко дернулись в сторону, поворачиваясь на крик. Максим, прищурившись, посмотрел на поросший метровой травой холм, отделяющий причал от дороги. Там, наверху, стояла девушка в белом сарафане и махала им рукой.

"Ольга". Максим улыбнулся и, хлопнув Арчи по загривку, прошептал в остроконечное ухо:

– Кто к нам пришел... Ну-ка, беги, встречай!

Пес, радостно повизгивая, метнулся к длинной лестнице, ведущей с вершины холма вниз, к воде. А Ольга уже спускалась по заросшим длинными ветками репейника металлическим

решеткам ступеней.

Они лежали в темноте на старом скрипучем диване, разморенные ночной духотой и страстью. Сквозь неплотно задернутые занавески светила ярким холодным светом круглая Луна, улыбаясь с высоты двум молодым людям, разглядывающим ее. Окно было приоткрыто, и снаружи, из сада, тонкой струйкой просачивался в комнату свежий ветерок, словно случайно заблудившийся душной ночью в призрачно белеющих стволах высоких берез, растущих вокруг дачного домика. Пахло травой и жасмином. Максим не видел глаз Ольги, но чувствовал, что она смотрит на него:

– О чем ты думаешь?

Она запустила длинные тонкие пальцы ему в волосы и тихо прошептала:

– Странно все...

-Что?

– Ну, все. Наша встреча, например. Не виделись десять лет – и вот, случайно встретились на пляже. Максим качнул головой:

– Ты думаешь, такие встречи бывают случайными?

-Ты... ждал?

Максим замаялся на мгновение, вдруг вспомнив, что с Ольгой нужно быть обязательно искренним, даже через десять лет. Через десять лет – особенно!

– Если честно, нет. Думал о тебе часто, а на встречу даже не надеялся. Первые несколько месяцев после пионерлагеря даже искал тебя.

– Отец отправил меня в Москву.

– Я так и понял. Потом... старался забыть о тебе. Вернее, нет, не забыть, а спрятать нашу встречу в укромных тайниках памяти. Там, где она всегда будет яркой и нетронутой. Все-таки первое серьезное чувство...

– Да-а?

– Угу. Но ты знаешь, я даже чуточку рад, что все так сложилось. Развитие сюжета вполне могло все испортить... кто знает? Не зря же говорят, что первая любовь очень романтична, но почти всегда безответна и несчастна.

Ольга фыркнула, уткнувшись лицом в подушку.

-Ты что?

Она просмеялась, а затем тихо прошептала:

– Извини. Я вдруг вспомнила... Костер. Помнишь? Как ты сбежал ночью в лес искать цветок папоротника? Максим улыбнулся:

– Конечно, помню. Меня тогда чуть из школы не исключили. А, между прочим, я ведь его для тебя искать пошел. Ольга опять засмеялась:

– А помнишь, как вожатые с физруками пошли тебя искать и взяли с собой Джека? Он тебя по запаху и нашел. А ты лежал в траве и не двигался. Вот все перепугались! Это что-то. А оказалось, ты по инструкции действовал: от Коня Огненного прятался. Ты Джека за Коня при-

нял и упал, дожидаясь, пока он "огнем пофыркает, устанет и уйдет".

Они захохотали оба, вспоминая эту историю, утыкаясь лицами в подушки и судорожно вздрагивая. На кухне спал Арчи, и Максим с Ольгой не хотели тревожить понапрасну его чуткий сон.

– А... а потом ко мне физруки подбежали. Я уже думал, все! Черти приперлись. Виталий Борисович меня ка-ак схватит своими ручи-щами, я ка-ак заору на весь лес...

Воспоминаний было много. Хороших. Добрых. Снова ожили события десятилетней давности. Лесной Город, Топь, Мост и, конечно, дружная Семерка.

Чуть погодя, после долгой череды памятных эпизодов, Ольга на-клонила-сь вдруг к Максиму и, поцеловав его, спросила:

– Ну, ведь не испортило же?

– Что не испортило?

– Ну... развитие сюжета.

Максим притянул ее к себе и, нежно поцеловав в губы, погладил рукой по красивой шее:

– Потому и не испортило, что развитие сюжета возникло сейчас, спустя долгие десять лет. За это время мы выросли, изменили взгля-ды на многие вещи, стали по-другому оценивать происходящее. Эти десять лет оказались чем-то вроде подготовительной школы, испытательного срока, временем подумать и многому научиться.

Ольга повернулась к нему всем телом и крепко прижалась, снова медленно целуя его в губы. Максим почувствовал, как дрожит ее тело, с наслаждением вдыхая волнующий запах, исходящий от ее волос и кожи, – приятная смесь духов и еще какого-то аромата, неповтори-мого и невероятно возбуждающего.

– Макс...

Он вопросительно кивнул, поглаживая пальцами ее хрупкую изящ-ную спину.

– Макс, ты хочешь, чтобы мы были вместе?

– Мы вместе.

– Нет, не сейчас. Вообще. Хочешь?

Максим с удивлением посмотрел в ее широко раскрытые глаза, в которых мерцал, отражаясь, рассеянный свет луны.

– Ты же... замуж выходишь.

– Это не важно сейчас. Понимаешь? Я хочу услышать твое мне-ние, твое желание. Ты хотел бы?

Максим промолчал, погладив ее по спутанным волосам, и, вздох-нув, посмотрел в окно на яркий желтый диск, зависший в небе.

– Ты не хочешь? – Ольга села, обхватив руками колени, и смотрела теперь на него сверху вниз.

– Все не так просто, Оля. Дело не в тебе или во мне. Вернее, и в тебе, и во мне. Ты стала потрясающе красивой, стильной и элегантной девушкой. У тебя свои, уже сложившиеся взгляды на жизнь, у тебя есть парень, в конце концов, перед которым у тебя наверняка есть определенные моральные обязательства. Подожди, не перебивай. Я не хочу вот так резко вносить какие-то перемены в твою и, признаться, свою жизнь. Женитьба или длительные отношения с девушками внушают мне какой-то необъяснимый, мистический ужас. Поэтому мои отношения с ними практически всегда чрезвычайно кратковременны. Я еще, наверное, просто не готов к чему-то большому, уж ты не обижайся на меня, Оля. Я ни за что не хотел тебя



обидеть. Наоборот, пойми, я считаю, что ты слишком... хороша для меня. Я боюсь разочарования, твоего и моего. Я боюсь за тебя, ведь ты практически ничего не знаешь обо мне. Я тоже сильно изменился. И поэтому будет лучше, если мы пока не будем форсировать события. Мне ка-жется, ты меня поняла. И я не хотел бы, чтобы ты обиделась.

Ольга снова легла и прижалась к его груди щекой. Максиму пока-залось, что она была влажной.

– Нет, Макс, я не обиделась. Все действительно сложнее на самом деле. Я рада, что ты тоже это понимаешь...

Они долго лежали молча, пока Ольга не заснула. Максим понял это, уловив ее дыхание, оно стало ровнее и глубже. На кухне заворочался Арчи, переваливаясь на другой бок.

Максим снова посмотрел на Луну за окном, уже успевшую немно-го сместиться на ночном небосводе, и тревожно подумал:

"Полная Луна – жди Наваждений. Только Зеркальщика с Йормом мне сейчас не хватало. А может, это было бы к лучшему. Наглядная демонстрация своей неадекватности, так сказать. Нет уж! Не хочет-ся пугать эту дивную девушку. Это Арчи привык к моим ночным кошмарам, крикам и прыжкам. Но сегодня их не будет. Сон реши-тельно отменяется! Завтра днем посплю, на озере".

Он еще долго лежал так, с открытыми глазами, вспоминая пионерс-кий лагерь, висячий мост через речку и гигантский ярко алый, брыз-жуций искрами, костер... Все это было, будто во сне, далеко и давно, за пеленой тумана, господствующего в памяти. Приходилось мучитель-но напрягаться, чтобы вспомнить отдельные эпизоды, лица, имена. Словно картинки из чужой жизни. Но ведь это было. Было! И Максим с упорством продолжал оживлять то, что было десять лет назад, в бе-зумно счастливой стране его детства. Заснул он уже под утро, прижи-мая к себе одну из участниц этих чудесных воспоминаний – десяти-летнюю девочку, шагнувшую из счастливой сказки, сквозь гуманную завесу в безрадостное настоящее, в облике дивной красавицы...

За окном было уже почти светло.

"29.06.92 г., время– 19.22 (вечер)

Бредятина продолжается! Сегодня беседовал с отцом Ольги – А. Е. Комовым. Как он меня нашел – непонятно. Вероятно, следил за своей дочкой. Разговор состоялся пренеприятнейший. Я узнал много нового про Олю. Папа не стеснялся на подробности. Оказывается, он выта-щил ее из Москвы, потому что она там чуть не "села на иглу", повы-шая планку удовольствий, получаемых, от травы и кислоты. Оля!!! Может он гонит, но, скорее всего – правда. Во всяком случае, я поверил. Ну что же, у меня свои вывороты, у нее – свои. А. Е. полагает, что у наших отношений нет будущего, я не стал его разубеждать в этом. Он считает, что сможет контролировать Олю только в том случае, если она выйдет замуж за какого-то Вадика, который является, по совместительству, партнером А. 1С. Выразил надежду на мое благо-разумие. В качестве компенсации за несостоявшиеся отношения пред-ложил мне новую "девятку". (Неужели все действительно так серьез-но?) Дерьмо. Везде полное дерьмо! Даже не могу думать обо всем этом – сегодня опять был "выворот". Мне плохо...".

"30.06.92 г., время – 8.05 (утро)

Второй "выворот" подряд! Сегодня мне приснилась Ольга. Мы сто-яли с ней перед костром, а вокруг был темный лес. Она кивала на огонь, и все что-то говорила, а я

никак не мог разобрать ее слов. Мне все казалось, что вокруг много людей, но я никак не мог их увидеть. Они стояли кругом, спрятавшись в темноте, и смотрели на нас оттуда. А Ольга все говорила и говорила. Это было похоже на продолжение той сказки, которой она так увлекла нас десять лет назад, в пионерском лагере. Но, прислушавшись, я понял, что она говорит на незнакомом языке. И когда я что осознал, она вскрикнула и показала на костер рукой. Пламя тут же превратилось в человеческую фигуру, которая прыгнула на нас и накрыла огненным пологом. Зеркальщик... Я проснулся от жара. Но больно не было! Странно, "вывороты" вошли в новую стадию? Посмотрим..."

\* \* \*

Они сидели и летнем кафе под раскидистым двухцветным зонтиком. Ольга держала в одной руке запотевший бокал с колой, другой придерживала гонкую соломинку, утонувшую в аккуратных кусочках льда, плавающих на поверхности напитка.

– Значит, ты говорил с отцом?

Максим досадливо поморщился и покачал головой:

– Да, я говорил с ним.

На мгновение возникла неловкая пауза.

–И что?

– Что? Все. Я говорил с ним.

Ольга поставила свой бокал на столик. Светлый локон соскользнул ей на лицо, и теперь она смотрела на Коврова одним глазом, настойчиво и требовательно.

– Я спрашиваю не об этом, Макс. Про факт вашего разговора мне известно. Я интересуюсь его содержанием. – Ее голос звучал натянуто и нарочито тихо. Максим подумал, что своевременно надел солнцезащитные очки. Встретаться с Ольгой взглядом ему сейчас не хотелось, потому что он еще не выбрал линию поведения, не решил, в какой форме будет лучше высказать ей свои сомнения:

– Ты знаешь, у тебя очень заботливый отец, и он во многом оказал-ся прав.

Мимо их столика прошла шумная компания подвыпивших студентов. Они галдели, пили бутылочное пиво, и все как один искоса поглядывали на Ольгу.

– В чем же дело? – взгляд Ольги был сосредоточен лишь на Максиме.

– В том... что у нас с тобой... нет будущего. Вернее, у наших с тобой отношений. Мы должны основательно взвесить свои чувства в отношении друг друга и сделать соответствующие выводы.

– Какие выводы? Ты имеешь в виду вывод, который уже сделал за нас мой папа? Ну, говори, не стесняйся. Я ведь таю, как он умеет убеждать. Вот и тебя... убедил. Или купил?

Максим смутился и, пожав плечами, отрицательно покачал головой:

~ Нет, он меня не купил, хотя да – предлагал откупного... Тут дело совсем в другом, совсем. Я просто многое понял, а он лишь поддержал мои сомнения. Мы... должны

расстаться!

– Почему? – Ольга почти прокричала это слово. Несколько человек за соседними столиками повернули головы в их сторону. – Почему? Почему? Почему? Ты можешь мне все, что вразумительно объяснить? Можешь? Папа устроил мне настоящую травлю, Вадик ведет себя как кретин: умоляет, убеждает, угрожает. И вот теперь ты. Что случилось? Почему все вдруг засуетилось? Я ведь не прошу у тебя многого. Разве я говорила о чем-то большем, чем наши встречи? Тогда, в чем дело? В отце? В Вадике? Во мне?

– Во мне, – жестко оборвал ее Максим и, сняв очки, пристально посмотрел ей в глаза.

– В тебе? Объясни, пожалуйста, будь добр.

Максим глубоко вздохнул, словно собираясь выполнить неприятную процедуру.

– Ольга! Во-первых, у тебя есть потенциальный муж. Это важно! Второе, ты и я, мы оба находимся сейчас под впечатлением той детской привязанности, которая возникла между нами десять лет назад. Ты приехала из Москвы, сюда, в этот богом забытый город и встретила меня. Но детство – это детство. Сейчас все по-другому. Тебе уготовано более достойное будущее. Посмотри на меня, кто я такой? Да никто! Мое будущее размыто и неясно. Вот твой отец это хорошо понимает. И рушить из-за меня уже сформировавшиеся отношения с этим, с Вадимом, просто глупо.

Ольга усмехнулась и отвернулась, наблюдая рассеянно за автомобильным потоком, текущим по проспекту.

– Да, Макс, детство – это детство. Но вот этот Вадик никогда бы не пошел ночью в лес, чтобы найти для меня несуществующий цветок, тем более под угрозой отчисления из школы. Как мне все это надоело, господи, кто бы только это знал...

Они опять долго сидели молча. Ольга смотрела на проспект, а Максим на нее, не зная, как сказать ей главное, в какие спета облечь это странное признание.

– Оль, я... Ты меня просто не поняла. Я не все тебе сказал. Ты... ведь действительно ничего обо мне не знаешь. Ничего... – сказал он с отчаянием и замолчал, рассматривая небо на горизонте.

Издаലെка на город надвигалась огромная мрачная туча, тяжелая, словно набухшая от темной воды перина. Максим чувствовал, что Ольга снова повернулась и теперь смотрит на него, ожидая продолжения.

– Что я должна знать о тебе, что может помешать нашим с тобой отношениям? Ты женат? Голубой? Наркоман? Псих? Что? Скажи мне, чего ты так боишься в себе?

Максим невесело усмехнулся. "Если бы ты знала, как точно попала в цепь. Именно псих! Именно боюсь в себе...". В памяти тут же шевельнулись и ожили жуткие воспоминания прошедшей ночи. Сны, крик, судороги, жар... Хотелось рассказать ей все, чтобы не держать в себе эту тяжесть. Но как это будет выглядеть? "А, плевать".

– Хорошо. Я расскажу тебе. Ты почти угадала, даже не почти, – угадала. У меня очень серьезные проблемы с психикой. Да– да, не смотри на меня так. Ты хотела узнать, чего я боюсь и себе? Я и сам не знаю. Но это уничтожает меня день за днем, вернее ночь за ночью, и у меня уже просто нет больше сил, чтобы противостоять этому давлению.

Ольга смотрела на него удивленно, пытаясь, очевидно, понять: шутит он или говорит всерьез. Но назад пути уже не было, и Максим продолжал, чувствуя, что уже не может остановиться:

– Вот вижу твой недоверчивый взгляд и понимаю, что ты мне не веришь. Но это уже не имеет значения. Можешь думать, что я это все выдумал как дополнительный предлог для нашего

разрыва. Это неважно. Сейчас уже неважно для меня, потому что мне никто не верит. Никто. Представляю, какой бы был у тебя взгляд, если бы ты хоть один раз увидела, как я мечусь ночью по квартире, сдерживая стон, вырвавшись из объятий очередного кошмара. Как я кричу в ужасе от очередного Наваждения или рычу, словно зверь, стараясь подавить боль мышечных спазмов после очередного "выворота". Что, впечатляет? Это не фантазии, это реальность. Со мной что-то про-исходит, что-то очень страшное. И я не хочу, чтобы эти кошмары стали частью твоей жизни.

Он замолчал, наблюдая за реакцией Ольги (растерянность, недо-верие, страх), потом закрыл глаза и откинулся на жесткую спинку стула, скрестив на груди дрожащие руки.

– Макс, – позвала она робко, спустя несколько минут.

Но он продолжал сидеть, погруженный и темноту своего мира, зак-рытого ставнями век, ожидая, что она встанет и уйдет, не задавая глупых и лишних вопросов.

– Ты все это нарочно придумал, да? Для меня? "Не верит! Не верит! Не верит!".

– Нет, – хрипло прошептал он. – Все правда.

На окраине города, уже совсем недалеко, громыхнул гром, похожий на кашель гигантского старика. Солнце скрылось за набежавшие розовые облака, подул прохладный, пахнущий близким дождем, ветер.

– Если ты не хочешь меня видеть, что ж... это твое дело. Но я хочу, чтобы знал – ты единственный человек, которого я... которому я была безумно рада за все последние десять лет. А твои проблемы, по-моему, слишком надуманны, если они вообще существуют. В чем я, откровенно говоря, очень сомневаюсь. В любом случае, я тебе тоже не верю теперь. Прощай...

Максим слышал, как она встала, отодвинув стул, взяла со стола свою сумочку и вышла из кафе. Звук ее шагов был слышен еще не-сколько секунд, затем он затерялся в шуме толпы. Ковров сидел, не открывая глаз, чувствуя внутри сложную смесь горечи и облегчения. Через мгновение на щеку ему упала тяжелая прохладная капля, за-тем еще одна и еще...

Дождь хлестал город упругими струями воды, но лишь один чело-век не пытался избежать этого стихийного буйства. Он сидел непод-вижно под промокшим двухцветным зонтом, будто заснув. А дождь вселил и лил...

Максим медленно шел по вечернему проспекту, равнодушно раз-глядывая редких встречных прохожих. Внутри царило полное смяте-ние, и острая печаль колола сердце ядовитой иглой: "Не верит! Не верит! Не верит...".

Хотелось завывать, подобно волку, в отчаянии выплескивая все нако-пившееся в душе, не обращая внимания ни на кого, рассказывая только призрачной Луне, участливо взирающей с ночного неба, как труд-но жить среди тех, кто не верит...

Сумерки. Значит, скоро придет пугающая ночь, окутывая своим звез-дным покрывалом небо, землю, разум. НАВАЖДЕНИЯ...

Максим задрожал от одной мысли, что эта ночь может принести но-вые Наваждения, новый "выворот", после которого он может уже не оправиться – сердце после очередного ночного кошмара стало болеть все сильнее и неизвестно, где заканчивается граница, до которой организм еще может противостоять этим жутким нападкам неизвестного.

Вот и дом. Максим остановился в нерешительности, не зная, что де-лать дальше. Наваждения... И диск Луны в небе, подмигивающий блед-ными силуэтами кратеров, словно огромное лицо небесною великана, что-то определенно знающего про эти Наваждения. Знающего, но по-малкивающего, лукаво разглядывая подавленного и обреченного чело-века, бредущего по опустевшей улице. Максим зашел в подъезд и смутно почувствовал какой-то дискомфорт. Какое-то раздражающее чувство, покальывающей холодной волной пробежавшее по шее, спине, ногам. Подъезд был погружен во мрак: опять перегорела лампочка, и никто из его

обитателей не спешил выйти и вкрутить ее, надеясь, что это сделает кто-нибудь из соседей. Привычная ситуация, но почему тогда так бешено колотится сердце? Максим постоял несколько минут, давая глазам привыкнуть к темноте, и попутно вслушиваясь в тишину, которая почему-то дышала на Коврова холодным предчувствием. В подъезде кто-то был. Максим понял это даже не по посторонним звукам. Тот, кто тоже стоял неподвижно где-то на верхних этажах, выдал себя своими мыслями, которые ощутимо стекали по ступеням вниз тонким ручейком злобы и ненависти. Странное ощущение. Непривычное. Будто пришедшее откуда-то издалека, из затерянного в глубинах внут-реннего пространства прошлого. Максим нахмурился и, напрягая и расслабляя одновременно все мышцы, подготавливая тело к схватке, медленно двинулся вперед, неслышно ступая на гладкую поверхность лестничных ступеней. Когда он поднялся на второй этаж, ему показало-лось, что кто-то шевельнулся на площадке, в одной из квартирных ниш.

– Кто здесь? – Ковров уже был уверен, что там кто-то есть, и ока-зался прав. Из ниши выскочил человек. Максим вздрогнул. Человек явно ждал здесь кого-то, может, его, Коврова, а может, кого-нибудь другого – с наступлением ночи улицы и подъезды Барнаула стано-вились зонами повышенного риска.

– Ну, и что дальше? – Максим почему-то сразу мысленно назвал че-ловека "злобным", вероятно, это было интуитивным озарением – от "злобного" во все стороны расходились просто физически ощутимые волны злобы и агрессии. Словно в подтверждение этому определению человек молча бросился вперед и вниз, атакуя растерявшегося от такого напора Коврова. Максим сделал блокирующее движение руками и, остановив движение противника, провел "сэн-о-сэн" – синхронный контрудар. "Злобный" отлетел на метр назад и врубился в стену, но это лишь разозлило его еще больше. Он снова прыгнул на Коврова, на этот раз не пытаюсь воздействовать массой тела, а нанося удары руками, от которых Коврову трудно было уклоняться в замкнутом пространстве небольшой площадки между этажами. Максим отпрыгнул назад, затем сбежал по ступенькам вниз на более широкое пространство перво-го этажа. Этим прыжком он разорвал дистанцию и получил секундную фору, для того чтобы прийти в себя от неожиданности и подготовиться к более серьезному поединку. Было что-то нелепое в этой ситуации, что-то обидное – драться всего в нескольких шагах от своей квартиры, где сейчас даже не догадываются об этой схватке члены его семьи. "Ну, ничего, ничего. Соберись, боец! Хаджиме! Ос!". Максим встал в стойку, и вовремя – "злобный" был уже рядом. Он прыгнул на Коврова, но тут же получил сильный удар ногой в грудь.

– Ты что, дебил, смерти ищешь?

"Злобный" немного оправился после удара, восстанавливая дыха-ние, и снова бросился на Коврова, молча, с явным намерением пока-лечить или даже убить. Волны ненависти заполнили площадку. Это была не просто ненависть обиженного на всех маньяка или бешен-ство обдолбанного наркомана, это была сконцентрированная ярость, направленная именно на него, на Коврова Максима. "Злобный" неистовствовал. Скорее всего, он стоял здесь, в темноте подъезда, и ждал не случайную жертву, а вполне конкретного человека. Максим опять блокировал несколько ударов в лицо и нанес, с подшагиванием, контратакующий удар ребром ладони в голову противника. Затем под-прыгнул вверх и, повернувшись в воздухе, ударил ногой ему в грудь, откинув назад. Теперь нужно было сделать "перелом" поединка и завладеть инициативой. Максим бросился вперед и, войдя в ближ-ний бой, стал наносить противнику короткие жесткие удары кулака-ми, локтями и коленями. Сломив сопротивление "злобного", он уже просто избивал его, выплескивая наконец-то напряжение, которое царило внутри все последнее время.

В подъезд кто-то вошел, но, услышав в темноте возню и звуки дра-ки, торопливо выбежал обратно на улицу.

"Злобный" медленно осел по стене, запрокидывая вверх окровавленное лицо. Максим наклонился к нему и угрожающе спросил прерывистым голосом:

– Ты меня ведь ждал, да, гнида? Кто ты такой? Кто тебя послал?

Он положил руку противнику на плечо и, нащупав большим пальцем выемку под ключицей, с силой надавил. "Злобный" зашипел от боли и потерял сознание. Максим постоял над челом несколько секунд, соображая, что же теперь делать, затем медленно пошел к выходу. На улице должны быть люди, их нужно попросить вызвать милицию. Этого агрессивного подонка нельзя было оставлять в подъезде. Нужно узнать, кто он и что здесь делал. Максим вышел на улицу, вдыхая полной грудью свежий вечерний воздух и встряхивая дрожащие руки. И тут же услышал за своей спиной громкие шаги. Обливаясь кровью и оскалив зубы, из темного подъезда выскочил "злобный". В руках у него была заточка. Видимо, не успев или не захотев воспользоваться ею в помещении, он явно намеревался пустить ее в ход сейчас, на улице. Мутные глаза, то ли от сотрясения, то ли от наркотического опьянения, с ненавистью уставились на обидчика. Ковров сплюнул и, сжав зубы, стал медленно приближаться к вооруженному противнику. "Неко-аши-дачи" – "кошачья стойка" – была плавной при передвижениях, но, тем не менее, достаточно маневренной и устойчивой. Тонкое лезвие заточки плясало в трясущихся руках "злобного" нетерпеливый танец смерти. "В нескольких шагах от собственной квартиры...".

"Злобный" хрипло закричал и бросился вперед, держа оружие перед собой. Его порядочно качало, и было непонятно: от наркотиков или все-таки от ударов, сотрясших ему вестибуляр.

Максим ушел в сторону с линии атаки, перешел в "стойку полумесяца" и ударил по вытянутой руке с ножом, опять переламывая ход поединка и входя в ближний бой. Удар в солнечное сплетение, в нос, в ухо, в челюсть, в нос, опять в ухо... Следующим ударом ребром ладони Максим сломал противнику ключицу, а последним ударом ноги отбросил "злобного" к стене, ударившись о которую, тот упал с глухим звуком на землю. На этот раз бой был окончательно закончен, так как злоумышленник лежал без движения, с хрипом втягивая в себя воздух. Максим подошел к нему, чувствуя, как бушует в венах адреналин, смешавшийся с кровью, и, подняв на руки изломанное тело, понес его через темный палисадник к мусорным контейнерам, стоящим в самом углу двора. Там, швырнув окровавленного противника в груды мусора, заполнившую наполовину бак, Ковров стремительно пошел прочь от этого места. Злости уже не было, только обреченность. И пустота... "Actum ne agans" [note 1](#).

"04.07.92 г., время – 6.24 (утро)

Начинаю сходиться сума. Что-то происходит с миром вокруг. Мне страшно...".

\* \* \*

"Алтайский краеведческий музей". Максим стоял перед небольшим двухэтажным зданием, переводя взгляд с таблички на стене на приземистые пушки, выкрашенные в зеленый цвет и замершие в почетном карауле около входа.

Музей. Забытое название. Забытое место. Этот музей был знаком Максиму по школьным экскурсиям, но это действительно было давно. Ковров уже даже забыл, что есть в этом городе подобное заведение. Действительно, если бы не проходил мимо и не увидел грозные некогда орудия, стоящие у входа, то, очевидно, никогда и не вспомнил бы о его существовании.

"Интересно, кто-нибудь еще сюда ходит?"

Музей находился на маленькой тихой улочке, на окраине города, по которой с

треньканием проезжали красные чехословацкие трам-ваи по рельсам, разбегающимся на две ветки почти напротив зда-ния музея. Одна сворачивала в направлении центра города, а дру-гая вела в сторону Змеиной Горы, как ее называли сами обитатели, по названию тракта, ведущего на Змеиногорск. Гора была фактически пригородом Барнаула. Район этот был старинным, и поэтому низ-кое здание музея гармонично вписывалось в окружающий ланд-шафт.

Когда-то, Максим это помнил, сюда съезжались на выходные дни люди со всего города. Сейчас Краеведческий вызывал интерес разве что у преподавателей истории в школах и руководителей обществен-ных мероприятий в тех же школах, для которых он являлся первей-шим объектом, подлежащим, по традиции, обязательному посеще-нию. Максим посмотрел на часы. Начало пятого. Время еще есть. Прав-да, он хотел провести его несколько по-иному. Жара, повисшая в воз-духе густой пеленой, подгоняла в поисках спасительной прохлады. А через дорогу находился городской парк – фонтан с холодными брызга-ми, тенистые аллеи, газированная вода... Мысль о том, чтобы войти в помещение, представлялась самоиздевательской, но ощущение ностальгии было настолько сильным, что Ковров решительно толкнул невзрачную, обитую дерматином дверь.

Внутри было прохладно, в вестибюле царила специфическая ат-мосфера, пропитанная особым запахом времени, характерным только для музеев. Аура экспонатов пронизывала воздух невидимым электричеством, сразу же напоминающим о детстве. Купив билет, Максим постоял, раздумывая с какого зала начать обход, затем выбрал направление наугад и шагнул в большой зал, заставленный витринами с фотографиями, монетами и одеждой. Экскурсия началась...

Максим долго ходил по музею, переходя из зала в зал, увлеченный и, откровенно говоря, ошеломленный увиденным. Зрелище, вопреки его ожиданиям, захватило его настолько, что он забыл о времени Стрелки на часах, казалось, замерли на месте, позволяя ему исследо-вать все тщательно и с огромным интересом. Он зачарованно рас-сматривал мумии зверей и тип, выставленные на втором этаже, кости далеких предков, каменные породы, среди которых были даже настоящие метеориты... Все это, уже виденное много лет назад, те-перь воспринималось совершенно иначе, с чувством какого-то бла-гоговения. Живая история... Живая. Создавалось такое впечатление, что экспонаты действительно жили своей загадочной жизнью, тоже с интересом рассматривая посетителей залов, замерев, притворив-шись бездушными и неподвижными. К слову, посетителей было не-много. Максиму встретился лишь какой-то подвыпивший пенсио-нер, две девочки среднешкольного возраста, и был еще кто-то, чье присутствие Ковров почувствовал, но не разглядел, кто это был, ув-леченный экспозицией "Товары, привезенные из Монголии". В от-ражении стенда мелькнул неуловимый силуэт, и Коврову показа-лось, что это была женщина. Во всяком случае, он почувствовал тер-пкий аромат, вероятно, принадлежащих ей духов. Поглощенный изу-чением "Товаров...", он не обратил на это особого внимания.

На полке выстроились в ряд крохотные разноцветные фигурки мудрецов, похожие на нэцкэ. Их было девять, и все они были сдела-ны с удивительной тщательностью, свидетельствующей о высоком мастерстве их изготовившего. Рядом с мудрецами замерла бронзо-вая статуэтка какого-то злобного божка, уставившегося в зал гнев-ным взглядом. Далее сидел в цветке лотоса безмятежный бронзо-вый Будда, отрешенный и таинственный. Максим с удивлением отметил, что дома, на полке, у них раньше стояла фигурка Будды, очень похожая на эту. Вероятно, тоже очень старинная.

Минувшая эпоха! Как выглядели те люди, которые держали эти предметы в руках много лет назад? Они так же любовались ими или испытывали другие, незнакомые современному человеку чувства? Кто знает? Время – непредсказуемая штука. Максим посмотрел на часы. Странно, он уже успел обойти почти весь музей, хотя прошло чуть более двадцати минут. Невероятно. Присмотревшись к циферблату и убедившись, что стрелки исправно отсчитывают секунды, Максим растерянно подумал: "А может, в этих стенах действительно особое течение времени? Может, оно закручивается в невидимые спирали, впитывая в себя излучения всех собранных здесь вещей, и тормозится, замедляя свой ход?"

Рядом кто-то деликатно кашлянул, явно привлекая к себе внимание. Максим вздрогнул, очнувшись от размышлений, и увидел, что опять стоит перед большой экспозицией, состоящей из предметов, принадлежащих народам тюркской группы, собранных в конце прошлого века. В самом центре экспозиции висел огромный шаманский бубен в окружении различных специфических предметов, используемых в ритуалах вызывания духов. Странно, Копров уже просматривал этот стенд и вот теперь оказался перед ним снова. Кто-то опять кашлянул, и Максим увидел, обернувшись, что позади него стоит немолодой уже человек с коротко стриженными черными волосами, среди которых контрастно выделялись несколько седых прядей. Раскосые глаза и смуглый цвет кожи выдавали в нем жителя горных районов. Одет алтаец был в дорогой серый костюм, свидетельствующий о солидном достатке и хорошем вкусе владельца. Очки в гонкой золотой оправе придавали ему респектабельный вид, завершая образ преуспевающего человека. Мужчина явно пытался обратить на себя внимание Коврова, но теперь почему-то смотрел мимо него на экспозицию.

– Это – тунгур. Бубен, – произнес незнакомец, словно комментируя и без того очевидные вещи. Максим кивнул и снова повернулся к стенду, рассматривая испещренную узорами поверхность бубна. Возникла неловкая пауза. Мужчина, будучи, скорее всего, директором музея, тихо спросил:

– Интересуетесь?

Максим улыбнулся и пожал плечами.

– Немного. А это настоящее?

– В каком смысле? – алтаец говорил чуть слышно, будто опасаясь потревожить царящую в зале тишину.

– Ну, это? Вот это все? Настоящее или бутафория?

– Станный вопрос, – мужчина по-прежнему стоял за спиной, и Максим почувствовал мимолетное раздражение от подобного стиля общения, – а ты сам разве не чувствуешь?

– А разве это можно почувствовать?

– Конечно! Это нужно чувствовать, чтобы определить истинную сущность вещей. Иначе все вокруг будет беспрестанно обманывать тебя, Адучи.

Максим удивленно обернулся на незнакомца и увидел улыбку на его лице.



– Тенгри сени кортит, – произнес алтаец еще одну непонятную фразу и опять улыбнулся.  
– Что это значит? – спросил Максим, озадаченный поведением собеседника.  
– Ты не видишь сущность вещей. Это вводит тебя в постоянное заблуждение относительно того, что тебя окружает в данный момент. Мир привык обманывать тебя, а ты привык обманывать мир. Но небо обмануть невозможно. Оно ВИДИТ тебя – Тенгри сени кортит...

Максим усмехнулся.

– Это алтайское поверье? Незнакомец пожал плечами:  
– Это факт. А сейчас – Тенгри сени пастит...  
– А это что?  
Алтаец замолчал, словно подбирая наиболее корректный перевод фразы, и затем кивнул на экспозицию. Максим отвернулся, и в этот момент незнакомец наклонился к нему и громко завопил и самое ухо: "ТЭРЬ!".

Максим шарахнулся в сторону и, отскочив на несколько шагов, повернулся к алтайцу, изумленно рассматривая его. А тот стоял, как ни в чем не бывало, продолжая увлеченно изучать стенд.

"Да он сумасшедший!". Внешний вид этого странного человека не соответствовал подобному определению, но его выходка Максима даже не насторожила, а откровенно испугала, и он решил, что будет лучше поскорее покинуть это, опустевшее вдруг, здание. Тем более что все залы он уже обошел, так что экскурсию вполне можно было считать законченной.

– Хочешь уйти? – спросил алтаец, не поворачивая головы, и Максим почувствовал, как необъяснимый страх опять потек по телу холодной волной.

"Точно, сумасшедший. Нужно сваливать отсюда!".

– Ну, допустим, – пробормотал он, растягивая слова, чтобы не выдать своего испуга. Алтаец улыбнулся:

– Тебе только кажется, что ты можешь уйти, Адучи. На самом деле идти тебе некуда. Я пришел за тобой. Только я могу вывести тебя отсюда. – Он повернулся к Коврову, который задохнулся от ужаса. За стеклянной поверхностью очков чернели бездонной пустотой два жутких зрачка. Это были глаза сумасшедшего, сомнений в этом больше не оставалось. Максим судорожно вздохнул и сделал еще несколько шагов назад. Алтаец стоял перед ним, перегородив собой выход, безмолвный и страшный, с безумной улыбкой на темном лице. Нуж-но было что-то делать – либо попытаться прорваться вперед, минуя этого припадочного, либо... оставался еще один вариант, несколько нелепый, но в сложившейся ситуации наиболее предпочтительный.

Максим повернулся и быстро пошел ко второму выходу из зала, ведущему в другой, смежный с ним, зал. Оттуда можно будет подняться на второй этаж, а затем спуститься по лестнице и выйти на улицу. Но где гарантии, что этот страшный алтаец не перекроет ему и центральный вход? Тем более что, если он и в самом деле директор этого треклятого музея, просчитать намерение Коврова не составит для него большого труда. Но зачем ему все это? К тому же там все-таки люди: посетители, вахтеры, дежурные. Не будет же он ломать комедию перед своими подчиненными? Или, может, они уже при-выкли к подобному поведению своего шефа? Шизофрения... Максим осмотрелся. Чалы были пусты, посетителей уже не было, как, впрочем, и сотрудников музея, которые обязаны дежурить в помещениях до ухода последнею

человека.

"Прямо сценарий фильма ужасов – жертва в пустом музее и маньяк-директор с секирой, взятой у одного из экспонатов". Это и в самом деле могло бы быть смешным, но в несколько иной ситуации. Сейчас Максим чувствовал, что происходит что-то очень страшное, очень важное и фундаментальное. Иго охватило чувство сродни тому, которое он испытал несколько дней назад в темном подъезде, схватившись с человеком, который хотел его убить. "Может, они из одной компании? Что им нужно от меня? Твари. Господи, что же это происходит со мной...". Максим стремительно шел по коридорам, автоматически подготавливая тело к возможному поединку. Перед его глазами стояли две картинки – перекошенное ненавистью, окровавленное лицо "злобного" и отрешенное лицо жуткого алтайца с парализующим волю взглядом. От такого взгляда не стыдно и убежать, хотя бегство от противника Максим всегда считал ниже своего достоинства. "Ты проиграл не тогда, когда упал на пол весь в крови. Ты проиграл тогда, когда повернулся к своему противнику спиной или встал перед ним на колени". Эти слова сэнсэя Володи бились в ушах призывным кличем. "Вернуться! Вернуться! Вернуться! Иди и дерись! Дерись!".

Максим остановился и, решительно развернувшись, пошел назад. "Действительно, что я, зайчик, что ли, бегать от всяких придурков? "Злобный" уже свою порцию получил, получит и этот. И не посмотрю, что он директор...".

"Директор" по-прежнему стоял на том же месте в той же позе, неподвижный, словно элемент музейного интерьера. Максим решительно двинулся вперед, чувствуя, как мелкая противная дрожь резонирует на мышцах ног. А ведь "злобный" был куда более опасным противником: чуть выше ростом, чем этот худощавый алтаец, и гораздо более плотного телосложения. Но не было у него таких жутких глаз... Когда до "директора" осталось всего несколько шагов, тот развел в стороны руки, то ли показывая, что не хочет драться, то ли желая обнять вернувшегося. Максим перешел в атакующую стойку, но тут алтаец вдруг снова издал свой истошный вопль, на это раз гораздо громче первого: "Тэрь! Тэрь! Арк нхаш!!!". И столько безумия было в этом крике, именно безумия, и так контрастно прозвучал он в тишине этого здания, что Максим, дрогнув, замер, словно на-ткнувшись на невидимую стену и, не выдержав, бросился прочь, к другому выходу.

"Где же люди? Где? Где все? Что же это, а?".

Ковров в два прыжка преодолел зал с экспонатами партизанского движения и оказался у лестницы, ведущей на второй этаж. В это время в музее погас свет. Максим сжался от ужаса и замер, вслушиваясь в окружающую его теперь со всех сторон тьму.

"Он же меня специально сюда загнал, – мелькнула вдруг внезапная мысль, – гадина, он же все это подстроил...". Ситуация приняла по-настоящему серьезный оборот. Отсюда было всего два пути: обратно в зал, где ждал его этот благообразный монстр, и на второй этаж, где притаились неподвижные мумии животных с оскаленными мордами. Нужно было стремительно выбирать, какой предпочесть, потому что если продолжать торчать здесь, то его запросто могут запереть на ночь. И неизвестно еще, что задумал этот безумец, и вообще, может быть, он здесь не один.

Словно в подтверждение этих панических мыслей, сверху, из темноты второго этажа, послышался тихий злобный шепот: "Адучи-ии-ии...".

Максим закричал от неожиданности и ужаса, который душил его накидкой из тьмы:

– А-а-а... Иди! Давай, иди сюда, тварь!

-Иду-уу-у...

По лестнице действительно кто-то спускался вниз, неразличимый во мраке. Максим встал в стойку, но человек во тьме лишь рассмеялся, словно увидев это отчаянное движение в непроницаемой темноте:

– Хочешь сразиться со мной? Хорошо... хорошо... Аксаман тумангол...

Ковров почувствовал, что теряет сознание, и, сделав над собой уси-лие, из последних сил бросился в непроглядный мрак, прочь от нового преследователя, выставив перед собой руки с напряженными пальца-ми. Никого не встретив, он миновал злополучный зал с шаманскими принадлежностями и оказался у выхода. За столиком дежурного вах-тера сидела перепуганная женщина, напряженно разглядывая вскло-коченного посетителя.

– Ты что орешь, парень? Ты откуда взялся вообще? Музей уже закрыт. Ты пьяный, что ли?

Максим подошел к ней и произнес срывающимся голосом абсо-лютно нелепую фразу:

– А что это вы тут... без света сидите? – Он хотел сказать нечто со-всем иное, что он не пьяный, что они обесточивают помещения, даже не убедившись в отсутствии посетителей, хотел узнать, есть ли тут у них этакий благообразный директор с повадками сумасшедшего... Но все эти фразы застряли за нервным спазмом, сковавшим горло.

– Пошли вы все... Сволочи! – пробормотал Ковров и вышел из му-зея на улицу.

От свежего воздуха вдруг сильно закружилась голова, а из носа побежали двумя стремительными струйками капельки крови, падая на рубашку и брюки, расплываясь тут же алыми бесформенны ми пятнами. Чертыхнувшись, Максим запрокинул голову, уставившись бессмысленным взглядом в темно-синее небо, на котором уже высыпали мерцающие искорки далеких звезд. Кровь остановилась, но на смену ей где-то внутри родилось неприятное томительное чувство, быстро распространяющееся по желудку.

"Этого еще только не хватало", – подумал Максим и сделал не-сколько глотательных движений, сдерживая рвоту и сплевывая горь-кую слюну.

Серый асфальт, на котором он стоял, вдруг вздыбился, поднялся и, сделав акробатический кульбит, со всей силы ударил ему в лицо. Глубокий обморок растворил в себе все переживания и впечатления этого злополучного дня.

\* \* \*

"Самое страшное из того, что я пережил в те дни, было именно ощущение безысходности, чувство того, что жизнь подходит к кон-цу, еще, фактически, не успев начаться. А все окружающие меня люди упорно не хотели замечать происходящего со мной. И не было никого, кто бы мог выслушать меня без ироничной улыбки. Я чувствовал, что финал где-то уже совсем близко, я напряженно всматривался в лица прохожих, постоянно ожидая нападения, я молился перед сном, умоляя Бога избавить меня от НаваждениИ, я перестал выходить из дома. Все вокруг обернулось" против меня, и я чувствовал, что если не погибну в ближайшее время, то непременно превращусь в злобного загнанного зверя, готового растерзать все и вся. Злоба на равнодушные людей переполняла меня до отказа. Иногда я ловил себя на мысли что это не мои ощущения. Что кто-то чужой, ловко маскирующийся под мои размышления, заставлял меня бояться и ненавидеть. Но я ничего не мог поделать, ни с этими ощущениями, ни с тем, что происходило вокруг меня. Я ждал... Ждал непонятно чего, но грядущего неизбежно. Я тренировался на износ. На тренировке в зале, дома, по шесть-во-семь часов в день, истязая себя с яростью обреченного, хотя прекрасно понимал, что ни джиу-джитсу, ни карате не смогут мне помочь в моем столкновении с

Неизвестностью. Зубодробительные навыки, действенные в этом мире, теряли свою значимость в иллюзорном про-странстве, сотканном из грез. Сны угрожали поглотить мою душу, но самое ужасное было в том, что Наваждения вырвались за границы снов, проникая в этот мир, в котором я, хотя бы в дневные часы, чувствовал себя в относительной безопасности. Теперь я уже не мог расслабиться ни на секунду, я на самом деле был обречен".

Максим лежал на диване и, слушая умиротворяющий шелест ли-ствы, проникающий сквозь открытую балконную дверь, размышлял.

"Сны. Сны. Сны. Причиной моего последнего обморока были не сны, а вполне реальный сумасшедший придурок в дорогом цивильном костюме. И к тому же их было несколько, как минимум двое. Этот голос из темноты... Он напугал его даже больше, чем безумный псевдодиректор. Откуда они взялись? "Злобный"... Что это, случай-ное стечение обстоятельств? Маловероятно. И дернуло же его су-нутья в этот треклятый музей. Что-то там определено не чисто, в этом музее. Вообще, странно все...".

Максим уже второй день пытался вспомнить все обстоятельства той жуткой встречи с незнакомцем, но не мог! Все воспоминания ускользали, словно был нарушен фокус, делающий их четкими и последовательными.

"А может, это все было очередным Наваждением, сном, иллюзи-ей? Вполне возможно, что я скоро действительно начну путать, где сон, а где явь. Да нет! Какой там сон, на "скорой" меня увезли в больницу именно от музея. Нет, нет. Все было на самом деле. Нужно только собраться, сосредоточиться и понять...".

Тягучую нереальность происходящего, вот что ощущал он тогда. Это ощущение и делало происшествие очень похожим на Наважде-ние. Но в чем тогда причина этой "нереальности", что послужило отправной точкой, включающей это странное состояние? Вот! Если установить момент вхождения в "Наваждение наяву", тогда можно будет установить и причину, повлекшую это безумие. Так, что мо-жет выступить в роли подобного катализатора? Страх? Шок от кон-трастных действий этого типа – псевдодиректора: солидный костюм и аномалии поведения, тишина музея и истошные крики, наличие в здании персонала и манипуляции со светом – все это в совокупнос-ти, вероятно, и породило двойственность восприятия, характерную для людей, принявших наркотик. Иллюзорный мир накладывается на опостылевшую действительность и получается завораживающий симбиоз впечатлений, который получает только человек, которому безраздельно и принадлежит этот двойственный мир, пока в крови циркулирует наркотик. Время для него останавливается и... Стоп! Стоп, стоп, стоп. Время останавливается. Мир вокруг становится другим, более медленным. Вот оно! Максим почувствовал ирреаль-ность восприятия, когда обратил внимание на часы. Значит, это слу-чилось несколько раньше, чем встреча с алтайцем. Но что могло ве-сти его в это одуряющее состояние?

"...пока наркотик циркулирует в крови". Этот вариант объяснял все: и нереальность происходящего, и обостренное восприятие, и этот полный "отруб" в довершении ко всему. И этот вопрос был задан вахтершей не случайно: "Парень, ты что орешь? Ты пьяный, что ли?"

"Пьяный"! Его "штормило" из стороны в сторону, как он думал, от нервного перевозбуждения. А невнятная речь, а сухость во рту, а спазм в горле, кровотечение, потеря сознания...

Вся эта кутерьма со временем началась, когда он закончил изучать "Товары из Монголии", значит...

ЗАПАХ!!! Терпкий аромат, принятый Ковровым за духи призрачной посетительницы, силуэт которой мелькнул в отражении стеллажа. Он больше напоминал какой-то газ или что-то в этом роде, точно! Это действительно все объясняло. Кому только понадобилось это, вот в чем вопрос? Кому нужно было травить его газом, а затем пугать до обморока? Кто они, эти люди, и что им нужно от него? И самое главное: связан ли этот инцидент с нападением "злобного" и с ночными "выворотами" или это просто совпадение? Статистическая флуктуация?

От возбуждения Максим встал с дивана и, пройдясь по комнате, вышел на балкон. Ответы на эти вопросы необходимо было найти в самое ближайшее время, иначе...

Максим выгнулся, испытывая мучительно болезненный спазм, скрутивший все тело острой болью, и вместе с одеялом рухнул с кровати на пол, забившись в судорогах. На этот раз он все-таки закричал, не в силах терпеть эту адскую пытку. И тут же услышал сквозь ватную пелену, заложившую уши, тревожный голос бабушки из соседней комнаты:

– Максим, что с тобой?

Преодолевая невыносимую боль в ногах, и пытаясь более-менее связно мыслить, он приподнялся на руках и пробормотал сквозь сжатые зубы:

– Ничего. Все нормально. Ногу свело.

А мышцы словно кто-то натягивал, подобно струнам на гитаре, добиваясь того, чтобы каждый нерв звучал болезненным аккордом. Откинувшись на кровати и закусив зубами край одеяла, чтобы подавить новый крик, Максим принялся медленно и осторожно массировать икры и ступни.

– Бабушка, правда, все нормально, спи...

Через несколько минут, когда боль немного отступила, он встал на дрожащие ноги, держась рукой за стену. Вот так, нужно идти. Попробовать добраться до ванной. Жжение, возникшее в животе, вполне могло спровоцировать рвоту. Так было уже не раз. А сегодня вообще был особенный случай – Йорм и Зеркальщик накинулись на него, жаля электричеством и ослепляя болезненными вспышками. Максима передернуло, когда он вспомнил эти ощущения. Шепот и сияние. Ветер и смет. Боль и ярость. Так что все симптомы, сопровождающие "выворот", могут сегодня многократно усилиться, учитывая интенсивность Наваждения и его невероятный динамизм. Опираясь о стену и шатаясь как пьяный, Максим медленно миновал темный коридор, где, как всегда, лежал у двери неразличимый во тьме, Арчи. Собака встала и тоже медленно пошла рядом, словно поддерживая изнеможенного хозяина.

Вот и ванная. Свет больно резанул по глазам, и Максим тут же погасил его. Подошел к раковине, включил холодную воду и ополоснул лицо. Сразу стало легче. Жжение уже почти прошло, и тело даже не испытывало болезненных ощущений, кроме странного чувства, возникшего на фоне всей этой "послевыворотовой" ломки.

Ощущение потерянности, безысходности и тоски. Безразличие к своей судьбе птицы, отбившейся от стаи и приготовившейся умереть. Невероятная печаль, заполнившая все внутреннее пространство до предела. Захотелось плакать, рыдать, выть во все горло. Максим всхлипнул и, уткнувшись горячим лбом в прохладную поверхность зеркала, тихо прошептал, вглядываясь в черноту своих глаз:

– Что же это, а?

Ответа не было. Лишь Арчи отчетливо вздохнул в темноте.

"Вззумм".

Максим прислушался. Какой-то непонятный звук возник на периферии слуха, будто звякнул в пространстве и умолк электрический звонок незнакомой конструкции.

"Взз-уумм. Взззуу-ммм...".

Это напоминало что-то вроде жужжания механических пчел из детской сказки, словно роящихся в нетерпении где-то в районе кухонного окна, пытаясь проникнуть в квартиру через дребезжащее стекло. Сильно сдавило виски.

"Вззз-з-з-уум-ммм". Максим пошатнулся, вцепившись обеими руками в скользкую поверхность раковины. Давление на мозг усилилось. В районе солнечного сплетения появилась легкая вибрация, аналогичная той, которая всегда возникала в Наваждении в предшествии "выворота". Темнота вокруг просветлела, хотя никто не включал свет.

"Господи, только этого еще мне не хватало сейчас".

"Вззззууууммммм".

В глазах замелькали крохотные черные тени, похожие на кофейные зерна, снующие по бледно-лимонному фону, пожелтевших вдруг, стен. Максим закрыл глаза и помотал головой. Но от этой встряски стало только еще хуже. Вокруг все вибрировало и светилось. Это было уже по-настоящему жутко, потому что это был уже не сон.

Максим хрипло прошептал: "Арчи... Арчи", – и опустился на одно колено, чувствуя, что его заваливает куда-то в сторону. Пес зарычал, и от этого звука мир колыхнулся. Вокруг стало светло, как днем, светился сам воздух. Максим судорожно вздохнул и хотел позвать на помощь, но не успел. Мир наклонился и ухнул куда-то влево и вниз, в темноту.

Прикосновение. Холодное и освежающее. Максим быстро заморгал, чувствуя, как тяжелые веки с трудом слушаются волевых команд. Тело не ощущалось совсем, как будто его не было, а осталась только одна голова, свободная от мыслей. Это было не очень приятное ощущение, вернее не очень привычное, так как приятным было уже хотя бы то, что голова эта жива, а значит, скоро оживет и все тело. А пока нужно лежать и ждать. Ждать, когда вернется способность двигаться, чувствовать, видеть, наконец. Глаза по-прежнему были скованы темнотой, и у этой темноты было приятное и одновременно раздражающее прикосновение. Лицо было мокрым, то ли от слез, то ли... Максим вдруг понял, что это – пропитанное водой полотенце лежит у него на лбу, закрывая глаза. Он пошевелился и приподнял голову.

Свет в ванной был включен, дверь закрыта. Над ним склонились двое – черный угрюмый пес и озабоченный, встревоженный отец.

Через несколько минут, когда к Максиму вернулась способность двигаться и говорить, он встал на ноги и тут же обессилено сел на край ванны, опустив голову на грудь. Отец шепотом спросил:

– Ну, ты как, нормально?

Максим кивнул и прерывающимся голосом прошептал невпопад:

– Тьма вокруг. А он меня молнией хлестанул, – фраза прозвучала глупо и непонятно. Мысли еще вяло ворочались в голове, и нужно было напрягаться, чтобы не молоть чепухи. Хотя отчего-

то именно сейчас хотелось творить, говорить, говорить. Выложить все сразу, в надежде, что отец поймет. Это же отец! Не какой-то дядя-врач или даже Ольга, которая не верила ни одному его слову. Отец должен понять! Пусть не помочь, но понять-то должен! Хотя бы просто поверить и понять.

Ковров-старший тоже присел рядом на ванну, придерживая одной рукой сына, а другой – нервно поглаживая черного Арчи по голове.

– Макс, тебе не кажется, что настало время поговорить?

Это был не просто формальный вопрос, что был призыв к откровенности, той откровенности, которая казалась Максиму уже потерянной навсегда. Он вздохнул, чувствуя, как пустота внутри покрылась мелкой рябью.

– Мне плохо пап, очень плохо...

– Я знаю.

– Только ты маме не говори и бабушке.

– Конечно. Зачем их беспокоить? Давай уж будем сами разбираться с этой чертовщиной.

Арчи уткнулся холодным мокрым носом Максиму в ладонь, словно давая понять, что он тоже здесь, рядом, как всегда.

"12.07.92 г., время – 18.36 (вечер)

Беседовал с отцом. Он сказал, что у него есть один знакомый, который может мне помочь. Он, якобы, очень авторитетный специалист в научном мире, – возглавляет научный отдел в каком-то известном НИИ в Новосибирске, а также является директором Центра Нетрадиционных Технологий, который занимается, помимо прочего, исследованием физиологических и нервно-психических патологий. Отец с этим профессором разговаривал, и тот обещал помочь, пригласил в Новосибирск на обследование.

Лично я отнесся к этому эксперименту скептически, но отец настаивал, и я согласился. В моем положении выбирать не приходится, цепляюсь за любую возможность – а вдруг?".

"13.07.92 г., время – 9.15 (утро)

Всю ночь не спал. Еще один подобный "выворот" я уже точно не переживу. Выпил семь натек кофе и до шести утра уминался холодной водой. Делаю эту запись в автомобиле: едем в Новосибирск. Чувствую себя отвратительно – начинают сказываться последствия "выворота".

"...время – 12.36 (день)

В Новосибирск приехали в самое пекло и долго искали нужный адрес. Наконец нашли – убогое трехэтажное здание с обшарпанными стенами..."

Внутреннее убранство Центра совсем не соответствовало внешнему виду здания. Во всех помещениях был сделан "евроремонт". Сразу бросалось в глаза обилие всевозможной техники в приоткрытых кабинетах: огромные камеры, напоминающие центрифуги, рентгено-теле-визионные аппараты, компьютеры, осциллографы, генераторы...

Максим с изумлением смотрел на нее это технологическое изобилие и думал с тайной надеждой, что, возможно, именно здесь нее и закончится – и эти кошмарные Наваждения, и эти кошмарные визиты полупризрачных существ, и ни кошмарные "вывороты", терзающие тело воистину кошмарной болью.

Их с отцом проводила в приемную директора очень симпатичная молодая девушка в серо-голубом комбинезоне и предложила холодную минералку, сообщив, что придется немного подождать, директор занят.

Ожидание затянулось на полчаса, в течение которых Максим му-чительно боролся с охватывающей его сонливостью, сопровождае-мой жаром. Это начинали проявляться привычные уже "послевыворотовые" симптомы. Ковров-старший беспокойно посматривал на сына и напряженно – на шикарную дверь с серебристой таблич-кой, надпись на которой Максим уже не мог различить из-за сон-ной дымки, окутывающей сознание. Устав, наконец, бороться с дремой, он закрыл глаза, чувствуя, как жар растекается по всему телу горячей волной. Затем, видимо, он все-таки заснул, потому что очнулся оттого, что отец тряс его за плечо. Открыв глаза, Максим с усилием сфокусировал непослушное зрение на окруживших его людях и тут же откинулся назад, на спинку стула. Перед ним, улы-баясь и внимательно рассматривая его, стоял генеральный директор Центра Нетрадиционных Технологий. Рядом с ним стоял обес-покоенный отец.

– Максим, познакомься – что профессор, который будет тебя ле-чить, мой старый знакомый, Араскан Чадоев.

Чадоев протянул руку, но Максим шарахнулся в сторону, словно в ней была зажата змея. Иго всею трясло, но не от температуры, а от ужаса, который пронзительным холодом остудил жар. Перед ним стоял тот самый алтаец, человек из музея, который напуган ею до потери сознания несколько днем назад...

### 3. ОСКОЛКИ ЗЕРКАЛА

(Главы-реконструкции, 1999 г ., Москва)

По залитому ночным дождем асфальту, мягко шелестя шинами, стремительно мчался изящный темно-зеленый "СААБ", оставляя за собой шлейф брызг и приятный запах каталитических выхлопов, тающих в утреннем воздухе четким клубящимся паром. Передвижные посты ДПС, дежурившие на дорогах в это раннее время, беспрепятственно пропускали этот автомобиль, явно превышающий допустимую скорость на этом участке трассы, – дежурные успевали разглядеть опытным взглядом российский флаг вместо буквенного обозначения района приписки и антенны спецсвязи, скрепленные в стационарных кронштейнах

Свернув с шоссе на ответвленную дорогу, ведущую в лесополосу, и миновав дорожный знак "кирпич", "СААБ" стал сбавлять скорость, и, проехав еще метров сто по идеально ровному асфальтовому покрытию, затормозил перед ограждением, на котором вызывающе кра-совались близнец-"кирпич" и табличка: "Внимание! Охраняемый объект. Закрытая зона. Въезд только по пропускам!" На серой стене контрольно-пропускного пункта крепился небольшой щит с менее угрожающей надписью. Серебристые буквы контрастно выделялись на темно-синем поле: "Научно-производственное объединение "Сатурн". Научный городок".

Водитель "СААБа" пару раз просигналил, басовитыми звуками всколыхнув тишину утреннего леса, окружающего научный городок со всех сторон. Но в этом уже не было



необходимости – как минимум пять видеокамер зафиксировали иномарку с момента ее появления на запретной дороге. Сонная тишина, царившая вокруг, была обманчивой. Здесь не нужно было ждать, пока заспанный и раздосадованный вохровец, разбуженный звуками сигнала, наконец-то соизволит выйти на улицу и, сердито ворча, отомкнет ржавый замок на скрипящих воротах. От здания КПП стремительным шагом приближался охранник, облаченный в пестрый камуфлированный комбинезон "Лес" и легкий штурмовой шлем с откинутым плексигласовым "забралом". Правой рукой он придерживал АКСУ – укороченный автомат Калашникова, угрожающе чернеющий кургузым стволом. На груди из кожаного чехла, закрепленного поверх облегченного бронежилета, торчала антенна портативного радиопередатчика. Тонированное стекло со стороны водителя "СААБа" неслышно заскользило вниз. Охранник внимательно изучил карточку допуска, затем наклонился и, заглянув в салон, внимательно рассмотрел пассажиров.

– Откройте багажник

Процедура допуска в научный городок какого-то там НПО, впрочем, как и внешний вид охранника, судя по манере поведения и выправке, имеющего звание не ниже майора, могли навести на размышления постороннего человека, вознамерившегося попытаться проехать за эти ворота. Пассажиры СААБа не были посторонними, они отлично знали, что за организация скрывается за вывеской НПО "Сатурн", поэтому подобное поведение охранника было воспринято ими как должное. Эти обязательные формальности были неотъемлемой частью законов, имеющих отношение ко всему, что касалось деятельности "Сатурна".

Охранник, наконец, удовлетворенно кивнул, сделал шаг назад и, вытащив из нагрудного чехла пенал радиопередатчика, коротко произнес: "Ворота открыть".

Створка ворот из трехслойного листового металла неслышно отъехала в сторону, пропуская автомобиль на территорию режимного объекта. "СЛАБ" плавно покатился дальше по центральной аллее, окаймленной с обеих сторон декоративными деревьями. Охранник проводил его взглядом, затем снова проговорил в радиопередатчик:

– Внимание Центральной. Говорит КПП-1. Объект проследовал по линии А к корпусу 3. Время въезда – четыре тридцать две. Зеленый "СААБ", номер РР-031-А. В салоне четверо пассажиров. Встречайте.

Генерал Югатин тяжело откинулся на мягкое сиденье автомобиля, чуть прикрыв глаза. Жутко хотелось спать. Не помогли ни кофе, ни акупунктурный массаж точек, отвечающих за тонус организма. Хотя столь ранние поездки и редки, тем не менее, трудно перестраиваться с привычного режима, коверкая налаженные биоритмы. Попутчик генерала, элегантный мужчина в дорогом коричневом костюме, наоборот, выглядел возбужденным, но, несмотря на это, сидел неподвижно, поглядывая в окно.

Автомобиль подъехал к большому четырехэтажному зданию из красного кирпича и остановился в очерченном белыми линиями прямоугольнике парковки. Телохранитель стремительно выскользнул с первого сиденья на улицу и, быстро осмотревшись, открыл заднюю дверь. Генерал медленно вышел из автомобиля, разглядывая машины, припаркованные по соседству. Две серых "Волги" последней модели, черная "Ауди" с антеннами спецсвязи и синим колпаком проблескового маячка, серебристый "Мерседес-500 SEL".

Из здания вышел высокий широкоплечий молодой человек и строгом темпом в костюме и, спустившись по ступенькам, ведущим к входу, подошел к "СААБу":

– Здравствуйте. Вас уже ждут. Я провожу...

Генерал кивнул и, наклонившись к открытой двери, негромко про-изнес:

– Выходите, Александр Петрович, мы прибыли.

Человек в автомобиле нерешительно выглянул наружу, словно оце-нивая окружающую обстановку. Довольный увиденным, он улыб-нулся и медленно вышел из салона. Генерал, наблюдавший за ним, усмехнулся:

– Не беспокоитесь, господин Батырев, здесь вы в абсолютной безо-пасности. Поверьте мне...

Пенсионер Лагутин проснулся почти сразу после погружения в сон и теперь лежал в темноте с широко раскрытыми глазами, при-слушиваясь к затихающему звуку, разбудившему его. Сердце бе-шено колотилось в груди, распространяя дрожь по всему телу. Ла-гутин облизал пересохшие губы и, восстанавливая дыхание, зат-равленно осмотрелся. В комнате было темно, за окном – ночь. Причиной его пробуждения был не страшный сон. Нет, наоборот, сегод-ня сны обещали быть даже добрыми – Лагутин видел себя в детстве. Это пришло позже, ворвалось в сновидение яростным ураганом, криком боли и отчаяния, зовом о помощи. Кто-то из них умирал где-то, совсем рядом, агонизируя напоследок своим слабеющим энергополем. Кто же?

Подобное ощущение последний раз Лагутин пережил, когда погиб в 67-м Умник. И еще много раз до этого, в пятидесятых, особенно в тот день... Тогда это чуть не выжгло ему нервную систему – несколь-ко энергетических импульсов большой силы обожгли его душу обли-чающими языками невидимого пламени. Со временем "ожоги" про-шли, но это ощущение Лагутин запомнил на всю жизнь, даже при-думав ему название – "Последний Крик". Но это было тогда! Значит, сейчас это кто-то из их пятерки, больше некому. Телефонный звонок прозвенел в коридоре, будто подтверждая его предположе-ние.

– Слушаю...

– Хорошо слушаешь? Предсмертные вопли слышал?

– Кто это?

– Медведь, это Хан. Просыпайся уже.

– Я не сплю.

– Значит, слышал?

– Слышал... Кто это?

– Пока не знаю, но очевидно, что кто-то из наших. Причем, если я не ошибаюсь, это уже второй. Не ты, не я, значит, это либо Ловкач, либо Циклоп, либо Лесник.

– Боже... Мне показалось... что это был Лесник, хотя я не уверен. А тогда, в первый раз, похоже – Циклоп...

– Да? Значит, скорее всего, это они. Я сейчас разыщу Ловкача, нужно встретиться.

– Когда?

– Как можно скорее. Я перезвоню тебе через десять минут, сиди у телефона.

Медведь зябко поежился, осматриваясь вокруг. Хан почему-то выбрал именно это место – заброшенный сектор одного из парков на самой окраине Москвы. Очень странный выбор. Здесь все напоми-нало погребальный сад в древнем "городе Мертвых", виденном Ла-гутиным недавно по телевизору: серое, помутневшее от времени озе-ро с заросшими тиной прибрежными плитами, старые клумбы с про-шлогодними, полусгнившими под снегом, цветами. Более унылое место просто трудно себе представить, оно очень сильно подавляло и без того издерганную психику. Последние годы почти уже принес-ли долгожданный покой и уверенность, что все

позади. Оказывает-ся, нет. Последние несколько часов опять всколыхнули самые мучи-тельные страхи и предчувствия. "Циклоп и Лесник мертвы. Что же это делается? И как этот дьявол, Хан, нашел его? Это просто неверо-ятно, через столько лет...".

Медведь поискал глазами место, куда можно сесть, и неторопливо направился к одинокой скамейке, стоявшей неподалеку, на обочине одной из клумб. Пока он шел, рука нащупала в кармане плаща ше-роховатую поверхность рукоятки пистолета. Он приобрел это ору-жие несколько месяцев назад, когда вдруг почувствовал смутное бес-покойство, не обусловленное какими-либо конкретными причинами. Купить сейчас оружие в Москве было несложно, особенно если имеешь деньги и кое-какие связи. Из всех предлагаемых образцов Медведь выбрал австрийский "Глок", облегченный пистолет, имею-щий надежную репутацию на рынке контрабандного оружия. Те-перь это изделие австрийских оружейников приятно отягощало кар-ман Лагутина, внушая какую-то необъяснимую уверенность, кото-рую не мог обеспечить ему слабеющий со временем Дар.

Медведь тяжело опустился на трухлявую скамейку и, закрыв гла-за, стал неторопливо сканировать местность. Если бы кто-нибудь из ранних посетителей парка прошел сейчас мимо, то наверняка бы подумал, что этот пожилой человек, откинувшись на грязную после ночного дождя скамейку, вспоминает былые годы. На самом деле "старик" не грезил о прошлом. Воспоминания всегда пробуждали в нем страх. Сейчас он кропотливо составлял карчу своих ощущений, группируя окружающие его излучения по степени их потенциаь-ной опасности. Но его усилия были напрасны, вокруг никого не было. Даже птиц и бродячих собак. На редкость унылое место. Воспомина-ния все-таки проскользнули из кладовых памяти, воспользовавшись тем, что отсутствие людей и нелюдей позволило Медведю хоть на мгновение расслабиться за последние несколько часов. Он продол-жал сидеть, не открывая глаз, зная, что все равно почувствует, если кто-то появится в парке.

"Нужно было давно бежать отсюда. Давно. Одному, а не тащить за собой хвост из этих выроdkов". ВЛАСТЬ и БОГАТСТВО. Мед-ведь уже давно не чувствовал внутри топ пружины, которая толкала его вперед. Только усталость и желание отдохнуть, наконец, от этой изматывающей тетки. Сегодня погиб Лесник. Для него этот забег подошел к концу. Но ведь кто-то наверняка помог ему в этом. Эргом не может умереть вот так, вдруг, случайно. Тем более что это был второй труп за последние две недели. К черту!!! Нужно было бежать, бежать, бежать. Сколько раз тогда, пятьдесят лет назад, он прокру-чивал в голове планы бегства. Делал это у себя в ванной, экраниро-вав голову самодельным шлемом со свинцовой обкладкой, надеясь, что это избавит его от возможного "мысленного контроля". Ходили слухи, что среди эргомов Второй волны есть и такие – "слухачи", способные влезать в разум человека, читая его, словно открытую книгу или сокровенный дневник. Медведь не верил в то, что они могли брать большие расстояния, даже с помощью "Большого Уха", спрятанного в одном из московских ангаров, принадлежащих МГБ. Он и сам был способен определить эмоциональное состояние себе-седника с точностью до визуальных образов, возникающих у того в голове. Но это отнимало уйму энергии и срабатывало только при непосредственном контакте. В радиусе десяти метров он мог лишь чувствовать побуждения человека – гнев, недоверие, агрессию, симпатию... Свыше этого расстояния фокус терялся, и удавалось лишь улавливать смутные тени далеких чувств. Но слухи ходили, и исклю-чать подобную возможность было нельзя. Поэтому Медведь наде-вал на голову эту мысленепроницаемую кастрюлю и думал, думал, дума и. То, что их, эргомов, не отпустят за стены Института, было очевидно: слишком большие вложения средств и времени, слишком высокий уровень секретности и важности данной программы, с ниш-ком большие возможности даны были им, чтобы позволить затем направить их на реализацию каких либо других планов, не посвя-щенных реализации Проекта... Мерным попробовал бежать Филин,

затем Витязь и Комар. А потом, в один из вечеров, раздался в пространстве этот ужасающий "Последний Крик", означающий смерть неудачливых беглецов и оглушивший и парализовавший оставшихся в живых эргомов. Медведь тогда мучительно искал выход из сложившейся ситуации, но Случай все решим за него. Смерть Вождя послужила отправной точкой в осуществлении намеченного плана. С Медведем связался Оберон и сам предложил побег. Как он выразился – "эксфильтрацию из зоны повышенного внимания силовых ведомств". Медведь понял – вот он, единственный шанс! Из этой мясорубки живыми их вытащить могли только ИВАН и Оберон. Все остальные варианты были заранее обречены на провал. И он согласился, совершенно потеряв голову от страха за свою только начинающуюся жизнь, за свои новые способности, которые открывали ему возможность по-новому прожить эту жизнь. Но все с самого начала пошло не так, как хотелось. Оказалось, что план побега вынашивается среди эргомов уже давно, и некоторые даже набрались смелости объединить свои чаяния на свободу. В Отделе появилась тайная группа, которая намеревалась не только преодолеть силовые заслоны Института, но и продолжать затем действовать вместе, используя многократно усиленные совместным намерением потенциалы эргомов. Медведь не знал всех этих подробностей, и это незнание сделало его жертвой обстоятельств, которые совсем не входили в его планы. Оберон все сделал, как обещал: тех эргомов, которые хотели бежать, вывезли за пределы охраняемой спецзоны Института на автобусе с зашторенными окнами, в сопровождении трех вооруженных охранников. Автобус должен был перевезти их в пригород, откуда, согласно договоренности с Обероном, всех эргомов должны были вывезти в безопасное место, снабдив необходимыми документами. Но ощущение близкой свободы сыграло с беглецами дурную шутку. Они решили воспользоваться случаем, твердо решив жить теперь только по своим правилам. Перед Обероном у них не было никаких обязательств, а об обязательствах Медведя никто из них не шал. Все охранники были умерщвлены в сечение нескольких секунд, и группа из шести эргомов бесследно растворилась в этом огромном муравейнике под названием Москва. Медведь был в шоке, но дело было сделано и ему ничего не оставалось, как принять все как есть, и нести с собой из года в год этот тяжкий груз измены и предательства людям, которых он безмерно уважал, перед которыми преклонялся. Но эти уроды с маниакальной жадностью ВЛАСТИ все сделали по-своему. Что ж, за все нужно платить, и за "бессмертие" тоже. Это правильно. И вот, скорее всего, процесс погашения задолженности уже начался: Циклоп и Лесник. Кто следующий?

Медведь почувствовал, как все тело охватывает мелкая отвратительная дрожь, не связанная с утренней прохладой..

...Дед заставил его снять всю одежду и сложить рядом, около огромной туши убитого медведя, лежавшей в невысокой зеленой траве, подмятой этим массивным мертвым телом.

– Все скидывай, Сашка, не бойсь, не замерзнешь.

Мальчик снимает себя куртку, рубашку, брюки, дрожа не столько от утренней прохлады, сколько от страха и возбуждения.

-Подойди сюда.

Дед склоняется над медведем и достает из поясного чехла большой охотничий нож. Хищное лезвие бликует в солнечных лучах, которые стекают по острию, словно золотистая кровь.

– Садись на колени, вот сюда, к голове. Положи руки ему на башку. Да не сюда, олух, на лобешник.

Мальчик робко кладет тонкие руки на огромную лобастую голову с закрытыми глазами и торчащим из оскаленной пасти синеватым прокушенным языком.

Прикосновение к мертвому телу, покрытому густой слипшейся шерстью, вызывает содрогание. Дед подходит сзади и шепчет на ухо:

– Проси у него силы медвежьей...

В ответ на вопросительный взгляд кивает и говорит уверенно:

– Проси, проси. Он даст.

Мальчик закрывает глаза и тихим, извиняющимся голосом еле слышно бормочет:

– Мишка, мишка, дай мне силы...

Мертвое тело вздрогнуло, и мальчик, ойкнув, вскочил на ноги, испуганно попятившись от трупа. Но, оказывается, это дед вонзил свой гигантский нож в медвежью грудь. Резко запахло кровью. Дед смотрит на внука и грозно цыкает:

– Ну-ка, на место, и замри. Замри!

Нож уверенно вспарывает жесткую шкуру таежного царя. Дед запускает внутрь свои крепкие жилистые руки и, пошарив там, в не-сколько резких движений достает наружу окровавленный кусок мяса. Протягивает внуку и говорит благоговейно:

– На, Санька. Это сила тела медвежьего!

Мальчик брезгливо берет в руки скользкий от крови кусок мяса и смотрит на охотника.

– Что мне с ним делать, деда? Старик улыбается и встает с колен:

– Это сердце зверя. В нем скрыты все тайны леса. Съешь его, и ты станешь сильным, как медведь. Оно откроет тебе свои секреты.

Мальчик рассматривает сизое сердце в своих перепачканных кровью ладонях и, нервно сглотнув горькую слюну, жалобно смотрит на дедушку:

– Съесть? Сырым? Я не смогу, деда. Меня вырвет.

– Не вырвет! Ты просто не привык к этому. Твои слабые родители, захиревшие в своем городе, не научили тебя есть сырое мясо, особенно мясо медведя. Этим они угробили тебя, сделали слабым, таким же, как и они сами. Медвежатина вдохнет в тебя свободный дух тайги. Это наследие древних охотников. Они вбирали в себя сущность этого сильного зверя. Его мясо становилось их мясом, его кровь текла по их жилам. В мире не было еще человека, который мог бы противостоять силе их духа. Они уважали лесного зверя. Убив его, они просили у него прощения. То, что они забирали его силу, говорило об их страхе, преклонении и желании быть такими же сильными. Почувствуй силу, скрытую в этом сердце. Она потечет по твоему телу, стоит тебе откусить кусочек. По-смотри на меня, мне восемьдесят лет, а я хожу по лесу быстрее тебя, пацана. Я ем медвежатину с детства, этому меня научил мой отец, и ты можешь посмотреть на результат, сравнив мою силу и силу твоего отца, который отказался от этой тайны. Я не смог убедить его прикоснуться к ней. Теперь я предлагаю ее тебе, она – в этом сердце. Оно научило меня многим чудесам, научит и тебя. Попробуй его, не бойся...

Мальчик осторожно откусывает жесткое мясо и, преодолевая тошноту, тщательно жует его, ощущая во рту сладковатый привкус крови. Дед внимательно следит за ним.

– Не торопись, жуй медленно, наслаждаясь, выпитывая силу постепенно. Теперь закрой глаза. Твоя кровь должна слиться с кровью зверя. Только так сила обретает основу.

Мальчик откусывает второй кусок, третий. Мясо уже не кажется ему противным. Наоборот, некая скрытая на самом дне чувств прелесть таилась в этом пиршестве. Лучистые глаза деда словно разожгли внутри костер этих новых ощущений.

– Чувствуешь огонь?

Мальчик кивает, озадаченно прислушиваясь к своему организму.

– Дай ему выход. Не держи его в себе. Отпусти обратно в лес медвежьей кровью.

Что-то стало происходить со зрением. Небо потемнело и окрасилось и бордовый цвет. Зелень леса засветилась изнутри мягким изумрудным светом. Мальчик вдруг почувствовал присутствие целого сонма живых существ вокруг: зайца в ельнике, змею, ползущую возле старого пня, птиц, жуков, муравьев... Закружилась голова, но сильные руки деда поддержали внука.

– Это только начало. Лес открывает тебе свои кладовые. Пользуйся ими, они твои...

Эти слова Александр Луцкий, а теперь Лагутин, вспомнил через пару лет, когда дед опять взял его на медвежью охоту. Необычные способности стали появляться одна за другой: умение чувствовать чужое присутствие, видеть в темноте, поднимать очень тяжелые предметы, слышать отголоски чужих мыслей и даже внушать некоторым зверькам свою волю. Затем – Институт, где вместо сырого мяса Лупкий – "Медведь", начал поглощать вытяжки из крови, растворы, стимуляторы и часами лежать под колпаком оргонного аккумулятора. Со временем тяга к крови пропала, а Дар остался... Это потом уже был невероятный ужас, именуемый "Яма", и ощущение убийцы, возникшее в мутном омуте подсознания...

Медведь стремительно возвращался из этого далекого путешествия по памяти, почувствовав чужое присутствие. Все-таки он прокараулил его. Этот кто-то сидел рядом, на скамейке, и молча ждал, когда, наконец, его обнаружат. Медведь медленно приоткрыл глаза, одновременно нажимая курок пистолета – "Глок" имел особый предохранительный механизм, снимаемый первым нажатием курка.

– Хан, как тебе это удается?

Человек, сидевший рядом с ним на скамейке, растянул губы в довольной улыбке:

– Здравствуй, Медведь. Здравствуй...

– Но, как...

– Не загружайся, охотник. Я не бесплотный дух, просто я не терял времени даром, в отличие от тебя.

– Как ты меня нашел?

Хан фыркнул и недоуменно уставился на Лагутина:

– Спустя сорок пять лет, ты встречаешь меня этим идиотским вопросом? Медведь смутился и пожал плечами:

– Извини, просто я не ожидал... я думал... В общем, я уже про вас всех забыл и не могу тебе сказать, что вообще рад тебя видеть. Хан рассмеялся:

– Во всяком случае, честно. А я, между прочим, вижу, что ты не рад. Пистолет с собой, вон, припер. Боишься?

Медведь хмуро посмотрел на собеседника. Манера общаться у того с годами не изменилась, все такой же надменный тон и ирония.

– Боюсь! А ты не боишься? Зачем тогда позвал меня? Кто-то начал охоту на эргомов, это же очевидно. Два трупа за десять дней! Ты-то что вскипятился, если смелый такой?

Хан опять рассмеялся, хлопнув себя руками по коленям:

– Бедный, бедный Медведь. Прижало тебя. Я не боюсь, я опасюсь. А что разные вещи. И

тебя я нашел не от страха. Ты мне сейчас не помощник. Это раньше ты был – да-а – Медведь! А сейчас, посмотри на себя – чучело. Да ладно-ладно, не ерепенсья, а то тебе никакая пушка не поможет. Я тебя отыскал, чтобы выяснить для себя кое-что.

– Что выяснить?

– Да успокойся ты. Совсем разладился старик. Мы сейчас не соба-читься должны, а думать, думать, кому это понадобилось – эргомов валить? Соображения у тебя есть конструктивные?

Лагутин втянул голову в плечи и теперь сидел, зло прищурившись и играя желваками:

– Какие соображения? А какие тут могут быть соображения? Двух эргомов убить – это ведь не каждый сможет. Просто время настало. Время, понимаешь, Хан? За все платить надо, долги отдавать.

– Постой, постой. Ты что, думаешь, это Институт за нами тянется? Через сорок пять лет? Чушь! Ты, наверное, так и просидел все эти годы в подвале каком-нибудь, ожидая возмездия за свою свободу.

– Свободу!!! – Лагутин истерически захохотал, – Свободу!!! Ты это называешь свободой? Да все эти годы я только и делал, что трясся от страха. Просыпался по ночам от малейшего звука и вглядывался в темноту, шарил по комнате своим полем, отыскивая опасность. Раз-ве это свобода? Уроды! Вы так ничего и не поняли тогда, какие же вы придурки...

Хан удивленно вскинул брови, слушая торопливую скороговорку старика.

– Чушь! – повторил он и закинул руки за голову, с наслаждением потянувшись и хрустнув суставами. – Маразм! Мы вырвались тогда из этого ада и унесли в своих организмах бесценный Дар – Модуля-цию, которая изменила нас навсегда. Мы вытерпели все, что над нами вытворяли в этом гребаном Институте сначала "митровцы", а затем "ямщики", и вот награда – мы живы, а где остальные? Где те яйцеголовые, которые бились денно и ночью над проблемами времени и пространства во имя "великой цели" – процветания наших воню-чих вождей? Где они? В земле! Понимаешь? Сдохли! И никто из тех, кто сейчас населяет эту землю, не поверит, что нам с тобой – под сотню лет. Никто! А то, что мы тогда этих пацанов погасили... ну что ж, поверь, на самом деле это была не самая высокая цена за наши жизни. Я, например, ни о чем не жалею.

Лагутин медленно покачал головой.

– Ничего не поняли... – бормотал он, словно не обращая внимания на собеседника.

– Да поняли, поняли! Это ты ничего не понял. Когда Вождь накрылся крышкой, и Систему стали делить все кому не лень, что ты думаешь, нас отпустили бы на все четыре? Ага, и денежек бы еще подкинули на безбедное житие. Чушь! Мы слишком ценный мате-риал, да и знали слишком много. Думаешь зря, что твои высокопос-тавленные друзья, с нами возились? Тоже свои виды имели, поэтому и носились с нами как с писаной торбой. Да и вообще, без нас вся эта Модуляция – полная херим. Мы стали эргомами, потому что у каждого из нас уже был свой Дар! С помощью Модуляции мы нить развили и усилили его. Поэтому мы должны от счастья скакать, что нам выпал этот шанс. И мы просто им воспользовались. Во всяком случае, по этому поводу тебе, Медведь, нечего беспокоиться, никого уже не осталось, поверь мне. Только мы...

Хан встал и кивнул Лагутину, приглашая пройтись. "Пенсионер" с неохотой поднялся, не вынимая рук из карманов.

– Ты что же, Хан, думаешь, это кто-то из нас? Так, да?

Хан развел руками:

– Выходит, что так. Больше некому. Это я и пришел выяснить.

– Ты думаешь – я?

– Теперь не думаю. Вижу, что не ты. Хотя на тебя первого и подумал. Ты ведь тогда здорово нервничал, когда мы этих парнишек... Ты и сейчас одержим идеей искупления. Но это не ты. Ты совсем туск-лый стал, негодный ни на что.

– Тогда кто? Ловкач?!

Они уже прошли всю аллею парка и повернули обратно. Медведь еще крепче сжал рукоятку пистолета. Скрытый под легкой тканью летней куртки, "Глок" уже был готов к стрельбе. Их осталось трое. Если исходить из логики Хана, и убийца кто-то из них, то вполне вероятно, что он шел сейчас рядом.

Хан уловил его мысли и расхохотался своим идиотским издевательским смехом.

– Ты. Медведь, я чувствую, меня сейчас мочить начнешь. Вынужден разочаровать тебя, дорогой, не я это, не я.

– Значит, Ловкач?

– Значит, Ловкач.

– Ты... с ним уже встречался?

– Нет, убежал он от меня. Сгинул наш Ловкач, ныне господин Батырев. Канул, как будто и не было его. Но, во всяком случае, круг подозреваемых резко сузился.

– Зачем ему это?

– Откуда я знаю? Пути эргомов неисповедимы...

– И что теперь?

– В каком смысле?

– Ну, что теперь делать будем?

Хан пожал плечами, останавливаясь и разглядывая поверхность озера, заросшую тиной и ряской.

– Это уже тебе самому решать, что ты делать будешь, Медведь.

– Что, опять каждый сам за себя?

– Как всегда, как всегда. Но ты не переживай, я думаю, что найду его раньше, чем он до кого-нибудь из нас доберется. Но и ты не расслабляйся, старик. Ты же когда-то совсем другим был.

– Когда-то... – пробормотал Медведь и, повернувшись, медленно зашагал по парковой тропинке прочь, мимо густых кустов акации.

– Медведь!

Лагутин обернулся, вопросительно качнув головой.

– Прощай, старина. Наверное, не увидимся уже. Или, разве что, еще лет через пятьдесят.

Медведь повернулся и молча пошел дальше. Вслед ему слышался безумный гавкающий смех Хана.

\* \* \*

Патрульный автомобиль тронулся с места и плавно выехал на пустынную улицу,



набирая скорость. Через несколько секунд яркие габа-ритные огни растворились в темноте лишнего освещения переулка. Хан долго смотрел вслед уехавшему автомобилю, затем расстегнул кар-ман легкой летней куртки и положил туда свои документы, недовольно качая головой. Ничего кроме раздражения он сейчас не испытывал. И дернул же черт скучающего в "газике" сержанта вылезти наружу и прицепиться к неприметному мужчине неопределенного возраста, с невы-разительной внешностью, единственной отличительной чертой кото-рой можно было считать чуть раскосые глаза. Этот совершенно необос-нованный поступок блюстителя порядка был вызван не пресловутой бдительностью, а заурядной жадностью и скукой. Прохожий не при-влекал к себе внимания, не оскорблял никого ни действием, ни своим внешним видом, не производил впечатления субъекта подозрительно-го либо нетрезвого. Но милиционер, тем не менее, окликнул сто. Этот поступок впоследствии едва не стоил ему жизни.

– Эй, гражданин... – лениво и властно рявкнул сержант. Хан послушно подошел к патрульному автомобилю, изображая искреннее удивление:

– Добрый вечер, товарищ милиционер.

– Документы имеются? – сержант изучающе осмотрел прохожего. Хан растерянно улыбнулся и проворно полез в карман выцветшей джинсовой курточки.

– Кудрин Владислав Итджетович. Москва. – Бегло изучив акку-ратный паспорт, и не обнаружив никаких причин для дальнейшей задержки гражданина, сержант неохотно протянул красную книжеч-ку владельцу. – Русский, что ли?

Хан, забрав документы, облегченно закивал:

– Русский – по матери, отец – таджик.

Кривляться перед этим молодым парнем ему уже надоело, и он почувствовал, как внутри затлела искра раздраженной психоэнер-гии, которая вполне могла вырасти в считанные секунды в сжигаю-щий все на своем пути пожар.

– Что так поздно здесь делаешь? Хан пожал плечами:

– А что, у нас уже комендантский час ввели? Сержант сразу напрягся и крутанул на руке упругую резиновую дубинку.

– Умный, что ли? – Вопрос прозвучал не столько угрожающе, сколь-ко предвкушающе.

Хан сжал зубы, ожидая удара, за которым последует невидимый ментальный взрыв, уничтожающий все живое, находящееся в пат-рульном автомобиле, обрывая тонкие сосуды и аорты, плавя мозги и вскипятив кровь. Но сержант, видимо, почувствовав что-то, морг-нул и, сплюнув на асфальт, ткнул концом дубинки в грудь лже-Кудрина, угрюмо процедив сквозь зубы:

– Вали отсюда. Живо.

Это и спасло жизнь ему и двум его сослуживцам, сидевшим в ма-шине и не подозревающим о том, что в эти минуты они были как никогда близки к смерти. Хан просто кипел от раздражения. Он запросто мог бы убить их всех, но осторожность и благоразумие, оттачи-ваемые годами, взяли верх над агрессией, вызванной ощущением постоянного напряжения. Где-то рядом мог быть убийца, который поднял руку на "долгожителей". Поэтому Хан лишь улыбнулся вслед автомобилю, исчезнувшему в глубине переулка, хотя эта улыбка боль-ше напоминала яростный оскал предвкушающего смертельную схватку берсерка.

"Время. Странная штука. Сегодня совершенно не похоже на вче-ра, и люди другие, а Смерть по-прежнему актуальна и страшна. Ведь он почувствовал, почувствовал ее, этот юный мент. И дрогнуло что-то внутри... Смерть – Жизнь. Абстрактные понятия для живого чело-века, почему-то истинную значимость они обретают только для уми-рающего. В этом – парадокс человеческого существования. Нежела-ние замечать очевидное, анализировать фундаментальные прояв-ления бытия, думать, наконец... Мот, например, эти парни. Моло-дые, полные сил и желаний, гонора и амбиций. Им наверняка неког-да думать на подобные темы, ощущать течение времени, тревожить-ся его отливам и приливам, млеть на его волнах от умиротворяющего колыхания минут. Их разум зашорен, словно у скаковых лошадей, видящих перед собой только узкую колею беговой дорожки. Их ста-тус позволяет им чувствовать себя над людьми, над событиями, над временем. Он дает им право на совершение действий, недоступных для обычных обывателей. Табельное оружие, резиновые дубинки, баллончики с газом, наручники – это не просто штатный арсенал спецсредств, это – символы власти, атрибуты касты надсмотрщиков, позволяющие им подняться над миром на гребне волны. Но затем волна идет на убыль, падает вниз, утягивая на дно, закручивая в водоворот, оглушая и накрывая тяжелым пологом. Но это потом... потом... когда-нибудь... и не с ними. А ведь ВСЕ когда-то заканчива-ется. Время!".

Хан знал, что такое время. Он даже научился физически чувство-вать его. За те пятьдесят лет, которые он провел в новом качестве "долгожителя", он научился ценить время.

"Все-таки это цепь парадоксов. Чем больше у тебя времени впере-ди, тем большим скрягой ты становишься по отношению к нему. Бес-смертные боги, вероятно, вообще находятся на грани помешательства от своей жадности. Простые же смертные распоряжаются временем с поистине безумной щедростью. Они просто игнорируют его, сжигая в бессмысленных поступках. А когда приходит Смерть, они пережива-ют, что времени у них было – всего ничего. Странно. А ведь все боятся смерти, все! И поэтому, вероятно, избегают думать о ней, подавляя в мыслях любые ассоциации и намеки. И никому в голову не приходит простая истина, что Смерть приходит тогда, когда запасы времени истощаются. Когда они сгорают в бесполезном костре, пылающем за-частую без особой необходимости. А ведь нужно просто научиться пользоваться временем. Кидать его в Костер Жизни медленно и по-немногу, наслаждаясь его теплом, любуясь его красотой. Вот эти мен-ты – они ведь просто переполнены страхом. В их головах наверняка засела лишь одна простая мысль, одно простое желание – отдежурить спокойно, без происшествий и разъехаться поскорее по своим домам, поесть, выпиты тика, посмотреть телевизор, перед сном трахнуть свою жену или любовницу и уснуть, прячась в скучные сны от этой обрыдлой действительности. Их даже убивать скучно".

Хан почувствовал удовольствие, получаемое от убийства, много позже, чем убил первый раз. И тогда он понял, чего добивались от них инструкторы "Ямы". Энергетический экстаз, взорвавший однаж-ды изнутри его тело после очередного убийства, послужил своеобразным инсайтом, просветлением, которое указало ему путь к бес-смертию. Убив человека. Хан понял, что к нему перешло что-то, что принадлежало этому несчастному, что-то, что теперь было ему уже не нужно, и теперь испарялось в пространство, тая в воздухе. Хан впитал в себя этот "пар" и почувствовал, что стал полнее. Чужая энергия добавила ему то, что он так бережно хранил, – время. И тогда он понял, что время можно отнимать, забирая его у тех, кто его не ценит. Именно тогда он встал на этот путь, по которому, вероятно, могут идти только полубоги, через время, вперед, не оглядываясь на трупы, которые грудями лежали на обочине. Его перестали интересо-вать деньги, единственной страстью отныне стало только одно – вре-мя! И Хан убивал, убивал, убивал, потому что убийство добавляло время в его копилку, потому что энергия – это и было время! Нерастраченное до момента своей естественной смерти количество минут и часов. Хан

поглощал их, подобно вампиру, высасывающему кровь из презренных людей с целью продления своей жизни. И вот появился кто-то, кто осмелился бросить вызов ему. Убив двух эргомов, этот кто-то объявил о начале своей охоты за "долгожителями". А так как Хан был одним из них, то он принял этот вызов и на свой счет. Оста-валось включиться в эту смертельную игру, используя для этого на-выки убийцы: свой смертоносный Дар и весь арсенал современного оружия и техники рукопашного боя, которой начал обучать Хана еще его отец, в те далекие и благословенные двадцатые...

Хан сказал не полную правду милиционеру, утверждая, что его отец таджик. На самом деле, это была полнейшая глупость, но тот особо и не вдавался в подробности. Насчет матери Хан не соврал, но вот отец... Когда в двадцать пятом году гражданка СССР Беляева Людмила Ивановна вышла замуж за гражданина экзотического в те времена Вьетнама, Партия откровенно поощряла этот брак. Более того, способствовала ему, ведь известный вьетнамский лекарь Ван Гото был вывезен со своей родины специальной миссией ОГПУ для "оказания лечебной и оздоровительной терапии высокопоставлен-ным представителям Советского правительства".

Ван Гото был не просто народным целителем, он владел Даром, который позволял ему совершать необыкновенные вещи: сохранять уже в зрелом возрасте идеальное здоровье и молодой вид, лечить самые запущенные и даже фактически неизлечимые заболевания...

В двадцать шестом, в семье Беляевых родился сын – Лева. Отец очень гордился своим ребенком, проводя с ним все свое свободное время. Он обучал его многим вещам, которые не доверял даже новым советским друзьям – врачам и ученым, коллегам по Институту. "Тех-ника воскрешающего дыхания", "Погружение в аромат травы", "Во-дяной Круг" – остались известными только его сыну, который не особенно, как выяснилось впоследствии, тяготел к народной меди-цине.

В детстве Лева был хорошим сыном и прилежным учеником. Он как губка впитывал в себя диковинные знания о травах и минералах, повторял, заучивая, замысловатые движения своего не стареющего с годами отца, исполняющего "гимнастику безвременья", отрабаты-вал мягкую технику стремительных блоков и захватов, чередуя их с жесткими ударами боевой техники "вьет-во-дао". Но самым глав-ным подарком Гото сыну был Дар, дремлющий до определенного времени в глубинах мальчишеского организма...

Леве было всего семь лет, когда причудливая линия жизни повлек-ла его однажды вместе с дворовыми пацанами в полуразрушенные катакомбы, раскинувшиеся под старым, но прочным каменно-кирпичным зданием бывшего монастыря, стоявшего в квартале от дома, где жила семья Беляевых. Этот подземный лабиринт будоражил во-ображение многих поколений мальчишек, проживающих неподале-ку от монастыря. Рассказывали, что здесь, в этом подземелье, мона-хи устроили свое кладбище, и теперь в определенный день можно увидеть в глубине самого длинного коридора очертания удаляющейся фигуры в черном плаще. Еще рассказывали про четверых красноар-мейцев, во время революционного переворота вошедших в этот под-вал в поисках монастырских сокровищ. Назад они не вернулись. И теперь их грешные души, очевидно, уже отыскавшие за долгие годы желанные драгоценности, стонут и кричат, скитаясь по бесконеч-ным коридорам, ведущим, вероятно, в самое чистилище. Под боль-шим секретом передавалась из уст в уста легенда о жутком вурдала-ке, заточенном в подземном склепе и с уходом монахов выбравшем-ся наружу и устроившем себе в темноте подвала обиталище. В об-щем, жути было наверчено предостаточно, во всяком случае, для того, чтобы целые группы пацанов еженедельно отправлялись вниз в на-дежде найти серебряную, а лучше золотую монету из сокровищни-цы, старый, проржавевший от крови многочисленных жертв, меч, покрытый паутиной, кости и череп иссушенного священника или чудовищный след лапы шастающего во тьме коридоров вурдалака.

Слабые источники света в виде самодельных тряпичных факелов вых-ватывали из темноты отдельные фрагменты отсыревших стен, крыси-ные морды с бликующими глазами, гнилые балки и перекрытия. Про-цессия медленно двигалась вперед, все се участники, затаив дыхание, всматривались во мрак впереди, вслушиваясь в тишину подвала.

– А-а-а-а, – вдруг истошно заорал идущий во главе экспедиции Дима Пилюев.

Эхо его крика заметалось в узком пространстве коридора, оглушая застывших в оцепенении пацанов. Через мгновение все исследова-тели уже неслись назад, на ощупь пробираясь к выходу, наскакивая друг на друга и надрывно вопя. А сзади, из темноты, слышались не-внятное рычание и тяжелый топот. Ужас буквально душил несущих-ся во тьме участников подземного похода. Лева оказался на лестни-це, ведущей к выходу, последним. Он боялся, что ноги отнимутся от жуткого страха, повисшего на них пудовыми гирями. Он ничего уже не соображал, зараженный общей паникой, понимая лишь одно: позади опасность! Смертельная, страшная, поджидающая их всех в глубине катакомб и теперь преследующая по пятам. Может быть, это был даже вурдалак, в существовании которого мальчишки клят-венно уверяли друг друга, собравшись вечером во дворе. Чудовище уже хрипло дышало в худощавую спину обезумевшего от страха Левы. Он споткнулся, уже практически преодолев всю лестницу, добежав до выхода, и упал на последние ступеньки в метре от спасительной двери на улицу, сбивая локти и обдирая в кровь тощие коленки. Из приоткрытой двери пробивался снаружи тонкий луч солнечного све-та, освещая только несколько верхних ступеней. Лева обернулся, пытаясь снова подняться на ноги, но не смог. В это мгновение грани-цу, отделяющую затхлый подвальный мрак от дневного света, пере-сек вурдалак. Перекошенная синяя морда с заплывшими глазами, пыльная и грязная одежда, невнятная рыкающая речь – это суще-ство по праву могло называться вурдалаком, но было еще ужасней. Это был Ерема, известный всей округе дебил и алкаш. Неуправляе-мый, звероподобный мужик, он жутко ненавидел детвору, которая не упускала случая поиздеваться над ним. Для Левы этот больной психопат был значительно более страшным существом, чем любое адское чудовище. На губах Еремы повисла грязная пена, глаза дико выкатились наружу, из перекошенного рта вырывались злобные не-членораздельные звуки. Ерема был сильно пьян и взбешен: пацаны нашли его укромное обиталище. Нарушителей спокойствия и извеч-ных обидчиков нужно было пойман, и наказать. Грязная узловатая рука с растопыренными пальцами потянулась к тонкому мальчи-шескому горлу, и в этот критический момент между мальчиком и Еремой возник невидимый, но отчетливо ощутимый обоими, контакт. Словно мостик или шланг, соединяющий два сосуда, перепол-ненных бушующей энергией. Лева вдруг почувствовал сердце пья-ного олигофрена, его вибрацию, ток крови в ритмично сокращаю-щихся клапанах. Это ощущение длилось недолго – мгновение, но именно в это мгновение из Левиной груди, по связывающему их ка-налу, вылетела обжигающая стрела и ударила Ерему ветвистой мол-нией в грудь. И вслед за ней оборвалась связь, растаял мост, навали-лась всепоглощающая одуряющая усталость, апатия, тишина. Ере-ма дернулся, словно от удара током, глаза его закатились и он, схва-тившись за грудь руками и судорожно вздохнув, прохрипел что-то непонятное и жалобное, а затем отшатнулся и исчез в темноте, ска-тываясь по ступенькам во мрак и холод приютившего его подвала. На верхних ступенях лежал потерявший сознание мальчик.

Спустя полчаса Леву увезли в больницу, а мертвого Ерему закину-ли в приехавший с большим опозданием грузовик. Врачи констати-ровали смерть от обширного инфаркта, и возиться с телом мертвого идиота никому не хотелось. Лева отделался тогда сильным испугом и серьезным разговором с отцом. Через несколько месяцев эта исто-рия почти забылась, и Лева продолжал расти нормальным мальчиш-кой, совершенно ничего не подозревающим о своей исключительности. Пока на его жизненном пути не появилась бешеная собака, на которую он наткнулся на одном из пустырей, где размещались имп-ровизированные футбольные поля. При

виде оскаленной пасти в подсознании машинально возник образ безумного Еремы, и тело тут же "включилось", настраиваясь на неуловимую связь, несущую невидимую, но вполне конкретную смерть. По спине мальчика про-бежали знакомые волны озноба, и, когда собака сорвалась с места, хрипло лая и рыча, Лева испытал на этот раз уже приятное чувство – толчок в груди и растекающееся по телу томительное тепло. Смерто-носный разряд вспорол воздух, и пес, споткнувшись, забился в судорогах. Но Лева этого уже не видел. Обморок, как следствие перегрузки психики, опять пришел на смену спасительной молнии, остано-вившей больного зверя. Потом жертвой своей глупости стал Винт, известный в районе хулиган. Он разбил третьекласснику Беляеву нос и тут же рухнул к его ногам с внезапным инфарктом. Потом... В общем, череда случайностей закончилась для Левы в двенадцать лет, когда в дом Беляевых-Гото ворвались четверо неизвестных с оружи-ем в руках. Вьетнамский целитель, владевший боевым искусством, возможно, справился бы со злоумышленниками, но ему надо было помимо себя защищать еще жену и сына. Он смог повалить двух нападавших на пол, оставшиеся двое открыли стрельбу. Ван Гото был смертельно ранен после первых же выстрелов – две пули попали ему в грудь, две – в живот, одна – в голову. Истекая кровью, он упал на Леву, прикрывая его своим телом. Тем временем убийцы хладнок-ровно расстреляли Людмилу Беляеву. Помощь пришла с опоздани-ем и из самого неожиданного источника. Оба убийцы скончались на месте от разрыва сердечной мышцы, третий умер, не приходя в со-знание, еще после ударов вьетнамца, а четвертый сумел выползти в подъезд, преодолевая жуткую боль в груди.

Лева две недели пролежал в реанимации, истощенный сверхмоц-ным энергетическим разрядом, находясь на грани между жизнью и смертью. Когда он пришел в себя, единственным посетителем его палаты был серьезный мужчина в строгом костюме. Он подолгу бесе-довал слевой, приносил ему книжки, фрукты и соки, а затем, когда Лева вышел за чугунные ворота больницы, окликнул его из черной машины, припаркованной неподалеку. Лев Гото сел в автомобиль, и тот понес его по знакомым улицам в совершенно незнакомую новую жизнь, где этот человек стал для него всем – отцом, учителем, Богом, а способность тела защищаться от грозных опасностей преврати-лась в идеальное невидимое оружие. Так появился Дар, так появил-ся в жизни Левы Инструктор – Кукловод, завладевший навсегда ду-шой мальчика. Так появился в его судьбе Институт, в стенах которо-го он стал полубогом, эргомом, убийцей и где научился любить Вре-мя, которое приоткрыло для своего нового почитателя совершенно невероятные горизонты.

ля совершенно невероятные горизонты.

Уже потом, спустя много лет после побега из Института, когда шесть эргомов убили своих конвоиров и разбежались по Москве, Дар проявил себя совершенно неожиданным образом. Он отворил Врата Вечности, сделал доступной идею бессмертия, или, по крайней мере, исключительного долголетия. Хан начал новую жизнь, исполненную силы и настоящей власти, а не той, к которой стреми-лись в последнее время все оставшиеся эргомы: Циклоп, Лесник, Ловкач. С течением времени они вращались в финансовый пласт общества, полагая, что деньги – это и есть Власть. Медведь вообще отказался от всего, очевидно, искупая в душе гибель тех молодых парней из госбезопасности. Хан же нашел истинное определение Власти: власти над жизнями людей, над их судьбами, над временем, которое пульсировало в пространстве упругими волнами энергии, резонируя на мембранах сердец все новых и новых жертв.

Он закрыл глаза. Воспоминания о прошлом навеяли печаль. Прочь! Сейчас не время печалиться. Нужно найти убийцу эргомов и уничтожить его самого, высосав

напоследок из него новую порцию бессмертия. Хан продолжил свой путь, вокруг было уже совсем тем-но, а темноту он не любил с детства.

Яма неподвижно стоял в одной из ниш просторного чердачного помещения и прислушивался. Ему нравились чердаки: своей тиши-ной, безлюдьем, непотревоженным налетом времени. К тому же чер-дак являлся самой выгодной стратегической позицией. Будучи са-мой вершиной муравейника, он всегда был погружен в спаситель-ную тьму, скрывая в своих недрах таинственного охотника. В руках у Ямы была небольшая сумочка, которую он поставил на пол и, наклонившись, открыл, извлекая из нее, словно фокусник, необходимые принадлежности: зачехленные ножи, пакеты с сероватым порошком, замшевый футляр с трубкой кхурташа, двадцатисантиметровый цилиндр раздвигающейся телескопической дубинки с внутренней по-лостью, заполненной газом, маску... Он действовал стремительно, зная цену каждой секунде. Сев прямо на пол и прислонившись голо-вой к одному из бревен, поддерживающих каркас крыши, он быстро разложил перед собой курительные принадлежности. Руки уверен-но отмеряли микродозы порошка, смешивая их в определенной про-порции и засыпая в недра курительной трубки – кхурташа. Щелкну-ла зажигалка, и пламя подожгло серую смесь комбинированного табака. Это был ТАКТАШ – Сила Двух Духов. Один из них уводил сознание далеко за грань обычного человеческого рассудка, второй Дух давал свою силу телу храбреца, принимающего Священный Дым.

Первые две затяжки Яма сделал в рот, давая слизистой поверхно-сти привыкнуть к новому ощущению. Третья затяжка обожгла лег-кие горьким холодом. Такташ медленно вползал внутрь организма, сливаясь с дремлющим потенциалом колдуна. Яма выпустил тугую струю серебристого дыма изо рта, рассеянно наблюдая, как его клу-бы, извиваясь в причудливые фигуры, тают, вылетая в атмосферу города за чердачным окном. Голова качнулась, словно воздушный шарик, привязанный за веревочку. Это откуда-то из внутреннего пространства пришел первый толчок, завертев каруселью мысли и обостряя до предела все чувства. Руки и ноги налились ватной тяжестью, растекающейся по суставам и мышцам тягучей рекой. Ощуще-ние было и приятным и раздражающим одновременно. Тело будто надували изнутри. После четвертой затяжки это чувство прошло. Яма улыбнулся. Напряженные мышцы пресса размякли под действи-ем огненной волны, хлынувшей по телу, обмывая обжигающими бу-рунами сердце, печень, легкие, солнечное сплетение, руки и ноги. Такташ открывал тайные кладовые организма. Черная стена перед Ямой стала покрываться кляксами флюоресцирующих пятен. Все вокруг стало излучать мягкий зеленоватый свет. Яма медленно по-вернул голову. Темное небо за окном окрасилось мерцающей жел-тизной. Слух стал различать новые звуки: цокот голубиных лап по железу удаленного края крыши, раздраженные крики пожилой жен-щины на втором этаже, какофонию из разных программ десятка те-левизоров, работающих в доме, гул далекого самолета, невидимого за лимонной поверхностью ночного небосвода... Запах цветов, трав и деревьев с дворовых клумб и палисадников ударил по обостренно-му обонянию приторно сладкой смесью ароматов.

Яма привыкал к этому новому миру, сортируя свои ощущения и фокусируя их интенсивность. Визуальная картинка стремительно менялась, превращая тусклый окружающий мир в сверкающий ка-лейдоскоп энергий, где каждому звуку соответствовал свой цвет, и каждый предмет, попадающий в фокус внимания, звучал

определенным образом. Сумрак вокруг стал невероятно прозрачным, все виделось с потрясающей четкостью и контрастностью. Яма медленно встал на ноги. Окружающий мир пошатнулся. "Это нормально, ничего страшного. Вестибулярный аппарат перенастраивается на иной уровень реакций". Яма постоял немного, выбирая оптимальный ритм дыхания. Вот. Все встало на свои места. Можно двигаться, но все еще медленно и осторожно. Новый режим чреват повреждениями для мышц и сухожилий, обретающих новую, повышенную эластичность. А мышцы буквально трещали от избыточной энергии, всколыхнувшей организм. Такташ разбудил внутри Ямы тигра, и этот тигр упивался своей мощью. Осталось только выплеснуть ее вовне, дать свободу действовать Маргу – "Телу Шамана", начавшему зачаровывающую мистерию жизни и смерти.

Обеими руками Яма медленно наложил поверх своего истинного лица свой второй призрачный облик – маску, разделенную на две половины голубым и белым цветом.

Хан вошел в подъезд и сразу почувствовал опасность. Даже не опасность, так – легкий ветерок, заструившийся холодом по напряженной спине. Предчувствие. Пока только предчувствие. Хан замер около дверей лифта и прислушался. Если противник где-то рядом, он непременно выдаст себя неосторожным движением, запахом, шумом своего дыхания, своими мыслями, наконец. Если кто-то готовится к нападению, он не контролирует свою психосферу, а подобного рода чувства распространяются в окружающем пространстве просто оглушительными волнами. Нужно только уметь их слышать, или, вернее, чувствовать. Хан прикрыл глаза, тщательно анализируя свои ощущения. Нет, никого поблизости нет. Но мышцы спины и шеи не ослабили своего напряжения: тело знало, что что-то не так. И этим знанием нельзя было пренебрегать. Нужно было бежать прочь из этого подъезда, оставив навсегда спую квартиру, которая сейчас была источником опасности номер один. Все–таки убийца его выследил! Интересно... Бегство не решит проблемы. Если убийца нашел его здесь, найдет и в другом месте. А, кроме того, ведь Хан сам хотел найти этого загадочного киллера. И если уж тот сам явился к нему, было бы глупо не воспользоваться этим шансом. В своей победе Хан не сомневался, в отличие от других долгожителей он действительно не тратил время на пустяки, он тренировался убивать противников всеми доступными способами. И теперь эти навыки должны были решить исход поединка в его пользу.

Если противник выследил место его жительства, значит, он может устроить ему засаду либо в подъезде, либо в его же квартире. В подъезде, судя по всему, никого не было. Оставалось только подняться на этаж и убить этого ублюдка в помещении, где Хан имел стратегическое преимущество: он знал до мелочей каждый закоулок в своей квартире, и, кроме того, он знал, что убийца там, а тот, вероятно, не догадывался о том, что Хан может это знать. В этом и было преимущество эргома перед обычным человеком: эргом мог видеть и ощущать то, о чем обычный человек даже понятия не имел.

Хан поднялся на свой этаж по лестнице, не воспользовавшись гроыхающим на весь подъезд лифтом. Вот и его квартира. Ощущение опасности стало отчетливей. Хан прижался к стене спиной и, закрыв глаза, стал погружаться все глубже и глубже в свой Дар, начиная видеть недоступные человеческому зрению энергетические поля, из которых состояло все вокруг. От этого взгляда невозможно было скрыться ни за стенами, ни за металлическим прямоугольником входной двери.

Вот появилось малиновое пятно перед глазами. Оно стало разрастаться, охватывая все

большую площадь, и уже через несколько секунд перед внутренним взором эргома сияла многочисленными силовыми линиями энергетическая решетка Земли с ячейками различной формы и размеров. Вот отчетливо проступили прямоугольные грани "сетки Хартмана", представляющей собой чередующиеся по-лосы шириной около 25 сантиметров. Вот на них наложились по-лосы "сетки Карри", пересекающие по диагонали прямоугольную сеть Хартмана. Хана всегда восхищала эта, невидимая обычно, геометрия силовых линий, которая позволяла ему ориентироваться в грубом физическом мире, являющемся, однако, неотъемлемой частью большой энергетической Вселенной. У убийцы не было ройным счетом ни одного шанса. Кто бы он ни был, он должен излучать, а следовательно, эргом увидит его ауру и, определив местонахождение, нанесет свой упреждающий смертельный удар.

Но квартира оказалась пуста. В ней не было никого постороннего. Хан вернулся к своему обычному восприятию, экономя энергию, и озадаченно нахмурился. Значит, все-таки убийца где-то вовне. Это может быть и улица, на которой он ждал появления своей предполагаемой жертвы, и одна из квартир в подъезде, и чердак... То, что убийца был где-то рядом. Хан уже не сомневался, он доверял своей интуиции, а значит, поединок был еще впереди.

Квартира была безопасна, следовательно, нужно воспользоваться тем фактом, что убийца допустил, чтобы Хан добрался до своего жилища. В квартире есть оружие, это знакомая территория, хотя и замкнутая, что в значительной степени ограничивает пространство для маневра. Но тем не менее. Просканировать близлежащие помещения было просто невозможно, это отняло бы массу драгоценной сейчас энергии и вряд ли принесло положительный результат, хотя убийца запросто мог поджидать его в соседней квартире. Хан стремительно забежал к себе домой и захлопнул за собой массивную дверь. Оставалось ждать здесь. Устроить засаду самому, используя свою осведомленность относительно опасности и превратившись из потенциальной жертвы в охотника, взять инициативу в свои руки. Какая-то тень вдруг набежала на его сознание. Хан тут же заблокировал свою психосферу, недоуменно спрашивая самого себя: "Что это? Сканирующий луч? Значит, убийца все-таки эргом? Ловкач? Не может быть, ведь Ловкачи уже нет и Москве". Дна дня назад тот сам позвонил Хану. Они обсудили появление таинственного убийцы, и Ловкач предложил Хану бежать с ним, якобы с помощью какого-то представителя одного из силовых ведомств, курирующих в настоящее время разработки в области психоэнергетики. Ловкач был жутко перепуган, и как всегда нашел для себя лазейку. "Нет, это не может быть Ловкач. Это означало, что убийцей был обычный человек, а не эргом. И вот теперь этот сканирующий луч... Неужели все-таки Медведь?".

Хан еще лихорадочно соображал о принадлежности силового потока, сканирующего пространство, наподобие того, как он сам делал это несколько минут назад, в подъезде, когда Яма стремительно спустился вниз по лестнице, достигая нужного ему этажа. Войлочные тапочки на ногах позволяли ему двигаться совершенно бесшумно, так, что даже чуткий слух Хана не уловил ничего подозрительного.

"Неистовый натиск... Ярость... Хищная сталь клинка... Удар...".

Хан почувствовал, как забеспокоилось, завибрировало вокруг него пространство. Невидимые вихри электромагнитных полей явственно указывали на присутствие поблизости человека, обладающего Даром. Причем он был рядом, где-то совсем рядом.

Гото порывисто вздохнул и сразу уловил исходящий из тамбура подъезда какой-то



странный, еле уловимый, запах. Он походил на благоухание декоративного сухоцвета, используемого в качестве ароматизатора в некоторых домах.

Эргом покачнулся, перед глазами запрыгали крошечные черные точки, словно суетливые муравьи на желтом поле осенней пожухлой травы.

– Что это? – мелькнула тревожная мысль и тут же появилась до-гадка – запах. Он надыхался этой вонючей дрянью, другого объяснения быть не могло. Нужно было скорее очистить легкие. Хан резко выдохнул и, задержав вдох, наклонился к смотровому глазку "перископу", скрытому в обивке двери и позволяющему обозревать весь тамбур благодаря хитроумной системе оптических линз.

Там, в подъезде, непривычно ярким светом горела осветительная лампочка под потолком, и на фоне этого света контрастно выделялся силуэт угрожающей фигуры, облаченной в черную одежду.

– А-а, черт... – прошептал Хан и метнулся вглубь квартиры, на лоджию: там свежий воздух, там пути к отступлению. Но ноги вдруг неожиданно подогнулись в коленях, и эргом упал, пролетев по инерции полтора метра вперед и врезавшись со всего размаха в шкаф для одежды. Послышался треск сломанных створок. Хан попытался встать, но тщетно – руки и ноги изменили ему, предательски отключив все мышечные реакции. Тогда он перекатился на спину, посмотрел на дверь и осторожно попробовал втянуть в себя воздух. Показалось, что здесь он был без примеси этой тошнотворной сладости. Значит, можно попытаться опять перейти в сверхинтенсивный режим деятельности организма и очистить кровь от присутствия в ней этого яда, затем восстановить динамику мышечной системы и... В этот момент его вырвало. Он успел лишь, повернуть голову набок, чтобы не захлебнуться и не измазать себя

"Дьявольщина! Вот тварь, ну ладно, ладно... сейчас".

Хан старался вдыхать воздух небольшими порциями, постепенно очищая кислородную смесь внутри легких, одновременно пытаясь вернуть и подвижность конечностям. Нужно было немедленно преодолеть это жуткое состояние беспомощности и дотянуться до пистолета, лежащего в тумбочке в полуметре от него. Левая рука отозвалась легким зудом и чуть пошевелилась в ответ на мысленные приказы, посылаемые перепуганным мозгом. Это было уже кое-что. Две яркие вспышки полыхнули в глазах, и сотни иголок вонзились в мозг, заливая сознание болезненной темнотой. Когда Хан пришел в себя, оказалось, что он все-таки заблевал свою куртку.

"Что же он сделал со мной? Похоже на сильный паралитик. Сука!".

Левая рука дрогнула и медленно потянулась к тумбочке. Там, в верхнем ящике лежит "Гюрза" – мощный восемнадцатизарядный пистолет. Если удастся добраться до него, появится реальный шанс замочить этого ублюдка. Через несколько бесконечно долгих минут Хан уже смог встать на колени, но проклятые вспышки опять засверкали перед глазами нестерпимо ярким светом, пугая мысли, отравляя их тьмой.

На этот раз сознание возвращалось медленнее. Все вокруг залила мерцающая зелень, заложило уши, и хотя руки и ноги уже обрели чувствительность, сильная слабость заполнила собой все тело. Хан застонал и поднялся на ноги. Тут опять нахлынуло, и вслед за ослепительной чернотой его швырнуло в залитый ярким солнцем дворик. Маленький мальчик в зеленых шортиках и полосатой футболке возится в песочнице, старательно вылепливая стены крепости из песка.

-Лева, сыночек...

Мальчик поднимает голову. У подъезда пятиэтажного дома стоят мужчина и женщина. Это его родители. Мальш, побросав все игрушки, вскакивает и поспешно бежит к ним, нелепо подпрыгивая, раскинув в стороны руки и радостно вереща. Вспышка света и тьма.

Хан открыл глаза. Он снова свалился на мол, утратив с таким трудом преодоленное расстояние до тумбочки. "Странное видение". Встав на ноги. Хан сделал несколько неловких шагов и оказался на месте. Он протянул к ящику тумбочки руку и с изумлением поднес ее к лицу, рассматривая. Ладонь была вся перепачкана кровью. Мысли текли как-то отстранено, без эмоциональной окраски. Вспыхивают и тут же тают. Гото нахмурился. "Это же моя кровь. Моя...". Действительно, вся куртка была в крови, так же как и лицо. "Крово-течение. Из носа... К черту".

Нот оно, небольшое аккуратное оружие с восемнадцатью полусфе-рами из металла внутри, наряженными смертью. На дульной части – длинная трубка глуши геля. "То, что надо". Опять вспышка и тьма...

Мальчик уже подбегал к улыбающимся родителям. Еще несколько шагов, и он уткнется в объятия отца, который подхватит его под руки и, подбросив вверх, Закружит над землей...

Хан тряхнул головой. Наваждение пропало. Он стоял посреди коридора и тихо покачивался, на этот раз не успев упасть. Чувствовал он себя сейчас гораздо увереннее, чем несколько минут назад. Сказывалось ощущение шероховатой рукоятки "Гюрзы" в ладони или, видимо, просто проходило действие яда. Хан обернулся на дверь. Там, "а ней, до сих пор кто-то был.

– Эй ты, ублюдок, ты еще здесь? – прохрипел Гото и тихо насмеял-ся. – Я иду. Слышишь? Иду...

Кто бы он ни был, этот убийца в черном, Ловкач, или Медведь, и ни еще ктонибудь и 1 неизвестных, нули должны сто брать. Ведь не призрак же он, в самом деле. Хотя все они, эргомы, по большому счету и были именно призраками для современных людей, существами из иной эпохи.

– Лева... – детский голос из комнаты. Хан обернулся и обмер, пис-толет чуть было не выскользнул из его руки, повиснув на согнутых пальцах. В дверном проеме гостиной стоял тот самый мальчик из видения. В зеленых шортиках и полосатой футболке.

– Лева, уходи отсюда. Пожалуйста! Не связывайся с ним. Тогда он тебя не тронет. Пойдем со мной, я тебя выведу. – Он протянул Хану свою тонкую руку.

Эргом часто заморгал, пытаясь удержать вновь ускользящую нить связного мышления. Нужно было что-то сделать, что-то, чтобы не свихнуться. Он подхватил "Гюрзу" и, зажав ее в ладони, направил на дверь.

"Пс, пс, пс, пс..." – пули пробивали металл с противным скрежетом и чмоканьем. Остро запахло порохом. "Пс, пс, пс, пс..." – Хан чувствовал, что с каждым выстрелом сознание его проясняется.

Убийца по-прежнему ждал его в коридоре. Черный человек с от-вратительной разноцветной маской вместо лица. Хан усмехнулся и потянул на рукоятку нож, спрятанный в рукаве. Он никогда не рас-ставался с этим оружием, оно стало частью его тела, срослось с пред-плечьем замшей чехла. И вот теперь настало время использовать этот остро отточенный клинок, согретый теплом его крови. Хотя, если этого призрака не берут пули, нож гоже вряд ли причинит ему вред. Но другого пути уже не было. Оставалось сражаться, освобождая себе путь к свободе, или умереть, как подобает воину, как умер его отец.

– Сними маску! Хочу увидеть твоё лицо.

Убийца не пошевелился. Он стоял молча и наблюдал сквозь про-рези в маске за своим

противником, словно ожидая от него дальнейших действий. Хан стал медленно приближаться к черному силуэту, ощущая бешеный ток крови во всех сосудах. Вероятно, это был его последний бой. "Кто же знал, что все сложится так...". Дар внутри эргома будто погиб от этого яда, сводящего с ума. Гото мог рассчитывать сейчас только на силу своих мускулов и навыки "вьет-во-дао", которые неоднократно помогали ему во время очередного "жертвоприношения". Теперь это было его последней надеждой. Лишенный Дара, обессиленный полубог и таинственный Мерный Человек замерли друг напротив друга перед решающим броском. Оба, вероятно, понимали, что в узком тамбуре подъезда схватка между двумя профессионалами будет кратковременной и яростной. И, хотя Гото, практически, в совершенстве владел холодным оружием, исход этого поединка почему-то не вызывал у него сомнения. Он приготовился умереть, собираясь дорого отдать свою жизнь этому загадочному убийце. Он подошел к нему чуть ближе и вздрогнул, увидев глаза своего противника. Эти глаза не могли принадлежать человеку. Черные зрачки невероятно расширились, заливая тьмой всю радужную оболочку. Человек в маске стоял, не двигаясь, и только эти глаза жили своей отдельной от тела жизнью. Они и в самом деле могли принадлежать разве что потустороннему существу.

С силой выдохнув сквозь сжатые зубы. Хан сделал обманное движение и выбросил вперед руку с зажатым в ней хищным лезвием ножа. Оружие вспороло пустоту. Черный человек переместился в сторону стремительно и совершенно бесшумно, словно, и правда, был призраком. Хан ударил еще раз. Противник перехватил его руку и, сжав, словно железными тисками, подался навстречу. Раздался хруст сломанных костей. Хан вскрикнул и, как в замедленной киносъемке, увидел: его нож падает на пол, а в руках "черного", словно из ниоткуда, появились два клинка. Он сделал неуловимое движение, и нечеловеческая боль обожгла Гото живот. Мгновение... и "черный" уже в двух шагах от него. Бело-голубая маска равнодушно наблюдает за оседающим эргомом, который упал, судорожно поджав ноги к груди. И живот словно насыпали горячих углей. Голова Хана стала отбивать по бетонному иону нестройный ритм предсмертной агонии. Он захрипел, на губах появилась кроваво-розовая пена, зрачки то закатывались, сверкая белками, то возвращались в орбиты, ничего уже не видя перед собой. Трясущиеся руки бережно зажали жуткую рану, из которой вывалились сквозь разрезанную одежду, переплетаясь, сизые шланги кишок.

Краем умирающего сознания Хан отметил, что подобную рану невозможно нанести обычным оружием, да и клинки эти... было и них что-то очень древнее, необычное, будто часть лезвия была из стали, а другая – из темного тумана, струящегося вдоль стальной бритвы. Но все это уже не имело особого значения. Боль была просто нереальной.

Человек в черном подошел и склонился над телом Гото, касаясь умирающего сознания своей психосферой. Тут же на него обрушился целый поток переживаний, среди которых стремительно мелькала какая-то ужасная аспидно-черная клякса, похожая на осьминога, и маленький мальчик бежал к своим родителям.

– Уйди, – прошептал Хан и сделал попытку отползти от своего убийцы, словно желая остаться наедине со своей болью и со своим последним видением. Пол под ним был залит кровью.

Яма отрешенно наблюдал, как Гото отползает от него, отталкиваясь окровавленными спортивными туфлями от пола, судорожно изгибаясь всем телом, оставляя за собой бордовый след, отмечающий последний путь "полубога" в этом жутком зверином мире. Видимо, лишившись остатков сил, Хан затих и, всхлипнув, приподняв трясущуюся голову, прошептал с усилием:

– Все. Не могу больше. Чернота вокруг. Больно очень. Время жаль. Отпусти меня... Больно... Убей...

Яма наклонился и одним быстрым движением сломал ему шею. Хруст рассоединенных позвонков слился с последним выдохом, по-хожим на облегчение. Тело дернулось последний раз, выгнулось и опало.

Мальчик уткнулся головой в папины ноги и заплакал вдруг, сбивчиво рассказывая, как он ждал их из кино, как строил крепость, как один из соседских пацанов больно ударил его кулаком в живот. Отец улыбнулся и, прижимая к себе вздрагивающее тельце, похлопывая крепкой рукой по узкой спине, пробормотал: "Не плачь, сынок. Сколько их будет еще в жизни, этих ударов. Уж так устроен мир". А мама, грустно усмехнувшись, поправляет полосатую футболку, заляпанную где-то красной краской.

Невысокий человек с сумкой через плечо вышел из подъезда большого двенадцати этажного дома и направился через дворы к оживленному проспекту. Там он сел в подъехавший "Grand Cherokee", черный, как ворон, джип с зеркальными стеклами, отражающими неоновую Москву. Через мгновение этот угрюмый автомобиль бесследно растворился в сутолоке машин, наводнивших, несмотря на позднее время, дороги большого города.

Перед окном и своей небольшой квартире стоял и плакал Мед-ведь. Его нервно сжатые кулаки иногда грозили кому-то, а губы шептали беззвучное проклятие. Его опять разбудило это, еле слышное, бормотание пространства, означающее одно – очередную смерть эргома, кого-то из них. Судя по ощущению, возникшему после этой немой Крика, это был Хан.

В домах за окном, выстроившихся вдоль улицы стройной шеренгой, зажигались и гасли окна. Люди занимались своими делами. А высоко в небе над городом ровно светилась призрачно желтым сиянием далекая и надменная Луна.

### АУДИОЗАПИСЬ ГРД 12.3

УГО. Технический отдел.

Информация только для руководящего состава  
оперативной части МУР ГУВД г. Москвы.

### ФОНОГРАММА

Доп. инф.: УПД 18 (выдержки) 15.06.99.

Участники:

1. Начальник УСО ОРУ МУР, подполковник Николаев А.В.

2. Директор Центра оккультных исследований, член-корреспондент Института Востока и стран Азии, профессор кафедры этнографии Каменский Л.Б.

Н: Здравствуйте, Лев Борисович, извините, что опять пришлось по-тревожить вас, но обстоятельства складываются таким образом, что...

К: Что, прибавилось материала?

Н: М-м, да. В проницательности вам не откажешь. У меня появились новые рисунки.

К: Да? Интересно. Позвольте полюбопытствовать.

\*\*\* В фонограмме пауза (7 мин.) \*\*\*

К: Гм. Вот смотрите: знакомый нам по прошлым фотографиям символ Солнца и Полумесяца. Только на этот раз он выполнен несколько в ином цветовом решении. Видите? На этот раз полумесяц не темный, а светлый и располагается не слева, а справа, что, очевидно, как-то связано с периодичностью лунного цикла. А то, что

раньше символизировало солнце, теперь окрашено в темное. Очевидно, что это один знак, но вот эти метаморфозы очень трудно как-то прокомментировать. Я боюсь ошибиться в интерпретации. Вот, смотрите, Свастика тоже поменяла цвет. Очередная "шаманская Сеть". М-да. А это, если мне не изменяет память, очень древний символ, обозначающий Небесного Змея, или как его еще можно назвать – Дракона. Иго также называют Хранителем Тьмы, Воздушным Пауком. Небесным Вепрем – у него много названий. Несколько видоизмененный, он уже встречался нам "Кали Хамса", Черный Лебедь, помните? У древних тюрков, символ, очень похожий на этот, обозначал "Ветер", одну из самых почитаемых стихий. У них, по-моему, был даже древний храм, посвященный Ветру, и назывался он, если мне опять же не изменяет память, "Разгоняющий тучи". Да, кстати, буквально не-давно, я познакомился с интересной гипотезой, указывающей на взаимосвязь Свастики именно с Драконом.

Н: Каким образом?

К: Эта гипотеза связана с племенами трипольской культуры, пятое-четвертое тысячелетие до нашей эры. Появление Свастики связывают с тем фактом, что в то время северный небесный полюс находился в одном градусе от звезды Альфа созвездия Дракона. Через несколько сотен лет северный полюс совпадает с этой звездой. Иначе через пару тысячелетий она получает арабское название "Тубан", что означает "дракон". Трипольские жрецы отслеживали годовое вращение небосвода вокруг небесного полюса. Они выбирали определенное созвездие на небе и зарисовывали его положение в одно и то же время суток четыре раза в год: осенью, зимой, весной и летом. Они зарисовали положение созвездия Малая Медведица и соединили линиями, проходящими через центр вращения – небесный полюс, находящийся в то время вблизи звезды Тубан. часть звезд малого ковша и рукоятки. В результате получилась Свастика, символизирующая годовой цикл изменения времен года. Так что появление рядом этих знаков может иметь под собой вполне обоснованную подоплеку.

Н: Что это может означать?

К: Много чего. Тот, кто использует эти символы, так же как и "шаманскую Сеть", очевидно, привлекает к себе какие-то незримые силы, символизирующие могущество некоего мистического существа, связанного с воздушной стихией, которое для удобства мы можем называть Драконом. Вообще, все эти композиции, скорее всего, именно для того и служат: они создают нечто вроде Ворот в иное измерение. Человек, создавший все это, использует магическую психологию, чтобы, во-первых, нарушить привычный пространственно-временной континуум, во вторых, чтобы привлечь на свою сторону потусторонние силы или существ, отпадающих этими силами, в третьих, для того, чтобы лишить силы никто противника и обрести над ним полным контроль.

Н: Вы думаете, такое возможно?

К: А почему нет? Подчинить своей воле человека может другой человек, владеющий тайнами гипноза, суггестии или нейролингвистического программирования. А мы с вами говорим о древней магии, которая и создавалась именно для того, чтобы маг мог проецировать вовне свою господствующую волю. Только одни маги использовали это для обретения власти над людьми, другие – для контроля над духами, а кто-то – для власти над событиями. Соответственно для различных целей использовались различные силы. Человек, который интересуется вами, возможно, ассоциирует себя с древними чародеями, отсюда и все эти ритуалы. Однако я должен вам сообщить, что в

магическом буддизме Сила Дракона, или Змея, считалась са-мой могущественной.

Н: Это, как я понимаю, злая сила? Нечистая.

К: Почему вы так думаете?

Н: Ну, Дракон... Я думал, это отрицательный персонаж. Вы же сами сказали – Хранитель Тьмы. Звучит устрашающе.

К: Да, довольно мрачно, но ваше мнение не совсем верно. Дракон действительно устрашающий персонаж. Он издревле является сим-волом космических вод, мира теней, ночи и смерти. Но это только одна его ипостась. В целом же, он являет собой андрогинный прин-цип, то есть несет в себе неразделимые элементы тьмы и света, сози-дания и разрушения, мужского и женского. И он не случайно связан с символом космических вод, источником зарождения всего сущего. В египетской мифологии Кнеф, Вечный Непроявленный Бог, изоб-ражен эмблемой Змия Вечности, обвивающего урну с водой, причем его голова движется над водою, которую он оплодотворяет своим дыханием. В "Книге Дзиан", описывающей процесс космической эволюции, например, говорится: "Узри о Лану, Дитя Лучезарное тех Двух, несравненное блистающее величие – Пространство Света, Сына пространства Тьмы, возникающего из Глубин Великих Тем-ных Вод. Это Оеаоһоо Младший. Он сияет как Солнце, Он Пламенеющий, Божественный Дракон Мудрости". Взаимодействие Света и Тьмы. Помните, мы говорили об этом? В древности мистики Света и чародеи Тьмы владели странными и загадочными силами, но счита-лось, что истинное могущество обретает тот, кто может с одинаковой эффективностью использовать силы обоих царств, сливать воедино Свет и Тьму. В той же "Книге Дзиан" говорится: "Эти Двое и есть Зародыш, и Зародыш Един". Или вот еще: "Тьма излучает Свет, и Свет роняет одинокий Луч в Воды. Корень остается, Свет остается, Сгустки остаются, и все же Оеаоһоо Един".

Н: Вы уже второй раз упоминаете какого-то Оеаоһоо. Кто это? Насколько я понял, тоже какой-то пламенеющий дракон?

К: Да, я уже говорил вам – что Андрогин, соединение мужского и женского, Света и Тьмы в одном существе.

Н: Самое могущественное существо, согласно нашим предположе-ниям?

К: Очень преувеличенно называть их моими, можно сказать, что этим предположениям, как вы изволили выразиться, тысячи лет. Дра-кон не случайно издревле считался самым могущественным суще-ством в мистическом пантеоне сверхъестественных персонажей. Иерофанты Египта и Вавилона именовали себя "сынами Дракона". Гермес называл Змия самым духовным из всех существ. Для христи-ан же это резко отрицательный символ, темный и угрожающий. Он символизирует Сатану, Дьявола, который является первейшим про-тивником Бога, Христа и любую христианина. Церковь именует дья-вола "Тьмой", который в Библии и Книге Иова назван "Сыном Бога", яркой звездой раннего Утра, LUX – Люцифером. Для христианских мистиков существует очень четкое разделение на Свет и Тьму, при-чем Тьма является областью не только запретной, но и опасной, не-чистой. Поэтому Дракон, как ассоциативный с этой областью образ, и назван христианами первейшим врагом.

Н: Вы знаете, я, признаться, до настоящего момента тоже считал дракона резко отрицательным персонажем. Ну – Дьявол, Змей Горыныч...

К: Вы типичный "западник", Александр Васильевич, причем вы-росший под влиянием навязанных нам с детства стереотипов. Давайте посмотрим на эти противоречия

непредвзятым взглядом. Дракон, как я уже говорил, является одним из самых могущественных существ на нашей планете. Это мнение практически всех религиозных мистиков, принадлежащих к различным вероисповеданиям. Но ведь могущественный и сильный не всегда означает отрицательный и злой. Просто это отличительная особенность человека причислять к своим врагам все то, что невозможно подчинить себе или победить. И этот негативный образ, которым люди наделили Дракона, как раз и появился вследствие того, что Дракон невероятно силен. Но он не Враг, он – Противник, а это очень большая разница. Дракон не злобный персонаж, он – Охранник, Страж Порога, охраняющий Пути, ведущие к духовному сокровищу. Иго нужно победить, чтобы вырваться за рамки человеческой обусловленности, но это невероятно трудно. В земной истории таких победы гелей немного, и все они на слуху, вот, например: Ра, Индра, Аполлон, Зевс. Христос, Митра, Кадм, Персей... Эти сущности выдержали схватку с Беспредельностью, они стали сверхлюдьми, богами. В западной традиции Противник является Врагом, который не может вызывать никакого другого отношения, кроме ненависти и жажды полного его уничтожения или порабощения. В восточной традиции все обстоит несколько иначе. Противник – это Соперник, которого нужно уважать хотя бы уже за то, что он даст шанс что-то изменить как в окружающем, так и во внутреннем мире. Более того, он сам – неотъемлемая часть этих миров, где все взаимосвязано самым теснейшим образом. Так что и данном случае Противник – это отражение самого себя, часть себя, поэтому его нельзя ненавидеть, а нужно противостоять ему отрешенно, находясь в гармонии с окружающим миром. Вот в чем разница отношений, Александр Васильевич. Противник лишь уравнивает нас, и это понимание позволяет нам развиваться, фактически устраняя само понятие "противник". Поэтому в древности бытовало такое мнение, что Дракон живет в каждом из нас и, противостоя Дракону, мы лишь сражаемся сами с собой. Поэтому победить его можно было, только победив самого себя, какую-то часть себя, которая находится в тени нашего рассудка, за гранью сознания. В комментариях "Книги Дзиан" есть такое упоминание: "Так Сыны Света облеклись в ткань Тьмы". Помните, я говорил вам об одном из догматов розенкрейцеров? "Свет и Тьма сами по себе тождественны, они разделены лишь в человеческом уме". Побеждая Дракона, человек оказывается в области Тьмы и вводит ее в область своего мироощущения. То, что вы предлагаете мне на фотографиях, указывает на то, что этот человек пытается смешать обе эти области в нечто трансцендентное, непонятное, не имеющее аналогов для обычного восприятия. Вот эта "шаманская Сеть", что вы чувствуете, когда рассматриваете ее?

Н: Пытаюсь понять мотивы человека, нарисовавшего ее.

К: Я не об этом. Я говорю об ощущениях. Прислушайтесь к своему внутреннему пространству. Какие ощущения рождают в вас эти линии?

Н: Хм, не знаю даже.

К: Смотрите внимательнее. Расфокусируйте взгляд.

Н: Голова кружится. И поташнивает. Тянет куда-то.

К: Вот! Это грани незнакомого мира коснулись вашего подсознания. Это метрика иного пространства. Она притронулась к вам и поймала часть чего-то, что принадлежит вам, но вами не осознается, чего-то, что прячется до поры до времени в тени вашего рассудка.

\* \* \*

Подполковник Николаев уже собирался домой, когда тревожный звонок аппарата внутренней связи перечеркнул нее надежды на грядущий отдых. Эксперт взял трубку и мрачно проговорил:

– Слушаю.

Четкий голос дежурного зазвучал в трубке раздражающе громко:

– Товарищ подполковник, к вам посетитель.

-Посетитель? – удивленно переспросил Эксперт, машинально по-смотрев на часы.

– Да. Гражданин Лагутин. Утверждает, что вы его ждете. Николаев поморщился:

– Завтра, в рабочее время, по предварительной записи, с сообщением о цели визита.

– Он утверждает, что дело срочное и не терпящее отлагательств. Утверждает, что располагает важной информацией по трем убийствам, произошедшим в последний месяц.

Николаев закрыл глаза и, помассировав пальцами виски, устало проговорил:

– Пусть напишет заявление, у дежурного...

– Он говорит, что ему необходимо переговорить именно с вами. Его направили от следователя Гургенидзе из Двойки. Он говорит, что это очень важная информация по последним необыкновенным убийствам.

– Что?! – Николаев, до которого, наконец, дошел смысл происходящего, даже привстал от возбуждения, чувствуя, как по телу пробежал озноб, и нервно задрожали руки.

– Пропустить немедленно! Выпиши ему пропуск и пошли ко мне в кабинет с сопровождающим. Я жду!

Трубка легла на рычаг. Подполковник нервно расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. Сердце опять забило тревожным ритмом, по-сылая в кровь избыточные порции адреналина. "Вот оно!!! Вот...".

Опытный муровский следователь почувствовал, как в его воображении абстрактное лицо, именуемое условно Удачей, начало кричать губы, очевидно, расплываясь в долгожданной дружеской улыбке. А может быть, это была гримаса разочарования или усмешки. В дверь постучали...

#### 4. "ТЕНГРИ АНЫ ПАСТИТ"

(Главы-ретроспекции, 1992 г., Новосибирск)

– Что это? – Максим покосился на маленький шприц в руках Чадоева, наполненный янтарно-желтой жидкостью. Директор Центра усмехнулся:

– Боишься?

– Да нет, не боюсь, хотя вы почему-то постоянно хотите меня папу гать. Это так, разумная осторожность, просто хотелось бы знать, на какую дрянь меня сажают.

Максим лежал на мягкой кушетке, увешанный десятком датчиков, составляющих единую,



сложную конструкцию, напоминающую паутину, в центре которой замерла обездвиженная жертва.

Араскан попросил его максимально расслабиться, но то обстоятельство, что алтаец накрепко примотал Коврова к кушетке специ-альными фиксирующими ремнями, совершенно не способствовало расслаблению.

– Это для того, чтобы погасить инерцию произвольных телодвижений, – пояснил Чадоев, но Коврова это объяснение не устроило. Во-первых, сразу возникал вопрос о природе этих движений, во-вторых, о причинах, их вызывающих. Что это за движения, от которых пеленают, словно приговоренного на электрическом стуле?

Араскан, будто прочитав в его душе эти настороженные мысли, сел рядом с кушеткой на изящный пластиковый стул и, похлопав Коврова по плечу, проникновенно сказал:

– Максим, я знаю, что ты мне не доверяешь... в силу определенных обстоятельств, но можешь мне поверить, что я искренне не хочу, и не буду делать тебе больно. У меня здесь не вивисекционный зал и не зубокабинет. Но для того чтобы снять с тела корректные и точные показания, ты должен выполнять все мои требования. Это в твоих же интересах. Здесь не место детским страхам и опасениям. Если ты хочешь избавиться от тех кошмаров, которые отравляют тебе жизнь, изволь слушаться меня во всем. Это, – он показал на стойку, стоящую возле кушетки, и заполненную сложной аппаратурой, соединенной с лежащим Ковровым множеством проводов, – высоко-точная спецтехника. Она способна фиксировать малейшие изменения в твоём организме. Поэтому и не следует отвлекать ее и путать лишними импульсами. Вот в чем причина твоей неподвижности. Это, – он показал на шприц, – вытяжки из трав. Сложный комплекс биостимуляторов. Он поможет тебе сосредоточиться, отбросить все ненужное и сконцентрироваться на самом важном. Он абсолютно безвреден, поверь мне...

Тонкая игла, преодолевая сопротивление кожи, медленно входит в вену. Пластиковый поршень выдавливает янтарную жидкость, впрыскивая ее в кровь. Чадоев погасил свет в комнате и закрыл жалюзи на окнах. Стало совершенно темно, только огоньки светодиодов и подсветка верньеров и индикаторов замерцала в темноте разноцветными точками.

– Закрой глаза, – голос тихий, словно убаюкивающий. – Закрой. Закрой...

Максим закрывает глаза, чувствуя приятный холод внутри тела. Он открывает их через какое-то время вновь, но на этот раз не видит даже мигания лампочек: то ли Араскан выключил аппаратуру, то ли...

– Закрой их, закрой, и иди... Двигайся вперед, на ощупь, в темноту, – голос Чадоева заполнил все пространство вокруг, и нужно было просто делать то, что он говорил, чтобы не затеряться в этой бесконечной черноте, не потерять этот единственный ориентир – голос во тьме:

– Иди. Иди. Расслабься. Отпусти себя. Стань легким, невесомым. Ты легче воздуха, чувствуешь? Ты можешь лететь. Лети!

Максим почувствовал, как тело оторвалось от кушетки, преодолевая фиксирующую силу ремней и, повиснув в воздухе, полетело вперед и вверх, будто пузырь, наполненный газом.

– Тьма держит тебя. Она не позволит тебе упасть. Слейся с ней. Стань с ней единым целым. Растворись...

Легкость в теле сменилась новым ощущением, как будто каждая клеточка организма стала отделяться от единого целого, вливаясь в бесконечный океан безводной черноты. Максим почувствовал, что теряет себя, свое Я, но это ощущение не испугало его, наоборот, была бездна удовольствия в этом обезличивании. Наверное, именно так буддисты погружаются в Нирвану – наслаждение безмятежностью, покоем и тишиной.

Но удовольствие продолжалось недолго. Где-то вдалеке брызнул болезненной вспышкой

яркий свет, будто росчерк стремительной молнии. Тьма съежилась и потеряла объем. Еще один ослепительный взрыв на горизонте. Тишина завибрировала, сразу утратив свою привлекательность. Все микрочастицы Я вновь соединялись в единое целое, повинувшись некоей невидимой силе, притягивающей их из пространства и склеивающей в один осмысленный конгломерат. Вспышки вдруг засверкали так часто, что слились в сплошное белое свечение, напоминающее восход солнца. Этот восход больно обжигал новорожденное тело, забившееся в поисках спасительной тени. Но жаркие палящие лучи схватили человека в свои объятия и со всего размаха швырнули с высоты вниз, куда-то на шумную грешную землю...

За прозрачным пологом занавесок, прикрывающих вход в спальню, какое то оживление. Максим, затаив дыхание, лежит в темноте, накрывшись почти с головой теплым одеялом. Сквозь занавески смутно угадываются силуэты людей в комнате. Странное освещение, рассеянное и колыхающееся, словно там зажгли свечи. Точно, свечи – запах парафина. Но зачем? Кто это пришел? Шум голосов. В квартире кто-то посторонний, но не чужой, Максим это чувствует. Он, наверное, слишком долго спал и пропустил появление гостей. Но кто это может быть? Эти сны совершенно измотали его. Сны и температура. Мерзкое сочетание, особенно для восьмилетнего мальчишка. За окном падает снег. Скоро Новый год, уже через два дня. Все пацаны, наверное, катаются сейчас с огромных снежных гор на городской площади, роют пещеры в двухметровых сугробах около Дома книги, ходят на новогодние представления во Дворец спорта и ТЮЗ. А он... Закон подлости – болезнь пришла в самый разгар любимого праздника и теперь приходится валяться в постели, наедине со своими невероятными снами. Даже если температура спадет, все равно его еще неделю не выпустят на улицу, хотя это и не ангина. Обидно. Ощущение праздника дают лишь слабый запах хвои от елки, поставленной в зале, и терпкий аромат мандаринов, положенных в вазочку на пианино. Тихие голоса. Отец и еще чей-то незнакомый мужской голос. Кто это? Дядя Женя? Отец чем-то обеспокоен. Вот мама говорит что-то тихо, еле слышно. Еще чей-то голос – женский.

Максим вслушивался в эти приглушенные голоса в другой комнате, когда вдруг почувствовал новый приступ дурноты, жар во всем теле и слабость. Опять захотелось спать. Глаза стали медленно закрываться, и уже сквозь дымку, предшествующую сновидениям, Максим увидел, как, откинув полог, из зала на него смотрит незнакомец. На его лице улыбка. Кто это? Видение поплыло, словно растопленное поднявшейся температурой. Новая картинка. Потрясающе красивая девушка с белокурыми волосами, ниспадающими на плечи, и пронзительно яркими голубыми глазами. Она вошла в комнату и села рядом с Максимом на кровать, улыбаясь ему, словно старому знакомому.

"Где я видел ее? Где?". Вокруг девушки мерцает призрачный ореол, похожий на нежное сияние луны.

"Во сне. Я видел ее во сне". Девушка поворачивается к незнакомцу и говорит приятным мелодичным голосом, завораживающим слух:

– Мы заберем его. Позже. Сейчас нельзя...

"Куда?" – хотел спросить Максим, но не смог. Он никогда не мог говорить во сне. Что-то мешало ему сосредоточиться. А может, во снах нужно было знать особый способ разговаривать, который был незнаком людям.

– Спи, малыш. – Прохладная рука девушки легла на горячий лоб, и Максим почувствовал волну невероятного восторга, захлестнувшую его и унесшую в водоворот беспомощности.

– Что это было? – Максим сидел в кресле и наблюдал за Арасканом, который прохаживался по кабинету, сложив руки на груди.

– Это был один из пластов твоей психики, подавленный последующими наслоениями. Это

была твоя память – глубинная память, та, что отражает события, которые наш разум стремится вышвырнуть за пределы своего влияния.

– Подождите... Вы что, хотите сказать, что это все действительно происходило со мной?

– Ну конечно. Теперь ты уже сам не сможешь отмахнуться от этого факта, который оказался снова введен в сферу действия твоего рас-судка.

Максим поднял обе руки вверх:

– Стоп, стоп, стоп. Но как это возможно? Как я мог забыть все это? Ведь прошло всего тринадцать лет! Я помню события, гораздо более удаленные во времени, а этот... Он словно из другой жизни. Как буд-то я живу в нескольких параллельных измерениях сразу. Эти люди... Вот теперь я отчетливо вспомнил этот случай. Он действительно был! Но это все как-то странно...

Чадоев остановился и, облокотившись рукой на стол, задумался, словно решая, каким образом будет лучше объяснить этот парадокс:

– Все дело в особенности восприятия. Это очень сложно объяс-нить вот так, в нескольких словах. Я думаю, ты, и сам скоро все пой-мешь, и все вспомнишь. Тогда мои объяснения вообще станут не нужны. Но от тебя требуется решимость. Нужно пройти этот курс до конца, чтобы окончательно восстановить все психические функции. Это... своего рода углубленный психоанализ, который вскроет все потаенные и темные участки в твоём сознании и подсознании. В одном из этих тайников прячутся Йорм и Зеркальщик.

– Откуда... вы знаете? – Максим изумленно посмотрел на алтайца. – Я ведь вам не говорил, что называю их так.

Чадоев усмехнулся: – Это только начало. Самое интересное впереди. Завтра я уведу тебя довольно далеко – в твоё детство, на гораздо более значительную глубину, нежели сегодня. Если это удастся осуществить, там, возможно, ты встретишься и с Йормом, и с Зеркаль-щиком, и с теми людьми из сегодняшнего видения, и еще с множе-ством интересных персонажей.

– Араскан! – Максим наморщил лоб, мучительно пытаясь уловить что-то в собственных размышлениях. – А ведь я вспомнил сейчас. Вот теперь я вспомнил! Ведь гам, ну, в том видении, были вы, Арас-кан? Вы? Елки, я еще мучился потом, вспоминал. Лицо знакомое, а вспомнить не могу. С этой красивой женщиной, ведь вы были, да?

Директор ЦНТ мягко улыбнулся и чуть заметно кивнул головой.

– Это... что же это выходит? Вы знали меня с детства, с восьми лет? Да?

– Да, Максим. Даже с более раннего возраста.

– Что же это, а? Как же так? Я ведь вас совсем не помню. И эта женщина... Значит, она на самом деле существует?

Чадоев поднял руку, останавливая поток вопросов, обрушившихся на него:

– Всему свое время, Максим. Давай все вопросы отложим на завт-ра. Хорошо? Завтра ты сам дашь на них себе ответы. Завтра...

С утра начались подготовительные процедуры, которые почему-то больше напоминали предоперационную подготовку. Лаборантка Людмила, приятная молодая девушка, разбудила

Коврова 6 пять часов утра. И началось. Очистка кишечника, стакан витаминизированного напитка, контрастный душ и в семь часов – Камера, сложный гибрид различных аппаратов, в целом напоминающий тренажер для космонавтов или летчиков-испытателей. Пришлось, несмотря на неловкость и стыд, раздеться догола, обвязавшись только не-большой тонкой простынкой. Максим чувствовал себя жутко неудобно, потому что в комнате, помимо Чадоева и лаборанта Володи, присутствовали две девушки, тоже сотрудницы Центра, которые деликатно отворачивались, стараясь не смущать обследуемого. Более-менее прикрытым Ковров ощутил себя только внутри кабины, собственно и именуемой Камерой. Кушетка внутри Камеры была застелена холодной клеенкой, и тело сразу покрылось "гусиной кожей". Затем в сферу протиснулся бородатый Володя и стал оплетать Максима проводами, прикрепляя к телу миниатюрные датчики.

– Володя, меня будут пытаться? Лаборант улыбнулся:

– Не пережимай, будет не больно. Вот давай нацепим тебе на голову...

– Это что, намордник?

– Мускулопульс с системой чувствительных нервно-лицевых датчиков. Широкополосные линейные усилители биотоков.

– А-а... А вон та рукавица с наперстками – тоже усилитель?

Володя бережно надел сплетенную из проводов перчатку на левую руку Коврова и, соединив ее с каким-то разъемом, благоговейно прошептал:

– О-о, Макс, это вещь! Биоэлектрический манипулятор! "Рука Демиурга". Знаешь, сколько он стоит? Он бесценен, потому что это технологии будущего столетия. Эксклюзив. Наслаждайся. Сейчас тебе Ирочка пару укольчиков всандалит, и – в добрый путь!

Максим обеспокоено зашевелился, стараясь не разомкнуть десят-ки соединительных контактов.

– Ты это, Володь, хоть накрыться чем-нибудь дай. А то эта простынка как насмешка, честное слово. Неудобно же...

Володя захихикал и, нагнувшись к уху Коврова, заговорщицки прошептал:

– Поздно, батенька, стесняться. Здесь камеры везде.

– Мда, – Максим откинулся на клеенку, закусив губу. – Весело.

Через десять минут все было позади: два болезненных укола, инструкции Араскана, контрольные тесты для настройки систем... Створки сферы захлопнулись, и Максим оказался в полной темноте. В крошечной горошине радиопередатчика, помещенной в ухе, возник голос Чадоева.

– Как слышишь меня, Макс? Нормально? Никаких неудобств?

Максим хотел было сказать, что никаких, кроме ощущения того, что вид его практически обнаженного тела транслируется на мониторы в зале, но передумал. Это все-таки не тайский массажный клуб, это лечебная процедура, нужно ее перетерпеть.

– Все нормально.

– Ну и отлично! Ляг ровно, расслабь руки и ноги, шею, живот. Не напрягайся. Осциллограф показывает, что ты напряжен. Вот так. После легкого толчка в спину постарайся не паниковать. Вспомни предыдущую процедуру. Все под контролем. Слушай мой голос и ни о чем больше не думай. Я поведу тебя и всегда буду рядом. Запомни это. Сегодня нам нужно уйти как можно дальше в прошлое. Не сопротивляйся этому путешествию, желай его. В нем ответы на все вопросы, которые мучают тебя уже несколько лет. Сейчас очисти свой разум. Все посторонние

мысли будут тормозить тебя. Вышвырни их из сноси головы. Слушай только мой голос. Все... Поехали. Приятных сновидений, Адучи. Приятных воспоминаний...

## ГОРНЫЙ АЛТАЙ. (РКТРОСПЕКЦИЯ)

1980 год. Ранняя весна

Машину тряхнуло так, что Максим, еще не успев проснуться, под-летел со своего места на заднем сиденье и крепко приложился головой к стальной окантовке, пролегающей в основании крыши "газика". Из глаз брызнули оранжевые искры, сон окончательно развеялся, и Мак-сим, зябко поежившись и приложив руку к ушибленному месту, осмотрелся вокруг. Его пробуждения никто не заметил. Водитель, нео-пределенного возраста алтаец, сосредоточенно смотрел на дорогу, ста-раясь, по возможности, объезжать бесконечные ямы, ухабы и камни, словно нарочно прыгающие под колеса автомобиля. Казалось, дорога специально трясла людей, пытаясь внушить им что-то очень важное. Отец сидел рядом с водителем и тоже смотрел вперед, но в его взгляде не чувствовалось присутствия. Максим понял, что отец не видит ок-ружающего мира, будучи полностью погружен в свои мысли. В багаж-нике надсадно дребезжали полупустые канистры и набор инструмен-тов, очевидно, необходимый в условиях подобной езды. Максим заку-тался в теплую, прошитую ватином ветровку и снова закрыл глаза. Ему снился странный сон. Состоящий из нескольких последовательных фрагментов, он поражал своей яркостью, динамизмом и ооще-нием полной реальности происходящего, позволяющим отчетливо наблюдать каждый из элементов, являющихся, по сути, сказочными, не существующими в обычной жизни, но вполне доступными к вос-приятию в этом удивительном сновидении.

Например, ему снилась живая гроза. Она летела над ними, трясущимися в грязном автомобиле, вздрагивающем на каждой кочке, в облике серовато-серебристой тучи, налитой грозной силой, периодически вспыхивая голубыми сполохами, метая вниз раскидистые разряды электрических молний. Они били в землю с невероятной силой, и каждый раз, когда копье синего света врезалось в замерз-шую твердь, по земле шел гул, и машину подбрасывало вверх. А мол-нии шипели, змеились вслед автомобилю и немного погодя впиты-вались в почву, согревая ее, растапливая ледяную корочку застек-ленных холодом луж.

Было совсем не страшно, словно Максим когда-то уже встречался с этой тучей. Просто это новое ощущение необыкновенной яви озадачило его. Раньше ему никогда не удавалось участвовать в своих снах. Тряска только усиливала "эффект присутствия", и Максиму даже казалось порой, что он не спит, а только дремлет, автоматичес-ки отмечая все звуки вокруг. И если бы сейчас отец спросил его о чем-нибудь, он бы услышал, не прерывая захватывающей картины, раз-ворачивающейся перед ним в дымке полусонного сознания. Време-нами он просыпался окончательно и смотрел в окно. Но слабость и усталость вновь накатывали вязкой волной, погружая разум в ска-зочный мир детских снов.

В какой-то момент облако с грозой стало подниматься вертикаль-но вверх и затем окончательно исчезло в вышине, слившись с ос-тальными облаками. Максим подумал, что они, должно быть, тоже живые, и небо теперь смотрело на него сверху десятком глаз, мигая белесыми перьями туманных туч.

Затем возникла какая-то огромная черная птица. Она вылетела из чащи леса и, стремительно размахивая крыльями, несколько раз про-летела мимо окон автомобиля. Максим успел увидеть лишь ее глаза, все остальное слилось в сплошную темную массу. Птица словно заг-лядывала внутрь движущегося "газика", пытаясь высмотреть забив-шегося в угол Коврова. В ее взгляде не было ничего дурного, но она хотела унести с собой маленького мальчика, обхватив широкими кры-льями, в самую гущу неподвижных деревьев. Максим даже перестал дышать, настолько сильно испугало его понимание этого момента и вид выискивающей его птицы.

Машину тряхнуло, и мальчик, открыв глаза, осторожно посмотрел в окно. Птицы не было. Только высокие могучие стволы кедров и лиственниц мелькали мимо сплошным черно-зеленым частоколом. Внезапно Максим увидел движущееся пятно сзади, на дороге. Он пригляделся внимательней: большая черная овчарка бежала вслед за машиной. Торопливо перебирая лапами, она неотступно следо-вала за "газиком", словно опасаясь потерять его из виду. Максим почему-то знал, чувствовал, что это – его собака, его Друг, и теперь напряженно следил за ее бегом, веря в то, что она непременно дого-нит их, а не отстанет, выбившись из сил, и не потеряется в этой глу-хой безлюдной местности. Но вопреки его ожиданиям собака бежа-ла все медленней, и настал момент, когда она остановилась, обесси-лев, и села. Высунув язык, она смотрела вслед удаляющейся машине грустными глазами, полными тоски и одиночества. Максим заме-тался, поняв, что еще несколько секунд, и они уедут, и он навсегда потеряет ее, свою собаку.

– Не-ет. Стойте! Остановитесь! Папа... – он, наверное, закричал, потому что когда открыл глаза, то увидел лицо отца, который повер-нул с переднего сиденья и теперь смотрел на Максима обеспокое-но и удивленно. Алтаец тоже обернулся, останавливая машину.

– Что случилось?

Максим припал к заднему стеклу, вглядываясь в унылый пейзаж грязной дороги. Но на ней никого уже не было. Либо собака, отчаявшись, повернула назад, либо сошла с дороги и лес, либо что был очередной персонаж затянувшегося сновидения.

– Что случилось? – повторил алтаец, и Максим робко пробормотал: "Мне показалось".

– Что показалось? – алтаец внимательно смотрел на него, ожидая ответа.

– Мне показалось... я видел собаку. Там, на дороге.

– Откуда здесь собаки? – Отец заерзал на сиденье, разминая за-текшую спину. – Тебе приснилось...

Но реакция водителя несколько озадачила Максима. Алтаец за-думчиво моргнул, как-то странно опять посмотрел на него и, реши-тельно открыв дверь, выскочил наружу.

– Пошли, посмотрим. Где ты, говоришь, видел ее? Максим спрыгнул в мерзлую дорожную грязь и показал пальцем в направлении, где, как ему показалось, в последний раз он видел пса:

– Там. Но теперь ее там нет. А может, и не было. Я, по-моему, заснул, – произнес он извиняющимся тоном. Ему вдруг стало ужасно нелов-ко, что его нелепые фантазии послужили причиной остановки авто-мобиля. Но алтаец был предельно серьезен. Он подмигнул Максиму и, хлопнув по плечу, медленно пошел назад по кромке дороги, Прова-ливаясь иногда в глубокий снег. Максим нерешительно пошел за ним.

– Так ты видел ее или нет? – водитель сосредоточенно вглядывался в придорожные кусты.

– Видел... но, – Максим замаялся, не зная, как выпутаться из этой неловкой ситуации. Не рассказывать же, в самом деле, ему про эти странные сны.

– Ты видел ее во сне? – алтаец, казалось, прочитал его мысли.

– Ну... можно сказать... да.

– "Можно сказать", – алтаец нахмурился, – ты должен разобраться-ся сейчас в своих чувствах и решить для себя: видел ты ее или нет. Неважно, было ли это во сне или наяву. В этих местах эти понятия очень часто меняются местами, и виденное во сне становится час-тью твоей жизни, а то, что привычно и знакомо для тебя, оказывается призраком. Поэтому ты должен научиться, в первую очередь, до-верять своим чувствам. Если они постоянно обманывают тебя, зна-чит, ты постоянно будешь проигрывать в любой жизненной ситуа-ции, принимая ее за очередной обман. И если так, то мы и сейчас не сможем найти твою собаку, – последние слова прозвучали как-то странно. Максим уловил акцент, сделанный на них собеседником.

– Если ты уверен, что видел ее, чувствовал особую к ней располо-женность, значит, она существует, и мы обязательно должны обна-ружить следы ее присутствия. Хотя они могут выглядеть даже не как обычные следы, а скажем... как пятна света, мерцающие кляксы на дороге.

Максим удивленно посмотрел на водителя и подумал растерянно: "Чокнутый". А алтаец тем временем уже наклонился над участком дороги, где собака в изнеможении остановилась и села, перед тем как исчезнуть. Максим улыбнулся, наблюдая, как взрослый уже че-ловек с необыкновенным усердием роется в комках дорожной грязи, пытаясь обнаружить следы, оставленные призрачным псом. Через несколько минут алтаец разогнулся и посмотрел на Максима. В его взгляде не было ни тени разочарования, наоборот, они излучали удов-летворение.

– Нашли? – выдохнул Максим и, вытянув шею, посмотрел на грязь около его ног. Ни одного собачьего следа или светового пятна он там не увидел. Обычная мешанина оставленная ребристыми шинами "внедорожника".

– Максим, никогда не разбрасывайся своими истинными друзья-ми. Будь всегда настороже своих чувств. Жизнь иногда может пре-подносить такие подарки, и тогда очень важно заметить их и с по-чтением принять. Эта собака была только для тебя. Ты бы мог обна-ружить ее следы, если бы захотел. Но ты, я вижу, с недоверием отно-сишься к себе и поэтому готов назвать сном уникальный дар окру-жающего тебя мира и забыть об этом, словно это и вправду был сон.

Алтаец замолчал и, повернувшись, зашагал к приткнувшемуся на обочине "газику".

"Точно, чокнутый", – подумал Максим и еще раз на всякий случай внимательно изучил этот участок дороги. Следов не было. Да это и неудивительно – призраки не оставляют следов. Внезапно по-рыв холодного ветра обрушился откуда-то сверху, закружился сдува-емым с ветвей снежным вихрем. Максим закрыл глаза, уворачиваясь от морозных пощечин, а когда вновь открыл, то увидел, что алта-ец уже стоит около машины и машет ему рукой.

Когда Максим втиснулся в теплый нагретый салон "газика", води-тель о чем-то тихо шептался с отцом, который кивал, по-прежнему отрешенно глядя на лес за окном. Уловить содержание разговора Максим не смог, но понял, что взрослые говорят на отвлеченную тему. Про злополучную собаку не было сказано ни слова.

Алтаец вдруг обернулся и, словно их теперь объединяла общая тайна, снова заговорщицки подмигнул мальчику. В его взгляде на миг проступило что-то странное, будто какая-то часть того сна все-таки проникла внутрь салона, приняв обличье этого чудаковатого водителя. Максим вздрогнул и моргнул, наваждение пропало. Алта-ец отвернулся, заводя оглушительно затарахтевшую машину. Ми-нуту спустя она с ревом тронулась с места, пробуксовывая и завязая в полузамерзшей грязи.

Смеркалось. Спать уже совсем не хотелось, и Максим снова смот-рел на мелькающие за окном деревья и кусты, выстроившиеся вдоль дороги живой изгородью. Он ощущал какой-то

смутный, не поддающийся объяснению, дискомфорт. Что-то в окружающем его мире стало не так, и он не мог понять что. Время от времени он поглядывал в заднее окно, просто так, конечно, но глаза почему-то все равно искали черный силуэт на фоне, быстро теряющейся в сгущающейся темноте, дороги.

Местами лежал снег, было ветрено и холодно. Машина резко затормозила, будто наткнувшись на невидимую преграду, и пассажиры стали выбираться из надоевшей уже, пропахшей бензином кабины "газика". Вокруг была непроглядная тьма, и только в узких лучах фар смутно различались впереди очертания темного деревянного дома, стоящего в гуще кедровника. Когда погасли и фары, люди на некоторое время оказались поглощенными вязкой чернотой, затопившей все вокруг. Максим замер и, запрокинув голову, посмотрел вверх, в ночное небо, а там раскинулась целая звездная страна, россыпь далеких мерцающих огней. Вселенная нависла сверху таким осязаемым пологом, что, казалось, оттолкнись сейчас от рыхлого снега – и темнота, соединяющая небосвод и землю, мгновенно унесет в вышину, закружит в хороводе звездных искр. Максим никогда еще не видел такой потрясающей картины. Он любил смотреть на ночное небо там, в Барнауле, но в барнаульском небе звезды не казались такими огромными и такими завораживающими. Над головой внезапно зашелестела крыльями птица, и Максим успел различить на фоне сверкающего небесного купола темный расплывчатый силуэт. Одновременно с этим в окнах дома вспыхнул свет, открылась дверь и на порог вышли двое: старик и мальчик, наверное, одного с Максимом возраста. Закутанный в теплый плащ-накидку, мальчик быстро сбежал с лестницы, подошел к приеждим и сдержанно поздоровался. Вслед за ним по ступеням спустился, не спеша, старик. Максим сразу понял, что это дедушка и внук. Судя по лицам, они оба были алтайцами.

Мальчик взял в обе руки тяжелые сумки, выгруженные из машины, и, переваливаясь с ноги на ногу, засеменил к дому. Ковров-старший положил руку на плечо сына и представил его подошедшему старику:

– Здравствуйте, Шорхит. Вот, опять обстоятельства привели нас в ваш дом. Максим, это старинный друг нашей семьи, один из лучших друзей твоего деда. Я надеюсь, что он станет и твоим другом, во всяком случае, относись, пожалуйста, к нему с почтением, не то он превратит тебя в лягушку.

Старик расхохотался и приветливо кивнул младшему Коврову:

– Ну, здравствуй, кеспокчи. Что, опять прихватывает? Я имею в виду твои страшные сны. Ничего. Это случается иногда со всеми нами...

Максим растерянно молчал, не зная, как вести себя с этим чудаково-ватым алтайцем.

– Ничего, ничего, здесь ты быстро пойдешь на поправку. Проходите в дом, Араскан и Унген отнесут все вещи сами.

Мальчик тем временем уже возвратился. Отец хлопнул Максима по плечу, как бы подбадривая к новому знакомству, подмигнул, и, поскользываясь на тонкой корочке льда, покрывающей тропинку, направился вслед за стариком в дом.

Внук Шорхита оказался так похож на своего деда, что казался его уменьшенной копией. Чуть приплюснутый нос, раскосые темные глаза, текучая походка. Он, казалось, подражал деду даже в жестах. Протянув приезжему тощую, но сильную ладонь, он деловито представился: "Унген". Ковров кивнул ему и, ответив на рукопожатие, не менее деловито буркнул: "Максим". На этом церемония знакомства закончилась. Араскан, человек, который их вез, унес в дом



последние сумки, и мальчишки остались около машины вдвоем.

– Пойдем в дом. В это время нельзя оставаться по эту сторону ограды.

Максим удивленно посмотрел на юного алтайца, пытаясь понять, что он имел в виду. Унген, перехватив его взгляд, показал рукой на частокол, окружающий дом чередой заостренных тонкими копьями кольев, и назидательно, словно общаясь с несмышленным малышом, произнес:

– Это ограда. Она ограждает Дом от Леса. Мы сейчас находимся в Лесу, по одну сторону ограды. Ночью на этой стороне человеку находиться крайне нежелательно – опасно.

– Почему это? – спросил Максим, уязвленный подобным тоном.

– Опасно, и все, – коротко отрепал Унген и, отодвинув створку ворот, забрался в "газик". Машина завелась и въехала во двор. Унген быстро выскочил и торопливо стал закрывать воротину, с ехидной усмешкой поглядывая на закипающего Максима:

– Ну, так что, ты идешь?

– Нет. Погуляю немного здесь, на этой стороне ограды, – ответил тот и, повернувшись, сделал несколько шагов в темноту леса.

– Ну и дурак. Я же серьезно говорю...

Обернувшись, Максим увидел, что Унген стоит около ворот и растерянно смотрит на него. Эта растерянность не столько обрадовала, сколько насторожила Максима. Пацан явно чего-то боялся, чего-то, что находилось ночью именно по эту сторону ограды. Максим незаметно осмотрелся, но ничего подозрительного не увидел. Обычный ночной лес. Хотя с того момента, как они приехали в Горный Алтай, ничего вокруг уже не казалось ему обычным.

– Пойдем, а? – Унген с беспокойством следил за своим новым знакомым, действительно опасаясь, что у того хватит ума шляться ночью в глуши таежной чащи. Максим и сам уже пожалел, что занял подобную позицию, но отступать было поздно. Идти в дом значило признаться в своей трусости. Но и в лес идти тоже уже совсем не хотелось. Морозный ветер, пробирающийся к теплому телу через все отверстия в одежде, совсем не способствовал прогулочному настроению. Кроме того, Максим действительно что-то почувствовал....

Унген тоже почувствовал это и, подбежав к растерянному гостю, схватил его в охапку и затащил во двор, с шумом захлопнув скрипучую калитку в воротах. В его глазах был испуг.

– Ты что, сдурел? – Максим покрутил пальцем около виска.

– Это ты сдурел, – Унген привалился к калитке спиной, будто удерживая ее от напора неведомой опасности, снующей вокруг дома в темноте. – Здесь тебе не город, понял? Выдвигаться там, у себя в Барнауле, будешь, ясно? – Он был определенно сильно напуган, вероятно, потому, что знал, что могло случиться, останься приезжий на улице еще мгновение. – Я тебе не нянька и больше за тобой бегать не буду. Если у тебя башка на холоде замерзла, я за тебя отвечать не собираюсь. Максим хмыкнул и, пожав плечами, спросил:

– Что ты разорался? Напугать меня хочешь побасенками своими? Глаза Унгена расширились, он часто заморгал и, возмущенно выдохнув, тихо прошептал:

– Напугать? А ты еще не напугался? Ну-ка иди сюда... Максим, усмехаясь, медленно подошел к нему и хотел что-то сказать, но Унген захлопнул ему рот рукой и прошипел в самое ухо:

– Тихо. Слушай.

Максим прислушался. Шум ветра, скрип замерзших стволов, хруст снега... Вот! Чьи-то осторожные, еле различимые на фоне остальных звуков шаги. Кто-то крался там, вдоль забора, и этот кто-то был не человеком. Человеку не могли принадлежать подобные звуки. Это больше походило на... скольжение удава, проминающего хрупкий снежный покров своим длинным гладким телом. Но откуда мог взяться удав здесь, в предгорной заснеженной тайге?

Послышалось тихое мяуканье и легкое постукивание по частоколу. Максим, затаив дыхание, вслушивался в этот гипнотический шорох и смотрел на бледного от ужаса Унгена, который тоже замер, словно опасаясь, что существо за забором обнаружит их присутствие. Когда звук приблизился к мальчикам, Унген издал резкий, леденящий душу гортанный крик. От этого вопля, разорвавшего морозный воздух, Максим отшатнулся в сторону, поскользнулся и завалился в сугроб. Двери дома открылись, и на порог выбежали встревоженные отец, Араскан и Шорхит. Максим поднял мокрое от снега лицо и быстро встал, опираясь на протянутую Унгеном руку.

– Что случилось? – отец тревожно смотрел на мальчиков, переводя взгляд с одного на другого.

– Мы играли, – Унген незаметно подмигнул товарищу, и тот машинально кивнул. Ковров-старший улыбнулся и, повернувшись, зашел в дом. Шорхит с Арасканом переглянулись, и старик вопросительно посмотрел на внука. Тот мгновенно подобрался, посерьезнел и показал на Максима рукой:

– Кто-то приходил за ним. Он видел его сам... Мужчины опять переглянулись и, ни слова не говоря, тоже зашли в дом.

– Кто это был? – взволнованно спросил Максим через полчаса, уже сидя около разожженного камина, рядом с новым другом.

– Не знаю, – в тоне Унгена уже не было высокомерия. История с "удавом" каким-то образом повлияла на его отношение к барнаульскому гостю. Он подкинул в огонь несколько сухих щепок. – Я, правда, не знаю. Лес ночью перестает быть обычным лесом. Там все становится по-другому. Иногда, особенно ночами, Лес начинает шептать чужими голосами, и горе тому, кто поддастся этому коварному ночному зову.

– Откуда ты знаешь? Ты ходил туда ночью? Унген быстро замотал головой:

– Ты что? Нельзя. Мне рассказывали дед и Араскан, они ходили. Ночью там страшно. Ночью Лес превращается и обитель духов.

– Духов? – Максим опять недоверчиво улыбнулся. Но Унген был предельно серьезен:

– Да, духов. Их и днем там полно, но ночью открываются двери иного мира, их мира. И тогда они приходят к нам. Они везде. Их называют у нас – "кермосы". И каждый знает, что ночью они безраздельно властвуют по ту сторону ограды.

– А что, ограда может их остановить? Они же духи.

– Это не просто ограда. Во-первых, это специальная древесина. Колья вытачивают из цельных стволов, которые берут только в особых местах. Я знаю одно из них. Оно называется Серебряный Бор. Там никогда не бывает "джаман кермостор" – злых кермосов.

– А здесь? Здесь они есть?

– Здесь они есть, – хмуро пробормотал Унген и подкинул в огонь еще пару маленьких поленьев. – Они есть везде. Но есть определенные места, где их много и где они всемогущи. Также играет огромную роль время года и время суток. Вот, например, сегодня ты подвергался большой опасности. Ночью "лтынчи орен" – нижний мир – соприкасается с нашим миром. Их склеивает темнота. И тогда обитатели того мира появляются на земле. Они очень любят глухие темные места, особенно, где есть соединения – трещины в земле. Они выходят оттуда, и горе тому, кто остался после заката солнца в таком месте. Эти места называются "турчакту дер", там кермосы особенно сильны. Человек, оставшийся на ночлег в "турчакту дер", обречен. Кермосы отберут у него душу и унесут с собой вниз, в царство Эрлика, подземного бога. Поэтому после заката солнца люди скрываются в своих домах. Детям запрещают даже плакать, чтобы не привлекать духов, из дома не выносят вещи и пищу. Это время следует переждать, скоротать, слушая предания и сказки.

– Как мы с тобой? – Максим улыбнулся и протянул к огню сухой прутик. На конце сразу

вспыхнула и затлела крохотная искра.

– То, что я рассказываю тебе сейчас – не сказки. И если бы ты не послушался меня там, за оградой, мне даже страшно представить, что бы сейчас с тобой было. Это не сказки, – значительно повторил Унген, – если не веришь мне, спроси деда, он много расскажет тебе об этом.

Максим помахал прутиком перед глазами, наблюдая за тлеющим огоньком:

– Унген, а твой дед, он кто?

– Кам.

– Кто-кто? – Максим фыркнул, опять посмотрев на товарища не-доверчиво.

– Кам – это шаман, – Унген, казалось, не обращал внимания на настроение своего гостя и объяснял ему все спокойно и терпеливо. – Шорхит очень сильный шаман. Таких, наверное, уже и не осталось на Алтае.

– Ух, ты! – Максим боролся сам с собой, не зная, как ему реагировать на все эти разговоры: смеяться или принимать все всерьез, за чистую монету. – Настоящий шаман?

Унген снисходительно усмехнулся:

– Ненастоящих шаманов не бывает. Если он ненастоящий, значит, это не шаман.

– А ты тоже станешь шаманом, когда вырастешь?

– Я стану тайшином, как дед и Араскан.

– Араскан? Это тот странноватый водитель?

С Унгеном случилась настоящая истерика. Он захохотал, запрыгал по комнате, держась обеими руками за живот и приседая от на-пряжения.

– "Странноватый водитель"? – переспросил он, отсмеявшись и обретая возможность связно говорить. – Эх ты, балда. Араскан – тайшин! Один из величайших. Но об этом я сейчас не могу с тобой говорить. Ой, держите меня, "странноватый водитель"...

– Конечно, – пробормотал Максим, чувствуя, что сморозил какую-то глупость, – это сразу бросается в глаза. Он, знаешь, что делал? Он мои сны искал, понял?

– Сны? Искал? – Унген вытер слезы с глаз, не переставая кривить губы в усмешке и подхихикивать.

– Ну да, сны. Мне приснилось, что за нами бежала черная собака, зон...

– Черная собака? – Унген даже привстал от изумления и восторженно посмотрел на гостя. – Ты видел во сне черную собаку?

– Ну да, видел. И что из этого?

Унген вскочил, нервно заходил по комнате, затем хлопнул в ладоши и сел обратно:

– Ну и дела! Ты даже представить себе не можешь, как тебе повезло! Значит, ты тоже сможешь стать тайшином?!

– А в чем, собственно, так повезло-то? – пробормотал Максим, пожимая плечами.

– Балда! Это был один из духов-защитников: "Кара Адай" – Черная Собака, Дух Кэрсо. Он показался тебе, даже бежал за тобой! А такое бывает нечасто даже с тайшинами. Представляешь? Это огромный дар, а ты даже ничего не понял и не удосужился отблагодарить его. Балбес! – последнее слово Унген произнес без злобы, а с легким оттенком зависти и разочарования.

– Погоди, – Максим сосредоточенно пытался собраться с мыслями. – А кто он, этот Дух Кэрсо?

– Не могу сказать тебе наверняка, потому что сам не знаю. Но то, что он показался тебе, именно тебе, говорит о том, что ты отмечен каким-то особым знаком. Может быть, именно поэтому Кишгуш хо-тел утащить тебя?

– Кишгуш? – Новое название неприятно резануло слух.

– Да, дух умершего черного кама, вышедший на ночную охоту. Я же говорил тебе – ночью лес становится охотничьими угодьями голодных духов. Зима и ночь резко увеличивают возможность их проникновения в наш мир. А ты приехал именно зимней ночью и еще вел себя при этом как дурак.

– Я же не знал, – извиняющимся тоном пролепетал Максим, рассказы товарища все больше и больше почему-то портили ему настроение.

– "Не знал", – писклявым голосом передразнил его Унген, – теперь знаешь. Зимой Лес очень опасен, даже днем. Зимой людям практически не приходится рассчитывать на помощь кровных чистых духов – "ару кермос". Говорят, зимой даже Небо замерзает и Ульгень, Высший Бог, не может спуститься на землю. Людям приходится рассчитывать только на себя. Сегодня ты спасся только благодаря тому, что я затащил тебя за частокол. Я уже начал рассказывать тебе об ограде, но ты не дослушал. Так вот, кроме того, что она изготовлена из древесины, отпугивающей духов, каждый кол остро заточен, а духи терпеть не могут острых предметов. Они, например, боятся веток колючих кустарников и деревьев, поэтому ты смело можешь оставаться на ночлег в зарослях шиповника или рядом с кедром, укрывшись еще, для верности, его ветками. Дед рассказывал, что давным-давно воины во время походов ложились спать неподалеку от зарослей колючих кустов, обносили палатки кругами стрел, воткнутых в землю наконечниками вверх. А у входа в палатки втыкали свои мечи. Считалось, что в ночь перед битвой тучи сметливых голодных духов слетались к месту предстоящего кровопролития. Так древние воины отпугивали от своих стоянок этих вредоносных существ, которые в роковую ночь ордами скитались около лагерей, пытаясь проникнуть сквозь остроконечные заграждения...

Внезапно Унген замолчал. С улицы послышался сильный шум, и ребята, сорвавшись с места, выскочили в коридор. Там они столкнулись с Арасканом и отцом, которые беседовали до этого в дальней комнате. Шорхита с ними не было.

– Однако, веселая ночка, – Араскан прислушался к грому хану за оградой. Кто-то с силой стучал в ворота.

– Может, заблудился кто? – прерывисто спросил Ковров-старший. Но Араскан отрицательно покачал головой:

– Здесь на двадцать километров тайга кругом. Никого сейчас здесь быть просто не может. – Его слова прозвучали как-то жутко и тревожно.

– Тогда кто это? – отец нагнулся к сумке со своими вещами, стоявшей в коридоре, и через минуту в его руке оказался небольшой черный пистолет. Араскан еще раз покачал головой:

– Убери это. Вряд ли придется стрелять в кого-либо... Он открыл дверь и вышел на крыльцо. Тотчас в комнату ворвался морозный воздух.

– Кто там?

Грохот прекратился. В наступившей тишине было слышно, как кто-то большой и грузный топчется около ворот, хрустя снегом.

– Кто? – хрипло повторил Араскан.

Тишина. Через мгновение за забором раздалось пронзительное шипение, затем послышался смех, а потом звук удаляющихся шагов.

"Хруп, хруп, хруп...". Все смолкло. Люди, стоявшие у открытой двери, обернулись, из

глубины дома вышел мрачный и встревоженный Шорхит. Видимо, он спал, и эти чудовищные звуки разбудили его.

– Что случилось? Он вернулся?

Араскан, прищурившись, смотрел в черноту за частоколом:

– Вряд ли. Скорее всего, это не он. Он просто привел к нам более сильное и более заинтересованное существо.

– Зурда?..

Араскан мрачно кивнул. Ковров-старший недоуменно следил за этим непонятным диалогом, тоже поглядывая на частокол. Вдруг Араскан вздрогнул и изогнулся, прогибая спину и опустив голову.

– Уведите Максима в дом. Он возвращается.

– Кто? – Ковров-старший посмотрел на своего перепуганного сына и закусил губу, стараясь разобраться в происходящем. Через мгновение штурм ворот начался с удвоенной силой. Казалось, что пришелец лишь замер, притворился, что ушел, потому что мощные удары обрушились на ворога внезапно.

Максим вскрикнул от неожиданности и прижался к отцу, который напряженно смотрел на прогибающуюся под ударами калитку из-за плеча Араскана. Унген шептал какое-то заклятие, похожее на детский стишок. Шорхит наклонился к Максиму, парализованному ужа-сом, и тихо и спокойно прошептал ему на ухо:

– Не бойся, мы ему не откроем. С нами ты в безопасности. Иди вглубь дома и не выходи оттуда, что бы ни случилось. Ушей отведет тебя...

Максим кивнул, но ноги, налившись невероятной свинцовой тяжестью, отказывались сделать хотя бы шаг.

Араскан вдруг громко и страшно задышал, сцепив перед собой руки в замысловатый захват, и затем стремительно развел их в стороны с резким выдохом, похожим на "хай-то". Удары стихли. В это самое мгновение до слуха Максима долетели удивительные чарующие звуки из ниоткуда. Они возникли в голове, и мальчик понял, что их издает существо за забором. Но, несмотря на это, они совсем не были страшными. Наоборот, они мягко втекали куда-то вглубь тела, сжимая сердце, приглашая за собой в дали, неизвестные человечеству. Из этих далей уже не было пути назад, поэтому они были полны невероятно томительной тоски и исполненной наслаждением боли. Это было настолько невыносимо, что разум сдался под этим мощным натиском. Слабо ориентируясь в происходящем, Максим осмотрелся вокруг и понял, что никто, кроме него, этих звуков не слышит. Тогда он пошатнулся и сделал шаг, но не вглубь дома, а к двери, ведущей на улицу. Его сознание словно заморозили, и оно наблюдало со стороны за движениями украденного тела. Сопrotивляться этим звукам было невозможно. Они влекли, тянули, приказывали, обволакивали...

Дальше все было как в тумане: полные ужаса глаза Унгена, который заметил эти странности в поведении товарища, неподвижная фигура Араскана, замершего в открытой двери с напряженными, разведенными в стороны руками, бледное лицо отца, сжимающего в твердой руке пистолет.

– Дед, дед! – закричал Унген, и разом все пришло в движение. Шорхит обернулся и, увидев неподвижный взгляд Максима, понял все:

– Держите его! Не давайте ему идти.

Максим рванулся на улицу, но Унген повис на нем всем своим весом, крепко обхватив

товарища сади.

– Черт, – прорычал отец и, отодвинув Араскана в сторону, несколько раз выстрелил по воротам. Из-за частого послышался издевательский смех и пронзительный вой.

– Нет, – Араскан затащил отца в дом и закрыл дверь. – Его невозможно застрелить.

– Кого его? – Ковров-старший возбужденно дышал, нервно переминаясь с ноги на ногу.

Араскан ничего не сказал и задумчиво посмотрел на Максима. Мальчик бился в судорогах, пытаясь вырваться из крепких объятий Унгена и Шорхита. Он уже не видел ничего вокруг. Бешеная пляска разноцветных огней перед глазами погружала его все глубже и глубже, на самое дно подсознания, которое уже не могло сопротивляться далекому зову могущественных духов.

Блик света... Тьма. Туман. Бесконечная ночь на многие километры вокруг. Снова свет... Сверкнул, ударил вспышкой по нервам и, метнувшись в сторону солнечным зайчиком, растаял в темноте. Туман потек, приобретая слабое серебристое свечение, растекаясь по пространству ровными переливами облаков. Тьма превратилась в море дымчатых волн. Свет... Опять яркая вспышка, и сквозь треснувшую тишину пробилась смутные звуки. Это они бьют по обостренному восприятию световыми вспышками.

"...он выживет?"

"Не знаю... трудно... нет выбора... должен..."

"...там"

"Там погибнет... нет пути... здесь..."

Знакомые звуки. Голос отца! С кем он разговаривает?

"...я надеюсь на тебя..."

– "Поезжай... ему нужна иная жизнь... ты знаешь..."

: "Знаю... я хотел бы сказать ему "до свидания"... можно?"

"Конечно".

Теплая рука прикасается к руке Максима. Удивительное чувство, словно картинка из детства. "Почему я не вижу его? Папа, ты где?"

"Выздоровливай, Макс. Я вернусь за тобой, как только ты поправишься. Будь мужчиной. Мы скоро увидимся. До свидания... дорогой".

Прикосновение исчезло, и с ним улетучилось ощущение родительского тепла.

"Папа, папка!!! Постой!..".

Снова темнота. Бездна разверзается где-то внизу, и бесконечное падение на ее дно кажется смертью. Тоска, словно камень на шее, ускоряющий падение. Слезы и боль. Безысходность.

\* \* \*

Небольшая поляна, затерянная в непролазной чаще сибирской предгорной тайги. На ней трое – Унген, Максим и Человек в Маске. Серый балахон, двухцветная маска и голос, властный гипнотический голос, вмуровывающий в мозг каждого из мальчиков странные истины. Это Айрук, их Наставник. Он не имеет лица, вернее, не хочет показывать сто детям, прикрыв свой облик странной маской, одна половина которой окрашена в белый, другая – в бледно-голубой цвет.

– Это ИГУ-ТАЙ, – говорит Айрук, показывая рукой на разноцвет-ные поля маски, – сфера рассудка и сфера безрассудного, голос разу-ма и шепот интуиции, область Света и область Тьмы, Солнце и Тем-ная Луна.

Мальчики слушают, затаив дыхание.

\* \* \*

Бешеное течение Катуня гудит где-то внизу утробным рокотом. По узкой тропинке, раздвигая кусты, вниз, к реке, идут четверо: Айрук, Унген, Максим и Айма, приемная внучка Шорхита. Он приютил ее у себя, когда ее родители, отец – русский, а мать – кумандинка, погибли в автомобильной катастрофе. Девочка тогда убежала в лес и бродила там трое суток, обезумев от горя, голода и страха. В таком плачевном состоянии ее и нашел Шорхит. С тех пор она осталась жить у него, став Унгену сводной сестрой. Правда, приезжала она в дом, где они жили, только весной и гостила там до осени. Зимой Айма жила у ка-ких-то знакомых или даже родственников Шорхита в Горно-Алтайске, куда приезжал и Унген. Там они оба ходили в школу. В этом году Унген сдал программу второго класса досрочно – с ним много занимался Араскан, который, как оказалось, преподавал ка-кую-то дисциплину в Барнаульском университете. Поэтому Унген остался с Шорхитом на зиму в тайге, а Айма приехала сюда только весной, застала в зимовье Максима и сразу подружилась с ним. Те-перь они везде были втроем, правда, в обязательном сопровождении кого-нибудь из взрослых. Обычно это был Шорхит, но сегодня ребят взял с собой на прогулку Айрук. Они остановились на берегу реки, наблюдая за ее стремительным течением.

– Знаете, зачем мы пришли сюда? – Айрук смотрит своей двух-цветной маской на притихшую троицу. Все синхронно закивали го-ловами, конечно же, не подозревая о цели данного мероприятия.

– Мы пришли сюда, чтобы один из нас умер на этом самом месте... Дети молчат, они знают, Айрука нельзя перебивать глупыми воп-росами.

– Я думаю, вы догадываетесь, кто это... – взгляд Айрука остано-вливается на Коврове. Тот неуверенно улыбается, пытаясь понять смысл услышанной фразы.

– Помнишь, Максим, свою первую ночь здесь? Помнишь?

Максим помнил. Шаги духа за частоколом. Его настойчивые гро-моподобные удары в ворота. Шипение, свист, вой... Свист... Нежный, невероятно привлекательный мелодичный звук, дурманящий мозг таинственными аккордами, проникающий в самые отдаленные уча-стки разума, пронизывающий до костей... Это было больше чем звук. Это был Зов, резонирующий на темных участках души, погруженных в тень сознания.

– Да, я помню.

– Это был темный Дух. Он пришел за тобой и почти уволок с собой тогда частичку твоей души. Он очень спешил, потому что знал – если ты попадешь к нам, ему будет очень трудно добраться до тебя вновь. Поэтому он и вел себя так агрессивно и яростно. Араскан и Шорхит удержали тебя, потому что время твоего решающего поединка с этим Духом еще не пришло. Теперь ты получил время, необходимое, чтобы научиться многим вещам, которые помогут тебе в будущем выстоять в поединке с ним. А он обязательно состоится. Этот Дух никогда не оставит

тебя в покое. Он будет преследовать тебя до тех пор, пока не уничтожит тебя такого, какой ты есть. Поэтому, чтобы противостоять ему, ты должен измениться, стать другим. Но на это у нас уже почти не осталось времени, поэтому тебе нужно измениться сразу. А для этого тебе необходимо умереть. Мы все умирали когда-то. Я делал это очень много раз. Вам еще предстоит эта пытка. Но другого выхода для тайшинов нет. Для того чтобы стать одним из нас, ты должен умереть для мира людей. Айма умерла, когда убежала в лес и бродила там, среди деревьев, трое суток. Лес убил ее, и Шорхит нашел там совсем другого человека, а не ту девочку Айму, какой она была еще несколько дней назад. Внешне она осталась такой же, но внутри... Унген умер несколько лет назад. Им, также как и тобой, овладела очень странная болезнь. Он бился в беспмятстве, постоянно плакал и визжал. Позже он стал вести себя вообще просто ужасно: впадал в безумство и выкрикивал имена кермосов, с кем-то разговаривал, раскидывал руки и вертел головой. Все это указывало на то, что он тоже имел благоприятную по-чву для того, чтобы стать шаманом, как и его дед. Духи обычно очень сильно давят на потенциального шамана. Недаром говорят: "Тенгри аны пастит" – "Небо его давит, призывает". Тайшины обычно используют для подобных случаев свои специфические методы, но Шорхит, помимо того, что он тайшин, еще и шаман. Поэтому он решил применить старинный обряд камов. Мы отнесли Унгена на вершину одной горы и оставили там среди берез. Он должен был либо умереть, либо обрести власть над духами. Мы были очень рады, застав сто три дня спустя живым и полностью здоровым. Он лежал под березами на белом тканом покрывале. Шорхит сказал, что это добрый знак – волшебная хозяйка горы поила и кормила его все это время и отгоняла злых духов, которые нападали на него в темноте и жевали его руки и ноги. Теперь настало твое время, Максим. Для начала ты сделаешь один небольшой шаг в этом направлении – ты лишишься собственного имени. Мы будем называть тебя как-нибудь по-другому. Имя "Максим" останется для людей, но оно уже не будет сдерживать тебя. Итак, какое же имя ты выберешь?

Максим озадаченно посмотрел на Унгена и Айму. Те растерянно пожали плечами. Айрук усмехнулся:

– Это имя должно "смазать" твою историю, лечь поверх нее подобно маске. Оно ни к чему тебя не обяжет, но будет означать остановку в непрерывности твоей обычной жизни. С этого часа пойдет другой отсчет времени. Смена имени и последующий за ней Толчок вызовут спазм, который установит новую вибрацию в твоём теле. Итак, выбирай, у тебя есть минута.

Максим лихорадочно соображал, но в голову при этом лезли лишь какие-то идиотские прозвища и клички.

Айрук встал и, отряхнувшись от песка, налипшего на серый балахон, пошел в направлении небольшой скальной возвышенности, омываемой бурлящей водой. Ровно через минуту он уже стоял на самой ее вершине.

– Ну что, придумал?

Максим нахмурился и, вздохнув, крикнул в ответ:

– Мало времени, не могу сосредоточиться.

Айрук рассмеялся и помахал ему рукой, приглашая к себе. Максим еще раз посмотрел на друзей, словно ожидая от них поддержки, но было видно, что те сами сильно растерялись, не зная, чем ему помочь.

Когда он залез на возвышенность, Айрук сидел на самом ее краю, свесив вниз ноги. Жестом руки он показал на место рядом с собой. Отсюда открывался удивительный, захватывающий дух пейзаж. Мальчик медленно подошел и осторожно сел на траву, рассматривая мелькающие



внизу стремительные волны Катуня.

– Видишь ли. Максим, твоя заминка объясняется тем, что в твоей голове слишком много мыслей. Эта галдящая орава постоянно путает тебя, заводит в тупик. На самом деле в тебе не одно, а очень много "Я", и каждое хочет получить новое имя. Тебе нужно измениться. Найти свое настоящее, истинное "Я". Скоро ты поймешь, что все мысли, которые сейчас роятся в твоей голове, на самом деле тебе не нужны. Только тогда ты обретишь последовательность и четкость восприятия. Тебе нужно сменить ритм, который ведет тебя по жизни. А для этого тебе нужен Толчок, и не один. Чтобы добиться чего-то действительно стоящего, тебя нужно безжалостно Толкать. Но сделать это может лишь тот, кто уже сам добился состояния, когда мышление становится четким и ясным, а действия – последовательными и гармоничными. Я один из таких людей. Я изменю ритм в твоём теле и задам ему новый. Я стану для тебя чем-то вроде "крестного отца". Поэтому я сам придумал тебе имя. Оно будет переключаться с одним именем из древней легенды, которая повествует о богатыре Сартакпае и его сыне, богатыре Адучи-Мергене. Унген должен знать эту легенду, и если ты попросишь его, я думаю, он не откажет тебе, рассказав её всю. Она пришла мне в голову сегодня, когда ты сказал, что очень любишь Катунь. Согласно этой легенде, Катунь вел к её слиянию с другой рекой богатырь Адучи-Мерген. Мне будет забавно называть тебя именем, которое связано с именем этого древнего воина. Другого ведь все равно нет? А следовательно, мы будем звать тебя Адучи, и я искренне надеюсь, что первый Толчок не вызовет у тебя ни обиды, ни страха.

Максим вдруг понял, что сейчас произойдет, но было уже поздно что-то изменить. Сильная рука Айрука подтолкнула его в спину, и он с истошным криком полетел вниз, в бурлящие волны обжигающе ледяной Катуня.

Сумерки. Адучи проспал весь день. Проснувшись, он откинул полог палатки и выполз наружу. Солнце ещё не исчезло, но уже склонялось к закатной линии, зависнув оранжевым диском над горизонтом. Унген все ещё спал, уткнувшись лицом в синее одеяло, разложенное на дне палатки. Айрука нигде не было видно. Адучи осмотрелся. Поблизости, в нескольких десятках метров, шумела холодная Катунь. В этом месте она образовывала несколько притоков, которые обуздывали бешеный нрав этой горной реки, гася инерцию течения и омывая неспешными уже потоками заросшие кустарником островки. С другой стороны от палатки располагалось небольшое озерцо, берега которого покрывали редкие камышинные заросли. Заходящее солнце бросало на поверхность озера последние пурпурные лучи. Близилась ночь. Нужно было разводиться костер.

Отсутствие Наставника не беспокоило Адучи. В последнее время Айрук часто заводил их с Унгеном в предгорные холмы или таежные лесополосы и оставлял в одиночестве, предоставляя самим себе, иногда даже на несколько суток.

Легкий запах дыма коснулся чуткого обоняния. Адучи улыбнулся и позволил своей интуиции вести себя вперед. По пути пришлось два раза переходить ледяные ручьи с илистым дном. Вечером вода казалась намного холоднее, чем днем, и прикоснуться к ней было уже совсем неприятно.

Айрука он нашел неподалеку, у подножия огромного поросшего густой растительностью холма. Тайшин сидел перед небольшим костром. Отсветы огня метались по всегда безмятежным застывшим чертам маски, которая сразу же повернулась в сторону ствола большого кедра, за которым стоял, спрятавшись, Адучи.

– Проснулся?

Мальчик вышел из-за укрытия. Его уже не удивляло сверхъестественное чутье Наставника. Обычный человек ни за что не смог бы увидеть мальчика, прижавшегося к шероховатой коре

огромного дерева в сгущающихся сумерках. Айрук мог. Его просто невозможно было застать врасплох. Поэтому Адучи никогда особенно не обольщался на этот счет.

– Как ты меня заметил? – он подошел к костру и присел прямо на землю. – Я старался двигаться бесшумно, как ты меня учил. Ветер дул в мою сторону. Как?

Айрук поднял обе руки и закрыл пальцами глаза, уши и нос маски.

– Зрение, слух и обоняние очень легко ввести в заблуждение. Поэтому никогда не полагайся только на них. Всегда имей в резерве что-то еще, что поможет тебе, если эти чувства тебя подведут. Тайшин должен чувствовать мир. Понимаешь? Чувствовать всем своим телом, в котором глаза, уши и нос – только отдельные элементы. Почувствовать должно что-то внутри тебя, уловить волны внутренней сущности окружающих вещей. Только тогда ты сможешь уверенно действовать в любой ситуации. Тайшин должен практиковать необычные для людей способы восприятия. Если ты будешь рассчитывать только на свои, пусть и тренированные, сверхчувствительные органы чувств, привычные и известные людям, любой человек сможет обмануть тебя. Именно в этом преимущество тайшинов – в необычных способах восприятия. Вот, например, сейчас ты чувствуешь чье-нибудь постороннее присутствие?

Адучи стремительно обернулся, но никого не увидел. Темнота уже сгустилась настолько, что в нескольких метрах лишь смутно различался бесформенный кустарник. Не помогло и периферическое зрение, которому начал обучать его Айрук. Отсветы от костра мешали уловить постороннее движение. Ориентироваться по запахам мешал ветер. Он позволял уловить только те запахи, которые приносил с собой. Это всегда сужало спектр ощущений. Вот и сейчас это были только запахи листвы и реки. Больше ничего. Адучи прислушался. В последнее время его слух стал воспринимать настолько тихие звуки, что позволял услышать при определенной концентрации шум крыльев птицы в десятках метров над землей. Сейчас он различал лишь шорох травы, шелест ветвей, царапающих друг друга листвой, дуновение ветра, плеск текущей воды. Никого.

Адучи посмотрел на маску Наставника, пытаясь проследить направление его взгляда, но Айрук сразу уловил этот маневр и демонстративно завертел головой в разные стороны.

– Ничего не чувствую, – хмуро пробормотал Адучи.

Айрук пожал плечами, мол, нет и нет. Вдруг из-за того самого кедра, за которым еще недавно прятался сам Адучи, послышался радостный вопль, и к костру вылетела заостренная палка, воткнувшись у самых ног Наставника. Оттуда выскочил Унген, торжествующе взирая на раздраженного друга.

– Как никого не чувствуешь? А меня? – он захохотал и, кувыркнувшись, подкатился к огню.

– Ничего удивительного, – Айрук смотрел черными провалами глазниц в маске на обоих мальчиков. – Будь на твоём месте Унген, он тоже не заметил бы тебя. Поэтому не торопитесь разочаровываться в себе. Просто вам предстоит еще многому научиться. Вы только еще в самом начале Пути, а значит, запаситесь терпением и вниманием. Запомните: нетерпение – один из самых худших пороков.

Наставник встал и жестом позвал мальчиков за собой, шагнув в темноту. Адучи и Унген торопливо, но, стараясь не производить лишних звуков, последовали за ним.

Глубокая, непроглядная темнота ночного леса не позволяла видеть превратности ландшафта, и Адучи успел за несколько минут шесть раз споткнуться и два раза упасть, ощутило ударившись коленями и локтями о выступающие из земли корни и остроконечные камни. Судя по глухим звукам и сдержанному шипению, он понял, что Унген чувствует себя в темноте тоже

не очень уверенно. Еще через несколько минут они окончательно потеряли друг друга. Кричать Адучи не решился, поэтому оставалось рассчитывать лишь на свои возможности. Он замер, раскинул в стороны руки, растопыбив пальцы, и закрыл бесполезные сейчас глаза. Нужно было отпустить свои чувства странствовать по окружающей темноте. Только так, анализируя тончайшие импульсы, ощущаемые кончиками пальцев, словно антеннами, улавливающими невидимые волны, можно поймать слабый сигнал, выдающий чье-либо присутствие. Никого. Или Унген тоже замер, или ушел слишком далеко. О том, чтобы поймать ощущение Айрука, невозможно было даже мечтать. Он, скорее всего, специально устроил все эти блуждания. Что он там говорил? "Почувствовать нужно чем-то внутри себя". Чем? "Уловить волны". Легко сказать...

"Руки могут очень просто воспринимать невидимые волны. Ладони и пальцы могут не только улавливать их, но и собирать и даже излучать самостоятельно". Айрук учил их этому, продемонстрировав фокус с огнем. Он протянул руки к кучке сухого хвороста. –

Руки обладают на самом деле невероятным могуществом, – Айрук плавно поводил ладонями над сушняком, – они являются проводниками силы, которая находится где-то внутри нас. Но она не ограничена нашим телом, она связана с силой, которая разлита вокруг и которая насыщает все окружающее. Эти силы постоянно стремятся к воссоединению и, объединившись, они способны творить чудеса...

Костер, вдруг ни с того ни с сего вспыхнул, жадно пожирая сухие ветки.

– Все дело в способности освободить свои силы, – просто сказал Наставник и улыбнулся.

Адучи опять замер. Слабый зуд в кончиках пальцев задал направление. Ошибки быть не должно. Там, в темноте, должен находиться либо Унген, либо Наставник, потому что Адучи настроился именно на них. Айрук говорил: "Когда мы хотим найти кого-нибудь, мы уподобляемся охотникам, которые охотятся за ощущениями. А это значит, что мы должны довести наше тело до состояния, когда оно на расстоянии может отличить белку от оленя, используя для этого только лишь свои ощущения. Научиться выделять среди тысяч ощущений одно, вот истинное мастерство настоящего охотника. Сделать это сложно, особенно в самом начале обучения, потому что в этом мире излучает все...".

В данный момент Адучи был уверен, что обнаружил Унгена. Он медленно двинулся в выбранном направлении, стараясь соблюдать все тонкости этого искусства, которому настойчиво обучал мальчиков Айрук. Как-то раз он увел их далеко в тайгу...

– Ты боишься? – голос Наставника в нескольких шагах слева. Ничего не видно – повсюду тьма, уже давно наступила ночь. – Тьма для тебя – накидка. Она парализует твои органы чувств, с помощью которых ты привык ориентироваться в этом мире. Стоило прикрыть их, и все: ты ослеп и оглох, ты растерян и обездвижен.

Адучи протягивает руку вперед. Сплошной кустарник, впереди дороги нет.

– Она может делать с тобой все, что угодно, ты в ее власти. Сейчас ты подавлен и выступаешь в роли жертвы. Твой страх насыщает ночь опасными излучениями, звучащими на невидимых струнах пространства тревожными аккордами. Злобные существа, которые с легкостью улавливают подобные звуки, обычно приходят к их источнику, чтобы поживиться его силой. Причем человек или животное могут даже не увидеть до последнего момента

подстерегающую их опасность.

Адучи, широко раскрыв глаза, осторожно двигается вперед шаг за шагом, пытаясь разглядеть сплетение растительности впереди. Яркая ослепительная вспышка больно бьет по обостренному зрению. Адучи вскрикнул и завалился в сторону, упав на мокрый скользкий мох, устилающий землю под ногами. Этот взрыв света был похож на блик фотовспышки, сработавшей перед самым лицом.

– В темноте зрение работает совершенно по-другому. Зрачки сильно расширяются, привыкая к новым условиям. В это время глаза особенно уязвимы. Любой свет, особенно внезапный и сильный, парализует их. И чем сильнее источник света, тем дольше паралич. Сейчас ты попался на этот трюк. Будь я твоим противником, ты бы оказался полностью в моей власти. Любая ошибка в этом мире может стоить нам жизни, запомни это...

Из обожженных глаз побежали непрошеные слезы. Адучи постарался подавить их в себе, но не смог. Хорошо еще, что Унгена не было поблизости, было бы чертовски обидно, если бы он увидел его в таком беспомощном состоянии. Айрук прочитал его мысли:

– Унген сейчас находится в ста метрах от нас. Он лежит в овраге и размышляет о том, что только что было сказано тебе. Однако ему еще труднее, мне пришлось скрутить его веревками, потому что, ослепнув, он полез драться и очень рисковал окончательно лишиться зрения, наткнувшись на заостренную ветку.

Адучи хмыкнул, представив себе связанного друга, однако строгий голос Наставника заставил его вздрогнуть:

– Ахш... Ты расслабился сейчас, кеспочки, решив, что это только игра. Это тоже твоя слабая черта – делить происшествия на "важные" и "не важные". И пусть тебя не вводит в заблуждение мой голос. В следующий раз вместо меня может оказаться Кишгуш или любой другой из ночных духов. Они очень натурально могут подделывать голоса. Ведь сейчас у тебя нет никакой уверенности что я – это я, только знакомый голос. Сейчас ты опять полагаешься на свой слух, считая, что рядом Айрук. Но поверь, у тебя не должно быть никакой, абсолютно никакой уверенности в этом...

Адучи почувствовал, как липкий холодный страх пополз по спине, обвиваясь змеем вокруг позвоночника. Эти слова в темноте напугали его. Айрук – или кто-то другой – замер поблизости, очевидно, наблюдая за его поведением. Вдруг послышался слабый заунывный звук. Тело среагировало мгновенно, Адучи принял оборонительную стойку, выхватив из-за пояса небольшой охотничий нож. Движение впереди, и что-то мягкое и холодное коснулось его лица. Мальчик закричал и ударил перед собой, но нож вспорол пустоту. Нужно было атаковать, завладеть инициативой, не позволяя противнику переменить местоположение. Но о какой инициативе могла идти речь, когда все тело сковал железными тисками дикий неуправляемый ужас. К тому же Адучи вспомнил предостережение насчет веток. Острая ветка вполне может пробить глаз, горло или даже живот, если налететь на нее с разбега. Да и преимущества противника были очевидны, он явно видел каждое движение мальчика. Положение было безнадежным. Снова голос Айрука за спиной:

– Испуг заставил тебя забыть все, чему тебя учили. Тебе нужно обуздать свои чувства. Иначе ты мертвец. Человек внутри тебя будет постоянно обманывать. Нечеловек, который тоже является частью твоей сущности, будет постоянно спать. Незавидное положение. Вот сейчас, например, ты не можешь быть уверен, что я Айрук, но все дело в том, что у тебя нет никакой уверенности и в обратном. И ты можешь запросто пырнуть ножом своего Наставника только потому, что он решил немного поучить тебя. Ведь так? Брось нож, кеспочки... – последние слова не могли принадлежать Айруку. Они были произнесены злобно, с надрывом, с какой-то шипящей интонацией, не свойственной людям. И... затем спокойный голос Наставника с

противоположной стороны:

– Брось нож, Максим. Он тебе уже не поможет...

Адучи был готов потерять сознание от страха, но вдруг странная ярость обожгла его изнутри. Он замер, перехватив нож, как учил его Айрук, клинком к руке, крепко зажав рукоятку пальцами в захвате, именуемом "капкан". Вторая рука, согнутая в локте, закрыла горло открытой ладонью. Устойчиво расставив ноги, он уперся ими в водянистый мох и, издал пронзительный вопль: "Тэрь! Арк ахаш", – призывая на помощь Небо и направляя свою силу узким лучом вперед, перед собой, застыл, закрыв глаза. Так он простоял до утра, в настороженной дремполусне, готовый умереть и убить одновременно, иногда подбадривая себя и прогоняя сон звонким кличем: "Тэрь! Тэрь!". Голос лже-Айрука больше не беспокоил его, но гвозди страха, вбитые им в нервную систему, не позволяли телу ни на секунду поверить в то, что сейчас рядом никого нет.

Утренняя свежесть принесла с собой ощущение того, что все закончилось. Адучи открыл глаза и, пошатнувшись, осмотрелся вокруг. Невдалеке, прямо на земле, сидел кто-то в серой накидке, скрывающей закутанного в нее с ног до головы незнакомца. Адучи перехватил нож в другую руку и шагнул к неподвижной фигуре. Под ногой хрустнула ветка, и человек в сером, откинув капюшон, развернулся, поднимаясь на ноги. На Адучи смотрели застывшие черты бело-голубой маски...

Сейчас это воспоминание несколько взбудоражило нервы, и Адучи почувствовал, что теряет нить, ведущую его сквозь темноту к Унгену.

"Стойка для ходьбы ночью" могла бы показаться смешной и нелепой при свете дня любому человеку, не имеющему подобного опыта передвижений. Но, окажись этот человек ночью здесь, в безлюдном предгорье, погруженном во мглу, его движения оказались бы гораздо более жалкими и совсем не вызывающими улыбки. Здесь ставка – жизнь. Ночь и Лес ночью – категории, совершенно незнакомые современному человеку. Любое отклонение от специальной системы поведения обычно заканчивается трагически.

Адучи медленно двигался вперед. Одна рука – впереди, проводник и защита от возможной опасности. Другая – сбоку, прикрывает согнутым локтем бок и сжимает нож, готовый молниеносно поразить противника. Голова чуть наклонена вниз, подбородок защищает шею, почти прижимаясь к груди. Зрение расфокусировано. Ноги чуть согнуты в коленях.

Подул легкий ветерок, принеся с собой запахи гнили, тины и воды. Значит, справа болото. Адучи остановился и понял, что настройка безнадежно сбита. Придется применить хитрость.

Он практически на ощупь нашел иссохшее поваленное дерево, срезал ножом несколько веток и, выбрав на земле ровный пятак сухой земли, сложил их в кучу. Наклонившись, он сложил руки вместе и, образуя из двух пальцев – среднего и большого – кольца на каждой, соединил их между собой. Так учил делать Айрук, когда предстояло обращаться с огнем.

"Огонь – это энергия, это Сила. Тайшин обязан уметь управляться с огнем. Огонь – это одна из Сил, находящихся в основе мироздания, могущественных Сил, поэтому обращай с ней почтительно, как с одним из основных Духов-Помощников. Только тогда она не причинит тебе вреда. В нашем теле Огонь находится на кончиках твоих пальцев, средних пальцев на руках. Объединяя его с Пустотой, которая скрыта в больших пальцах, ты замыкаешь Силу в Кольцо и вызываешь ее к жизни...".

Адучи поместил руки перед собой и прошептал, склонив голову и обращаясь к древнему божеству, "Матери Огня", покровительнице шаманов:

– ОТ-АНА, согрей меня, дай мне огня.

Зажигать костер руками он, конечно, еще не умел, но зато Айрук научил его быть предусмотрительным. Из бокового кармана ветровки появился маленький кожаный чехол.

Адучи извлек из него серную бумажку, отломанную от спичечного коробка, и пару укороченных спичек. Все это было запаяно в полиэтилен и не боялось сырости даже в случае попадания в воду. Надорвав пакетик, мальчик чиркнул спичкой и поджег один из прутиков. Поразительно, но костер загорелся сразу, даже несмотря на обильную сырость, пронизывающую все вокруг, включая воздух! Это Огонь отвечал младшему брату взаимностью за уважительное отношение. Адучи еще раз поблагодарил Дух Огня за помощь и, удостоверившись в том, что пламя не погаснет в ближайшие пять-десять минут, стремительно покинул световой круг, образовавшийся вокруг пылающих веток. Свет от костра будет виден за несколько десятков метров. Адучи сознательно не стал сооружать заградительный маскировочный полог. Унген сам придет к нему. Нужно только занять удобную наблюдательную позицию и дожждаться его. Адучи выбрал в качестве подобного места старый ветвистый кедр в нескольких метрах от огня и, легко взобравшись по массивному стволу, лег на одну из толстых веток, практически растворившись в гуще иголок и темноты. Освещенная поляна раскинулась внизу как на ладони. Унген не мог уйти далеко. Костер наверняка ему виден, и десяти минут, отпущенных на сгорание сушняка, будет вполне достаточно, чтобы он пришел на маяк. Он, естественно, не сунется в светлое пространство, а будет бродить где-нибудь поблизости, в темноте, пытаясь вычислить хозяина костра. Но и этого будет достаточно. Здесь Адучи сможет без труда обнаружить его, как только погаснет последняя искра. К тому же скоро рассвет. Минут через тридцать начнет светать, и если Унген не объявится раньше, то можно будет просто громко позвать его. Утром это позволительно. Утром кермосы менее опасны и не смогут прийти на голос или, перехватив его, скопировать подобный и шептаться между деревьев, пытаясь обмануть Унгена, блуждающего где-то неподалеку. Это Правило: до рассвета не произносить громко ни одного слова. Обитатели ночного леса чутко ждут подобной оплошности.

Адучи молча смотрел сверху вниз. Вдруг ему показалось... нет, точно... где-то неподалеку человеческий голос! Ночью, в лесу!!! Это наверняка были Айрук с Унгеном, никого другого здесь просто не могло быть в это время суток! А люди внизу шли на свет костра и переговаривались друг с другом, не скрывая своего присутствия. Нет, это слишком явное нарушение правил! Может, это все-таки охотники? Голоса все ближе. Вот один, более тонкий, мальчишеский, это Унген. Неужели это все-таки он? Голоса замолкли. Адучи прислушался. Шаги уже рядом. Двое идут, продираясь сквозь кусты, словно два неуклюжих слепых медведя. Нет, Айрук не может так двигаться!!! Да и Унген... Снова заговорили:

- ...он где-то здесь...
- Конечно... костер зажег... вот тупица...
- Он, наверное, заблудился...

Это определенно их голоса. Но ведь голоса можно украсть...

Кусты раздвинулись, и на освещенную поляну вышел Айрук, за ним, озираясь, грузно вывалился Унген. Адучи облегченно вздохнул и хотел уже закричать им сверху, что они похожи на двух неуклюжих медведей, но что-то остановило его. Какое-то смутное беспокойство, какая-то неуловимая деталь заставила его промолчать и еще крепче вжаться в колючую хвою ветки. Он молча смотрел вниз, пытаясь определить причину этой настороженности, разглядывая Наставника и друга, ничего не понимая. Они вели себя, словно обычные люди, увидевшие ночью огонь костра в лесу. Наверное, все-таки урок был закончен. Айрук отыскал заплутавшего Унгена, и они вдвоем отправились искать Адучи. Ну конечно, поэтому и ведут себя так беспечно – кто же еще мог зажечь костер? Все просто. Нужно спускаться. Только...

Вот оно! Искры. Зеленоватые искры на острие огненных язычков. Да и свет огня

заметно побледнел, померк, стал тусклым. Адучи ощутил волну ужаса. Там, внизу, были не люди! Огонь предупредил его об этом. Это – визитная карточка "мынчаркермосов" – оборотней: зеленоватые проблески, появляющиеся в пламени при их присутствии. Кусты снова зашуршали, и к костру вышли... Айрук и Унген. Адучи судорожно вздохнул, еле сдерживая крик, которым он хотел предупредить тайшинов об опасности, но вновь прибывшие никакой опасности не замечали. Они спокойно подошли друг к другу и, совершенно невозмутимо обменялись фразами:

– Где он?

– Его здесь нет.

– Где?

– Он рядом. Я чувствую...

– Скоро рассвет.

– Он рядом...

Страх душил и обвивал мальчика ледяными щупальцами. Адучи хотелось превратиться в дерево, слиться с ним, понимая, что любое неосторожное движение выдаст его присутствие. Оказывается, украсть можно не только голос...

На поляну вышли еще двое. Айрук и Унген. Через минуту внизу было восемь "Айруков" и восемь "Унгенов". Одни сидели перед костром, пламя которого уже не искрило, а просто сменило цвет, став зеленовато– синим. Остальные бродили вокруг, переговариваясь. Если какой-нибудь заблудший охотник действительно вышел бы сейчас на призрачный свет костра, он бы наверняка лишился рассудка. Нереальные голубые отсветы освещали лица злоеще похожих друг на друга "близнецов", рожденных не человеком, а созданных из неизвестной людям, иной материальности.

Адучи почувствовал приступ тошноты. Она всегда приходит, когда мир вокруг перестает быть обычным. Живот горел изнутри, словно огонь костра перебрался туда, спасаясь от лесных духов. Сердце бешено колотилось, и мальчику казалось порой, что жуткие существа внизу прислушиваются к этому невероятно громкому стуку.

– Эй, ты...

– Ты где?

– Где? Где?

Духи звали его знакомыми голосами, и если бы мальчик не видел их сейчас, то непременно купился бы на этот обман.

Костер стал вдруг стремительно гаснуть и, наконец, совсем потух.

– Эй, мальчик, иди к нам... – звучало снизу, из темноты, и не было в мире ничего страшнее этого зова.

Небосвод вдалеке просветлел. Звезды стали, мерцая, исчезать одна за другой, растворяясь в синюющем небе. Близился рассвет.

Они сидели на каменном плато, поросшем кое-где пучками мел-кой рыжеватой травы. Внизу шумела быстрая речка, пробивая доро-гу сквозь каменистое дно ущелья. Позади сидящих темнел стройны-ми стволами горный лес.

Адучи был одет в простой серый халат, наподобие того, который носил Айрук. Шорхит был

наряжен в какую-то аляповатую хлами-ду, увешанную различными предметами. Заметив, что мальчик с лю-бопытством рассматривает его наряд, старик тихо спросил: "Нра-вится?".

– Да, очень. Но я... с трудом могу смотреть на него. Он ускользает от моих глаз. Наверное, это потому, что он слишком пестрый.

– Нет, – Шорхит развел в стороны руки, словно давая Адучи возможность более тщательно рассмотреть его одежду.

– Нет, – повторил он, – это не оттого, что на нем много всего. Твои молодые глаза справились бы с таким количеством деталей. Дело в другом: маньджак – шаманский кафтан – сдвигает уровень твоего внимания.

– К-куда?

– В другой мир. Он тянет тебя за собой, потому что в нем слишком много Силы. Он и сшит специально для того, чтобы в нем, как мог беспрепятственно выдержать давление иного мира и общество – его обитателей. Это необычный халат. Он является чем-то вроде скафан-дра для космонавта, но на самом деле его предназначение гораздо важнее. Маньджак шьется по особому внушению духа-кермоса. Это подарок и защита. Все его части сначала готовятся отдельно, а уже потом сшиваются вместе. Вот посмотри сюда. Да не так, не останав-ливай взгляд, отпусти его. Позволь глазам быть свободными. Основ-ная часть маньджака – шуба, шьется из белой овчины и сшивается сухожилиями. Это не просто дань традициям. Нитки могут все ис-портить, в них слишком много лишнего, они сделаны чужими рука-ми, а это опасно. Все должно быть продумано до мелочей. Рукава шубы обшиваются вот здесь, видишь, полоской из шкурки рыси. Вдоль нижней части рукавов подвешиваются медные бубенцы – "кюзюну". Их должно быть ровно девять штук. На правом – четыре, на левом – пять. Именно "кюзюну" служат каму защитой в чужом мире. Их звон – "шаныр" – отпугивает хищных духов. Вот здесь ты видишь специальные подвески для кисетов. Эта красная лента – пояс, "курдак". Боковая принадлежность маньджака – большой жгут из тем-ной материи, имеет голову и пасть. Называется она "Джутпа", чудо-вище подземного царства Эрлика. Набедренные принадлежности: когти беркута и лапы медведя. Наплечные – пучки перьев филина, совы и беркута. Части животных не просто символ. Животные нахо-дятся в особенных отношениях с миром, и это влияет на их способ-ность накапливать Силу. Поэтому кам усиливает защиту маньджа-ка посредством применения магических аспектов мира животных. На груди, вот здесь, швы с девятью узлами. Это ремни из козьей кожи.

– Шорхит, зачем ты это все так подробно рассказываешь мне? Старик усмехнулся и пожал плечами:

– Потому что ты вплотную столкнулся с миром шаманов.

– А разве учение тайшинов и учение шаманов – это не одно и то же?

– Не совсем. Нет такого определения – "учение шаманов". Шама-низм – это определение взаимоотношений с миром Силы. Термин "шаман" означает: "мудрый человек", "тот, кто знает", "тот, кто хо-дит между мирами". Есть еще и такое определение: "тот, кто владеет огнем духа". Эти состояния уникальны для каждого шамана в отдельности, поэтому говорить о шаманизме как об учении не совсем правильно. Многие техники, конечно, передаются из поколения в поколение, но единственным решающим звеном в общении с другими мирами остается способность каждого шамана в отдельности вос-принимать эти миры.

– А "Тай-Шин"?

– "Тай-Шин" – что одна из форм шаманизма, это одна из дорог, но которой двигаются к Бесконечному Синему Небу люди объединенные общим мироощущением. Это Клан, в который объединились, для определенной миссии, воины-шаманы, чувствующие невидимое.

– Воины? А с кем они воюют?



Старик, прищурившись, посмотрел Адучи в глаза.

– Тебе еще предстоит это узнать...

Он помолчал немного, разглядывая мальчика, а затем опять заговори:

– Сейчас высоко в горах до сих пор существуют культы, которые практикуют различные формы древнего шаманизма, основанные на самых мрачных ритуалах, вплоть до человеческих жертвоприношений. Эти культы практикуют самые примитивные, древние формы языческой магии. Многие считают, что шаманы изначально принадлежат к "Кара Янг" – "Черной вере", потому что первый шаман, Янгара, со-гласно преданию получил свой бубен от Эрлика, хозяина Подземного Мира. К "Белой вере" – "Ак Янг" причисляют ярлакчи – "белых шаманов" и бурханистов, людей почитающих Белого Бурхана. О тайшинах на Алтае пока знают лишь единицы. Знаешь почему? Потому что тайшины ходят между Светом и Тьмой. Они могут прятаться в тених, принимать облик птиц и зверей, растворяться в сновидениях. Их путь соткан из невесомых нитей лунного света, по которому может ступать только легкая нога Шамана. Но им ведома и солнечная дорога Вои-нов, уверенно идущих по огненным лучам. Они могут ходить где угод-но, потому что свои пути они выбирают себе сами. Четыре Ветра – Четыре стороны света... Тот, кто чувствует в своем сердце Силу, не заблудится нигде, какое бы направление он не выбрал.

Прищурился, Шорхит смотрит вдаль, на горизонт, исчезающий в небесной синеве.

– Люди запутались в том, что они называют Добром и Злом. И очень часто они принимают одно за другое. Тайшины другие. Они открыли для себя ИТУ-ТАЙ, и это открытие освободило их. Это мо-гущество особого рода. Тому, кто хотя бы раз прикоснулся к этой запретной сфере знаний, уже невозможно вернуться к прежней жизни, потому что она что-то безвозвратно меняет в людях, делая их другими. Не хорошими, не плохими, а просто – другими. А ты не-просто прикоснулся к ней, ты – тайшин по крови, ты уже родился с печатью Силы в сердце. Поэтому я и говорю, что твоей судьбой явля-ется ИТУ-ТАЙ. Сила привела тебя сюда, на Алтай, на перекресток Миров, в самое сердце магии, и теперь ты уже не сможешь больше жить обычной жизнью. Но для того, чтобы жить жизнью иной, тебе нужно многому научиться. Тайны шаманизма не будут для тебя лиш-ними, хотя многие из тайшинов считают их областью знаний, слиш-ком отягощенной древними ритуалами. В любом случае, я бы хотел передать тебе многое из того, что знаю сам. К сожалению, сегодня время нашего общения истекает, ты не можешь больше находиться здесь. За тобой приехал твой отец, он ждет нас в моем доме. Ты много получил от нас за эти три коротких месяца, но еще больше знаний и силы ожидает тебя впереди. Ты уедешь сегодня, и мир людей опять будет пытаться завладеть твоей душой. Но что-то в тебе уже начало необратимо ломаться. Там, в городе, это может доставить тебе массу хлопот и огорчений. Может даже случиться так, что ты забудешь обо всем, что видел, слышал и узнал здесь. Такое случается на первых порах обучения. Это следствие того, что общество попытается вернуть тебя к прежнему способу воспринимать мир. Если так случит-ся, это может послужить препятствием к твоему дальнейшему по-стижению ИТУ-ТАЙ. В этом случае ты должен будешь найти в себе силы и заглянуть вглубь себя, в темноту, в самую пугающую часть своего подсознания, и тогда там ты обнаружишь нас, и мы найдем способ вернуть тебя.

– Шорхит. я никогда вас не забуду! – Адучи улыбается старику.

– Не зарекайся, мой мальчик. Помни, ты один из Тай-Шин, поэто-му мы всегда будем

рядом. Ничего не бойся. И даже если ИТУ-ТАЙ пугает тебя, поверь, этот страх ничто по сравнению с тем, что творит-ся в человеческом обществе на самом деле. А сейчас ты должен попрощаться с горами и тайгой, в которых проходило твое обучение, – это жест благодарности и уважения, тайшины всегда относятся по-добным образом ко всему, что их окружает и тем более делится с ними своей Силой. Ты должен сделать жест магический жест, та-ким жестом издревле пользуются на Алтае и камы, и обычные люди. Отрежь от своего халата тонкую полоску ткани. Мы называем ее – "ялама", знак договора людей со своей землей, с духами природы и духами предков. Ты часто видел, что на многих перевалах или просто памятных местах стоят увешанные такими лентами деревья. Так люди выражают свое уважение и почитание Алтаю, который бережно хранит в себе множество величайших тайн, кости предков и живительные силы для новой жизни. Наша древняя родина – "Алтай-Хангай". Русские, буряты, монголы, калмыки, тувинцы, киргизы, хакасы и еще множество народностей связывают с Алтаем события сноси мифической и реальной истории. Ты тоже связан с Алтаем прочны-ми нитями. Поэтому ты снова и снова будешь возвращаться сюда, чтобы восполнить свои силы. Ялама, которую ты сейчас оставили, здесь, будет своеобразным мостиком, частичкой тебя, которую ты жертвуешь этой сказочной земле в надежде на скорейшее возвращение. Повяжи ее на кедр, лиственницу или березу. Это священные деревья. Какое из них тебе больше нравится?

– Кедр. Или нет, береза. Сейчас я хочу повязать ялама на березу.

– Очень хорошо, значит, береза. Это на самом деле удивительное дерево. Для тайшинов береза – это особенный символ. Она отныне, как и кедр, тоже будет твоим защитником и помощником. Береза с золотыми листьями... Это дерево – лестница, "Бай кайым" – священная береза. Повяжи свою ялама вот сюда, но не сильно, не передавливай ветку, чтобы не повредить кору и открыть доступ к воздуху и к влаге. Вот так, отлично. Теперь давай сядем под этой березкой, нам еще предстоит кое-что сделать.

Шаман достал из сумки, лежащей рядом с ним, горсть серых полу-прозрачных камешков и длинное орлиное перо, протянул камни Аду-чи и вложил их ему в раскрытую ладонь:

– Сожми их крепко-крепко, до боли в руке. Вот так. Теперь посмот-ри на меня. Слушай. Слушай ветер, горы, деревья, реку. Слушай го-лос орла высоко в небе. Слушай шепот Силы внутри и вокруг себя. Слушай меня и нечто, пробуждающееся в твоей душе. Слушай, пока все звуки не смешаются и не утекуют, став тишиной. Тогда ты все поймешь. Все...

Словно сквозь пелену тумана Адучи смотрел на морщинистое лицо старого алтайца. Шорхит что-то говорил, но слов уже не было слышно. Их поглотил какой-то посторонний звук, который был повсюду. Он звучал все сильнее и сильнее, словно вырываясь из-под земли, заставляя дрожать все тело. Адучи даже не успел испугаться, настолько этот звук поглотил все внимание, все чувства. Внезапно будто лопнула невидимая струна, которая и была источником этого звука. И сразу воцарилась тишина. Абсолютная, оглушающая, безграничная.

Шорхит протянул ему еще что-то. Орлиное перо. Легкое прикосновение ко лбу, к щекам, к шее... Шаман будто рисовал на его лице невидимые рисунки. Небо вдруг стало стремительно темнеть, слов-но кто-то огромный в одно мгновение закрыл солнце. В сгустившейся темноте замелькали повсюду расплывчатые суетливые тени. Нуж-но было отпугнуть их рукой, но рука уже ничего не чувствовала, оче-видно, по-прежнему сжимая теплые маленькие камни.

Что это, сон? Опять прикосновение к лицу. Мелодичный удар на-рушил тишину, загудев внутри вибрирующим аккордом. Сознание закачалось, и, сорвавшись с отвесной скалы, ухнуло в глубокую про-пасть, покрытую мглой. За мгновение до этого Адучи успел увидеть, как шаман ударил в огромный, невесть откуда взявшийся, тюнгур – бубен изогнутой деревянной колотушкой...

(Главы-ретроспекции, 1992 г., Барнаул)

– Алло, это Анатолий?

– Да, слушаю вас.

– Он сбежал.

– Кто? Араскан, это ты?

– Да это я. Он сбежал от нас.

– Как сбежал? Почему?

– Он сильно испугался. У нас уже почти все получилось, но он не выдержал. Не поверил мне. Обвинил меня в том, что я давал ему психотропные вещества. Он считает, что его хотят сделать членом какой-то секты и поэтому гипнотизируют и зомбируют. В общем, он прервал все эксперименты и убежал. Вероятно, сейчас он находится на пути в Барнаул.

– Елки... Араскан, но как же так? Что теперь будет?

– Не знаю. Мы растормозили центр его восприятия и погрузили его в глубинные участки памяти. Он многое вспомнил, но затем по-считал это все следствием наркотического внушения и гипноза.

– Балбес!

– Не надо так. Ему действительно трудно сейчас. Нужно его под-держать. Постарайся перехватить его, потому что он вряд ли поедет домой. Тебя, между прочим, он тоже считает причастным к его "одурманиванию", поэтому учитывай это, когда будешь общаться с ним.

– Ну, как же так...

– Мы тоже будем искать его. Я думаю, уже к вечеру завтрашнего дня Айрук его найдет.

– Дай-то бог... Но что дальше?

– Мы уже не можем останавливаться. Все зашло слишком далеко. Ему угрожает сейчас реальная опасность. Поэтому его нужно сроч-но вернуть...

\* \* \*

Прикосновение. Легкое, как ажурная паутинка. Невесомое, словно рука призрака, ласкающее кожу. Максим вздрогнул и открыл глаза. Лунный свет пробивается сквозь плотные шторы и ложится на предметы в спальне, делая их зыбкими и нереальными. Максим облизал пересохшие губы и повернулся к Ольге. Она крепко спала, накрывшись легким одеялом. В комнате было холодно

Максим подумал, что еще можно попытаться уснуть, но холод был таким нестерпимым, что все надежды на сон пропали, что было даже к лучшему – в призрачном свете луны скрывалось ощущение надвигающегося Наваждения. Пугать Ольгу сейчас, когда она поверила или сделала вид, что поверила ему, было особенно нежелательно.

Максим откинул одеяло и, зябко поежившись, стал осторожно передвигаться к краю кровати. Ольга пошевелилась, и он замер на мгновение, зависнув над ней, мысленно умоляя ее не просыпаться. Часы показывали два часа ночи. Их мертвенно-зеленый свет отражался на матовой поверхности спального столика двумя размытыми пятнами. Максим встал на холодный пол и подошел к окну, выглядывая на улицу. Так и есть, выпал первый снег, покрыв все на улице тонким слоем чистой белизны. Луна. Яркий

диск Луны застыл в дымке серебристо-серых облаков, словно предупреждая о чем-то. Максим поспешно отошел от окна. Все-таки хорошо, что он проснулся. Те-перь нужно просто переждать ночь. Подумав мгновение, он пошел на кухню, зажег конфорку плиты и, поставив на нее чайник, сел на табуретку, рассматривая бледно-голубые язычки огня, лижущие ме-талл. Это зрелище несколько успокоило его, и Максим вдруг понял, что весь дрожит, но не от холода. Причиной этой дрожи был не хо-лод, а что-то вроде внутреннего напряжения, тягучего страха. Предчувствие. Что-то было не так вокруг, как-то непривычно, тревожно. Эта проклятая ночь, и Луна... Утром все будет по-другому. Но до утра нужно еще дожить.

Какое-то движение в коридоре. Максим увидел его краешком гла-за, какая-то тень переместилась из одного угла коридора в другой. Показалось? Ковров встал и, неслышно ступая по полу, осторожно стал двигаться во тьму квартиры. Ощущение чужого присутствия было слишком явственным, чтобы списать это на игру воображения или обман зрения. Руки он выставил перед собой, но не сжав их в кулаки, а выпрямив ладони, чуть-чуть подогнув пальцы. Паркет под ногами предательски поскрипывал, и эти звуки нарушали концент-рацию, мешая сосредоточиться. Какое-то движение сбоку! Максим развернулся и, сдерживая крик, чуть не выбросил вперед руку для удара. Зеркало. Ну конечно, зеркало. Огромное квадратное зеркало в человеческий рост. Оттуда на Коврова смотрело испуганное и вскло-коченное отражение в трусах, застывшее с вытянутыми руками, слов-но пугало, лишившееся одеяния.

Максим облегченно перевел дыхание и, рассматривая себя в зер-кале, улыбнулся. Было любопытно смотреть на свое отражение в тем-ноте. Что-то жутко притягательное было в этом созерцании, какая-то особая прелесть, не объяснимая рационально. Сразу отчего-то вспомнилась старинная китайская легенда про зеркало. Она гласи-ла, что в эпоху Желтого Императора мир зеркал и мир людей не были разделены. Люди из зеркального мира тогда свободно приходили в этот мир из Зазеркалья и так же свободно уходили обратно, за глад-кую поверхность, когда им вздумается. Но однажды, кстати, именно ночью, весь зеркальный народ проник в реальный мир, и это созда-ло грандиозный переполох и путаницу в мире людей. Зеркальные двойники силами Желтого Императора были с большим трудом заг-наны обратно и заточены в зеркалах, чтобы повторять в наказание все движения людей, как в глубоком сне. Но существует пророче-ство, что рано или поздно они пробудятся от этого полусна.

Максим усмехнулся. Зеркальному человеку в отражении, судя по его внешности, действительно снился сейчас не самый лучший из снов. Вдруг... зеркальный двойник... развел в стороны руки и, хотя Ковров стоял неподвижно, задрожал... и прыгнул из мира отраже-ний наружу. Максим в ужасе закричал...

Болезненные уколы света по сверхчувствительному зрению. Ка-кие-то мучительные тягучие звуки. Перспектива на миг прояснилась, и Максим понял, что лежит на полу, а над ним склонились люди. Озабоченные чужие лица, испуганная Ольга... Все тело тряслось, словно через него пропускали ток, по лицу ручьями лился соленый пот, заливая глаза. Скулы свело судорогой, но Максим сумел выда-вить из себя первое, что пришло в голову: "Се... сердце".

Пусть думают, что у него сердечный приступ, как будет лучше. Мак-сим почувствовал, что опять проваливается в темный подвал сновидения. Фокус зрения сузился и в световом пятне, напоминающем круг от сценического софита, осталось только грустное и растерянное лицо Ольги. Потом оно изорвалось изнутри ослепительной тьмой, и снова пришли сны...

\* \* \*

Больница. Вращение сознания, раскручивающее потолок, окна, стены. Потом опять сны и опять круговерть яви. Это чередование порождает странное состояние-град, между явью и сном исчезает. И вот уже трудно отличить одно от другого. Вспышки. Они озаряют фрагменты каких-то сцен из чьей-то жизни. Что это? Прошлое или будущее? А может, это настоящее?

...Листопад. Поселок. Река. Ярость. Неистовый натек. Небо. Муравьи в лабиринтах хвойных игл. Глаза волка. Парение. Сила тела, сила мышц. Человек в черном...

"...Йорм. не приходи больше. Иначе я сойду с ума...".

"Привет, Оля. Как ты? Я? Нормально. Нет, правда, мне уже луч те...".

"Я не наркоман, и не психбольной... Я нормальный. Нормаль-ный!!!".

"Л я тебя вижу... Эй, Зеркальщик, подкараулил все-таки? Пука убирайся прочь...".

"Привет, пап. Я в порядке. Что случилось? Я тебе потом расскажу. Как там наши? Как мама, бабушка, Тим? Как Арчи?".

"Ольга, уходи. Уходи и никогда больше не появляйся здесь! Ни-ког-да!".

"Это все ложь... ложь... ложь".

"Отец, почему ты мне сразу все не рассказал? Я бы понял...":

"Йорм, ты кто? Ну что ты молчишь?".

"Ольга, мы разные с тобой, я это чувствую, и чувствую, что ты тоже это понимаешь. Ты мне не веришь – это самое страшное! Мы никог-да не сможем...".

"Сестра, выключите, пожалуйста, свет. Я хочу полежать в темноте".

"Тэрь! Тэрь!!! Арк ахаш...".

\* \* \*

– Алло, Анатолий Петрович?

– Да, с кем я говорю?

– Это Ольга...

– А-а. Я понял. Здравствуйте, Оля.

– Добрый день. Извините за беспокойство, Максима я могу услышать?

– К сожалению, это невозможно. Его здесь нет.

– А где он?

– Я не знаю.

– Как же так. В больнице его тоже нет. Его выписали?

– Не совсем. Он ушел оттуда, и, где находится сейчас, мне неизвес-тно. Если хотите, мы можем встретиться, поговорить. Он мне расска-зывал о вас.

– Простите, Анатолий Петрович, но я... Мы с ним не очень хорошо расстались там, в больнице. Я, наверное, обидела его своими дурацкими подозрениями. Он вам ничего не говорил?

– Он не говорил. Но я могу представить себе его состояние. Видите ли, Максим переживает сейчас очень трудное время. И он, вероятно, очень рассчитывал на вашу поддержку. Мне, конечно, не следует вмешиваться в ваши отношения, но... Я думаю, вам обяза-тельно поговорить друг с другом, когда он объявится.

– Вы думаете, он захочет со мной разговаривать?

– Это будет зависеть от тебя. И от того, каким Максим вернется.

- Ясно... Извините меня еще раз.
- Ничего, тебе не стоит извиняться. Так ты зайдешь к нам?
- М-м, наверное, нет, Анатолий Петрович, спасибо. Это ничего уже не изменит. Я позвонила, просто чтобы узнать, как у него дела...
- И все?
- Все. Извините. До свидания.

## 5. БЕГЛЕЦ

(Глава-реконструкция, 1999 г., Москва)

### АУДИОЗАПИСЬ ГРД 12.3

УСО. Технический отдел.

Информация только для руководящего состава оперативной части МУР ГУВД г. Москвы.

### ФОНОГРАММА

Доп. инф.: УПД 18 (выдержки) 18.06.99.

Участники:

1. Начальник УСО ОРУ МУР, подполковник Николаев А.В.

2. Свидетель по делу УПД 18 – г-н Лагутин А.В.

Н: Александр Владимирович, все, что вы рассказали мне сейчас... несколько неожиданно и необычно, признаюсь вам. Хотя это мно-гое объясняет, но, в свою очередь, возникает еще больше вопросов. Значит, вы утверждаете, что вам сейчас где-то около ста лет? Это невероятно!

Л: Да, я понимаю ваше недоверие. Но я привык к своему возрасту, хотя он уже начинает меня тяготить.

П: Скажите, а остальные... "долгожители" тоже являлись сотрудниками этого пресловутого Института?

Л: Конечно. Мы все были участниками одного проекта.

Н: Все пять?

Л: Нас было больше... тогда. Мы были "Первой Волной". Но после 53-го нас осталось всего шесть. Один из нашей шестерки погиб и 67-м году. С тех пор нас оставалось пятеро. До недавнего времени. Те-перь, я полагаю, нас всего двое.

Н: Двое? Кто же второй?

Л: Ловкач. Не помню точно фамилии, под которой он живет сей-час. Па... Батыров что ли? Хан знал. Он называл мне ее, но я забыл. А Хан как-то ее узнал. Он все про нас знал.

Н: Хан-это...

Л: Лев Гото. Он полувьетнамец. Вы должны тать, наверное, он один из трех убитых.

Н: Я-то знаю, а вот вы откуда располагаете подобной информацией?

Л: По вспышкам.

П: В каком смысле?

Л: Это образное выражение: "Последний Крик". Я чувствовал смерть каждого из нас в виде вспышек, которые слегка обжигают энергетический кокон. Этих вспышек было три. Смерть Ловкача я не чувствовал, значит, и он, и я остались в живых, остальные...

Н: М-м, интересно. Вы можете чувствовать смерть любого человека?

Л: Нет. Ежеминутно на этой планете умирают десятки людей. Если бы я мог ощущать их "Крики", то наверняка уже давно бы лишился рассудка. Это, знаете, не очень приятное ощущение. Я могу чувствовать только эргомов – "долгожителей". Наши энергетические тела подвергались воздействию одного резонансного Поля, поэтому мы могли чувствовать друг друга. Особенно последний всплеск энергополя во время смерти. После Института мы оказались связаны какими-то незримыми нитями, это и послужило причиной того, что та-кие вспышки ощущались всеми нами.

Н: То есть, если этот второй из вашей двойки – Ловкач – сейчас вдруг погибнет, вы это сразу почувствуете?

Л: Вне всякого сомнения. И вы знаете, мне кажется, что этого момента долго ждать не придется.

Н: Почему?

Л: Потому что мы все скоро погибнем. За все нужно платить. А мы получили в свое время очень ценные Дары. Теперь настало время погасить задолженность. Кредитор, как я понимаю, уже прибыл.

Н: У вас есть предположения, кто это может быть?

Л: Да, есть. Но мне кажется, вам вряд ли поможет мое мнение на этот счет.

Н: Почему вы так считаете?

Л: Потому что вы мне не верите. Вернее, верите, но не до конца. Я чувствую это, меня невозможно обмануть. В это вообще очень трудно поверить: Институт, "долгожители"... Я бы на вашем месте тоже засомневался.

Н: Я не буду столь категоричен. Не скрою, некоторые моменты меня действительно несколько смущают, но в целом картонка, описанная вами, достаточно достоверна. Видите ли, мы обнаружили некую биологическую аномалию практически у всех ключевых фигурантов этого дела. Поэтому ваш рассказ хотя и шокировал меня, но, тем не менее, я подготовлен.

Л: Так вы все знали?

Н: В общих чертах, и далеко не все. Только то, что убитые имели необыкновенное здоровье. В обычном случае этот факт вызвал бы просто большое удивление у патологоанатомов.

Л: Тогда, я думаю, вы должны воспринимать меня серьезно. Видите ли, я ведь на самом деле не за защитой сюда пришел. От этого невозможно защититься. Даже в ваших изоляторах. Тот, кто убивает нас, не просто убийца. Это знамение, рок. И он будет преследовать нас, всех до единого, пока не уничтожит.

Н: В чем причина подобной ненависти?

Л: Нет, это не ненависть. Вам будет трудно понять меня. Для этого нужно родиться сто лет назад, пройти семь кругов ада в стенах Института, почувствовать то, что скрыто от обычных людей, на расстоянии вытянутой руки... Он убивает нас не из-за ненависти, а потому, что мы шагнули за грань дозволенного. Потому, что мы стали опасны для людей. Потому, что плюнули в "руку дающую". Потому, что обманули его. Или не его, но одного из них.

Н: О ком вы говорите?

Л: Хорошо. Если у вас есть немного времени, я расскажу вам. Так будет даже лучше. Я ведь за этим сюда и пришел. Надоело, знаете ли, это все в себе носить. Перед смертью хочу все рассказать. Покаяться, что ли...

\* \* \*

Л: Итак, как я уже говорил, Институт возник давно, в начале тридцатых годов. Коллегия ОГПУ ассигновала огромные деньги на со-здание первой Спецлаборатории, занимавшейся целым рядом про-блем: секретные исследования биополя и экстрасенсорных возмож-ностей человека, изучение ясновидцев и колдунов, поиск "кундалини", или так называемой "сидеральной Силы". Спектр разработок был довольно широк. Лаборатория функционировала сначала на базе Политехнического музея, потом – Московского энергетическо-го института. Затем под строжайшим контролем органон был создан ВИЭМ – Институт экспериментальной медицины. Начальником этой Спецлаборатории был ваш тезка, Александр Васильевич Барченко. О нем много стали писать сейчас. До революции он был изве-стен как журналист, писатель, теософ, мистик. Потом он стал уче-ным, консультантом Главнауки. Он, в общем-то, этот Институт и создал. А в июне 37-го его и всех сотрудников "нейроэнергетической лаборатории" арестовали. Но не в этом суть. Дело в другом. Барченко тогда все искал встречи с адептами какого-то тайного мистическо-го общества. Подробностей я не знаю, я тогда еще не входил в круг руководителей Института. Но мне известно, что он очень настойчи-во добивался этих контактов. Время тогда было очень напряженное, сумасшедшее, можно сказать. Пристальный интерес советской раз-ведки к экспедициям Рериха, дипломатическая и разведывательная деятельность в Индии и Афганистане. Большевики искали Шамба-лу. Барченко тоже ее искал. Но у них были разные цели. И рано или поздно они должны были войти в диссонанс. В середине 30-х Бар-ченко начал готовиться к большой экспедиции на поиски Шамба-лы. Но у него что-то произошло с комиссаром экспедиции – Яковом Блюмкиным. В 38-м году Барченко расстреляли. Не знаю, встретил ли он тех, кого искал? Тогда ходили слухи, что поверенный какого-то Далай-ламы дал санкции на установление контактов с большевика-ми. Как это касалось Барченко, я не понял. Куратор Лаборатории –9-й отдел ГУГБ – изолировал все материалы, связанные с его дея-тельностью. Но тут есть один очень интересный момент: Барченко, будучи еще на свободе, опубликовал крайне любопытную гипотезу о том, что активность Солнца коррелирует с биологическими и соци-альными процессами на Земле. Так вот, я тогда не придавал этому большого значения. В 1949 году нашу группу перевели в один из филиалов Института, где находилась секретная лаборатория, кото-рая занималась оккультизмом. Цели ставились все те же: нетради-ционные способы получения информации, проблемы времени и пространства. И куратор остался тот же – Министерство госбезопаснос-ти. Научным руководителем лаборатории был некий Кобзев. Это было колоссальное хозяйство – в лесу, под землей, десятки бункеров и целая система бетонных коридоров. Там находились сотни чело-век, и туда же перевели нашу группу для участия, как нам сказали, в одном очень важном для государства проекте. Мы еще тогда никак не назывались. Это потом нам дали название – "эргомы". Оно явля-ется производным от аббревиатуры "ЭРМ" – Энергорезонансная Мо-дуляция и "Могло" – человек. Эта Модуляция была ключевым зве-ном в целой серии программ, объединенных одним большим проек-том – "МИТРА".

Н: "Митра"??!

Л: Ну да, Бог Солнца в Персии. Кроме того, культ Митры был ос-новным в Риме во времена империи. Сначала проект хотели назвать "АГНИ", но потом почему-то решили дать ему иное название.

Н: А почему – "Митра"?



Л: Честно говоря, не знаю, кто дал этому проекту такое название, могу только предположить. Но смысл названия очевиден. Дело в том, что Митра являлся богом Солнца, а проект с одноименным названием подразумевал поиск и применение особой, новой, мощной энергии, при помощи которой можно исключительно эффективно влиять не только на жизнеспособность организма, но и на социальные процессы.

Н: Что это за энергия?

Л: Оргон. Особая энергия, испускаемая Солнцем. Она пропитывает и насыщает всю атмосферу, почвы и воды нашей планеты. Барченко положил начало, а лаборатории Кобзева было поручено на практике добиться выделения этой энергии, ее усиления и осуществления с ее помощью сложнейшего технологического процесса – ЭР-Модуляции. Разработки в этой области велись с тридцатых годов, но достичь практической реализации удалось только в 1951 году. И то, можно сказать, что только ряд некоторых нюансов позволил во многом форсировать разработку данной технологии.

Н: Что это за нюансы?

Л: Видите ли, Институт за все время своего существования разработал десятки сложнейших и уникальных проектов, но большинство из них было ориентировано на "оборонку". Что поделаешь, превратности военного и послевоенного времени. Это и создание сенсорного сверхстимулятора "ГРОМ", используемого в некоторых армейских спецподразделениях. Создание системы факторов, провоцирующих резкую инициацию сердечно-сосудистых и язвенных заболеваний, – проект "ГНИЛЬ". Выделение энергетического тела для проникновения в закрытые объекты потенциального противника и для разведки во время ведения военных действий – проект "ДЫМ". Создание психотронных излучателей для дестабилизации биоэлектрической активности головного мозга на расстоянии – проект "ЛУЧ" и так далее... Но скажите мне, о чем думают вожди, пресытившиеся властью и богатством? Конечно же, о своем бесценном здоровье и о своей драгоценной жизни! Поэтому проекту "МИТРА" был присужден максимальный уровень секретности и сверхсжатые сроки реализации. Но, как я понял, здесь было все не так просто. Дело в том, что знания, положенные в основу проекта, были, вероятно, переданы Барченко адептами той самой тайной общины, которую он так сильно стремился найти. Причем, у меня есть подозрения, что он разрабатывал проект втайне от своих надсмотрщиков, пользуясь оборудованием Института. Это, наверное, и сыграло свою роль при вынесении ему столь сурового приговора. Но это лишь мои предположения. В любом случае, после его смерти работы по оргону встали. Но проект оказался необходим руководителям страны, и Кобзеву было поручено найти недостающие звенья головоломки, которую не успел собрать Барченко. Это была очень сложная задача, но Кобзев с ней справился! И знаете, с чьей помощью? Возможно, тех самых таинственных эмиссаров, которыми, вероятно, бредил первый руководитель Института...

\* \* \*

Л: Проект "МИТРА" был поначалу несколько, так скажем, сомнителен для практической реализации. Изначально разрабатывались два других проекта – "Феникс" и "Кедр". Первый предусматривал создание целого спектра медикаментозных химпрепаратов, влияющих на предотвращение старения клеток,

повышение резистентности организма и его регенерационных возможностей. Эти препараты применялись в комплексе с аппаратным воздействием: излучатели, генераторы, электростимулирующие системы. Проект "Кедр" являлся совокупным опытом народной медицины, от фольклора до вестей, и даже иностранных целителей, владеющих специфическими методиками оздоровления. Между прочим. Хан – это сын одного из них, вьетнамского целителя Гото, потрясающей силы экстрасенса, как сейчас модно говорить. Так вот, образ могучего вечнозеленого дерева привлекал вождей своей незыблемой жизнеутверждающей силой. Тогда десятки экстрасенсов были собраны со всей страны, чтобы внести свой посильный вклад в оздоровление управляющей власти. Тогда и мы, те, кто обладал Даром, были сняты со ставших уже второстепенными оборонных программ и направлены на поиск "вечной молодости". В принципе нам было все понятно. Сталин тогда особенно цеплялся за жизнь, видимо, предчувствуя скорую смерть. Некоторые из нас чувствовали что-то смутное, непонятное, но очень страшное, как-то связанное с Отцом народов. Были даже робкие предположения, что он тоже обладает Даром. Мы ведь с особой чуткостью чувствуем друг друга, ощущаем Дар в человеке.

Н: Э-э, простите, Александр Владимирович, ваш рассказ становится все более интересным, но я не могу понять несколько положений. Получается, что Институт, собравший в своих стенах лучших экстрасенсов страны и, как вы говорите, даже из других стран, располагающий мощнейшей технической базой, не успел реализовать заказ умирающего Вождя, так?

Л: Не торопите события, Александр Васильевич. Видите ли, ни "Феникс", ни "Кедр" не оправдали его надежд, хотя и внесли гигантский вклад в отечественную медицину и целый ряд других наук. Но нужно было что-то большее. Что-то, что перевернуло бы все представления существующей науки. И вот тогда, в 1950 году, появился Абракасас.

Н: Кто?

Л: Абракасас. Так, во всяком случае, его называл Литовченко, мой коллега по Институту. Именно через него с нами и вышел на контакт этот загадочный человек. А что касается его имени, то, скорее всего, это псевдоним.

Н: Скорее похоже на греческую фамилию.

Л: Нет-нет. Он был русским. Литовченко еще иногда называл его Иваном. Условно или нет, не могу сказать наверняка. Но мы тоже звали его так.

Н: Простите, а кто это – мы?

Л: Литовченко, Кобзев и я. Три человека, которым позволено было узнать эту тайну.

Н: Тайну?

Л: Да, тайну Солнечных Лучей.

\* \* \*

Л: Это был необыкновенный человек. Он не производил впечатления ученого, но всю информацию мы получали от него. С ним всегда рядом был еще один человек – Оберон. Что-то вроде телохранителя или секретаря-референта. Он и обеспечивал нам встречи с Иваном: беспрепятственный выезд за территорию Института, конфиденциальность и полную конспирацию самих встреч. У меня даже сложилось впечатление, что Оберон принадлежал к высшим кругам МГБ. Во всяком случае, офицеры госбезопасности, курирующие нас, держались с ним почтительно. Но он был обычным человеком, чего нельзя сказать об Иване. Никто не знал, кто он и откуда пришел, но все мы чувствовали – это был очень непростой человек. Он определенно

обладал Да-ром, который тщательно скрывал. Из нашей тройки я, пожалуй, один был способен проникать в разум другого человека. Абраккас же был всегда недоступен для меня. Мой Дар наткнулся на невидимые барьеры, препятствующие постижению его чувств и желаний. Именно он, Абраккас, этот загадочный Иван, и собрал нас однажды на какой-то загородной даче и предложил участие в сумасшедшем эксперименте. Он предложил нам также описание технологии, которая включала в себя использование оргона. Затем он намекнул на идеи Барченко относительно этой темы и на то, что проект можно возобновить. Я еще тогда подумал, не этого ли человека разыскивал всю свою жизнь, первый начальник Института? В общем, мы согласились. Так появимся в разработках Института, на этот раз вполне официально, проект "МИТРА", который с одной стороны контролировало МГБ, с другой более детальной – Иван и Оберон.

Н: А скажите, Александр Владимирович, ведь получается, что и строго засекреченном, режимном учреждении, имеющем отношение к самым охраняемым тайнам государства, вы пошли на сомнительный сговор с сомнительным человеком, не имеющим даже нормального имени и фамилии?

Л: Поймите вы, этот человек открыл нам такие тайны, перед которыми меркли все условности, связанные с наказующими санкциями за подобные поступки. Я, например, очень хорошо теперь понимаю поведение Барченко. "МИТРА" – это проект, опережающий науку на десятки или даже сотни лет!

Н: Вот вы говорите про использование солнечной энергии. Мож-но вкратце?

Л: Ну что ж, если вам интересно. Видите ли, идея использования оргона на самом деле была не нова. Например, ученик известного Зигмунда Фрейда, австрийский врач и биолог Вильгельм Райх – в 1939 году, переехав в США, создал некий "оргонный аккумулятор", который успешно использовал в своей медицинской практике. С его помощью он лечил многие хронические заболевания, в том числе и раковые. Но, не найдя понимания у официальных медицинских кругов, Райх был признан Федеральным судом шарлатаном и посажен в тюрьму, где и умер в 57-м году. Его изобретение тогда не получило должной оценки. А принцип Райха заключался в следующем: пациент помещался в какой-либо замкнутый объем, который вбирает и аккумулирует атмосферный оргон – энергию, которая испускается Солнцем. В результате взаимодействия органа, обладающего широким спектром частот, с клеточными структурами биологических объектов, в частности пациентов, создавалось насыщение энергетического поля последних, что приводило к исключительно гармонизирующему воздействию на все тело в целом. Ведь уже доказано, что любая болезнь – это результат оттока энергии из того или иного энергетического центра, отвечающего за определенные части тела. Мы назвали поле, образуемое вибрациями, "энергорезонансным". Сейчас его, по моему, называют несколько иначе – "хрональное поле". Так вот, нашей задачей было найти наиболее оптимальную форму замкнутого пространства, которая бы максимально аккумулировала оргон, и научиться, максимально эффективно воздействовать этой энергией на органическое тело. Иван дал нам направление – египетские пирамиды! Оказалось, что они являются самыми эффективными приемопередающими устройствами. Они и были созданы именно с этой целью – аккумулировать оргон. В Египте бог Солнца Ра был одним из главнейших божеств. Отсюда и подобное отношение к архитектуре. Все просчитано с изумительной точностью. Считалось, что Божественная энергия нисходит на вершину пирамиды, откуда она "стекает" по наклонным сторонам постройки, распространяясь по миру. Отсюда и поразительный

эффект мумий, и ряд других фантастических эффектов: вода, находившаяся в пирамиде, тонизирует организм; мясо и другие продукты мумифицируются, но не портятся; молоко не киснет; лезвия восстанавливают свою заточку; ускоряется заживление язв и ран. Итак, за основу мы взяли форму пирамиды. Внутреннюю конфигурацию составляла сложнейшая конструкция, напоминающая строение пчелиных ульев. "Соты" были сварены из тончайших стеклянных трубочек и сориентированы таким образом, чтобы фокусировать энергию, поступающую извне, в одном месте – в нижней части пирамиды, где находилась максимальная плотность "ЭР-поля". Там мы устанавливали "оргонную батарею-аккумулятор". На вершине пирамиды была установлена энергоголовушка – конусоидальная "тарелка" – уловитель. Оргон поступал в эту энергоголовушку, аккумуляровался в "батарею", и уже оттуда мы выводили его наружу посредством специального гибкого кабеля, изготовленного из меди. Так была решена одна половина проблемы. Вторая заключалась в следующем: нужно было обнаружить в теле человека органы, которые эффективно впитывали бы оргон. С помощью консультаций Ивана нами были выделены меридианы на теле человека, которые, собственно, и являлись проводниками "ЭР-поля", и биологически активные точки, которые являлись центрами его излучения. Воздействие концентрированного оргонного луча на эти точки и каналы получило название "Энерго-Резонансная Модуляция", сокращенно – "ЭРМ". Но особенно потрясающие результаты достигались при ЭР-воздействии на энергетические центры людей, обладающих исключительным Даром. Так появились мы – эргомы. Помимо данного комплекса оргонного воздействия, Иван давал нам какой-то сенсорный стимулятор, который мы принимали непосредственно перед Модуляцией. Результат вы видите сами: время фактически остановилось для меня пятьдесят лет назад.

Н: Потрясающе! В это действительно очень трудно поверим. А что было дальше?

Л: В это самое время погиб Литовченко, и на его место пришел новый человек. Фактически он и возглавил этот филиал Института, Кобзев был не более чем формальным руководителем. Этот новый начальник – Иноземцев, оборвал все наши контакты с Иваном и Обероном. Это был настоящий тиран. Он внес коррективы в проект, дав ему новое название – "Яма", и это едва не стоило всем нам жизни. Вот тогда-то и начался настоящий кошмар! Вам этого не понять. Нет, не понять! Это было настолько ужасно, что меня бросает в дрожь при одном воспоминании об этом времени. Мы перешли на новую стадию проекта, но она в корне отличалась от всех предыдущих стадий. Нас вывозили куда-то в горы и погружали в подземные гроты, где оставляли, иногда даже на несколько недель. Воистину – "Яма". Каждый раз глубина этих ям была все глубже и глубже. Эксперименты стали проходить очень напряженно. Модуляции были подвергнуты в общей сложности пятнадцать человек – "Первая Волна". У всех до единого стали наблюдаться побочные эффекты.

Н: Какие эффекты?

Л: М-м, это трудно объяснить вот так, навскидку. Все пятнадцать человек обладали Даром. Но каждый получил его при различных обстоятельствах. Почти всем он достался очень и очень тяжело, на грани жизни и смерти. Это объясняется тем, что возможность осознать и развить свой Дар требует колоссальных усилий и невероятных психических метаморфоз, связанных с пограничными состояниями. Вот, например, я. Мой дед был ведуном, охотником на медведей. Все, что он умел, было так или иначе связано с обрядами над трупами этих удивительных животных. Эти знания он получил от своего отца, тот – от своего, и так далее. Эти манипуляции подразумевают полное

пере-осмысление своего отношения к действительности, за счет совершения диких, с точки зрения современного человека, ритуалов. Пред-ставляете себе, что может испытывать семилетний мальчик, когда его заставляют поедать сырое, еще пульсирующее сердце только что уби-того зверя? Потом в рацион включается кровь, как наиболее энергосо-держающая субстанция. Это потрясение до самых основ! Эти ощущение равносильны смерти, если не хуже. Появляются различные видения призрачных обликов, чужих побуждений и тому подобное... Это разбивает разум и тело изнутри. Это... страшно. В Институте нас на-учили обуздывать и контролировать свой Дар. Модуляция же разбу-дила в нас что-то еще, что продлило нам жизнь, но в то же время под-вело нас к какой-то угрожающей черте, за которой таится подлинное безумие. С появлением Иноземцева мы перешагнули эту черту. Все эргомы, прошедшие инициацию, испытывали различные негативные симптомы. Я, например, почувствовал, что сила моего Дара много-кратно увеличилась, налицо была динамика в улучшении физиоло-гических параметров, но... Первую неделю я испытывал примерно те же симптомы, что и остальные: эффект термоиллюзии – покальвание в кистях рук, звон в ушах, гальванический привкус во рту, вспышки при закрытых глазах. Потом начался период нарушения сна. Я не мог спать, мне снились кошмары, устрашающие темные фигуры. Затем начались галлюцинации. Мы стали болезненно реагировать на сол-нечный свет. С тех пор мы можем появляться на улице только в вечер-них или утренних сумерках, ночью или в пасмурную погоду, когда солнце скрывается за плотным пологом облаков. Мы стали подобны вампирам. Вернее, мы ими и стали. Но вместо физической крови этот дьявол Иноземцев научил нас пить эфирную кровь живых существ – мы научились поддерживать свою жизнь с помощью человеческой энергии, как наиболее доступной и уже адаптированной к усвоению. И вы знаете, вероятно, как побочный эффект, мы все стали одержимы Властью! Мы превратились в упырей, живущих за счет человеческого стада. Говорят, была еще создана и "Вторая Волна" – суперэргомы, но о судьбе этих несчастных мне мало что известно. Ходили слухи, что все они походили с ума и были ликвидированы в одном из подзем-ных бункеров Института. Говорили, что "вторых" готовили для каких-то узкоспецифических целей. Может быть, и для "оборонки". Во вся-ком случае, я надеюсь, что для них этот кошмар уже давно закончился.

Н: А как же Абракасас? Что случилось с ним?

Л: Он объявился в 53-м, после смерти Вождя. Что-то там произошло среди "власть имущих". У нас в Институте тоже произошли перемене-ны, кто-то убил этого дьявола – Иноземцева. Вот тогда-то, при смене руководства Института, со мной связались от имени Ивана и предложили побег. Я, не задумываясь, согласился, все остальные тоже. Этот Иван определенно был птицей высокого полета. Он смог вытащить нас из тщательно охраняемого спецсектора, уничтожил каким-то об-разом всю информацию о нас и о проекте. А мы... Мы обманули его, убили троих молодых парней, которых он за нами прислал, и которые сопровождали нас при бегстве, водителя автомобиля, и бежали. Бежа-ли кто куда, объятые смертельным страхом быть пойманными и возвращенными в этот ад, и опьяненные свободой, которая открывала перед нами новый мир – без ужаса и боли. И с тех пор к нашей судьбе никто особого внимания не проявлял. До недавнего времени...

\* \* \*

Л: Оказалось, что все мы, вместо того чтобы разбрестись по бес-крайним просторам

СССР и притаиться вдали от цивилизации, ока-зались в Москве. Нас всех словно тянуло сюда невидимым арканом, какой-то источник невероятной энергии, который подталкивал нас к жизни, давал нам силы в этой бесконечной гонке за богатством и властью. Поначалу мы некоторое время незримо чувствовали друг друга, хотя ни разу не пытались встретиться – боялись чего-то, мо-жет, воспоминаний о прошлом. Потом, со временем, это ощущение исчезло. То ли от угасания Дара, то ли от угасания духа. Я уже думал, что пережил их всех. А оказывается, нет, все были живы все это вре-мя. Пока не появился ОН.

Н: Вы имеете в виду убийцу?

Л: Да.

Н: Вы почувствовали его появление?

Л: Нет. Но я почувствовал гибель эргома. Давно, в пятидесятых, я в первый раз почувствовал "Последний Крик", но принял его за обыч-ный всплеск Поля, за случайную флуктуацию. А когда позже узнал, что его слышали все наши, я понял, что это было не случайное возму-щение Поля. Затем мы узнали, что три эргома, которые пытались бежать из Института, были умерщвлены где-то в подвалах спецком-плекса. Их смерть по времени совпадала с возникновением "Кри-ка". В 1967 году погиб еще один эргом – Умник. Я почувствовал тогда его "Крик", и понял, наконец, что произошло нечто страшное. Потом я узнал о его смерти и утвердился в причинах происхождения "Крика". Когда погиб Циклоп, первый из ваших "клиентов", я опять пережил "Крик", но на этот раз я почувствовал, что это предсмерт-ный энергетический вопль именно Циклопа. Потом был Лесник. А чуть позже Хан выследил меня и назначил встречу. После этой встре-чи я "услышал" и его "Крик". Это обострило все мои чувства до предела. Я стал чувствовать "сакки" – как говорят японцы – "дыха-ние смерти". Теперь это чувство преследует меня постоянно. Я схо-жу с ума. Поэтому я пришел к вам. Я хочу, чтобы вы знали... нет, даже не в этом дело, я хочу, чтобы этот убийца, кто бы он ни был, потру-дился, чтобы отобрать у меня мой Дар. Да нет, боже, что я говорю, я хочу увидеть его, побеседовать с ним, прояснить для себя кое-какие невыясненные вопросы, попросить прощения, наконец. Если его никто не остановит, я боюсь, он не предоставит мне такой возмож-ности. Вы поможете мне, Александр Васильевич?

Н: Каким образом я могу сделать это?

Л: Я приведу его к вам.

Н: Каким образом?

Л: Я еще жив, а, следовательно, его миссия не завершена. Он сам придет к вам, я лишь выполняю роль живца.

Н: Вы думаете, он придет?

Л: Безусловно.

Н: Но как он найдет вас?

Л: О, не беспокойтесь. Он нашел нас спустя много лет в этом мно-голюдном городе, найдет и сейчас.

Н: Значит, вы думаете, что есть смысл ждать его появления рядом с вами?

Л: Все зависит от того, насколько серьезно ваше намерение пой-мать его. Я пришел к вам, потому что знаю наверняка: тот, кто идет по моим следам, ужасный человек. Мне не справиться с ним ни при каких обстоятельствах. Если уж этого не смогли сделать ни Хан, ни Лесник. А ведь они обладали незаурядными способностями в обла-сти

лишения человека жизни. Особенно Хан. Он сам был Смертью. И где он сейчас? В морозильнике морга! Понимаете, что это значит? Этот убийца прибыл из нашего темного прошлого и цель у него одна – забрать нас обратно туда, откуда мы пришли в это время, не трону-тые годами, – в преисподнюю...

\* \* \*

Н: Скажите, а может убийца быть одним из вас, эргомом?

Л: Я много думал над этим. Теоретически, конечно, мог бы. Во время нашей последней встречи Хан-Гото выразил уверенность, что убийца кто-то из нашей тройки. Хан погиб, себя я исключаю, остается Ловкач. Но вы знаете, я сомневаюсь в этом предположении, и знаете, почему? Ловкач не смог бы справиться ни с Лесником, ни уж тем более с Ха-ном. И если Циклопа он бы еще, может быть, одолел, про этих двух даже и говорить не стоит. Это были страшные существа, поверьте мне. Человек, убивший подобных монстров, должен превосходить их в уме-нии убивать. Ловкач был совершенно не такой.

Н: Но ведь прошло пятьдесят лет. Может быть, за это время он научился быть таким?

Л: Исключено. Он всегда был трусом, за это и прозвище свое полу-чил. Всегда изворачивался, искал, где повыгоднее. Нет, это опреде-ленно не Ловкач.

Н: Вы говорили про "Вторую Волну". Они ведь тоже эргомы?

Л: Да, вполне возможно, хотя я, повторюсь, слышал, что никто из них не выжил. Но ведь "оборонка" не стоит на месте, и сейчас наперника есть уже и "Третья", и "Четвертая Волна", и Погодин только знает, что за каша варится сейчас в этом оборонном котле. Но в любом случае у людей, которые сегодня стоят у руля какогонибудь повою Института, пето нас никакой информации. А если и есть, то нет мотивов уничто-жать нас. Здесь в первую очередь нужно вычленить мотивы

Н: Выходит, что единственным человеком, который мог бы иметь мотив нейтрализовать вас всех, является Абракасас?

Л: Выходит, что так.

Н: А он мог сам стан, "долгожителем", дожив до наших дней? Ведь всю технологию вы получали от него?

Л: Теоретически возможно все, но и Абракасас не стал бы убивать пас. Это был несколько иного склада души человек. Он был... гармо-ничен. Да и какой смысл Ивану, нашему демиургу, убивать нас сей-час, пятьдесят лет спустя? Он мог бы сделать это и раньше.

Н: Но у него могли быть последователи.

Л: Вот! Это наиболее вероятная версия. Но она ничего не меняет в раскладе сил.

П: Александр Владимирович, а чтонибудь об этом Иване вы могли бы рассказать? Более конкретно, какие-нибудь детали.

Л: Какие детали? Очень живой, переполненный энергией человек, У него были странные глаза. Казалось, он видит собеседника на-сквозь. Очень глубокий и мудрый взгляд.

Н: А какие-нибудь символы, знаки, кольца, татуировки вы у него не замечали? Что-нибудь, что могло бы указать на его принадлеж-ность к какой-либо организации?

Л: М-м, давайте подумать. Один раз, во время нашей очередной встре-чи, у него на пальце было массивное кольцо, очевидно, золотое. На нем был выгравирован какой-то знак. Я все никак не мог его разглядеть. Было видно только, что это очень старинный

перстень. И камень был в центре, яркий, ослепительно яркий, как солнце. И светился так, как будто свет не отражался в нем, а изнутри шел, из кольца...

## Часть 2

"СНЫ О ЧЕМ-ТО БОЛЬШЕМ..."

"...за самыми обыкновенными человеческими делами и в обыкновенных человеческих нарядах можно встретить и несколько других существ... И хорошие есть, и плохие. Только, надо сказать, у хороших есть одна малоприятная особенность. Если их угадаешь, они очень любят... гм... пугать не пугать, а так – притворяться черными... Хотя на самом-то деле не черные они, а только темные, темные – тайные...".  
Из разговора некоего профессора со своим племянником.  
Е.Л. Чудинова, "Держатель знака".

## ПРОЛОГ

Отрывки из статьи "От Барнаула зависит судьба человечества!"

"Мне не дадут соврать люди, часто посещающие другие города. Сей необъяснимый факт оставался для меня полнейшей загадкой, до тех пор, пока я не повстречалась с героем нашей сегодняшней рубрики... Павел Кириллович Савельев – житель Санкт-Петербурга, осно-вавший собственную Школу целителей и экстрасенсов, практикующий целитель на протяжении вот уже 16 лет. Барнаул стал предме-том его внимания года два назад. Это уже не первый его визит, о причинах коего, думаю, Павел поведаст сам.

– Павел Кириллович, почему вас так заинтересовал наш, вроде бы ничем не примечательный, город?

– Видите ли, несколько лет назад у меня появилась теория отно-сительно развития человечества и центров энергетики, с ним свя-занных. Основы ее я вкратце изложу позже, но сначала о Барнауле. Породу своей профессии я не единожды сталкивался с выходцами из вашего славного города. Скажу честно, меня, да и многих моих коллег, эти люди повергли в некоторое недоумение. Видите ли, для чело-века, мало-мальски одаренного экстрасенсорным талантом, барнаулец выделяется в любой толпе. Этот человек может не знать, что тот живет ни юге Сибири, может даже не подозревать о существо-вании такого города, однако он обратит на него внимание. Я начал искать объяснение этого феномена, приехал к вам. Именно тогда ока-залось, что Барнаул как точка на карте полностью соответству-ет моим теоретическим выкладкам и практическим изысканиям.

-Думаю, теперь мы вплотную подошли к вашей теории.

-Да, несомненно. Для начала напомним такую вещь: у человека име-ется семь энергетических центров, или иначе – чакр. Не буду их перечислять, мы еще к этому вернемся. Но человек – вовсе не замкнутая и самодостаточная система, он существует в обществе. Сейчас очень модно говорить о магнитных и энергетических центрах плане-ты. Моя же теория заключается в том, что самые сильные центры порождены самими людьми. То есть являются



целиком и полностью принадлежностью ноосферы Земли, ее человеческого населения. Таким образом, у мира людей, как и у самого человека, должно существовать семь чакр, то есть центров, откуда исходит та или иная энергия.

– То есть вы хотите сказать, что общество планеты представляет собой этакий единый организм, функционирующий по каким-то своим законам?

– Именно так. И я изучаю энергетический аспект этого функционирования. Единый же организм человечества сформировался на сегодняшний день практически полностью. А посему и чакры человечества отыскать не составит большого труда. Если внимательно изучить историю человечества, то всем известные исторические периоды тоже подчиняются той или иной чакре, причем в строгом порядке. Древние цивилизации (Египет, Шумер, Ассирия, а возможно, и Атлантида) – это период фиолетовой чакры, чакры космической энергии, магической силы. Необъяснимые по сей день времена. Такое впечатление, что они брали свои идеи из космоса, и все без исключения были наделены магической силой. Но, вероятнее всего, расцветом торжества фиолетовой чакры была Атлантида, а известные нам древние цивилизации – всего лишь эхо, отголосок былого величия. Период классического рабства – красная чакра, чакра физического труда. Великое множество людей трудились на пределе своих возможностей. Римский декаданс – время оранжевой чакры, эпоха сексуального раскрепощения. Средневековье, период захватнических войн – желтая чакра, чакра власти и агрессии, период силы и неоправданной жестокости. Возрождение – зеленая чакра, чакра гармонии. Времена равновесия и мирозерцания, эпоха философов и Творцов с большой буквы, развитых во всех областях деятельности человека. Постепенно она переросла в только творческую эпоху голубой чакры, где гармония уже не играла такой роли, только чистое творчество. Научно-техническая революция – конец XIX-XX веков – господство синей чакры, чакры интеллекта, власть разума, на сегодняшний день она продолжается. Можно предположить, что в будущем человечество ждет вновь возвращение к магии и мистике.

– И какое же отношение имеет наш маленький город к вашей замечательной теории?

– Самое прямое. Барнаул, а возможно, и весь Алтайский край есть не что иное, как зеленая чакра человечества. Центр духовности и гармонии, провозвестник грядущего расцвета человеческой цивилизации, если хотите.

– ???

– Конечно же, я объясню сей сенсационный вывод. Зеленая чакра человечества – это своеобразный детектор лжи, этакий универсальный определитель искренности человека. Вот скажите сами, легко ли обмануть барнаульскую публику дешевым искусством нынешней эстрады? Я сейчас говорю не об отдельных личностях, а о впечатлении от концертов, мероприятий и фильмов в целом...

Еще зеленая чакра отвечает за исцеление. Любой побывавший у вас может подтвердить, что уезжал гораздо более спокойным и умиротворенным, чем был по приезде к вам. Правда, понастоящему оценить это могут лишь немногие...

– А разве в других городах не так?

– Уверяю вас, нет.

– Хорошо, но где же другие чакры человечества? Барнаул мне, конечно, интересен, но мне не менее интересно, какие еще города входят в эти таинственные семь энергетических центров?

– ... желтая чакра – Нью-Йорк, один из самых густонаселенных городов мира, в нем вершатся все "великие дела"... Далее – европейские университеты – престиж, центр образования и науки... Зеленая чакра, город Барнаул... Вы можете обидеться, но это дыра, о которой и в России-то не все знают..."

Беседу вела Жанетта Романова,

газета "Контраст", N 47 (238). 1999 г .

1. ИНСАЙТ

(Главы-ретроспекции, 1992– 1993 г .)

### ЗАПИСЬ ВДНЕВНИКЕ

"06.11.92 г., время-23.15 (вечер)

Я вернулся. Зачем? Чтобы все равно погибнуть? Это мне наказание за мою тупость! Я на грани сумасшествия... Неведомое давление раз-рывает меня изнутри, и я не знаю, как это остановить. Араскан на-верняка знает, но его нет... Я не нашел его в Н-ске. Здание, где раньше размещался Центр (или мне все это приснилось?), оказалось заколоченным и покинутым: на дверях балки крест-накрест, на окнах – ни глухо запертые стальные ставни. Никого. Никто ничего не знает ни об этом Центре, ни о том, чем он занимался и куда мог переехать.

Отец тоже ничего не знает. Контактный телефон Араскана не отвечает, а больше отец не располагает о нем никакой информации-ей, только: старинный друг семьи, его знал еще дедушка, большой ученый... Про Шорхита он вообще не может ничего сказать толком. У меня сложилось такое впечатление, что отец тоже многое забыл.

Шорхит! Я вспомнил его! Унген, Айма, Айрук...

И вот я отправился в горы. Поступок безнадежного идиота! Что я надеялся там найти? Тайшинов? Бред...

Мне так многие и говорили – бред! О тайшинах там ничего не слышали или делали вид, что не слышали. Алтайцы вообще очень скрытные. Очень ревностно относятся к любому вмешательству извне. Любой чужак вызывает у них резко негативную реакцию. Особенно, если вопрос касается каких-то сакральных тем. Здесь необходимо знать язык, обычаи или, в крайнем случае, иметь надежного информатора и проводника. Даже если неправильно сядешь, уже смотрят косо. А если начинаешь выспрашивать про шаманов – либо наворачи-вают кучу небылиц, либо прикидываются тупицами, либо высмеивают, либо злятся... Нас, например, дважды обстреливали. Один раз ночью, приехали на конях и обстреляли из охотничьих ружей палатку, второй раз – днем, выстрелили пару раз по честеру, на котором мы сплавлялись по Катуню. Потом от нас сбежал проводник. Он привел нас (меня и еще двух туристов-попутчиков) к какому-то лесному святилищу шаманов и исчез поутру. Нам пришлось возвращаться назад. И вот я вернулся. Зачем??? Все равно – конец".

"07.11.92 г., время –13.26 (день)

Пока меня не было, многое изменилось. Слово я отсутствовал не месяц, а вечность! Во-первых, я узнал, что уехала Ольга. С Вадиком. Я думаю, куда-нибудь в теплые края, подальше отсюда. Во-вторых, заболел АРЧИ! Говорят, он занемог еще после моего последнего "вы-ворота", но с каждым днем ему все хуже и хуже. Одно к одному!".

"08.11.92 г., время – 6.02 (утро)

УМЕР АРЧИ!!! Сегодня... Во сне...".

Холодный ветер с силой ударил Максима в спину и унесся прочь, скрываясь в кустарнике, шелестя полуиссохшей листвой. Вечерело. Солнце уже опустилось за кромку земли где-то за городом, и синева-тые сумерки заполнили собой все вокруг –

далекий горизонт, темне-ющую гладь Оби, раскинувшуюся внизу, парк, в котором было тихо и пустынно. Максим зябко поежился. Он все-таки сильно замерз и устал. Работа отняла у него последние силы. Арчи он закопал там, чуть пониже, на плоском участке горы, где они часто любили гулять вместе. Летом оттуда открывался чудесный вид на реку и луга, уходящие за горизонт огромным изумрудным полотном. Они приходили сюда утром и вечером. Бегали, дурачились, Арчи носился за палкой или охотился на каких-то мелких зверьков, похожих на землероек. Потом они спускались с холма вниз, к реке, и купались, чтобы затем опять подняться на свой наблюдательный пункт и, сидя рядом на траве, зачарованно наблюдать за рассветом или закатом...

И вот Арчи больше нет. Максим даже не мог осмыслить сейчас это, настолько нелепым и непривычным было вот это одиночество здесь, на плато. Он никогда не приходил сюда один. До сегодняшне-го дня. Да и сегодня они пришли вдвоем. Пес и человек. Обратно уйдет один человек...

Дома он бережно уложил труп собаки в белый холщовый мешок и, взвалив на плечо, вынес на улицу. Дима Прудков, его товарищ, сто-ял возле автомобиля и мрачно смотрел на Коврова, несущего эту скорбную ношу. Погрузив мешок в багажник "девятки", они поеха-ли на выезд из города. Ехали молча. Дима сочувственно молчал, а Максим просто не мог говорить, спазм перехватил горло удушаю-щей петлей. Проезжая мимо ВДНХ – выставки достижений народ-ного хозяйства, Ковров вдруг кивнул Прудкову, и тот удивленно ос-тановил автомобиль около закрытых на зиму касс.

Выставка находилась на огромном холме, расположенном на са-мой окраине города рядом с рекой, речным вокзалом и выездом на пригородную трассу. Около реки холм заканчивался отвесным овра-гом, имеющим несколько естественных выступов в форме площадок. На одном из них сегодня должен остаться ночевать Арчи. Максим поблагодарил Диму и, взвалив мешок на плечо и взяв небольшую саперную лопатку, стал медленно подниматься по длинной лестни-це, ведущей к вершине холма. Дима крикнул вслед:

– Макс, я тебя подожду.

Ковров обернулся и отрицательно покачал головой, петля на шее по-прежнему мешала говорить. Дима понимающе кивнул и неохот-но сел в машину.

Максим ни разу не остановился, поднимаясь по ступеням, минуя одну площадку за другой. Усталости не было. Только печаль и бе-зыходность, да петля вокруг горла затягивалась все сильнее и сильнее. Было трудно дышать. Максим краем глаза посмотрел в сторону. С этой лестницы открывался потрясающий вид: весь город лежал внизу как на ладони. Точно так же, по другую сторону холма расстилалась внизу Обь. Холм словно разделял два разных ландшафта: светливый, дымный, подсвеченный огнями – городской, и бесконечно спокойный, безмятежный и величественный – природный.

Максим почувствовал, что задыхается, но останавливаться не стаи, он уже практически пришел. Металлические ворота с приветственной надписью уныло встречали позднего посетителя. Выставка в это время года уже не работала. Вокруг стояла зловещая тишина. Сумерки, только начавшие сгущаться, придавали этой панораме еще большую унылость.

Максим медленно шел по асфальтовой дорожке вглубь парка, мимо пустых павильонов, глазевших на него угрюмыми мерными окнами. Вот и овраг. Сеточный забор, который ежегодно переносили на полметра от безжалостного обрыва, с неумолимым постоянством съедающего

холм, осенью опять обвис, и его не стали поправлять, очевидно, понимая, что зимой сюда никто уже не придет.

Прямо на сетку была прикручена табличка с предостерегающей надписью: "Осторожно! Опасная зона!". Максим отодвинул в сто-рону край проволочной ограды в определенном месте, в гуще кустар-ника, и, нагнувшись, медленно протиснулся в образовавшийся про-ем. Отсюда идти было уже совсем недалеко, но очень трудно, особен-но с подобной ношей на плечах. Ноги увязали в песке и соскальзы-вали с податливых земляных выступов, угрожая сорваться вниз. Вот и площадка. Знакомая и незнакомая одновременно. Никогда боль-ше она не услышит звонкого лая и веселого смеха. Никогда. Арчи очень любил гулять здесь. Это будет правильно, место для после-дней остановки выбрано верно. Лопатка вонзилась в твердую, уже подмороженную сверху ночными холодами землю. Когда Максим закончил работу, совсем стемнело. Он сел рядом с холмиком и стал смотреть вдаль, на горизонт, окрашенный в черное. Вот так. Как раньше. Вдвоем. Пес и человек. Они смотрели в этом направлении сотни раз, думая каждый о своем, каждый по-своему воспринимая этот пейзаж, но вдвоем, вместе. Теперь Арчи останется здесь один. На ночь. Навсегда.

Максим представил себе, как стал бы тосковать пес, если бы дей-ствительно ему пришлось вдруг остаться здесь на ночь, без хозяина.

– Я посижу с тобой, дружище. Я тебя не оставлю, – прошептал Максим, похлопав рукой по земляному холмику, словно успокаивая привычным жестом собаку. И вдруг не выдержал, разрыдался...

Дорогу назад он искал уже практически наугад. Вокруг стояла не-проглядная тьма. К забору Максим выбрался весь перемазанный землей и песком. В парке было чуть светлее, чем на площадке. Веро-ятно, сказывалась близость города. Рассеянный свет позволял различать контуры дороги и силуэты заброшенных до лета павильонов.

Максим медленно брел к выходу, периодически останавливаясь, оборачиваясь и вслушиваясь в окружающие звуки. Ему явственно слышались цокот лап по асфальту и жалобное поскуливание, раздававшееся со стороны оврага, из темноты.

Он приходил сюда снова и снова. Каждое утро и каждый вечер, встре-чать солнце и провожать его. Как всегда. Вдвоем. Сидел подолгу на корточках возле небольшого возвышения на земле и разговаривал, то ли сам с собой, то ли с кем-то невидимым. Затем спускался вниз, к реке, и бродил вдоль воды, рассеянно разглядывая песок под ногами, вздрагивая, увидев отпечатки собачьих лап, и растерянно оглядыва-ясь по сторонам. Иногда он звал кого-то по имени, но, не получив ответа, едва заметно качал головой и возвращался обратно, наверх, на маленькую ровную площадку на холме. Когда становилось нестерпи-мо холодно, он разжигал рядом с холмиком огонь и, протягивая к нему руки, что-то шептал опять, ласково, успокаивающе...

В тот вечер выпал снег. Максим стоял на краю обрыва и смотрел вниз, на площадку, сплошь покрытую белым пологом. Спуск обледе-нел, и не было никаких шансов удержаться на покато́й поверхности, покрытой тонкой корочкой льда. Оставалось лишь стоять и смотреть.

Прошло уже две недели. Боль разлуки немного утихла, но все рав-но было трудно смириться со смертью Друга. С темнеющего неба все падал и падал крупными хлопьями пушистый и совсем не холодный снег. Максим посмотрел на часы. Он стоял здесь уже около часа, не зная, как быть дальше. Наконец он чуть заметно кивнул головой, словно говоря "до свидания", и, повернувшись, зашагал к выходу. Когда он шел по аллее, ему показалось, что среди павильонов мелькнул чей-то силуэт. Движение было мимолетным, и заметил его Ков-ров лишь боковым зрением. Когда он посмотрел туда прямо, прищу-рившись отпадающих снежинок, то ничего не

увидел. Да и не могло здесь быть никого в это время. Разве что местный сторож или бомж, облюбовавший себе в качестве зимовья какой-нибудь из удаленных в глубине парка домиков.

Максим поднял воротник куртки и чуть ускорил шаги. Это было сделано неосознанно, но что-то определенно подгоняло его. Какое-то ощущение надвигающейся опасности. Неподалеку явно кто-то был, хотя за мельканием снежинок, в сумерках, было невозможно что-либо разглядеть. Опять движение! На этот раз чуть правее и ближе к выходу из парка. Было похоже, что кто-то тоже идет к воротам по параллельной аллее. Мгновение, и силуэт исчез, растворился в снегопаде, или спрятался за дерево, или упал на землю, в снег.

Максим заметил, что ноги сами собой почти перешли на бег, и теперь он бежал к выходу, не спуская взгляда с того места, где последний раз видел постороннего. Ощущение опасности достигло того момента, когда разум сомневается, а тело уже точно знает – нужно бежать, спастись, опасность рядом. Да и к тому же пустынный зло-вещий ландшафт парка дополнял палитру встревоженных чувств весьма негативным колоритом.

Максим вытащил руки из карманов и, уже не скрываясь, бежал во всю прыть к припорошенным снегом воротам. Нужно было как можно скорее покинуть это угрюмое и опасное место и больше никогда не приходить сюда так поздно. Он вдруг затормозил свой бег, словно наткнувшись на невидимую преграду, и замер, глубоко дыша открытым ртом, разглядывая причину своей остановки. В арочном проеме ворот кто-то стоял. Невысокая темная фигура застыла, словно перегораживая Коврову выход в город, к людям. Максим смотрел на незнакомца растерянно, соображая, что делать дальше, а интуиция во все горло кричала ему в ухо: "Беги! Беги! Беги...". И как раз разум отказывался предложить альтернативные варианты поступков, то, как всегда, из глубины сознания выпрыгнула готовая к действию сила и ярость. Другого пути из парка все равно не было. Максим резко выдохнул воздух и, плавно втянув в себя новую порцию зимней свежести, сжав кулаки, стал медленно приближаться к воротам. Может, это все-таки сторож? Черная куртка-аляска, синяя вязаная шапочка, лицо странное, нерусское, узкие глаза, сплюснутый нос, широкие скулы. Незнакомец стоял неподвижно, дожидаясь Коврова у заветной черты, преступить которую ему было, видно, не суждено.

"Проклятье!" – подумал Максим и остановился. Что-то настораживающее было в облике этого человека, что-то смутно знакомое. Он определенно ждал здесь именно его, Коврова, и ждал не случайно.

– Эй, ты кто такой? Что тебе нужно?

Молчание в ответ. Максим усмехнулся через силу, подбадривая сам себя, и, сплюнув, решительно шагнул вперед. И тут же получил оглушительный удар в солнечное сплетение. Незнакомец ударил его неожиданно и незаметно, но от этого удара сразу сбилось дыхание и подогнулись ноги. Максим вскрикнул и, несколько раз глубоко вздохнув, бросился на противника. Удар, удар, финт, удар. Все оказалось напрасно, противник легко уходил от атаки, используя какую-то сложную и, в то же время, невероятно простую технику передвижения. Максим понял, что не справится, и, еще раз стремительно атаковав, вдруг развернулся и бросился прочь по одной из парковых аллей, в темноту. Пробежав метров сто и поняв, что его никто не преследует, он остановился и, сдерживая прерывистое дыхание, прислушался. Никого. Значит, этот жуткий незнакомец остался стоять там, у входа. Что ж, это самое разумное решение, куда может деться человек ночью, зимой, из парка, отгороженного от города высоченным забором и заросшим сплошным кустарником отвесным склоном? Никуда. Максим затравленно осмотрелся. Ситуация складывалась плачевная: бродить ночью по парку, дожидаясь утра, немислимо – холодно. Лезть через обледенелый забор в темноте тоже нерационально. Что тогда? Забраться в какой-нибудь павильон и просидеть там до утра? Этот человек, у входа, будет искать его и найдет. Остается одно. Максим сориентировался и, определив свое

местонахождение, осторожно, стараясь производить как можно меньше шума, пошел вперед. Нужно вернуться к оврагу, а там любой ценой спуститься к реке, где уже по кромке воды дойти до речного вокзала.

Максим уже подошел к сетке, когда вдруг неожиданно из темноты перед ним возник грозный силуэт. Ковров опять громко закричал, не то от неожиданности и испуга, не то от ярости, и опять бросился вперед, в атаку. Незнакомец опять пропустил все удары мимо, ускользая от них со звериной грацией. Затем он опять нанес тот же самый удар в солнечное сплетение, но на этот раз более жестко. Боль была просто адской. Максиму показалось, что он взорвался изнутри, а затем, словно воздушный шарик, из которого выпустили воздух, стал падать на землю. А силуэт уже замер в двух шагах, неподвижно наблюдая за беспомощными и жалкими движениями своей жертвы.

– С-сволочь, – хрипло прошептал Максим, втягивая в себя воздух, и, преодолевая боль в груди, снова бросился на своего преследователя. Удар, удар, финт, финт, удар. Приемы, наработанные до автоматизма, сейчас выстреливали в ускользающую цель, быстрые, как казалось Коврову, и сильные удары. Мимо, мимо, мимо.

Максим закричал и снова яростно атаковал. Удар, удар, удар... Мимо, мимо... Стремительная подсечка выбила из-под ног землю. Ковров упал, снова вскочил и опять рухнул в снег. Опять встал, но мощный удар рукой в грудь снова швырнул его на землю. Шатаясь, чувствуя привкус крови во рту, Ковров медленно поднялся на ноги. Незнакомец подошел к нему вплотную и холодно улыбнулся.

"Все, конец", – мелькнула отстраненная мысль, и, словно в подтверждение ей, серия коротких молниеносных ударов разорвала тело на десятки частей, каждая из которых забилась от боли. Тьма...

Холод. Обжигающее прикосновение комочков холода к лицу. Это снег. По-прежнему падает снег, покрывая землю белым одеялом, по-хожим на саван.

"Живой...". Мысли медленно и натужно ворочались в голове, неохотно собираясь в фокус. Вслед за включением сознания пришла боль. Все тело ныло, как будто его пропустили через гигантскую мясорубку. Максим пошевелился и замычал от боли, которая завибрировала внутри мучительными толчками.

– Очнулся?

Ковров осмотрелся и понял, что лежит на площадке рядом с могилой Арчи. Рядом с ним, прямо на снегу, сидит его преследователь, наблюдая за ним, положив свои страшные руки себе на колени.

– Ну и хороню, – голос глухой и очень знакомый.

"Где я мог слышать его?". Очень-очень знакомый голос. Его невозможно спутать с другим, услышав хотя бы один раз. И тут же память робко подсказала – музей. Ковров слышал этот голос в музее. Этим голосом говорила тьма на втором этаже, от которой он тогда бежал, что было сил. И много раньше он тоже слышал его...

Незнакомец, казалось, прочитал мысли Максима, во всяком случае, он понял, о чем тот думает.

– Я вижу, ты узнал меня? – В его голосе нет угрозы. Наоборот, он говорил мягко, без нажима, словно старый знакомый. – Меня зовут Айрук. Я пришел сюда за тобой.

Максим растерянно замотал головой, пытаясь привести в порядок сумбурные мысли:

– Ты?.. Ты?.. Ты – Айрук? Человек напротив кивает ему:

– Да. Я вижу, это понимание дается тебе с трудом. Или для того, чтобы стать Айруком, мне необходимо надеть маску?

– Зачем... Зачем ты меня избил?

Айрук засмеялся, как ни в чем не бывало, и пожал плечами:

– Тебя нужно было встряхнуть. А боль – самое лучшее средство для прочищения мозгов. Максим закашлялся и сев на колени, растерянно пробормотал:

– Я вас все-таки нашел...

Айрук кивнул и показал рукой на место, на снегу, рядом с собой:

– Это я нашел тебя. А вообще-то, мы всегда были рядом...

Они сидели около костра, разведенного на месте постоянного костровища, рядом с могилой пса. Максим смотрел на огонь, а Айрук тихо говорил, и его завораживающий голос проникал в самые потаенные уголки сознания:

– Это наша решающая встреча. Больше у тебя может не быть шанса вернуться домой.

– Домой? – перебил его Максим, но Айрук тут же прервал его движением руки:

– Отсутствие терпения выбивает тебя из колеи жизни. Ты нетерпелив, отсюда все твои сомнения и метания. Молчи и слушай. У меня нет времени на ненужные разговоры. Молчи...

Максим поспешно кивает, он только что вспомнил, как Айрук обучал его подобному поведению тогда, много лет назад.

– Ты уже сжег столько драгоценной Силы, и своей, и тех, кто пытался помочь тебе все это время, что не заслуживаешь иного отношения, кроме того, которое я тебе показал. Но это не значит, что я злюсь на тебя, просто, это действительно очень полезный метод. Это очередной Толчок. Он изменяет ритм Силы в твоём теле, как и купание в холодной воде.

Максим поежился. Организм до сих пор ныл и гудел после жестких ударов, нанесенных тайшином в самые болевые точки и нервные узлы.

– Это и встряска, и урок. На самом деле очень ценный урок, смысл которого для тебя остался непонятен. Ты многим пренебрег с того момента, как открылся Силе. А ведь терпение ее не безгранично. Можно сказать, что я ее посланник, и твой последний шанс, твоя последняя надежда на возвращение. Если ты пренебрежешь и ею, как сделал это два месяца назад, мир тайшинов станет для тебя недоступным навсегда. Зурда, темный дух из твоего детства, охотится за тобой. Он уже совсем близко. Он непременно одолеет тебя, стоит тебе только ошибиться еще раз. Подумай об этом. Сегодня я опять сменил ритм в твоём теле, хотя и сделал это несколько болезненно. Ты можешь воспользоваться этим и уйти отсюда со мной. Либо ты можешь вернуться в мир людей таким же, каким и был: обессиленным, полуслепшим, замедленным. Там тебя встретит Зурда, твой ночной кошмар. Это будет вашей последней встречей.

Максим смотрит на Айрука, но лица его не видно, оно в тени, из которой раздаётся этот всезнающий гипнотический голос:

– Можешь считать, что твоя бессмысленная и пустая жизнь закончилась на месте нашей схватки. Считаю, что я убил тебя, и теперь создаю заново в новом мире, лишь внешне похожем на тот мир, где ты жил последнее время. В этом новом мире твоих выходок терпеть больше никто не будет. Ни твоих оскорблений, ни твоих необоснованных и откровенно глупых подозрений. Это я об Араскане. Ты даже не представляешь, с кем посмел говорить в таком тоне. Тебе необходимо будет извиниться перед ним. Ты должен понять: мы не те люди, с кем ты

можешь позволить себе обращаться подобным образом. И наш мир не тот, в котором можно позволить совершать подобные безрассудства. Ты будешь либо учиться тому, чему мы будем тебя учить, либо умрешь. На этот раз физически. Осознай это! Максим торопливо кивает.

– Ты искал нас в горах и не нашел. Нас многие ищут там и не находят. Наш мир на самом деле лишь отчасти принадлежит горам. Там – наше сердце. Мы сами – здесь, среди людей. Поэтому нас так сложно обнаружить. Я буду обучать тебя этому и многому другому. И вовсе не обязательно уезжать в горы, чтобы постигать наше Учение. Его суть намного доступнее и ближе, и в то же время мало кто может уловить ее. Сегодня я преподаю тебе очередной урок Искусства ИТУ-ТАЙ, которое практикуют тайшины на протяжении столетий. Оно сможет объяснить тебе и причину твоего сегодняшнего поражения. Давай разберемся, в чем состояли твои ошибки. Во-первых, ты слишком ослабил себя своими переживаниями по ушедшему другу. Ты ведешь себя как перепуганный грядущей смертью и текущими обстоятельствами человек. ИТУ-ТАЙ предусматривает несколько иное отношение к смерти своих близких, впрочем, как и к смерти своих врагов. Ты должен осознать тот факт, что все мы подвержены воздействию смерти, это неизбежность, которая ожидает всех нас. Все мы покинем этот мир рано или поздно, так что же тогда переживать по этому поводу? Нет на этой земле чего-то постоянно-го, неизменного. Все течет, все изменяется. Даже камни умирают, что же тогда говорить о человеке? Этому невозможно противостоять, возможно только изучить законы, управляющие этим процессом, и выбрать для себя наиболее достойный исход. Противостоять законам мироздания – это все равно, что пытаться остановить руками несущуюся с гор лавину. Другое дело, что не всегда правильно мы понимаем и принимаем для себя эти законы. И смерть может оказаться вовсе не тем, что нам кажется, и умереть может, совсем не то, что мы подразумеваем под этим понятием. Нужно твердо знать, во что ты вовлекаешься, иначе все твои реакции не более чем пустая трата жизненных сил. Плакать умершего друга – это все равно, что плакать над растаявшим по весне снеговиком. Он тоже умирает каждый год, чтобы потом возродиться снова. И снова зима, и снова снеговик, вроде такой же, как был прошлой зимой, но на самом деле он другой. А что в нем другого? Ты должен разобраться в своих чувствах, Адучи. Той Силы, которую ты израсходовал на бесполезные переживания, могло бы запросто хватить на создание нового снеговика. Но ты не можешь вернуть старого, и у тебя нет ни сил, ни желания строить нового. Ты обессилил себя, хотя к этому не было ровным счетом никаких предпосылок. Это отличительная особенность чело-века – сжигать свою Силу, не зная, зачем он это делает, и, не зная даже, что он вообще ею обладает. В этом причина падения человечества, в этом причина его незавидного будущего.

Айрук показал рукой на небо:

– Ты пришел сюда в сумерках, чтобы оставить часть своей Силы здесь, в этом заброшенном безлюдном месте. Это – вторая ошибка. Сумерки не только опасны для людей. Они также опасны и для тайшинов, своим невероятно сильным влиянием. В сумерках мир переходит в другую Сферу, малознакомую как для тайшинов, так и для людей. В это время нужно быть предельно осторожным. И уж тем более не появляться в безлюдных местах в подобном настроении – жалость к себе, смешанная с чувством обреченности. Это наихудший вариант бессилия. К тому же ты пришел сюда зимой. Зима и ночь резко суживают границы человеческого мира, и тебе это известно. Ты уже сталкивался с этим в тайге, у Шорхита. Но ты в очередной раз пренебрег тем, чему тебя обучали, и вот результат – ты явился сюда жалкий и подавленный, зимним вечером, идеальная мишень для того, кто выбрал бы тебя целью для



своей охоты. Сегодня это был я, но мог быть кто-нибудь другой, и это будет рано или поздно, тем более что ты знаешь, что за тобой уже ведется охота. Ты пришел сюда не сражаться, ты явился, чтобы умереть. Это место очень способствует гибели, оно насквозь пропитано смертью. И если ты хотел умереть, то сделал правильный выбор. Для того чтобы сражаться, это место не годится, хотя тайшин использует даже негативные обстоятельства в свою пользу. И если бы ты знал особенности этой территории, то, в крайнем случае, смог бы использовать их влияние на своего противника для получения дополнительных преимуществ над ним. Видишь ли, эта гора, на которой какие-то идиоты разместили ВДНХ, на самом деле является средоточием некоей силы, которая может оказать на человека самое непредсказуемое влияние. Эта выставка располагается на месте огромного старого кладбища. Здесь были похоронены сотни трупов, хотя ты этого и не знал. А ведь люди не просто так избегают места захоронений человеческих останков. Они чувствуют что-то. Трупы, в силу определенных законов, начинают излучать особую силу, которая разрушительно влияет на силу живых людей. В местах массовых захоронений эта энергия приобретает угрожающие формы благодаря тому, что здесь ее скапливается очень много, поэтому кладбища всегда выносят за город, подальше от людей. Здесь же, на месте старую захоронения, выстроили павильоны, куда приходили в течение многих лет, по выходным дням, люди со всего города, чтобы полюбоваться достижениями народного хозяйства. Безумие! А ведь архитекторы и строители, которые размещали этот парк, не могли не помнить наводнение, которое смыло как-то часть этой горы, и десятки трухлявых гробов плыли по Барнаулке через целый городской район. Ты, конечно же, не мог знать этого. Но для получения подобного знания тайшины используют несколько иные способы, нежели обычные люди. Тайшины доверяют своим чувствам, и они никогда их не подводят. Хотя ты, безусловно, ощущал предназначение этого места и поэтому именно сюда принес труп своего пса. Но выводы из этого знания ты не сделал, и поэтому сам стал жертвой, вместо того чтобы обратиться в жертву своего преследователя. Ты не прислушался к Дыханию Земли, а это одно из самых сокровенных знаний Тай-Шин и, соответственно, одно из основных преимуществ тайшина. Мы всегда слушаем Дыхание Земли, и оно раскрывает нам самые невероятные тайны. В данном случае, если бы ты слушал это Дыхание, ты бы сразу понял, что оно нечистое, что потусторонняя сила пробивается сквозь толщу земли и ослабляет тебя, и поспешно исчез бы отсюда, задолго до захода солнца. Дело в том, что земля как естественный экран сильно гасит подобные излучения. Именно поэтому трупы и закапывают на глубину один-два метра, чтобы гасить их зов. Днем эти экраны практически полностью поглощают излучение смерти, хотя на кладбище эта способность земли сильно снижается за счет огромного количества потусторонней энергии. Солнце создает нечто вроде защитной пленки на поверхности земли. В сумерках же двери Земли открываются, и то, что было сокрыто за ними, может беспрепятственно выходить наружу.

Максим вздрогнул и робко огляделся. Айрук засмеялся:

– Ты все делаешь слишком поздно. Поздно принимаешь решения, поздно действуешь и даже поздно раскаиваешься в своих действиях. Тебе нужно ускориться, стать быстрее и реагировать на все мгновенно. Только так ты сможешь достойно жить, а затем и достойно умереть в этом мире. Только так ты сможешь эффективно обучаться Тай-Шин. Ты должен схватывать все сразу, на повторение у меня не будет времени. Я вернулся за тобой, и я постараюсь увести тебя как можно дальше в эту область, хотя ты и растерял уже уйму драгоценного времени. Я победил тебя там, наверху, потому что был сильнее тебя. Следовательно, ты должен начать делать то, что позволит тебе выстоять в грядущих сражениях, то есть – пробуждать внутреннюю Силу. Мы

будем теперь часто видаться с тобой. Это необходимо и тебе как ученику, и мне как Наставнику. Но эти встречи не должны нарушать обычное течение твоей видимой жизни. Ты должен вернуться к людям, но они не должны догадываться ни о перемене твоего мироощущения, ни о перспективах твоего обучения. Тайна – это то, что позволяет нам существовать в человеческом мире без ущерба для нашей целостности. Тайна – это основа нашей безопасности и залог наших побед. Ты должен следовать этому принципу, иначе мир, в который мы сейчас вернемся, поглотит тебя, словно людоед.

1992 год. Поздняя осень.

– Это КСИН, – Айрук пальцем чертит круг на белоснежном снегу, припорошившем опавшую листву, – КСИН – это центр мироздания, средоточие Силы. Дыханием Ксина пронизано все. Ксин объединяет в себе все направления, все стихии, иллюзию и явь, смерть и жизнь. Ксин – это безграничное поле, в котором рождаются и гибнут вселенные. Его невозможно описать, ограничить или обозначить, увидеть или осознать. Визуальный символ – круг – лишь условное обозначение этой бесконечной области. Это нечто глубоко запредельное, неведомое и в то же время насыщающее все сущее. Поэтому можно сказать, что Ксин – это мир вокруг нас, но понятием мира далеко не исчерпывается понятие Ксина. Условно Ксин состоит из двух составляющих, двух частей. Он объединяет их. – Палец разделяет круг на две половины. – Тебе наверняка знакома подобная схема. Она напоминает знак Тай-Цзи, символизирующий полярную двойственность мира, состоящего из двух связанных между собой Сил – Инь и Янь. Этот знак стал уже привычным для современного человека, но его смысл, его суть осталась непонятной для большинства людей, встречавших когда-либо этот символ. Для нас, тайшинов, эта схема является основой всех наших дел, основой нашего существования, основой нашего миропонимания. Все, что делает тайшин в процессе своей жизни, пронизано этой двойственностью. И это очень важно понять тебе сейчас. Потому что, говорю тебе без преувеличения, это основа основ нашего Учения, это самая его суть. Айрук сводит обе руки вместе:

– Мир вокруг нас является результатом действия Единой Силы, которая в свою очередь является взаимодействия двух Сил – ИТУ и ТАЙ. Мы называем эту Силу – "ДЖАЛ" – "Ветер", или "Сила Дракона". Это название пришло к нам из глубокой древности. Оно пронизано зловещим динамизмом и мрачностью, но оно имеет очень глубокое значение и тайный смысл. Дракон – так маги древности представляли себе то, что лежит в основе мироздания. – Ксин, Бесконечность. "Око Дракона" – "Врата Вечности", так называли древние воины Путь к достижению Свободы, который охраняет грозный Страж – Дракон, или Грифон. В переводе с греческого это название означает "Видящий".

Айрук значительно смотрит на ученика:

– Согласно нашим знаниям, наши тела также разделяются на эти две Сферы, как и все во Вселенной. Тело, расположенное в правой части, имеет название "ДЭРГ". Это "тело Зверя". Именно оно, в силу некоторых особенностей человеческой энергетики, порождает восприятие мира, известного нам. Тело, расположенное в левой части, носит название "МАРТ" – "Иной". Это – "тело Шамана", "тело Видящего". Оно управляет нашей магической жизнью. Оно порожд-

дает восприятие мира, нам незнакомого. Энергия этой Сферы является для людей чуждой благодаря тому, что люди незнакомы с ее проявлениями, потому что нас с детства убеждают в том, что ее просто-напросто не существует. Эту Сферу называют "темной", потому что при восприятии нашим сознанием этой области возникает "эф-фekt сумерек", когда все вокруг погружается во тьму, прежде чем предстать перед нами совершенно в новом свете. Тайшины считают, что проявления этих двух разнородных энергетических тел можно увидеть простым способом – через глаза. Глаза человека являются фокусом его энергии. Соответственно, тайшины утверждают, что правый глаз человека смотрит на мир зрением "зверя", а левый глаз видит мир зрением "шамана". Кстати, оба глаза при развитии Тела Шамана даже визуально отличаются друг от друга. То есть, можно сказать, что глаза тайшинов отличаются от глаз людей. Взгляд тайшина становится более пронизывающим, более глубоким. Запомни это – тайшина можно узнать по глазам.

Адучи смотрит в пронзительные глаза Наставника и, поежившись, отводит взгляд.

– Согласно этой схеме, тайшины называют себя "ДУЭНЕРГАМИ", потому что в отличие от обычных людей они осознают, что владеют двумя разнородными Силами. Это знание открывает им путь к овладению обоими телами и, как следствие, дает возможность погружаться в обе Сферы, составляющие Ксин. В древних манускриптах нашего Клана упоминается эта двойственность структуры человеческого тела. Древние шаманы дали ей название – "ЗВЕРОАНГЕЛ", являющееся предтечей современного понятия – ДУЭНЕРГ. Задача дуэнера – уравновесить в себе проявление обеих Сфер, для достижения истинной гармонии. Люди очень сильно ограничены предпочтением той или иной Сферы. Тайшины стремятся нарушить эту ограниченность. "Звероангел" выращивает у себя два полноценных КРЫЛА, чтобы достичь с их помощью желанной свободы от человеческих заблуждений. ИТУ-ТАЙ – это, прежде всего СВОБОДА, РАВНОВЕСИЕ, это континуум Света и Тьмы.

Айрук смотрит на Максима, словно ожидая, когда тот усвоит смысл услышанного.

– Космология шаманов рассматривает существование трех больших космических областей, трех Миров: Нижнего, Среднего и Верхнего. Тайшины рассматривают рождение человека как символ Змеи – он принадлежит Нижнему и Среднему Мирам, он наделен разумом и иногда мудростью. Змея – шаманское животное, согласно преданиям, она живет в разных мирах. Ее тело – мост между мирами. Когда тайшин, будучи "Змеей", начинает постигать таинство ИТУ-ТАЙ, он получает знания и возможности, превращающие его в "Волка", который сам выбирает для себя тропы земного мира. Уравновесив в себе Свет и Тьму, "Волк" выращивает два Крыла, которые превращают его в Грифона, получая возможность оторваться от Земли и подняться вверх, достигая в своем свободном полете Бесконечного Синего Неба. Это и есть Свобода. Но достичь этого состояния очень непросто, это возможно лишь после грандиозной битвы. И битва эта длится ровно столько, сколько тайшин живет. Поэтому, в первую очередь, тайшины являются Воинами. Но наша битва направлена не против людей, и не против самого себя, она необходима нам для того, чтобы найти точки пересечения между Светом и Тьмой. Это является нашей самой сокровенной тайной, сутью нашего Учения. Мы называем эту тайну АКЦИР – "Путь Серого Будды". Его еще называют "Лунная Дорога" или "Голос Молчания". Это ключевое понятие ИТУ-ТАЙ. С помощью АКЦИР возможно все! Он открывает нам двери в иные пространства, в иные уровни Вселенной.

1993 год. Весна.

Айрук поворачивается поочередно лицом в направлении сторон света.

– Четыре Направления. Четыре Искусства. Четыре Пути...

Он кивает Адучи головой, словно спрашивая его, стоит ли уточнить только что сказанное им. Ученик молчит, а это значит, что он чувствует что-то, но не может с уверенностью сказать, что правильно понял слова Наставника. Айрук улыбается и рукой опирается, покачивается в четыре разные стороны.

– Ты можешь выбрать для себя любое...

Адучи чувствует, что слова тайшина вызвали у него необъяснимый прилив восторга, словно разрешив какую-то внутреннюю дилемму, препятствующую до этого сделать правильный выбор. Айрук наблюдает улыбкой за реакцией ученика, словно понимая его эмоциональное состояние. Но в его улыбке прячется что-то недосказанное, и Адучи ожидает продолжения, которое следует незамедлительно.

– Выбрав одно из них, ты не должен забывать, что есть еще три оставшихся. Неужели ты пренебрежешь ими?

Адучи смеется, он понимает, о чем хочет сказать ему Наставник.

– Но ведь планета круглая, и Направления рано или поздно накладываются одно на другое. Поэтому выбрать действительно можно любое...

Айрук разводит руками в стороны.

– Все Пути могут пересекаться в какой-либо точке, и все Пути ведут в неизвестность. Как ты выберешь свой?

Адучи закрывает глаза и прикасается ладонью к тому месту, где под одеждой бьется сердце.

– Почувствую.

Тайшин кивает, тоже закрыв глаза:

– Свой Путь можно определить по стилю ходьбы. Двигаясь по жизни неестественно, мы всегда будем испытывать ощущение потереянности и бессилия, потому что все наши силы будут направлены на то, чтобы поддерживать обман, навязанный нам и нашему сердцу. Такой Путь обязательно превратится, рано или поздно, в разрушительную тропу, ведущую нас к пропасти. Этим путем идет большинство людей. Естественный же жизненный ритм, будет нести нас вперед легко и свободно, и мы будем идти по этому Пути навстречу неизвестности, испытывая ни с чем не сравнимое ощущение удовольствия и счастья. Но уловить естественный ритм можно, только прислушавшись к своему сердцу, а затем, доверившись ему, нужно найти в себе смелость и впустить этот ритм в свою жизнь...

1993 год. Лето.

– Сегодня я расскажу тебе о структуре нашего Клана, – Айрук и Адучи сидят на берегу Катуня. Они только что покинули рейсовый автобус, доставивший их до пригорода Горно-Алтайска. До самого города несколько часов ходьбы, но тайшин настоял на том, чтобы пройти

это расстояние пешком.

– Клан Тай-Шин состоит из двух Кругов, которые взаимодействуют друг с другом. Условно, один из этих Кругов именуется нами "Внутренним", соответственно второй – "Внешним". Это как круги на воде: центр всегда остается неизменным, но круг, который был рожден этим центром, расходится во все стороны, постоянно увеличивая свой диаметр.

Айрук подобрал с земли небольшой камешек и с силой бросил его в воду, в небольшую заводь, где течение не увлекало воду за собой, образуя спокойную ровную гладь, идеально подходящую для наглядной демонстрации геометрии расходящихся кругов.

– Во главе Клана стоит Вершитель, а каждый Круг возглавляет Камкурт – "Волк-шаман". Символом Клана считается Белый Волк, особое существо, связанное с почитанием Хозяина Алтая. Но каждому Кругу, в свою очередь, условно соответствуют два цветовых образа: "Кок Бюри" – "Синие Волки" и "Алаш" – "Белые", или как мы еще их называем "Красные Волки". Наша линия представляет "Внешний", "Красный" Круг, потому что мы, подобно расходящемуся кольцу на воде, двигаемся по миру во всех направлениях. "Внутренний" Круг никогда не меняет своего месторасположения – "синие" тайшины всегда находятся в Центре нашей Силы – в Храме Сумерек, в монастыре Тай-Шин, который спрятан в алтайских горах, подобно камню, ушедшему на дно водоема. Именно поэтому, пока я могу говорить с тобой только о традициях и особенностях нашего Круга.

Он встал и кивнул ученику на тропинку, ведущую по направлению к городу, вдоль реки.

– Пойдем, прогуляемся, пешие прогулки способствуют хорошему разговору.

Адучи кивнул, не решаясь вслух высказать опасение насчет близости реки. Если Наставнику опять придет мысль столкнуть его туда, он будет иметь весьма нереспектабельный вид при появлении в Горно-Алтайске. Но, обладающий весьма жестковатым чувством юмора, Айрук и так, казалось, прочитал эти беспокойные мысли, но разубеждать ученика в обратном, конечно же, не стал, только улыбнувшись своей многозначительной улыбкой, а уже через несколько шагов не выдержав, и рассмеявшись во весь голос. Но выражение его лица опять стало серьезным, когда он вновь вернулся к прежней теме.

– Четыре Искусства ИТУ-ТАЙ, которые разделяют Круг на равные области, это Четыре Ветра, Четыре Облика, Четыре Намерения – "Воин", "Охотник", "Мудрец", "Сновидец". Обычно мы изучаем все четыре Искусства, потому что они развивают разные аспекты нашей Силы. Каждому Искусству обучает Наставник – Иссит. Но объединяет все Направления в одно именно Камкурт, который символизирует Пустоту, Аксир – ритм, пронизывающий Вселенную. Я – Иссит, и сегодня мы приступим к более углубленному изучению ИТУ-ТАЙ. Но прежде, ты должен отчетливо понять его суть, предпосылки его возникновения и принципы его реализации. Ты должен прикоснуться к истокам ИТУ-ТАЙ и оттуда начать выстраивать свое прошлое, настоящее и, возможно – будущее...

Темные тучи уползли на север. Небо просветлело, по синеватый сумрак еще цеплялся за вершины высоких гор, выросших впереди непроходимой грядой.

– В основе Тай-Шин лежит воинская система шаманов, которые жили несколько тысяч лет назад. Она претерпела много изменений, и сейчас ее предназначение несколько отличается от древней версии. Сейчас она служит тайшину для того, чтобы он мог обеспечить себе и своим близким полноценную жизнь в этом жестоком и безумном мире. Это и развитие своего тела, и уравновешенность своего духа, и защита от врагов, и постижение красоты. Эта дисциплина не только для развития силы мышц, в первую очередь она закаляет Дух воина, позволяя ему приступить к расширению своих границ и освобождению от тех оков, которые накладывает на нас этот мир с момента рождения.

Айрук, не сбавляя темпа, идет по горной тропе вперед, даже не оборачиваясь на своего юного попутчика.

– Сегодня мы отправились в прошлое, на поиски истоков нашей Силы. Тайшины всегда ищут причины того или иного проявления Силы в прошлом, с которым все, что существует в настоящем, связа-но прочными нитями. Мы, тайшины, являемся, прежде всего, Хра-нителями Наследия, и поэтому мы можем, подобно клею, соединить воедино все фрагменты нашей истории и оживить ее. Но для этого необходимо установить точку отсчета, основание, на котором впо-следствии можно выстроить все остальное. Все имеет свою точку от-счета, свой исток. Так и все магические традиции являются фрагментами единого миропонимания, которое зародилось в древние времена на нашей Земле.

Они шли по узкому горному коридору уже несколько часов, отды-хая лишь ненадолго. Место, куда они прилетели на вертолете, совсем не походило на те места, где Адучи жил у Шорхита. И хотя здесь помимо горных степей тоже присутствовали горно-таежные масси-вы, ландшафт производил более суровое впечатление.

– Давай отдохнем, – наконец произнес Айрук, и Адучи, облегчен-но вздохнув, присел на каменный выступ, торчавший из-под чахлой травянистой копны.

Это был один из многочисленных походов в горы, являющихся обя-зательным этапом в обучении. Айрук категорически настаивал на них, заставляя Адучи изыскивать время и мотивацию для трех-четырёхдневных исчезновений из дома.

Наставник встает и, улыбаясь, кивает ученику на тропу. Они сно-ва идут по горной дороге.

– Тайшин – воин. Ему не чужды усталость и утомление, но они не оказывают на него такого разрушительного воздействия, как на че-ловека, который зациклен на своей персоне. Тайшин изначально меняет знаки в оценке событий. Он извлекает максимальную пользу из всех, даже, на первый взгляд, бесполезных или негативных ситуа-ций. Раздражение, разочарование, трусость, злость, страх – это не больше чем тени на земле. Они могут иметь различную площадь и причудливые очертания, но они по-прежнему остаются тем, чем и являются, – тенями.

Адучи чувствует, как икры ног начали наливаться свинцовой тя-жестью. Дорога, словно горячая сковорода, начинает жечь подошвы, прожигая насквозь пыльные кеды. Айрук как будто чувствует спи-ной состояние ученика.

– Все преграды, которые постоянно встают на нашем пути, все раны, которые вынуждают нас истекать кровью, все враги, которые жаж-дут нашей гибели... все это воистину непреодолимые препятствия, и все это – обязательные атрибуты Пути Воина. Обычный человек пре-терпевает на себе все те же аспекты этого сурового мира, но противо-стоять им у него нет никакой возможности, потому что их тысячи, и на место одному препятствию встает другое, на место одного врага – десятки. Тайшин же, прежде всего, ищет причину всех этих нападков, пытается вычленить суть происходящего, сведя источник всех этих напастей к единой точке, где эти отражения прячутся в сумерках подсознания. Только осознав, что все внешние проблемы – суть от-ражения наших страхов, можно уже реально что-либо сделать с ними. И только поняв эту истину, тайшин решает, как поступить с ними. А это уже вопрос стратегии. Можно начать долгую и изнурительную войну с самим собой, а можно просто улыбнуться своему отраже-нию в огромном зеркале именуемом "Мир", и тогда отражение неиз-бежно улыбнется своему оригиналу.

Каменная дорога внезапно закончилась. Вместо нее под ноги лег-ла черная упругая земля. Через полчаса оба путника вышли через длинный туннель к большой лощине, покрытой, как покачалось Адучи, словно ковром, высокой изумрудной травой. Зрелище бук-вально захватывало дух. Ощущение грандиозности окружающего ландшафта буквально переполняло тело какой-то невероятной внут-ренней силой.

– Вот это да... – восторженно пробормотал Адучи, потрясенный красотой пейзажа.

Далеко внизу, прямо в центре горного луга, мерцало зеркальной поверхностью крохотное озеро, и виделись какие то каменные возвышения, окружающие озеро с четырех сторон.

Айрук протянул вперед руку и, полузакрыв глаза, поклонился это-му великолепию, затем посмотрел на Адучи и благоговейно произнес:

– Вот мы и пришли. Это – одно из средоточий Силы, которое издревле известно тайшинам. Нужно идти. К вечеру мы должны успеть выйти вон к тому озеру. С наступлением сумерек пас будут ждать там.

Адучи удивленно посмотрел на Иссита, затем перевел взгляд на лощину и удивленно спросил:

– Там что, живут люди?

Айрук улыбнулся и покачал головой:

– Нет, что ты. Для людей это запретное место. Они не смогут выжить в нем, потому что это место убивает людей. Для того чтобы найти его, а уж тем более приблизиться к нему, необходимо иметь разрешение, необходимо быть тайшином. Ты еще не тайшин, ты только готовишься стать им, поэтому сегодня ты пришел сюда со мной, своим первым Наставником. Так поступают с каждым, кого намереваются посвятить в таинство ИГУ-ТАЙ. Это Место Посвящения. Там живут наши предки, духи времени. Это место создано только для духов.

Адучи недоверчиво посмотрел на Айрука и растерянно пробормотал:

– А как же мы? Мы же не духи.

– Мы? Что же, видимо, нам тоже придется стать духами. А что делать? Здесь условия диктуют не мы, а Сила, которая привела нас с тобой к этому Месту. Поэтому приготовься, не исключено, что тебе придется в очередной раз умереть на дне этой восхитительной лощины.

Стемнело рано. Сумерки начали стремительно сгущаться, и воздух, казалось, темнел прямо на глазах. Очевидно, это было и в самом деле необычное место. В нескольких шагах от Адучи возвышались две скалы, при самом ближайшем рассмотрении оказавшиеся огромными, замаскированными под естественные каменные образования, статуями: одна справа, изображающая мужчину в доспехах, другая слева, изображающая мужчину с закрытыми глазами. Выбитые на поверхности огромных цельных каменных глыб фигуры поражали тонкостью работы. Но увидеть это великолепие можно было только с расстояния в несколько метров – изображения словно становились объемными, как бы "выплывали" на поверхность, обычных с виду, серых скал. Одна из фигур застыла, словно во сне, улыбаясь чему-то, видимому только ей за закрытыми веками. У второй одна рука лежит на рукояти не то меча, не то сабли, подвешенной к поясу, в другой – небольшой сосуд.

Еще две скалы, очертаний которых Адучи не смог разглядеть во тьме, стояли на другом берегу озера, сориентированные, как и эти, согласно своим Направлениям.

– Это древние богатыри, – тихо говорит Айрук. Адучи кивает, заворожено разглядывая статуи. Айрук словно читает его мысли.

– Это не статуи. Это – древние богатыри, – повторяет он. – Это – шаманы Тай-Шин.

Адучи понимает, о чем говорит Иссит. Каменные изваяния в сгущающихся сумерках

действительно выглядят очень впечатляюще. Кажется, вот-вот откроются с хрустом сомкнутые глазницы, и гулкое эхо разнесет вокруг скрип каменных тел.

– Посмотри на них. Какие слова ты можешь подобрать для их описания? Адучи вглядывается в величественные облики:

– Высокие. Могучие. Зловещие. Грозные...

– Еще.

– Немые. Величавые. Древние...

Айрук кивает, превратившись в сумерках в расплывчатый силуэт:

– Эти каменные воины в растрескавшихся от времени шлемах на самом деле очень древние. Это – духи ИТУ-ТАЙ. Это – воины Тай-Шин, Стражи прошлого, Хранители загадочной эпохи...

Ночь и костер. Адучи уже привык к этому сочетанию. Айрук учил его, что огонь является одним из самых верных спутников человека, особенно ночью, особенно, в подобных местах, где Сила способна творить непредсказуемое. Огонь – это Защитник. Это свет, это теп-ло, это Щит от потусторонних сил, рыскающих повсюду в ночной темноте.

– Сегодня я расскажу тебе нашу историю. Это Место выбрано мной не случайно. Оно тоже является частью нашей истории. Как и эти воины, как я, как ты... Истоки возникновения ИТУ-ТАЙ, а так-же нашего Общества уходят своими корнями в глубокую древность. Основы нашего Учения зародились несколько тысяч лет назад, на Алтае, в месте, которое до сих пор остается загадкой для "цивилизированного" мира. Мы считаем Алтай перекрестком между Мирами. Именно здесь, на Алтае, проходит центральная ось, объединяющая все Три Мира. Это своеобразный "пуп Земли и Неба" – дьердин киндиги. Но, как ты знаешь из множества мифов, между Небом и Землей идет невидимое противостояние. И соответственно, одним из самых яростных мест этого противостояния на нашей планете является именно Алтай. Согласно преданиям, здесь произойдет последняя битва людей. Согласно легендам, здесь, между двумя великими ре-ками, спит Дракон ИТУ-ТАЙ, тело которого разделено на две части: Светлого и Темного Волков. Это Дракон должен скоро Пробудиться, и если какая-то из его частей не будет пробуждена и уравновешена с другой, произойдет большая катастрофа. Поэтому, мы, тайшины, ревнители Равновесия, исследуем обе Сферы, мы считаем, то их можно уравновесить, и тогда между подземельем, средним миром и небом не будет конфликта. Я чувствую, что ты хочешь задать вопрос?

– А как переводится ИТУ-ТАЙ?

Айрук поднял перед собой обе руки и сначала развел их в стороны, а затем свел вместе, сомкнув ладони.

– Название нашего Учения произошло от названия горной местности, где оно, фактически, и зародилось. Но подлинный смысл его, конечно же, гораздо глубже и имеет мистическую подоплеку. "Ик-Ту" – "Два Брата" – именно так звучало оно в древние времена. Позднее это название изменилось на иное – "Ики-Тау" – "Две Горы". Современный вариант "Иту-Тай", дошедший до нашего времени, переводится как "Учение о Двух Силах". Это мировоззрение, которое пришло из глубокой древности, и легло в основу идеологии нашего Клана. Оно не только действенно до сих пор и сохранило свою Силу, в настоящее время оно приобрело даже еще большую значимость. Но не многие смогут принять это мироощущение. Позже, ты поймешь, почему.

Огонь костра колыхнулся, и сноп искр завихрился в объятиях легкого ветерка, уносясь в черноту ночи светливой стайкой оранжевых светлячков.



– Для тайшина мир перестает быть жестким и ограниченным. Он становится таким тогда, когда тайшин перестает воспринимать себя жестким и ограниченным своим материальным телом.

Адучи мигнул и... тайшин пропал. Исчез, растворился во тьме, хотя только что сидел на расстоянии вытянутой руки. Адучи даже привстал от изумления. Но уже через мгновение Иссит по-прежнему сидел напротив него.

– Что так удивило тебя? – Айрук усмехнулся, словно ученик рас-сказал ему, что видел призрака.

– Мне показалось...

– "Показалось"... Люди настолько привыкли не доверять себе, что могут запросто назвать иллюзией все, что не укладывается в при-вычную картину мира. Люди так зажали сами себя в этих тисках восприятия, что любой шаг в сторону от стандартных образов тут же именуется ими обманом зрения.

Тайшин опять развел в сторону руки.

– Когда ставишь перед собой два предмета и отпускаешь свои глаза, разглядывая их, то рано или поздно эти предметы перестают быть четкими, они расплываются, и возникает третий предмет, кото-рый находится между этими двумя. Он иллюзорен, но, тем не менее, его можно очень четко наблюдать. Стоит вернуть глаза в привычное положение – этот предмет исчезает. Так же и наше Учение. Мы учим-ся смотреть на Две Горы, освобождая наше зрение и однажды между ними появляется Третья Гора. Ее можно разглядывать, к ней можно идти, но для обычного зрения ее не существует. Понимаешь? И по-этому мы – "тайшины", являясь Хранителями Священной Горы, как бы ничего и не охраняем, потому что для большинства людей ничего необычного и не существует.

– Зачем же тогда был создан Клан? Айрук усмехнулся.

– Потому что не все существа населяющие Землю, являются людь-ми... Адучи удивленно посмотрел на Наставника.

– То есть... существует еще кто-то?

Айрук повернул голову в сторону загадочных скал.

– В древности нас называли – Стражи Ворот. Пограничники. Так-же, нас именовали "Охранителями Курганов".

– Почему?

– Потому что только мы – Воины Тай-Шин – можем сдерживать то, что скрыто под землей и что всегда повергало человечество в тре-петный ужас...

– Мы склонны считать, что наше прошлое связано с наследием скифов, имевших в свое время обширные связи с Египтом, Китаем, Персией, Византией и Индией. Речь идет об Общине Хранителей, воинах-грифах, владеющих тайнами магии и воинского искусства. Но более сильное влияние на формирование Тай-Шин оказали тай-ные шаманские общины, в частности, возникший примерно в сере-дине прошлого тысячелетия в тюркской среде, Культ Волка, появление которого связывают с племенем Ашина, считающегося предка-ми тюрков. Предположительно, именно это племя и считается осно-вателем Клана Волка, Сумеречного

Культу, воплотившего в себе тай-ную доктрину языческой магии. Община воинов-"оборотней" прак-тиковала учение, основанное на древних знаниях местных культов гор, пропитанных магией шаманизма. "Серые воины" почитали Духа Волка, Духа Сумерек, Хозяина Алтая – божество с головой волка или просто волка, обитающего на священном лесистом холме.

Иссит замолчал, будто прислушиваясь к звукам ночи, а затем про-должил:

– Существует одна легенда. Она повествует о гибели рода Ашина, а затем о его фантастическом возрождении, принесшем тюркам стре-мительный взлет их культурного, военного и политического влия-ния. Что же стояло за всем этим? Послушай легенду:

"Предки ТЮГЮ составляли отдельный аймак. Они являлись по-томками древних гуннов под наименованием Ашина. Привольная жизнь Ашина не давала покоя соседнему князю. Выбрав подходящий момент, он послал в набег на них свое войско. Род Ашина был разбит. Вражеские воины истребили всех людей, сожгли дома, угнали скот. Но во время побоища уцелел девятилетний мальчик! Ратники, видя его малолетство, не стали убивать малыша. В то же время они стра-шились гнева своего кровожадного хана. Ведь он приказал им истре-бить всех до единого. Видимо, хан опасался кровной мести со сторо-ны оставшихся в живых за свой жестокий набег. Солдаты отрубили мальчику руки и ноги и бросили в травянистое озеро. Здесь в тяжелых муках он должен был умереть сам.

Давно улеглась пыль за ушедшим неприятельским войском, и вот перед потерявшим сознание мальчиком появилась волчица. Обойдя вокруг израненного отпрыска рода Ашина, волчица неслышно исчез-ла в густых прибрежных зарослях. Через некоторое время она так же неожиданно возникла из колючего кустарника, неся в зубах таин-ственное снадобье. Много хлопотала волчица, чтобы остановить кровь, сочившуюся из жутких ран, оставленных вражескими сабля-ми. Много раз тьма сменялась дневным светом и наоборот. Когда мальчик пришел в себя, он понял, что не простая волчица пришла к нему на помощь, что это Хозяин Гор принял облик зверя и явился, чтобы спасти последнего Ашина. Тогда он начал плакать и расска-зывать Духу обо всем, что приключилось с ним и его родными, приняв-шими мучительную и несправедливую смерть от алчных и коварных врагов. Но Дух уже, конечно, все знал. Волчица забрала мальчика с собой – На Ту Сторону Дня – в Сумерки, где люди уже не могли причи-нить ему вреда. Изувеченный, без рук и без ног, – мальчик мог жить только там, на Темной Стороне Дня, потому что это место было Сном волчицы, в котором мало что осталось от обычного известно-го людям мира".

– Что было дальше? – шепотом спросил Адучи. Айрук помолчал несколько секунд, словно вспоминая продолжение легенды, и затем опять заговорил:

– До хана долетел слух о том, что мальчик все-таки уцелел. К озеру были вновь посланы воины с приказом найти и уничтожить после-днего Ашина. Но ни один из посланников хана назад не вернулся. Что стало с ними, что стало с мальчиком, до сих пор остается тайной. Но существует еще одно предание, что через некоторое время волчи-ца снова появилась в Алтайских горах.

"В горах находится пещера, а в пещере есть равнина, поросшая гус-той травой. Со всех четырех сторон равнины лежат горы. Здесь укрылась волчица и родила десять сыновей. Впоследствии каждый из них составил особый род. Один из сыновей волчицы носил прежнее родо-вое имя – Ашина. Человек этот обладал большими способностями и поэтому был избран главой рода. В память о чудесном рождении в сво-ей ставке Ашина выставил знамя, украшенное волчьей головой".

Айрук замолчал и, подкинув в огонь сухих веток, посмотрел в сторону каменных воинов, возвышающихся неподалеку, на границе света и ночной темноты. На их каменных лицах, выглядывающих из глубины скал, плясали отсветы огня, слагаясь в причудливые тени.

– Именно он, Ашина, согласно одному из преданий, и организовал тайную Общину Тай-Шин, Клан воинов, владеющих сверхъестественными силами, полученными от Духа Гор. Само название "Тай-шин" имеет несколько значений. Одно из них, в частности, означает "Свободный Волк". Это обусловлено сочетанием двух составных частей: "Тай" – "Свобода" и "Шин" или "Шын" – "Волк". Есть еще один вариант перевода, происходящий от "Тау" – "Гора" и "Шын" – "Истина", "Вершина", "Могущество". "Вершина Горы" или "Могущество Гор". Вообще, почитание волка в те времена было достаточно распространено в Азии. У монголов "Чино" также означает "Волк". Не случайно Темуджин взял имя Чингиз-хана, это было продиктовано принадлежностью к родовому тотему: "Чингиз" – "Сын Волка", "Великий". Многие народы, например, официально именовали тюрков Ашина Волками. Здесь, на Алтае, это особенный символ! "Кок Бури" – "Синие Волки", или "Небесные Волки", – так именуют своих духов-покровителей тайшины. Именно здесь, на Алтае, образ Волка напрямую пересекается с образом Дракона. Есть еще одно очень древнее поверье: когда-то, давным-давно, волки имели крылья и могли летать подобно птицам и даже быстрее птиц. Но однажды, когда сумерки опустились на землю, коварные демоны украли у волков крылья, считая, что они недостойны подниматься в небо, будучи порождениями земли. Чтобы волки не нашли свои крылья, демоны спрятали их на темной стороне Луны. С тех пор волки объявили войну демонам, и как только сумерки вновь застилают землю, волки выходят на свою охоту в надежде на отмщение. И только когда в ночном небе светит призрачная Луна, волки воют в отчаянии, оплакивая утерянные возможности и вспоминая восторг своих путешествий по безграничным пространствам небесных полей. Вот такая грустная история. Может быть, именно поэтому Волк считается самым почитаемым тотемом на Алтае. Даже в названии многих современных родов присутствует поклонение этому тотему. Волк – это символ магии освобождения, он пришел к нам из туманного прошлого, наполненного непрерывными битвами. То было очень сложное и страшное время. Официальная наука считает, что шаманы изначально никогда не объединялись в организации. Но, на Алтае было множество периодов, когда шаманы были поставлены под угрозу истребления. Взять, например, период Джунгарского ханства, когда шаманов истребляли десятками. В таких условиях можно было выжить, только объединяя свои силы, знания, возможности. Возможно, именно так и появился культ Серого Будды, возникший на стыке слияния некоторых языческих общин с мистическими ответвлениями буддизма, получившего распространение в тюркской среде еще в позднегуннских государствах Восточного Туркестана в IV-V веках, с которыми, кстати, генетически и исторически связано племя Ашина. Также сказало на этом слиянии влияние буддийских центров Тибета, Монголии и Средней Азии. Есть еще одна легенда о возникновении нашей Общины. Она гласит, что во времена гонения на шаманов и насильственного насаждения буддизма и ламаизма существовал тайный буддийский Орден ИТУ-ТАЙ – Общество Серого Будды. Он состоял из буддийских мистиков, которые давали опальным шаманам приют и скрывали их в своих храмах, принадлежащих к официальной религии. Эти маги именовали себя "Тэнгами" – "Драконами", "Воинами Ветра", "Воинами Серого Будды". В рамках этого Ордена вывела уникальная магическая практика – "Аксир". Тэнги были великими воинами. Свое тайное искусство они использовали, в частности, для того, чтобы противостоять демонической расе, скрывающейся под землей и объявившей войну человечеству. И вот однажды на Храм Тэнгов напали совершенно жуткие существа – Шалоты, воины-убийцы из подземного мира, которые были, по сути дела, трупами погребенных воинов, скрепленных черными жрецами с темными духами подземелья. Шалоты уничтожили

практически всех Тэнгов и снова ушли под землю, разорив Храм ИТУ-ТАЙ. Но один Тэнг остался жив. Он оказался в дремучей предгорной тайге, где его нашли и выходили тайшины, воины-шаманы, отшельники, исповедующие культ Волка и скрывающиеся в лесу. Они взяли на себя охрану молодого Тэнга, который впоследствии возродил ИТУ-ТАЙ, сделав его многократно могуще-ственнее, за счет слияния двух мистических культур. Так возникла новая Община "ИТУ-ТАЙ". Ее адепты стали именовать себя "Тайшинами" – "Свободными Волками", "Волками-Оборотнями", "Без-ликими".

Айрук встал и жестом пригласил Адучи следовать за собой. Они вышли из области, освещаемой светом от костра, и тут же оказались в непроницаемой тьме, окружившей их со всех сторон. Костер горел уже где-то позади, а они шли, утопая по колено в траве, все дальше и дальше удаляясь от огня и каменных стражей, как показалось Адучи – в направлении озера. Он хотел спросить, куда они идут, но при-вычно промолчал. Айрук, не сбавляя темпа шагов, заговорил снова:

– Позже влияние этой общины распространилось далеко за пределы Алтая, охватив своей тайной деятельностью Гималаи, Тибет, Китай, Монголию, Казахстан, Алтай, Сибирь и ряд других стран, в том числе и Японию, где это Учение тесно переплелось с сюгендо, а впоследствии и с некоторыми школами ниндзютсу... Да-да, ИТУ-ТАЙ в различных вариантах достигло отдаленнейших мест на зем-ном шаре. Мы же являемся адептами Общины, с которой началось это движение. Считается, что это единственная из общин, сохранив-шая Учение в нетронутом виде. Наша линия развивалась в соответ-ствии с очень специфическими целями, характерными именно для Алтая с его исторической миссией. И это позволило сохранить нам до настоящего времени истинное содержание ИТУ-ТАЙ. Вершитель Клана, которому в свою очередь подчиняются Камкурты, стал назы-ваться именем, символизирующим объединение двух кланов: Тэнгов-Драконов и Тайшинов-Волков. До сих пор Вершители Общества именуются нами "Волк-Дракон". Запомни, в этом названии кроет-ся реальная магия.

Адучи споткнулся, и чуть было не потерял Иссита из вида, но тот даже не остановился. Они вес шли и шли, и Адучи стало казаться, что Айрук просто водит его вокруг озера.

– В основу своей деятельности тайшины положили постулат о полной тайне в отношении всех аспектов их существования, в том числе и практикуемого ими Учения. Согласно этому постулату, став-шему их жизненным принципом, они получали возможность эф-фективно действовать в обеих Сферах – царствах Света и Тьмы, не нанося ущерба ни своему телу, ни своему сознанию, ни своему духу. Именно здесь, на Алтае, патриархи Тай-Шин создали тайную оби-тель, монастырь в Месте древней Силы, который получил название Храм Сумерек, Храм Ветра. Там монахи ИТУ-ТАЙ – Хранители столетиями хранят древние знания и накапливают особую Силу. На протяжении веков некоторые из людей пытаются иногда найти это место. Одни ищут его в Афганистане, другие – в Индии, на Кавказе, в Гималаях... Третьи считают, что он располагается в под-земных гротах, или даже на дне необыкновенного озера, под тол-щей ила и песка. Некоторые полагают, что Храм Сумерек вообще не принадлежит видимому миру. Но об этом мы поговорим позже, когда твое сознание будет в состоянии вместить в себя это знание. У тебя есть вопросы?

Они остановились, и Адучи начал соображать, с какого вопроса уместнее начать.

– А откуда такое название – "Серый Будда"?

– Серый Будда – "Князь Тишины". Считается, что Серый Будда занимает один из углов мистического треугольника, образованного еще двумя Буддами: Белым и Синим. У него вообще много назва-ний, но никто не знает, кто он и как выглядит. Он – Безликий, и этим все сказано. Например, в алтайском пантеоне есть такое божество – АЯС-ХАН, "рано выходящее Солнце, сияющая вечером Луна". Это божество "ближнего неба", имеющее неясный внешний облик. Мо-

жет, это один из отголосков почитания Серого Будды, который, как ты позже узнаешь, тоже имеет непосредственное отношение к сим-волике Солнца и Луны, кто знает? Темный Будда, не правда ли звучит несколько мрачновато и загадочно? Темный – это символ Тай-ны, Мудрости. Кто он? Дух Сумерек, научивший тайшинов много сотен лет назад проникать в обе Сферы, составляющие Ксин? "Хо-зьян Алтая"? Особое божество, представлявшееся иногда в облике белого Волка или в облике божества с головой волка? Ты когда-ни-будь сам дашь себе ответ на все эти вопросы.

Темнота, говорившая голосом Иссита, струилась перед Адучи по-добно черному дракону, меняя направление, ускользая, тая в ночи. Наставник уловил сравнительный образ, возникший в мыслях уче-ника.

– Когда-то, очень давно, Дракон, или Грифон, был самым уважае-мым и могущественным символом в этом мире. Влияние этого сим-вола распространялось на все континенты. Особенно сильным было оно в азиатской части, в Японии, и, как ни странно, в Северной Америке, где шаманские культы формировались на основе знаний, привнесенных туда кочевниками из Сибири. Символ Дракона, или Змея, был очень близок, в частности, мистической культуре майя, толтеков, ацтеков, которые связаны с Алтаем самым тесным обра-зом. Вообще, ИТУ-ТАЙ оказало очень сильное влияние на мировые процессы, хотя большинство людей, населявших планету в те дале-кие времена, и уж тем более, сейчас, не подозревают об этом. Одним из наиболее показательных примеров является создание первых го-сударств на территории Алтая, в частности, Первого Тюркского ка-ганата в четвертом веке. Опираясь на тайное влияние адептов Куль-та Хранителей, власть тюркских правителей распространилась на огромную территорию: на севере она доходила до Байкала, на юге – до Китая, на западе – до Средней Азии, на востоке – до Ляодунского залива. Саяно-Алтайское плоскогорье оказалось почти в центре их владений. Это был невероятный взлет тюркского правления, необъяс-нимый привычными категориями. Как будто неведомая сила управ-ляла непобедимыми воинами. Само слово "тюрк" означает "креп-кий", "сильный". А в те времена, впрочем, как и сейчас, выживали лишь сильнейшие. Во времена тюркских завоеваний властителей всех соседних государств мучил неразрешимый вопрос: "Кто из бо-гов ведет этих непобедимых воинов? Что дает тюркам могучую силу, позволившую им стать господами половины мира?". Этот вопрос мучает историков и по сей день, но истинной сути происходящего они не могут осознать. Ты же многое поймешь, когда твой разум станет более свободным в восприятии, казалось бы, очевидных исто-рических истин. Не все так однозначно, как учит нас человеческая история. В ней много белых пятен, неверных гипотез и ошибочных мнений. Ты должен смотреть назад только взглядом новых глаз, ко-торые даст тебе ИТУ-ТАЙ. Только так ты сможешь увидеть истин-ную суть происходящего, скрытую за толстым слоем человеческих заблуждений. А сейчас ты уже достаточно разогрелся, чтобы я мог показать тебе кое-что. Это то, ради чего мы пришли сюда. Это магия Тай-Шин. Здесь мы имеем возможность прикоснуться к Запредель-ному, потому что здесь расположено одно из самых древних Мест Силы на этой планете. Я не зря сказал, что Тай-Шин тесно перепле-тается с магией. Это не какое-то религиозное учение, философская концепция или набор абстрактных идей. ИТУ-ТАЙ – это нечто ре-альное, содержащее в себе огромную силу. Эта Сила окружает нас повсюду, она является частью всего, что ты видишь вокруг, потому что все окружающее нас подчиняется этому закону.

Адучи ничего не видел в темноте, но почувствовал, что Айрук ос-тановился. Он тоже замер на месте, прислушиваясь к движениям тайшина.

– ИТУ-ТАЙ – это наука о Двух Силах. Но она не просто учит нас жить. Она сама является жизнью. Все, что мы делаем, является взаи-модействием ИТУ и ТАЙ. Поэтому, если ты хочешь прожить дос-тойную жизнь, ты должен понять причины и законы, лежащие в ос-нове всех твоих

побуждений и действий. ИТУ-ТАЙ, однажды войдя в твою жизнь, останется там навсегда, направляя тебя, давая тебе знания и силу. Это очень древнее искусство. Можно сказать, что ты стоишь в эпицентре его зарождения. Нас всех приводили сюда. Мы все прошли через то, что сейчас предстоит сделать тебе.

Айрук замолчал и шагнул в сторону. Адучи понял это, потому что темный силуэт тайшина закрывал невероятно красивую панораму – спокойную гладь небольшого озера, в котором отражалось ночное небо, усыпанное звездами. Все это время Иссит находился прямо перед Адучи, каким-то удивительным образом преграждая собой это дивное зрелище. Затем озеро опять погрузилось во тьму. Это Айрук снова встал перед своим учеником.

– То, что ты видел сейчас, является одним из элементов магии Тай-Шин. Позволять видеть то, что считаешь позволительным показать, – вот его смысл. Сейчас ты попался на этот прием, и в этом ничего удивительного, потому что сейчас ты слеп, как и все остальные люди, с которыми тебе, возможно, еще придется встретиться. Ты смотришь на окружающий мир, и этот поверхностный взгляд позволяет тайшину, владеющему ИТУ-ТАЙ, навязать тебе все что угодно. Учись видеть суть вещей, только так ты сможешь отделять истинное отложного, навязанного. Только так ты сможешь найти пути к свободе и достичь РАВНОВЕСИЯ – истинной реализации ИТУ-ТАЙ. Для этого тебе необходимо поменять глаза человека на глаза Волка-Дракона, "видящего". Но это состояние доступно только уравновешенному тайшину. В тебе же пока что одна чаша весов перевешивает другую. Учение, которое мы практикуем, призвано восстановить равновесие. Я хочу показать тебе что-то. Это один из аспектов ИТУ-ТАЙ, это магия Аксир. Раздевайся.

Адучи не стал задавать лишних вопросов, он знал – Наставнику это не понравится. Поэтому он стремительно скинул с себя рубашку, брюки и кеды, но сложить их аккуратно не успел, потому что Айрук внезапно переместился к воде и Адучи, испугавшись, что потеряет его в окружающей темноте, швырнул все в одну кучу.

Они сели друг напротив друга перед самой водой. Адучи с трудом различал Айрука даже на расстоянии вытянутой руки. Ночь вокруг то становилась чуть светлее, то превращалась в аспидно-черную, сплошную, непроницаемую. Лишь легкий шелест травы, потревоженной ветром, становился тогда единственным звуком, существующим в этом мире.

– Ты боишься? – спросил Айрук из темноты.

– Да. – Адучи поежился.

Странная дрожь потекла по телу электрическим током. Дрожь, не связанная с холодом, потому что было наоборот – жарко. Внутри, откуда-то из живота, поднимался вверх столб приятного огня, котопый, впрочем, никак не мог растопить кусок льда в груди, кусок страха, пульсирующего и сотрясающего тело.

– Ничего страшного. Это нормальная реакция. Смерть всегда пугает нас, хотя мы ничего и не знаем о ней на самом деле. Это и есть отсутствие Равновесия. Это отсутствие порождает в нас все самое неприглядное: страх, агрессию, жадность, голод... Все. Ты должен избавиться от всего этого. Но для этого тебе необходима Сила. Тебе нужен АКСИР. Он соединит воедино твою двойственность. Он соберет тебя, соединив Свет и Тьму внутри твоей сущности.

– Тьму?

– Да. Мы все обладаем и Светом, и Тьмой, но не знаем об этом наследии, делающем нас Звероангелами. Тьма внутри тебя. Ты боишься?

– Да.

– Боишься чего?

– Тьмы внутри меня.

– Ты что-нибудь знаешь о ней, что делает ее страшной?

– Нет, ничего. Но это и делает ее страшной.

– Страшной? Да. Но ты вкладываешь в это понятие несколько иной смысл. Ты считаешь Тьму злом, а следовательно, опасаясь, что оно причинит тебе вред. Так?

– Да.

– Но ведь страх и зло – это не всегда одинаковые понятия. Зло не всегда вызывает страх, так же как и страх не всегда связан со злом. На самом деле тебя пугает именно неизвестность. Ты боишься не Тьмы как таковой, а человеческих суждений о ней. Люди вбили этот страх тебе в голову с самого раннего детства. А между тем Тьма – наша неотъемлемая часть. Это одна из частиц единого целого, вто-рая половинка Ксина. Так мы называем наше второе энергетическое тело – "тело Шамана", потому что когда внимание перемещается в эту область, все вокруг погружается в сумерки. Относиться к себе по-иному – значит, фактически утверждать, что ты боишься своих рук, глаз, ушей... Мы всегда попадаем в ловушку терминов и названий. Мы не можем говорить ни о Тьме, ни о Свете, так как это довольно абстрактные понятия. Но мы можем говорить о "теле Звезды" и о "теле Шамана", так как мы можем не только воспринимать их, но и использовать. Страх – это вообще не проблема на самом деле. Это лишь одно из звеньев цепи, которой человек прикован, подобно козленку на лугу, на небольшом пятнышке земли. Мы должны исправить положение вещей. Область Тьмы имеет устрашающий потенциал, но так как это часть нас, мы должны научиться использовать ее. Забудь все, чему обучали тебя там, в мире, который остался далеко за стенами этих гор. Это призрачный мир. Там живут существа положившие в основу своей жизни бегство от самих себя и от этой самой жизни. Призраки. Они крадут у себя этот мир, но самое страшное заключается в том, что они крадут своих собственных детей у себя же самих. Тебе говорили, что Тьма – это зло, но что такое зло, не смогли объяснить, так же, впрочем, как и что такое Тьма. Тебе говорили, что Свет – это благо, но эти слова были произнесены заученно, в них нет ни песчинки знания, в них нет чувств. Люди разучились чувствовать, они привыкли доверять книгам и шепоту коварных духов, прячущихся в их головах. Я же предлагаю тебе почувствовать. Я не собираюсь тебя ничему учить. Тай-Шин основано не на обучении. Нам нечему обучаться, мы все уже знаем и умеем. Наша проблема в том, что мы спрятали эти знания и умения где-то глубоко в себе. Тай-Шин помогает избавиться от этих оков, обрести принадлежащие нам возможности и избавиться от унижающей ограниченности, делающей нас слепыми и малоподвижными рабами обстоятельств. Тай-Шин – это Искусство Индивидуального Стиля, это Путь к Самому Себе. Но встать на него можно, только собрав воедино все свои разрозненные части. Пока ты будешь делить себя, перед тобой постоянно будут две дороги, и ты постоянно будешь выбирать по какой идти. Рано или поздно необходимость постоянного выбора либо сведет тебя с ума, либо ты сделаешь ошибку, сбившись с пути и соскользнув в область Тьмы. И вот тогда Тьма, от которой ты бежал всю свою жизнь, уничтожит тебя, задушив твоими собственными страхами, которые обретут в сумерках облик и плоть. Темнота замолчала, а потом опять спросила голосом Наставника:

– Ты помнишь ту ночь в тайге, в доме Шорхита?

Адучи поежился и сложил руки на груди, не то, пытаясь согреть себя, не то, защищаясь от этого навязчивого воспоминания, которое всегда повергало его в необъяснимый ужас.

– Когда-нибудь, ты поймешь, кто приходил за тобой. И когда это произойдет, ты должен быть подготовлен. Потому что в противном случае, даже одно понимание этого эпизода сможет нанести непоправимый вред твоему уму. Пока ты будешь разделен, ты будешь испытывать на себе колоссальное напряжение, порожденное непрерывным выбором. И только когда ты почувствуешь, что ИТУ-ТАИ находится между оценками, только тогда ты увидишь единый путь – твой Путь, Дорогу, на которой отсутствует напряжение, на которой ты чувствуешь себя сильным и счастливым – Путь твоего Сердца. На ней нет разделения между Светом и Тьмой, нет

противоречий, так свойствен-ных мечущимся призракам, забывшим свое величие и не замечающим величия окружающего их мира. По этой Дороге ты пойдешь бы-стро и уверенно, потому что будешь ориентироваться не по старым, давно устаревшим картам; составленным слепыми призраками, а бу-дешь полагаться на свои чувства, инстинкты, интуицию, которая по-ведет тебя по твоей Судьбе, через непроглядную тьму к рассвету.

Адучи почувствовал, как откуда-то сзади пришел из пространства легкий толчок в спину, и он начал терять ориентиры. Окружающая чернота теперь напоминала безграничное безвоздушное простран-ство, в котором он, перепуганный обнаженный человек, висел в невесомости, тщетно пытаясь обнаружить что-нибудь из элементов привычного мира, которые бы смогли задержать это парение над землей.

– Не думай ни о чем. Пусть твои мысли вытекут из тебя в эту обво-лакивающую ночь. Отпусти их. Пусть текут. Не думай. Это так про-сто. Отпусти названия прочь. Они тебе больше не нужны. Чувствуй. Ощущай. Не думай... умай... ай... ай... и...

Вселенная качнулась. Адучи вдруг увидел Иссита! Айрук сидел не перед ним, как ему казалось поначалу, а чуть левее. Аура, перели-вающаяся мерцающими искрами, окутала тайшина с ног до головы.

– Сила в тебе уже просыпается. Не удерживай ее в своей глубине. Выпусти ее на свободу. Позволь ей течь естественно и свободно.

– Я...я... не могу... не хочу.

– Ты боишься, и этот страх является страхом предчувствия. То жалкое существо, что в ужасе сжалось внутри тебя, чувствует про-буждение новой Силы, чувствует свою гибель, блуждающую где-то здесь, вокруг нас, в ночи... Не препятствуй этому чувству. Наслаж-дайся им. Отдели свои ощущения от ощущений чужеродных. Кто-то цепляется за твой дух, мешая ему развернуться в окружающей нас энергии. Позволь себе раствориться в этом огне, который уже стру-ится в твоих жилах. Сожги себя и того, кто прячется внутри тебя, выдавая себя за тебя. Ты не погибнешь, потому что ни Свет, ни Тьма не причинят тебе вреда, ты наполовину соткан из Света и наполови-ну – из Тьмы. Но тот, кто пытается напугать тебя, шепча на ухо в отчаянии свои страшные сказки, непременно погибнет, растает по-добно призраку. И тогда, ты сможешь вздохнуть свободно. Раство-рись в окружающей темноте. Она уже затекает в тебя, растекаясь темным пламенем внутри. Не сопротивляйся этому движению. Ос-танься здесь навсегда.

Адучи хотел закричать, но не смог, тогда он просто всхлипнул, за-путавшись в тех чувствах, которые действительно распались на два параллельных потока. Один поток извивался кольцами внутри, пы-таясь остановить этот распад на части. Второй – стремительно неся наружу, пытаясь разбить границы тела и смешать их с ночью. Адучи почувствовал, что если сейчас он не сможет закричать или запла-кать, то его непременно стошнит. Айрук тихо рассмеялся. Мерцаю-щие огни вокруг него стали ярче, но этот свет не рассеивал окружаю-щей тьмы.

– Я покажу тебе... – Тайшин протянул руку Адучи, и тот осторож-но коснулся ее своей трясущейся рукой. Все тело ученика опять на-чала бить крупная дрожь, исходящая откуда-то из-под земли, втекая через ноги вверх, расходясь по организму вибрирующей волной.

– Отпусти себя, – мягко сказал Иссит, – ты себе больше не принад-лежишь. Ты принадлежишь Силе, которая отныне поведет тебя. Слу-шай ритм Сердца Земли. Ты слышишь его?

Адучи не слышал, но чувствовал – вибрации, поступавшие в тело, действительно имели определенный ритм, некую циклическую ме-лодию.

– Это бьется Сердце Земли. Если ты сможешь улавливать это зву-чание, то рано или поздно обнаружить свой, не навязанный, а есте-ственный Ритм, который станет для тебя гармоничным ритмом тво-ей жизни, двигаясь в котором, ты станешь тем, чем мы все, на самом деле, являемся,



– неотделимой частью этой огромной планеты. Впусти в себя Дух Земли, следуй за биением Сердца Планеты. Растворись в нем... – Айрук закрыл глаза, и от этого его аура засверкала еще ярче. Так они стояли минуту, две, полчаса, вечность, погруженные в темный безграничный океан ночи. Адучи трясся, словно эпилептик. Ему даже показалось, что это земля под ногами заходила ходуном. Будто в подтверждение этому ощущению из глубины планеты поднялся к поверхности невидимой волной очередной мощный импульс. Тело трянуло так, что клацнули зубы. Адучи в панике посмотрел на тайшина. Но тот был недвижим, словно начавшееся землетрясение не имело к нему никакого отношения. Он крепко держал за руки своего ученика, погруженный в себя, спокойный, отрешенный. Адучи немного успокоился, видя эту отрешенность. Эта тряска окончательно спутала все мысли в его голове. Вдруг вдалеке громыхнул гром. Звук этот напоминал треск натянутой мембраны, как если бы небо было огромным темным тамтамом, порванным одним ударом ножа. Еще один удар. Уже ближе. Еще. Раскаты грома раздавались уже со всех сторон, но молний не было видно. Адучи заметался, но тайшин крепкой хваткой удерживал его руки в своих. Через мгновение вокруг уже бушевала стихия, угрожая разверзнуть ставшую зыбкой землю и обрушить сверху ставшие тяжелыми и плотными небеса. Громыхнуло над самой головой. Адучи подбросило вверх, но его рук Айрук не выпустил. Тьма вокруг наполнилась движением, звуками и каким-то неуловимым, но осязаемым электричеством, витающим в воздухе. Еще удар, сильный, оглушительный. Адучи почувствовал, как его голова колыхнулась из стороны в сторону, и сразу после этого он стал улавливать то здесь, то там, мерцающие огоньки. Они мигали и исчезали, чтобы через мгновение возникнуть снова в большем количестве. Раскаты грома слились в один продолжительный и нарастающий гул. Вся долина наполнилась ярким, но не слепящим светом. Обалдевший Адучи окончательно потерял пространственные и временные ориентиры. Внутри, в животе, что-то запульсировало и затем мягко толкнуло его в солнечное сплетение. И тут же прямо перед ним возник потрясающих размеров Купол, светящаяся мягким светом огромная гора! Купол был настолько громадным, что было непонятно, как он вообще может располагаться здесь, в этой горной лощине. Это видение вызвало странное чувство покоя, умиротворенности, и накладывающиеся на них, восторг и эйфорию. Эти два разных ощущения слились в одно, и Адучи вдруг начал понимать...

\* \* \*

Прохладный ветер приятно освежил лицо своим мимолетным касанием. Адучи открыл глаза. Вокруг было по-прежнему темно и тихо.

Иссит стоял напротив и улыбался ему, опять еле различимый во тьме.

– Это АКСИР – Ключ от ИТУ-ТАЙ. Сегодня он открыл для тебя Двери Земли. Ты видел истинный облик того Места, где мы находимся сейчас. Таким оно является на Той Стороне Дня, в Запредельном. Сейчас ты еще можешь выбирать: либо стать тайшином, либо остаться человеком. Во втором случае ты вернешься в свой призрачный мир и уже через несколько дней забудешь полностью то, что видел здесь, через пару месяцев ты забудешь меня и всех остальных тайшинов, а затем ты станешь прежним Максимом Ковровым, которым и умрешь среди призраков, будучи сам таковым. Выбрав первое, ты встанешь на Дорогу Странников, которая поведет тебя в не-известном направлении. В этом случае Путь Странствий ИТУ-ТАЙ начнется для тебя здесь и не закончится уже никогда, в каком бы из миров ты ни находился. Ты должен выбрать. У тебя было много времени чтобы все продумать, настало время принять решение,

которое навсегда изменит твою жизнь в ту или иную сторону. Ты готов?

– Я... не знаю, я попробую... – пробормотал Адучи, чувствуя, что действительно стоит перед чертой, которая является для него всем – и жизнью, и смертью, и судьбой.

– Нет! – жестко оборвал его Айрук, – ИТУ-ТАЙ не терпит попыток. Эта не та Сила, с которой можно играть в эти человеческие игры, исполненные необдуманности и нерешительности. Ты должен быть предельно собран сейчас. Тщательно все взвесь и прими решение. От тебя требуется осмысленное и четкое решение. Неопределенность здесь неуместна. Итак... – он опять закрыл глаза, словно не мешая ученику обдумывать свое прошлое, настоящее и будущее. Вокруг стояла абсолютная всепоглощающая тишина. Мир, казалось, тоже напряженно ждал ответа. Адучи улыбнулся и, набрав полную грудь воздуха, задержал дыхание:

– ДА! – ...Да... да... да... да...

– Выбор сделан, – тихо сказал Иссит. – Твое время в призрачном мире истекло. Здесь, на Месте Древней Силы, ты должен будешь на-чать отсчет своему новому времени. Каждый тайшин вынужден де-лать это, после того как он подтверждает свой выбор умереть для мира людей. Ты должен перейти Мост. Как сложится твоя судьба дальше, не знает никто. Может быть, мы даже никогда не увидимся с тобой отныне. Я сделал все, что требовалось от меня, я привел тебя к Мосту. Дальше дело за тобой. Если ты перейдешь его, то войдешь в область ИТУ-ТАЙ. Если Сила сочтет нужным, она даст тебе прово-жатога, который, может быть, станет впоследствии одним из твоих самых лучших Друзей. Теперь я должен идти. Я рассказал тебе исто-рию Наследия, полученного тайшинами. Остальное – во власти Силы, которая поведет тебя дальше. Все, больше говорить не о чем. Иди. Тебе пора.

Адучи молча кивнул, отчетливо понимая все, что хотел сказать ему Наставник. Он шагнул вперед, желая попрощаться с Айруком и поблагодарить его за все, что тот сделал, но встретил лишь пустоту. Иссита там не было. Голос тайшина раздался уже из-за спины.

– Твой Путь должен начаться здесь. Отсюда ты пойдешь во тьму, чтобы очиститься перед длительным путешествием к рассвету. Мост располагается не снаружи, он где-то внутри тебя, ищи его в глубине своего сознания. Ты должен пересечь его. На той стороне тебя будут ждать...

Адучи обернулся на голос и встал, прислушиваясь. Никого.

– Айрук... – позвал Адучи тихо, но тот, кого звали Айруком, либо неслышно удалился, либо растаял в воздухе, будто его и не было здесь только что. Постояв еще несколько минут, вслушиваясь в звуки ок-ружающего мира, Адучи медленно пошел вперед, во тьму, и тут же, через пару шагов ступил по щиколотку в воду. Озеро. Очиститель-ная купель, в которой отражается Вселенная. МОСТ. Адучи обер-нулся и снова нерешительно позвал:

– Айрук... – Но ему никто не ответил. Адучи закрыл глаза и, судорожно вздохнув, вошел в прохладную воду.

Озеро он переплыл минут за пять. Оно оказалось не таким уж широким, но, судя по холоду, сковывающему тело, достаточно глубо-ким. Адучи плыл в темноте, иногда переворачиваясь на спину, экономя на всякий случай силы, и тогда его взору открывалась завора-живающая Вселенная, мигающая огромными серебристыми звезда-ми. Тогда начинало казаться, что он плывет в этой сверкающей чер-ноте, и нет ни конца, ни края, этому заплыву. И когда руки и ноги окончательно одеревенеют от переохлаждения, можно будет совершенно спокойно расслабиться и пойти на дно, потому что дна на самом-то деле никакого и нет, везде только

ночь и звезды...

Рука коснулась каменного дна, и Адучи. фыркнув, очнулся от грез, вставая на ноги. Он тщетно прислушивался к своим ощущениям, полагая, что ритуальное очищение водой должно было все-таки как-то сказаться на общем состоянии, но, кроме холода, не почувствовал ничего необычного. Когда он вышел на берег, прохладный ветер, зазмеившийся из темноты, схватил его в свои объятия, и все мысли стали меркнуть, уступая место одной: "Огонь!". Нужно было бежать, огибая озеро по кромке воды, возвращаясь к разведенному костру, который, возможно, еще не успел погаснуть.

Адучи попытался волевым усилием создать вокруг себя защитный энергетический кокон, как его учил Айрук, но ветер безжалостно хлестал его со всех сторон, словно подгоняя куда-то. Абсолютно не ориентируясь на местности, Адучи побежал, тщетно вглядываясь в ночную мглу. Костра нигде не было видно. И когда он почувствовал, что падает от слабости, усталости и холода, из глубины подсознания пришла подсказка: "Костер увидеть невозможно, его можно почувствовать". Конечно, в высокой траве, с заградительным поломом, построенным Айруком, тлеющий костер обнаружить было крайне трудно. Оставалось рассчитывать на то, что тело поймает ощущение огня и выведет к нужному месту.

К поляне между статуями Адучи вышел уже вконец обессиленный, исцарапанный и замерзший. Костер еще горел, но одежды рядом не было, он ведь бросил ее где-то неподалеку от озера. Искать ее сейчас в темноте было просто нереально. Адучи сел перед затухающим огнем и попытался собраться с мыслями. В груди щемило странной саднящей болью, которая обычно предшествует слезам.

"Тайшин – воин. Усталость и утомление не могут сломить его намерение...".

Каменные стражи призрачно белели смутными силуэтами скал по разные стороны от костра. Адучи смотрел на них, отчетливо понимая, почему Айрук расположился именно в этом месте, именно между этими двумя статуями. Все так просто. Мысли были кристально чистыми и возникали в опустошенном разуме четко и ясно. Адучи улыбнулся и стал смотреть перед собой, поверх костра, в темноту, где простиралась уснувшая долина, покрытая сумрачным одеялом зыбкого тумана. Тьма. Тишина. Пустота. Покой...

– Кушун тегер мертех, – прошептал Адучи незнакомую фразу, внезапно всплывшую в памяти.

Он впал в какое-то странное дремотное состояние. Тело было неподвижно и уже не чувствовало холода, словно человек тоже превратился в одного из каменных воинов. Мысли утекли, оставляя за собой легкие неуловимые следы. Тьма. Тишина. Пустота. Покой. Час. Два. Вечность...

Как-то, оглянувшись. Адучи увидел, что рядом с ним, чуть позади, сидит волк. Огромный белый волк в гуще изумрудной травы. Зверь сидел неподвижно, словно чучело, набитое талантливым таксидермистом, и лишь два сверкающих зеленою глаза, исполненных силой, мудростью и магией, струящейся наружу, указывали на то, что волк – живое существо. Мистическое существо. Адучи улыбнулся Духу Сумерек. Волк не пошевелился, его взгляд был устремлен вдаль, где клубилась туманами ночная тьма. Когда Адучи снова обернулся назад, зверя уже не было. Вместо него на траве чуть левее места, где сидел волк, он увидел Айрука.

-Ты же ушел...

Айрук молча кивнул головой в направлении горизонта. Адучи опять повернулся в ту

сторону. Пустота. Тьма. Час. Два. Вдруг... Небосвод покрылся рябью, пространство дрогнуло, и тьма прояснилась, став намного прозрачней. Из-за дальней горы показалось слабое зарево, напоминающее отсвет от фар гигантского автомобиля. Адучи прищурил глаза и всмотрелся в это свечение. Оно было слабым и далеким, но с каждой секундой его интенсивность возрастала, будто автомобиль двигался прямо на долину. Через несколько мгновений уже можно было рассмотреть большой огненный шар стремительно несущийся по небу в направлении Долины Четырех Статуй. Адучи хотел привычно испугаться, но с изумлением понял, что совсем не боится. Вид огромного шара, прорезающего светом ночной небосвод и разрастающегося прямо на глазах, совсем не пугал ни тело, ни разум. Внутри царило отрешенное спокойствие и безразличие. А шар был уже со-всем близко. Вот он на бешеной скорости осветил озеро и вдруг замер, зависнув перед неподвижным тайшином, словно гигантский мыльный пузырь, kloчущий энергией. И тут Адучи с изумлением увидел, что это совсем не шар, а огромная человеческая голова, светящаяся ярко-красным светом. На тайшина смотрело огромное малиновое лицо с пронзительным взглядом, принадлежавшее незнакомому человеку. Адучи смотрел в эти сверкающие алым глаза, исполненные древней силы и мудрости, и вдруг понял, что это тоже тайшин, древний шаман, о которых так много рассказывали ему Араскан. Шорхит и Айрук. Голова стала раздуваться и, став на мгновение ослепительным солнцем, превратилась в голову гигантского волка. Волкоголовое светящееся существо открыло пасть, глаза призрака вспыхнули ярчайшим светом, который, казалось, просветил насквозь стоявшего на земле человека, сделав его прозрачным. Адучи зажмурился и рухнул в темноту, которая подхватила и закружила его подобно речному потоку, влекущему силой течения упавшую с дерева ветвь.

Утро. Предзвездная мгла скоро растает, словно роса на траве от солнечного света. Костер уже давно догорел. На востоке небо окрасилось зарей, а юг еще мрачен и темен. На берегу небольшого озера стоит обнаженный человек. Рядом с ним возвышаются грозные каменные Стражи. Дует ветер, от которого трава колышется упругими зелеными волнами. Человек стоит и смотрит вдаль, на убегающий горизонт. Тишина.

\* \* \*

Три темных силуэта незаметно двигаются по ночному городу. Кто это: тени или люди, облаченные в одежды цвета ночи? Куда лежит их путь? Они то стремительно, то, наоборот, очень медленно передвигаются из одного двора в другой, стараясь постоянно оставаться во тьме, чтобы не попадаться редким прохожим на глаза. Из одного двора в другой, от одного укрытия к другому. Их никто и не замечает, потому что они являются частью ночи, конгломератом тьмы и теней.

Компания молодых людей сидит на скамейке под тусклым фонарем. Пиво, музыка, хохот. Тени незаметно скользят в нескольких метрах от молодежи и скрываются в лабиринте погруженных в темноту гаражей. Ни один звук не выдал постороннего присутствия. Движения теней осторожны и, в то же время, невероятно быстры. Это – Усунками, техника невидимого передвижения тайшинов. Айрук настаивает, чтобы обучение проходило в естественной обстановке, в городе. Адучи и Унген стараются быть такими же бесшумными и быстрыми, как их Наставник. Три химеры в центре цивилизованной жизни, кусочки темноты, сторонящиеся света уличных фонарей.

– Боевое искусство тайшинов создавалось на основе совокупного опыта многих поколений. Айрук, одетый в просторную черную одежду, перетянутую в поясе синим шелковым

ремнем, практически не виден на фоне темного неба. Они расположились на небольшой поляне, на склоне берега реки. Внизу неслышно несет свои воды могучая Обь. Горизонт потерял свой объем, став черной стеной, подпирающей, открывший свои глубины, небосвод.

– Оно оттачивалось в многочисленных битвах, и основным критерием его была, прежде всего, эффективность. Скифское и тюркское наследие позволило тайшинам стать могучими и искусными воинами. Алтай, будучи пересечением зон влияния нескольких крупнейших государств, претерпевал непрестанные набеги и схватки, что только лишней раз закалило тайшинов, которые исторически считали себя тайными Хранителями Алтая. В основу своей воинской системы тайшины положили крайне эффективную технику, которая предусматривала ведение как явной, так и скрытой войны. Аналогичной техникой пользовались японские ниндзя, китайские тандзо, монгольские угдэушэны. Подобная тактика позволяла тайшинам выживать даже в крайне неблагоприятных условиях, когда численность врагов была многократно больше. Но это не означало, что тайшины наносили свои удары исподтишка. Это были очень умелые и грозные противники для любого воина и в открытом бою.

Айрук достает откуда-то из складок одежды свою двухцветную маску и медленно надевает ее на лицо.

– Две Силы, Два Волка – Светлый и Темный. Поедающие друг друга, и рождающиеся друг из друга вновь. Свет и Тьма, Хаос и Форма, Разрушение и Созидание, Действие и Недеяние, Сон и Явь. В искусстве Тай-Шин все построено именно на этом визуальном символе. Боевая система также включает в себя четыре направления, связанные с образом Волка. Три существа, связанные с Волком на глубоком, мистическом уровне, являются воплощением этих стилей. Каждый воин нашего Клана выбирает себе тот стиль, который наиболее подходит ему в соответствии с его индивидуальными особенностями. Этот выбор является отражением его внутренней предрасположенности и предпочтением определенной тактики ведения боя. Например, для стиля Орла характерны мощные удары руками и невероятно болезненные захваты ладонями. Орел видит перспективу схватки, он выслеживает свою добычу, пользуясь силой своего видения, и стремительно атакует, тут же исчезая с поля битвы. Поэтому, Искусство Орла – это искусство стратегии и сбора информации. Стиль Медведя ориентирован на использование грубой физической мощи и подавляющей силы. Медведь встает во весь рост, когда нет возможности скрыться, и нападает быстро и неотвратимо, подавляя противника мощными ударами и захватами. Медведь ломает кости и позвоночник своей жертвы, лишая ее возможности продолжать схватку. Этот стиль особенно подходит для воинов с крепким телосложением. Он становится их основным предпочтением. Стиль Волка обуславливает тщательную подготовку атаки, стремительное и яростное нападение, сопровождаемое психическим подавлением своего противника, когда у того пропадает само желание сопротивляться. Волк гипнотизирует свою жертву, он заставляет ее оцепенеть и, уже затем нападает, перебивая или перегрызая самые функциональные области тела противника. Это стиль ножевого боя и скрытых возможностей психики. Для того чтобы стать мастером волчьего стиля, не обязательно иметь могучее тело. Даже скорее наоборот, он больше подходит для таких худосочных богатырей типа тебя, Адучи.

Унген смеется, но его смех тут же обрывается, потому что Иссит в одно неуловимое движение оказался рядом с ним, каким-то образом переместившись за спину ученика, и обездвигив его хитроумным захватом.

– Стиль Рыси позволяет неслышно передвигаться, проникать незамеченным в стан врага, атаковать тихо и смертельно, используя серию болевых или удушающих приемов. Рысь скрытна, она незаметно выслеживает свою добычу и нападает внезапно, не оставляя шансов на сопротивление. Это – искусство тайной охоты. Вам еще предстоит понять, что животный мир

может многому научить нас, людей, потому что боевое искусство животных лишено умственной инерции, характерной для людей. Наш разум позволил нам осознать окружающую нас действительность, но он же и лишил нас возможности эффективно жить в этой действительности.

– Нож, – Айрук осторожно держит небольшой клинок, – одно из самых древних магических предметов, и, пожалуй, самое опасное и эффективное оружие в умелых руках. С помощью ножа тайшины могут исцелять болезни, выстукивая острием чужеродные сгустки энергии из пораженного участка тела. С помощью ножа тайшины могут защищаться от невидимых духов. С помощью ножа тайшины могут уничтожить своего противника даже на расстоянии, нанеся порезы на невидимом теле его Двойника, вызванного в процессе определенного ритуала. Нож можно легко спрятать в одежде. Он легкий, маневренный и невероятно смертоносный. Тайшины с уважением относятся к ножу, но...

Иссит замолчал и сделал несколько стремительных, практически, незаметных движений. Клинок со свистом вспорол пространство, показывая свои разрушительные возможности.

– В нем кроется и темная сторона, которую тоже необходимо учитывать. Люди очень часто пренебрегают этим знанием, и оно не замедляет заявить о себе. Голос оружия...

Иссит закрыл глаза, словно прислушиваясь к лежавшему на его ладони ножу.

– Каждое оружие создается с определенным чувством, определенным намерением. Оно дремлет где-то внутри этой формы, до поры, до времени... Но, настает момент, когда это намерение пробуждается и проявляет себя. И вот тут нужно быть готовым, чтобы выдержать его, не позволить ему завладеть вашим рассудком, сдерживая разрушительную энергию, которая может ослепить вас. Для этого, вы должны избавиться от внутренней агрессии и страхов, которые могут отозваться на этот коварный зов. Вы должны овладеть своими внутренними силами, чтобы быть сильнее оружия, чтобы научиться обуздывать его, не позволяя навязывать вам его разрушительную волю.

– Это – "Волчьи Клыки", – Айрук взвесил в руках два коротких клинка. – Техника боя двумя ножами позволяет создавать вокруг себя непроницаемый защитный полог и эффективно атаковать, разделяя внимание противника на два распадающихся потока. Вот этот клинок символизирует Сферу ИГУ, а вот этот – Сферу ТАЙ. Каждый из них имеет свое предназначение и свое намерение. Они даже сделаны из разных металлов. Вы должны понять их различную природу и, самое главное, должны почувствовать природу их взаимодействия...

– Посмотрите внимательно, – Айрук развел в стороны руки, в одной из которых был зажат нож, а в другой – ножны. – Я держу нож в правой руке, а ножны сжимает ладонь левой руки. Вам это ни о чем не говорит?

Унген удивленно переглядывается с Адучи.

– Эти вещи даже внешне являются выражением принципа формы и содержания, "мужского" и "женского". Посмотрите внимательнее: нож и ножны. Это модель мира. Система. Когда нож в ножнах – в мире царит покой. Но стоит клинку покинуть свое убежище, в мир приходит

разрушение. Ножны без ножа просто бесполезны. Они не выполняют свою основную функцию: оберегать лезвие от затупления и оберегать мир от разрушения. Поэтому истинную гармонию эти два мистических предмета могут обрести, только взаимодействуя друг с другом. И именно поэтому тайшин старается без нужды не разъединять их.

Айрук медленно и торжественно вложил клинок в ножны.

– "Волчьи Руны", – Иссит говорит негромко, словно опасаясь, что сказанное им может стать достоянием посторонних, – Это одна из самых сокровенных тайн магии Тай-Шин. Это знаки древности. В них заложены силы управляющие вселенной. Всего их восемнадцать – девять "белых" рун и девять "темных". Прикасаться к этой области можно лишь после специальной подготовки. Иначе... – Иссит обводит взглядом притихших учеников, – Силы которыми вы хотите управлять, уничтожат вас в мгновение ока.

Тайшин молчит некоторое время, позволяя слушателям осознать смысл сказанного им.

– Эти Руны фокусируют намерение шамана, его эмоции. Поэтому, для того, чтобы научиться работать с Рунами, вы должны научиться работать со своими чувствами.

Адучи наткнулся на дерево и остановился, разворачиваясь. На его глазах была повязка, что превращало передвижение по лесу в увлекательную, но, тем не менее, достаточно опасную игру. Руки рас-слаблены, слегка согнуты и выставлены перед собой. Это не только предотвращает возможность травмы, но и значительно повышает чувствительность, создавая вокруг временно лишённого зрения че-ловека особое поле, позволяющее ощущать пространство. Кроме это-го, подобная стойка является одной из основных в искусстве волчье-го стиля. Открытые ладони расслабляют внимание потенциального противника, "открытая" грудь провоцирует на атаку, поднятые руки незаметно увеличивают визуальный объем тела, позволяя молние-носно провести любой защитный или атакующий контрудар. Но ос-новной целью подобного передвижения является развитие "внут-реннего зрения". Айрук рассказывал им, что подобную технику по-ложили в основу своих ритуалов лапландские шаманы – нойды.

– Отпусти себя, – тихий голос Наставника за правым плечом, – твой ум не может вести тебя вперед в подобной ситуации. Он слиш-ком привык полагаться на глаза. Когда глаза закрыты, он начинает теряться и делать ошибки. Пользуясь привычной системой ориен-тирования, ты далеко не уйдешь.

Адучи чувствует это. Каждый шаг дается очень тяжело, тело на-пряжено и зажато ожиданием столкновения с каким-нибудь пре-пятствием вовне.

– Но в тебе есть нечто, что прекрасно чувствует себя в таких усло-виях. Это нечто скрывается где-то в глубине твоего внут-реннего про-странства. Отпусти его на свободу, позволи ему вести тебя. Доверься этой загадочной части самого себя.

Адучи пытается остановить ораву перепуганных мыслей, но тщет-но. Страх, порожденный ими, практически парализовал мышцы прес-са, сжав их, словно в кулак.

– Чем сильнее ты будешь пытаться не думать, тем больше мыслей будет в твоей перепуганной голове. Расслабься, попробуй с помо-щью дыхания снять напряжение в твоём теле.

Адучи останавливается и дышит. Его внимание сосредотачивает-ся на нижней части живота, где напряжение проявляется больше всего. Через несколько минут он с удивлением обнаружил, что мыс-ли утихли сами собой. Оказывается, эту болтовню легко можно оста-новить просто за счет отказа от поддержания этой затягивающей умственной инерции.

– Все дело в фиксации внимания в определенных точках нашего тела, – комментирует Айрук его ощущения, – теперь ты расслаблен. Иди вперед, но иди не умом, а всем телом, только тогда ты будешь уверенно чувствовать себя в окружающем мире. А когда ты научишься высвобождать свои внутренние силы, то эта уверенность распростиранится и на всю твою жизнь...

– Силой пронизано все вокруг... – терпеливо объясняет Айрук двум ученикам, сидящим перед ним на земле. Они находятся за городом, в уютной и чистой лесополосе, отделяющей частный жилсектор от ленточного бора, пестреющего высокими соснами. – Наша планета, – Айрук наклоняется и бережно кладет ладонь на землю, – источник огромной Силы. Представляете, если человек, обладающий гораздо меньшим запасом Силы, обладает сознанием и ощущением себя как живого существа, то что происходит с огромным Существом, именуемым нами Планетой?

– Она живая? – восхищенно спрашивает Адучи.

– Вне всякого сомнения! – Айрук нежно гладит землю, продолжая объяснение. – Люди утратили это уникальное знание, и это привело цивилизацию к упадку и бессилию. Она живая и у нее даже есть Сердце, биение которого можно услышать! Ее потаенная суть излучает вовне невидимые лучи, которые по-разному именуются здесь, на Алтае: "ильбы", "чедуу", "албы", "джилбы". Так же, как и в чело-веческом теле, у Земли есть некие Линии, по которым течет Сила. Мы называем эти Линии "Арунами" – "Ручейками солнечного света". Арун тысячи, они оплетают планету, наподобие тончайшей сверкающей Сети. Посмотрите на свою ладонь. Она тоже составляет систему энергетических меридианов, как называют их сейчас ученые. Она имеет сложнейшую структуру, которая включает в себя пространство между пальцами, трубчатые кости, фаланги, суставы, связки, сухожилия, кожу, ногти, кровеносные сосуды. С помощью этой системы мы можем вбирать в себя большое количество Силы, как из центра Земли, так и от других планет, и от Солнца. Так и наша планета, подобно подсолнечнику, вбирает в себя божественную Силу светила и собирает ее в Центрах, в которых эта Сила имеет особенное могущество. У этих центров много названий – "Родники", "Колодцы", "Пятна", "Места Силы", но мы привыкли называть их древним названием "Арколы" – "Глубокие озера, в которых вращается свет". Зная как вступать во взаимодействие с этими Колодцами, можно получить доступ к Силе небывалого уровня. Именно Арколы открывают нам подобную возможность, так как Аруны залегают глубоко под землей, тогда как Арколы выходят на поверхность планеты. Некоторые из них занимают площадь от десяти сантиметров до трех-четырех метров, это – Малые Арколы. Обычно они недолговечны, нестабильны и часто быстро гаснут. Мы называем их – "Мерцающие Арколы". Другие, от трех метров до десяти-двадцати, именуются просто Арколами. Большие Колодцы занимают пространство, достигающее иногда нескольких километров, но излучение Силы в них образуется за счет того, что Большие Колодцы создаются посредством взаимодействия нескольких Арколов. Большие Колодцы тоже подвержены процессу истощения, но в этом случае он гораздо длительнее, чем у Арколов и "Мерцающих" Скважин. Когда-то, в древние времена, Большие Колодцы располагались на территории Атлантиды, Египта, Израиля, Греции, Италии, Мексики... Для простоты восприятия мы именуем Большие Колодцы Системами. Так вот, последние четыреста лет набирали особую интенсивность три Системы. Пик их активности приходится как раз на последнее столетие нашего века и на первое столетие грядущего тысячелетия. Эти Системы расположены на территории трех стран: России, Германии, Америки. И тут всплывает одна из самых значительных тайн человечества, которая была утеряна основной массой людей, не смотря на то, что всегда оставалась лежать у них под ногами. Все Колодцы, и тем более Системы, имеют



особые законы взаимодействия. Это обусловлено разницей потенциалов ИГУ и ТАЙ. Но Равновесие обеих Сфер подразумевает позитивное взаимодействие ИГУ-ТАЙ. а для этого требуется определенная последовательность действий, приводящая к их синхронизации. Именно эта последовательность и является объектом исследований тайшинов. И поскольку мы отождествляем себя не только частичками Поля Земли, но и его Хранителями, нам так важно гармонизировать потоки Силы, исходящие из центра пла-неты. В случае отсутствия равновесия, Колодцы с разными потенци-алами все равно неминуемо начнут взаимодействовать, но взаимодействовать разрушительно. ИГУ сталкивается с ТАЙ, "плюс" с "минусом", в результате происходит взрыв. На физическом плане он может проявиться по-разному: от масштабных катастроф до гу-бительных войн. Это очень важный аспект, касающийся деятельно-сти нашего Общества. Вы должны глубже изучить его и открыть для себя причины, побуждающие тайшинов к жизни среди людей.

– Адучи, – голос Айрука звучит из темноты, которая царит в ком-нате. – Что предшествовало твоему видению там, в Долине?

– Я видел волка.

-Кто это был?

-...Волк.

– Это был не простой Волк. Кок пурі издавна считались духами-покровителями тайшинов... Ты должен вспомнить все, что я расска-зывал тебе о нашей истории. Запомни, Волк – это "Тот, кто прокла-дывает путь". Проводник, Ведущий. Волк обладает обостренными чувствами. Он может чувствовать Запредельное...

\* \* \*

Адучи вылез из чердачного окна на крышу и осмотрелся. Унгена он увидел не сразу. Тот сидел в тени барельефа, на который падал рассе-янный свет фонарей с проспекта. Эту симпатию к крышам оба учени-ка переняли у своего Наставника, который часто выводил их ночью на крыши домов и, показывая на уснувший город внизу, говорил:

– Здесь самое удобное место для наблюдения, размышления, мас-кировки, атаки. Люди внизу не видят вас, они редко запрокидывают головы, чтобы посмотреть вверх. Вы же можете наблюдать за ними, не рискуя быть обнаруженными. Крыши, кроме всего прочего, – это вершина архитектурного строения. В течение дня светлая энергия Солнца, а ночью – призрачная энергия Луны, падают на площадки крыш. Энергия всегда взаимодействует с какой-либо формой. Фор-ма крыш способствует тому, что по ее плоскости энергия растекается и уже по стенам спускается вниз. Если бы люди знали об этом свой-стве энергии, они бы строили совершенно другие дома, а не такие убогие прожизальни.

Сейчас Унген, словно огромный черный ворон, замер на самом краю ограждения и задумчиво смотрел вниз, на ночной город. Аду-чи подошел и осторожно присел рядом:

– Ты меня звал? Унген кивнул:

– Да. Мы должны поговорить.

Адучи улыбнулся. Это было очень похоже на стиль Айрука – по-звонить в двенадцать часов ночи домой и вызвать на крышу дома, чтобы поговорить.

-А где Мастер?

– Его сегодня не будет. Он попросил меня встретиться с тобой.

– Зачем?

- Чтобы поговорить.
- Хорошо, давай поговорим.
- Айрук поручил мне подтолкнуть тебя...

Адучи стремительно изогнулся и в одно мгновение оказался в не-скольких метрах от края крыши. Унген весело рассмеялся:

– Да-да-да... Представляю, каково тебе сейчас. Бедненький. Ты по-думал, что я могу толкнуть тебя вниз? До такого даже Айрук бы не додумался. Я помню, как он "подтолкнул" тебя со скалы, и мы полчаса ловили тебя в Катунь. На этот раз пришлось бы отскребать тебя от асфальта.

Адучи смутился и тоже улыбнулся:

– Очень смешно. От вас всего что угодно ожидать можно. Во всяком случае, если Айрук еще и попросил, как ты выражаешься, меня "подтолкнуть", я к тебе близко не подойду. Тем более к краю крыши. Наш Наставник склонен к форсированию моего обучения. Кто знает, может он полагает, что Крылья ИТУ-ТАЙ быстрее растут в экстремальных условиях, в полете с пятого этажа?

Унген залился веселым смехом:

– Это точно, он способен на подобные трюки. Меня он один раз подвесил над обрывом за ноги, на веревке, вниз головой. А потом, через несколько часов, пришел и спросил, хочу ли я, чтобы он меня отпустил. Потом он, естественно, перерезал веревку. Я уже одурел совсем от этого висения и не заметил, как он привязал меня еще одной веревкой. Было страшно.

Адучи пожал плечами:

– Ну вот. "Подтолкнуть"... Во всяком случае, знай, если он попросил сбросить меня вниз, ты мне больше не друг.

Они еще посмеялись несколько минут, а затем Унген вдруг серьезнел и, встав на ноги, подошел к Адучи.

– Ладно, давай не будем отвлекаться. Айрук попросил меня помочь тебе вспомнить кое-что...

-Что?

– Некоторые фрагменты твоего прошлого. То, что ты должен был бы вспомнить, если бы не прерывал своего обучения. Ты ведь много-го не помнишь?

– Да, я уже спрашивал его об этом, но он сказал, что мне нужно сначала укрепить свое тело и разум, чтобы впоследствии начать нагружать их новыми знаниями. Но почему я не могу многого вспомнить? Словно в памяти какой-то заслон. Кое-что помню, а кое-что возникает, словно призрак, в голове и тут же тает.

Унген развел руками:

– Это связано с особенностью нашего восприятия. Если ты помнишь, Айрук рассказывал

нам, что человек состоит из двух половин, которые ведут между собой постоянную войну. Это касается и нашего физического тела, и нашего мозга, и нашего энергетического тела. Наша "ведущая" рука подавляет "второстепенную", и именно поэтому мы становимся как бы однорукими: "правшами" или "левшами". Одно полушарие мозга подавляет другое, и поэтому мы становимся психически неполноценными, "перекошенными" в сфере сознания. Наше энергетическое тело также разбито на две половинки, практически не взаимодействующих друг с другом. Подобное разделение приводит к тому, что мы иступленно воюем сами с собой, словно не понимая, что в подобной войне победителей просто не может быть. Однако факты таковы – мы разделены, и одна наша половина практически полностью подавляет другую. Понимаешь, о чем я?

Адучи с сожалением развел руками. Унген хмыкнул и постучал костяшками пальцев по своей голове.

– Левое полушарие головного мозга, сфера рационального сознания, которым живет большинство людей на этой планете, не позволяет правому полушарию полноценно функционировать. Теперь понимаешь?

Адучи нахмурился и раздраженно пробормотал:

– Моя память имеет отношение к правому полушарию? Унген облегченно вздохнул, хотя тут же сделал серьезное лицо.

– Прислушайся к себе. Ты ничего не чувствуешь?

– Что я должен чувствовать?

– Ну, там, в правом полушарии? Никаких особенных ощущений? Адучи сосредоточился.

– Ты же знаешь, я мнительный. Вот сейчас мне кажется, что правая половина мозга по ощущениям действительно отличается от левой.

– Так и должно быть. Но мне кажется, что ты слишком скромничаешь в оценке своих чувств, потому что в твоём правом полушарии сейчас должен царить полный беспредел!

Адучи подозрительно посмотрел на серьезного товарища.

– В каком смысле?

Унген драматически сложил руки на груди и торжественно произнес:

– Да потому, что там... В твоём правом полушарии... Живу я, наш дикий Наставник, и еще целый Клан тайшинов. А это... нехило!

– Издеваешься, да?

-Да!

Тщательно сдерживаемый смех зазвучал в ночи подобно уханью гигантского филина.

\* \* \*

Они стояли на краю крыши и смотрели на пустынный проспект, освещаемый лишь рассеянным светом редких автомобилей.

– Наше сознание имеет... ну как бы тебе это объяснить, несколько уровней восприятия. Твоя обычная жизнь до встречи с тайшинами и после нее – это один уровень, обусловленный определенными аспектами сознания. Твое обучение ИТУ-ТАЙ – это другой уровень, вспомнить который ты можешь лишь после того, как изменишь аспекты твоего привычного сознания. Сейчас ты и занимаешься этим: ты начинаешь активизировать дремлющие возможности твоего правого полушария, срачиваешь воедино два разных мира – мир людей и мир шаманов. Между ними существует очень тонкая, но, очень прочная преграда, которая не позволяет им пересекаться. Обучение помогает сломать эту преграду, но для этого требуется время и еще кое-что... Отсюда и все твои проблемы, ты потерял слишком много времени. После твоего возвращения, тогда, в восьмидесятом, челове-ческий мир снова возвел эту перегородку, сделав ее на всякий слу-чай еще толще, чем обычно, и все воспоминания о том периоде, когда ты задействовал иной уровень твоего сознания, остались за этой перегородкой. Все тайшины проходят через это. Человеческий мир левополушарных людей крайне неохотно отпускает своих сотрудни-ков. Более того, он их отторгает, объявляет на них настоящую охоту. И поэтому нам приходится бороться, чтобы отстоять право не толь-ко на свободу передвижений в этом мире, но и право на жизнь. Имен-но поэтому, наше Учение состоит из тонкой смеси магии и боевого искусства. Именно поэтому, наше мировосприятие носит название "Путь Воина-Шамана". Стоит нам начать изменять свое восприя-тие, как автоматически изменяется спектр излучаемых нами волн, и автоматически общество начинает реагировать на нас, как на виру-сы, угрожающие его целостности. Оно начинает охотиться на нас, применяя все возможные методы убеждения и давления. И выжить в этой охоте могут только профессионалы маскировки, воины-при-зраки, умеющие исчезать и прятаться в тенях, шаманы-оборотни, владеющие тайнами древней магии и искусством сверхчувственно-го восприятия. А для этого, необходимо сделать несколько последо-вательных вещей. Первое – снять избыточное напряжение с левого полушария мозга и преодолеть невероятную инерцию связанной с ним правой половинки энергетического тела. Второе – активизиро-вать правое полушарие мозга и связанное с ним левое энергетическое тело. И, наконец, третье – очень последовательно и осторожно привести эти разрозненные области к взаимодействию. Одни тайшины делают это гармонично и своевременно, без ущерба для своего сознания. Другие осуществляют этот процесс хаотично, бессистем-но, как ты. Это и приводит к подобным провалам в восприятии. Вот, например, я. Я никогда не прерывал обучение. Мое энергетическое тело формировалось последовательно и поэтапно. Мне не состави-ло труда мягко и без потрясений шагнуть на другой уровень воспри-ятия, потому что я учился делать это, постепенно наращивая уро-вень своих знаний и силы, необходимый для дальнейшего продвижения. Твое положение сложнее. Тебя дергали туда-сюда, погружая то в один мир, то в другой, с длительным перерывом. Эта хаотичная смена уровней сознания не могла способствовать твоему гармонич-ному развитию, поэтому тебе приходится сейчас мучительно ломать эти перегородки, разделяющие твое Я, и связывать воедино прошлое и настоящее, мир людей и мир тайшинов, ИТУ и ТАЙ. Вот Айрук и попросил меня помочь тебе: вспомнить побольше и связать эти воспоминания с твоей повседневной жизнью. Он считает, что тот спо-соб, которым это можно сделать, я освоил даже лучше, чем древние тайшины.

– Что это за способ?

– Это Сила Трав. Тайшины нашего клана практически не исполь-зуют эту отрасль знания. Однако в древности это была одна из са-мых сокровенных тайн нашего Общества. Эта традиция сохранилась до сих пор во многих общинах, практикующих различные версии ИТУ-ТАИ. Но сейчас, по ряду причин, тайшины Серого Будды ста-раются не обращаться к могуществу Силы Трав, хотя иногда, в осо-бых случаях, и не пренебрегают ее помощью. Меня привлекает эта Сила, но Айрук и остальные Исситы считают, что я чрезмерно ей увлекаюсь. Они полагают, что

она делает меня излишне агрессивным. Сила Трав связана с одним из древних Земных Духов, который уходит в Тень, забирая с собой многие свои тайны. Можно сказать, что сейчас мы пользуемся лишь остаточными возможностями его чар, поэтому этот метод и чреват различными неожиданностями. Он принадлежит к другой эпохе. Поэтому тайшины и не прибегают к этой Силе, изыскивая для своих нужд естественные альтернативные возможности своего тела. Но сейчас Айрук считает, что я могу с ее помощью помочь тебе преодолеть твою энергетическую обусловленность.

– Что это за Сила?

Унген улыбнулся и, сев на железный пол крыши, показал Адучи на место рядом с собой. Затем он извлек из-за пазухи небольшой сверток и, положив его перед собой, развернул. На мягкой замшевой тряпочке лежали изогнутая трубка в виде искусно вырезанного дракона и пакет, наполненный серо-зеленым порошком.

– Что это? Наркотик?

Унген фыркнул и с презрением посмотрел на товарища:

– Эх ты, осторожный ты наш. Везде тебе какая-то гадость только мерещится. Это твоя память. Это ускоритель, который позволит тебе догнать ускользающее от тебя прошлое. Сила Трав заключается в использовании энергии, скрытой в некоторых растениях, которые обладают свойством аккумулировать исходящую из центра Земли Силу. Тайшины знали великое множество подобных растений, но до нас дошло лишь несколько рецептов. Мы знаем две Травы, которые обладают подобным действием. Одна из них называется "Корчун". Это Сила для всех уровней нашего сознания. Она также питает энергетическое тело, сообщая ему избыток энергии, необходимый для манипуляций ИТУ-ТАЙ. Корчун помогает достичь МАРГ, магическо-го "Тела Шамана". Под его воздействием туда начинает двигаться наше внимание, освобожденное от места постоянной фиксации.

Адучи удивленно кивнул головой.

– Как внимание может двигаться?

Унген сделал несколько непонятных и нелепых движений руками, долженствующих, видимо, обозначать движение внимания.

– Еще как может! Древние Тэнги называли точку, где концентрируется наше внимание – "АРС" – "Блуждающий Свет". Именно от того, где располагается АРС на энергетическом коконе, зависит, что воспринимает человек. Представь себе, что наше тело разделено ровно посередине невидимой границей, разделяющей энергетический кокон на два разнородных энергетических половинки. У большинства людей АРС располагается в "правом" энергетическом теле, что обусловлено тем самым перекосом половинок, которым страдают практически все люди на этой планете. Соответственно, АРС воспринимает только определенные энергетические волокна, "проходящие" через "правое" энергетическое тело, создавая определенную фиксированную картину окружающего нас мира. Это и обуславливает тот факт, что люди оказались заперты в этой единственной для них материальной реальности. Подобное расположение АРС является и причиной человеческого страха перед другим, "незнакомым" ему энергетическим "Телом Шамана", Областью Неведомого. Именно Неведомого, потому что для нашего сознания эта область является просто незнакомой, так как АРС не имеет возможности "высвечивать" ее

своим вниманием. То есть, мы стали заложниками собственного сознания. Вторая энергетическая половинка является на-шей неотъемлемой частью, но мы не можем ввести ее в область на-шего сознания по причине жесткой фиксации АРС в одной точке противоположной энергетической половинки. Фу-у, я уже одурею сейчас от всех этих утомительных объяснений.

Унген сделал утомленное лицо и облегченно кивнул на сверток перед собой.

– Вот здесь ответы на многие вопросы. Пусть "он" теперь возится с тобой, разъясняя тебе все, а я выдохся.

Он потянулся к загадочным предметам, разложенным на замше, но Адучи судорожно схватил его за руку.

– Подожди! Я чувствую, что мое левое полушарие недостаточно расслаблено. Поговори еще со мной. Мне важно понять механизм всего этого.

Унген снисходительно покачал головой и, сделав глубокий вдох, продолжил объяснение:

– В процессе своей практики, тайшины учатся не только сдвигать свое внимание в Темное тело, но и фиксировать его там. Потому что без фиксации АРС корректное восприятие вообще невозможно. Корчун как раз и дает Силу, необходимую для сдвига внимания. При при-нятии Корчуна АРС сдвигается в крайнюю зону ДЭРГ, откуда он уже готов отправиться в путешествие в мир магии МАРГ. Понятно?

Адучи неопределенно пожал плечами. Унген опять сделал смеш-ную комбинацию из рук.

– В этой зоне ДЭРГ скрыты энергетические аспекты нашего дет-ства, времени, когда внимание еще не было намертво зафиксирова-но в одной узкой зоне. В детстве мы все являемся потенциальными шаманами. Наше правое полушарие является более свободным, и левое полушарие еще не имеет такого тиранического контроля над "Блуждающим Светом". Но взрослые, лишённые этой потрясающей динамики АРС, лишают и нас этой возможности. Можно сказать, что взрослые лишают нас волшебства, делая подобными себе: раци-ональными и тупыми, усталыми и растерянными, жадными и агрес-сивными. Недаром говорят, что святые подобны детям, а дети – свя-тым. И у тех, и у других АРС способно достигать невероятных пози-ций. Корчун возвращает нас в детство, откуда мы уже можем выби-рать новые пути для своего мировосприятия. Он вернет в детство и тебя. Там ты сможешь вспомнить все. Араскан уже давал тебе его, поэтому ты должен представлять себе его действие. Но для того что-бы наше физическое тело смогло угнаться за пробудившимся энергетическим, его тоже необходимо подпитать. Это Сила второй Тра-вы – "Амеркут". Она придает нашему физическому телу дополни-тельную мощь и эластичность. Соединив воедино Силы этих двух Трав, мы можем совершать удивительные вещи. Это соединение называется "Такташ" – Священный Дым, Ключ от Первых Врат. Он позволяет слить воедино тело и воображение, логику и ощущения. Твои "вывороты" – это ведь и есть следствие неуравновешенности твоего тела и твоего сознания. Сознание просто не успевает угнать-ся за твоим телом, в котором скрыты невероятные возможности, на-чинающие пробуждаться от многолетнего сна. Отсюда и все эти бо-лезненные последствия. Стоит тебе обрести целостность, и переход на иные уровни внимания перестанет так тебя ломать. Поэтому, эти травы помогут тебе временно уравновеситься, и твое путешествие будет не похоже на "выворот".

Унген надорвал пакетик и сноровисто высыпал щепотку порошка себе на ладонь, затем осторожно засыпал ее в трубку.

– Эта трубка называется "Кхурташ". Он создан специально для того, чтобы поглощать Силу Трав. Возьми ее, но осторожно, это очень древняя и хрупкая вещь. Я нашел ее в одном из

древних шаманских захоронений. Согласно нашей традиции, эта вещь, которая сама привела меня к себе, теперь является моей. Кури тоже осторожно. Первую затяжку сделай в рот. Вторую тоже. А третью слегка впусти в легкие. Расслабься. Иди за дымом и ничего не бойся. Он заберет тебя далеко-далеко, в твоё детство, а может, и дальше. Я буду рядом, и буду следить за тобой. Как только ты поймаешь воспоминание, я вытащу тебя обратно. Не беспокойся, никто лучше меня не обращается с Силой Трав. Давай... Счастливого Путешествия...

Ковров улыбнулся. Унген все-таки не случайно выбрал высшее ме-дицинское образование, решив стать анестезиологом. Подходящая, для подобных изысканий, профессия. Как он ловко с этой травой... Адучи посмотрел на товарища и, прищурившись, поднес "дракончика" ко рту. Дым обжигающим холодом ворвался внутрь черепной коробки. Все вокруг поплыло и последнее, что увидел Адучи, было напряженное лицо Унгена, наблюдающего за ним. А потом и оно исчезло.

Мелькание разноцветных пузырей в темноте, похожих на сверка-ющие елочные шары. Сознание срывается с гребня черноты и стремительно летит над горной грядой, подобно птице. Земля все ближе и ближе. Вспышка.

Адучи растерянно оглядывается. Он стоит посреди огромного зала. Что это? Здание или гигантская пещера, скрытая в глубине горы?

Что-то смутно знакомое... Зал дрогнул и остался далеко внизу. Опять ощущение полета. Бескрайний небосвод открыт во все сторо-ны. Свобода!! Лишь что-то сковывает разум, какие-то ограничения чужого тела, похожего на птичье. Свист ветра. Тьма...

Адучи дернулся, открыл глаза и сразу же увидел лицо женщины. Удивительно красивое, с идеальными чертами, оно занимало весь фокус зрения, притягивая к себе, зачаровывая. Адучи улыбнулся. Он знает эту женщину, конечно же, знает, но что-то мешает вспом-нить все обстоятельства, связанные с этим знанием. Его голова ле-жит на ее коленях. Они находятся внутри движущегося автомобиля. Женщина улыбнулась Адучи и знакомым жестом положила про-хладную ладонь ему на лоб.

– Здравствуй, Полина... – пробормотал Ковров и уснул – во всяком случае, состояние, в которое он впал, очень походило на сон.

Усыпляющее покачивание прекратилось, автомобиль остано-вил-ся. Открылись дверцы и в салон проникли запахи утренней свеже-сти и близости леса. Адучи почувствовал, как его поднимают на руки и куда-то несут. Вокруг знакомые лица: Унген, Полина, Айрук, Араскан, Айма, Ак-ту... Огромный дом, похожий на старинную русскую избу, только в несколько этажей, украшенный деревянными резны-ми узорами. Тьма...

\* \* \*

Сон уже не кажется чем-то призрачным, зыбким, нереальным. Не-знакомая комната погружена в сумерки. Адучи лежит на мягкой широкой кровати, осознавая, что проснулся, но не в силах пошеве-литься, откинуть одеяло, встать и закрыть окно, распахнутое настежь и мешающее снова уснуть. За окном смутно угадываются в сумерках угрюмые стволы сосен. Адучи подумал, что дома за окном никаких сосен нет, а есть тополя, и это значит, что он проснулся, но не у себя дома. Эта мысль окончательно развеяла остатки сна, но тело по-пре-жнему было неподвижно, словно отключенное от источника пита-ния.

Адучи вдруг понял, что совершенно не боится. Его не пугает ни собственная обездвиженность, ни то, что он ночует в незнакомом месте, где-то в лесу, ни то, что он вообще спит. На этот раз сон, наобо-рот, казался чем-то невероятно завораживающим,

совершенно ли-шенным страха и ожидания Наваждений и последующего за ними "выворота". Адучи посмотрел на деревья за окном, на небо в выши-не, на робко загоревшуюся звездочку, одну из первых появившихся на ночном небосводе. Эта бледно-золотистая звезда сразу почему-то привлекла к себе внимание тем, что мерцала. Она мигала Адучи с высоты, и он понял, что ему бесконечно приятно наблюдать это мер-цание. Оно имело какой-то определенный ритм, который отдавался во всем теле успокаивающими и расслабляющими импульсами. Вдруг Адучи почувствовал, что в комнате он не один. Ощущение чужого присутствия было настолько явственным, что он с сожалением оторвался от созерцания звезды и стал осматривать комнату, пытаясь отыскать причину своего беспокойства.

Йорм!!! Жуткий персонаж его болезненных сновидений. Черная тень замерла в двух шагах от кровати. Невидимый ветер кольшет полы черного плаща, в который облачен Йорм. Адучи стиснул зубы и стал рассматривать устрашающий силуэт. Почему-то на этот раз Йорм не пугал его. В нем не было той невероятной динамики, кото-рая всегда служила источником страха, боли, головокружения. Сей-час Йорм был просто тенью. Присмотревшись к ней, Адучи понял, что тьма внутри нее тоже кольшется в такт только что созерцаемому миганию звезды за окном. Он стал всматриваться в это движение, и внезапно... тень превратилась в человека. Он стоял около кровати Коврова и смотрел на него внимательно и с интересом.

– Кто вы? – спросил Адучи, пытаясь уловить ускользающие вос-поминания об этом человеке.

"Вспоминай... вспоминай..." – шепот гулким эхом отдается во внут-реннем пространстве.  
-Ты Йорм?

Человек улыбается. Его глаза – две крохотные мигающие звездочки.

– Я – УЛА...

Адучи только сейчас обратил внимание на одежду ночного гостя. Она напоминала свободную пижаму, сшитую из легкой серебрис-той ткани, которая мерцала и трепетала, словно от легкого ветра, хотя никакого ветра Ковров не ощущал.

– А я Адучи, тайшин.

УЛА смеется. Одежда кольшется от его смеха, но это колыхание все же больше напоминает ток воздуха, треплющего ткань.

– Я знаю, Адучи. Я тоже тайшин. И ты должен вспомнить мое имя...

– Ты же сказал, что тебя зовут УЛА.

– Нет. УЛА – это моя сущность в данное время. Можно еще ска-зать, что сейчас я – Сновидец. Но правильнее будет говорить что я – УЛА, Двойник. Я нахожусь здесь, потому что это – Сновидение...

Адучи потряс головой, словно собираясь с мыслями.

– Постой, я совсем запутался...

– Это неудивительно. Твое восприятие сейчас хаотично, потому что сейчас ты тоже Сновидец. Твое внимание находится в непри-вычной области в непривычном положении. Не



пытаться мыслить упорядоченно, иначе оно быстро вернется обратно, в ДЭРГ. Расслабься, отпусти себя.

– Я

– Молчи. Ты уже возвращаешься. Я хочу, чтобы ты понял, что твое "второе пробуждение" во тьме – это начало изучения нового Искусства. Теперь твоим Обучением займусь и я. Мы увидимся завтра. И ты все вспомнишь. А теперь – спи...

Адучи спохватился и начал уверять УЛУ, что совсем не хочет спать, как вдруг почувствовал невероятную усталость и сонливость. Человек в серебристой одежде слегка поклонился, и снова пришла тьма.

Адучи проснулся и сразу вспомнил события минувшей ночи. Быстро осмотрелся. Комната была та же, что и во сне, правда, при свете дня она выглядела несколько меньше и уютней. В открытые настежь окна ярко светило утреннее солнце. Первой мыслью было: "Где я?", – но затем в памяти стали всплывать отрывочные видения, отчасти объясняющие его появление здесь: крыша дома, Унген, "дракончик", полет в теле орла, невероятно красивая женщина из детских снов – Полина, огромный дом в лесу, серебристый человек УЛА...

Словно завершая мысленную цепочку воспоминаний, дверь открылась, и в комнату вошел тот самый ночной гость, называвший себя Улой. Сейчас он был визуально чуть меньше ростом и одет не в пижаму, раздуваемую ветром, а в длинный черный халат, расшитый красными и синими головами тигров. Он подошел к Адучи и, осмотрев его с ног до головы на манер дежурного врача, улыбнулся и опять слегка поклонился. Но вместо усталости и сонливости, последовавших за подобным кивком ночью, Адучи ощутил волну бодрости и силы, прокатившуюся по телу. Казалось, энергия хлынула из скрытых в глубине организма тайников, хотелось двигаться, смеяться, говорить...

– Здравствуй, УЛА!

Мужчина с неизменной улыбкой слегка качнул головой:

– Нет, Адучи, на этот раз я не УЛА...

Ковров недоверчиво уставился на гостя, не понимая, издевается над ним этот странный человек или просто так шутит. Тот, казалось, прочитал его мысли:

– Это не издевательство и не шутка. УЛА приходил к тебе во сне. Сейчас мы с тобой находимся в иной сфере, привычной для нашего человеческого разума. Мы уже знакомы с тобой. Неужели ты не помнишь? Мое имя...

– Кадамай! – вырвалось у Адучи, и он озадаченно стал соображать, чем вызвана эта внезапная вспышка озарения.

– Точно, – Кадамай остался явно доволен этой догадкой. – Я же говорил тебе, что ты вспомнишь.

Адучи встал на ноги и прошелся по комнате, разминая затекшие мышцы:

– Что со мной было? У меня было Наваждение?

Кадамай кивнул:

– Да. Но это Наваждение было создано специально для тебя, и оно несколько затянулось.

Унген не учел ряд обстоятельств, предлагая тебе Корчун.

– Это тот порошок? Да, я вспоминаю, после него все и началось.

– Он хотел подтолкнуть тебя, но не рассчитал инерцию толчка. Сам он сильный мальчик, и поэтому предложил тебе двойную пор-цию Такташа. Он надеялся, что это поможет тебе вспомнить многое из твоей жизни. Унген очень сильно переживает, наблюдая твоё состояние.

– А что – моё состояние?

– Ты и сам знаешь. Твой разум мечется между двумя, различными по интенсивности, уровнями восприятия. Унген хотел перевести тебя в более динамичное состояние сознания. Но твой АРС получил слиш-ком сильный разгон, и стал бесконтрольно перемещаться от одного уровня к другому. Результатом этого стала череда воспринимаемых им слоев мира, не поддающихся упорядоченному анализу разума. То есть, ты попросту выпал из непрерывности восприятия, меняя скорость движения АРС. Унгену пришлось вызвать помощь, и мы забрали тебя сюда.

– Я видел Полину.

– Да, можно сказать, что она как раз тебя и спасла. Она оказалась неподалеку, и успела как раз вовремя, чтобы вернуть тебя. Затем ты спал несколько дней, это твоё АРС возвращалось на привычное для него место. Мы все с нетерпением ждали твоего пробуждения. И, если бы ты проснулся в нормальном состоянии, то тебе еще было бы рано переходить к изучению другого Искусства. Но ты проснулся ночью, в необычном состоянии, а это – время Сновидцев. Следовательно, те-перь ты будешь изучать Искусство Сновидения здесь, в этом доме.

– А что это за дом?

– Пойдем, посмотрим. Может, это несколько освежит твою память, потому что в этом Доме ты уже бывал, и не один раз.

Дом оказался действительно большим. Это был трехэтажный кот-тедж, стилизованный под русскую усадьбу. Кадамай провел Адучи почти по всем комнатам, в которых были не заперты двери. По ходу осмотра он объяснял их расположение и предназначение.

– Там – кухня, это зал. Вот эти двери заперты, но позже ты побыва-ешь за каждой из них. Это – Залы ИТУ-ТАЙ, Залы Четырех Направ-лений. Они сориентированы по сторонам света и представляют со-бой комнаты для углубленных занятий и ритуальных процедур. Это жилые комнаты, их много, потому что я живу здесь не один. Сейчас здесь никого нет, но вечером, я думаю, ты застанешь здесь много старых знакомых.

Затем они вышли на улицу и обошли дом по периметру. Коттедж был прямо-таки утоплен в зелени берез и рябин, растущих вдоль стен. Вокруг шумел ветвями густой сосновый лес. Место действительно показалось Адучи смутно знакомым. Кадамай опять уловил это чув-ство.

– Ты уже был здесь много раз. Этот дом располагается недалеко от города, минут тридцать езды, и еще минут десять ходьбы от Змеино-горского тракта. Вон там течет Обь. А вон там есть небольшой выс-туп, откуда даже видно ВДНХ и плато, на котором ты похоронил свою собаку.

Адучи вытянул шею, пытаясь разглядеть отсюда что-либо за дере-вьями.

– Этот дом принадлежит Обществу. Его построил для нас твой дедушка, но мы не будем сейчас говорить об этом. Важно то, что это не просто здание, это одно из средоточий нашей Силы, так же как и та Долина Четырех Хранителей, куда тебя водил Айрук. Мы называ-ем этот дом Усадьба Язычников или Темная Усадьба. Хотя, наибо-лее подходящее для него название – Дом Тишины. Он построен здесь не случайно. Под ним находится очень мощный Аркол –

Они сидят в темном зале, лишенном окон. Это одна из комнат на втором этаже. Кадамай назвал ее Залом Теней.

– Ты уже кое-что знаешь из магической практики тайшинов. Те-перь мы переходим на иной уровень обучения. Сегодня ты узнаешь много нового. Сегодня я начну обучать тебя Искусству Сновидцев. Во многих религиях и мистических школах сны небезосновательно считаются второй половиной жизни, которую человечество отодвинуло на задний план. Согласно Искусству Сновидцев, сны – это ре-альность не меньшая, чем наше бодрствующее состояние, если не большая. Сны – это аспект восприятия, такой же, как и в бодрствовании, но в ином энергетическом теле. Это область "Тела Шамана", тогда как наша жизнь "не во сне" является областью "Тела Зверя". Понимаешь?

Кадамай смешно двигает бровями, будто это может облегчить вос-приятие учеником тех истин, о которых ему говорит Иссит.

– Сон, это такое же восприятие реальности мира, только восприя-тие в непривычном для нас положении: во время сна внимание АРС смещается в левостороннее энергетическое "тело Шамана" – МАРГ. Цель исследований Сновидцев – именно это, второе энергетическое тело. Это огромная область, и поэтому данное Искусство является не только очень опасным, но и очень могущественным...

Кадамай с улыбкой смотрит на Адучи.

– В основе Искусства Сновидцев лежит магическая техника, при-званная формировать возможность воспринимать реальность, рас-положенную в новом месторасположении АРС. Для этого тайшины охотятся за своим АРС во сне, как будто бы это дикий зверек, скачу-щий в гуще леса. Вся проблема здесь в том, что днем этот зверек сидит в клетке, а ночью его ненадолго выпускают погулять, вот здесь и нужно проявить мастерство и поймать его. Тайшины ловят АРС в самом настоящем темном лесу, в совершенно незнакомой и пугаю-щей реальности. И АРС на самом деле очень напоминает дикого зверка: когда его схватишь, он замирает на мгновение, а потом начи-нает изворачиваться, и тут держись – нужно знать, как его схватить, чтобы он успокоился и понял, что ему не причинят вреда. Когда АРС зафиксирован, мы начинаем воспринимать, а когда мы начинаем воспринимать незнакомую вселенную, наш разум оказывается вов-леченным в довольно-таки двойственную ситуацию. С одной сторо-ны, эта вселенная ужасает нас, с другой – безумно притягивает. Вот в этой двойственности отношений и лежит причина нашего ужаса перед Тьмой. В этой Сфере нет ничего однозначного и привычного. Это именно вселенная, целый мир со своими законами, особеннос-тями, константами, аномалиями, со своими обитателями, наконец. Развивая МАРГ, тайшин вступает во взаимодействие с аспектами этих загадочных миров, лежащих за гранью привычных ассоциаций.

Адучи кажется, что глаза тайшина периодически меняют цвет. Вот только что они были светло-зелеными, а сейчас их уже невозможно увидеть в темноте комнаты, потому что они изменили цвет на темно-карий. Шаман продолжает свой рассказ:

–Люди часто сравнивают сон с умиранием. В самом широком смыс-ле сон действительно является аналогом смерти, но это не смерть. Во время сна наше сознание отправляется в темную обитель магичес-кой Силы, и неважно, что оно там делает, оно возвращается обратно. Смерть – это более фундаментальный разрыв, это путешествие без возврата – область неизвестного

поглощает нас целиком. Я чувствую, ты вздрогнул сейчас. Твое тело боится, как и твой разум. Все люди чувствуют это, когда речь заходит о смерти. Это страх, пришедший к нам из древних времен. И это даже не наш страх, по большому счету. Это страх тех существ, которые послужили причиной подобной разделенности нашего тела. Айрук уже говорил тебе: Пустота – это наша неотъемлемая часть. Пугающей ее делает только наше невежество и глупость. Можно сказать, что мы наполовину созданы из жизни и наполовину из смерти, и бояться одной нашей части так же глупо, как и безумно любить, цепляться за другую. В этом парадоксальном и крайне проигрышном для нас предпочтении и кроется причина нашего ничтожества и бессилия. Именно поэтому тайшины в течение всей своей жизни развивают оба тела, постепенно синхронизируя их вибрации, вырабатывая подвижность Центра Восприятия.

Они идут по узкой улочке, погруженной в зелень многочисленных тополей, растущих по обе стороны дороги. Невдалеке видны купола собора, возвышающиеся над вершинами деревьев. Адучи чувствует напряжение во всем теле, а рядом с ним неторопливо шагают два человека, негромко переговариваясь друг с другом. Один из них – алтаец, второй больше похож на китайца или монгола. Прохожие не обращают на них никакого внимания, и только Адучи идет между ними, обмирая от трепетного страха. Он знает кто они, и это знание внушает ему благоговейный ужас, испытываемый каждый раз, когда кто-нибудь из этой пары начинал свои жуткие манипуляции с его сознанием. Это – Мастера Тай-Шин, Исситы, Кадамай и Айрук. Сегодня они вместе, а это значит, что давление на рассудок тоже будет двойным.

– Давай присядем вон на ту скамейку, – голос Кадамай спокоен и будничен. Айрук молча кивает. Они садятся на старую рассохшуюся скамейку, вкопанную около одного из деревянных домиков, которые и составляют жилой массив этого района на окраине города. В нескольких метрах от скамейки торгует квасом пожилая женщина, скупающая около большой желтой бочки. Где-то во дворах вяло переругиваются хриплым лаем собаки и чуть слышно звучала музыка.

– Тайшины используют боевое искусство только для защиты.

От неожиданности Адучи вздрогнул и стал внимательно слушать Айрука, который, как всегда, заговорил внезапно, словно продолжая недавно законченный разговор.

– Для защиты! Для нападения – никогда. В этом заключается фундаментальная стратегия всей концепции в целом. Пренебречь этим знанием – значит нарушить отлаженную веками систему, целостность, оторваться от корней Учения, лишиться себя Силы.

Адучи сосредоточен, он ловит каждое слово Иссита, зная, что пропустить хотя бы одно из них, не уловить их смысла и значения, неправильно интерпретировать – значит лишиться себя возможности приблизиться к постижению ИТУ-ТАЙ. Повторять объяснения никто не будет.

– Конечно же, понятие Защиты должно иметь соответствующую трактовку. Иногда она может быть ошибочно принята за агрессию, атаку. Но тайшину несвойственна агрессия, в людском понимании этого слова. Одна из задач Тай-Шин – перевести человеческую агрессию в иное качество, потому что агрессия – это следствие бессилия, это, в первую очередь, влияние духов из самых темных уголков нашего подсознания, это их предрасположенность, которую они проецируют на нас. Концепция защиты Тай-Шин не может быть рассчитана, обусловлена и понята интеллектуально. Тайшины чувствуют этот мир. Они стремятся к взаимодействию с ним. Защита же предусматривает бесконечное число реализаций своих чувств, позволяющих оставаться в гармонии с окружающим миром. Защита – это, прежде всего, достижение гармонии, уравнивание противоположных потенциалов, потому что агрессия – это подавление одним потенциалом другого. Тайшин живет ощущениями, он верит Силе, которая ведет его по дорогам этой вселенной. Эта Сила создает вокруг воина Тай-Шин световой кокон, который и является не только средством познания тайн мира, но еще и естественным щитом от

неблагоприятных вторжений. Чем больше расслаблен тайшин, чем больше он доверяет своей Силе, тем сильнее он защищен от разрушительной инерции человеческой цивилизации.

Адучи робко делает движение рукой. Айрук вопросительно кивает головой.

– А как же силы природы?

– Что силы природы?

– С помощью своего щита тайшин защищается от влияния человеческой цивилизации, а как он защищается от стихийных сил природы?

Айрук усмехается и выразительно смотрит на Кадамая. Снови-дец, по-прежнему не произнося ни слова, молча поднимает руку на уровень груди, развернув ее ладонью вверх. Через мгновение на нее, словно на посадочную площадку, спикировал откуда-то сверху большой всклокоченный воробей. Было видно, что птица не испытывает ни малейшего намека на страх или осторожность: воробей деловито стал прохаживаться по ладони тайшина, как будто не замечая собравшихся вокруг него людей. Адучи посмотрел на сновидца. В глазах Кадамая был какой-то детский восторг, словно он впервые в своей жизни увидел воробья, и даже умудрился его потрогать.

– Тайшин не защищается от стихийных сил природы, – мягко произнес Айрук, – впрочем, как не защищается он и от людей.

В ответ на удивленный взгляд ученика, он вытянул вперед свою руку, и воробей, коротко взмахнув крыльшками, перелетел на нее с ладони сновидца.

– Сила сама защищает тайшина. Ему нет необходимости ослаблять себя подобными проблемами, и беспокоиться о чем-либо. Щит действует тем эффективней, чем менее тайшин напряжен или обеспокоен. Искусство защиты это, прежде всего, искусство расслабления, доверия самому себе.

Воробей, наконец, выразительно посмотрел на шаманов, словно спрашивая у них разрешения вернуться домой. Айрук дунул на него, и в мгновение ока на ладони уже никого не было.

– Люди, – тихо произнес Иссит, посмотрев на ученика, – вот кого действительно стоит опасаться. Ты слышал что-нибудь о "Черной охоте"?

Адучи задумался, вспоминая знакомое название.

– Что-то знакомое, но что, не могу вспомнить. Нечто вроде "Охоты на ведьм"?

Айрук махнул рукой в сторону дороги, по которой шли мимо несколько прохожих.

– Общество людей создавалось столетиями. Люди менялись, но неизменным оставалась их сущность – древний конфликт в самой основе их существа. Я имею в виду их разделение на две сферы, которые воюют друг с другом. В далеком прошлом правое полушарие мозга было не так сильно подавлено людьми, и человечество владело могущественными силами. Но со временем, левое полушарие все больше и больше захватывало первенство, и рациональные механизмы логики стали уводить человека в сторону технологической цивилизации, подавляя в нем не только многие возможности, но даже многие жизненные инстинкты. Все это непременно должно было отражаться и на законах существования этого общества. Как и в любой общине, законы большинства со временем становятся настолько подавляющими и непоколебимыми, что любой выход за рамки этих норм и правил, либо незамедлительно корректируется, либо

подавляется, либо тот, кто допускает инакомыслие, просто изгоняется за пределы существования данной общины.

Айрук делает отмашку рукой, словно отпугивая от себя назойливое насекомое.

– Теперь ты понимаешь, почему большинство людей развивающих свои, непривычные для большинства, возможности, вынуждены скрываться от общества, прячась в горах, лесах, или подпольных квартирах, принадлежащих тайным организациям?

– Люди считают их чужими?

– Именно. Более перспективными – и поэтому вызывающими чувства зависти и опасения.

Иссит задумчиво посмотрел вслед уходящим людям.

– Когда человек начинает использовать иные, скрытые возможности своего организма, он неизбежно меняет спектр излучения. Общество тут же чувствует появление "чужака", идентифицирует его и начинает реагировать. Сначала оно манипулирует его привычными жизненными стимулами, и если человек уже не подчиняется этим управляющим законам, общество начинает давить на "чужого", пытаясь силой склонить его к возвращению в привычное состояние, это и сеть "Черная охота". Тот, кто заявляет свои права на свободу и максимальное проявление своей индивидуальности, незамедлительно подвергается самому жесткому преследованию: от финансовой изоляции до физического уничтожения.

Адучи непроизвольно вздрогнул. Айрук значительно кивнул ему.

– Теперь ты понимаешь, почему в основу своего Пути тайшины положили "Путь Воина-Шамана"?

– Да. Мы уже обсуждали это с Унгеном.

– Теперь ты понимаешь, почему мы находимся в самой гуще социальной жизни людей?

Адучи не нашелся что ответить, и посмотрел на Кадамай. Тот сидел с полужакрытыми глазами, и, казалось, дремал. Айрук глубоко вздохнул.

– Все дело в том, что вернуться к прежнему состоянию мы не можем и не хотим. На нас уже не действуют те примитивные стимулы, с помощью которых Общество поддерживает свою целостность. Остается либо выгнать нас, как чужаков, за пределы существования данной общины, либо уничтожить. Но так как человеческая община занимает весь земной шар, то выгонять нас остается только в космос. А в космосе нормально существовать сможет, разве что, Кадамай.

Сновидец тихо усмехнулся и покачал головой, словно подтверждая слова сказанные Айруком.

– Остается только объявить на нас "Черную охоту", преследование на всех уровнях существования. В это время жертв подобной охоты постигают несчастные случаи, болезни, бытовые конфликты и преступные нападения. И поэтому, многие маги вынуждены либо скрываться в отшельничестве, либо сражаться за свою свободу. Однако подобное сопротивление очень быстро ломают. В этом неравном противостоянии одиночки не имеют никаких шансов. Путь одиночки, это жизнь в непрерывной конспирации, стратегия постоянного бегства и притворства. Такой путь тоже не многие могут выдержать долго. Да и механизмы нейтрализации "чужаком" становятся все изощренней и эффективней. Тайшины ведь тоже подвергались подобному давлению на протяжении столетий, пока не поняли одну очень простую истину. Долгое время нас спасало лишь то, что мы не были одиночками, мы объединились в Клан, применяя для своей защиты самые мощные возможности в области магии, маскировки, искусства перевоплощения и боевого искусства. Скрываясь в непроходимых горах

и таежной чаще, мы исследовали тайны нашего правого полушария и возможности нашего левого энергетического тела. Но чем могущественнее мы становились, тем сильнее чувствовали на себе давление со стороны социума. И тогда мы поняли, что не прекратили войну внутри себя, а только лишь "перешли на сторону", угнетаемой обычным сознанием, половины человеческой сущности.

– Зеркало, – пробормотал вдруг Кадамай и посмотрел на Адучи ясным пронзительным взглядом.

-Зеркало! – торжественно повторил произнесенное сновидцем слово Айрук. – Мир вокруг нас – Зеркало! А это значит...

Судя по затянувшейся паузе, продолжить фразу должен был имен-но Адучи.

– Это значит, что если кто-то давит на тебя, то это давление является лишь отражением аналогичного давления с другой стороны. Отзеркаливание...

– Молодец! – удовлетворенно пробормотал Кадамай, а Айрук в знак одобрения толкнул ученика плечом. После этого Исситы замолчали, словно выполнив свою миссию, но Адучи понял, что они просто давали ему время обдумать все услышанное и сделать выводы. Минут через десять Айрук снова неожиданно заговорил, будто продолжая только что оборванную фразу:

– Но если общество продолжало давить на нас, то это могло означать только одно – война просто вошла в новую фазу, и, освободив свое правое полушарие и развив левое энергетическое тело, мы не только не освободили себя, но вышли из области скрытого саботажа в открытое противостояние. Что нам оставалось делать?

Адучи пожал плечами. Голова почему-то была абсолютно пустой, словно все мыслительные процессы исчерпали себя в предыдущих озарениях. Айрук угрюмо усмехнулся.

– Я скажу тебе. Мы должны были надеть на себя волчьи шкуры, нанести на лица ритуальную раскраску и, обнажив клинки, ворваться на улицы города для последнего поединка против всего человечества, уничтожая и их и себя, отзеркаливая извечную войну человека против своего тела, мозга и энергетического кокона. Война свободных волков и преследующих их людей.

Адучи уже привык к мрачному юмору Иссита, но возникшая в воображении картинка заставила его содрогнуться.

– Это не самая ваша удачная шутка, Мастер.

– Это не совсем шутка, Адучи. Кончено же тайшины никогда не обратят свое искусство в русло примитивной агрессии. Но человечество уже делает это само с собой. Война правой и левой половины уничтожает людей каждую секунду. Можно сказать, что в каждом человеке идет война между его внутренним обывателем и тайшином, живущим в сумерках восприятия. А мы... – Иссит развел руками, – У нас остался единственный достойный выбор. Вместо того чтобы прятаться и сражаться, мы сделали так, чтобы Обществу было выгодно пойти с нами на взаимовыгодное сотрудничество. Тогда проблема преследования нас или попытка изменить наше мировосприятие отпадает сама собой. Понимаешь? Уравновешивание обеих наших половинок, обеих полушарий мозга, обеих Сил. Прекращение извечной войны. А это и есть ИТУ-ТАЙ – Равновесие.

Айрук торжественно посмотрел на ученика, словно эта информация была кульминацией всего их разговора. Адучи улыбнулся.

– Я понял. Для того чтобы Общество левополушарных людей перестало видеть в нас

чужаков, нужно сделать так, чтобы использова-ние возможностей правого полушария и левого энергетического тела стали выгодны для самого существования Общества.

Айрук засмеялся.

– Все просто. Именно поэтому воины нашего Круга были вынуж-дены не только поселиться в самой гуще социальных взаимоотноше-ний, но и еще успешно действовать в этих условиях, изучая их и адаптируясь к ним.

– А что можно предложить Обществу в качестве выгодного обме-на? Магию? Боевое искусство? Целительские методики?

– И то, и другое, и третье, и еще многое другое. Древние учения шаманов никогда не были так актуальны для людей, как в настоя-щее время. Ощущение своего единства со всем окружающим являет-ся наиважнейшим аспектом Равновесия, столь необходимого чело-веку. Техногенная цивилизация стоит на грани самоуничтожения. Она подобна грандиозной информационной системе, которая от бе-зыходности, от осознания своих ограниченных возможностей, вклю-чает программу самоуничтожения, которая проявляет себя доста-точно разнообразно. Когда логическая система осознает тупик сво-ей дальнейшей реализации, она неизбежно начинает уничтожать сама себя. Левое полушарие запуталось в своей чрезмерной логич-ности, с помощью которой невозможно охватить окружающее ми-роздание. Рано или поздно это приведет разум к "схлопыванию". Уже сейчас на планете развивается эпидемия болезни, от которой логический ум никогда не сможет найти лекарства. Специалисты называют этот недуг "ноогенный невроз". В нашей лаборатории, возглавляемой Арасканом, эта болезнь была изучена на самом серь-езном уровне.

Адучи чуть заметно улыбнулся самыми кончиками губ. Он до сих пор не мог привыкнуть к тому, что человек, который еще совсем не-давно обучал его таинствам алтайской магии в глухой предгорной тайге, совершенно спокойно рассуждает о предпосылках возникно-вения психосоциального конфликта в масштабах человечества. Айрук опять прочитал его мысли.

– Думаешь о том, как может шаман Тай-Шин свободно владеть научной терминологией? Это и есть ответ на все вопросы. ИТУ-ТАЙ открывает для нас возможность использовать левое полушарие на всю мощность, не опасаясь информационной перегрузки. Мы учимся всему очень быстро. Ведь мы уравниваем логику сверхчувствен-ным восприятием. Мы открываем двери новых пространств для разу-ма, запертого в тесном объеме виртуальной "скороварки", что позво-ляет снять это избыточное напряжение с нашего ума. Поэтому то, что мы предлагаем в качестве "товара", является для Общества своеоб-разной панацеей, жизненной необходимостью, пренебречь которой оно не может исключительно из чувства самосохранения. Люди боятся правого полушария и, уж тем более, левого энергетического тела. Мы можем предложить им уже адаптированное для их восприятия мировоззрение, спасающее их от сумасшествия и самоуничтожения. Для Равновесия необходимы две половинки, помни об этом всегда.

– Но как можно объяснить человеку, который не осознает причи-ны своих проблем, что ему действительно что-то нужно, и даже более того, жизненно необходимо?

Айрук пожал плечами.

– Это тебе и нужно будет выяснить. Возможно, что решением этой проблемы придется заниматься вам, тайшинам новой волны. В лю-бом случае, тебе необходимо помнить о том, что



тайшины это тоже люди, просто несколько изменившие свой взгляд на мир. А также, важно не забывать и том, что мир вокруг нас является Зеркалом. И тебе всегда придется встречаться в нем со своими отражениями.

Айрук вдруг замолчал, и Адучи понял почему. Он тоже почувствовал это, а после увидел: из-за угла дома, расположенного в пяти-шести метрах от скамейки, где сидели тайшины, вышел, шатаясь, огромного роста мужик, оглядываясь по сторонам мутным взглядом. Его изрядно качало, и было видно, что он очень пьян, и задурманен-ный разум толкал его на поиски конфликта. Увидев сидящих, мужик ухмыльнулся и медленно направился в их сторону. По мере его приближения Адучи охватывали все более и более тревожные предчувствия. Тело пьяницы излучало нестройные волны агрессии. Адучи совсем не пугали габариты нетрезвого гостя, наоборот, он с ужа-сом думал, что будет спустя несколько минут, когда он все-таки по-дойдет к ним. Ковров чуть повернул голову вправо, где сидел Айрук, и внутренне сжался. Но тот сидел неподвижно, совершенно спокой-но и расслабленно, словно не замечая приближающейся угрозы. Адучи знал, что это впечатление обманчиво. Айрук мог убить или иска-лечить этого верзилу тысячами различных способов, причем, даже не вставая со скамейки. Напряжение в воздухе нарастало. Мужик подошел вплотную и, разглядывая мутными глазами сидевших, пошатнулся, икая:

– О-о, чуркестан... мать вашу...

Адучи почувствовал раздражение. Оба Иссита сидели по сторо-нам с абсолютно индифферентным видом, и рассеянный взгляд пья-ницы остановился, наконец, на Коврове.

– А-а... ты че? Че вот ты... здесь... сидишь? Ррр-ррусский... Давай отсюда... на хер... Или че? Возражения, на..?

Адучи глубоко втянул носом воздух. Он чувствовал, что инициа-тива по разрешению конфликта целиком передана в его руки. Он нервно заерзал, и мужик опять, качнувшись, протянул к нему огром-ную пятерню, пытаясь не то похлопать по плечу, не то схватить за рубашку. Адучи мягко и без нажима отвел его руку в сторону.

– Трогать меня не надо.

Пьяный человек озадаченно разглядывал его, пытаясь собраться с мыслями:

– Я че... не понял... Ты пойдешь... или нет? Я тебе...

Айрук раздраженно пожал плечами и отрывисто бросил:

-Успокой его.

Адучи кивнул, не зная, что делать дальше. Попытаться погово-рить с ним? Бесполезно. Ударить? Рука уже знала, куда и с какой силой нужно наносить удары. Но ведь не зря Айрук реагирует так, не зря. Он хочет, как всегда, закрепить все на практике. Зеркало... Адучи все понял. "Черная охота" не прекращалась для тайшинов ни на секунду. Равновесие... "Чужак". Адучи усмехнулся. Из какого только подвала во внутреннем пространстве мог взяться такой урод?

– Пойдем, мужик, – Адучи встал и, увлекая проблемного гостя за собой, повел вниз по улице, в направлении маленького магазинчи-ка, где окрестные алкаши постоянно покупали дешевую водку мест-ного розлива.

– Пойдем, пойдем, выпьем...

Мужик приободрился. Предложение выпить произвело желаемый эффект – агрессия сменилась симпатией, зыбкое сознание сконцентрировалось на знакомой и желанной цели. "Для того чтобы переориентировать человека на другое желание, устремление или даже восприятие реальности, необходимо, прежде всего, оказать влияние на его АРС. Это достигается различными путями...". В данном случае оказалось достаточно захватить рассеянное внимание пьяницы примитивным стимулом и совершить незначительное смещение восприятия. Визуализация одного из древних символов "Волчьих Рун" на переносице, позволяет внушить человеку практически любую мысль или ощущение. Адучи улыбнулся в облюбованное и перекошенное лицо нового "друга" и кивнул на магазин. Но до него они не дошли. Адучи, конечно же, мог купить этому бесшабашному гуляке бутылку водки, но, во-первых, на это нужно было время, а он видел, как оба тайшина встали и медленно пошли в противоположную сторону. Во-вторых, в этом случае мужик вообще вряд ли оставил бы его в покое. И, в-третьих, этот пьяный тяжеловес представлял реальную угрозу для прохожих, и сам был слишком явной мишенью для патрульных милиционеров, которые жалеть его не стали бы, избив резиновыми дубинками и отравив слезоточивым газом.

Мужик вдруг резко расслабился, его ноги подогнулись, и он мягко завалился в высокую траву около гаражей, стоящих чуть в стороне от дороги. Адучи остался доволен выбранным местом. Здесь этот гигант вполне может проспать, незамеченный никем. Мужик лежал на боку, словно ватная кукла, безобидный и беспомощный. Завтра он даже ничего не вспомнит, особенно тот эпизод, когда он чудом избежал смерти, будучи в нескольких шагах от нее, когда молодой тайшин увел его от этой смертельной угрозы и усыпил, с силой надавив на точку в основании шеи – прием, которым можно быстро и безболезненно успокоить надолго даже такого громилу.

Адучи догнал тайшинов, когда они уже почти скрылись за углом церковной ограды. Кадамай даже не повернулся в его сторону, а Ай-рук, улыбнувшись, пробормотал:

– Равновесие распространяется на оба потенциала. Ты все сделал неплохо...

Адучи тоже улыбнулся, польщенный оценкой Наставника, но через несколько секунд от его эйфории не осталось и следа. Оранная тройца миновала узкий безлюдный дворик и, поднявшись по лестнице, вошла под гулкие своды храма.

Солнечный свет смешивается с мерцанием свеч и отражается на золотистых стенах собора яркими отсветами. Тихое потрескивание десятков огоньков и нежный запах таящего воска. В помещении очень много людей. Кроме немногочисленных бабушек, все – участники свадьбы, которая сгрудилась в правой стороне собора. Идет венчание. Адучи растерянно оглянулся по сторонам. Кадамай замер перед одной из икон с закрытыми глазами, так, что создавалось впечатление, что он истово молится, не обращая внимания на шум голов и обилие многочисленной публики. Айрук купил две свечи и, протянув одну Адучи, кивком показал на алтарь, расположенный перед изображением Богородицы с Младенцем. Когда свечи были поставлены в маленькие подсвечники, Иссит молча направился туда, где проходил церемониал венчания. Адучи последовал за ним. Он чувствовал, что что-то должно произойти. Что-то уже происходило. Пробившись сквозь круг из приглашенных, оба тайшина остановились чуть позади венчающейся пары и пары свидетелей, которые торжественно замерли перед священником, молодым мужчиной с классической бородой служителя культа. Его голос пронзительно звучал над процессией, эхом уносясь под большой купол с изображением Саваофа и Христа. Когда интонации его очередной фразы достигли определенного уровня торжественности, коварный Айрук услужливо подсказал молодым, что нужно делать дальше. Он прошептал: "На колени...", и обе пары, стоящие перед священником, среагировали мгновенно,

тут же опускаясь на колени, полагая, что данная процедура является неотъемлемой частью процесса венчания. Все растерянно замерли, включая священника, который, в общем-то, и не выдержал первым – заулыбался, окончательно смущая растерявшихся молодых людей, стоящих на коленях. Потом, поняв в чем дело, зафыркали от смеха родственники молодоженов. Через минуту в гулких стенах собора уже гремел тщетно сдерживаемый всеми присутствующими хохот. Айрук с серьезным выражением лица кивнул Адучи, словно делая знак. Когда все отсмеялись, прерван-ная церемония продолжилась с уже пунцовыми от стыда молодоже-нами.

К Айруку подошел человек в церковных одеждах и отозвал его в сторону:

– Вам придется покинуть собор. Тайшин изумленно посмотрел на него:

– Почему, мы не закончили...

– Вы ведете себя неподобающе правилам посещения. Вы чуть не сорвали венчание.

Айрук смутился, и, растерявшись, принялся объяснять что он и в мыслях не имел ничего подобного, что сказал это, полагая, что ко-ленопреклонение обязательно именно в этой части венчания, что сделал это только лишь от избытка чувств и христианской ревности, что впредь этого больше не повторится, а если и повторится, то толь-ко в другом соборе и вообще в другом городе. Священник тоже расте-рялся, слушая весь этот бред, но было видно, что он настроен реши-тельно и намерен все-таки выставить нарушителя из храма.

– Вам придется покинуть собор, я... – он вдруг замолчал, и Адучи понял почему – церковный служитель посмотрел и глаза тайшину. Этот взгляд темных глаз что-то остановил в его мысленном потоке, потому что было видно, что священник запутался. Когда он, нако-нец, относительно пришел в себя, то облизал пересохшие губы и на-пряженно пробормотал:

– Кто вы?

Айрук улыбнулся и кивнул на Адучи, показывая, что они вместе.

– У нас нет имени. Мы пришли издалека, из глубины веков. Таин-ственная Сила привела нас сюда, впрочем, как и вас, чтобы препо-дать урок и нам, и вам.

– Кто вы? – хрипло прошептал служитель не в силах двинуться с места. Темный взгляд тайшина будто парализовал его и обездвижил.

– У нас нет имени, и в то же время на протяжении веков нас имено-вали по-разному: "хранители", "тайшины", "тэнги", "язычники", "ведуны", "безликие", "воины-оборотни", "шаманы" Какое из этих названий выберете вы?

– Вы – язычники? Вы хотите сказать, что исповедуете мудрость дьявольскую?

– Мудрость? – Да! Дьявольскую? – Нет. Мудрость вообще не мо-жет быть чьей-то. А то существо, которого, как я понимаю, вы имеете в виду, скорее всего, является нашим общим противником, но мето-ды противостояния ему у нас, похоже, несколько разнятся. Я хочу, чтобы вы поняли меня. Поверьте, эти названия вообще все портят. Не слушайте меня, прислушайтесь к своим чувствам... Сердце не-возможно обмануть, в отличие от нашего ума, который уже начина-ет бояться сам себя. Я пришел сюда, чтобы дать урок человеческой тупости и страха вот этому молодому язычнику, но мне будет прият-но, если и вы извлечете для себя некоторую пользу.

-Уходите...

– Да, конечно, мы сейчас уйдем, но неужели вы не поблагодарите меня за те минуты удовольствия, которые я доставил всем присут-ствующим? Согласитесь, это было забавно.

– Уходите...

– Вы просите меня уйти? Хорошо, мы уйдем. Но я уверен, что поз-же, через несколько лет, вы вспомните эту нашу встречу. Она вста-нет у вас перед глазами, и вы вспомните мои слова, которые я вам сейчас скажу. Вы будете искать нас везде, но мы, как всегда, растаем в сумерках вечера, подобно теням... Вы гоните нас прочь? Нам это знакомо. Это происходит всегда, когда мы начинаем ощущать себя легкими. Видишь, Адучи, стоит лишь впустить немного веселой магии второго полушария в этот мир, как он незамедлительно начина-ет реагировать на нас. Вот вы, на вас одежда священнослужителя, но сейчас вы выполняете роль "черного охотника", возложенную на вас человеческой общиной. Законы Божие и законы людские... А жить-то приходится среди людей. Сложно все и запутанно. Слишком мно-го напряжения. У вас болит грудь? Такие саднящие боли, не дающие вам иногда даже говорить? Через несколько месяцев они станут воистину нестерпимыми.

– Откуда вы?..

– Моя мудрость подсказывает мне это. Вы не говорили мне, но мне и не нужны ваши слова. Я чувствую. Я вижу вашу боль. Я ощущаю ее зарождение и развитие, она медленно, но неотвратно разрушает вас изнутри. Я могу вылечить вас. Не хотите? Боитесь? Это отсут-ствие юмора и смеха давит вас изнутри. Этакая изнуряющая серьез-ность и напряжение порождает ее. Если бы вы прислушались, вы бы наверняка услышали, как светлые боги смеялись вместе со всеми над моей невинной шуткой. Потому что туда, – Айрук поднял руку вверх, – невозможно попасть отягощенным чувством собственной важности. Но, почему-то многие из вас хотят притянуть к земле тех, кто может свободно летать по Вечному Синему Небу, выбирая себе любое направление. Серьезность – это первый признак бессилия. И поверьте, мы уважаем Христа ничуть не меньше вас, но стиль его почитания у нас больше напоминает отношение ребенка к своему любимому сказочному герою. Можете не сомневаться – ребенок ве-рит в него, он разговаривает с ним, и старается быть на него похо-жим. Но вы где-нибудь видели ребенка, который стирает с лица улыбку и становится по стойке смирно, при одном лишь упоминании о сво-ем невидимом добром Хранителе? Вот в чем вся разница. Вы видели смущение и стыд на лицах этих молодых людей? Если бы никто не засмеялся, они были бы уверены, что все делают так как надо. И у них даже остались бы весьма восторженные воспоминания об этой цере-монии.

Айрук наклонился к священнику, словно собираясь сообщить ему нечто доверительное.

– Наша проблема в том, что все мы с детства слышим этот ковар-ный шепот голодных духов, который позже уже начинаем прини-мать за свои мысли. Хотите, я открою вам страшную тайну? Только не говорите никому... Эти духи воруют наш детский смех. Нам нуж-но остановиться, нам необходимо заставить замолчать призрак сво-его суетливого разума, похищенного у нас в нашем детстве...

– ТЭРЬ!!!... – Крик Кадамая раздался в храме, словно гром ухнул в ясном безоблачном небе. Все присутствующие вздрогнули и изум-ленно замолчали...

\* \* \*

– Почему никто не хочет говорить со мной о моем прошлом?

Они сидят на зеленой траве, на том самом месте, где когда-то Адучи похоронил Арчи и где когда-то встретил Айрука, который избил его до полусмерти. Внизу неспешно течет широкая река – Обь. Даль безоблачна и чиста. Солнце уже нависло над горизонтом, и сумерки окрасили

небо прозрачной вечерней синевой. Кадамай отвечает не сразу, он взвешивает каждое свое слово, прежде чем произнести его вслух. Эта манера общения поначалу очень раздражала Адучи, который привык к быстрым, емким и содержательным объяснениям Айрука. Но потом, позже, он понял, что Кадамай поступает так не в силу своего косноязычия, а потому, что он куда дальше всех остальных проникал в потусторонний мир – незнакомый и таинственный, а это накладывает определенный отпечаток на манеру передачи знаний. Сновидец испытывал затруднения с формулировками, потому что пытался выразить невыразимое, описать то, что не поддается описанию. Проблема, с которой, в конечном счете, сталкиваются все шаманы.

– Потому что тайшины никогда не говорят о прошлом напрямую. Для нас прошлое – это не тема для разговоров, а элемент энергетической обусловленности. К тому же я не могу говорить с тобой об этом, потому что твое прошлое – это аспект, который принадлежит другому Направлению.

Адучи хочет задать вопрос. Он знает, Кадамай не столь категоричен, как Айрук, ему можно задавать любые вопросы, все, что приходит в голову.

– А чье прошлое тогда принадлежит Направлению Сновидцев? Наставник изгибает брови в шутовском недоумении:

– Ты до сих пор не понял? КЭРСО – Направление Сновидцев, не имеет ничего общего с категориями "прошлое", "настоящее", "будущее"... КЭРСО – это то, чего не существует. Это не прошлое, не настоящее и не будущее. Это сны. Но, тем не менее, КЭРСО – это так же реально, как мы с тобой, как вот эта река, как вон та даль за горизонтом.

Кадамай молчит и выжидательно следит за реакцией ученика. В его словах скрыт какой-то подвох. Какой?

– Ты осознал это? Сновидение – это сны, но это так же реально, как и то, что мы сейчас сидим с тобой здесь и беседуем...

Адучи чувствует, что начинает теряться в этих бесконечно парадоксальных утверждениях Иссита.

– Не понимаешь? – Кадамай сочувственно смотрит на него, словно на школьника, пытающегося осознать, что Земля круглая. – Искусство Сновидцев – это исследование мира неизвестного. Это иная грань нашего бытия. Практикуя это могущественное Искусство, мы имеем дело уже не с привычным нам телом Дэрг, но с таинственным и загадочным телом Марг. А у этого тела нет прошлого, поэтому я, как Сновидец, не имею возможности говорить с тобой о твоём прошлом.

– А ты можешь говорить со мной о теле Марг?

– Могу, хотя говорить об этом теле невозможно, вернее, возможно, но очень условно и абстрактно, потому что Марг – это иной аспект нашей жизни, это запретная тема для нашего линейного мозга. Но это не запретная тема для АРС – твоего центра восприятия, с помощью которого ты можешь ощущать "тело Шамана", и более того, даже пользоваться им. И ты делал это уже много раз, хотя и неосознанно. Вспомни свои кошмарные сны. Что пугало тебя в них?

Адучи вздрогнул, словно от одного воспоминания о Наваждени-ях. Внутри пробудилось знакомое ощущение, предшествующее "выворотам". Тело как будто ожидало удара, все мышцы напряглись, в животе образовалась неприятная пустота, и закрутилась в этой пустоте змея, подобно скрученной в спираль пружине.

– Меня пугали Йорм и Зеркальщик...

– Кто они?

– Я... я не знаю. – Адучи растерянно посмотрел на Иссита.

– Что они делали с тобой?

– Я не знаю. Но каждый раз после их присутствия во снах мне было очень больно и очень

страшно.

– Кто пугал тебя больше – Йорм или Зеркальщик? Адучи задумался на мгновение:

– Зеркальщик. Нет, Йорм. Они оба.

Кадамай медленно кивает, словно соглашаясь, сам с собою.

– Ты замечал, как протекает твоя дневная жизнь после "выворота", спровоцированного Зеркальщиком? Йормом? Ими обоими? Было в ней что-нибудь необычное? Череду неудач, наплыв везения, повышенный травматизм или агрессивность, потребность в еде, воде, отдыхе... Что их отличало?

Адучи мучительно пытается вспомнить. А ведь было. Что-то было, всегда, после каждого Наваждения. Что? Трудно, очень трудно вспомнить.

– Я забыл.

Кадамай резко и с силой сводит ладони обеих рук перед собой. Громкий хлопок звучит непривычно и оглушительно, болезненно ударяя по слуху. Обычно подобные хлопки в исполнении Иссита всегда что-то изменяли в восприятии Адучи.

– Кадамай. зачем ты делаешь это?

– Я открываю двери.

– Какие двери?

– Двери в иной мир. Я позвал из того мира магическое существо, которое многое наглядно прояснит для тебя. Оно скоро появится. Сразу после того, как мы выясним кое-что...

Адучи настороженно оглядывается по сторонам. Этого еще только не хватало. Магическое существо. Интересно, что имел в виду Сно-видец, называя его так? Может, он вызвал кого-нибудь из этой жуткой двойки?

– Ты не вспомнил?

Адучи досадливо морщится:

– Я очень невнимательный ученик, Кадамай.

– Не в этом дело. Ты достаточно внимательный, но с самого детства твой АРС подвержено хаотическим колебаниям. Твое нестабильное внимание создает в твоей памяти целую череду событий, не поддающихся воспоминаниям. У обычного человека уже к шестнадцатилетнему возрасту АРС намертво зафиксировано в одном месте, и поэтому люди всегда отдают себе отчет в прожитой жизни. У тайшина АРС двигается по всей энергетической конфигурации, как в Дэрг, так и в теле Марг, потому что оба полушария мозга шамана могут работать синхронно. Поэтому тайшины не испытывают проблем, связанных с прошлым. В их власти вернуть себе опыт прожитых событий и даже вернуться в прошлое самим, используя магическую волю, полученную в магическом теле. Ты же находишься в самом плачевном положении. Ты уже не принадлежишь миру людей, но еще не принадлежишь миру тайшинов. Твой АРС уже не стоит на месте, но и не может двигаться куда-либо. Отсюда твои провалы в памяти, неуверенность и озабоченность. Ты не успеваешь за нами, потому что потерял уйму времени, избегая свою Судьбу. Поэтому в отношении тебя нужно принимать какие-то более действенные средства, форсировать Обучение, хотя это не всегда заканчивается хорошо. Но у нас просто нет другого выбора. Ты должен успеть найти УЛУ.

– УЛУ? Знакомое имя.

– Это не имя. Это название. Это одна из самых мрачных тайн тай-шинов. Но это и одно из самых фундаментальных положений во всей системе Тай-Шин.

Кадамай замолчал. Он медленно и ровно дышал, прикрыв глаза. Через несколько секунд он снова заговорил:

– Это ключевое понятие в Искусстве Сновидцев. УЛА – это "тело сновидения", созданное из левого энергетического тела, не доступного обычному человеку. В большинстве случаев это точная копия нашего физического тела, созданная из иной материальности, из ткани сновидений. В этом теле мы можем легко проникать в мир Неведомого, так же как в своем физическом теле мы легко существуем в этом мире. Теперь ты понял? УЛА – двойник человека. Или животного. Он появляется посредством магической практики Сновидения. Можно сказать, что он приходит из тьмы, из сновидений. УЛА имеет очень большую силу, будучи создан из мерцающей энергии, находящейся за гранью нашего привычного восприятия. УЛА – это темный человек, порождение сумерек сознания, житель другой стороны мира, Дракон.

Сновидец открыл глаза и Адучи увидел, что они снова изменили цвет. Только теперь один глаз был зеленым, а другой – лимонно-желтым.

– Там, во сне, ты испытывал жуткий страх от встреч с Зеркальщи-ком и Йормом. Это чувство является следствием того, что твой АРС не подчиняется тебе. А если оно не подчиняется тебе, то в тех краях, куда ты периодически отправляешься в своих снах, наверняка найдется кто-нибудь, кто захочет взять на себя управление твоим вниманием. Понимаешь, о чем я?

Адучи посмотрел в глаза своему Наставнику и непроизвольно вздрогнул. Сейчас они напоминали две черных дыры, в которых отражалась Пустота внутри сновидца. Кадамай моргнул и цвет его глаз снова стал прежним.

– Для тайшина это очевидные вещи, которые он использует, чтобы влиять иногда на события или на других людей. Но из этих двух существ, которые преследовали тебя по ночам в твоих Наваждениях, лишь один является мастером-сновидцем. Второй является порождением твоей темной стороны. Он как-то связан с тобой, впрочем, как и со всеми мужчинами вашего рода. Я не знаю точно кто он. Никто этого не знает. Но он появлялся в твоих снах не случайно. Он охотится за тобой. Он является самым опасным "черным охотником" из всех отслеживающих тебя. Одна из его основных задач – удержать тебя на прежнем уровне, в поле собственных страхов и заблуждений. Мы же увели тебя на другую сторону сознания. Это невидимое противостояние в твоём внутреннем пространстве и было причиной тех "выворотов", которые так изматывали тебя. Твое тело не успевало за этой напряженной игрой, напоминающей пинг-понг, и в результате ты ощущал боль.

– Это был демон?

– Его можно назвать как угодно. Но ты уже выбрал для него название. Зеркальщик...

– Значит... Йорм – это был ты?!

– Да. Теперь настало время узнать истинные имена участников твоих Наваждений. Мое – ты узнал, теперь ты должен узнать его. Его зовут Зурда – твой ночной кошмар и извечный противник. Именно он – Зурда – и был угрожающим тебе существом. Йорм был твоим гидом-телохранителем, и хотя иногда он пугал тебя больше, чем Зеркальщик, это было вынужденной мерой. Я следовал за тобой в твои сновидения, я прятался там в ожидании Духа, я скрывался за обликом черного человека, потому что именно так выглядит УЛА для сновидца, который тоже является УЛОЙ, но еще не осознает этого...

Кадамай улыбнулся.

– Я опять чувствую твой страх. Ты думаешь о природе этой преследующей тебя силы. Так?

Адучи кивнул.

– В отличие от остальных людей, тайшины задействуют совершен-но иные аспекты своего внимания и иные уровни своей Силы, что и становится причиной того, что они вступают в схватку с ужасающими-ми созданиями, населяющими темную половину Ксина. Дух, кото-рого ты назвал Зеркальщиком, пришел к тебе из прошлого, далекого прошлого. Он охотится за тобой, потому что ты унаследовал ощущение ИТУ-ТАЙ, став тайшином. А наследие это ты получил от своего дедушки, Петра Алексеевича Коврова, который был одним из нас. Более того, он был одним из величайших воинов. Но об этом мы не можем сейчас говорить. Важно то, что этот дух появился рядом с тобой не случайно. Ты должен проследить путь, по которому он при-шел за твоей душой. Зурда сражался с твоим дедушкой, затем стал преследовать твоего отца.

– Так отец все знает?

– Не совсем. Он многого не помнит. Когда он был еще ребенком, Зурда пытался поработить его. Это были Наваждения, аналогичные твоим. Но твой дедушка стал тайшином, будучи взрослым челове-ком, а твой отец был еще маленьким мальчиком. Зурда был крайне серьезной угрозой для его жизни.

– А вы не могли защитить его?

– Мы всегда были рядом, но ты не учиываешь многих факторов. Во-первых, тогда было особенное время, сложное время. Во-вторых, у твоего дедушки была особенная миссия, возложенная на него патри-архами Тай-Шин. В-третьих, духам подобного рода человек должен противостоять сам, один на один, таковы условия этого поединка. Мы лишь могли помочь в этой схватке и иногда отводить, ценой невероятных усилий, особо опасные удары, наносимые этим суще-ством. Твоему отцу пришлось худо. Он испытывал неожиданные и очень странные приступы, его болезнь вообще была очень странной. Из всей вашей семьи только Иван, прости, Петр Алексеевич, знал истинные мотивы этих недомоганий. Твоего отца осматривали вид-нейшие врачи нашей страны того времени. В их числе был даже ака-демик Сперанский, но все было безрезультатно – болезнь прогресси-ровала. Его пробовали выдавать за девочку, переодевая на ночь в девчачью одежду, обманывая Духа. Но приступы прошли, только когда твоя семья переехала сюда, на Алтай. Здесь мы смогли защи-щать его, потому что здесь находится один из Четырех Алтайских Колодцев, из которого мы черпаем Силу, становясь могущественнее. Этот Аркол находится здесь, в Барнауле, под этой Усадьбой. Твой отец, как и ты в детстве, проводил здесь довольно много времени, но ни ты, ни он не помните этот период. Ты уже начинаешь вспоми-нать, а твой отец, наверное, никогда не сможет вернуть себе эту па-мять.

– Почему?

– Потому что он не перешагнул черту, отделяющую его от нас.

– Почему??

– Это очень сложная тема, мы не должны обсуждать ее сейчас, у нас иные цели. Могу лишь предположить, что у него были на это причины. Но запомни. Духи подобные Зурда, никогда не отказыва-ются от своей добычи. Они либо поработают свою жертву, либо пытаются уничтожить ее, либо человек находит в себе силы, чтобы превратить своего Противника в своего Союзника. Твой отец пы-тался избежать поединка с Духом, но этого оказалось недостаточно, чтобы ускользнуть от его влияния. Это злой рок вашей семьи – ис-пытывать на себе давление сущности ZURDNA. Дед передал ее тво-ему отцу, твой отец тебе и твоему брату. Когда твой дедушка умер, Зурда стал охотиться за тобой, потому что ты должен был стать од-ним из нас –



тайшином.

– А мой брат? Он ведь тоже подвержен этому...

– Когда твой отец отказался принимать Посвящение, а затем ро-дился ты, то твой дедушка принялся воспитывать тебя для грядущих катаклизмов, потому что он считал, что ты должен стать продолже-нием рода тайшинов, который начался для Ковровых в тридцатых годах этого века. Ты был последней надеждой твоего дедушки, он даже любил тебя больше, чем своего собственного сына. Он отдал тебя под нашу опеку, и когда умирал, то передал тебе и твоему толь-ко что родившемуся брату часть "Волчьего Клыка" – Клинка Силы тайшинов, особой энергии, которая обычно переходит по наследству. Кроме того, ты получил большую часть силы твоего отца. Родители при рождении ребенка делятся с ним частью своей энергии. Перве-нец получает большую часть. Между прочим, ты, наверное, не зна-ешь этого, у вас еще мог быть брат.

– Брат? Еще?

– Да. Но Зурда не позволил ему родиться, он убил его еще младен-цем. Теперь остались вы двое. Но энергетически ты больше похож на дедушку, а твой брат – на вашего отца. Сейчас, когда ты сам стал Воином-Шаманом, то заботу о брате ты должен взять на себя. И ты же должен будешь ввести его в область нашего Учения. Запомни, Зурда будет преследовать вас обоих. Вы сможете уничтожить его, если объедините свои усилия, если станете Воинами-Шаманами, владеющими тайнами Силы пронизывающей все вокруг.

Кадамай замолчал, печально глядя на ученика, словно сочувствуя ему. Но когда оба его глаза по-кошачьи засветились искрящейся зе-ленью, Адучи понял, что тайшин опять разыгрывает его, провоци-руя чувство жалости к самому себе. Иссит рассмеялся.

– Ваша Битва состоится очень скоро. Это неизбежно. Но тайшины не избегают битв. Они отрешенно принимают их, зная, что Битвы являются непременным условием Пути Воина-Шамана. Это то, ради чего воины приходят в этот мир. Боишься?

Адучи посмотрел в прищуренные глаза сновидца и понял, что они переливаются всеми цветами радуги, подобно пятну бензина в дож-девой луже. Он вздрогнул и инстинктивно чуть отшатнулся от себе-седника.

– Боишься... Нормально. Те, кто говорят, что не боятся – обманы-вают сами себя. Мы слишком отягощены злом, и поэтому, прежде чем освободить себя от этой тяжести, страх является нашим неиз-менным попутчиком. Чем меньше в нас остается глупости, тем сла-бее становится страх. Но когда тайшин только становится на свой Путь, ему необходима поддержка. Ему необходимы союзники.

Кадамай сделал рукой движение, словно погладив кого-то неви-димого в полуметре от себя.

– Их можно встретить в самом неожиданном обличье, но я расска-жу тебе о традиционных друзьях тайшинов, существах, которые идут испокон веков с тайшинами рядом по Пути ИГУ-ТАЙ и помогают им во всем. Эти существа условно принадлежат к животному миру. Я говорю условно, потому что аналогично различаемся мы – тайши-ны и люди вокруг нас. Так же и в животном мире есть существа, которые только выглядят как животные. На самом деле, это своеоб-разные "животные шаманы". Мы называем их "Кураны", животные-тайшины. Куран – это не имя и не название вида или породы. Это определение магической сущности существа, действующего под обликом животного или птицы. В древние времена Кураны станови-лись тотемическими животными или птицами той или иной общи-ны. Древние скифы называли их "Коур". Позже это слово претерпе-ло несколько изменений, потому что со временем люди потеряли связь с этими таинственными существами. В тюркском языке "Ку-ран" означает название одного из летних месяцев и название одно-го из домашних стадных животных. Но мы пользуемся им, потому что "Коур-анг" это одна из самых загадочных тайн нашего Насле-дия.

Взаимосвязь Курана и Тайшина овеяна многовековой тайной. Считается, что родившись, тайшин получает, в качестве провожато-го в этом мире, своего персонального Курана. Осознавая свою с ним связь, воин Тай-Шин должен налаживать свои отношения с этим союзным Духом, выстраивая уникальные и никому неведомые отношения с этим загадочным существом. Очень часто эти отношения перерастают в подлинную дружбу. И такой дружбой, безусловно, нужно гордиться и трепетно поддерживать ее. История знает немало примеров подобной дружбы, которая стала даже достоянием эпосов. К примеру, тюркский эпос, где человек и его Куран – великолепный Конь, совершали вместе удивительные подвиги. Это история про Байчибара и Алпамыша. Да и во многих сказках и преданиях прослеживаются следы подобной взаимосвязи. Но ты же должен почувствовать эту силу, понять, что она предельно реальна и жизненно необходима тебе, без нее ты будешь чувствовать себя одиноким. Звери-колдуны – могущественные помощники, и люди теряют огромный пласт своих возможностей, воспринимая животный мир как "низший", "неразумный" и "не одухотворенный", созданный исключительно для удовлетворения потребительских интересов человечества. И животные часто мстят людям за эту несправедливость, хотя механизм этой мести люди никогда не смогут понять.

Иссит назидательно кивнул ученику.

– Тайшины с незапамятных времен заключили союз с миром птиц и зверей. И те платят взаимностью, открывая нам такие тайны, что дух захватывает даже у выдавших виды шаманов. Помни об этом. Это огромная ответственность, и ты уже подвержен исполнению обязательств, которые взяли на себя тайшины много сотен лет назад, заключая с Коур-ангом эту договоренность. Ты уже имеешь Друзей среди Куранов. Между прочим, тебе чрезвычайно повезло, просто невероятно повезло – ты обладаешь двумя Куранами! Причем эти Кураны, согласно нашим классификациям, – чуть ли не самые могущественные среди своих соплеменников. И они указали на тебя сами, без предварительных вызовов и ритуалов! Это очень, очень важный Знак. Немногие из нас могут похвастаться подобным успехом. Я вижу, ты удивлен? Ты не помнишь свою встречу с Куранами? Я напомню тебе. Первый Куран имеет колоссальное значение для тебя. То, что он САМ признал тебя и предложил тебе свою Дружбу, а также то, что именно он ввел тебя в область Тай-Шин, свидетельствует об особом к тебе отношении. Ты должен вспомнить его, ну же...

Адучи, казалось, впал в какое-то дремотное состояние, в котором рождались и таяли образы, напоминающие зыбкие сновидения. А потом все пространство внутри заполнила темнота. Адучи качнулся, словно окончательно проваливаясь в сон, тем не менее, удерживая себя в сидячем положении, и в этот момент вспышка света осветила силуэт...

"Как-то, оглянувшись, Адучи увидел, что рядом с ним, чуть позади, сидит волк. Огромный белый волк в гуще изумрудной травы. Зверь сидел неподвижно, словно чучело, набитое талантливым таксидермистом, и лишь два сверкающих зеленою глаза, исполненных силой, мудростью и магией, витающей вокруг, указывали на то, что волк – живое существо. Мистическое существо. Адучи улыбнулся Духу Сумерек. Волк не пошевелился, его взгляд был устремлен в даль, где клубилась туманами ночная тьма".

– Я помню...

– Это Куран Урсум, древний Дух, который владеет особой силой. Второй Куран тоже очень давно находился рядом с тобой. Это КАР-КАМАС, Куран Кэрсо, Кара Адай, Сновидец. Я могу лишь сказать, что это тоже очень древний Дух, который является фактически символом нашего Направления. Это потрясающе. Сила определенно готовит тебя к чему-то, раз предлагает тебе

дружбу подобных существ. Почти все тайшины нашей группы хорошо переносят Силу Трав, хотя мы ей и не пользуемся по определенным причинам, только на тебя одного она действует непредсказуемо. Но ты невероятно легко сходишься с Куранами, вернее, это они сходятся с тобой, и их Сила оказывает на твой АРС гораздо более гармоничное воздействие, нежели Травы. Взять хотя бы Унгена, он вообще отказался от общения с Куранами, но почти в совершенстве овладел древним искусством Трав. Айме дружба с Кураном далась ценой длительного ожидания и только после многолетней практики магических ритуалов, вызывающих Коур-анг. Ты же не сделал для этого ровным счетом ничего и в результате – к тебе является КАРКАМАС, Дух-Сновидец, и становится твоим Кураном, причем Кураном Кэр-со, взаимосвязь с которым наладить вообще невероятно трудно. Чтобы ты понял масштаб событий, произошедших с тобой, я расскажу тебе, кто такой КАРКАМАС, и тогда ты поймешь, кто стал одним из преданнейших тебе друзей и явился из другого мира, что-бы опекать тебя, учить и защищать.

Кадамай сел удобнее, словно приготовившись рассказывать ученику длинную и увлекательную сказку.

– Некоторые археологические раскопки позволяют нам познакомиться с произведениями древней культуры скифов, а позже тюрков, населяющих Алтай. Одними из интереснейших находок являются так называемые "шейные гривны", о предназначении которых до сих пор спорят ученые. Такие гривны хранятся и здесь, в барнаульском краеведческом музее. Ты даже мог видеть их там в тот, как ты считаешь, злополучный вечер, когда Айрук и Араскан напугали тебя, пытаясь вернуть твое ускользнувшее внимание. Мне известно истинное предназначение этих гривн – это не атрибут власти, как полагают многие, и не украшение, это – ворота в мир неизвестного, элемент Искусства ИТУ-ТАЙ. Изображения голов собак на обоих концах гривн на самом деле являются символом сновидцев – изображением Каркамасов, духов Кэрсо. Именно собаки и являются одними из самых могущественных сновидцев, но не обычные собаки, а Кураны, магические псы – Каркамасы. В большинстве случаев они имеют либо белую, либо темную окраску – в этом случае суеверные люди считают, что это темное пламя ада опаливает шерсть собак и кошек, благодаря чему сатана метит своих питомцев. Как и все связанное с областью неизвестного, собаки, а в особенности – черные собаки, считаются у многих христиан символом нечисти. В древности в некоторых храмах заблудших собак забивали насмерть. Образ собаки воспринимался древними как страж загробного мира. Это египетский Анубис, греческий Цербер. С приходом христианства страж загробного мира превращается в прислужника дьявола, как, впрочем, и волк, древний символ Тай-Шин. Христианство вообще почему-то невзлюбило собак, и особенно популярен стал в этом отношении черный пудель, в облике которого дьявол, якобы, часто появляется среди людей, сопровождая, например, папу Сильвестра II, Фауста, Агриппу Неттесгеймского. Пес является также символом "Собачей Звезды" – Сириуса, альфа Большого Пса. Эта звезда играет в судьбе человечества весьма значительную роль. История человека и собаки вообще неразделима. Сегодня, некоторые ученые даже считают, что собаки являются параллельной ветвью волков, будучи специально "внедрены" в людское общество для их защиты. В любом случае, несмотря на внешнюю вражду, Собаки и Волки связаны между собой на глубоком, мистическом уровне, являясь частями единого целого, двумя половинками одной таинственной Силы.

Кадамай показал ученику две руки, складывая ладони вместе и переплетая между собой пальцы.

– Мы считаем, что именно Собака открыла людям путь в Сновидения. Для нас Каркамас – это посланник древних богов. Человеческие мифы и предания во множестве повествуют о влиянии Каркамасов на человеческую цивилизацию. Но никто из людей не может

проанализировать это и понять истинную ценность этих влияний. В Азии символ собаки имеет особенное значение. В Китае собаку почитали, и выражение "он умер, как собака" символизировало хо-рошую, достойную смерть, тогда как в Европе подобное выражение имеет прямо противоположное значение. Многие древние тюркские народы вели свой род от собак. У тюрков этот род назывался "ИТ-ЛАРЬ". Согласно одному из мифов, отец Бодончара, одного из пред-ков Чингисхана, приходил к его матери после заката в облике чело-века, а уходил перед восходом в облике желтого пса. И подобных свидетельств и мифов десятки. Ты же – тайшин. Для тебя прошлое имеет совсем иное значение, нежели для обычных людей. Эти мифы должны перестать быть для тебя пустыми историями и сказками. Ты должен наполнить их содержанием, силой, а потом оживить их, впу-стить в этот мир. Не говори только, что ты не знаешь, как это делать. Все уже происходит. Сновидцам известны различные Кураны, одни достаточно сильны, другие достаточно искусны. Но тебя выбрал Куран, являющийся символом Сновидения как Искусства. И ты уже наверняка понял, о ком я говорю.

Кадамай замолчал, разглядывая, пораженного внезапной догад-кой, Адучи, который впал в очередной ступор.

"Внезапно Максим увидел какое-то движение сзади, на дороге. Он пригляделся повнимательнее, и вдруг понял, что это большая черная овчарка бежит вслед за машиной. Торопливо перебирая ла-пами, она неотступно следовала за "газиком" словно опасаясь поте-рять его из виду. Максим почему-то знал, чувствовал, что это – его собака, его Друг...".

– Ты не узнал его, когда он был рядом с тобой, но ты чувствовал что-то... Теперь он по-прежнему рядом, потому что для Каркамаса смерть не является чем-то конкретным.

Сновидец показал рукой в сторону реки, которая в сумерках выг-лядела темной и неподвижной, словно дорога, петляющая в уснув-ших полях.

– В зороастрийских текстах встречается очень красивое сравнение – душа умершей собаки превращается в ручей. Я думаю, ты понял то, о чем я тебе рассказал сегодня.

Адучи вскрикнул и, схватившись за живот, согнулся, чувствуя, как что-то рванулось наружу, пытаясь пробить изнутри живот тонким острием, какая-то странная сила, которой обычно предшествуют сле-зы и печаль. В воздухе действительно что-то происходило. Внизу, у самой кромки воды, Адучи почудилось какое-то неуловимое движе-ние, словно кусочек темноты отделился от общей массы и теперь дви-гался по песку вдоль линии реки. То самое место, где они...

-Боже, Арчи...

\* \* \*

Ковров приехал в Усадьбу вечером. Трамвай с шипением захлоп-нул створки дверей и, набирая скорость, заскользил по нагретым рельсам дальше по своему неизменному пути, исчезая за деревьями. Как всегда, в это время вагоны были безлюдны, лишь через несколь-ко остановок в них набьется уйма народа с корзинами, ведрами и увесистыми сумками, уезжающих обратно в город с конечной оста-новки, именуемой коротко и ясно – Кордон.

Адучи глубоко вдохнул, втягивая в легкие теплый ароматный воз-дух, насыщенный запахами летнего леса – хвоей, смолой, цветами и травой. Далеко, за верхушками сосен, переливалась нежной голу-бизной Обь. Обычно небо над рекой было ясным и особенно глубо-ким. Адучи, прищурившись, еще несколько минут разглядывал этот восхитительный пейзаж и затем, перейдя дорогу, вошел в изумруд-ное царство соснового бора. В высокой траве пронзительно стрекотали кузнечики. Адучи решил

не спешить и медленно брел по тро-пинке, вслушиваясь в окружающие звуки. Через пятнадцать минут в гуще берез и рябин показалась черепичная крыша Дома Тишины. К своему удивлению, Адучи обнаружил, что, вопреки обычному безмолвию в окрестностях Усадьбы и отсутствию людей, в доме было как-то непривычно шумно. В окнах мелькали смутные силуэты, в глубине комнат играла мелодичная музыка. Его встретил около крыльца нечленораздельными звуками Гым – старый немой садовник, который когда-то был бомжом, а потом как-то прибил к тайшинам, и они поселили его в пристройке Усадьбы. С тех пор он следил за садом, проявив себя незаурядным садовни-ком. В Усадьбе его так и звали – Садовник и относились к нему как большому ребенку. Сначала Адучи подумал, что Гым тоже тайшин. Бывший бродяга вел себя иногда довольно странно: например, пы-тался петь цветам безголосые песни или танцевал в зарослях ака-ции, обнявшись со своими граблями. Но потом оказалось, что неко-торые чудоковатости немого бродяги просто меркли перед выходка-ми обитателей Усадьбы.

Сейчас Гым был как-то непривычно возбужден, он подбежал к Ков-рову, и что-то громко щебеча, повлек его за собой, огибая дом, где с другой стороны располагалась большая лужайка, засеянная ровной густой травой.

На лужайке стоял плетеный столик, за которым сидели двое – Кадамай и Айрук. Сновидец был одет в темно-синий халат с серебрис-тыми поблескивающими ромбиками, а Айрук выглядел просто сног-сшибательно в изящном летнем льняном костюме, легкой рубашке и летних парусиновых туфлях. Увидев Коврова, он приветливо помахал ему рукой.

Адучи подошел к сидящим и вежливо поздоровался. Айрук кивнул ему на свободный стул, придвинутый к столику, и затем кивнул, но уже Гыму, будто поблагодарив его за услугу.

– Присаживайся, Адучи. Тебе нужна опора, чтобы не упасть. Исситы улыбались, разглядывая его, и Адучи тоже напряженно улыбнулся. Это вызвало взрыв хохота у обоих тайшинов.

– Ты уже не рад, что пришел сегодня сюда, да? – Айрук, ехидно улыбаясь, разглядывал Коврова. – Сегодня у тебя особенный вечер. Я вижу, ты это уже понял, потому что сердце твое превратилось в ледя-ную глыбу. Но ты молчишь, значит, твой рассудок еще не изменил тебе, это хорошо. Дело в том, что сегодня мы подводим некоторую черту, которая будет символизировать твой переход на новый уро-вень обучения. Но, для того, чтобы перейти к новому, необходимо вспомнить и закрепить прежние уроки. Сегодня у тебя будет очень беспокойный Сон, в котором ты будешь вспоминать все, чему тебя обучали я и Кадамай. Эти воспоминания определяют для тебя – доста-точно ли ты силен, чтобы идти дальше, или тебе необходимо время, чтобы подготовиться получше. То, что ждет тебя впереди, это очень интересное и динамичное Искусство. К нему нужно подходить, впро-чем, как и к любому другому Искусству Тай-Шин, предельно осто-рожно, располагая необходимыми знаниями и силой. Мы по-прежне-му будем обучать тебя своим Направлениям, но к ним добавляется еще одно, поэтому тебе предстоит еще ответственнее подойти к Обу-чению. Не забывай – Зурда крадется по твоим следам, ожидая малей-шего просчета, малейшей ошибки с твоей стороны. Поэтому дополни-тельные знания дадут тебе дополнительные преимущества. Мы ввели тебя в область тайного знания, теперь наше вмешательство в твое Обучение будет минимальным – эти Силы сами отныне будут вести тебя. Но мы сделали лишь часть дела. У тебя впереди еще множество тайн, но дело в том, что

времени, отпущенного для их постижения, осталось слишком мало. Его осталось мало у всех нас. Мы знаем об этом, поэтому форсируем Обучение. Ты должен превзойти самого себя, чтобы захватить эту незнакомую для тебя область Учения, иначе она может остаться для тебя закрытой навсегда...

Зал Теней. Адучи, в черном халате, напоминающем кимоно сидит на полу, между двумя Исситами, облаченными в странные одежды. Перед ними стоит кхурташ – специальный прибор для курения, по-хожий на кальян. Им пользовались тайшины сотни лет назад, и эта традиция сохранилась и по сей день. Кадамай засыпает в колбу кхурташа три щепотки бурого порошка и подносит к узкому отверстию зажженную спичку. Тяжелый дым поднимается по стенкам чаши, словно разбуженный джинн, крадущийся к заветному выходу из кувшина.

Адучи зажимает губами мундштук и делает первый вдох. Аромат-ный дым, тяжелый и густой, холодит сначала язык, затем небо, горло и медленно вползает вглубь организма, заполняя легкие...

Темные тучи уползли на север. Небо просветлело, но синеватый сумрак еще цепляется за вершины высоких гор, выросших впереди непроходимой грядой. Гулкое эхо доносит обрывки фраз:

- Это не статуи... Это древние богатыри...
- Я боюсь Тьмы... мы... мы... мы...
- Это АКСИР...р...р...р.

Шум горной реки, несущей свои холодные воды в бесконечность.

– Дух воздействует на все, будучи воплощенным в растениях, в животных, в нас, в наших снах...

– ...того, что не видят другие люди.

Ветер срывается с одной из остроконечных вершин и летит вниз, подобно снежной лавине.

-...Таинственное Наследие...

– Слышишь шум крови в венах врага?

Причудливые узоры ледяных карнизов искрятся и переливаются жидким светом в солнечных лучах.

– Слышишь его дыхание? Бешеный стук сердца? Страх, источаемый его мыслями? Слышишь? Слышишь? Слышишь?

– Оставьте меня в покое!!!... ое... ое... ое

Небосвод прозрачен и чист.

– Почувствуй... Ощути...

Костер вспыхнул, жадно пожирая сухие ветки.

– Найди свой Ритм. Двигайся естественно...

– Сила, уходящая в древность своими корнями...

– Мы владеем энергией... Мы можем изменять мир – Огонь согревает руки и пышет жаром в лицо. Черная фигура движется в ночи стремительно и бесшумно.

- У меня нет имени... Молниеносный росчерк меча.
- Желания, страх, уязвленное самолюбие и жалость...
- Какой образ истинный, а какой ложный?

Клинок падает на землю и исчезает в ней, поглощенный зеленой травой. Синее Небо над головой.

- Самые светлые сны...
- Это Аксир... АКСИР...

Адучи вздрогнул и открыл глаза. Сон закончился. В окно светило яркое солнце, а перед ним, внимательно разглядывая его, сидела на краю кровати самая красивая женщина в мире.

- Полина...
- Добрый день, Максим!
- Уже день?
- День. Уже давно пора вставать...

Оказалось, что Полипа была директором одного из крупнейших в Новосибирске рекламно-информационных агентств, а также, по со-вместительству, президентом торговой фирмы, один из филиалов ко-торой находился в Барнауле. В офисе этого филиала и проходили их встречи, когда они находились там. Когда же они были в Новосибир-ске, она встречала его в шикарном особняке, расположенном в самом центре сибирской столицы. Эти встречи не были похожи на уроки предыдущего периода, будучи, преимущественно, беседами. Полина объясняла Коврову все тщательно и обстоятельно. Они часто ездили вместе по различным фирмам и организациям, ночным клубам и рес-торанам, магазинам и презентациям. И везде Полина привязывала все окружающее их и происходящее с ними к концепции ИТУ-ТАЙ, словно создавая некую призму, через которую Максим учился смот-реть заново на привычные вещи. Он был в восторге. После сводящих с ума уроков Айрука и Кадамая, Искусство, преподаваемое Полиной, казалось ему просто праздником. Тем более что обучала его женщи-на, которая долгое время была призрачным видением из его грез. Не-вероятно красивая, стройная, всегда в идеально подобранной стиль-ной одежде, Полина, без сомнения, могла бы занимать первые места на самых престижных конкурсах красоты. От нее исходили заворажи-вающие флюиды очарования. Максим как-то сказал ей об этом, когда они сидели за столиком в одном из ресторанов. Полина кивнула, улыб-нувшись, словно уже давно ожидала этого комплимента:

– Спасибо, Макс, я обязательно воспользуюсь этой возможнос-тью покрасоваться на каком-нибудь конкурсе или обложке престиж-ного журнала, особенно когда у меня возникнут проблемы с деньга-ми. А то, что я выгляжу неплохо, является на самом деле не столько красотой врожденной, сколько приобретенной. Внешность отобра-жает наше внутреннее состояние, состояние нашей энергетической сущности. Если оба тела внутри нас привести к гармоничному взаи-модействию, то и внешняя гармония станет закономерным следстви-ем подобной целостности. Привлекательность – это особенность всех женщин-тайшинов. В нашей группе сейчас три женщины – я, Ак-Ту и Айма. Ты никогда не задумывался, что они тоже очень красивы? Это влияние ИТУ-ТАЙ. Эту красоту невозможно объяснить лишь внешней привлекательностью. Мы – тайшины, как женщины, так и мужчины, излучаем невидимую энергию, которая воздействует на людей. Искусство, которое мы сейчас изучаем, позволяет развивать эту энергию и управлять ею. Это, кстати, немаловажное условие того, что мы вообще можем оставаться среди людей. Видишь ли, когда тайшин начинает развивать "тело Шамана", то второе тело – "тело Зверя" – начинает работать не так, как прежде. Окружающие люди начинают ощущать эти изменения, хотя, зачастую, и не осознают их. Но даже если подобного осознания не происходит, человек вы-нужден реагировать на появление рядом с собой "чужого", человека

который задействует совершенно иные механизмы взаимоотношений с миром. И вот тут, тайшину важно суметь сделать так, чтобы окружающие почувствовали себя в безопасности. Но данная проблема имеет еще и другую сторону. Синхронизация двух полушарий мозга, двух энергетических тел, порождает обострение конфликта в самом тайшине. Айрук учил тебя дисциплине правого энергетического тела. Оно связано с левым полушарием мозга и именно с него начинаются первые шаги тайшина на Пути Воина. Кадамай развивал твоё левое энергетическое тело. Это магические аспекты нашего восприятия, с которыми связано правое полушарие мозга. Араскан обучал тебя синхронизации этих двух аспектов, хотя его вмешательство в твоё постижение таинств Тай-Шин было для тебя наименее заметным. Теперь настало время открыть границы своего "Я" и начать синхронизировать свой внутренний мир и мир вовне. Потому что без этого, ты будешь восприниматься обществом людей как изгой, "чужак", пугающий их своими "сверхъестественными" возможностями. "Черная охота" началась. Лес огорожен красными тряпичами и в гуще стволов уже звучит охотничий рог. Времени на то, чтобы стать недостижимым для "черных охотников", остается все меньше. И прежде, чем из жертвы ты превратишься в невидимого лесного духа, они наверняка еще успеют доставить тебе массу проблем. Впрочем, как и мне в свое время... – она замолчала, словно раздумывая, продолжать дальше или нет, и после минутной заминки звонко рассмеялась:

– Все-таки уроки Айрука не прошли для тебя зря. Я чувствую, что ты ужасно хочешь узнать про мое прошлое и про мою связь с Кланом Тай-Шин, но выдержка тайшина не позволяет тебе даже заикнуться об этом, хотя я и отдаленно не напоминаю тебе этого дьявола – Айрука. Ведь так, Макс?

Ковров, засмутившись, кивнул, и действительно, будто преодолевая некий условный барьер, спросил:

– Ты не хочешь рассказывать об этом?

Полина прищурилась и, отпив из высокого бокала лимонно-желтого вина, пожалала плечами:

– Это получится рассказ длиною в жизнь. Может быть позже... А сейчас, давай лучше продолжим обсуждение привлекательности и непривлекательности тайшинов. Это является немаловажным аспектом наших взаимоотношений с людьми окружающими нас. Мы вынуждены действовать тайно, не потому, что мы чего-то боимся, а потому, что мы должны учитывать разницу в наших потенциалах. Люди трепетно охраняют и поддерживают свою общность именно по этой причине: они цепляются друг за друга, истощая себя, и тех за кого зацепились. И когда кто-то пытается вырваться из этой много-связной сцепки, вся система тут же начинает оказывать на "слабое звено" определенное давление. Поэтому, мы должны быть незаметными, словно тени, как будто и нет нас вовсе. И мало скрыть свою принадлежность к Клану. Нас выдает наша сущность, невидимая Сила, которую тоже необходимо научиться маскировать. Энергетика тайшина в определенный период времени может негативно воздействовать на окружающих людей. Она содержит в себе слишком активный потенциал, который своим давлением может разрушить или сильно повредить слабые энергетические оболочки обычных людей. Это – пробуждение "Тела Шамана", таинственной тьмы, пугающей человечество. В этом причина того, что иногда тайшины становятся невыносимыми для людей. Это влияние их невидимой сущности. У тебя вопрос? Спрашивай. Максим, в разговорах со мной ты можешь задавать любые вопросы.

– Полина, я не совсем понял, ты говоришь, что тайшины иногда вызывают у людей интуитивную неприязнь. Но, наблюдая за вами, Исситами, я ничего подобного не заметил. Араскан с самого первого дня вызывал у меня чувство уважения. Кадамай в моем восприятии вообще не вызывает никаких чувств, вернее, я не могу проанализировать их для себя – Сновидец постоянно ускользает от меня. Айрук просто сочится какой-то древней силой. Его невозможно



не бояться, в хорошем смысле этого слова, и... не уважать. Ты – вообще отдельный разговор. Я никогда не встречал такой женщины, как ты! Мне кажется, что ты – само совершенство. Так в чем же дело? Почему ни я, ни окружающие люди, не реагируют на вас негативно?

– Ты сам ответил на свой вопрос. Мы – Исситы. Наше "второе" энергетическое тело уже сформировано и введено в сферу нашего внимания. Наши энергии сбалансированы. Мы не излучаем опас-ность, потому что научились Равновесию. Мы свободно двигаемся между двумя Сферами, нас невозможно наблюдать, чтобы почув-ствовать нашу истинную сущность.

-А почему тогда, практически все величайшие Учителя челове-чества подвергались гонениям и насилию? Почему они не прошли по планете незамеченными?

Полина загадочно усмехнулась.

– А откуда тебе это известно? Что ты знаешь о тактике и стратеги Великих? Может быть, это был отвлекающий маневр, и большинство Великих прошли по миру как раз невидимками? А может быть, они специально вышли в центр круга и обратили на себя внимание? Не пытайся оценивать чужую жизненную тактику. Мы просто загляды-ваем в глубины своего внутреннего пространства и обнаруживаем там Тайну, принять или не принять которую, остается исключительно вопросом нашего личного предпочтения. И если тайшины не заявля-ют о себе во всеуслышание, это не означает, что мы вынашиваем в своих рядах какие-то тайные деструктивные планы. Повторяю, жиз-ненная тактика это – вопрос выбора. И я не исключаю, что со време-нем сложится такая ситуация, когда тайшины выйдут из тени.

– И что тогда? Они подвергнутся гонениям? Полина развела в стороны руки.

– Этого не знает никто. Но я предполагаю, что если они пойдут на этот шаг, то продиктован он будет исключительно сменой стратегии, максимально подходящей для того, чтобы вынести из этой ситуации максимум преимуществ для дальнейшего развития Тай-Шин.

1993 год. Осень. Дом Тишины.

Полина и Адучи сидят в саду, на скамье, под раскидистыми ветвя-ми рябины. Откуда-то издалека, легкий ветерок принес с собой тон-кие оборванные клочки паутины и тонкий запах горелой листвы. Адучи с наслаждением вдыхает в себя воздух и смотрит на Иссита. Девушка улыбается ему:

– Сегодня у нас будет урок истории. Что у тебя было по этому пред-мету в школе? Адучи удивленно пожимает плечами.

– По-моему, пятерка...

Полина удовлетворенно кивает, словно не сомневаясь в школь-ных успехах своего подопечного.

– Очень хорошо! Тогда мой следующий вопрос не вызовет у тебя никаких затруднений. Кто такой был Чингисхан?

Адучи хмурится, вспоминая.

– "Великий хан". Айрук говорил, что имя "Чингиз" еще перево-дится как "Сын Волка". А настоящее его имя было Темуджин. Один из величайших полководцев Золотой Орды.

Национальный монголь-ский герой.

Полина засмеялась, но в ответ на удивленный взгляд, лишь всплеснула руками:

– Хорошо. А дальше?

Адучи сокрушенно разводит руками, давая понять, что на этом его знания исчерпались. Девушка с притворным разочарованием смотрит на него, не переставая улыбаться своей ослепительной бе-лозубой улыбкой.

– Ну, хорошо, а скажи, к какой расе относился Чингисхан?

– К монголоидной...

Иссит поднимает вверх указательный палец и менторским тоном сухо произносит:

– Согласно источникам, Чингисхан был высок и имел роскошную длинную бороду, что больше подходит не для азиатов, а для праславянских народов, а также светлые глаза, что уже совершенно не типично для представителей монголоидной расы. И все его потомки рождались светловолосыми и светлоглазыми. Кроме того, существуют сведения, согласно которым, многие ханы Орды, кстати, имеющие русые волосы и светлые глаза, исповедовали христианство. Понимаешь, о чем я?

Адучи опять удивленно пожимает плечами. Полина подхватила желтый рябиновый лист, сорвавшийся с дерева, и положила на ла-донь, рассматривая.

– Многие исторические истины предстают перед нами совершен-но в ином свете, когда к ним начинаешь прикасаться непосредствен-но, не доверяя слепо официальным источникам. Помнишь, ты инте-ресовался моей принадлежностью к Клану Тай-Шин? А ведь я не единственный тайшин, имеющий ярко выраженный европеоидный тип. Твой дедушка, Ярт, Данилыч... Как ты думаешь, в какой точке сибирские ведуны пересекаются с одной из самых загадочных ша-манских культур Алтая?

Адучи молчит. Полина смеется.

– Тебе еще предстоит выяснить это. И ты знаешь, я даже в чем-то завидую тебе. Настанет момент, когда вся известная тебе история перевернется с головы на ноги, и вот тогда ты испытаешь настоящее потрясение, в хорошем смысле этого слова, я надеюсь.

– Полина, ты хочешь сказать, что история завоевания Руси монго-лами, это фальсификация?

Девушка сдувает с ладони лист, и он плавно пикирует на землю, затерявшись во множестве таких же листьев, устилавших пожелтев-шую траву под деревом.

– Не важно, что думаю по этому поводу я, Айрук, Унген, или не-мецкие академики, принимавшие, до начала семнадцатого века, ос-новное участие в написании истории Древней Руси. Ты сам должен обнаружить свою связь с прошлым той местности, где тебе суждено было родиться. И вот когда ты откроешь внутри себя тайники своего генофонда, тогда самые невероятные воспоминания и видения пред-станут перед тобой, рождая радость и боль, тоску и надежду. Ты пой-мешь, почему волк является объединяющим символом, ты узнаешь много нового о христианстве и о связи тайшинов с этой таинствен-ной религией, ты увидишь... Хотя, что это я пересказываю тебе твои грядущие видения? История на самом деле не мертва, – девушка переходит на заговорщицкий шепот, наклоняясь к уху ученика, – она здесь, за нашей спиной, на расстоянии вытянутой руки. Если хочешь, можешь обернуться и увидеть все сам.

Адучи стремительно оборачивается, но его взгляду предстают толь-ко густые кусты и ствол рябины, заросший диким вьюном. Иссит не улыбается. Она смотрит на собеседника с какой-то потаенной грус-тью в красивых голубых глазах, словно предвидя, сколько еще пре-пятствий и

коварных ловушек ожидают его, прежде чем он начнет осваивать курс новейшей истории, которая хлынет, в свое время, подобно темной реке времени, вытекающей из безграничного океана подсознания.

1993 год. Осень. Дом Тишины. Зал Дашдыгай

– Сегодня я расскажу тебе о Ситанах... Тебе знакомо это название?

Адучи отрицательно кивает головой, хотя, есть что-то неуловимо знакомое в этом слове.

Что-то, что заставило его поежиться и сжать руки в кулаки.

Полина внимательно следит за реакцией Коврова, чуть заметно кивая головой.

– Это очень древние существа. Никто не знает, кто они и откуда появились на нашей планете. Айрук называет их демонами, а Кадамай считает, что Ситаны это древние шаманы, которые, уйдя под землю, скрестили себя с бестелесными существами, населяющими подземные миры. Одни тайшины полагают, что Ситаны имеют материальное тело, другие уверены, что это бестелесные Духи, энергетические сущности. Я не могу утверждать что-либо наверняка, потому что сама не знаю, как они выглядят на самом деле. Я лишь могу поделиться с тобой информацией, которая переходит от одного тайшина к другому, причем всегда в устной форме.

Полина улыбнулась, и Адучи вопросительно посмотрел на нее, словно не понимая, что в сказанном могло вызвать улыбку у его Наставника. Полина подмигнула ему:

– Я просто представила, что было бы, если бы не я, а Айрук передавал тебе это знание.

Адучи скептически фыркнул и, оглянувшись, словно убеждаясь в том, что упомянутого Иссита нет поблизости, тихо пробормотал:

– Он бы показал мне пару удушающих приемов, с помощью которых эти Ситаны обычно расправляются с тайшинами.

Полина потрепала его рукой за волосы, и Адучи понял, что эта разрядка была сделана не случайно: Наставница прекрасно разобралась в нюансах человеческого восприятия. Они коснулись слишком негативной и динамичной области Наследия "шаманов-волков", и девушка старалась не усугублять и без того напряженное внимание ученика.

– Тайшины знают, что Земля не является полностью плотным телом, состоящим из раскаленного ядра покрытого корой. На самом деле наша планета представляет собой целую систему полостных структур, то есть, является практически наполовину полой. И самое интересное заключается в том, что полости внутри планеты занимают объем не меньший, а может даже и больший, по сравнению с ее поверхностью.

Полина сделала паузу, словно позволяя Адучи осмыслить услышанное, и продолжила:

– Соответственно, пространство внутри планеты могло, и было заселено существами, населявшими в свое время Землю. Да-да, там, под землей, обитает целая цивилизация существ со своей историей, культурой и мифологией. И это неудивительно – поверхность планеты в большей степени подвержена жесткому воздействию Космоса, поэтому подземелье стало прибежищем для многих поколений землян. Мы называем их УРГАЧИМИДУ – "Те, кто опасаются дневного света, и предпочитают тьму подземелья". Там нашли прибежище, как высокие духовные сущности, так и отвратительные выродки, превратившиеся с течением времени в генетически деградировавшие мутанты. Именно там, под землей, осели и Черные Ситы, создавшие свою, весьма специфическую цивилизацию – "Ай-казар", основанную на подчинении низших существ более могущественным.

Полина опять замолчала ненадолго, словно информация, которой она делилась с Адучи,

отнимала у нее все силы.

– Агарты, Уртэны, Ургуды, Ситаны... Гномы и великаны, безгла-зые вампиры и высокоинтеллектуальные существа, одноглазые уро-ды и бестелесные духи, гигантские черви-убийцы и воины, владею-щие особой астральной силой... Внутри планеты кипит невидимая жизнь, представить которую не в состоянии даже самая изощрен-ная человеческая фантазия. Исход части человечества под землю описан почти во всех этнических мифах. Когда-то, давным-давно, в этих самых местах, на Алтае, действительно обитали загадочные люди, которые впоследствии ушли под землю. Ты еще много узна-ешь об этом, потому что это знание является неотъемлемой частью Тай-Шин. Согласно ряду преданий, Ургуды появятся на поверхнос-ти Земли в "конце времен". Но появление это будет непредска-зуемым для наземной цивилизации. Сейчас же Ситаны, впрочем, как и большинство Ургудов, не могут выходить на земную поверхность, но в Среднем Мире всегда были существа, которые могли свободно проникать в Нижний Мир...

Шаг. Шаг. Удар. Человек в сером балахоне стремительно двигает-ся по траве, устланной желтой листвой, опавшей с высоких деревьев окаймляющих поляну. Его глаза покрывает непроницаемая повяз-ка, а в руках зажаты ножны и нож, со свистом разрезающий про-странство вокруг воина. Движения человека уверенны и непредска-зуемы. Кажется, что нож устремляется во всех направлениях сразу, создавая вокруг своего хозяина сплошной невидимый полог. Нож-ны в другой руке двигаются синхронно, дополняя эту смертоносную витиеватую геометрию клинка. Легкий ветерок слетел с верхушки дерева и закружился вместе с вооруженным человеком, исполняю-щим свой тайный танец Жизни и Смерти. Вслед за ветром, с деревь-ев полетели вниз желтым шлейфом оборванные листья, с легким шорохом ложась на землю. Человек замер, словно прислушиваясь к этому шепоту окружающей Вселенной и, медленно вложив в ножны свое острое оружие, снял с лица повязку. В мир снова пришел покой, пусть даже в какой-то очень маленькой области своего безгранично-го пространства.

Зал Дашдыгай.

– Мы передаем эти знания как мифы, но это не значит, что они являются выдумкой, – Полина и Адучи сидят друг напротив дру-га, на мягком бежевом ковре, которым выстлан весь пол в зале. Сквозь распахнутые настежь окна, закрытые тонкими жалюзи, в помещение проникает свежий воздух, смешанный с запахами осен-него леса.

– Никто из тайшинов не видел Ситанов, но наше Наследие хранит информацию об их существовании. Поэтому мы не можем отмах-нуться от возможного факта их существования, тем более что кос-венные доказательства у нас все-таки есть.

Адучи отметил, что сегодня Наставница не улыбается, а это могло означать только одно – они подошли к одной из самых мрачных тайн Тай-Шин.

– Наследие говорит о существовании еще нескольких подземных народов. Так вот – мы не только доподлинно знаем об их существо-вании. Мы даже вступили с некоторыми из них в контакт, поэтому, у нас нет основания не доверять и другой части Наследия, оставлен-ного нам патриархами Тай-Шин.

Адучи делает жест рукой, желая задать вопрос.

– Полина, а почему ты так осторожно подходишь к принятию возможности существования этих Ситов? Ведь почти во всех религиях есть подземный мир, ад, и его обитатели описаны с большой долей совпадений. Что тебя так настораживает в том, что тайшины дают свое описание подземелья?

Полина задумчиво кивнула, и тихо проговорила:

– Может быть потому, что мне самой не хочется верить в их существование. Слишком это страшно... – Она поежилась и улыбнулась, но через силу, натянуто. – А может потому, что именно они убили моих родителей, и я имела возможность убедиться в масштабе их реальной деятельности.

Адучи понял, что тайшинка проговорилась, и тема ее прошлого доставляет ей только негативные переживания. Поэтому он не стал акцентировать на этом внимание, и удивленно спросил:

– Но ведь ты говорила, что Ситы не могут появляться на поверхности Земли?

Девушка задумчиво кивнула, словно отгоняя тени прошлого, за-суетившиеся перед ее внутренним взором, и продолжила ровным голосом, хотя Адучи видел, что это стоит ей усилий.

– Согласно преданиям, большинство подземных Духов не могут выходить на поверхность планеты, потому что ее покрывает тонкая энергетическая сеть, которая как бы "закрывает" недра подземелья. Эта сеть состоит из Арун – системы энергетических вен Земли, по которым бежит ее эфирная кровь. Она имеет ряд Ворот – Арколов, Колодцев Силы, через которые существа, владеющие определенными Ключами, могут выходить наверх, или наоборот, спускаться вниз. Атак как Ситы одержимы властью не только в своем. Нижнем Мире, они предпринимают невероятные усилия, чтобы распространить ее и на наш, Средний Мир. Но для этого им необходимо либо иметь соответствующие тела, которые позволили бы им появляться среди нас, преодолевая потенциал энергетической сети, либо искать здесь своих союзников или рабов, уже воплотившихся на земной поверхности в человеческих телах. Облечься в материальные носители оказалось для Ситанов делом достаточно проблематичным, так как захватываемые ими тела подземных жителей не могли выдержать слишком высокий потенциал демонической сущности Ситов, начиная трансформироваться, превращаясь в настоящих чудовищ. Тогда Ситаны приступили к поиску исполнителей своей воли среди людей...

Полина глубоко вздохнула, и Адучи понял, что эта тема действительно является для тайшинки чем-то глубоко личным, оказавшим самое непосредственное влияние на ее судьбу.

– Здесь, в Среднем Мире, они создали свое общество – Орден Ситов, практикующий самую черную магию – "Корн-Тха-По". Их цель – полная власть над людьми. Поэтому, все их усилия испокон веков направлены лишь на то, чтобы подчинять себе все живое на поверхности этой планеты. Они одержимы Властью. Именно они, Ситаны, придумали все механизмы государственного управления. Именно они выдумали самый сильный Эквивалент и Жизненный Стимул – ДЕНЬГИ, "Меру Всех Вещей". И Ключ от этого Эквивалента они держат в своих руках. Этот своеобразный Универсум является самым коварным их изобретением. Можно сказать, что из-под земли им удастся контролировать все институты власти. И хотя мы до сих пор отказываемся в это поверить, они практически подчинили себе нашу цивилизацию посредством деятельности своих посредников, действующих среди нас и скрывающихся под человеческими личинами. И если все человечество можно условно назвать потенциальными рабами, то эти последователи являются слугами, клеветами черных Ситов, их исполнителями на поверхности

планеты. Мы называем их "Мангунами" или "Мангами". Это люди, которые вступают в договоренность с Ситанами, сотрудничая с ними сознательно. Такие люди подвергаются специальной процедуре сдвига АРС в определенную область, после чего они уже не могут принимать самостоятельные решения, ведомые неслышным шепотом новых Хозяев. В посмертии, Мангунов ожидает довольно печальная участь. Их энергетические тела будут навеки привязаны к обширной области "долины смерти демонов" – обители душ Ситанов, где, как и при жизни, Мангуны будут питать своей энергией этих властолюбивых пастырей. Здесь, в Среднем Мире, Мангун получает от Хозяев то, чем те манипулируют, управляя человечеством, – деньги и власть. Кроме этого, Мангун вследствие энергетической трансформации получает возможность продлить свою жизнь на несколько десятков лет. Может быть, именно эти обстоятельства и легли в основу пре-словутого "сговора с дьяволом" – человек продает ему свою душу, обретая взамен материальные блага и долголетие. Так вот, Ситаны – это настоящие дьяволы-искусители. И если сами они не могут появляться на поверхности Земли, то Мангуны уже живут на ней. И здесь, среди людей, они выполняют любую волю пославших их существ.

Полина сделала небольшую паузу, и незаметно сложила пальцы рук в какой-то хитроумный знак, словно отпугивая невидимую нечисть.

– Общество Серого Будды было создано в противовес этой чуме, поразившей человечество. Монахи Тай-Шин стали истинными Прогрессорами, а так как Ситаны пытаются контролировать все социальные институты, на тайшинов незамедлительно была объявлена охота, "черная охота". Поэтому мы были вынуждены стать и Воинами, и Мудрецами, и Охотниками, и Шаманами. А потом оказалось, что эти состояния являются естественными реализациями различных типов энергий, свойственных людям. Так и появилось Учение ИТУ-ТАЙ, так и появились мы – Тайшины, Воины, сражающиеся за свою целостность и свободу.

Максим спал и его сон был наполнен разноцветными красками и смехом. Он смеялся, сидя на берегу пронзительно синего океана и смотрел на дельфинов, резвящихся неподалеку от берега. Это сновидение было настолько легким и радостным, что хотелось удерживать его своим вниманием невероятно долго. Кадамай научил его, как можно продлить свой сон, и даже более того, вступить в контакт с его обитателями. Максим поднял вверх обе руки и громко закричал. Но дельфины не обратили на него никакого внимания, продолжая свои скоростные игры, подобно серебристым торпедам, прорезая блестящими телами лазурную гладь океана. Кэрсо... Загадочные пространства, находящиеся за гранью бодрствующего сознания. Миры, сплетенные из призрачной ткани сновидения. Максим встал с песка и подошел к воде, сев перед ней на колени и погрузив в нее руки. Во снах нужно использовать особый язык общения – язык ощущений. Тайшин почувствовал, как все его тело заговорило с океаном, ставшим с ним одним целым. В этой гамме невероятных ощущений дельфины выделялись отчетливой вибрацией, где-то в глубине внутреннего пространства, и нужно было просто позвать их, не пользуясь при этом привычным голосом, а сосредоточившись на этих еле уловимых волнах внутри призрачного тела сновидца. Стая дельфинов вдалеке изменила направление, словно услышав этот зов, и теперь серебристые существа стремительно приближались к берегу. Максим поднялся на ноги и отошел от воды на несколько шагов, ожидая появления загадочных духов Кэрсо. А в воде творилось нечто невообразимое. За несколько метров до мелководья; дельфины стали изменяться, превращаясь в серебристых волков, а затем в черных собак, которые, весело лая, неслись, утопая по грудь в океанских волнах. Максим восторженно развел руки в стороны, наблюдая это волшебное преобразование, словно желая обнять всех этих псов-оборотней сразу. А собаки, выбежав на берег, мгновенно преображались, изменяя свой облик, и превращаясь в стаю огромных черных воронов, взмывающих в небо. Тайшин засмеялся и, запрокинув голову,

следил за их полетом, наблюдая, как птицы меняют свой цвет и становятся белыми, словно летние облака. Наблюдая за их движением в небесах, он пошатнулся и упал вниз, в пробуждение, выкинувшее его в привычный мир фиксированной материальности.

Зал Дашдыгай.

– Женщины и мужчины! – Полина задернула жалюзи и, улыбнувшись, посмотрела на Максима. – Это один из самых сильных страхов, который разъединяет человечество на два противоборствующих лагеря. Ты удивлен? Но ведь это очевидные вещи. Женщины и мужчины становятся двумя разноплановыми видами, каждый из которых оперирует собственным языком, собственными понятиями о мире, собственной физиологией и энергетикой. Женщины и мужчины перестали понимать друг друга, и отсюда колоссальный раскол в их взаимоотношениях. Мы, тайшины, считаем, что в данной ситуации есть только один возможный выход – поиск единого, интегрального языка, на котором смогли бы одинаково свободно общаться представители обоих полов. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Адучи удивленно смотрит на Иссита. Ведь он сам давно уже думал об этом, просто не мог сформулировать для себя все таким вот образом. Противоборствующие лагеря... Страхи... Разноплановые виды...

– Полина, я не знаю...

– ИТУ-ТАЙ, – просто сказала девушка, как будто речь действительно шла об очевидных вещах, – Язык ощущений. Только он способен привести людей к единому знаменателю. Только он способен преобразовать страхи, скрытые в нас, и наладить между нами мосты взаимоотношений. Посмотри на положение женщины в современном мире. Неужели ты не замечаешь, что в этот межполовой раздор, внесли свою лепту и некие невидимые деструктивные силы? Максим нахмурился, пытаясь понять свою собеседницу.

– Не видишь? Мужчины пытаются сломать женщин, подавить их, и этот процесс носит достаточно многообразный характер. Почему "патриархат" является в нашем обществе преимущественным распределением ролей?

Максим растерянно разводит руками. Полина понимающе кивает.

– Среди правителей и просто богатых и влиятельных персон – большинство мужчин. Не улавливаешь? Макс, из них получают самые эффективные Манги, что может быть проще. Мужская природа более подходит для превращения их в клеветов Ситанов, вот в чем весь секрет. Добыча денег и стремление к власти являются одними из самых распространенных позиций их АРС. Поэтому Ситанам выгоднее увести одну половину человечества "в тень", сделать ее зависимой от мужчин, отягощенных жаждой денег и власти. В Тай-Шин многое меняется, в том числе и отношение к женщине. Женщина-тайшин не похожа на большинство представительниц женского пола, которые не только перенимают насаждаемое Ситанами мировоззрение, но и становятся полностью зависимыми от него, слабыми, жадными, перепуганными собственным бессилием. ИТУ-ТАЙ делает женщину более свободной, более жизнеспособной, более динамичной и, наконец, более красивой и женственной в самом широком смысле этого слова. И если обычная женщина утверждает, что "сила женщины – в ее слабости", пытаясь оправдать собственное незавидное положение, женщина-тайшин сочувственно кивает головой,

потому что она знает, что такое настоящая сила и кому выгодно культивировать эту пресловутую "женскую слабость". Сильная женщина это не бизнес-стерва, это женщина, которая осознала истинное положение вещей, которая начала изучать законы собственной женственности и границы незнакомой и пугающей ее мужественности. Сила в одинаковой степени принадлежит как женщинам, так и мужчинам. Но они по-разному общаются с ней. Это и создает совместное миротворчество, основанное на взаимодействии двух потенциалов. Но об этом невозможно говорить, это возможно только почувствовать.

Полина вдруг замолчала и устремила на Максима пронизывающий до глубины души, завораживающий взгляд. У нее были прекрасные фиалковые глаза, которые, казалось, видели все насквозь, и от которых невозможно было спрятать ни под какими мыслеблоками свои истинные чувства.

"Глаза – это фокус энергии. Тайшина можно узнать по глазам...".

Максим сжался под этим взглядом Мастера Тай-Шин и попытался закрыть свою эмоциональную сферу, погасил течение образов и размышлений, расслабил пресс и диафрагму. Секунда, две, минута... Взгляды устремлены друг другу в глаза, туда, где открывается единственный вход в святая святых – в обитель Силы. Когда так смотрят друг на друга люди, это уже создает некую напряженность. Когда же подобный взгляд принадлежит тайшину...

Максим знает – нельзя отводить взгляд. Это нужно было делать раньше, сразу после вызова на поединок. Сейчас нельзя. Это поражение. Тогда чужая воля беспрепятственно вторгнется в подсознание, и дальнейшее уже будет зависеть от милости победителя. Сейчас же глаза должны защищаться. Сейчас – это единственный щит, сдерживающий давление чужой воли. Этому учил его Айрук.

"Взгляд – это оружие, не менее грозное, чем меч или пистолет. Им нужно пользоваться очень осторожно. Глаза – это фокус энергии. Это средоточие твоего Духа. Собери в них свою силу и, когда наступит момент, ударь лучами своей энергии. И тогда твои враги почувствуют это. Обязательно почувствуют, – глаза Айрука, словно два черных солнца, – любой человек почувствует это, потому что это – реальная сила, даже если захочешь, – смерть, а смертью невозможно пренебречь, ее невозможно не почувствовать, когда она смотрит тебе в лицо...".

Максим чувствует, что всей его силы не хватит, чтобы противостоять сейчас Полине, но ему нужно продержаться как можно дольше, восстанавливая один барьер за другим, переходя с одного уровня восприятия на другой, маневрируя, ускользая, атакуя...

Давление на мозги тело стало невыносимым. Кажется, будто неведомая сила сжимает череп своими щупальцами, пытаюсь сломить сопротивление, проникнуть внутрь, просочиться, пробить, обойти все защитные психокоммуникации, которым Коврова успели научиться ранее. Все, сейчас чужая воля захлестнет разум – Максим резко сменил уровень восприятия, расфокусировав глаза. Теперь они не излучают, это не копыя света, теперь это щиты, глухая стена безмолвия, АКСИР. Все вокруг погружается в темноту, будто в комнате приглушили освещение.

– АХШ, – шипение змеи, отравляющей дух. Максим слышит этот звук, но уходит от него, ускользает по волнам сумерек, застилающих все вокруг.

– АХШ. – странное чувство, похожее на щекотку в области живота, холодное прикосновение, будто и вправду змея проникает вовнутрь.



– АЙАТ ХА ... – шепчет он защитное заклинание.

– АРК АХАШ! – яростный крик чародейки подобен взрыву.

Максим вздрогнул и, откинувшись назад, растерянно посмотрел на Полину. Сражение проиграно. Мастер Тай-Шин улыбается ему ослепительной белозубой улыбкой. Если бы это был враг, она бы непременно воспользовалась этим преимуществом и, завладев волею поверженного, опустошила бы его энергетические запасы, порвала мембрану, на которой резонируют вибрации мира, завладела АРС, свела бы с ума, уничтожила... Тайшины способны делать и не такие вещи. Полина же, лишь показала ученику свое явное превосходство, не нанеся ущерба ни психике, ни энергетике. Ее прекрасные глаза теперь не выглядели угрожающе и не давили, наоборот, в них читалось расположение, и мерцала мягкая успокаивающая сила, словно ясное небо, отражающееся в двух бесконечно глубоких голубых озерах.

– Вот так люди пытаются завладеть волей друг друга, подавить, уничтожить. Страшно? Не огорчайся, Макс, ты не проиграл. В этой игре не бывает победителей. Я лишь показала тебе, что женщина может многое, даже не обладая физической силой, присущей мужчинам. Но я также хотела тебе показать, что мы должны перестать воевать друг с другом, и протянуть друг другу руки, соединив их в ритуальном рукопожатии ИТУ-ТАЙ. Мы должны позволить нашим сердцам говорить друг с другом, иначе это коварный шепот за кулисами нашего разума сведет нас с ума...

Серые поля с желтыми пятнами выгоревшей на солнце травы мелькают за окнами бордового "Вольво", стремительно несущегося по пустынной трассе. За рулем – Полина. Максим сидит на переднем сиденье рядом с ней и рассеянно смотрит на пейзаж за окном.

– Макс, ты что такой грустный?

Ковров улыбается девушке и, включив магнитофон, кивает на унылый ландшафт:

– Не знаю, что-то печально вдруг стало. Вот и осень настала. Наверное, поэтому.

Полина смеется, и от ее смеха сразу становится легче, тает навязчивая грусть и ощущение чего-то неясного, но большого и грандиозного, грядущего впереди.

– Это не оттого, что осень. Хотя, может, отчасти и от этого. Но твое чувство сейчас имеет иную природу. Это действительно Предчувствие. Чего? Я думаю, скоро мы узнаем.

– Как скоро?

– Очень скоро. Я тоже почувствовала это. Оно где-то близко, и оно ищет тебя.

– Что значит – ищет меня?

– Это значит, что нечто пытается вступить с тобой в контакт, и ты почувствовал это. Настало время для очередного Урока. Приготовься, я чувствую, что это нечто где-то совсем близко.

Максим настороженно закрутил головой, пытаясь увидеть что-нибудь необычное, но вокруг на многие метры расстилались безжизненные поля.

– Полина, ты меня пугаешь...

– Это хорошо. Настороженность мобилизует энергию, собирает ее в фокус.

"Вольво" стала сбавлять ход и, наконец, остановилась на обочине. Полина ободряюще кивнула Коврову и вышла из машины. Максим посидел еще несколько секунд, восстанавливая дыхание, перешедшее вдруг на ускоренный ритм, и тоже решительно вышел наружу. Теплый ветер, не встречающий преград в виде многоэтажных домов в городе, здесь чувствовал свое полное превосходство и, разгоняясь по полю, таранил упругими волнами автомобиль и двух человек, покинувших свое передвижное убежище. Максим посмотрел на Полину, а та, словно действительно ожидая чего-то, смотрела вдаль. Наконец она повернулась к ученику и движением руки молча позвала к себе. Когда Максим подошел, она взяла его за руку и так же,

не проронив ни слова, повела к единственному дереву, растущему невдалеке от дороги. Там они остановились, встав за довольно-таки широкий ствол, и стали наблюдать за автомобилем. Максиму очень хотелось задать Полине несколько вопросов, но он понимал, что сей-час этого делать было нельзя – Иссит не случайно хранила молча-ние. Так они стояли минут десять, когда вдруг Полина сжала его ладонь и молча кивнула на "Вольво". Максим растерянно посмот-рел на автомобиль, но ничего необычного не заметил. Вдруг... ему показалось, нет точно, на крышу машины спланировала, непонятно откуда взявшаяся, огромная черная птица. Приглядевшись, Мак-сим понял, что это ворон. Большой иссиня-черный ворон, словно живой кусочек мглы, разгуливал по крыше автомобиля смешной походкой, переваливаясь с ноги на ногу. До тайшинов даже долетел звук его шагов – царапанье когтей по металлу крыши. Это было на-столько невероятное зрелище, что Максим, будто зачарованный, не мог оторвать от него взгляд. Затем ворон, наклонив голову, посмот-рел в их сторону и, неловко оттолкнувшись от машины, взмахнув огромными чернильными крыльями, издал гортанный вопль и мед-ленно полетел по направлению их движения. Максим изумленно посмотрел на Полину и увидел торжествующий блеск в ее глазах.

– Что это было?

– Скорее, кто, а не что. Он познакомился с тобой, он показался тебе и пожелал счастливого пути.

– Кто, ворон?

– Это был не ворон. Вернее, не обычный ворон. Это был твой Куран. Он полетел в город, где будет ждать тебя.

– Это мой Куран!?

– Да, Куран Дащдыгай!

– Ворон?

– Чему ты так удивляешься? Тебя ведь не смущает, что твоими Куранами стали Волк и Каркамас?

– Да, но ворон...

– Это очень сильный Куран. Тебе опять несказанно повезло. Тре-тий Куран!!! Сила балует тебя, как заботливые родители балуют своих маленьких детей. Поразительно: стоит тебе начать изучать очередное Искусство – и тут же появляется очередной Проводник. Такого еще не было ни с одним знакомым мне тайшином! Мне кажется, Сила дает тебе так много, что ты просто не можешь переварить это наследие. Ворон! Это редкая удача! Вызвать такого Курана не удастся иногда даже сильнейшим Мастерам. Считается, что Ворон – это посланник Хаоса, источника неисчерпаемой энергии. Это очень символический момент. Ворон вообще неординарная птица. Как и многие Кураны Тай-Шин, он оставил в истории человечества очень противоречивый след. У североамериканских индейцев ворон является одним из са-мых почитаемых символов, олицетворяя роль Демиурга. Он прокле-вывал небесную твердь, приносил огонь, добывал свет, создавал лан-дшафт, животных и птиц. Он не улетает зимой, являясь посредником между летом и зимой. Его связывают с царством мертвых. В Англии ворон считается символом удачи, считалось, что если он сядет на кры-шу дома, то принесет удачу хозяевам. Тибетский ворон – типичный пример Посреднического символа. У тюрков Ворон относится к могу-щественным Духам-шаманам, от которых даже брали начало отдель-ный род или семья. Ну а христиане, как всегда, приписывают ему край-не мрачные черты, связанные с потусторонним миром. Но, более ис-черпывающую и правдивую информацию ты получишь непосред-ственно от него самого, теперь он непременно отыщет тебя в городе и возьмет с собой туда, где будет открывать для тебя тайны этого и мно-жества иных миров. Нам пора ехать, Максим, как ты сам понимаешь, нет повода для печали, наоборот, ты должен ликовать, потому что сегодня, в этих безлюдных

алтайских полях, Сила сделала тебе очеред-ной бесценный подарок. Поехали, нам предстоит еще многое успеть...

Максим поворошил кочергой угли и упругая волна дыма, перемешанная с оранжевыми искрами, закружилась в нише камина, словно небольшой ураган, тут же устремившийся ввышину, к далекому небу в крохотном отверстии каминной трубы на крыше дома. Полина сидела позади него в глубоком кресле, закутавшись в теплый шерстяной плед. Ковров чувствовал ее взгляд на себе. От этого взгляда словно таяла какая-то оболочка, покрывающая его душу, и сквозь расплавленный темный лед подсознания стали проступать таинственные узоры, являющиеся частью узора его судьбы.

Иссит уловила эти ощущения и тихо произнесла:

– Не держи это в себе. Это невозможно удержать. Отпусти. Максим, прищурившись, посмотрел в пламя камина.

– Полина, я чувствую, что мое прошлое и твое... всех нас... связано между собой. И это прошлое берет свое начало во Тьме. Он почувствовал, как тайшинка печально улыбнулась.

– Прошлое всех людей берет свое начало во Тьме. А тайшины... Нам пришлось через многое пройти. Но вектор нашего движения направлен на Свет. Мы идем к Свету...

– Почему же наш Путь на протяжении веков был таким тернистым? Почему быть человеком так тяжело?

– Тяжело только тогда, когда не осознаешь и не принимаешь свое-го Пути. Тайшины создали Иту-Тай, чтобы найти точки пересечения между Светом и Тьмой. Свет настороженно следит за нами. Тьма в нас не хочет отпускать. Тяжел Путь, который лежит вовне. Его нелегко разглядеть в сумерках. Следуя ему, постоянно испытываешь усталость. Дорога, ведущая из сердца, делает тебя легким. По ней идешь уверенно. Она освещена даже в непроглядной темноте. Свет этот идет изнутри. Мы должны открыть его в себе. Просто мы забыли, как это делается, и спрятали это знание в тайниках нашего сердца, погрузившись во мрак. Открывая свое сердце, мы рано или поздно минуем долину тьмы, выйдем на берег сумерек и отправимся в безграничное путешествие по океану света...

Максим повернулся к девушке. Она улыбнулась ему и задумчиво посмотрела на огонь, который шумел в камине, словно невидимая птица, взмахивающая крыльями перед тем, как подняться в небо.

## Эпизод II ЗАТМЕНИЕ

Через тьму к рассвету...

4. И я видел: и вот блуждающий ветер шел от севера, великое облако и клубящийся огонь, и сияние вокруг него,

5. А из середины его как бы свет пламени из середины огня; и из середины его видно было подобие четырех животных, – и таков был вид их: облик их был как у человека;

6. И у каждого – четыре лица, и у каждого из них – четыре крыла;

8. И руки человеческие были под крыльями их, на четырех сторонах их;
9. И лица у них и крылья у них – у всех четырех; крылья их соприка-сались одно к другому; во время шествия своего они не оборачива-лись, а шли каждое по направлению лица своего.
10. Подобие лиц их – лице человека и лице льва с правой стороны у всех их четырех; а с левой стороны – лице тельца у всех четырех и лице орла у всех четырех.
11. И лица их и крылья их сверху были разделены, но у каждого два крыла соприкасались одно к другому, а два покрывали тела их.
13. И вид этих животных был, как вид горящих углей, как вид лам-пад; огонь ходил между животными, и сияние от огня, и молния исхо-дила из огня.
14. И животные быстро двигались туда и сюда, как сверкает молния.
15. И смотрел я на животных, и вот, на земле, подле этих животных по одному колесу перед четырьмя лицами их.
16. Вид колес и устройство их – как вид топаза, и подобие у всех четырех – одно; и по виду их и по устройению их казалось, будто колесо находилось в колесе.
22. Над головами животных было подобие свода, как вид изуми-тельного кристалла, простертого сверху над головами их.
23. А под сводом простирались крылья их прямо одно к другому, и у каждого были два крыла, которые покрывали их, у каждого два крыла покрывали тела их.

Иезекиил, 1.

Часть 1

"ТРЕУГОЛЬНИК"

"Но не столько страшен палач,  
сколько неестественное освещение во сне,  
происходящее от какой-то тучи,  
которая кипит и наваливается на землю,  
как это бывает только во время мировых катастроф".  
М.А. Булгаков. "Мастер и Маргарита".

ПРОЛОГ

Побег ( 1953 г .)

Звонок в коридоре с силой ударил по натянутым нервам пронзи-тельным аккордом. Профессор Лебедев вздрогнул, судорожно вып-рямился и тут же, обмирая, осел в кресле, чувствуя, как ноги теряют силу, охваченные крупной дрожью.

"Ну, вот и все! Все...". Он ждал этого звонка. Ждал каждую минуту последние восемь дней, и вот теперь, когда он все-таки прозвучал, оказалось, что это ожидание не подготовило его, а наоборот, полно-стью деморализовало в ответственный момент, забившись внутри животным неуправляемым ужасом.

Звонок повторился. Лебедев мучительно вздохнул и попробовал подняться, но лишь привстал и опять рухнул в кресло. Как будто можно было ожидать, что полуночные визитеры постоят так еще не-сколько минут и, подумав, что никого нет дома, уберутся восвояси.

За окном действительно была ночь. Но ведь Лебедев знал, чувствовал, что ЭТО должно случиться именно ночью. Воображение рисовало ему мрачные картины его грядущего ареста: темная безлунная ночь, звонок, взрывающий тишину погруженной во мрак квартиры, настойчивые удары по двери, люди с бледными, серьезными и бескомпромиссными лицами, пугающе черная машина, хищно замершая около подъезда...

Вот оно. Случилось. Он и чувствовал, что ЭТО случится именно сегодня. Чувствовал и не спал, а сидел за столом и перебирал ненужные бумаги, старые письма, черновики. За окном мигнули отсветы фар, и автомобиль остановился во дворе их дома, тут же заглушив мотор. Приглушенно хлопнули дверцы. Лебедев напряженно прислушался, пытаясь уловить дальнейшие звуки. Скрипнула придерживаемая кем-то дверь, ведущая в подъезд. Время замерло, став тягучим, как кисель. Шаги на лестнице слышны ночью невероятно отчетливо, даже если их стараются скрыть. Вот они стихли.

"Неужели мимо?". Лебедев медленно выдохнул воздух, дольше обычного задержанный в легких, расслабил ставший вдруг деревянным пресс. И тут по нервам ударил этот проклятый звонок...

К двери он добирался бесконечно долго, словно продираясь сквозь кисельное время на слабых, подламывающихся ногах.

– Кто там? – Вопрос, заданный отвратительным дрожащим голосом, прозвучал глупо и нелепо. Ведь и так было предельно ясно, кто мог находиться ночью там, за дверью, и настойчиво давить кнопку звонка, подгоняя испуганного хозяина квартиры.

– Профессор Лебедев Константин Николаевич? – голос официальный, твердый, хорошо поставленный, прозвучал приглушенно, словно визитеры не хотели будить остальных обитателей подъезда.

– Да, это я. Но... в чем дело?

– Откройте, пожалуйста, дверь, нам необходимо задать вам несколько вопросов.

Лебедев непонятно для чего, будто пытаясь отсрочить и без того очевидный финал, накинул на предохранитель цепочку и, отщелкнув замок, чуть приоткрыл дверь, шурясь разглядывая двух мужчин в одинаковых темно-серых плащах, стоявших на площадке.

– Что вам угодно? Какие вопросы... ночью? Я не понимаю... – практически проблеял профессор, пытаясь придать предательски надломленному голосу твердость. Один из мужчин, усмехнувшись, протянул к щели между створками раскрытое удостоверение:

– Министерство госбезопасности. Откройте дверь. Лебедев сжал зубы и обречено снял цепочку с предохранителя. Визитеры вошли в квартиру и закрыли за собой дверь.

– Я...

Один из вошедших перебил профессора, снимая плащ и вешая его на вешалку.

– Простите, Константин Николаевич, за поздний визит, но у нас были веские основания беспокоить вас в столь неподходящее время.

– Я... – повторил Лебедев, растерянно наблюдая, как второй мужчина тоже вешает свой плащ на рогатину вешалки. Под верхней одеждой на посетителях были строгие темные костюмы.

– А вы... разве... не за мной?

Один из незнакомцев улыбнулся:

– За вами, за вами, уважаемый Константин Николаевич. Но сначала давайте побеседуем вон там, в комнате, если позволите. Кори-дор, знаете ли, не самое подходящее место для разговора.

Профессор рассеянно вошел в комнату вслед за обоими гостями.

– Я не совсем понимаю...

Оба незнакомца молча осмотрелись по сторонам, и присели, один на диван, спрятавшись в тень от абажура, другой, предварительно задернув тяжелые оконные портьеры, на стул.

– Мы сейчас нам все объясним, – один из гостей, который показывал удостоверение и задерживал портьеры, внимательно разглядывал профессора, замершего у входа в комнату, и теперь настороженно наблюдающего за незнакомцами.

– Наш визит продиктован очень необычными обстоятельствами. Дело в том, что ваша работа в Институте поставлена не только под угрозу свертывания, но и чревата гораздо более неприятными и серьезными последствиями. В первую очередь для вас.

Лебедев неуверенно вошел в кабинет и робко сел в свое кресло за рабочим столом, отчего сразу почувствовал себя немного уверенней. Визитеры вели себя странно, и эта манера разговора настораживала, но в то же время давала слабую надежду на спасение.

– Простите, вы из Спецотдела? Из "девятки"? Я... "Гэбист" жестом руки призвал профессора к молчанию:

– Нет, Девятый отдел ГУГБ не имеет к нам непосредственного отношения. Но сотрудники курирующего вас спецсектора будут здесь, – он посмотрел на часы, – минут через сорок-пятьдесят. Их задерживают до поры до времени, но это не может продолжаться долго, поэтому для объяснений у нас очень мало времени. Так вот, мы здесь для того, чтобы спасти вас, Константин Николаевич. Вы попали в очень серьезный оборот. Вам угрожает смертельная опасность. Все сотрудники вашей Лаборатории уже арестованы. Все оборудование и материалы опечатаны. У вас есть возможность избежать этой участи, если вы доверитесь нам и, не задавая лишних вопросов, поедете с нами.

– Куда?

– Это неважно. Важно, что это будет не Лубянка.

Лебедев озадаченно замер, стараясь не смотреть на посетителей, и стал лихорадочно соображать. Побег. Арест. Чему и главное – кому верить? В принципе, это вполне достоверная информация. О том, что в Институте творится нечто подобное, профессор догадывался, чувствовал. Об этом шептались все: лаборанты, его замы, коллеги по отделам. Выходит, все-таки началось...

– А... Москвитин?

– Он уже в безопасном месте.

– Кобзев?

– Арестован.

– Луцкий, Михеев, Козаревский?

– Константин Николаевич, подумайте лучше о себе. "О себе, о себе. Что же делать?"

Довериться этим "безопасникам"? С какой стати? А может, это провокация? Где гарантии..."

– О каких гарантиях вы сейчас беспокоитесь, Константин Николаевич? Время для вас пошло на секунды. Если бы мы хотели вас арестовать или спровоцировать, то не стали бы разводить эту демагогию, упрощая вас избежать тюрьмы.

Лебедев опять вздрогнул, настолько неожиданно прозвучали его мысли в устах второго незнакомца, который сидел в тени, и до этого молчал.

– Вы что... все-таки научились... читать...? Мужчина усмехнулся и нетерпеливо развел руками:

– Ваши мысли написаны у вас на лице. Пока вы думаете, какого рода провокацию мы затеваем в вашем жилище, сюда уже едут люди, которые будут менее деликатны в обращении с вами. Мы ждем вашего решения. Вы едете с нами?

Лебедев встал и взволнованно прошелся по комнате:

– Я... я не знаю. Как же... квартира, вещи, архив, наконец? "Гэбист" всплеснул руками:

– В любом случае это вам уже не понадобится. Я вижу, вы недостаточно прониклись серьезностью вашего положения, раз вас заботят подобные пустяки.

Профессор вдруг насупился и торопливо забормотал:

– Перестаньте меня пугать! Я вообще не понимаю, кто вы такие? Зачем я вам нужен? Зачем? Вот вы – из госбезопасности, это видно, у вас это, простите, написано на лице. А вы, вы вот, кто вы такой? Я ведь видел вас где-то, только не могу вспомнить где...

Сидящий в тени мужчина чуть наклонился вперед, и Лебедев сразу увидел его лицо.

– Странный вы человек, Константин Николаевич. Хорошо, мы не можем больше задерживаться у вас, и, чтобы ни мне, ни вам самому не было потом мучительно больно из-за вашей глупой подозрительности, я вам напомню, кто я такой и при каких обстоятельствах мы виделись с вами. Нас познакомил Рябиненко два года назад, припоминаете?

Лебедев задумался на мгновение, а потом медленно встал и изумленно прошептал:

– Вы? Вы?! Не может быть... Как же я... Вы? Вы – Абракас?! Боже... Я вас не узнал. Боже мой, значит, это действительно вы? Тогда все понятно...

Мужчина переглянулся с "гэбистом", который, улыбнувшись, встал и, подойдя к профессору, легонько похлопал его по руке:

– Ну, вот и славно, собирайтесь, Константин Николаевич, у нас действительно очень мало времени. Возьмите только самые необходимые вещи. За архив не беспокойтесь, мы примем меры.

Лебедев, не сводя глаз с человека со странным именем Абракас, закивал и, попятившись, выбежал из комнаты, метаясь по квартире, соображая, что же взять с собой. Через несколько минут, он с небольшим, наспех собранным чемоданчиком появился в комнате. Абракас по-прежнему сидел на диванчике, а второй визитер сосредоточенно отбирал из кипы бумаг, извлеченных из сейфа и неизвестно как обнаруженного им тайника, какие-то документы.

Профессор опустился на другой конец дивана и робко пробормотал:

– Не думал, что увижу вас снова. Вы тогда исчезли, а Борис расска-зал, кто вы такой. Я сначала не поверил, знаете, думаю, какой-то шаманский орден, какие-то древние знания, здесь, в центре безум-ной страны, в наше безумное время. Но Борис рассказал мне...

– Собрались, Константин Николаевич? Ну, вот и замечательно, – "Гэбист" сложил небольшую стопку бумаг в миниатюрный тубус, который оказался у него во внутреннем кармане пиджака, и подо-шел к дивану:

– Можно уходить.

Абраксас молча встал и, взяв потрясенного профессора за локоть, повел его к выходу. Через минуту они вышли в безмолвие пустынно-го подъезда. Наверху и внизу, в пролетах между этажами стояли молодые люди с характерными лицами чекистов. Лебедев непроиз-вольно вздрогнул, увидев их, – в воображении еще стояла нарисо-ванная им картина собственного ареста. Но Абраксас спокойно за-шагал вниз по лестнице, а "гэбист", улыбаясь, шел рядом с профес-сором, периодически подбадривая его кивками головы.

Черный автомобиль, как один из элементов планируемого сцена-рия, стоял около подъезда с заведенным мотором. Лебедев сел в салон автомобиля вслед за Абраксасом и, когда остальные сопровождаю-щие присоединились к ним, двор за окном медленно тронулся с места, и машина выехала на темный и пустой в это время суток проспект.

Профессор вытянул шею, пытаясь увидеть на прощание окна сво-ей квартиры, но "гэбист", который сидел рядом, вдруг заговорил с ним, не то, спрашивая о чем-то, не то, что-то рассказывая. Лебедев рассеянно слушал, а сам все смотрел на угрюмый дом, стараясь в темноте определить расположение своих окон. Вдруг одно из темных окон осветилось изнутри странным колеблющимся светом, и про-фессор понял, что это огонь, что это горит его квартира. Он посмот-рел сначала на Абраксаса, затем на "гэбиста", словно ожидая от них поддержки. Дико и неприятно было осознавать, что родная кварти-ра покинута им навсегда, и еще более неприятным было осознание того, что она горит сейчас – жадные языки огня пожирают мебель, ковры, шторы, книги в шкафах...

– Что же это происходит? – пробормотал Лебедев, нервно сжимая ладони в кулаки. "Гэбист" понимающе кивнул ему и успокаивающе тихо пробормотал, то ли утешая, то ли просто размышляя вслух:

– Все кончается когда-нибудь, все. Мы все сожгли свои зачумлен-ные гнезда, и ничего тут уже не поделаешь...

Автомобиль стремительно несся по уснувшей Москве, петляя по улочкам и дворам, словно пугая следы, растворяясь во мраке ночи.

## 1. (Главы-ретроспекции, 1998 г .)

За окном падает крупный январский снег. Максим отложил в сто-рону шариковую ручку и прикрыл руками уставшие глаза, разгля-дывая калейдоскоп узоров, возникающих в беспокойной черноте внутреннего пространства. Карину он почувствовал сразу. Она не-слышно, как ей казалось, ступала босыми ногами по ковровому по-крытию, стараясь появиться на кухне неожиданно. Максим улыб-нулся, не убирая от лица рук. Было забавно ощущать уверенность жены в том, что ее тихие шаги и стена, разделяющая комнату и кух-ню, могут сделать ее появление неожиданным.

"Глаза и уши часто обманывают нас. Их очень легко ввести в заб-луждение. Но невозможно обмануть сердце. Учись доверять ему и тогда ты сможешь уверенно ориентироваться в этом запутанном мире, сотканном из иллюзий..."



Карина заглянула в кухню и по улыбке мужа поняла, что он ее заметил.

– Чем занимаешься?

Максим посмотрел на нее и кивнул на стопку бумаги, испещренной мелким неразборчивым почерком:

– Книгу пишу.

Карина фыркнула и села на стул, разглядывая Коврова с ироничной улыбкой:

– Книгу?

Максим пожал плечами и, вздохнув, кивнул:

– Книгу.

– И можно узнать, про что книга?

– Можно. Сказки.

– Сказки?

– Да. Современные сказки. Про нас с тобой. Про волшебников и гномов, про людей и нелюдей. Жена недоверчиво посмотрела на него.

– Ты серьезно? Максим улыбнулся.

– Разве я могу быть серьезным? Карина кивнула.

– Это точно. Серьезности от тебя не дождешься. Так что ты пишешь?

– "Воин-Охотник". Продолжение "Концепций Миротормизма".

– Чего, чего, чего? – Карина удивленно изогнула брови.

– Миротормизма.

– Это что такое? Фантастика?

– Прикладная мифология. Эзотерика неошаманизма. Это теория, основанная на сверхсовременных технологиях и знаниях, которым несколько тысяч лет. Это учение о Взаимосвязи, о зеркальном свойстве окружающего нас мира. В его основу положен постулат о том, что, формируя и преобразовывая себя, мы формируем и преобразовываем мир вокруг нас.

Жена недоверчиво и изумленно посмотрела на него, словно пыта-ясь понять: говорит он всерьез или, как всегда, шутит. Теперь Макс-им не улыбался. Он смотрел на Карину молча, будто подталкивая ее своими темными мерцающими глазами к совершенно иной реак-ции, менее циничной и более доверительной. Но в очередной раз ее внимание сорвалось, ускользнуло, закрылось в глухой защите, как всегда реагируя на подобные попытки агрессивно:

– И кто же тебе эти знания открыл?

Максим расфокусировал глаза и заговорил ровно и спокойно, не обращая внимания на иронию в голосе жены:

– Один очень мудрый человек.

– А-а, это тот алтайский шаман, про которого ты мне рассказывал, да?

– М-м, да. Тот самый шаман.

– И что?

– Что – что?

– Ну и что это за знания?

– Я тебе рассказывал об этом много раз.

– Ничего подобного, неправда.

– Правда. Много раз. Но каждый раз ты не обращала на мои слова равным счетом никакого

внимания.

– Ну, расскажи еще раз.

– Что рассказать-то?

– Ну, про эти знания.

Максим смотрел на нее и чувствовал, что эта красивая женщина не понимает его. Да и как можно попятить то, чего и попятить-то вовсе нельзя. Можно только почувствовать. И этот разговор ни к чему не приведет, разве что к очередной ссоре. Он ощущал эту глухую стену непонимания, отгораживающую их друг от друга. Так было всегда, стоило ему начать рассказывать хоть что-то о себе, о ней, о многом... Ирония, сарказм, претензии, ссора. "Черная Охота". Полина предупреждала его, что будет именно так. Общество пытается влиять на "чужаков" прежде всего через ближайшее окружение. Но он не поверил, все рассчитывал на свои силы, на свои возможности. Не получилось. Уже тогда, в их первую ночь, когда он незаметно капнул в кофе Карины пару темных капель Корчуна, а она почувствовала это и обвинила Коврова в попытке отравить ее. Пришлось тогда выпить этот кофе самому. Ведь уже тогда все было ясно. Карина отказывалась от него, не поверила ему. Это был не просто досадный эпизод, это был Знак, который предупреждал тайшина: "Осторожно. Принимай решения, тщательно взвесив свои возможности". Максим вспомнил, как сидел тогда на кухне поздно ночью и под испытывающим взглядом Карины мелкими глотками, не торопясь, пил обжигающий черный кофе, одна чашка которого могла тогда изменить навсегда всю их жизнь.

– Дай ей Корчун. Совсем немного. Используй экстракт, он более мягко воздействует на тело, нежели дым. Желательно делать это ночью или в сумерках. У твоей девушки сильный потенциал, она должна клюнуть на это. Если она выпьет его, то сразу вспомнит все, что предшествовало вашей встрече. Но будь внимателен, не отходи от нее ни на шаг. Используя свою Силу, ты должен вести ее медлен-но-медленно от одного воспоминания к другому, пока не уведешь в особую область, где ее АРС откроет для нее совершенно другой мир.

– А если она не выпьет его?

– Тогда много раз подумай и взвесь возможность и перспективы ваших дальнейших отношений.

– Полина, но ведь нельзя же так. Делать категорические выводы из-за простого отказа.

– Макс, это "Черная Охота". Если она не использует ту частоту вибраций, на которую настроен ты, значит, она подчиняется управляющему влиянию Общества, которое считает тебя "чужаком". Вы будете говорить на разных языках, думать по-разному, по-разному чувствовать.

– Но ведь это не означает, что мы должны расстаться? Я так долго искал ее.

– Нет, конечно. Войти в область ИТУ-ТАЙ, еще вовсе не означает стать тайшином. ИТУ-ТАЙ – это "Язык Ощущений", и начать изучать его, значит начать прислушиваться к миру внутри нас и вовне. Другое дело, что приступить к его изучению не так просто, как может это показаться на первый взгляд. Вот здесь и возникает вопрос дисциплины, помогающей сделать первый шаг, создающей условия и стимулы движения. Это и есть Тай-Шин. Ты ведь тоже не сразу стал тайшином. Человека надо завлекать в область ИТУ-ТАЙ, таковы последствия нашего разделения на две сферы. Но мы возились с тобой долгие годы, несмотря на разочарования и неудачи, мы вели тебя и добились успеха – ты стал одним из нас. И если ты вознамеришься шить на себя подобную ответственность и попытаешься завести ее в границы нашего мироощущения, то тебе придется многое пережить. Это очень сложный процесс, напоминающий изгнание дьявола из наших мозгов. Если ты чувствуешь в себе силы и мастерство экзорциста, что ж, тебе решать, но запомни – люди и дуэрги не могут быть вместе, я имею в виду близкие отношения. Это аксиома. У нас разное миропонимание, разный уровень энергии. И если подобный союз

возможен, то только при одном обязательном условии – человек должен стать дуэнером...

Корчун холодной волной растекался по телу. Его доза была слишком мала, чтобы воздействовать на АРС тайшина, но определенное влияние он все-таки оказывал: в глазах появились цветные вспышки, на периферии зрения замигал далекий зеленоватый свет – АРС начал медленное движение с привычного месторасположения.

Карина смотрела на него своими красивыми глазами, в которых читалось недоумение, подозрение, ожидание. Максим пил и улыбался, но если бы она знала, скольких сил стоила ему эта улыбка.

"После пробуждения, она станет совсем другим человеком".

"У твоей девушки сильный потенциал...".

"...человек должен стать дуэнером...".

– Ну что, вкусно? – разочарованно спросила Карина, все еще пытаясь определить по возможным последствиям содержание этой злополучной чашки.

– Не то слово! Такого кофе я не пил ни разу, – ровным голосом ответил Максим и, улыбаясь, кивнул на пустую чашечку. – На меня яд не действует.

– Почему так? – Карина смягчилась, но все равно в ней ощущались остатки бывшего напряжения.

– Я же тебе рассказывал.

Карина нахмурила лоб, словно вспоминая, а затем рассмеялась:

– А да, точно. Ты же этот... как его... "кор... ти... никер"?

-Томминокер.

– Да-да-да. Томминокер, точно. Существо с другой стороны. Химера. Призрак. Максим тоже рассмеялся. Это была их очередная шутка. Инцидент был исчерпан, но не забыт...

– Нет, нет. Не надо уходить от разговора. Имей совесть. Не отмалчивайся. Могу я знать, что ты делаешь, вместо того чтобы посвятить это время ребенку, например?

Максим вздохнул, чувствуя какое-то обреченное отчаяние, и попытался в очередной раз что-то изменить... впрочем, без особых надежд на успех. "Черная Охота".

– Карина, то, что я делаю, это очень важно для меня.

– А для меня?

– И для тебя тоже.

– Не ощущаю этой важности ни капельки. Пора уже отойти от сказок, пора, наконец, уже взять на себя ответственность за семью, за ребенка, за свою работу. Если бы ты за эту свою писанину деньги получал, я бы еще поняла. Но этот твой "мироформизм", кому он нужен? Кто эти сказки читать будет?

Максим кивнул головой и отрешенно спросил:

– Ты читала?

Карина нервно дернула плечами:

– Да что ты можешь нового написать? Если то, про что ты мне рассказываешь иногда, то тогда точно твоя аудитория – психбольница. Про то, как ты жил у алтайского шамана и общался с духами? Максим, очнись! Ты же взрослый человек! У тебя ребенок!

"...Она будет совсем другим... другим...".

– Чему ты ее научишь? Этим вот сказкам? Чтобы у нее тоже мозги съехали? Когда ты повзрослеешь, наконец? Какие-то шаманы... ситы... О чем мы с тобой говорим? Ты живешь в собственном выдуманном мире и пытаешься эти свои фантазии навязать мне. А я не хочу. Понимаешь, не хочу! Жизнь проходит, а мы что... вот, пожалуй-ста – сидим на кухне, пописываем сказки про шаманов и охотни-ков... "Люди и дуэрги не могут быть вместе... не могут... вместе...".

– Я хочу, наконец, услышать от тебя.

– Что ты хочешь услышать? – пробормотал Максим и задумчиво посмотрел на снегопад за окном.

– Я хочу услышать твои планы относительно нашей дальнейшей совместной жизни. Если я тебе не важна, то о ребенке ты должен хоть как-то побеспокоиться?

Максим взял в руки бумаги с набросками "Воина" и, аккуратно сложив их в стопку, опять положил на стол.

– Я и беспокоюсь.

– И все?

-Все.

Карина вскочила и, еле сдерживая себя, чтобы не швырнуть эти бумаги мужу в лицо, раздраженно бросила:

– Семья для тебя – пустой звук. Ты только о себе думать можешь. И писанина вся эта твоя...

Максим взмахнул рукой и остановил ее в воздухе, сделав стран-ный жест. Карина мгновенно замолчала, раздраженно глядя на него.

– Карина, а тебе не кажется странной такая резкая смена настрое-ния? Минуту назад ты шла ко мне, чтобы поцеловать, а сейчас гото-ва расцарапать мне лицо. Тебя это не удивляет?

– Да потому что надоело все. Надоел ты со своим бредом. Надоела жизнь такая безрадостная. Все надоело! Максим тихо и твердо произнес, убирая руку в сторону:

– Тут дело в другом, дорогая. Хочешь, я скажу в чем? Карина вызывающе кивнула головой.

– Сейчас ты чувствуешь, что я другой. Тебе даже может казаться, что я угрожаю тебе, всем вам. Ты считаешь, что я утопист и фантазер, потому что я действительно живу в двух мирах – том, в котором мы находимся сейчас и другом, незнакомом для тебя. Не суди о нем, не испытывай его. Попробуй, а потом будешь делать выводы. Я не" угро-жаю тебе. Просто сейчас ты повторяешь какие-то чужие слова, кото-рые тебе нашептывает...

Девушка резким движением схватила стакан с водой, стоявший на столе, и плеснула его содержимое в Коврова. Вода тут же залила страницы рукописного текста, от чего синие чернила расплылись по бумаге бесформенными пятнами.

– Гад ты, – произнесла она и выбежала из кухни, заплакав.

Максим медленно вытер мокрое лицо рукавом халата и, закрыв глаза, откинулся на спинку дивана.

"Мм ищем гармонию. Мы связываем личное с общественным. В нас нет противоречия, которое разбивает людей изнутри. ИТУ-ТАЙ подразумевает создание действительно трепетных семейных от-ношений. Это происходит потому, что тайшины ценят свое время, они уважительно относятся к силам, которые ведут их по этой земле. Потому что они не просто смотрят на мир, они ощущают его, и это ощущение не позволяет им скатиться к тем последстви-ям, которые, испытывают люди, объединившиеся в семьи, пусть даже благополучные с виду. Мы не замыкаемся в рамках, которые люди называют "устоями", "семейственностью", "домовитостью". Это категории, навязанные Ситанами. Замкнуться в своем мирке, отго-родиться от всех, заиклиться на интересах своей семьи, создавай вокруг себя и своих близких прочную стену отчуждения. Кидать всех и вся, учитывая только свои меркантильные интересы – вот кредо современного человека. Ирана или поздно, это отношение проециру-ется и на своего ближайшего партнера. Мы же, наоборот, расширя-ем свои границы, мы раскрепощаем свой разум от шаблонов, навязанных хищниками. В этом залог настоящих чувств. Когда находишь-ся на лезвии меча, нет времени для пустых придирок и претензий, остается место только для самой чистой и преданной Любви. Мы реализуем такую любовь к своей семье, к обществу, к планете, осно-ванную не на "устоях", выдуманных неизвестно кем, а на понимании внутреннего содержания этого чувства. Мы создали систему, предназначенную обеспечить тайшину полноценную насыщенную жизнь, какую еще только можно прожить в наше время. Здесь и боевое искус-ство, и тайные знания, и интересная работа, и невероятные возможности, и новые ощущения, и новое отношение к миру, людям, животным... своим детям, наконец. Ведь мы так мало даем им нашей любви. Здесь и магия, которая незримо присутствует вокруг тыся-чи лет, ожидая, когда же, наконец, люди почувствуют ее и использо-уют для своего развития. Но человечество слишком глубоко увязло в собственном болоте. Мы называем состояние ума, свойственное левополушарным людям – "бычий ум" и стремимся всячески избавиться от него, поменяв на "открытое сердце". Этот бодливый ум очень похож на хорошо защищаемую крепость. Правда остается непонятным, от кого ее защищают, и самое главное – кто? Ломаешь одну стену, а за ней – другая, высокая, отвесная, обороняемая осажденными с яростью обреченных..."

Максим вошел в темную комнату, не включая свет, и сразу увидел ее. Карина стояла у окна, ее изящный силуэт отчетливо выделялся на белом фоне снегопада. Максим подошел к ней и примирительно обнял сзади:

-Карин...

Она уже не плакала. Просто стояла и смотрела на улицу за окном.

– Карин, не сердись, не надо... – Максим поцеловал ее в шею, слов-но пробуя губами на вкус нежную бархатистую кожу и с удоволь-ствием вдыхая терпкий аромат ее волос. Все-таки она была невероят-но красива, даже когда сердилась. Ее невозможно было не желать, не любить,

не восхищаться. Но теперь все это было чужим.

Карина отстранилась, выскользнув из его объятий, и со вздохом пошла к выходу из комнаты. В дверях она обернулась и сказала в пространство сухим казенным тоном:

– Если тебе на меня плевать, подумай о Нике. Пока еще не поздно, – добавила она многозначительно и вышла, оставив в комнате гонимый, еле уловимый аромат французских духов.

"Ее отказ от Корчуна – тревожный признак, но не более. Редко кто из тайшинов так вот легко приходил в Тай-Шин. Наше Учение – это запретная область для людей. Победить "бычий ум" можно только ценой многолетней борьбы. Если ты берешься за это, то иди до конца. примени свое лучшее искусство, все свое мастерство, создавая ситуацию, благоприятную для того, чтобы предложить человеку Выбор. Если ты помнишь, мы не инициировали тебя силой. Своими манипуляциями мы лишь вывели тебя на уровень, благоприятный для того, чтобы открыть тебе истинное положение дел, а уже затем предложить альтернативу. Хищники – Сатаны, Шииги, Мангысы или еще какие-нибудь более сильные твари – такой альтернативы не предлагают. Они силой, коварством и обманом удерживают человека в рамках той реальности, которую им выгодно удерживать. "Бычий ум", наше логическое левое полушарие мозга, изначально запрограммировано на бескомпромиссное суждение о той малой части окружающего нас мира, которая, по мнению человека, и является миром как таковым. Выбор в данном случае невозможен. Для людей иных вариантов просто не существует. Поэтому, если ты хочешь открыть своей избраннице мир ИТУ-ТАЙ, наберись терпения, выбери оптимальную стратегию и действуй безупречно. Она отказалась от самого простого варианта. Значит, нужно подготовить другой, с учетом ошибок первого. Будь рядом с ней, разрушай мир, который ее окружает, медленно и неуклонно. Будь жестким там, где она ожидает мягкости, меняй мнение о себе так часто, сколько необходимо для того, чтобы она перестала, наконец, понимать, где настоящий ты. Человеческое общество и "бычий ум" должны отчасти уступить контроль над ее сознанием. И вот тогда настанет время для решающего удара – для предоставления Выбора...".

Максим скинул махровый халат, повесил его на вешалку в ванной и, вернувшись в комнату, открыл шифоньер, достав оттуда джинсы, теплую рубашку и шерстяной исландский свитер. Быстро оделся и, погасив в комнате свет, вышел в коридор. Кир, огромная немецкая овчарка, уже сидел перед дверью, рассеянно вращая большой лобастой головой. Этот пес очень напоминал Коврову его Курана, который теперь появлялся только в сновидениях, и то, в последнее время, крайне редко.

– Пойдем, дружище, погуляем.

Пес радостно вильнул хвостом и, взяв с тумбочки брезентовый поводок с массивным карабином на конце, подошел и уткнулся мокрым холодным носом хозяину в руку. Максим намотал поводок на ладонь, но к ошейнику пристегивать не стал. Подумал мгновение и, решив не надевать на собаку намордник, тихо открыл входную дверь. В это время в парке около дома было безлюдно и пустынно, так что они могли совершенно спокойно гулять, не стесненные чужим вниманием. Пес побеждает, наслаждаясь свободным движением, никому не доставляя при этом беспокойства.

На улице было сказочно красиво. Максим пожалел, что рядом нет Карины и Ники. От окружающего великолепия захватывало дух. На трех сумрачных вязах, окаймляющих выезд на проспект, сверкали разноцветные огни гирлянд, вплетенные в гущу узловатых ветвей. Праздничную иллюминацию еще не демонтировали после Нового года, и теперь она очень красиво смотрелась в буйстве снегопада. Вдалеке бежала неоновыми вспышками мозаика оформленной дюралайтом витрины супермаркета. А сверху сплошной стеной шел снег, засыпая

крупными хлопьями ночной Барнаул.

Гармонию зимней ночи нарушил стремительный Кир – метнув-шись сразу через кустарник на площадку паркового газона и пропа-хав в сугробе длинную колею, выхватил из-под снега кривую рогати-ну изломанной ветки. Максим любовался псом, машинально вспо-миная черного Арчи и их прогулки. Вспоминалось также, как они обычно ездили в ленточный бор кататься с Кариной, Никой и Киром на санках. Карина стояла рядом с автомобилем и, улыбаясь, наблюдала, как Макс бежит, по колено утопая в сугробах, разгоняя санки до предкриковой скорости. Ника хохочет. Она счастлива. Рядом ог-ромными прыжками несется Кир, оглушительно гавкая и пытаясь перевернуть санки.

Это было видение из другого мира, недоступного уже и безумно счастливого. Тот мир, в котором сейчас жили они, рушился на гла-зах. Максим зажмурился, чувствуя, как кристаллики снежинок боль-но режут глаза ледяными микроскопическими гранями.

...Ника хватает пса за широкий ошейник и пытается притянуть к окну автомобиля, чтобы заставить выслеживать белок, снующих иногда в кронах высоченных сосен и елей.

– Кир, если ты найдешь белочку, – Ника кряхтит и, краснея от натуги, тянет упирающуюся собаку к краю сиденья, – я дам тебе конфету.

Пес и сам не прочь поохотиться на этих рыжих прохвосток, но по-добная навязчивость его раздражает.

– А если ты поймаешь ее, я дам тебе... – Ника хитро улыбается, делая большие загадочные глаза, – я тебе дам, – она лихорадочно соображает, чем можно соблазнить Кира на подобную авантюру. Пес насторожился, наклонив голову и с нетерпением ожидая продолжения.

"Это у них игра такая, – понял Максим и улыбнулся, – сейчас она предложит бедному Киру овсяное печенье".

-Я тебе да-а-ам... овсяное печенье!!

Пес радостно повизгивает и начинает метаться по заднему сиде-нью. Он уже готов переловить всех белок в окрестном лесу и сложить их к ногам своей маленькой повелительницы.

Карина поворачивается и грозит им пальцем. Кир затихает, а на лице Ники блуждает довольная улыбка...

Мир мог бы стать таким, если бы...

Басовито гавкнул Кир. Максим вздрогнул и открыл глаза. Пес за-мер в настороженной позе, широко расставив мощные лапы и выг-нув мускулистую грудь. Там, куда он смотрел, кто-то был. В пятиде-сяти метрах от них, в гуще кустов, гаражей и мусорных баков, на окраине парка. Максим тоже почувствовал чье-то присутствие, осоз-навая, что ощущение опасности появилось у него уже несколько минут назад, но он, отвлеченный внезапными воспоминаниями, его игнорировал. Расфокусировав глаза и остановив течение мыслей, он принялся неторопливо, метр за метром, сканировать тьму, скры-вающую чужака. Мелькание снежинок очень отвлекало внимание, и Максим понял, что уже не сможет обнаружить и идентифициро-вать опасность. Уже не тот уровень энергии, не та реакция. После-дние несколько лет значительно ослабили его, сделали рассеянным и несобранным. Сжав от злости на самого себя зубы, он положил руку на вздыбившуюся спину собаки и успокаивающе погладил ее. Спросил чуть слышно:

– Кто там, Кир?

Пес ответил утробным рычанием. Он чувствовал опасность и те-перь лишь ждал команды

хозяина, напряженный как стрела, гото-вый к мгновенной атаке.

Максим распустил брезентовую ленту поводка, одновременно при-кидывая расстояние до подъезда и до предполагаемого противника, решая, что же делать дальше – вернуться домой или все-таки бро-ситься вперед, навстречу неизвестности и прояснить для себя источ-ник опасений.

Через минуту все прошло. Что-то неуловимо изменилось, и Кир, облегченно фыркнув, снова закрутил хвостом, цепляя острыми зуба-ми ветку и прыгая вокруг хозяина. Он лишь изредка поглядывал в том направлении, готовый к любым неожиданностям. Максим по-нял, что тот, кто стоял там, в темноте, разглядывая их, ушел. Остава-лось теперь только гадать, кто это мог быть, и что ему было нужно. Человек внутри шептал, что это надуманные атавистические стра-хи, аберрации нервной системы. Тайшин отложил это происшествие в памяти, чтобы потом вернуться к нему, проанализировать свои ощущения, сделать выводы.

Максим внезапно схватился рукой за корягу и с силой потянул на себя вместе с упирающимся псом. Он принимал игру.

\* \* \*

1998 г . Март. Москва, аэровокзал, 20.45.

Жетончик, наконец, щелкнув, исчез в накопителе, и Максим сразу услышал далекий голос Карины.

– Алло, Карин? Ты меня слышишь?

– Максим? Привет. Ты еще в Москве?

– Да, у нас здесь ЧП. Все занесло снегом. Рейсы переносят и пере-носят. Прилечу в лучшем случае завтра или послезавтра утром. Как у вас дела? Как отец?

Карина вздохнула, и у Максима от нехорошего предчувствия тре-вожно заныло сердце.

– Максим... ну плохи дела... Умер отец...

Он качнулся и прислонился лбом к холодному пластику телефон-ной кабинки.

"Вот и все. Отца больше нет. И никогда больше не будет. Никог-да".

– Максим, ты в порядке?

– Да, да. Когда похороны?

– Послезавтра утром. Ты успеваешь?

– Я не знаю. Я постараюсь, прилечу. Карин... ты помоги там...

– Ну конечно, о чем ты говоришь.

– Как мама? Бабушка?

– Держатся. Тим помогает, молодец, все организовал...

– Молодец, да... Ну ладно, пока.

– Пока.

Трубка легла на хромированный рычаг, а рука все еще сжимала ее, словно удерживая последний, зыбкий контакт с тем миром, где все было как прежде, но уже без отца.

"Значит, все-таки умер".

Максим был готов к этому. Отец уже неделю лежал в бессознатель-ном состоянии, и даже мама, перед тем как Максим улетал, сказала: "Он продержится еще день или два".



Он зашел тогда к нему в комнату и замер у входа, наблюдая, как бледный отец лежит в забытьи под капельницей и тихо постанывает от болей, которые терзают его слабое иссушенное тело. Максим тогда прикоснулся к нему своей аурой, и отец почувствовал это, открыл один глаз, мутный, исполненный страданием и тоской. Затем он кивнул чуть заметно, будто прощаясь...

– Молодой человек, вам нехорошо? – молоденькая симпатичная девушка-диспетчер междугородней связи взволнованно смотрит на него из своей будки.

– Все нормально, спасибо, – пробормотал Максим и медленно пошел прочь от страшной кабинки, принесшей ему эту жуткую весть. Он спустился вниз, на первый этаж аэровокзала, где уже располагались на ночлег в неудобных креслах пассажиры с несостоявшихся рейсов. Прошел мимо коммерческих ларьков, витрин мини-баров, остановился, раздумывая: напиться или не стоит... Затем, шатаясь, добрал до первого свободного кресла и рухнул в него, закрывая глаза.

"Прав Айрук, тысячу раз прав, говоря, что я гасну. День за днем становлюсь все слабее. Что со мной? Что мне сделать, чтобы вырваться из этой пресловутой раздвоенности? Три-четыре года назад я бы обязательно вылечил отца, пусть даже напрасно. Он, как утверждает тот же Айрук, просто устал жить, а от этого лекарств не существует. Все равно! Раньше я бы смог, смог! Во что превратился я сей-час? Даже не почувствовал его смерти, а ведь должен был. Отец ведь все-таки, родной человек. А я ничего не почувствовал, ничего. Ничтожество. Айрук смотрит на меня чуть ли не с презрением. Полина – с жалостью. Араскан – с досадой. Кадамай вообще стал меня избегать. Они действительно скоро станут для меня слишком опасными попутчиками, а я для них – обременительной ношей, балластом, который они вынуждены терпеть. Их уровень энергии я уже выдерживаю с трудом. После общения с Айруком у меня идет носом кровь. После общения с Полиной поднимается температура и падает зрение. Они, вероятно, видят эти мои метания между двумя мирами, и опасаются, что я вернусь назад, опять стану "как все". Глупости. Они знают, что это невозможно. Обратного пути нет. Того, кто долго был на Той стороне сознания, Общество уже не примет в свои ряды. Оно будет гнать "чужака" как зачумленного, пытаясь либо уничтожить его, либо вытеснить в отшельничество, подальше от людей. Я чувствую, что сейчас еще можно все вернуть, бросить Карину, Нику, вернуться в Усадьбу... Еще не все потеряно. Но вот только бросить их я не могу! Вот она, коварная сторона "Черной Охоты"! Как там говорится в библии? "Не мир пришел Я принести, но меч. Ибо пришел разделить человека с отцом его, и Дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее...". Страшно... Но, лучше знать истинное положение вещей, как бы мучительно это не было. "И если ИТУ-ТАЙ пугает тебя, поверь, этот страх ничто по сравнению с тем, что творится в человеческом обществе на самом деле". Больно... А дочка, она-то в чем виновата? Я ведь ее отец. Отец!! Такой же, каким был для меня, мой. И вот теперь он умер, и я никогда больше уже никого не назову так – отец. Но я-то еще жив, я не могу бросить их в этом жутком мире, кишатом хищниками. Я отец! Отец!!".

Максим почувствовал, что неконтролируемая агрессия захлестывает его с головой. Он сделал несколько глубоких вдохов и выдохов. Через несколько минут пришел сон. Накатила усталая дрема и тело, издерганное нервными потрясениями последних дней, охотно отдавалось ей, погружаясь в приятную мерцающую глубину.

Пробуждение было подобно сильному толчку. Максим вздрогнул и открыл глаза. Все тот же аэровокзал, толчея вокруг. Но что-то было не так. Какое-то смутное ощущение опасности, которое он словно вынес из своего беспокойного сна. Максим осмотрелся по сторонам и поймал на себе внимательный взгляд, принадлежащий какому-то мрачному хмырю, сидевшему в

нескольких метрах от Коврова. Этот взгляд был направлен на дорожную сумку, стоящую рядом, и Максим вдруг опять почувствовал вспышку ярости внутри. Он подумал, что потеря личных вещей может служить символом уходящего ста-рого мира, с которым ему все равно нужно будет проститься. Но этот мир упорно не хотел отпускать метущегося человека, отчаянно цеп-ляясь за него. И вот сейчас, старые, привычные реакции накрыли его цунами раздражения и ярости, ураганом незаконченного внутрен-него конфликта.

"Вот встать сейчас и подсесть к этому ублюдку. Придушить его, а затем, дергая его за нервы на локтевом сгибе, заставить орать от жут-кой боли". Это был вор, у Коврова не оставалось в этом ни тени сомнения. Обыкновенный вокзальный вор, который перехватил пол-ный ненависти взгляд своей потенциальной жертвы и стремительно отвел глаза. Теперь он рассматривал рекламную афишу аэрофлота.

"Глаза и уши легко ввести в заблуждение. Доверься Силе, которая выведет тебя из сонма призраков. Она будет постоянно раскрывать тебе суть вещей, даже если твои глаза будут закрыты...".

Максим до боли сжал пальцы на ладонях.

"Общество людей постоянно будет охотится на тебя. Тайшины ис-пользуют боевое искусство только для защиты. Для защиты! Для нападения – никогда. В этом заключается фундаментальная страте-гия всей концепции в целом. Пренебречь этим знанием – значит нарушить отлаженную веками систему, целостность, оторваться от корней Учения, лишит себя Силы".

– Эй ты, ушлый.

Вор сделал вид, что ничего не услышал.

– Эй ты, мужик, да-да, ты...

Ковров показал на него пальцем и кивнул, подзывая к себе. Вор удивленно округлил глаза, изображая недоумение.

– Сюда иди скорее, а то я сам подойду. Мужчина встал и медленно подошел:

– Вы мне?

– Тебе, тебе. – Ковров смотрел на него, стараясь выглядеть спокой-ным, хотя злоба клокотала в нем и искала выход. – Это пока еще и мой мир тоже. Не знаю, из какой ямы в моей душе ты появился, но мне и не надо этого знать. Исчезни, и никогда, слышишь, никогда больше не показывайся мне на глаза, если, конечно, жить хочешь.

Мужчина от изумления вытянул лицо и возмущенно задышал:

-Я не понял...

– Не понял? Говорю – пошел быстро отсюда, мудака, если хочешь жить. Доступно? – проникновенно произнес Максим, еле сдержива-ясь, глядя в эти бегающие бледные глазки.

"Мир вокруг нас – Зеркало. Не позволяй своей ярости завладеть тобой, иначе она приведет к тебе орду воинственных отражений".

– Зачем же так наезжать, без причины?

– Я на тебя еще не наехал. Когда наеду, поздно будет. Я тебя пере-еду просто, и все.

"Перед тем как мир окончательно отпустит тебя, он исторгнет из себя отражение твоих самых сокровенных страхов и самой черной злобы. Он зафонтанирует подобно подземному грязевому гейзеру, и от тебя потребуются все твое мужество и воля, чтобы не поддаться провокационным гримасам уродливых призраков и не ввязаться в бесполезный и опасный бой. Бой против самого себя".

– Давай, еще милицией меня напугай.

– Милицией? Да нет, что ты. Я тебя заведу сейчас за угол и вломлю так, что у тебя башка в сторону отлетит, и все разборки. Понял?

Мужчина, очевидно, что-то почувствовал. Покрывшись красными пятнами, он еще раз покачал головой в притворном возмущении и, повернувшись, быстро пошел в другой зал. Связываться с этим парнем мелкому вокзальному вору по кличке Нос почему-то просто не захотелось. Возможно, это спасло ему жизнь.

Максим спустился по длинной лестнице в полуподвальное помещение туалета и, заплатив два рубля строгой пожилой женщине, дежурившей на пропускной "вертушке", направился к свободной кабинке. Людей в туалете не было. Когда Ковров покидал кабинку, знакомое уже ощущение опасности вновь пробежало холодком по спине и рукам. Будто и вправду зафонтанировал внутри холодной грязью вулкан-колодец потаенных страхов. Максим осмотрелся и, растерянно хмыкнув, подумал, что за ним спустился тот самый вор, который наверняка посчитал себя оскорбленным. Но в зал никто не вошел, и это было странно. Кто-то здесь определенно был, и этот кто-то представлял для Коврова потенциальную угрозу. "Ну, вот и черные охотники пожаловали...". Он еще раз внимательно осмотрел ряды кабинок и вздрогнул от неожиданности. Из одной кабинки на него смотрели глаза. "Вот он где". Человек понял, что его обнаружили, и распахнул двери кабинки. Максим опешил – у незнакомца были расстегнуты брюки, и из ширинки торчал неестественно белый возбужденный член. Извращенец. Ковров презрительно сплюнул и, повернувшись, пошел на выход. Где-то он уже видел этого человека, вернее, не человека, нет, этого придурка он видел первый раз. Его глаза! Блеклые неподвижные глаза, вот их уже где-то он встречал, определенно. Но где? В них нет жизни, сплошное безумие. А какие глаза еще могут быть у психа, который занимается онанизмом в общественном туалете? Максим брезгливо поморщился и вдруг, услышав смех, обернулся. Извращенец стоял по-прежнему внутри кабинки и скалил зубы, показывая на Коврова пальцем. Самое нелепое в этой ситуации было то, что этот онанист был благообразным, прилично одетым мужчиной среднего возраста. В его кривой усмешке не было безумия, в ней крылись издевательство и насмешка, будто он успел осквернить Коврова уже только тем, что показал ему свою истинную сущность.

– Ты что скалишься, выродок? Надрочился? – Максим, скривившись, смотрел, как этот странный мужчина, не переставая глумливо хихикать, прячет свой член в брюки. Затем он застегнул ширинку и сразу превратился в благообразного солидного дядюшку, который подошел к умывальнику и стал мыть руки, нагло улыбаясь Максиму, в отражение зеркала. Ковров сжал кулаки, не двигаясь с места. Ярость искала выход, и эти глаза...

Извращенец почти уже прошел мимо с нейтральным выражением лица, будто ничего и не произошло, когда, поравнявшись с Ковровым, вдруг выбросил вперед руку с растопыренными пальцами и шутливо крикнул: "У-у!". Это была роковая ошибка. Максим уже решил не связываться с ним, но этот последний жест прорвал все плотины благоразумия. Молниеносный удар в солнечное сплетение вышиб дух у незадачливого шутника, и он, судорожно выдохнув, упал на колени. Максим еще раз сплюнул, но на этот раз прямо ему в лицо.

– Ах ты, гнида, ты свои шуточки фривольные оставь для медсестер, понял? Трясун долбаный. Падла. Мразь.

Мужчина был определенно психически нездоров. Он вдруг вско-чил и, не проронив ни слова, лишь оскалив зубы, с хриплым стоном кинулся на Коврова, пытаясь свалить его и поцарапать лицо, а, ско-рее всего, повредить глаза...

Максим от неожиданности потерял инициативу, и психопат нава-лился на него своим, на удивление сильным телом, почти повалив на кафельный пол туалета. Это была дикая ярость шизоида. Мак-сим извернулся и, применив прием джиу-джитсу, освободился от захвата, но этого оказалось мало. Психопат был словно заведенная кукла, он с безумной скоростью завертел руками, хватая ускользящего обидчика. Максим сделал обманное движение и вновь, воспользовавшись инерцией противника, ушел с линии атаки. Что-то странное было в этой схватке, что-то нелепое и смутно знакомое. Псих развернулся и с всхлипом бросился вперед, выставив перед со-бой длинные руки. Максим отбил их и нанес противнику в корпус два коротких останавливающих удара ладонями, затем, добавив пробивающий удар ногой в грудь, он замер, наблюдая как мужик хри-пит, отлипая от стенки, и с неукротимой яростью снова кидается на него. Удар. Еще удар. Максим блокирует руки с растопыренными, словно у мертвеца, пальцами и наносит жесткий удар локтем в лицо противнику. Все. Нужно заканчивать этот балаган. В любой момент сюда могут зайти люди, поднимется шум, милиция, а ему так нужно улететь домой сегодня. Сегодня!

От удара локтем голова извращенца откинулась назад, глаза за-пали на мгновение, и Максим нанес ему еще три добивающих удара – в лицо, в шею, в солнечное сплетение. Мужик захрипел и откинул-ся на раковину, медленно сползая на пол. Максим повернулся и быстро пошел к выходу.

"Нужно скорее мотать отсюда. Ехать сразу в аэропорт. Там будет безопасней... теперь, да и вероятность улететь поскорее там более высока. Нужно срочно улетать отсюда, из этой сумасшедшей Моск-вы. Домой. Домой...".

Он уже почти выбежал из зала, когда опять услышал этот против-ный хриплый смех за спиной. Обернулся и обмер. Псих уже опять стоял, хотя и шатаясь, и, сглатывая собственную кровь, хохотал, по-казывая окровавленной рукой на Коврова. И тут Максим вспомнил, где он видел эти проклятые глаза. Несколько лет назад, в подъезде его дома, такие же глаза были у человека, который хотел его убить, – у "злобного". Теперь эти глаза были у извращенца. Водянисто се-рые, безликие, равнодушные, словно нарисованные на натянутой поверх черепа маске. Максим сдержал крик ужаса и тоже протянул вперед руку, складывая пальцы в мистический знак отражения.

– Ты... Зурда... ты... – прорычал он, словно загнанный в ловушку взъяренный тигр, окончательно теряя все границы осторожности и благоразумия. Психопат, казалось, уже слабо воспринимал происхо-дящее. Его лицо со сломанным носом действительно напоминало маску жуткого демона. Он сделал шаг, еще один, припадая на отбитую ногу.

– Я тебя-а-а... на-а-а... – булькающий голос с трудом вырывался из окровавленного рта. Максим стремительно подбежал к противнику и, мысленно разбив его тело на секторы, разразился целой серией ударов, каждый из которых был направлен в определенный нервный узел, отвечающий за ту или иную двигательную функцию организ-ма. Это было уже не карате и не джиу-джитсу. Это был "Волчий стиль", боевая техника Тай-Шин, нахлынувшая из темноты подсоз-нания, подобно сверкающим молниям, пронизывающим темные гро-зовые облака.

Изломанное тело Максим затащил в ту же кабинку, где оно и за-нималось своим непотребством. Сложив его в угол и проверив пульс, Ковров убедился, что псих жив, но находится в глубоком обмороке. Этого было достаточно, чтобы успеть покинуть здание аэровокзала.

Он долго отмывал руки от чужой крови, периодически ополаски-вая лицо холодной водой.

А через десять минут он уже ехал в такси в Домодедово, откуда очень надеялся улететь, наконец, в Барнаул. За окном автомобиля белела ненавистным снегом Москва, заглядывая в окна, словно рассматривая человека, спрятавшего свое лицо в дрожащих ладонях. Ночь.

\* \* \*

1998 год. Лето. Барнаул

То, что его ищут, Максим почувствовал еще вечером. Легкая вибрация на отдельных участках тела, звон в ушах, световые вспышки, видимые даже при закрытых глазах, все это безошибочно указывало на то, что тело опять включилось в какой-то невидимый процесс. Значит, сегодня ночью нужно быть начеку, ничего нельзя употреблять кроме воды и всю ночь не спать, благо Карина с дочкой уехали к родителям на коттедж.

Около полуночи Максим достал из шкафа четыре тонких желтых свечи и, установив их в импровизированные подсвечники из хрустальных рюмок, зажег все сразу. Выключив во всей квартире свет, расположившись в комнате, лицом на север, он сел прямо на пол и расставил свечи вокруг себя. Это был защитный контур, созданный для отпугивания невидимых существ, которые запросто могли появиться здесь в это время суток, время, когда границы между мирами практически исчезают. Прямо перед собой Максим поставил не-большую чашу, в которую положил тлеющую сухую веточку можже-вельника, также отлично очищающую пространство от "негативных энергетических порождений".

В обычной своей жизни Ковров уже наверняка бы лег спать – Карина не любила ложиться одна. Но сейчас это было опасно, и Максим лишний раз подумал, что отсутствие жены сейчас как нельзя кстати – он чувствовал, что сегодня кто-то обязательно должен появиться здесь. А это значит, что нужно быть готовым к встрече гостя. Кем этот гость будет, Максим не знал, но догадывался. О приближении противника обычно сигнализируют интенсивные алые вспышки, а сейчас оба глаза искрились желто-зелеными сполохами, значит, это будет кто-то из своих. Кто? Айрук вполне мог проникнуть в квартиру через любое из окон, причем, сделав это так, что никто ничего не заметит, хоть всю ночь бегая проверяй, закрыты ли изнутри шпингалеты. Для него не существует закрытых помещений. Полина пред-почитает двери, и ей, кстати, ничего не стоило заявиться сюда посре-ди ночи, особенно зная, что семья уехала за город. Кадамай обычно приходит в гости прямо из Усадьбы. Его не смущают ни двери, ни окна, ни стены, ни этажи, ни время суток. Сновидец приходит в сновидении, преодолевая в своем серебристом теле пространство и все его материальные порождения. Араскан тоже непредсказуем. Он вообще мастер импровизаций, и ждать от него можно было всего что угодно. Кто же?

Максим сидел на полу неподвижно, напрягая иногда мышцы рук и ног, чтобы они не затекали. Затем, он начал медленно и глубоко дышать, заряжая себя энергией и нагнетая во внутреннем простран-стве ритм АКЦИР. Через какое-то время он приблизился к состоя-нию, которое в Искусстве Сновидения называется "перешагивание", – АРС плавно соскальзывал со своего постоянного места фик-сации и смещался в сновидение, причем внимание при этом сохра-нялось. Максим будто растворился в окружающей его тьме, подсве-ченной колеблющимися бликами. Он сам стал комнатой и всем, что ее заполняло. Он слышал малейший звук внутри этого простран-ства и вовне. Он видел со стороны себя, застывшего в позе Будды. Парил около догорающих изогнутых свечей, покачиваясь на дымча-тых волнах

можжевелового дурмана. Наблюдал за мерцанием пятен различных размеров и форм, изобилующих вокруг.

КЭРСО-КОСАН. "Лунный мотылек". Теперь, когда внимание в подобном состоянии удается без труда фиксировать на предметах окружающего мира, можно создавать УЛУ и лететь, куда пожелаешь. Лунная тропинка готова унести сновидца в любое место, которое он только может себе вообразить.

В комнате появился кто-то еще. Максим почувствовал это сразу, так как сам был комнатой, и любое движение энергии не могло остаться для него незамеченным. Маленькая звездочка возникла, мерцая, и, полетав по залу, стала стремительно увеличиваться в размерах, расти, пока не расширилась до переливающегося мягким желтым светом пузыря в человеческий рост. Он завис над диваном, колыхаясь и паря. Максим сразу понял, кто это. Нужно было возвращаться в свое физическое тело, потому что, будучи комнатой, трудно полноценно общаться с прибывшим гостем. Он сконцентрировался на самом себе, сидящем на полу, и этого оказалось достаточно, чтобы мгновенно обрести более привычные параметры восприятия. Максим открыл глаза, и пузырь – "хлоп" – тут же превратился в человека, одетого в просторную блестящую одежду, отливающую серебром. Это был УЛА Када-май. Он сидел на диване и рассматривал своего ученика, улыбаясь, как всегда, своей мягкой и милой улыбкой:

– Здравствуй, Адучи.

-Добрая ночь, Мастер.

– Я вижу, ты обретаешь былую форму?

– Да, сегодня на редкость удачная ночь. Иссит усмехнулся:

– Волшебная ночь, Адучи, волшебная.

-Я...

– Не торопись, расслабься, ты уже начинаешь терять контакт.

Адучи действительно почувствовал, что облик мерцающей комнаты побледнел. Нужно было изолировать свою эмоциональную сферу – для сновидца любое сильное чувство "выбивает" внимание из места нестабильной "новой" фиксации. Следовательно, для того чтобы воспринимать УЛА шамана, необходимо было абстрагироваться от всех мыслей, желаний и побуждений – ритм АКЦИР действует только посредством полного освобождения своей Силы.

"Энергетический кокон сновидца, после перемещения АРС в новую позицию, должен стать подобным лесному пруду, в зеркальной поверхности которого мир отражается без помех и изгибов. Любое сильное чувство сродни всплеску огромной рыбы – всплыла и ушла на дно, оставив за собой волнение и рябь. АРС находящееся в "теле сновидения" очень чувствительно, ему достаточно легкого толчка, чтобы оно поплыло дальше. Воспринимать же что-либо, когда АРС находится в движении, – невозможно, поэтому воспитывай свой разум, учишься управлять своими чувствами, только так ты научишься создавать тишину и покой, необходимые для АКЦИР. Только тогда ты сможешь увидеть в зеркале пруда мир, который претендует на глубину..."

Адучи знал, что даже если он потеряет настройку, Кадамай не позволит его вниманию съехать в иную область. В крайнем случае, Сновидец будет смещать свое собственное внимание синхронно с АРС ученика, что позволит ему находиться в этой комнате на любом уровне восприятия, доступном Адучи. Но подобная практика не делает ученику большой чести, это будет свидетельствовать о его неподготовленности, немоги и бессилии. Поэтому Адучи

почувство-вал облегчение, когда понял, что восприятие УЛА Кадамая дается ему относительно легко. Правда, какое-то постороннее чувство, воз-никшее внезапно, вносило определенный дискомфорт в его поле.

– Мастер.

– Что. Адучи?

– Ты не один?

– Ты что-то чувствуешь?

Адучи расфокусировал глаза и медленно повернул голову, осмат-ривая все пространство вокруг, пытаясь обнаружить в своем снови-дении чужака:

– Я чувствую постороннее присутствие.

Кадамай нахмурил брови и тоже осмотрелся, хотя ему не было в этом особой необходимости – находясь в "теле шамана", тайшин воспринимает окружающий мир в форме энергетических полей, то есть УЛА видит энергию непосредственно, это его привычный способ восприятия. И если Кадамай не видел никого постороннего сво-им "зрением шамана", значит, никого и не было в комнате, только вот это чувство, подобное щекотке или, скорее, покалыванию элект-рического тока по телу...

– Что ты ощущаешь?

Адучи уже хотел отказаться от своих подозрений, когда вдруг уло-вил какое-то слабое движение неподалеку от фигуры УЛА. Это было похоже на призрачную тень мотылька, только светящуюся тень, слов-но отсветы неона мелькнули и погасли в темноте. Адучи чуть глубже сместил уровень своего восприятия и – "хлоп", рядом с Кадамаем си-дел второй сновидец в точно таком же одеянии – серебристая хлами-да, обдуваемая невидимым ветром. Когда чужак понял, что Адучи его видит, он помахал ему рукой и улыбнулся. Это был Айрук, Мастер Тай-Шин, и, очевидно, он находился здесь с самого начала, просто его АРС и АРС Кадамая находились в различных позициях Сновидения. Стоило Адучи сместить свое внимание чуть глубже – и вот, пожалуй-ста, на его диване сидят два призрачных шамана, явно довольных тем, что ученику удалось выполнить этот сложный маневр. И если бы ему не удалось обнаружить Айрука, тот, скорее всего, так и сидел бы здесь, невидимый для Коврова, досадуя на то, что молодой тайшин не смог повстречаться с ним на изнанке мира, в магической ночи сновидения, находящейся по Ту Сторону привычного человеческого восприятия.

– Добрая ночь, Иссит Айрук. Рад видеть вас вместе.

Тайшин сделал что-то вроде благодарственного поклона и. пере-глянувшись с Кадамаем, рассмеялся.

Адучи, слыша этот смех, вдруг почувствовал, что опять выходит из своего удивительного состояния. Облик обоих сновидцев потерял контрастность, серебристый цвет их одежд потускнел. Сделав над собой невероятное усилие, Адучи опустошил свой разум, задышал животом. Это помогло ему расслабиться и вновь погрузиться в ритм АКЦИР, возвращаясь на прежний уровень восприятия. Сновидцы неподвижно сидели на диване, внимательно наблюдая за Ковро-вым. Увидев, что он снова воспринимает их обоих, они опять заулы-бались, откинувшись на спинку дивана.

– Не трать свою Силу на вздорные чувства, Адучи. Ее у тебя не так уж и много. Поэтому говорить будем только мы, ты слушай и запо-минай, но делай это отстраненно, избегая эмоций. Мы успеем рас-сказать тебе ровно столько, сколько сейчас тишины в твоём разуме. А ее там – крохи, но их оказалось достаточно для этой нашей встречи. То, что ты воспринимаешь нас сейчас, свидетельствует об одном – ты нашел достаточно энергии, чтобы сдвинуть свое внимание в область Сновидения. Тебя, конечно же, интересует, как тебе это удалось? Если бы ты был более внимательным, то понял бы, откуда к тебе при-шла эта Сила. Но я вижу, тебе

нужны объяснения. Твой отец умер – вот в чем причина. Ты его первый сын – тебе принадлежит некая важная часть его энергетики. Он отдал ее тебе при рождении, и она притянула к себе часть его Силы, выделившейся при его смерти. Но ее было немного, очень немного. Твой отец умирал пустым, как и большинство людей приходящих к смерти. Однако ее хватило, чтобы ты сегодня сдвинул свое внимание, а это уже большой подарок. Твой отец, умирая, сделал тебе единственный подарок, который только мог, и ты воспользовался им как надо. Но он оставил тебе еще и довольно-таки мрачное наследие. Ты знаешь, о чем я говорю, – кош-мар, который преследует тебя и всю вашу семью уже несколько де-сятков лет. И это наследие тоже сродни энергетическому всплеску – оно относится к миру теней и им невозможно пренебречь, потому что оно не позволит тебе сделать это. Я говорю о ZURDNA...

Кадамай замолчал, и Адучи почувствовал, как невидимая вибра-ция прошла по его телу волной и, сорвавшись с пальцев рук, ушла в пространство:

– Зурда?

– Да, Зурда. Дух, преследующий ваш род.

Кадамай опять замолчал, и теперь заговорил Айрук:

– Ты должен быть готов. Теперь он разорвет границы снов и явится к тебе в ином обличье. Ты уже встречался с его проявлением в Моск-ве, несколько месяцев назад, в ту самую ночь, когда умер твой отец. Дальше будет еще хуже, ибо теперь Зурда, сориентирован только на тебя. Ты стал слишком слаб, и скоро он явится за тобой. И если ты снова не вернешь себе Силу Тай-Шин, он непременно победит тебя. А мы не сможем уже защищать тебя, как прежде, потому что многое изменилось в мире. Что-то происходит с людьми, с пространством, со временем... Обычно, именно в эти моменты, в человеческом обще-стве усиливается "Черная Охота", и охотником может стать кто угод-но. В твоём случае, это твой личный демон, который является и ва-шим родовым демоном. Мы можем лишь указать тебе направление, в котором ты сможешь отыскать знания и силы, необходимые для того, чтобы противостоять ему. А для этого ты должен предельно ясно понимать природу своих взаимоотношений с этой сущностью. Правда, есть еще один вариант...

– Какой?

– Мы можем забрать тебя с собой, туда, куда мы скоро вынуждены будем уйти.

– Куда?

– На другую грань Мира, в Храм Сумерек. Там дух не сможет причинить тебе вреда.

-Но как же...

– Молчи! Ты теряешь контакт. Расслабься...

-Уа1-Ба...

Звуки произносимых слов заставили энергию заструиться по телу, "вымывая" прочь эмоции.

– Ты должен будешь оставить семью. У тебя – дочь. Зурда не при-чинит ей вреда. Это сущность мужской линии. Но вот твой брат на-верняка пострадает. Он в большей степени, чем ты, похож на вашего отца, и он практически один в один может повторить его путь. Зурда уже имеет на него колоссальное влияние. И хотя Тим не замечает этого, все признаки Одержания очевидны для нас, тайшинов. Если твой брат не одумается, дух уничтожит его. Ты еще можешь изме-нить положение, уйдя с нами.

– Я должен уйти?

– Да, навсегда.

– Я... не знаю, мне трудно сейчас...



– Мы пришли за тобой.

– Мне нужно время...

– У тебя его нет.

-Но...

– Зурда рядом.

-Где?

-Он рядом...

-Где?

– Он в тебе. Адучи... Ты должен снова практиковать Тай-Шин в полном объеме, восстанавливая свои силы, чтобы выдержать его давление на тебя.

– ...Что я должен делать?...

Адучи качнулся, образ комнаты потек, поплыл, покрываясь мелкой волнистой рябью – это АРС возвращался назад, на место своей привычной фиксации.

– ...Ты должен обнаружить истоки своего посвящения и узнать все о своем дедушке и о причинах преследования ЗУРДЫ. Это знание необходимо тебе...

– Где? Где и что мне искать? – Адучи уже погружался во тьму, разделяющую два разных уровня восприятия. Последние слова одного из Исситов долетели до него уже эхом слов, произнесенным эфемерным призраком, обитателем иного мира:

-...ЩИТ...

Все остальное растворилось в хаотичных сновидениях, заполнивших возбужденное сознание, переполненное эмоциями.

Максим проснулся и сразу же осмотрелся. Это был не сон – он сидел на полу, а вокруг него стояли в хрустальных рюмках скрюченные огарки свечей, и еле заметно дымился можжевеловый в чаше. В окно било беспощадными лучами яркое летнее солнце. Диван был пуст. Что ж, так и должно быть. Для обычного восприятия он был пуст и прошедшей ночью. Максим улыбнулся, вспоминая это позабытое уже ощущение Сновидения. Странно. Появился соблазн опять сместить свое внимание в ту же область, но Максим чувствовал, что на этот раз ничего не получится – яркое солнце уже захватило в свои световые объятия пробужденное внимание. К тому же организм был явно обессточен – во всем теле ощущалась слабость, в глазах расходились во все стороны радужные круги – признаки сильной энергопотери. Он вышел из Сновидения некорректно. Обычно тайшины на-оборот приносят оттуда заряд свежей энергии, разумеется, при соблюдении всех нюансов выполнения этого таинственного ритуала. Да и не было, в принципе, особой необходимости во вхождении в "тело Шамана" – сновидцы уже наверняка давно покинули его жилище, оставив ему чрезвычайно важную информацию, которую и нужно было сейчас осмыслить.

"ЩИТ". Что значит это слово? Название? Аббревиатура? Что-то связанное с дедушкой и Москвой. Что-то связанное с его родом.

Максим встал, разминая затекшие ноги, и пошел в душ. После водных процедур необходимо было поесть: пища тоже являлась своеобразным аналогом энергетической подпитки, а Коврову сейчас необходимо было восстановиться как можно быстрее.

"Зурда рядом".

2. (Главы-ретроспекции, 1999 г .)

Максим откинулся на спинку сиденья и задернул шторкой круглое окошко иллюминатора, за которым бесконечные белые поля облаков уютно клубились на

бирюзовом фоне яркого небосвода.

Нужно сосредоточиться. Максим закрыл глаза и начал медленно и глубоко дышать, наполняя живот и грудь в определенной последовательности. Эта техника помогает высвободить энергию, необходимую для того, чтобы АРС заскользило по энергетическим волокнам, в которых скрыты воспоминания...

– Бабушка, а почему ты думаешь, что это как-то связано с дедушкой?

– Не знаю, чувствую. Уж слишком не по-птичьему он себя ведет, этот сокол. Прилетит, сядет на ветку, вон ту, как раз напротив балкона, и смотрит, смотрит часами. Даже жутко становится. Будто высматривает кого-то. Вот я и подумала, может, это дедушка отгула прилетает?

– И что, часто прилетает?

– Часто. Прилетит и сидит на ветке будто истукан, не шевелится. Красивая такая птица, величественная...

Тотемические животные и птицы, наделенные сверхъестественной силой. Самые верные помощники тайшинов. СОКОЛ. Особенная птица, прилетающая с завидным постоянством на одну и ту же ветку и смотрящая часами на одни и те же окна. Теперь многое становится понятным... и еще больше запутанным на самом деле. Сокол-Куран. Птица из Ниоткуда.

Зал Воспоминаний. Адучи стоит рядом с Арасканом напротив небольшого возвышения, напоминающего алтарь, вписанный в круг с квадратом внутри, на котором выгравированы магические знаки и рисунки: защитные символы и руны, изображения птиц и зверей, а также более древних мистических существ – грифонов. На возвышении расположены четыре сосуда, в одном из которых пестреет букет сухоцвета. Он источает пленительный аромат травы и цветов, сплетенных в единую, замысловатую композицию. Тишина. Араскан осторожно трогает ученика за руку и кивает на возвышение, словно приглашая стать свидетелем чего-то удивительного, возможного только здесь, в Зале Воспоминаний.

– Квадрат и круг открывают дорогу в бесконечность. Адучи слушает Иссита, застав дыхание.

– Для того чтобы овладеть внутренними силами, необходимыми для выхода за рамки этого мира, нужно научиться связывать воедино оба своих тела: "тело Зверя" и "тело Шамана". Между ними находится третье тело – "АШИ", наша истинная сущность, зажатая двумя противоборствующими половинками. Осознав себя в АШИ, шаман обретает свою внутреннюю Силу и становится целостным. Его физическое тело "ловит" УЛА и он превращается в шамана, поймавшего собственную "тень". Но для этого необходимо научиться осознанно и целенаправленно переводить центр внимания АРС из тела ДЭРГ в тело МАРГ. Это и есть синхронизация вибраций двух энергетических тел, до этого слабо взаимодействующих друг с другом. Практикуя ИТУ-ТАЙ, тайшин начинает пользоваться энергией "тела зверя" в мире сновидений, а энергией "тела шамана" – в повседневной жизни. Это приводит к постепенной синхронизации их проявлений в один энергетический конгломерат, целостный и гармоничный. Это и есть суть ИТУ-ТАЙ. Но для достижения Равновесия недостаточно только упражнять АРС по перемещению в обе области, необходимо осуществить важнейший для каждого тайшина маневр – освободиться от чужого влияния, от Одержания, навязанного хищными духами, и давления, осуществляемого Ситанами. Только в этом случае тайшин может получить возможность выходить за грань человеческой обусловленности. А достичь этого освобождения можно, лишь используя тайную технику, практикуемую тайшинами на протяжении столетий и известную в различных мистических традициях в том или ином виде и под тем или иным названием. Мы называем ее АКЦИР – "Голос Молчания". Он открывает доступ к "ДЖАЛ" –

Силе Дракона, Темному Ветру, АШИ. Как ты уже зна-ешь, мы различаем две Силы, два Ветра – Белый Ветер и Темный Ветер. Это Ветры-Волки. Они связаны между собой, они постоянно играют друг с другом. Когда два Ветра объединяются в один, то из Волков рождается Дракон. Тебя интересует, почему мы называем Силу Ветром? Это название пришло к нам из глубокой древности. "ДЖАЛ" является аналогом сакральной силы, которую различали шаманы: "Jal", "Jalbi" – "Ветерок", "Ветер". Производным от этого определения было слово "Jalvi" – "Волшебство", "Колдовство". Древний термин "Tangri" обозначает "Небо", "Бог", но также и "Ветер". Издавна считалось, что духи-помощники проникают к шаману в виде легкого дуновения или ветерка. Легенда про Ашина, родивше-гося от волчицы, повествует, что шаманом он стал через дуновение ветерка. Даже душу умершего шамана называли "jal сылыкын" – "лег-кий ветерок". Мы же называем Ветром Силу "Джал", порожденную АКСИР, который является ключевым понятием всего Учения. Без АКСИР мы ничего не сможем сделать, чтобы хоть как-то сдвинуть чаши весов. АКСИР – это магия, реальная магия, обладающая невероятной силой. Он позволяет нам собрать большое количество мер-цающей Силы и пробить барьеры, отделяющие друг от друга два раз-ных мира – ИТУ и ТАЙ, два разных тела – "тело Зверя" и "тело Шамана", два полушария – левое и правое. "Голос Молчания" вы-зывает резонанс в безграничном Поле КСИНА, волну, Ветер с Той Стороны, который наполняет парус твоей лодки и уносит АРС тайшина к берегам иных миров, находящихся далеко за гранью обычно-го восприятия. Это и есть настоящая магия, это и есть истинная сво-бода...

Они стоят на отвесном холме, поросшем высокой травой. Арас-кан, Айрук и Адучи. Над ними, высоко в небе кружится орел, насла-ивая один на другой круги траектории своего неторопливого полета. Чадоев разводит в стороны руки, словно намереваясь обхватить, обнять руками череду холмов внизу, уходящую за горизонт больши-ми зелеными волнами.

– Темный Ветер придет за нами оттуда, из-за этих прекрасных зе-леных холмов. Он обрушится на каждого из нас внезапно, не выби-рая времени, растворив в нас все жесткое, фиксированное. И в этой бешеной грозе мы будем двигаться, не стесненные ничем: ни челове-ческим телом, ни чужой волей и вниманием, ни собственными пере-живаниями, чаяниями и страхами. Последнее, что мы сможем сде-лать в привычном для нас мире, – танцевать и смеяться, потому что ничто уже не сможет тормозить нас, и ничто уже не будет иметь значения. Целиком, без остатка, мы отдадимся смерти и колдовству, высвобождая свою энергию, переживая экстаз прощания и едине-ния, ужасаясь и благоговая перед надвигающейся Свободой и захле-стывающей нас Силой. Мы будем вспоминать все, что с нами было в этой жизни, и желать миру и тем, кто остался, доброй ночи и светло-го дня. Затем Ветер накроет нас своим мерцающим пологом, и поне-сет на темных крыльях вперед и вверх, через Тьму навстречу Свету, в неизвестное...

Максим открывает глаза. Улыбчивая стюардесса предлагает ему напитки. Ровный гул турбин и ощущение полета снова погружают разум в насыщенную воспоминаниями и образами дрему.

Дедушка как-то показывал ему стремительную тень высоко в небе. Оказывается, он показывал тогда маленькому Максиму своего Курана – Сокола. А потом он принес в дом маленького черного щенка – овчарку по имени Тор. Оказывается, это тоже был Коур-анг, маги-ческое существо Кэрсо. Он не отходил от Максима ни на шаг, защи-щая будущего тайшина от многих опасностей, смысл которых Ков-ров осознал только сейчас, когда стал изучать ИТУ-ТАЙ. Собака постоянно спала у кровати мальчика. Максим смутно помнил это-го черного гиганта, то ощущение уверенности и защищенности, ко-торое он испытывал, находясь под опекой этого пса. Теперь многое становится ясным. Дедушка привел Тора, чтобы тот защищал внука от ЗУРДЫ, темного родового духа, пришедшего в этот мир из глуби-ны веков. И ясной

становится смерть Пса. Однажды что-то случи-лось в воздухе, какое-то неуловимое движение, видимое не для всех. И Тор стремительно выскользнул из дома и побежал куда-то, хотя всегда спал в это время либо рядом с кроватью Максима, либо с кроватью новорожденного Тима, либо на диване, рядом с дедуш-кой, положив ему голову на колени. В этот вечер собака повела себя странно. Тор выбежал на улицу, и через полчаса в квартиру Ковро-вых принесли страшную весть – какая-то машина сбила большую черную овчарку, которая стояла посреди дороги и словно ждала кого-то. Так погиб Тор. Через несколько месяцев умер дедушка. Теперь Максим понимал, что тайшин подвергся сильнейшей атаке, может быть, даже этого пресловутого ЗУРДЫ. Основной удар принял на себя Куран Кэрсо – черный Тор, потому что только он мог реально вмешаться в ситуацию ночью, во время, когда все живое засыпает или запирается в своих жилищах. Потом, спустя много лет после смерти дедушки, Максим сам выбрал себе темного щенка овчарки – Арчи, который тоже оказался не обычным псом, а Коур-ангом, Сно-видцем. Ночным Хранителем. Темная овчарка будто досталась ему в наследство от деда. Жаль, конечно, что все это Максим узнал уже слишком поздно, когда погибли и дед, и Тор, и Арчи. Вероятно, Арчи тоже спас его тогда, приняв на себя удар незримого "черного охотни-ка". Просто умер верный пес, и очень сильно прихватило вдруг сер-дце у самого Коврова. А значительно позже, во время одного из гор-ных походов, к нему пришел и четвертый Коур-анг. "Летающий волк", небесный скиталец... Орел тоже был одним из Куранов дедушки. Наследие... Теперь все становилось на свои места. Теперь многое становилось понятным и еще многое предстояло прояснить.

Максим вздрогнул и открыл глаза. Самолет тряхнуло, и мимо ил-люминаторов уже бежала смазанная картинка посадочного поля. Москва.

Москва встретила его уже знакомой суетой, характерной, навер-ное, только для столичных городов. Сразу из аэропорта Максим по-ехал в Измайлово, где и остановился в одном из многоэтажных кор-пусов гостиничного комплекса. Ему нравилась эта гостиница. Здесь они останавливались с Кариной, когда прилетели в Москву вдвоем, через пару месяцев после первого знакомства. Вообще, столица по-чему-то ассоциировалась у Коврова исключительно с Кариной. Может быть, потому, что им было хорошо здесь вдвоем. Потому что раньше они летали сюда только вместе, делая днем необходимые дела, а вечером гуляя, по залитым огнями, улицам города. Это было на самом деле чудесное время. Теперь Максим вспоминал его с острой ностальгией. Один в этом городе, он чувствовал себя неуютно. Было что-то невидимое вокруг, что подавляло его, заставляло нервничать и постоянно чувствовать себя в напряжении. Какое-то излучение, исходившее, казалось, от всего: от земли, домов, людей и машин. Москва не нравилась Коврову, хотя Карина очень любила ее, и, ви-димо, это настроение передавалось ему во время их совместных по-ездок, отчасти сглаживая это негативное давление столичного мега-полиса.

Как-то Айрук говорил ему, что практически все города люди стро-или и строят на местах излучения Силы, на Арколах. И интенсив-ность Аркола, как и его потенциал, определяют статус города. По словам Наставника как раз под Москвой находится древний под-земный вулкан, жерло которого находится прямо под Красной пло-щадью и Кремлем. А если учесть какие свойства всегда приписыва-ли вулканам – прямым вратам в преисподнюю, то можно было пред-положить, какого рода излучения пропитывали этот город на протя-жении веков.

Год назад, когда Ковров искалечил психопата в туалете аэровок-зала и когда снегопад задержал его в Москве, он думал, что больше никогда не вернется сюда. И вот теперь он снова здесь, для того что-бы найти что-то очень важное. Но что? Что искать? С чего начать? Прошлое деда. В этом прошлом кроется секрет посвящения Макси-ма в Тай-Шин. Прошлое... Что известно ему о дедушке? Разве толь-ко то, что дедушка когда-то был "большим начальником"

здесь, в Москве. ВЧК – ОГПУ – НКВД, затем советник МГБ СССР в одной из стран социалистического лагеря, затем начальник одного из Уп-равлений ГУМ – Главного Управления милиции СССР, затем... Алтай. Где же кроется искомое звено?

Для охоты на скрытые знания необходимо обратиться к скрытым возможностям. Найти нить, связывающую его с прошлым Петра Алексеевича Коврова, возможно было, опираясь только на магию. Это, вероятно, и имели в виду Исциты, загадывая ему эту загадку год назад. Целый год он восстанавливал силы и искал ответ на нее в Барнауле, но, как выяснилось, он оказался скрыт гораздо глубже, в более отдаленном прошлом. А туда доступ был возможен только с помощью Аксир. Только "Лунная тропинка" была способна увести тайшина в область, где в безграничном вибрационном поле ему от-крывалось его личное прошлое и прошлое его предков.

Максим решил начать первый день своего пребывания в столице с расслабления, настройки на этот город, синхронизации своего поля с энергией Москвы, веками наслаивающейся здесь и дышащей, как говорят романтики, историей. Именно это дыхание и нужно было уловить, настроиться на него и вычленив из общего шума необходимых звуки, особые токи, которые скрывают в себе необходимую информацию.

Весь день Ковров просто бродил по улицам, стараясь посещать те места, где они чаще всего бывали с Кариной: Тверскую, Охотный Ряд, Старый и Новый Арбат... Все здесь было пропитано особой аурой воспоминаний, приятных воспоминаний. На Новом Арбате Максим зашел под вечер в один из ночных клубов, где в бешеной пляске огней и мигании стробоскопов сел за столик в углу зала и заказал себе чашечку кофе. Через несколько минут к нему под села какая-то девушка, лица которой он не мог никак разглядеть в этой мешанине тьмы, света и звука. Она села слева от него, так что он мог смотреть на нее только краешком глаза. Музыка оглушительно резонировала от стен и путала мысли. Максим понял, почему молодежь так любит посещать подобные заведения. Неконтролируемая энергия Хаоса высвобождалась в кипевшее, подобно густому вареву, пространство. Ковров чувствовал, что, отпусти он сейчас свое внимание, и тотчас восприятие резко сменит свой уровень. Свето-звуковой арсенал клуба вполне мог способствовать подобному "мерцанию сознания". Максим понял, что теряет здесь свою Силу, тратя ее на то, чтобы удержать свой динамичный АРС в одном месте. Он уже встал, чтобы уйти, когда девушка слева подвинулась к нему поближе и прошеп-тала на ухо:

– Не уходите, пожалуйста. Оставайтесь.

Максим удивленно повернулся к ней, но в чередовании стробос-копических вспышек увидел лишь мелькающие фрагменты ее кра-сивого лица:

– Зачем?

– Я позже объясню...

– Хорошо, я останусь.

– Можно узнать ваше имя?

– Максим.

– Очень приятно. А меня зовут Майя.

– Ух, ты! В буддийской мифологии так звали богиню иллюзий.

– Максим, тебя не слишком напрягла моя просьба?

– Совсем нет. Просто...

– Ты чувствуешь себя здесь неуютно?

– Да, пожалуй.

– Может, уедем отсюда?

– Куда?

– Я знаю одно место. Там тебе понравится.

Максим задумался на мгновение и, прищурив глаза, внимательно присмотрелся к своей собеседнице. Но, кроме отдельных фрагментов лица, высвечиваемых стробоскопом, он ничего не смог разглядеть. Девушка была определенно красива. Но... было в ее внешности что-то такое, что заставило Коврова одновременно насторожиться, и в то же время почувствовать странное, не связанное с сексуальным, возбуждение.

– Ты боишься?

– Нет. Это что-то другое.

– Что?

– Не знаю. Пока не могу сообразить. Очень сложное чувство. Девушка улыбнулась, и кивнула ему в сторону выхода.

– Я буду ждать тебя на улице.

Она повернулась и пошла, а Максим задумчиво смотрел ей вслед. Он вдруг подумал, что где-то он уже встречался с этой девушкой. Вот только где? Он и остался только поэтому – это странное ощущение...

На улице никого не было. Ковров постоял несколько минут у входа, рассеянно оглядываясь по сторонам, а затем медленно пошел вдоль улицы. Когда он уже почти дошел до поворота на Старый Арбат, дорогу ему преградил автомобиль – черный джип с тонированными стеклами. Задняя дверца открылась, и оттуда, из темноты салона, Коврова окликнули по имени:

– Максим, садись.

Это была Майя. Максим нерешительно осмотрел угрюмый "Grand Cherokee" и залез в машину. Кроме Майи, там находился водитель, который даже не обернулся на нового пассажира. Джип резко стартовал с места и стремительно понесся по ночным дорогам Москвы, залитым рассеянным светом уличных фонарей и рекламы. Девушка сидела рядом, но Максим видел только ее силуэт, освещаемый мелькающими мимо огнями.

– Куда мы едем?

– Ты скоро узнаешь.

– Майя, а мы не могли встречаться с тобой раньше?

– Почему ты думаешь, что мы встречались?

– Я чувствую это.

– Значит, мы уже встречались.

– Где? Я не могу вспомнить...

Девушка извлекла из сумочки пачку сигарет и, достав одну, закурила. Сигарета как-то странно тлеет в ее руке – без дыма. Майя наклоняется к Максиму, повернувшись к водителю спиной, словно намереваясь поцеловать, но вместо поцелуя серебристый дымок срывается с ее губ. Максим непроизвольно вдохнул в себя этот запах и в ужасе отпрянул назад, вжимаясь в спинку кресла и изумленно разглядывая свою таинственную попутчицу. А она уже делает вторую затяжку в рот, стараясь не вдыхать дым самой. Максим закашлял и, повернувшись к чуть приоткрытому окну, глубоко задышал, пытаясь очистить дыхание и обуздать свой ужас. Не может быть! Корчун!? Здесь, в Москве?! А обжигающий холодком дым уже потек вовнутрь, обволакивая разум, погружая его во тьму. Девушка прижалась к нему так близко, что он не мог пошевелить рукой, чтобы хоть как-то защитить себя. Майя сделала еще одну небольшую затяжку, выдох и потушила сигарету. Она была так близко, что Максим ощущал стук ее сердца. Слово сквозь туман он чувствовал, как она запускает пальцы ему в волосы и что-то тихо шепчет на ухо, однако этот шепот оглушающим грохотом бьет по обостренным нервам так, что ничего невозможно разобрать.

"И когда ты будешь думать, что находишься в безопасности, именно тогда противник нанесет тебе свой смертельный удар. Помни о покровах, скрывающих суть и обманывающих"

зрение. Будь бдите-лен...".

Максим почувствовал, что погружается в знакомое темное море небытия. Это Корчун уводит его за собой, по одному лишь ему известным тропам, в призрачные дали. Лицо девушки перед глазами. Сейчас оно тает, словно струи дождя смывают грим со знакомого лица. Эти глаза... Майя. Богиня иллюзий. Ну, конечно же! Максим улыбнулся, растягивая губы, ставшие уже каменными и нечувствительными. Иллюзия. Очередная иллюзия, сотканная с помощью магии. Эта девушка способна и не на такие трюки. И имя свое она перевернула, перепутав буквы. Что-то шепчет ему?

– Адучи... милый Адучи...

– Здравствуй, Айма, – хотел ответить Максим, но только лишь захрипел что-то несвязное.

А через мгновение их окутала Тьма.

Пробуждение. Стремительное, словно подъем из водной глубины на поверхность, наполненную живительным воздухом. Толчок. Максим открывает глаза, автоматически прислушиваясь к себе. В каждом сантиметре тела, в каждой его клеточке растеклась ватная слабость, размягчающая, кажется, даже кости. Это последствия Корчуна. Он забирает с собой всю энергию, имеющуюся в наличии. В этом его слабая сторона – он много дает, но и много требует взамен. Обща-ясь с Корчуном, нужно быть готовым ко всему – такова коварная природа "темных трав". Они забирают Силу и дают Знания. Тогда как "белые травы", например тот же Америкут, наоборот, наделяет сверхъестественной силой, но совершенно бесполезен для получения ответов на сокровенные вопросы и дальних полетов.

Максим пошевелил руками, ногами и, приподнявшись, сел, осматриваясь. Он находился в совершенно пустой комнате без мебели и даже окон. В помещении отсутствует свет, но Максим видит все отчетливо – это остаточные явления после пребывания в Запределье. Последнее воспоминание: Айма обкуривает его Корчуном. А дальше – тьма...

Айма. Последний раз они виделись три года назад. Как она нашла его здесь, в Москве? И зачем это представление? Дащдыгай. Человек с Тысячей Лиц. Максим встал и, отыскав интуитивно выход, открыл двери, оказавшись в обычной квартире. Прихожая, зеркало, шкаф... Где-то неподалеку раздавались приглушенные голоса. Его появление почувствовали.

– Адучи! Ты пришел в себя? Иди к нам...

Максим улыбнулся и пошел туда, откуда его позвал знакомый голос, – на кухню. За небольшим столом, накрытым красивой разноцветной скатертью и сервированным чайным сервизом, сидели двое. Девушка из клуба и ее водитель. При виде Коврова они дружно заулыбались, разглядывая его словно после долгой разлуки.

– Ну, вот он, горе-шаман. Прощу к столу, чаевничать будем. Они расхохотались, затем мужчина встал и, подойдя к Коврову, обнял его, стиснув своими сильными руками.

– Тише ты... раздавишь, – просипел Максим и, хлопнув по плечу Унгена, пояснил с улыбкой: – После похищения ослаб очень.

На этот раз смеялись уже все втроем. Айма тоже встала из-за стола и прерывающимся голосом пробормотала, сделав комичное извиняющееся лицо:

– Прости меня, Максимка... прости, милый, – и тоже обняла его, но эти объятия были мягкими и нежными.

Унген, не переставая ухмыляться, прищурившись, скользил взглядом по телу Коврова:

– Что-то ты похудел. Да и силы поубавилось. Что, не катит семейная жизнь? Ладно-ладно, садись за стол и поешь хорошенько. А все остальное потом. Нам еще о многом поговорить нужно будет...

– Ты приехал сюда охотиться за прошлым? – Унген наклонился и, подняв с земли тонкий прутик, покрутил его в руке.

Они прогуливались вдвоем по подмосковному лесу, куда их привезла на том самом черном джипе Айма. "Cherokee" с тонированными стеклами и своей загадочной хозяйкой тут же уехал, как только два молодых человека вышли из его салона. Максим думал, что Айма прогуляется с ними, но у нее, видимо, были какие-то свои планы, поэтому стоило им шагнуть на пожухлую выцветшую придорожную траву, как джип тут же газанул и полетел дальше по узкой дорожке, исчезая за деревьями.

– У нее дела? – Максим проводил глазами автомобиль, одновременно рассматривая местность.

– Да, она приедет за нами попозже. Нам нужно поговорить с го-бой наедине. Этот уютный лесок как нельзя лучше способствует по-добным разговорам.

Лес вокруг был действительно уютным, здесь определенно было чистое Дыхание Земли, и все прямо-таки сочилось энергией. Созда-валось впечатление, что здесь ежедневно приводит все в порядок бригада дежурных леших.

Унген пристально рассматривал Коврова, словно пытаясь загля-нуть в его душу. Максим непроизвольно "закрылся", но понял, что с Унгеном подобный прием не сработает, и, улыбнувшись, кивнул ему вопросительно:

– Пытаешься понять, насколько сильно я изменился?

– Это видно невооруженным взглядом. Ты весь искришься комп-лексами по этому поводу.

– По какому поводу?

– Ты считаешь, что безнадежно отстал от нас, что никогда уже не сможешь быть с нами наравне.

– Но это правда.

– Вовсе нет. Ты опасаясь испытать к себе снисходительное, сдер-жанное и исполненное жалости отношение с нашей стороны. Так вот, знай – это все полный бред. Это категории человеческих отноше-ний. Это люди всегда ненавидят тех, кто становится сильнее их, и беспощадно добивают тех, кто вдруг стал слабее. Мы – тайшины. Мы не жалеем тебя, но не потому, что равнодушны к твоей судьбе, а по-тому, что не знаем собственной. Просто одно время мы шли вместе, а затем наши пути разошлись. Но это не повод для того, чтобы смот-реть на тебя сверху вниз. Никто из нас никогда не сделает этого. Силу невозможно оценивать или измерять. Поэтому никто не мо-жет оценить твоего истинного потенциала. Ты тайшин, ты один из нас, и каков бы ни был твой дальнейший путь, ты все равно будешь тайшином.

– Спасибо, – пробормотал Максим.

– За что спасибо? – прищурился Унген, – я лишь высказал тебе свое мнение по поводу твоих комплексов.

– Унген, я...

– Не пытайся оправдываться в чем-то. Это лишнее. Главное, что мы встретились.

– А как вы нашли меня?

– Ритм АКЦИР. Его волны идут на большие расстояния вокруг. Мы услышали их и поняли, что ты где-то рядом. А затем Айма нашла тебя.

– А что вы делаете здесь?

– То же, что и ты. Мы обрываем свои нити.

– В каком смысле?



– Все тайшины делают это, прежде чем уйти.  
– Куда уйти?  
– Исситы, что, не объясняли тебе?  
– Нет. Айрук с Кадамаем как-то обмолвились о том, что они уходят куда-то, но я ничего не понял.

– Зачем же ты тогда приехал сюда?  
– Не знаю. Они сказали, что мне нужно узнать все про дедушку и про родового духа, который преследует нас.

– Ты не догадываешься, зачем тебе это необходимо?  
– Чтобы узнать о причинах этих преследований.  
– Отчасти да, но в большей степени – чтобы эти преследования прекратить.  
– А куда уходят тайшины?

Унген задумчиво потер прутиком подбородок, словно размышляя с чего начать.

– В истории Общества Серого Будды это случалось несколько раз. Два Круга сходились, чтобы стать одним целым. То есть тайшины, которые живут среди людей, должны были уйти в иную область бы-тия, в другой мир.

– Какие два Круга? "Внешний" и "Внутренний"? Унген усмехнулся.

– Иногда эти названия перестают иметь значения. Круг становится Единым во всех точках пространства. Также как ты, объединя-ешься, когда наступает время, со своим "телом шамана", тайшины Красного Круга объединяются со своими невидимыми братьями, предками и духами Тай-Шин. Два Волка объединяются, чтобы пре-вратится в Дракона, Ветер, который разметает всю нечисть уничто-жающую планету. Вот и сейчас, для нашего Клана настало такое время. В определенные моменты планетарного цикла, которые обыч-но совпадают с социальными потрясениями и геологическими ката-строфами, происходит Схождение. Земля становится в определен-ное положение, в котором она, в свою очередь, сливается со своей невидимой "тенью" – "Темной Землей" – планетой-двойником. В это время открываются двери всех Трех Миров. И в это же время сходятся воедино оба Круга Тай-Шин – все "воины-волки" встречаются в это время на перекрестке времен, в одном месте, чтобы объе-динить свои силы для грядущей Битвы. Что ты знаешь о "Треуголь-нике"? – спросил он неожиданно. Максим удивленно посмотрел на спутника и пожал плечами:

– О каком "Треугольнике"?

Унген покачал головой, словно ожидая именно такого ответа:

– Ничего. Вот именно за этим знанием ты и приехал сюда. И то, что здесь ты встретил меня, позволит тебе в значительной мере облег-чить твои изыскания. И хотя Полина и против подобных вмеша-тельств, я расскажу тебе свою версию происходящего. Хотя, на са-мом деле, все могло быть и не совсем так. Слушай...

– В последние сто лет в мире особой силой отличались лишь Три Больших Колодца. Они располагаются на территории России, Аме-рики и Германии, ты уже знаешь об этом. Эти Колодцы имеют раз-личные потенциалы, что, конечно же, неминуемо должно было со-здать какие-то векторы взаимодействия между ними и государства-ми, на территории которых эти Колодцы находятся. Тайшины знали о возможных последствиях существования трех мощнейших энерге-тических Систем, об их обязательной взаимосвязи во время очеред-ного Схождения и приняли соответствующие меры. Они решили объединить потенциалы ИТУ и ТАЙ двух стран,

приведя их к гармоничному взаимодействию, к созданию равновесного конгломерата, не имеющего аналогов в энергетической карте мира. Это могло бы уравновесить Землю с ее "темной половиной" и избежать многих неприятностей для человеческой цивилизации. Но для этого необходимо было объединить эти страны, сначала одной эзотерической доктриной, а затем общими политическими и экономическими механизмами. Это был не столько смелый и перспективный шаг, сколько попытка повлиять на неизбежное столкновение интересов стран – "владельцев" Колодцев. Нужно было просто направить это движение в позитивное русло. С Системой ТАЙ все было понятно – это была Россия, оставалось выбрать страну, владеющую Системой ИТУ. В начале столетия несколько групп, состоящих из адептов ИТУ-ТАЙ, принялись изучать Россию, Америку и Германию, анализируя ситуацию и выбирая наиболее перспективную пару. В результате этих исследований патриархами Общества во главе с Вершителем были выбраны две страны: Россия и Германия. Теперь предстояла сложнейшая задача – взять под контроль правителей этих двух стран и, используя свое тайное влияние, привести оба государства к единому гармоничному союзу, которому не было бы равных. Задача была действительно невероятно трудной, потому что Равновесие двух Систем – состояние чрезвычайно труднодостижимое, возможное только после серии специальных мероприятий. Обычно оба потенциала стремятся уничтожить друг друга, "схлопываясь" и взрываясь. Искусство ИТУ-ТАЙ позволяет сначала сдержать эту гибельную инерцию, а затем привести ее в соответствие, которое начинает взаимно дополнять проявление обоих потенциалов. В данном случае это и было основной трудностью в достижении задуманного: как распространить мироощущение ИТУ-ТАЙ на обоих императоров, как сделать их своими единомышленниками и последователями, вырывая их из-под контроля Ситанов, и, убедив переориентировать государственные интересы на консолидацию вместо грядущих военных конфликтов. Решением этих вопросов и занялись Мастера ИТУ-ТАЙ. Ими был создан тайный Союз, именуемый "ТРЕУГОЛЬНИК", объединяющий представителей трех стран, владеющих Большими Колодцами. В область деятельности "Треугольника" были втянуты десятки людей, многие из которых даже и не подозревали о своем участии в этом грандиозном проекте. Я не смогу рассказать тебе многого, но, пожалуй, наиболее интересным для тебя будет рассказ про одного из Исситов. Насколько я смог узнать, его звали Джива. Скорее всего, именно он сделал вывод, что в данной ситуации будет значительно проще не переориентировать существующих правителей, которые уже наверняка находились под контролем "Айказар", а создать своих кандидатов и, подготовив соответствующим образом, инициировать их как правителей обоих государств. Пользуясь своими сверхъестественными возможностями, он нашел двух мужчин, которые обладали энергетической конфигурацией, необходимой для Посвящения в ИТУ-ТАЙ. Они не знали друг друга, так как жили в разных странах, но, однако, у них было много общего, что, вероятно, и повлияло на выбор их в качестве будущих инициаторов могущественного Союза. Джива приступил к обучению обоих кандидатов. Он влиял на них незаметно, оставаясь в тени, но отчетливо внушая им определенные идеи, образы, чувства. Затем Иссит Джива свел этих людей вместе и объяснил им суть происходящего с ними. Он пообещал им содействие Общества в достижении того уровня, который необходим, чтобы направить политику интересующих тайшинов государств в нужное русло. Для того чтобы осуществить задуманное, тайшины использовали в своей деятельности один вспомогательный элемент, принадлежавший Клану на протяжении столетий, – артефакт, содержащий в себе специфическую энергию, позволяющую изменять окружающий нас пространственно-временной континуум. Этому артефакту было много сотен лет, и все это время в руках тайшинов и их союзников он являлся тайным оружием, с помощью которого монахи АКСИР сдерживали экспансию подземного человечества Ургачимиду в горах Алтая. Он назывался "КУР-МИН". В свое время, скорее всего, именно он

помогал тайшинам создавать такие грандиозные государственные системы, как, например, великие Тюркские Каганаты, и ряд других всемирно известных империй, которые сыграли в мировой истории весьма неоднозначные роли. Им, насколько я знаю, владел однажды даже Чингисхан. Периодически КУРМИН переходил к сторонним лицам, выполняющим миссии Тай-Шин. У меня нет сведений о внешнем виде Курмина, но я знаю, что тайшины очень редко использовали этот арте-факт, очевидно, опасаясь гигантской инерции, порожденной и высвобожденной им Силой. Так вот, когда он был использован в России и Германии, два совершенно неизвестных никому человека в мгновение ока достигли с его помощью ключевых постов в управлении этими двумя странами.

– Постой, ты говоришь... о Гитлере и Сталине?!

– Именно о них. В это трудно поверить, и до сих пор в отношении этих мрачных фигур, оставивших кровавый след в истории человечества, высказываются различные гипотезы. Я предлагаю тебе версию, которую при более детальном подходе очень трудно опровергнуть или уж во всяком случае, скинуть со счетов. Но для меня, как для исследователя, остается фактом – Гитлер и Сталин были подняты с самого низа социальной пирамиды неведомой рукой и вознесены на самый ее верх, словно освобожденный из бутылки джинн взялся выполнять свои обязательства перед ними. Несмотря на Первую мировую войну, Россия и Германия не достигли того критического предела, за которым начинается энергетическое "схлопывание" двух различных силовых Систем. Следовательно, оставалась надежда на то, что задуманное тайшинами удастся совершить. Более того, в России, как обладательнице ТАИ-потенциала, в рамках деятельности специального научного учреждения, условно именуемого ИНСТИТУТОМ, стали разрабатывать под контролем эмиссаров Тай-Шин технологию, которая смогла бы не только стать прорывом в новую технологическую эру, она могла бы коренным образом изменить весь ход человеческого прогресса. И одним из первых результатов ее применения должен был стать новый Союз двух могущественных держав. Это был проект, получивший название "МИТРА". Он подразумевал создание аппаратного комплекса, способного получать новый для человеческой науки вид энергии – оргон, с помощью которого, зная технологию, можно влиять не только на человеческий организм, но и на более глобальные процессы, в частности, на Колодцы, интенсивность излучения которых можно в определенные моменты изменять. Зная потенциал Колодца и место его расположения, возможно даже менять метрику пространства и времени в определенных границах. Исследования начались в начале века, но Институт начал заниматься ими только в тридцатых годах. Все развивалось согласно намеченному плану, но... в игру вмешались ожидаемые и прогнозируемые персонажи. Их влияние было настолько сильным и завуалированным, что даже тайшины, мастера интриг и импровизаций, оказались не готовы к подобному повороту событий. Все рухнуло, подобно огромному дому, лишенному в одночасье опорных конструкций. Словно чертики из табакерки, в самый ответственный момент на сцену выпрыгнули существа, которых по праву можно связать с преисподней. Но поначалу их просто не заметили, хотя, конечно же, ждали их появления. А когда поняли, кто это, ситуация зашла уже слишком далеко.

– Кто же это был?

– Мангуны, кто же еще. Ситаны выпустили в Средний Мир своих верных исполнителей – Мангов, которые вползли в созданный тайшинами организм, подобно раковым клеткам, тихо и незаметно, а затем в течение нескольких лет отравили его. Когда недуг заметили, метастазы уже проникли во все жизненно важные органы, особенно в сердце и мозг системы. Тайшины потеряли контроль над ситуацией, а она складывалась плачевно. Мангуны, используя свои возможности, пролезли в окружение вождей и с помощью темных техник стали влиять на них, искривляя их волю. Им внушалось, что во главе грядущего мистического Союза должен стоять

только один человек. Второй будет лишь его заместителем. Кто из них? Кому будет доверен Курмин, который используется осторожными тай-щинами только в одну десятую своих возможностей? "Кто? Кто? Кто?". Случилось страшное, то, чего больше всего и опасались тай-щины, – АРС их ставленников, как и АРС всех предыдущих и пос-ледующих вождей, начал движение в область "Корн" – жуткое ме-сто, в котором человек теряет свою человеческую сущность, факти-чески превращаясь в демона. Сталин и Гитлер стали подозревать друг друга, одновременно наращивая свои военные и магические силы, ведя с друг другом хитрую игру "на опережение". Уже ни для кого не секрет, что вплоть до последнего момента между ними ве-лись тайные переговоры, в которых они намеревались обмануть друг друга. Их видели вместе начиная с 1912 года и далее, вплоть до 1939-го. Известно даже "Генеральное соглашение о сотрудничестве, взаимопомощи, совместной деятельности", подписанное 11 ноября 1938 года в Москве Генрихом Мюллером от гестапо и Лав-рентием Берия – от НКВД. Там, в частности, вторым параграфом идет очень любопытный материал о том, что НКВД и гестапо пове-дут совместную борьбу с двумя основными общими врагами, цити-рую по памяти: "международным еврейством, его международной финансовой системой, иудаизмом и иудейским мировоззрением", а также "дегенерацией человечества во имя оздоровления белой расы и создания евгенических механизмов расовой гигиены". К видам и формам деградации относятся также: ведьмы, колдуны, шаманы и ясновидящие, сатанисты и чертопоклонники. Понима-ешь? Они искали угрозу сначала извне, пытаясь обнаружить и ликвидировать Мангунов, которых исторически связывали с еврейской нацией. Дело в том, что согласно моим предположениям, пер-вые Мангуны, скорее всего, появились именно на территории Из-раиля, много сотен лет тому назад. Но это отдельная история. Сей-час мы говорим об истории не столь отдаленной. Не сумев вычле-нить среди своего окружения Мангунов, вожди стали искать угро-зу изнутри, подозревая, что им на замену могут поставить других кандидатов. Причем этих кандидатов вожди, вероятно, видели вы-ходцами из иудаизма и из масонских кругов. Затем они ополчились друг на друга, подталкиваемые к этому коварными Мангами, которые уже были где-то совсем рядом. Назревал конфликт. ИТУ и ТАЙ не только вступали в фазу взаимного противостояния, са-мым страшным было то, что оба вождя знали многие нюансы этого процесса. Более того, они уже не были обычными людьми. Это были фактически колдуны, которых нашло, выпестовало и посадило на трон, снабдив сверхъестественными возможностями, пожалуй, са-мое тайное общество из существующих на Земле, ставившее своей первоочередной целью предотвращение всяких войн и воору-женных конфликтов на этой планете. Близилось что-то невероятно жуткое. Это ощущение испытали на себе жители обеих стран, инту-итивно улавливая те невидимые процессы, которые происходили вокруг. Тайшины, поняв ошибки своих эмиссаров, предприняли последнюю попытку исправить положение. Для этого необходимо было ликвидировать Мангунов физически. Но сделать это оказа-лось уже невозможно. Последователи Корн предприняли все меры предосторожности, ведь не случайно один из них возглавлял в Рос-сии самый могущественный институт силовой власти – НКВД. Ста-лин целиком подпал под влияние этих ужасных существ. Он и сам очень сильно изменился, став фактически Мангуном, или даже почти Ситаном, настолько динамичным был его АРС, что его мож-но было увести очень глубоко в энергетическую область Корн. Он даже дочь свою, Светлану Алиллуеву, мать которой погибла при очень странных обстоятельствах, называл не иначе как "Ситанка-Хозяйка". Представляешь? С Гитлером, видимо, ситуация обстоя-ла несколько напряженнее. Гитлер вошел в область Корн чуть поз-же. Это объяснялось, вероятно, тем, что центр влияния Корн нахо-дился все-таки в России, глубоко под землей. Фюрер чувствовал себя обманутым и ощущал, что в России происходит что-то очень жуткое, но не мог понять что. Гитлер стал искать утерянную связь с тайщинами, которые, осознав ту глубину трагической ситуации, которая складывалась между

обеими странами и их вождями, тут же исчезли, не оставив никаких следов. Тайшинов искал и Сталин. Он, как и Гитлер, хотел завладеть мистическим Курмином, чтобы с его помощью уничтожить конкурента и положить эту планету к своим ногам. Но тайшины не стали дожидаться этой охоты и раста-яли, словно тени в надвигающихся сумерках, оборвав все контакты с мятежными вождями и изолировав одно из своих самых могуще-ственных орудий – Курмин. На земном плане исчезновение Кур-мина, вероятно, совпало с началом самой масштабной войны двад-цатого столетия. А мятежные вожди сами стали искать те запрет-ные знания и возможности, о которых теперь они имели вполне конкретные представления, пытаются воссоздать нечто похожее по своему действию на Курмин. В обоих государствах заработала исследовательская индустрия. В Германии было создано огромное бюро оккультных исследований – "Аненербе". В России стали воз-никать один за другим засекреченные филиалы пресловутого Института. Институт-1, Институт-2 и так далее. Государственными знаками в обеих странах стали магические символы, используемые до этого только мистическими культурами: в России – защитная Пен-таграмма – проекция силы, предназначенная для построения сте-ны абсолютной защиты против враждебных сил, а также очень мо-гущественное оружие против врагов; в Германии – Свастика – древ-ний магический символ, означающий "понятное лишь посвящен-ным в Учение Будды". И никого это не насторожило, особенно при той нетерпимости обоих вождей к "мистической ереси", истребляе-мой ими беспощадно. Кроме этого, Сталин искал какой-то "древ-ний меч или саблю", а Гитлер буквально бредил Копьем, которым столетия назад римский воин пробил грудь Христа, распятого на Кресте. Очевидно, Вожди полагали, что в эти формы закамуфлиро-ван пресловутый Курмин, изменяющий метрику нашего мира. Так-же оба силовых ведомства противостоящих государств искали сле-ды деятельности тайшинов и их добровольных, и зачастую ничего не подозревающих об этой миссии, помощников. Барченко. один из руководителей Института, был расстрелян еще в 1938 году. Про-ект "МИТРА" удалось свернуть, но не удалось предотвратить реа-лизацию его извращенной версии – проекта "ЯМА", который ини-циировали Мангуны. Они сделали все, чтобы война стала неиз-бежной, и она случилась. Два потенциала, ИТУ и ТАЙ, сшиблись с катастрофической инерцией, вовлекая в область своего столкно-вения тысячи и тысячи жизней. Исход этой бойни ожидался жут-кий, и даже более жуткий, чем тот, каким он оказался. Но опять вмешался Случай, вернее закономерность, которая была очевид-ной только для тех, кто владел тайными знаниями о вибрационной модели нашего мира. Третья Система, входящая в "Треугольник" и тоже обладающая потенциалом ИТУ. должна была неминуемо быть втянутой в это противостояние, причем автоматически выс-тупая на стороне ИТУ, усиливая его. Но в данном случае сыграл свою роль именно "Треугольник": тайшинам удалось повлиять на взаимодействие двух разнородных потенциалов, благодаря чему, после взаимодействия с ТАИ, Америка должна были заменить Гер-манию в спарке мистического Союза. И эта ситуация, этот запасной вариант тайшинов предрешил отчасти исход поединка. Гитлер не выдержал давления, он решил, что его предали и тайшины со-здали новый Союз без его участия. Более того, Гитлер был уверен, что Курмин находится в руках Сталина, иначе, чем еще можно было объяснить феноменальные успехи более слабой советской армии. Это предположение оказалось последней каплей. Воспаленное сознание, перегруженное влиянием чужеродной энергетике, не вы-держало, организм отказался от дальнейшего сопротивления. Гит-лер свел счеты с жизнью. Произошли важные изменения в энерге-тической карте мира – потенциал ТАЙ подавил потенциал ИТУ, оставшись непотушенным. Система же Германии была фактичес-ки погашена и теперь еле тлела, уступая место более свежему и сильному Американскому ИТУ-Колодцу. В этом и состояла такти-ка тайшинов, удерживающих оба ИТУ-потенциала от слияния. Если бы была погашена единственная ТАЙ-Система, про гармо-ничное Сверхгосударство можно было забыть.

А так еще остава-лась надежда привести к Равновесию Россию и Америку, попутно восстанавливая поврежденную Германскую Систему, напомина-ющую колодец, из которого вдруг внезапно куда-то ушла вода. Но оставалась глобальная проблема: Равновесие ИТУ-ТАЙ. Его мож-но было осуществить только в двухстороннем порядке, а советский Вождь не принимал никаких слияний и союзов. И это несмотря на то, что Российская Скважина была изрядно обесточена. Назревал очередной энергетический коллапс – Америка, в частности США, на которые распространялось влияние Американского Колодца, неизбежно должны были атаковать СССР. Но изощренный ум ново-явленного Мангуна нашел неожиданное решение. Оценивая воен-ную мощь своего "союзника", Сталин распорядился свезти в одно место отходы взрывчатых веществ, которые оставались после воен-ных действий в ряде армейских подразделений. В условиях абсо-лютной секретности подобное место было выбрано и соответствующим образом подготовлено. После приказа инициировать взрывча-тую массу прогремел сильный взрыв. Американские военные были "информированы" о том, что русские проводят испытание новей-шей "чистой" термоядерной бомбы. Наблюдатели США зафиксировали в указанном месте точечный взрыв огромной мощности. Сле-дов радиоактивности самолетами-разведчиками обнаружено не было, и американские военные эксперты сделали вывод, что русские все-таки добились получения могущественного оружия. Это и от-срочило третью мировую войну на неопределенный срок. Но и не только это. Основная заслуга, как я считаю, принадлежит именно "Треугольнику", который все это время вел тайную деятельность по предотвращению второй катастрофы. Между прочим, подобное по-ложение дел сохраняется и по сей день. Германский Колодец был относительно восстановлен "Треугольником", а из России и США действительно могли бы получиться самые лучшие союзники, если бы концепция Равновесия была наконец реализована.

– Унген, ты хочешь сказать, что "Треугольник" действует и до сих пор?

– "Треугольник" – нет. Остались лишь отголоски этого могуще-ственного некогда Союза. А то, что сейчас существует многое из того, что варилось в этой жуткой каше десятки лет назад, – факт. Напри-мер, современные военные активно разрабатывают проект воздей-ствия на Системы Колодцев. Существует даже секретный авиакос-мический проект "АТЛАС", направленный на составление карты Пятен с особыми геомагнитными характеристиками. Но это далеко не все, поверь мне, и лучше не пытайся распутать этот ядовитый клубок, это не принесет тебе ни пользы, ни удовольствия.

–А при чем тогда здесь мой дед? Ты ведь начал рассказывать мне это, имея в виду какую-то информацию о дедушке.

–Да, я помню, но я хочу, чтобы ты знал возможную предысторию, пусть даже и в моей, возможно не совсем корректной, трактовке. Это важно, потому что от правильного понимания сути происходящего будет зависеть твоя интерпретация последующих событий. Гак вот, Ситаны добились того, чего хотели: они нарушили планы тайшинов, восстановили потерянную власть на территориях двух крупнейших государств, вернули себе целые "пастбища" рабов в лице населения этих стран и даже упрочили свои позиции в области управления, создав на территории подконтрольных государств жесткий "культ личностей". Я говорю "личностей", потому что Сталин только офи-циально считался единственным Вождем победоносного государ-ства. На самом деле их было несколько. Влияние "Корн" подобно раковой опухоли. Оно проникло во все сферы советского политичес-кого конгломерата, создавая ту ужасную атмосферу, которую часто описывают свидетели того жуткого времени. Недаром же говорят о какой-то "инфернальности" происходящего. Казалось, сам воздух был пропитан эманациями самых угрюмых миров, из которых Ситы и Мангуны черпают свои силы. Кстати, отголоски тех времен оста-лись и сейчас. Никто ведь даже особо не задумывался, почему Мав-золей и ряд

других ритуальных архитектурных форм, изобилующих "чужеродными" очертаниями, выстроены рядом с комплексом Влас-ти – Кремлем. Ну, а про подземный вулкан Айрук нам рассказывал. И, скорее всего, российская власть еще долго будет нести на себе это жуткое наследие иного мира, которое привнес сюда получеловек-полуситан. Благодаря ему, Культ "Корн" оставил здесь такие мета-стазы, разросшиеся в сиянии Большой Системы ТАЙ, что теперь практически невозможно излечить этот больной организм. Но это тема отдельного разговора, вернемся в прошлое. Ситаны не только удержали власть в СССР, они усилили свое влияние в США. Более того, назревало противостояние Ситанов и подконтрольных им Мангунов за расширение своих Зон Доминирующего Влияния. Это было страшное и тяжелое время. Но тайшины продолжали бороться. Было бы странным предположить, что они действительно бросили свое "детище" на произвол судьбы. Советским филиалом "Треугольни-ка", если так можно выразиться, была организация, которую возглавляли в XX веке три человека, один за другим. Первый Координатор был инженером, второй – писателем, а третий – силовиком. По-добная расстановка сил характеризуется определенными периодами в развитии проекта "Треугольник". Третий этап был, пожалуй, самым сложным. Он начался сразу после войны и отличался от первого тем, что как раз в этот период происходила сложнейшая расстановка сил в энергетическом взаимодействии Больших Колодцев. Кроме всего, именно в этот период началась реорганизация власти между Ситанами и Мангами в Советском Союзе. В сложившейся ситуации, на должность Координатора "Треугольника" в СССР, требовался человек, который не только бы находился в самом центре исполнительной сети Мангунов, но еще и использовал бы ее потенциал для реализации крайне рискованных программ, разработанных тайшинами. Исситами был найден такой человек и посвящен в тайны ИГУ-ТАЙ. Это был твой дед, Адучи. Став тайшином, он разработал вторую фазу реализации проекта, которая получила название "ЩИТ". Твой дедушка взял себе псевдоним "Абракас", символизирующий возрождение исследовательских работ по программе "МИТРА", а также символизирующий, согласно древним мифам Солнечного Воина, сочетающего в себе Свет и Тьму. Стремительная карьера Абракаса позволила ему уже в 1947 году стать начальником одного из отделов Главного Управления милиции, в 1950-м – советником МГБ за рубежом, с 1951-го – заместителем начальника Управления, которое имело очень большое влияние, будучи одним из самых грозных секторов ГУМ МВД СССР. Он очень много сделал для Общества. Ты представляешь себе, каково было работать в МВД в пятидесятых годах, будучи тайным эмиссаром шаманского Общества? Ему обязаны жизнью десятки крупнейших советских ученых, которые даже не подозревали ни о Тай-Шин, ни о "Треугольнике", ни о Ситанах, ни о многом другом, что тщательно скрывалось, вплоть до нашего времени, Хранителями. Тогда, в 1949 году, Мангуны воссоздали проект "ЯМА". Он должен был реализовать для вождя очень важную задачу – продлить срок его жизни, подпитать его энергией из подземного Колодца. Полководцу требовалось искусственное подпитывание или окончательная перестройка энергетического кокона, благодаря чему он смог бы так же манипулировать своим АРС, как и Ситаны, уводя его в специфические энергетические области. Так появились "ЭРГОМЫ" – люди с ярко выраженными экстрасенсорными возможностями, подвергшиеся некоторым энергетическим изменениям с помощью узкосконцентрированного оргонного луча. Их было пятнадцать, и изначально они были "смодулированы" совершенно для других целей – тайшины, которые контролировали на теневом уровне проект "МИТРА", изыскивали способ повышения энергетического уровня "будущего человека", которому предстояло жить в условиях новой энергетической реальности – взаимодействия двух Больших Колодцев. То есть, фактически, "МИТРА", с помощью нового источника сверхинтенсивного излучения, позволял воздействовать на АРС человека, делая его более подвижным. Но Мангуны и здесь все перевернули с ног на голову. Один из них стал непосредственно курировать

Институт. Именно он придумал использовать технологию Модуляции как средство сдвига АРС. Только вместо узкосконцентрированного оргонного излучения планировалось использовать подземные источники излучения, своеобразную радиацию, которая также крайне эффективно влияет на сдвиг АРС. То есть, вместо того, чтобы стать Дуэнером, человек должен был стать Сверх-Мангом, почти что Ситаном, потому что подвижное АРС при определенной коррекции, оказалось, можно увести куда угодно, а в частности – в дьявольскую вселенную Ситанов, где просто невозможно было найти лучших рабов, чем человеческие существа, затаенные в эту энергетическую область. Этот эффект открывал невероятные возможности и для Сталина, который очень сдал в то время – война сильно обесточила его, и ему требовалось возобновить тот энергетический запас, который он получил при первичном сдвиге АРС в область дьяволического. Его организм и психика стремительно шли вразнос, как в свое время подобные симптомы наблюдались и у Гитлера, тоже переделанного в Мангуна. "ЯМА" – вот что стало единственной надеждой Сталина, и тайшины своевременно это поняли и осознали, какой опасности они подвергают человечество, разработав Модуляцию и создав технологию аппаратного воздействия на Центр Внимания. Абракас, как тайный Координатор "ЩИТА", предпринимает беспрецедентную акцию: в 1953 году он принимает решение, вопреки дальнейшей реализации "Треугольника", совершить массированный удар по Ситанам и Мангунам, деятельность которых в то время могла нанести непередаваемый урон не только народу СССР, но и, опосредованно, всему миру. В течение нескольких дней были предупреждены и вывезены в различные безопасные места многие талантливые ученые и писатели, втянутые в деятельность "Треугольника". В Институте были проведены "зачистки": вся информационная база по Модуляции и ряду других стратегических программ была уничтожена, так же как и значительная часть аппаратного комплекса. "ЩИТ" уничтожил то, что призван был защищать. Был выслежен и физически уничтожен один из Мангунов, который как раз и курировал Институты и, следовательно, был в курсе многих разработок. Сталин оказался обречен. После его скоростной смерти, которая тоже, кстати, окутана покровом тайн и различных домыслов, "ЩИТ" провоцирует арест и смертную казнь еще одного Мангуна. После этого организация, представляющая в СССР "Треугольник", вынуждена была исчезнуть, и "ЩИТ" подобно "камикадзе" – "божественному ветру", перестал существовать. Многие из его членов вынуждены были скрываться за границей, многие – в удаленных глухих районах нашей необъятной родины. Твой дедушка все превосходно организовал, и сам смог остаться в тени. Он приехал сюда, на Алтай, в край, о существовании которого, представь себе, до сих пор даже не знают некоторые москвичи. Да, кстати, тебя никогда не удивлял тот факт, что в связи с какими-то сакральными темами упоминаются те или иные географические места, но Алтай, до поры до времени оказался, будто вырезанным из общей картины, накрыт темным пологом, не позволяющим проникнуть за него?

– Это связано с тайшинами?

– Именно. В течение долгого времени мы хранили эту тайну, не допуская к ней посторонних. Здесь, на Алтае, скрыты четыре Колодца – четыре Аркола. Три из них находятся в самом сердце Алтая – это мистический центр Земли. Четвертый Аркол – будучи элементом Ромба, образуемого всеми Колодцами, находится чуть в стороне. Это своего рода "пограничная зона", "пересадочная станция". Он расположен под Барнаулом. Можно сказать, что Барнаул отделяет весь "цивилизованный мир" от мира магии, от Алтайских Колодцев, которые, подобно пограничным вышкам, ограничивают место пересечения Миров. Поэтому неудивительно, что тайшины обосновались именно в Барнауле. Между прочим, Рерихи во время своего пребывания в Барнауле, в июле двадцать шестого года, называли его "мистической столицей мира", которая проявится во времена Последней Битвы. Он также являлся



промежуточным звеном в маршруте так называемых "странников", людей, бегущих со всей России от "царства Антихриста" в Беловодье. Большинство этих маршрутов начинались от Москвы, Казани, Питера. Екатеринбург и вели к Барнаулу и Бийску. Далее путь их вел вверх по реке Катунь, где последним реальным пунктом маршрута была деревня Уймонская. В первоначальном звучании слово "Бороноул", или "Бороноур", переводится как "Волчье Озеро", или "Волчья Река". Это место, где пересекаются явь и сон, разум и предчувствие, небо и земля. Вот почему твой дедушка нашел пристанище именно в Барнауле. Сей-час стали известны многие пророчества, связанные с Алтаем. Неко-торые из них предрекают появление здесь новой цивилизации, не-которые помещают сюда будущий рай на земле, некоторые – место последней битвы... Алтай – это место невиданной энергетической мощи. Оно просто сочтется Силой. Мы должны гордиться, что роди-лись в этом священном месте. Оно хранит в себе тайны прошлого и надежды на будущее. Но то, что осталось позади, может не только поддерживать, но и тормозить. Сейчас мы ищем точки пересечения, связывающие каждого из нас с прошлым, чтобы оборвать нити, на-тянутые между этими точками и нами. Поэтому мне все, что я тебе рассказал, кажется вполне реальным развитием исторических собы-тий, хотя со мной во многом не согласны даже некоторые тайшины. Возможно, твои исследования приведут тебя к другим фактам. Но об этом мы не можем сейчас говорить.

– Унген, что это за точки? Почему вообще тайшины должны куда-то уходить?

– Ты что, не чувствуешь? Что-то происходит. Многим кажется, что мир сходит с ума. Это начинают сходиться воедино два мира, две Сферы – ИТУ и ТАЙ, Свет и Тьма. Мы должны подготовиться к этому моменту. Считается, что в преддверии Последней Битвы на свободной земле должен собраться, разбросанный по времени и про-странству, "Народ Волка". Наш Клан объединяется. Мы уходим, но на самом деле остаемся, ибо Круг становится Един во всех точках пространства. Это своеобразная стратегия ускользания от "Черной Охоты", которая приобретает невероятные размеры в конце опреде-ленных циклов. Считается также, что во время схождения ИТУ и ТАЙ, открываются двери между мирами. Это очень редкий момент – "парад планет". Легенды Тай-Шин повествуют, что именно – в это время Храм Сумерек также сливается со всеми своими "двойника-ми" из иных Миров, и, как сказал в свое время Кадамай, становится Гаванью в Звездной Бухте Бесконечности.

– Ты что... имеешь в виду... солнечное затмение?!

– Свет и Тьма. Ты же знаешь... Наше Учение основано на взаимо-действии этих двух наиважнейших элементов. Солнце и Луна, являются символами взаимодействия этих Сфер. Если ты помнишь зна-менитое предсказание Нострадамуса, оно гласит:

"Год 1999, седьмой месяц.

С неба придет великий Царь Ужаса

Чтобы воскресить великого Царя Анголмуа

И до и после Марса править счастливо".

– Подумай на досуге над этим предсказанием. Люди уже в панике, пророчат конец света. "Бычий ум" способен только на прямолиней-ные ассоциации. Все ждут метеорита, или кометы, или инопланет-ной экспансии. Не будет никакого конца света, и люди задумаются: неужели ошибся Нострадамус? Все дело, как всегда, в интерпрета-ции. "Великий Царь Ужаса"... Он придет воскресить великого царя Анголмуа... Полина уже говорила тебе: прошлое Евроазиатского континента погружено в туман времен. Но то, что происходило в начале прошлого тысячелетия, не соответствует написанной исто-рии. И "Тартаро-Мегалиония", что

означает в переводе с латинско-го, "Великий Ужас", и великий Царь Анголмуа, то есть, той же Мон-голии, как называли в древние времена всю азиатскую часть нашего континента, включая и Алтай, и Сибирь, имеют глубокую мистическую и историческую подоплеку, к которой имеет непосредственное отношение наше Общество – Клан Волка. И Воин-Марс, священными животными которого всегда почитались именно волки, тоже упомянут здесь не случайно! Интересно, как это люди увязывают воедино такие противоречивые понятия как "Царь Ужаса", который, обрати внимание, приходит с неба, и счастливое правление? Но все, конечно же, поняли, что Царь приходит именно во время затмения! Воистину, загадка для человеческих мозгов. Грядущее тысячелетие вообще готовит людям массу сюрпризов. Последняя Битва уже не за горами. Но сражаться в ней будут не только люди. И эту информацию человечеству еще нужно будет переварить. Видишь ли, подземное человечество состоит не только из демонов. Под землей находится целая цивилизация существ, одни из них отягощены злом, другие наделены невиданной мудростью. Одним мы активно противостоям, с другими тесно сотрудничаем. От того, удастся или нет привести Две Сферы к Равновесию, будет зависеть, кто выйдет из подземелья наружу. А мы... Мы уйдем в Храм, чтобы оттуда управлять потоками Силы, уравнивающими этот мир. Мощь Клана должна сфокусироваться в одной точке. Так было всегда перед началом очередной Великой Битвы. Но мы должны уходить освобожденными от всех обязательств, удерживающих нас в нашем Круге. Это и есть обрыв нитей, натянутых между нами и прошлым, в котором тайшины пытались подготовить людей к грядущему Схождению, создавая Равновесие на планете.

– И что это за нити в вашем с Аймой случае?

– Я рассказывал тебе об эргомах. Они были иницированы с помощью тайных знаний Тайшин и, соответственно, представляли после ликвидации технологии "МИТРА" определенный интерес для Мангунов. Это были потенциальные Сверх-Мангуны, которых нужно было только немного подтолкнуть в нужном направлении, и из них получились бы существа, гораздо более опасные, чем Сталин и Гитлер. Но технология была уничтожена, а эргомы остались, следовательно, оставалась опасность того, что Мангуны используют их в своих целях. Тогда, в 1953 году, Абракасас хотел вывести всех эргомов в Храм Сумерек, чтобы не только надежно спрятать там от Мангов, но еще и продолжить позитивную трансформацию, превратив их в Дуэнергов. Эргомы согласились на это предложение добровольно, но когда их вывезли за пределы досягаемости спецслужб, курирующих Институт, они совершили отвратительный поступок – убили всех, кто помогал им бежать от опасности превращения в демонов. Абракасас не мог потом искать их в силу определенных обстоятельств, но смог уничтожить следы их существования, изъяв само упоминание об эргомах и экспериментах "МИТРА" в рамках исследований, проводимых Институтом. Мангуны потеряли их. Но и тайшины тоже. Теперь, спустя много лет, я нашел их всех. Я приехал сюда, чтобы восстановить Равновесие, чтобы после ухода тайшинов не оставалось никаких следов, напоминающих людям о тех страшных и смутных временах.

– Они что, все еще живы?

– Живы. И я даже уже встречался с некоторыми из них...

### 3. (Глава-реконструкция, 1999 г.)

Кофе приятно снимал усталость с утомленного тела, но Николаев все-таки не допил полчашечки и с сожалением поставил ее на стол, вспомнив о проблемном сердце. Машинально, но чтобы не заметил никто из сотрудников, помассировал грудь. Демин, сидевший напротив и методично жующий бутерброды с вареным мясом, смотрел на

мониторы видеосвязи и вслушивался в акустическое пространство чужой квартиры, напичканной микрофонами, и проецируемое в наушники, одетые ему на голову. В комнате кроме подполковника и капитана находились еще трое, двое из которых – спецназовцы, экипированные в штурмовые черные комбинезоны и вооруженные малогабаритными автоматами – бойцы спецподразделения МВД "Титан". Еще два бойца находились в квартире напротив, еще двое – на чердаке дома. Основной состав группы захвата терпеливо ждал команды в недрах микроавтобуса с надписью "ЭНЕРГОТРАНС", припаркованного в глубине двора. Третьим, а вернее пятым, в координационной квартире был "эксперт по нетрадиционным способам энергоинформационного обмена", представитель Ассоциации изучения энергоинформационных структур, экстрасенс, аналитик не-коего НПО "Сатурн" и консультант Комитета по новым военным технологиям при Министерстве обороны. Обладателя всех этих титулов звали Виктор Михайлович, и он уверенно чувствовал себя в данной обстановке, ведя себя непосредственно и даже раскованно. Это был небольшого роста полноватый человек, тип которого условно можно было бы обозначить как "душа компании". Он рассказывал сметные анекдоты, охотно обсуждал самые последние новости и делился своими обширными познаниями в области научных исследований по энергоинформационному обмену. Николаеву он уже стал надоедать, и подполковник, тцательно скрывая свою неприязнь, разглядывал сейчас консультанта и размышлял над тем, как этот человек смог выйти на такой высокий уровень, как Минобороны. Его рекомендовали Николаеву по "наводке сверху", узнав, что он разрабатывает дело с предполагаемым участием убийцы-экстрасенса. Отказывать начальству не только не имело смысла, но наоборот, Николаев даже поддержал участие квалифицированного специалиста по подобным вопросам. Лагутин был лицом причастным, и поэтому иметь в запасе лишнюю козырную карту подполковнику было кстати. Вообще, вся эта история с долгоживущими "эргомами", таинственным Институтом и прочей мистикой не вызвала у старого опытного муровца особого доверия, но факты были таковы, что отбрасывать версию, изложенную свидетелем Лагутиным, не было оснований, тем более в условиях давления сверху. Маньяк-убийца это тема, требующая особых темпов завершения дела, и пренебрегать даже мизерным шансом в условиях острого дефицита конкретных версий было просто немыслимо. Именно поэтому в данной, крайне сомнительной, по мнению капитана Демина, операции, был задействован не только консультант Минобороны, но и подразделение специального назначения "Титан". Лагутин был изолирован в своей квартире, напичканной разнообразной спецтехникой, а в соседних квартирах разместились группы захвата. Николаев пробежался взглядом по мониторам. На одном из них проецировалось изображение с видеокамер, установленных в соседней квартире, где, собственно, и находился "живец" – Лагутин. На второй мерцала картинка подъезда – лестничные пролеты, примыкающие к площадке. На третьем мониторе просматривались подходы к подъезду, пожарная лестница, ближайшие балконы и окна.

– Александр Владимирович, вы что-нибудь чувствуете? Человек на картинке первого монитора пошевелился и, посмотрев в направлении скрытой видеокамеры, замер на мгновение:

– Он где-то рядом. Он придет, не волнуйтесь, Александр Васильевич, обязательно придет, я чувствую его. Подполковник кивнул головой и посмотрел на консультанта:

– А вы, Виктор Михайлович? Вы чувствуете его?

Экстрасенс, пожалуй, излишне картинно вскинулся, словно охот-ничий пес, ищущий след, но затем, улыбнувшись, неуверенно произ-нес:

– Пока нет, ничего не ощущаю. Да и вряд ли придет он сегодня, этот ваш колдун-убийца.

– Это почему же, а? – спросил Демин, не сводя глаз с мониторов.

– Потому что уже темнеет.

– И что? Ведь даже в сказках нечистая сила приходит в полночь, – Демин усмехнулся и переглянулся с подполковником. Консультант перехватил его взгляд, но ни на секунду не смутился, продолжая улы-баться, как ни в чем не бывало:

– Это тактически неправильно.

– Почему это? – Демин явно заинтересовался мнением экстрасен-са, к которому, как и свой шеф, уже питал явственную, но, в отличие от Николаева, плохо скрываемуую неприязнь.

– Потому что днем здесь людно. Это не только помогает потеряться в толпе, но и позволяет скрыть свою ауру. Видите ли, если этот ваш колдун знает, что человек, которого он хочет убить – экстрасенс, а он на самом деле очень сильный экстрасенс, можете мне поверить, он должен отдавать себе отчет, что его так называемая жертва без особого труда сможет заметить его, особенно в вечернее время, когда восприятие естественным образом обостряется. С этой точки зрения день гораздо предпочтительнее ночи. В ночи злоумышленник недо-ступен только обычному человеческому глазу. Но если объект напа-дения может видеть биополя, для него не составит никакого труда заметить агрессивно настроенного человека. А объект нападения, которого мы сейчас наблюдаем на этом экране, способен видеть не только биополя. Он очень сильный сенс, поверьте мне. Я еще ни разу не видел сенсов подобной мощи, удивляюсь, как он до сих пор не попал в поле зрения нашей Ассоциации. Вот теперь, благодаря вам, я его нашел. Если все закончится благополучно, а мне хотелось бы в это верить, я надеюсь, мне позволено будет познакомиться с ним поближе?

Демин скривился:

– Виктор Михайлович, будьте, пожалуйста, чуть менее многослов-ны. Вы отвлекаете меня.

Николаев улыбнулся и отвернулся к окну, чтобы консультант не видел этой улыбки. Там, за окном, в стремительно темнеющем мос-ковском дворе пряталась неведомая опасность. Там же, где-то в спле-тении темных деревьев и гаражей, прятались невидимые снайперы, отслеживающие эту опасность сквозь окуляры сверхмощной инфракрасной оптики, позволяющей видеть если не биополя, то уж, по крайней мере, человека из плоти, который, как утверждал Лагутин, должен был обязательно прийти сегодня в эту тщательно подготовленную ловушку.

#### 4. (Главы-ретроспекции, 1999 г .)

Кухня была единственным местом в квартире шаманов, где горел свет. Остальные комнаты были погружены во тьму, словно хозяева впустили через приоткрытые окна июльскую ночь, тут же заполнив-шую собой все помещения. В этих комнатах господствовала тиши-на. Могло сложиться впечатление, что они пустовали, но это было не так. В одной из них, прямо посередине, на ному, замер в позе Будды человек. Он сидел тихо, словно слушая тишину вокруг, не делая ни единого движения, даже, фактически, не дыша. Этот человек напо-минал своей неподвижностью каменное

изваяние, идола, вырезанного из горной плиты и исполненного вечного терпения, отрешенности и безмолвия. Откуда мог взяться он здесь, в Москве, в неприметной квартире, похожей на тысячи других квартир, расположенных сверху, снизу, по бокам, в других домах, и которые, словно элементы большого муравейника, жили своими проблемами, радостями, суетой? Извечной суетой. Человеку во тьме это было чуждо. Сознание его замерло. Он действительно будто был занесен сюда через сотни лет, из другой эпохи – загадочной, страшной, непонятной. Облаченный в темный халат с вышитыми на нем серебристыми знаками уже забытых в этом мире символов, человек, будучи неподвижным, производит впечатление сжатой до предела пружины. За каменным словом, как губка впитывающим тьму, скрывается яростная энергия – сила мышц и сила психики, свитые в единый клубок. Ночь дышит в окна прохладой, пахнувшей дождем.

На кухне – двое. Он и она. Они сидят друг напротив друга за столом.

– Адучи, зачем ты приехал сюда? – Лима смотрит на Коврова, но не пристально, она не хочет, чтобы он подумал, что она заглядывает в его душу.

– Не знаю. Унген говорит, что это называется обрыванием нитей, связывающих нас с прошлым. – Максим пьет горячий чай, и его взгляд более настойчив, он сфокусирован на потрясающе красивом лице молодой девушки.

– Ты уходишь с нами?

Максим поставил чашку с чаем на стол.

– Я не знаю, Айма. Не знаю! Я не могу сейчас ответить на этот вопрос. Мне нужно время, чтобы разобраться во всем этом.

– Я боюсь, его у тебя нет.

– Почему?

– События начинают развиваться с ужасающей скоростью. Сроки подходят, и опасаясь, что даже мы с Унгеном не успеем порвать все нити, привязывающие нас к прошлому.

– Но почему?

– Солнце и Тьма. Затмение уже скоро. Мы и так действуем на грани своих возможностей. Унген постоянно принимает Амеркут, он уже не может иначе, у него просто не хватает сил. Его доза становится все больше и больше.

Максим вспомнил глаза Унгена там, в лесу. Увеличенные зрачки... Амеркут. Сила Трав гораздо сильнее любого наркотика, и испытывать ее можно лишь периодически, осторожно и целенаправленно. И если Унген принимает Амеркут постоянно, можно представить, какое безумное напряжение царит у него внутри.

– Нам многое еще нужно успеть. Осталось еще два "эргома", два предателя, которых немисливо оставить в этом мире.

– Вы убиваете их?

– Скорее, они сами убивают себя. В них кроется чужеродная информационная матрица, деструктивный заряд, который и уничтожает своих носителей во время контакта с растормаживающим средством. Унген дает им Корчун, который уводит их АРС сначала в крайние области "тела зверя", когда появляется "Посланник из детства". Но затем у них появляется выбор: АРС может скользить дальше, и тогда "Посланник" может увести его за собой

в верхние уровни "тела Ша-мана", либо, он может соскользнуть его в нижнюю область, и тогда появляется устрашающая сторона человека – сущность, которая уничижает его. Все это подобно весам, которые определяют судьбу каждого изменника. Никто еще не вытянул жизнь – они все чересчур отягощены злом и жаждой власти, чтобы выжить. Они вызывают к жизни самую мрачную часть своей души, которая и уничтожает их самих. Мир – это Зеркало. Унген лишь отзеркаливает выбор эргомов в пользу убийства. Это манера древних тайшинов, их стиль. Унген ставит себя с каждым из изменников на одну карту – и он, и они находятся под влиянием действия Корчуна – исход поединка определяет Судьба. Не забывай, что эргомы – профессиональные убийцы, именно для этих целей их и возвращал в стенах Института один из Мангунов. У них была возможность выйти из этой разрушительной области, но они выбрали в качестве своего жизненного стимула убийства. Если бы люди прислушивались к своему сердцу, то многих неприятностей мож-но было бы избежать. Но, во-первых, эргомы уже не люди, а во-вторых, они навсегда уничтожили в себе ту сущность, которая осталась дале-ко в детстве, заменили ее на чужака, фактически захватившего над ними власть. Многие из Исситов одобряют методов Унгена. Но это его выбор, его Путь, и никто из патриархов не может воспрепятствовать ему в реализации взятой на себя миссии.

– А ты? Ты, почему с ним?

Айма чуть заметно кивнула головой.

– Я разделяю его выбор. Я буду с ним всегда. Максим улыбнулся.

– Понятно...

Айма посмотрела в окно.

– Ты же знаешь его. Он всегда был максималистом и спасителем человечества. Но он слишком увлекся древними традициями, кото-рые и диктуют стиль его действий. Он атакует эргомов, чтобы с помо-щью Корчуна, страха и боли выбить энергетические закупорки, фиксирующие их АРС в области Мангуна. Убивает он их только после того, когда убеждается, что возвращение невозможно, что они стали яростными хищниками, выполняющими волю неведомого чужака скрытого в глубинах подсознания. Это наш долг – защищать мир от подземных демонов и их разумных сотрудников на поверхности пла-неты. Эргомы встали под чужие знамена, когда убили людей, пытав-шихся их спасти. Этим они подтвердили свою окончательную мута-цию, смену своей человеческой природы на нечто ужасное. Теперь они опасны, смертельно опасны. Поэтому нет иного действенного способа, кроме того, который практикует Унген. Ты же не будешь отговаривать от броска змею, заползшую в твой дом и уже распра-вившую свой капюшон? Но если ты не нейтрализуешь ее, она пере-кусает всех твоих близких. А эргомы гораздо опасней любой змеи. Они – порождение самой мрачной магии "Корн". И именно поэто-му, только дуэнерг может справиться с ними, так как дуэнергу подвластны тайны обеих Сфер. Унген нашел их всех. Взяв себе мрачный псевдоним – Яма, символизирующий название ужасного проекта, послужившего основой для их преобразования, и одновременно имя бога смерти, он является к каждому, чтобы поставить его перед пос-ледней чертой. Однако кроме эргомов у нас есть еще одно очень важ-ное дело. Оно тоже касается нашего прошлого. Это один из Мангу-нов. В отличие от эргомов, он не скрывается от нас, а наоборот – преследует. Это сын Манга по прозвищу "Паук", одного из тех, кто выполняли волю

Ситанов в годы Второй мировой. Еще будучи обычным человеком, Паук был телохранителем Мангуна возглавлявшего Институт. Именно этого Манга уничтожили тайшины в начале шестидесятых. После убийства своего Хозяина, Паук поклялся мстить за его смерть. И сына своего он вырастил в атмосфере, пропитанной духом этой местности. Сам Паук уже умер, Мангуны вообще не столь долгоживущие, как это описывают в мифах о продаже души, но сын его жив. Более того, теперь он тоже Мангун, и с раннего детства он обучался искусству убийства, чтобы реализовать разрушительные амбиции своего отца. Сейчас он вырос и, став настоящей машиной для уничтожения, занимается тем, чем его обязал заниматься покойный папаша, – мстят. Это один из самых опасных "черных охотников", с помощью которых Общество пытается уничтожить нас. Папа готовил его в обстановке полной секретности, но мы узнали о нем, мы собрали определенные сведения, и теперь Унгену поручено разрешить и эту проблему. Надеюсь, он с ней справится, потому что этот молодой Мангун угрожает нашему Схождению. Он создал свою фирму, которая как нельзя лучше соответствует его устремлениям. Это охранное агентство. Он создал его, когда вернулся из армии, где служил в подразделении морской пехоты – роте боевых пловцов. У него даже прозвище специфическое – Водолаз. Это агентство располагает большим техническим арсеналом, информационной базой, вооруженными бойцами. Нам также известно, что этот Водолаз – альбинос, у него белые волосы и глаза, будто воспаленные, имеют красноватый оттенок, как у вампира. Очень опасный и непредсказуемый тип. Надеюсь, что Унген все-таки одолеет его, иначе...

– Нет. – Сидевшие за столом вздрогнули, поворачиваясь к дверно-му проему. Там, появившись бесшумно, словно тень, стоял Унген. За ним из коридора тянулась клочьями тьма, опадая на границе света и тая, подобно туману. Лицо его было безмятежно, но в глазах по-прежнему чернело безумие. Амеркут.

– Никаких иначе. Если он хочет смерти кого-то из нас – он умрет. Возвращайся домой, Адучи, и не волнуйся по этому поводу, у тебя есть другие дела, которые ты должен решить до момента Схождения Солнца и Тьмы. Возвращайся. Мы с Аймой скоро тоже вернемся в Усадьбу, чтобы присоединиться ко всем. Ты получил то, что должен был получить, – информацию об Абраксасе и причинах преследования вашей семьи Духом. Теперь ты знаешь, кем на самом деле был твой дедушка, и теперь знаешь, что, став тайшином, он вступил в запретную область, где скрывался до поры жуткий Зурда, который обрушился на новоявленного тайшину и всех его потомков с неистовством и силой запредельного Духа. Теперь ты должен вернуться, чтобы закончить свои приготовления к Исходу. Схождение уже начинается...

Дорога домой. Максим сидел в салоне самолета и думал о том знании, которое он получил в Москве. Солнце и Тьма. Он откинулся на мягкую спинку кресла и посмотрел в иллюминатор. Небосвод прозрачен и чист. Облака. Белоснежные холмы, словно выбеленные солнечными лучами. Долина, в которой обитают светлые полубоги, знающие, вероятно, много интересного про грядущее Схождение. Максим закрывает глаза. Передним возникает картинка из далекого прошлого: каменная стена древнего храма, гулкие удары колокола, словно далекий гром, шелест ветра и клекот Сокола, восседающего на деревянной балке во дворе храма.

"Кушун тегер мертех".

Максим улыбается во сне.

5. (Главы-реконструкции, 1999 г.)

Демин скептически хмыкнул и демонстративно отвернулся от консультанта, а тот продолжал воодушевленно объяснять ему принцип достижения пси-сознания с

помощью алгоритмов само-гипноза:

– В данном случае все зависит от состояния психической деятельности, которое необходимо изменить, чтобы добиться сознательного вызывания пси-сознания, являющегося одним из феноменов сверхчувствительного восприятия пси-поля...

Демин шумно вздохнул и выразительно посмотрел на подполковника, но тот лишь пожал плечами, размышляя совершенно о другом. Николаев думал о том, что будет, если все, рассказанное ему Лагутиным, окажется правдой хотя бы наполовину. На мониторе пенсионер дремал в своем кресле, и Николаеву вдруг стало страшно. Не от того, что все это мероприятие могло оказаться блефом, выдумкой старого больного человека. Уж больно все гладко ложилось на свои места. Подполковник боялся как раз того, что все это не выдумка, а следовательно... На экране монитора произошло какое-то движение, это дернулся "живец" Лагутин, судорожно выгибая свое тело и испуганно озираясь по сторонам. Казалось, что старику просто приснился страшный сон. Все замерли, впившись взглядами в монитор. Старик встал с кресла и подошел вплотную к видеокамере, так что на мониторе бледным пятном высветилось только его перекошенное ужасом лицо, и проговорил тихо и страшно:

– Он здесь. Спасите меня.

В комнате оперативной координации воцарилось напряженное молчание, будто этот пожилой человек с экрана ввел своими словами всех присутствующих в гипнотический транс. Николаев медленно повернул голову к консультанту Минобороны и вопросительно посмотрел на него.

Тот растерянно пробормотал:

– Не может быть... я ничего не чувствую... товарищ ошибся... И тут все пришло в движение. По-змеиному зашипела рация: "Внимание! Готовность. Объект в зоне оцепления. Всем внимание!".

– Александр Владимирович, вы уверены, что это он?

Лагутин, словно безумец, оскалил зубы на вопрос подполковника:

– Как же, как же. Он. Здесь он. Здесь. Пришел. За мной. – Было в его бормотании какое-то скрытое ликование, долгожданное чувство облегчения и испуга одновременно. Николаев напряженно смотрел на мониторы, ожидая информации от групп наружного наблюдения.

Позади него топтался озадаченный консультант:

– Я бы сразу... это ошибка... напряженность биополя...

Демин взял со стола малогабаритный пистолет-пулемет "Кипа-рис" и кивнул обоим "титановцам", уже натянувшим на лица черные устрашающие маски с прорезями для глаз и теперь синхронно вставшим, словно роботы, управляемые одной программой, так же синхронно перехватывая отточенными движениями штурмовые автоматы в руках. Капитан и спецназовцы вышли в коридор и замерли около входной двери, прислушиваясь одновременно к звукам извне и командам координатора, который сидел перед мониторами, тоже, на всякий случай, отомкнув



кобуру со своим "ПМ".

Подполковник и экстрасенс остались сидеть за столом, молча взирая на монитор, где в расслабленной позе откинулся на своем кресле Лагутин. Было в его позе что-то неестественное – будто кукла, лишенная завода или управляющих нитей кукловода, распростерлась на сцене в безжизненном оцепенении.

"Сердце у него, что ли, стукнуло?" – подумал Николаев и тут же, вспомнив про свое, достал из кармана флакончик с шариками нит-роглицерина. После того как один из шариков растворился во рту, тяжесть в груди начала медленно таять.

– Я не понимаю в чем дело, Александр Васильевич, – пробормотал экстрасенс, кивая на монитор. – Этот человек погружается в очень глубокий сон.

– Откуда вы знаете? – резко спросил Николаев и переглянулся с Деминым, который с сосредоточенным лицом стоял в коридоре, ожидая дальнейших приказов.

– Я вижу это по его излучению, через стену. Оно меняет интенсивность свечения от изменения уровня жизнедеятельности. Этот человек излучает так, как излучают люди, которые засыпают. Господи, что это с ним?

Николаев перевел взгляд на консультанта Минобороны, который недоуменно вращал головой, поворачивая ее то на стену, отделяющую их от лагутинской квартиры, то на монитор, где эта картина была отображена, словно пытаясь что-то сравнить или сопоставить. Но на экране монитора ничего не изменилось – Лагутин по-прежнему полулежал на кресле в своей странной позе.

– У него что-то не так! Я чувствую! Какие-то бордово-фиолетовые сполохи в ауре. Не понимаю. Я такого еще не видел.

Николаев положил ладонь на панель управления системой видео-наблюдения, и тут же изображение "долгожителя" стало увеличиваться до тех пор, пока в фокусе кинокамеры не осталось только его лицо. Но сейчас оно напоминало больше лицо идиота или наркомана: тонкие губы что-то тихо шептали, нервно кривясь и подрагивая, а из закрытых глаз текли по впалым щекам слезы.

Яма двигался по неровной поверхности крыши, словно черный вихрь, не имеющий четких очертаний, стремительный и смертоносный. Его передвижение по листовому железу было абсолютно неслышным. Так мог бежать вперед разве что бестелесный дух, злоеущий "алдач", вестник скорой смерти. И неудивительно, что два человека, вооруженные автоматами и сидевшие в темноте чердака, не могли слышать, как Яма двигался прямо у них над головой. Они сидели тихо, даже не разговаривая друг с другом, вслушиваясь в тишину, пытаясь уловить в ней любой посторонний звук. Но разве можно назвать подозрительным шелест ветра, стелющегося по кровельному железу? Иногда тишину нарушало шипение рации, которое тут же умолкало, словно опасаясь нарушить маскировку. Оба бойца были одеты в черные штурмовые спецкомбинезоны и маски-"чеченки", скрывающие их лица, поэтому их было практически невозможно увидеть в темном углу чердака. Но Яме не нужно было зрение, чтобы уловить присутствие врага. Полупризрак уже не бежал, а тихо шел на чуть согнутых ногах. За его спиной висел небольшой рюкзак и крепился в специальном чехле небольшой изогнутый меч-сабля.

– ...Шесть-один... доложить обстановку...

Один из бойцов негромко бормочет, прижав к губам портативный радиопередатчик:

– ...Один-шесть... минус...

– ...Вас понял... Конец связи...

И снова тишина, нарушаемая изредка лишь далекими звуками города, попадающими в небольшое отверстие чердачного окна. Легкие поскрипывания старых разохшихся балок.

Ночные шорохи в темноте. Один из дежуривших чуть привстал, всматриваясь во мрак, царящий под огромной крышей. Он что-то почувствовал – там, в дальнем конце чердачного коридора. Второй дежуривший перехватил автомат и тоже прислушался. Никого. Вставший боец снова сел на неровную балку, служившую обоим сиденьем, и в этот момент он оступился и, выронив автомат, грузно завалился на пол. Его напарник удивленно смотрел на это нелепое падение, пытаясь осознать его причину, а упавший спецназовец несколько раз судорожно выгнулся и замер, хрипло вздохнув. Из его шеи торчала короткая толстая металлическая стрела с пластиковым оперением. В это мгновение чернота в нескольких шагах от второго бойца ожила и надвинулась на него вплотную. Пространство, разделяющее двух человек, задрожало, и страшный удар, последовавший за молниеносным росчерком меча, обрушился на оцепеневшего "титановца".

Яма замер и прислушался. После звука упавшего тела все опять стало как прежде. Тихо и безмятежно. Только два трупа на полу выпадали из этой безмятежности.

Воины сами выбирают свою судьбу, свой путь, свою смерть. Эти воины встали на защиту Изменников, угрожая ему силой оружия, и в отражении невидимого Зеркала навстречу им вырвалась разрушительная сила, закутанная в одежду цвета небытия.

Теперь дорога открыта. Время. Яма, казалось, слышал тиканье невидимого огромного маятника, отмеряющего секунды до Схождения – Темная Луна и Светлый Солнечный Серп – Синий Воин и Красная Птица. "Из Лучезарности Света – Луча Вечной Тьмы – устремились в Пространстве Энергии, вновь пробужденные".

Яма быстро нашел то, что искал, это был старый, заложенный кирпичами люк вентиляционного коллектора. Теперь настало время воспользоваться им снова.

– Стойте здесь, – Николаев кивнул Демину и штурмовикам группы захвата, а сам медленно вошел в комнату, не спуская глаз с кресла, на котором обвис "живец". Лагутин дернулся, словно от удара током, при виде подполковника и жалобно заскулил, пряча голову в дрожащие ладони. Судя по аномалиям реакций, было очевидно, что "живца" что-то очень сильно испугало. Но вот что? В квартире не было никого постороннего. Телепатическая атака? В подобную возможность Николаев не верил, и хотя все события последних недель сильно пошатнули его скептицизм в отношении многих вопросов, предположить, что кто-то может воздействовать на человека издали и усилием мысли подавлять его волю, было равносильно признанию своего полного бессилия и никчемности. Ловить убийцу с такими возможностями было просто бессмысленно.

– Александр Владимирович, что с вами?

Подполковник подошел поближе к креслу и сразу почувствовал запах. Легкий и неуловимый, он коснулся его обоняния и тут же исчез, утек, убегая от нежелательного свидетеля. Николаев машинально сделал вдох поглубже, пытаясь поймать этот чудесный горьковатый аромат, идентифицировать его, но тут же страшная догадка яркой вспышкой полыхнула в его сознании. Муровец стремительно выдохнул, метнулся к окну, открыл настежь обе створки и, высунув голову наружу, глубоко задышал, пытаясь очистить легкие от неизвестного газа. Судя по действию, оказанному на "долгожителя", это был какой-то аэрозольный галлюциноген. И ладно еще, если он уже успел разойтись по квартире, и концентрация его в комнате была невысока. Все равно нужно было предупредить опергруппу. Николаев достал из кармана пенал радиопередатчика и только тогда понял, что за ним в данный момент наблюдали в оптические прицелы как минимум два снайпера. И эти резкие движения в зоне предполагаемого захвата могли запросто спровоцировать упреждающий выстрел. Видимо, только высочайший профессионализм стрелков и четкость радиокоординации

позволили снайперам вовремя определить объект и удерживать его в метках визиров, не предпринимая никаких активных действий. Николаев сжал зубы, поняв свою оплошность, и подавил новый спазм сердечной мышцы.

– Внимание! Всем дежурным группам! Особый контроль – за крышей здания, блокировать все смежные подъезды. В сектор видеоконтроля медгруппу. Вход в сектор в противогазах, возможно газовое... – Он не договорил, потому что за его спиной послышался тихий смех. Подполковник обернулся и увидел, что Лагутин уже сидит на полу и хихикает, показывая тощим указательным пальцем в потолок, а на его домашних брюках расплывается по штанинам большое мокрое пятно.

Яма вытянул из вентиляционного отвода небольшой баллон и, отстегнув от него тонкий гофрированный шланг, спрятал все это обратно в рюкзак. Газ подействует сразу, старый дымоход был заложен только здесь, наверху, а во всех квартирах остались еще небольшие отверстия от модных одно время печек – "каминок". Через это отверстие газ проникнет в жилище предпоследнего эргома, которого сей-час так тщательно и бдительно охраняют спецназовцы. Пока газ попадет в легкие, пока разойдется по крови, унося разум изменника в пугающие дебри подсознания. Яма должен занять наиболее выгодную стратегическую позицию, чтобы увидеть все нюансы его Выбора, и в случае необходимости, нанести последний удар. Это будет очень сложный бой. Его нужно будет провести безупречно, чтобы иметь шанс выжить и исчезнуть.

Яма в одно движение выскочил из чердачного окна и вновь оказался на крыше. Высоко в ясном звездном небе светилась призрачным серебром завораживающая огромная луна. Время магического IDA-GRAS. Время чародеев.

Яма сел на еще теплую после жаркого дня железную поверхность крыши и, сложив руки в замысловатом сплетении пальцев, приступил к погружению в АКСИР. Сначала он расслабил тело, затем стал настраивать дыхание на "лунный ритм", ровный и глубокий, выносящий на поверхность глубинный эмоциональный шлак, рассеивающийся в вечерней темноте. Человек становился тенью, APC стремительно двигался в левостороннее энергетическое тело, "зверь" превращался в "шамана".

– Ринн-ару-мнарк-тустреммм-амде-яне-кайсот...

Магия. По вечерним улицам гуляют неспешные парочки и спешат куда-то шумные автомобили. Дома заливаются светом многочисленных окон. Город живет своей обычной жизнью.

Яма кинул в рот травяной комочек Амеркута и зажмурился от наслаждения – приятная истома потекла по мышцам горячей волной. Через пару минут черного человека уже не было на крыше, он растворился в ночном воздухе, подобно призраку, нырнувшему в реку лунного света.

Николаев вышел из подъезда, и его тут же сильно качнуло в сторону. Будто двор перед лицом на секунду прыгнул вправо, а затем то-ропливо вернулся на место. Демин, шедший позади, увидел, что начальник пошатнулся, и тут же поддержал его за руку:

– Александр Васильевич, с вами все в порядке?

Подполковник растерянно развел руками, прислушиваясь к своему состоянию. "Неужели все-таки наглотался газа?" – мелькнула беспокойная мысль.

– Все нормально, вот только... штормит меня что-то. Устал. Демин понимающе кивнул:

– Это от нервов. Да и не спали уже две ночи с этим... – капитан показал головой в сторону микроавтобуса "скорой помощи", куда укладывали на носилках перетянутою прочными фиксирующими ремнями Лагутина. Он начал буйствовать еще в квартире, мечась по ней

подобно загнанному зверю, и ему пришлось, помимо легочного дренажа, вкалывать сильнодействующее успокаивающее и привязывать к носилкам. Теперь он затих и только иногда жалобно подвывал, прерывая стоны торопливым шепотом. В салоне микроавтобуса уже сидели два автоматчика, третий помогал двум сосредоточенным медбратьям загружать носилки в машину.

– Александр Васильевич, может, поедете с ними? Николаев присел на скамейку, вкопанную около подъезда, и вяло отмахнулся:

– Ну, вот еще. Сейчас посижу минутку. Что он там бормочет? Демин пожал плечами:

– Что-то вроде: "Забери меня с собой..." или "Я хочу вернуться...". В общем, бредит.

В это время из подъезда вышел в сопровождении "титановца" кон-сультант Минобороны. Он подошел к подполковнику и сел рядом с ним, косо посмотрев на Демина.

– А вам Александр Васильевич, тоже не мешало бы показаться врачам. У вас в ауре, знаете ли, те же самые вспышки, правда, не такие яркие, но все-таки.

– Какие вспышки? – Николаев рассеянно смотрел на экстрасенса, пытаясь собрать воедино суетливую ораву галдящих на разные голо-са мыслей.

– Ну, вспышки! Вы что, не помните? Я же вам говорил. Бордовые и фиолетовые вспышки. Такие же, как у вашего подопечного Лагутина. Вы знаете, я думаю, будет правильно, если мы сейчас проедем в мою лабораторию. Там имеется специальное оборудование и все такое. Я сейчас позвоню и скажу, чтобы нас встретили. И не сопротивляйтесь, пожалуйста, это все очень серьезно...

Короткая автоматная очередь оборвала фразу, и сразу же ударили еще выстрелы. Экстрасенс вздрогнул и, втянув голову в плечи, при-сел на асфальт. Демин метнулся вперед, вытаскивая на ходу писто-лет из плечевой кобуры.

Мальчик как всегда накрылся одеялом с головой, чувствуя, что в комнату проник кто-то очень страшный. Это не было продолжением сна – сны наоборот приносили ощущение радости и покоя. Суще-ство в комнате пришло из реальной жизни. Мальчику хотелось выг-лянуть из-под одеяла и, наконец, увидеть это пугающее создание в темноте, но страх не позволял сделать ни единого движения. Хотелось даже наоборот, поскорее заснуть, чтобы спрятаться от этого чудовища в светлых сновидениях, но мешало что-то...

Лагутин открыл глаза. Его как раз загружали в машину и все про-странство внутри автомобильного салона бликовало разноцветны-ми вспышками. Казалось, сам воздух переливался ослепительной цветомузыкой ярких пятен, превратившихся в какой-то ужасающий калейдоскоп. Лагутин хотел пошевелиться, чтобы закрыть рукой гла-за, из которых текли слезы, вызванные этой световой феерией, но тело было неподвижно. Прочные фиксационные ремни сковали все его движения наподобие детского пеленального кокона. Эрго-м отча-янно забился, пытаясь преодолеть эту неподвижность, но санитары, деловито устанавливающие кушетку в крепежные пазы, лишь сочувственно посмотрели на него, молча продолжая свое занятие. Именно в это мгновение Лагутин почувствовал появление чудовища. В сотые доли секунды оно вынырнуло из какой-то потаенной ямы в глубине внутреннего пространства и расправило свои щупаль-ца. Эрго-м именно так и видел их: отвратительные черные щупальца, веером развернувшиеся в замкнутом объеме автомобиля, и жуткое ощущение холода и тошноты в районе солнечного сплетения. Жут-кая догадка парализовала разум: это существо всегда было в нем, пряталось где-то глубоко внутри, вгрызалось в его сознание и орга-низм, подчиняя своей неведомой воле. И вот теперь оно выпрыгнуло наружу, проявило себя! "Яма", Институт, Ад... Лагутин мучительно выгнулся, чувствуя, как сильные спазмы скрутили его тело в сплош-ной, пульсирующий болью, конгломерат органики и теней. Суще-ство внутри напоминало спрута,

высунувшего вовне десятки нервно подрагивающих щупалец. Запах! Эргом осознал, что именно этот чарующий запах раскрыл в нем потаенные кладовые, скрывающие до поры в своих недрах это чужеродное энергетическое образование. Все это время оно сидело в нем! Лагутин попытался закричать, что-бы привлечь внимание санитаров, предупредить их, но с его губ сорвался только слабый хрип. Тело ему больше не принадлежало. А этот спрут внутри бесновался, будто задыхаясь от невидимого яда, проникшего в его укромное логово. И хотя в физическом мире прошло всего несколько мгновений, для эргома они превратились в целую вечность, которая уходила черным коридором в прошлое, на-полненное страхом и болью. Лагутин с силой сжал глаза, мечтая только об одном: поскорее заснуть, нырнуть с головой в сновидения, сотканые из света, сбежать от этого демона укравшего у него его тело, его волю, его жизнь. В этот момент, на крышу автомобиля неслышно спрыгнул с козырька дома человек, закутанный в черную одежду.

Николаев поднял глаза и увидел совсем нереальную картину. Двое "титановцев" и оба медбрата лежали возле фургона "скорой помощи". Там же, на брошенных носилках, замер в ворохе окровавленно-го белья пенсионер Лагутин. На его лице застыла гримаса ужаса и в то же время выражение некоего облегчения. Невдалеке, несколько автоматчиков стреляли с колен куда-то вглубь двора, в темноту нео-свещенного фонарями и окнами пространства. Сразу же началась суэта, выстрелы забили чаще, послышался топот множества ног, это бойцы "Титана" брали в кольцо того, кто скрывался во тьме, нейтра-лизовав только что нескольких человек.

Николаев хотел вскочить, но ноги просто не смогли поднять не-послушное тело, став тяжелыми и чужими. В это время во дворе вспыхнул со всех сторон яркий свет. Оцепление еще не было снято, и мобильные группы захвата еще находились в режиме готовности. Услышав выстрелы, как минимум пятнадцать штурмовиков со всех сторон хлынули во двор, на ходу анализируя ситуацию и рассредоточиваясь в соответствии с короткими приказами командиров групп. Мощные прожекторы тотчас же осветили весь двор, но в их бело-голубом сиянии никого не было видно. Выстрелы... крики...

– Вот он, у забора.

Метнулся в сторону световой круг, и тут же Николаев увидел его. Невысокий, закутанный в угольно-черную одежду человек замер око-ло трехметрового забора, отгораживающего двор от хлебокомбината, расположенного по соседству. Автоматная очередь брызнула по бетону, и человек... исчез. Только что был там, у всех на виду, и вот мгновение, и нет никого. Световой круг опять поймал его, но теперь это было больше похоже на смазанную тень. Убийца, видимо, по-нял, что все пути к отступлению для него отрезаны, и тогда он мет-нулся туда, откуда раздавались выстрелы. Автоматчики, несколько шокированные столь стремительными движениями противника и его тактикой, на пару секунд прекратили стрельбу. Этих мгновений убийце хватило, чтобы преодолеть расстояние в десяток метров и врезаться в ряды еще не успевших опомниться бойцов "Титана".

Николаев ошеломленно наблюдал, как черная тень мечется среди таких же темных фигур, и те падают, одна за другой, под молниенос-ными и страшными ударами, словно кегли в кегельбане. Выстрелы... крики... стоны...

Николаев почувствовал, что все вокруг него вдруг тронулось с ме-ста и, набирая обороты, стало закручиваться, подобно детской кару-сели, кружащей маленького мальчика. Он сжал зубы и снова попы-тался встать. Последнее, что он увидел, перед тем как потерять со-знание, было напряженное лицо консультанта Минобороны. Экст-расенс, сидя на корточках, внимательно и сосредоточенно наблюдал за происходящим, словно ожидая увидеть не только исход этого по-единка, но и его малейшие нюансы.

Тьма обрушилась сверху, подобно неожиданному холодному дождю...

Это была картинка из детства. Маленький одноэтажный вокзал посреди огромного зеленого поля. Далеко за горизонтом высятся мно-гоэтажные башни облаков, перетекая огромными клубами одна в другую, бесшумно сшибаясь, трансформируясь, тая. Пахнет желез-ной дорогой и свежескошенной травой. Маленький мальчик прыгает с платформы в эту безграничную зелень и бежит, визжа от востор-га, за стайкой разноцветных бабочек, роящихся в метре от земли.

– Саша. Сашенька. Не убегай далеко, скоро придет поезд.

Мама кричит ему с перрона и машет рукой, а мальчик хохочет и показывает ей букет цветов, собранных специально для нее. Вдруг он замирает. Прямо перед ним сидит на траве человек и, прищури-вшись, рассматривает его, держа во рту длинную травинку. Мальчик нерешительно оборачивается назад, в сторону вокзала, но мама спо-койно смотрит оттуда, не проявляя беспокойства. Значит, это какой-то знакомый дядя, значит, его можно не бояться.

Человек кивает ему, словно старому знакомому, и показывает на место рядом с собой, похлопывая рукой по земле. Мальчик растерян-но стоит на месте. Этот человек почему-то пугает его. У него добрая улыбка и красивая блестящая одежда, которая переливается на сол-нце ослепительными яркими бликами. Но вот глаза... Черные, слов-но два вороньих крыла. Они все знают, они все видят, они сверкают, как два темных солнца.

– Кто вы? – Мальчик смотрит прямо в эти завораживающие глаза.

– Я? Я – небо, – незнакомец смеется и показывает рукой вверх, в безграничный голубой небосвод.

-Небо?

– Нет. – Незнакомец морщит лоб, словно вспоминая что-то. – Я – земля, – он нежно гладит ладонью травяной ковер, устилающий зем-лю.

– Вы – земля? – мальчик тоже смеется. Он уже не боится этого странного дядю. Да и мама не волнуется, значит, все в порядке.

– Нет, нет. Пожалуй... – Незнакомец разводит в сторону руки. – Я – стая бабочек.

И тут его тело превращается в целый сонм разноцветных бабочек различных размеров. Они распадаются в стороны, разлетаясь по лугу и смешиваясь с остальными бабочками, парящими над травой.

– Ух, ты! – восторженно шепчет мальчик. Он следит за этим потря-сающим зрелищем с замиранием сердца. Сотни, тысячи бабочек кру-жили вокруг него огромным цветным облаком. Мальчик повернулся к маме, но она по-прежнему стояла и смотрела с перрона, словно не происходило ничего необычного. Странно, может, это какой-нибудь знакомый фокусник, и мама уже привыкла к его невероятным вы-ходкам?

Где-то далеко громыхнул гром. Из-за горизонта выползла большая грозовая туча.

– Саша, пойдем в здание. – Мама тоже смотрит на темные облака, вот теперь в ее взгляде тревога. Действительно странно: человек, ко-торый превращается в бабочек, ее не беспокоит, а обычная грозовая туча заставляет нервничать.

– Мам, я сейчас, еще немного.

Мальчик снова поворачивается туда, где только что пестрел крас-ками хоровод бабочек, но их уже нет, ни одной. Зато незнакомец опять сидит на траве в прежней позе, пожевывая травинку и улыба-ясь. Изменился только цвет его одежды. Сейчас она была не серебри-стой и сверкающей, а пугающе черной.

– Дядя, а вы кто, фокусник?

Незнакомец молчит. Он смотрит то на мальчугана, то за его спину, на маму, которая зябко поводит плечами, наблюдая за сыном. Види-мо, ее коснулся своим дуновением прохладный ветер, который всегда предшествует грозе, летя впереди нее и, неся на своих невидимых крыльях запах дождя.

– Вы волшебник?

Незнакомец молчит. В его глазах, как в зеркале, отражаются и пер-рон, и мама, и лес вдалеке.

– Вы хотите забрать меня с собой?

Мальчик уже готов расплакаться. Что-то больно защемило у него в груди, подталкивая наружу жгучие слезы. Он чувствует, сейчас должно что-то произойти. Почему же мама молчит?

Незнакомец встал на ноги и, улыбнувшись мальчику, молча пошел прочь, в ту сторону, где небо уже заполнили до предела тяжелые от воды огромные тучи. Через несколько шагов он остановился и, обернувшись, подмигнул мальчугану, словно приглашая его за со-бой, туда, в даль, где гремит гром. Мальчик всхлипнул и растерянно обернулся на маму. А она уже шла к нему по полю, встревоженная то ли приближением грозы, то ли чем-то еще.

Мальчик затравленно улыбнулся ей и завертел головой. Было очень заманчиво пойти с этим веселым и смешным человеком, кото-рый умел превращаться в бабочек, но мальчик чувствовал, что если он пойдет с ним, он уже никогда не вернется назад и, скорее всего, никогда уже не увидит маму. А она уже бежала к нему, словно опа-саясь, что он сделает этот выбор.

– Мам, ты что?

Она подбежала к сыну и, прижав к себе, прошептала чуть слышно:

– Не знаю, Саша, что-то тревожно вдруг стало... Гроза приближа-ется.

Мальчик, улыбаясь, тоже прижался к маме, затем поднял голову и спросил:

– Ты испугалась, что я уйду с этим дядей? Мама удивленно посмотрела ему в глаза:

– С каким дядей?

Мальчик хмыкнул и, повернувшись, показал рукой в направле-нии горизонта. Там, уже далеко, маячила спина одетого в черное незнакомца, сливаясь с грозовой тьмой, заполонившей небо.

– Ну, вон он идет. Твой знакомый фокусник. Ты что, не видишь? Мама, прищурившись, посмотрела вдаль, затем опять на сына и пробормотала растерянно:

– Что ты, Сашенька, какой дядя? Пойдем, сынок, в здание, а то сейчас дождь хлынет. Не успеет, наверное, до дождя наш поезд при-ехать.

Они шли по траве, подталкиваемые в спину упругими потоками холодного ветра, который предупреждал о грядущем буйстве стихии. Мальчик шел, держа маму за руку, и все думал, что же случится с тем человеком? Ведь он ушел прямо в центр грозы, где в поле даже негде укрыться от молний и дождя. Хотя для человека, который называет себя небом, землей и умеет превращаться в бабочек, скорее всего, никакая гроза не страшна. Но почему мама делает вид, что не видит его?

Мальчик иногда оборачивается назад, пытаясь рассмотреть вда-ли черную фигурку, но там действительно уже ничего не было видно. Только ветвистые разряды молний на темном небе. Началась гроза.

Николаев открыл глаза, и первое, что он увидел, был абсолютно белый потолок. Потом зрение стало различать на нем неровности и трещины. А потом пришли звуки. Над подполковником склонилась молоденькая медсестра в белом халатике и, облегченно улыбнувшись, снова исчезла куда-то.

Через несколько часов, когда из вены уже была удалена игла капельницы и самочувствие позволяло ему разговаривать, в палату впустили Демина.

– Ну, как вы, Александр Васильевич? Порядок? – Капитан, как всегда, был бодр и весел.

– Да какой уж тут порядок? Жив, и ладно.

Капитан ухмыльнулся и присел на стул рядом с кроватью:

– Хорошо еще, что вы этой гадости глотнули немного. Страшное дело!

Николаев тут же вспомнил свой странный сон, больше напоминающий какое-то виртуальное переживание или даже реальное воспоминание, забытое за давностью лет.

– Да-а, это точно. Страшное... – Он до сих пор находился под впечатлением этого невероятного видения. Будто на самом деле ненадолго вернулся в детство. Снова увидел маму.

– Что это за газ, установили?

– Пока нет, – Демин развел руками. – Нет достаточной дозы для токсикологического анализа. Только остаточные явления в соединении с органикой. В квартире все выветрилось, вы же сами окно настежь открыли. Взяли пробы из крови – вашей и Лагутина. У того еще срезы органической ткани и вытяжки, в общем, попробуем что-нибудь накопать. По косвенным признакам, очень сильный психотроп.

Николаев закрыл глаза и откинулся на подушку: "Надо же, как глупо все получилось...". Капитан обеспокоено прошептал:

– Александр Васильевич, вам плохо?

Подполковник помотал головой:

– Нет, Паша, все нормально, устал только очень... "Духа" взяли?

– Ну-у, в общем, скорее да, чем нет. Николаев удивленно посмотрел на капитана:

– В каком смысле?

Демин смущенно пожал плечами, и подполковник увидел на лице капитана гримасу испуга, облегчения и... уважения.

– Он восьмерых наших "вырубил", четверых вообще "погасил": двоих убил на чердаке, двое скончались от разрыва поджелудочной железы и от внутреннего кровоизлияния. Я такого, Александр Васильевич, ни в жизни, ни в кино, ни в армии, ни в самых бредовых снах своих не видел. Демон какой-то, а не человек. Он как молния метался по двору, весь в черном, ниндзя хренов. Его не то, что на прицел поймать, увидеть-то сложно было. По двору как пантера носился. А ведь в "Титане" ребята матерые, но такого, говорят, тоже ни разу не видели. Сами из ступора до сих пор выходят.

– Паша, не тяни. Что с ним?

– Завалили, что же еще? Хотя случайно, в общем. Он уже на выход из двора пробился, еще секунда – и ищи-свищи ветра в поле. Темно-та же кругом. Да тут этот ваш экстрасенс помог. Видимо, он что-то с ним сделал, потому что этот, в черном, замер и повернулся к нему, тут наши снайперы и сработали. Три пули в него всадили. В горло, в грудь и в ногу. Так он и тут



чертовщину устроил. Только что в кругу световом стоял – и нет его. Шарахнулся в сторону и исчез. Это с тремя пулевыми-то! В общем, его опять в свет, а он развернулся и руками взмахнул, метнул что-то, наверное. Прожекторы потухли, но снайперы его опять достать успели. У них же инфраоптика. Они в него еще две пули вогнали. Так он завалился и еще метров пять про-полз, как змей. В подвальное окно заполз, там его уже автоматчики, кажется, добились.

Николаев опять закрыл глаза. Разговор с капитаном его утомил, и, что самое странное, был совершенно неинтересен. Перед глазами по-челому-то стояло зеленое поле и черная фигурка человека, уходящего вдаль.

– Что значит, "кажется"? Тело извлекли? Демин опять замялся:

– Видите ли, Александр Васильевич, там от тела-то ничего и не осталось.

– Как это?

– Он себя сжег. Там, прямо в подвале. Выжег все начисто, только зола осталась. Спецы говорят – термитная шашка. Только вот это и осталось. Да саблю нашли на газоне, в кустах.

Демин протянул Николаеву что-то темное, завернутое в полиэтиленовый пакет.

– Что это?

– Нож. Специалисты говорят – довольно редкая вещица, очень древняя. Вот здесь, видите, на рукоятке изображение двух грифонов, на волков похожих, и лезвие какое-то... необычное. Помните, вы рас-сказывали что-то про грифонов?

– Помню, – Николаев глубоко вздохнул. – Ты, Паша, иди, наверное, я отчет потом почитаю. А то что-то я совсем утомился. Капитан понимающе кивнул, встал и направился к выходу.

– Паша.

Демин обернулся уже в открытой двери.

– Где экстрасенс?

– Мертв. Кровоизлияние в мозг. Когда этот ниндзя на него посмот-рел, он за голову схватился и рухнул на асфальт как подкошенный. От перенапряжения, наверное, сосуды не выдержали.

– Ну ладно. Иди, – подполковник вяло махнул ему рукой и, как только дверь закрылась, снова закрыл глаза. Ему все казалось, что пока еще из крови окончательно не вымыли физраствором этот стран-ный психотороп, дарующий такие яркие видения, сон еще может вернуться. Тот сон. В котором были мама, мальчик и загадочный чело-век. И уж тогда нужно будет взять маму за руку и бежать туда, где сплошной стеной лил дождь, приминая к мокрой земле высокую тра-ву. Бежать к горизонту, догоняя этого странного человека.

Часть 2

"ТЕМНЫЙ ВЕТЕР"

"Вопль бездны! Вой! Исчадия могилы!

Ужасный рой, из пасти бурь вспорхнув,

Вдруг рушится на дом с безумной силой.

Все бьют крылом, вонзают в стену клюв.

Дом весь дрожит, качается и стонет,

И кажется, что вихрь его наклонит

И оторвет, и точно лист погонит,

Помчит его, в свой черный смерч втянув".

Виктор Гюго.

## ПРОЛОГ

Экзорцизм (1953 год)

Свет фар выхватил из темноты два стальных щита, выполняющих функции заградительных ворот. Паук пару раз нажал клавишу клак-сона, и из калитки выскочил охранник, прищурившись, разгляды-вая номер автомобиля.

Через минуту массивный черный автомобиль въехал на террито-рию дачи, которая по количеству охраны превосходила даже некото-рые военные стратегические объекты. "Внешний" периметр охранял-ся солдатами из спецподразделения госбезопасности "Филин". Ох-рану "внутреннего" периметра обеспечивали офицеры из службы внутренней безопасности МГБ.

На пяточке перед большим деревянным домом, куда подъехала машина, зажглись осветительные прожекторы, и два офицера-телох-ранителя спустились с крыльца, встречая приезжих. Иноземцев по-дождал, пока один из охранников откроет массивную дверь, и вы-шел из теплого салона, встав на мокрую от недавнего дождя траву, осматриваясь. Темнота, стрекот кузнечиков, приторно сладкие за-пахи цветов на клумбах. Тишина и безмятежность. И все-таки... Что-то едва уловимое, словно микроскопическая вспышка света мигну-ла на мгновение в кромешном мраке и погасла. Какая-то крохотная деталь на заднем плане привычных декораций. Иноземцев глубоко вдохнул прохладный воздух, словно пробуя его на вкус, и, прищурившись, едва заметно покачал головой. Открылась вторая дверь, и послышалось восторженное: "О-о-о!". На ступеньку автомобиля вста-ла стройная изящная ножка в вечерней туфельке на невысоком каб-луке. Девушка удивленно осматривалась, зябко пожимая плечами и не решаясь покинуть теплый салон. Иноземцев усмехнулся и протя-нул ей руку:

– Добро пожаловать в мою берлогу. Она крайне редко встречает в своих стенах таких обольстительных дам.

Девушка кокетливо улыбнулась и осторожно спустилась на зем-лю. Дверцы автомобиля захлопнулись, и он, рыкнув, исчез в темно-те.

– Аня, проходите, не стесняйтесь. Нам нежелательно долго нахо-диться в этой световой феерии. Да и вы замерзли, наверное?

Девушка кивнула, восторженно рассматривая дом, утопающий по верхние окна в густой листве берез и мохнатых петлях голубых елей.

– Прошу. – Иноземцев пропустил ее в открытую вторым офицером входную дверь, и

девушка впорхнула в длинный коридор, освещенный мягким светом матовых ламп.

– Располагайтесь, Анечка. Я сейчас приду.

Аня ответила ему легким взмахом точеной руки и скрылась в зале. Иноземцев проводил ее взглядом, еще раз с удовлетворением разглядывая стройную подтянутую фигурку. Предстоял шикарный "ужин".

Офицер на крыльце вытянулся перед ним по стойке "смирно", ожидая дальнейших распоряжений. Тут же на крыльце неслышно возник Паук – персональный телохранитель, водитель и исполнитель особо конфиденциальных поручений. Офицер охраны даже не заметил его появления, но для Иноземцева текучая походка своего незаменимого помощника отражалась на всех сверхчувствительных рецепторах нервной системы. Нервной системы демона.

Паук замер в двух шагах от Хозяина, презрительно разглядывая вздрогнувшего при его внезапном появлении охранника.

Иноземцев удовлетворенно кивнул и, обращаясь к офицеру, отдал необходимые приказания:

– Я хочу, чтобы сегодня вы все постоянно дежурили внизу. Понятно? Только внизу. Свяжись с комендантом объекта и отдай распоряжение относительно усиления режима охраны. Сегодня все должны быть начеку. Включите "Забор" и по всему периметру объекта – дополнительные посты с собаками. Все. Выполнять.

Когда они остались с Пауком вдвоем, Иноземцев облокотился на перила крыльца и, обращаясь к телохранителю, тихо проговорил:

– Юра, сегодня у нас будут гости. Они уже здесь. Телохранитель неуловимо напрягся и молча кивнул, хотя брови его при этом удивленно вздернулись вверх.

– Сегодня ты будешь рядом со мной, всю ночь. Я хочу, чтобы ты знал: тот, кто проник сегодня ночью сюда, очень опасен. Он уже где-то рядом, я чувствую его присутствие. Сегодня он нападет. Поэтому будь готов ко всему.

Телохранитель опять кивнул, не проронив ни слова. Дополнительные указания, если они будут необходимы, последуют в надлежащем порядке. Иноземцеву очень нравилась эта черта характера его ангела-хранителя, как и многие другие черты, благодаря которым офицер специального отдела СВБ МГБ Юрий Кучин был выбран им в качестве верного клеврета и... ученика. Именно ученика. Иноземцев стал обучать его многим знаниям, которые сдирали с человека шелуху цивилизации, навязываемую на протяжении столетий человечеству его соседями, представителями правящей расы Айказар. Так было всегда. И лишь некоторые из людей допускались к приобщению к узам тайного родства. Из штатного офицера сопровождения и личной охраны Кучин стал медленно, но неуклонно перерождаться в иное, высшее существо, одно из тех, кто в действительности управляет этим миром. Иноземцев стал для него не просто Хозяином, он стал для него всем: воздухом, смыслом жизни, темным божеством, обещающим взамен за верность власть над толпой и силу, поражающую воображение. Подобострастие, готовность к выполнению любых приказов, фанатичное безумие. Находясь рядом с Хозяином, Паук испытывал иногда ощущения сродни экстазу. Сила, ловкость, разрушительная волна, бегущая по стальным мышцам. Не Бог, но уже и не раб. Полубог в роли сторожевого пса. Это действительно был уже не просто профессионал ликвидационных мероприятий, это был виртуоз убийства, зверь, изведавший вкус крови.

– Иди и жди меня наверху.

Паук опять кивнул и неслышно стал подниматься по обычно поскрипывающим ступенькам длинной лестницы, ведущей на второй этаж. Там он бегло осмотрел все окна, тщательно проверил все комнаты, а затем расположился на большом диване, стоящем в коридоре, где

замер, прислушиваясь к звукам, царящим в огромном доме.

Иноземцев стоял посредине огромного зала и тоже вслушивался в пространство. Но, в отличие от своего телохранителя, он улавливал более тонкие грани окружающего мира, что должно было помочь ему идентифицировать проникателя. Войдя в дом, Мангун сразу почувствовал присутствие чужака. Здесь определенно кто-то был. За-чем? Кто? Иноземцев кружил по комнатам, пытаясь уловить запах незваного гостя, почувствовать ауру пришельца.

"Кто был? Кто? Кто? Где сейчас?".

Мангун встал в центре зала и, расфокусировав глаза, принялся медленно вращать ими против часовой стрелки, "разгружая" ком-нату. Слой за слоем, уровень за уровнем он снимал с окружающих предметов пленку времени. Руки его при этом заплясали в диком танце, пальцы, словно антенны, ловили невидимые волны и перево-дили их в ощущения. Дыхание стало замедленным и глубоким. Тело Мангуна забила легкая дрожь, но он не обращал на нее внимания. Обнаружить чужака, идентифицировать его, от этого будет зави-сеть все: и тактика защиты, и стратегия нападения.

Уши стали улавливать качественно новые звуки, новые запахи коснулись свержчуткого обоняния, предметы стали излучать еле за-метный для сетчатки глаз свет. Перспектива окружающего мира стре-мительно менялась. Мангун выходил за рамки человеческой обус-ловленности, нагнетая внутри себя и вовне загадочные силы, недо-ступные человеку. Сейчас мир начнет открывать ищущему свои тай-ные двери, одну за другой, пока все не станет очевидным и доступ-ным. Иноземцев чувствовал, что той энергии, которой он сейчас рас-полагает, не хватит, чтобы уйти далеко. Требовалась основательная подпитка, которая ожидала его в спальне на втором этаже. Так поступали Мангуны с незапамятных времен, они пользовались тем, что по праву всегда принадлежало им – энергетикой рабской циви-лизации. А сексуальная энергия всегда была одним из самых лако-мых кусочков этой диковинной кухни. Правда, сейчас не было вре-мени, чтобы вкусить этой дивной пищи, оставалось довольствоваться своими естественными запасами, которых все равно было во много раз больше, чем у любого представителя низшей расы людей.

Энергия, сцеживаемая с тонкоматериальной решетки мироздания, приятно заструилась по телу. Но ее не хватит надолго. Следова-тельно, нужно поторопиться. Иноземцев вдруг почувствовал ауру де-вушки у себя в спальне. Он остро чувствовал ее возбуждение в пред-вкушении предстоящего секса, и даже на расстоянии часть ее энер-гии всколыхнула его энергополе. Дальше. Вот Паук расположился на диване рядом со спальней. Бесконечно спокойный, сильный, пре-данный. Он не включает в коридоре свет, потому что прекрасно ви-дит в темноте, и это обстоятельство, конечно же, намеревается ис-пользовать против проникателя. Телохранитель виделся Мангуну бурым силуэтом, напоминающим механическую статую с множеством рук. Он определенно уже не был обыкновенным человеком. "Mangunys" – Ставленник. "Многорукий" Паук – это следствие рас-слоения обычного энергополя человека и трансформация его в иную энергетическую структуру, приближенную к энергетическим телам Мангунов. Аня же, наоборот, светилась мягким персиковым светом, в котором периодически вспыхивали пурпурные протуберанцы и чернели какие-то черные горошины. Это что еще такое? А-а, скорее всего возбуждение энергополя перед грядущим совокуплением, но в очень необычной форме. Девушка, может быть, больна, и эти вспыш-ки и "горошины" скорее всего участки пораженных болезнью орга-нов. Ничего, это не страшно, Мангунам болезни не страшны. Чело-

веческие болезни. Поэтому... Стоп! Вот! Новый незнакомый блик на лестнице, будто лужица жидкого света. И вот здесь, в коридоре, и спальне... Бледная призрачная тень, тающая в невидимом пространстве с каждой секундой.

– Кто ты?

Спустя мгновение Иноземцев уже знал ответ. Краски стремительно гасли. Энергия истощилась, и мир возвращал Мангуну привычную полуслепоту. Стены уже не были прозрачными. Предметы погасли, утратив глубину и светимость, и только привычная дрожь во всем теле напоминала о минувшем могуществе. А может, эта дрожь имела совсем иную природу? Это мог быть прогрессирующий энергетический голод, который скручивал тело болезненными спазмами. А может... это кровь несла в себе избыточные потоки адреналина, вызванные ожиданием предстоящего сражения и страхом, который на этот раз имел под собой вполне конкретные основания.

Иноземцев подошел к столику, на котором стоял телефонный аппарат, и, спустя несколько минут, уже разговаривал с одним из тех, кто тоже опосредованно принадлежал к расе, поработившей человечество тысячи лет тому назад:

– Я уверен, это один из них.

– Ты справишься или прислать к тебе помощь?

– Ты не успеешь, он уже внутри дома.

– Чем я могу помочь?

– Ничем. Просто имей в виду, что они снова объявились.

– А ты думал, они исчезли навсегда?

– Я надеялся.

– Я сейчас пришлю к тебе кого-нибудь.

– Я же говорю, ты не успеешь. Я сам разберусь с ним.

– Будь осторожен.

– Буду. Я позвоню тебе потом, ну... когда решу эту проблему.

– Обязательно. Удачи.

Аня ждала его, сидя на огромной полукруглой кровати, занимавшей половину спальни. Во взгляде девушки явственно читалось не-терпение и жгучее желание, заставляющее нервно трепетать дивное стройное тело, ждущее любви и страсти. Иноземцев остановился в дверях, наслаждаясь вибрациями, исходившими от перевозбужденной женщины. Он вдыхал ее волнующий запах, обволакивающий, мускусный, чарующий. Голод был невыносим, но самым прекрасным было именно ощущение того, что возможность утолить его была так доступна и близка. Кроме этого, Мангуна очень возбуждало ожидание атаки. Язычник мог появиться в любой момент. Он где-то здесь, в доме. На охрану надеяться, конечно же, не приходится. Если Язычник прячется в доме, охранники, скорее всего, будут мертвы уже в самое ближайшее время. Остается только Паук и... он сам. Поэтому нужно встретить врага подготовленным.

Будучи одним из руководителей Института, Иноземцев готовился к подобной ситуации в своей, специфической манере. И вот лот день настал. Язычники выследили его и осмелились явиться, чтобы бросить вызов. Теперь не поможет никакая охрана, оставленная Лавром.

Иноземцев прошелся по комнате. Лия смотрела на него, улыбаясь и рассеянно следя за его передвижениями. Он не обращал на нее никакого внимания. Нужно успеть...

Он достал из сейфа миниатюрный чемоданчик и поставил его на тумбочку в изголовье кровати.

– Павел Игнатьевич, я вас жду-жду... – Капризный голосок лишь вызывает хищную ухмылку

на лице Мангуна. "Кусок сочного слад-кого мяса". Она прямо-таки сочтется энергией. "Потерпи, моя доро-гая, еще несколько минут, и я высосу тебя до основания".

– Сейчас, дорогая Анечка, минуточку. Сейчас, лапочка...

В чемоданчике – новейшие разработки Института, технологии сектора оборонной промышленности. Мангун медленно, практически священнодействуя, достал оттуда небольшую коробочку, открыл ее и зачерпнул пальцем едкую сиреневую жидкость, находившуюся внутри. Затем быстро, но аккуратно, втер ее в уголки глаз, нанес на виски, переносицу. По щекам потекли слезы, все вокруг тотчас же погрузилось в темноту. Секунда. Две. Три. "Сейчас подействует". Четыре. Пять. "Вот! Отлично!". Слабый свет появляется в конце не-проницаемо черного бесконечного тоннеля. Зрение возвращалось, и это зрение было во много раз четче, контрастней и ярче, чем прежде. Все вокруг окрасилось в новые необычные краски. Мир излучал, искрился и мигал сотней огней новоявленному ясновидцу, надевшему очки, принадлежавшие иной реальности. Мангун достал вторую коробочку. Он словно доспехи надевал на себя возможности, превышающие даже уровень эргомов – созданных в стенах Института сверх-людей с невероятными перспективами развития своих энергопотен-циалов. Вслед за "шлемом" последовали "доспехи" – содержание второй коробочки. Маленькая болотно-зеленая таблетка, которую Мангун положил под язык. Она быстро растворилась и всосалась в слизистую оболочку полости рта. По венам сразу же потекла новая кровь, обогащенная мощью. Тело словно взорвалось вспышкой сверх-новой звезды, рождая тепло, силу и боль, тысячью иголок впившую-ся в каждый сантиметр мяса, костей и кожи. Иноземцев застонал и упал на колени, вцепившись скрюченными пальцами в ковер. Испуганно вскрикнула Аня. Этот крик напомнил Мангуну, что все сделанное сейчас – лишь подготовка, настройка тела на более высо-кий уровень энергообмена. Вот когда свежая энергия раба хлынет в его кокон, вот тогда он действительно станет невероятно силен. Тог-да он подчинит себе ITNII-UR и все, что лежит за его пределами. Он откроет первые Врата и окунется в океан энергии, чтобы затем от-крыть Вторые и Третьи. А уж тогда он станет практически непобе-дим. Мало кто из Мангунов мог выдерживать подряд три прохожде-ния, три уровня. Иноземцев мог, и причины его успехов заключа-лись именно в том, что он управлял самым мощным на планете Ин-ститутом, разрабатывающим технологии подобных манипуляций. Он долго готовился к этой встрече, и вот настал момент для приклад-ной реализации его могущества. Он проведет Язычника по всем кругам ада и только тогда лишит его жизни. Только тогда. "Какой безу-мец!". В этой схватке выигрывает тот, у кого окажется больше энергии, ибо в этом мире энергия решает все! Энергия... Мангун обернулся к кровати и увидел, что Аня забилась в угол и теперь смотрит на него испуганными глазами. Она прижала к себе свое легкое вечернее пла-тье, которое уже успела снять, ожидая Иноземцева, и теперь словно пыталась закрыться им от жгучего пронзительного взгляда мужчи-ны, пригласившего ее сегодня на эту странную угрюмую дачу.

"Господи, ну какая же я дура, что согласилась, что поехала сюда".

Аня закусил губу и неуверенно всхлипнула. Секса ей уже не хоте-лось. В голове билась испуганной птицей одна единственная мысль: "Домой... домой... домой...".

Иноземцев улыбнулся, наблюдая за девушкой, читая ее мысли, на-слаждаясь ее страхом, тягучими волнами заполняющим комнату. Он скинул с себя всю одежду и тихо прошептал, глядя ей прямо в глаза:

– Ты боишься меня? Аня... Не бойся, не надо. Ты должна знать, маленькая, кто я, прежде чем я заберу твоё тепло. Я – твой Хозяин. Я имею на тебя полное право, и я этим правом

воспользуюсь. Рас-слабься. Это не будет больно, наоборот, даже приятно. Это большая честь для тебя. Иди ко мне...

Аня судорожно вздохнула. Страх буквально душил ее. Эти жуткие глаза, этот голос... Только сейчас все происходящее предстало перед ней в истинном свете, нежели она придумала себе. Легкий флирт, элегантный мужчина – наверняка какой-нибудь высокопоставлен-ный чиновник, загородная дача, шикарный автомобиль, секс... Все неувлимым образом переменялось. Странная дача за бетонным забором, охранники с собаками, ночь, этот страшный человек...

– Иди ко мне... – тихий голос парализует способность рассуждать здраво, желание бежать, сопротивляться. Это природный дар Мангунов, наделяющий их своеобразной харизмой, воздействует на под-сознание человека, и тот становится подобен кролику, замершему перед гипнотизирующим его удавом. Мужчина стоит перед ней об-наженный, страшный, словно сотканный из человеческой плоти и кусков темноты, сгустившейся за окном. Это что-то напоминает. Что-то невероятно знакомое, но очень далекое, из другой жизни, из сна, где Человек Без Лица шепотом рассказывал ей свои непонятные сказ-ки, уже зная о том, что ждет ее в самом ближайшем будущем, зная о ее порочной связи с этим страшным мужчиной.

Аня смотрит на Мангуна. Ее взгляд охватывает его плечи, грудь, руки, живот. Его пенис внушительных размеров уже напряжен, и именно эта деталь что-то надломил в ней, прорвала все плотины благоразумия и осторожности:

– Иди ко мне...

Мощный, необузданный секс, который никогда не сможет пода-рить ей ее муж, слабосильный в этом плане, вечно издерганный на службе и к тому же, инвалид. Ведь именно за этим она и приехала сюда. Именно этого она хотела от этого ужасного человека, который, казалось, читал сейчас все ее сомнения. Аня опять судорожно вдох-нула спертый воздух спальни. Но на этот раз ее вздох больше напо-минал хриплый стон, победный клич прорвавшейся страсти.

\* \* \*

Он специально сделал так, чтобы во время секса кровать чуть по-скрипывала. Этот звук будоражил его воображение, задавал ритм, подгонял или, наоборот, сдерживал.

Аня билась под ним, закатив глаза, судорожно сжав зубы, впившись ногтями в его напряженные бицепсы. Скрипы и стоны запол-нили спальню.

– А-а-а... – Девушка содрогнулась всем телом, бедра ее ритмично заколыхались, волна томительного наслаждения свидетельствовала о том, что возбуждение достигло предела.

– А...а... ах... – Она прижалась к нему всем телом и обвила руками, вытянулась, обмякла.

Мангун чувствовал, что еще немного, и взрыв изнутри принесет ему новые силы. Он приподнял расслабленное тело девушки и, заки-нув ее на себя, мощно вошел в нее снизу. Аня вскрикнула, напряг-лась, но с каждым ритмичным движением это напряжение больше напоминало сжатие пружины, готовой в определенный момент стре-мительно раскрутиться вовне. Мангун гладил руками ее грудь с ма-ленькими упругими сосками, прислушиваясь к своим ощущениям. В эти моменты он был наиболее уязвим, а, следовательно, доступен для того, кто скрывался где-то поблизости, выбирая момент для ата-ки. Именно на этот период времени особая роль отводилась Пауку, который находился около входной двери. После того как энергооб-мен состоится, помощь Мангуну будет уже не нужна. Только сейчас, вот в эти самые

секунды...

Во время соития энергетические волокна его тела находились, как и у людей, в невероятном возбуждении. Но у Мангунов этот процесс отличался особой динамикой. Волокна практически закипали и искрились оранжевыми сполохами. Эта динамика и выбивала центр внимания из его постоянного месторасположения на энергетическом коконе. Уровень восприятия смещался, что в свою очередь и порождало на некоторое время эту унизительную беспомощность. Мангун мог лишь наблюдать, как меняются вокруг цвета аур, не идентифицируя иногда даже привычной обстановки. Все зависело от интенсивности сжигания энергии. Аня была лакомым кусочком. Энергия внутри нее просто пузырилась от избытка. Поэтому Мангун мог видеть лишь вспышки разноцветных огней вокруг и циркуляцию энергетических потоков в собственном энергетическом коконе, а также изогнутой над ним девушки. "Еще чуть-чуть. Секунду... Паук... Паук, не проморгай его...". Последняя мысль взорвалась и растворилась в извержении фон-танирующей энергии, которая заструилась стремительным потоком обжигающей лавы прямо в энергетический центр, вбирающий ее, расположенный в области половых органов Мангуна. Серия бордовых вспышек осветила все пространство вокруг или вовне – эти категории сейчас уже не имели четких разделительных границ. Невероятный по силе энергетический оргазм скрутил тело Иноземцева. Девушка ничего не поняла, когда он, громко закричав, забился под ней, заливая ей ноги горячей спермой, которая, казалось, сама искрила от невидимого электричества.

Мангун замер, на несколько секунд впадая в кратковременный обморок, – это внимание восстанавливало причинно-следственные связи, вернее, волокна, их порождающие.

Язычник не напал. Он упустил свой единственный шанс, несколько кратких мгновений, обрекая тем самым себя теперь на верную смерть. Мангун вздрогнул и открыл глаза. Прислушался к себе, хищно оскалился. Тело просто распирало от огненной волны, гуляющей по нервам и мышцам. ITNL-UR. Энергия взаимодействия.

Аня все еще сидела поверх него, и Иноземцев хотел уже сбросить ее с себя, но что-то вдруг удержало его руку. Странное выражение лица девушки заставило его замереть, словно в отражении ее глаз он увидел крадущегося к кровати Язычника. Время тоже остановилось. В ее зрачках была тьма. Тягучая, подвижная, враждебная. Аня будто заснула с широко открытыми глазами. Не брови еле заметно дрожали, как будто она силилась вспомнить что-то во сне.

"Черт, черт...".

Только сейчас Иноземцев почувствовал, как новый запах коснулся его обоняния.

"Черт, черт, Язычник проклятый...".

Мангун неподвижно лежал под девушкой, зачарованный этим холодным темным запахом, и, обмирая от ужаса, лихорадочно соображал. Он узнал этот запах! Это и был запах тьмы. Запах смерти. КАМАКСДОЛ. Смерть-трава. Корчун. Он витал темными клубами не-уловимого тумана, видимого только взору Мангуна, поднимаясь снизу, откуда-то с кровати, кружась над обнаженными телами, обнимая их своими эфемерными руками. Драконий глаз. Черноголов. У него много названий. Вот он – удар Язычника. Его самого нет здесь сейчас, ему и не надо здесь быть. Проклятый ублюдок все-таки перехитрил, пропитал постельное белье аэрозольным раствором, который, очевидно, испаряется при определенной температуре. Например, под двумя разгоряченными сексом телами. Неужели Язычники способны на подобные трюки? Корчун. Да, это он. Его невозможно спутать ни с чем. Это визитная карточка Язычников. Это – смерть.

Мангун разглядывал девушку и видел, что она действительно подобна скрученной



пружине. Тронь ее – и спираль раскрутится, выс-вобождая скрытую в себе силу. В ней что-то спрятано, там, внутри. Какая-то программа. Иначе Камаксдол сразу лишил бы ее воли, разума, жизни. Это трава не для людей, не для Ургудов... и уж тем более не для Ситанов и Мангунов. Только Язычники владеют ее секрета-ми, только им раскрывает она свои тайны, не отнимая взамен их жизни и души. Обычный человек не способен выдержать касание этой силы. Значит, Язычник подготовил ее к этому, колдовал над ней, прежде чем подsunуть в качестве наживки, приучая ее к этому жуткому яду, попутно вкладывая в ее разум тайные коды неведомой программы, которые будут управлять ею сейчас. Пошевелиться нельзя. На любое движение она ответит агрессивно, Мангун чув-ствовал это. Ее мышцы налились грозной силой и теперь ждали ка-кой-то команды, которая формировалась сейчас в парализованном Камаксдолом мозге. Мангун ощущал это напряжение в ее теле, по-нимая, что всей его сверхъестественной силы и быстроты может не хватить, чтобы нейтрализовать, скинуть с себя эту замершую перед смертельным броском кобру. Аня возвышалась над ним, словно живая бомба с тикающим в голове механизмом подрыва, и теперь нужно было как можно быстрее решить, что же предпринять, чтобы избежать взрыва.

Мангун начал нагнетать в себе энергию ГНИЛ-UR, генерируя ее в области волевого центра и рук. Оставалось рассчитывать на то, что невидимый разряд сможет остановить хотя бы на мгновение течение этой команды, сбить установки, вложенные в эту подлую подставку убийцей, и тогда можно будет ударить ее напряженной кистью в область сердца или кулаком в висок. Если сделать это быстро, то можно разорвать дистанцию, и уж тогда... Его глаза засветились из-нутри мягким флюоресцирующим светом. Энергия по-прежнему бурлила внутри, но что-то мешало сконцентрировать ее в одной точ-ке, собрать в фокус.

Ну, конечно же – Камаксдол. Мангун до боли в скулах сжал зубы. Ведь он тоже наглотался этой дряни. Отрава уже бежала по его ве-нам стремительной черной рекой. Еще немного, и появится Двой-ник. Или эта сучка убьет его. Нельзя терять ни секунды. Сейчас. Вот сейчас. Рукой в горло, и он свободен. Но почему руки не слушаются его? Время уходит. Время. Нужно торопиться. Двойник может по-явиться в любое мгновение. И это будет не безобидный психоморфный фантом, спроецированный из детской памяти, как это бывает у людей. У Мангунов внимание уходит совсем в иные, мрачные обла-сти энергетического тела. Руки, руки... Скорее...

Иноземцев опять посмотрел на девушку и увидел там себя, смот-рящего сверху вниз, по-прежнему затуманенным бессмысленным взглядом.

"Двойник... пришел...".

Мысли сразу стали сбиваться и путаться. Иноземцев-2 сидел тихо, не двигаясь, замерев в настороженной позе, зависнув над самим со-бой, "первым", словно Сфинкс, Отец Страх. Голова человека и тело зверя, сотканное из мглы. Даже если у Мангуна и хватило бы сил выплеснуть свою смертоносную энергию, теперь он уже просто не хотел делать этого. Собственное лицо в отражении Двойника полно-стью деморализовало его. А может, это Камаксдол уводил его за со-бой, растворяя в себе все желания и намерения.

Мангун хмыкнул и глупо улыбнулся собственному безразличию. Двойник тут же отреагировал на эти движения лицевых мышц свое-го оригинала, словно был запрограммирован на подобную реакцию. Спокойные черты в его отраженном лице сразу утратили свою без-мятежность. Иноземцев еще смог понять, что произойдет в следую-щий момент, но испуга он не испытал, а просто наблюдал, как Двойник вдруг

заглянул в его глаза, задрожал, затрясся и, издав пронзительный душераздирающий вопль, вонзил в них большие пальцы обеих рук.

Паук вскочил с дивана, остро ощущая какой-то необычайный дискомфорт, предчувствие надвигающейся беды. Несколько минут на-зад он слышал крики Хозяина за дверью, но так было всегда, это было частью игры. Чуткий слух телохранителя улавливал все нюансы этого древнего ритуала: скрип кровати, стоны девушки, вопль Хозяина, словно яростный рык победителя. Так было всегда. Там, за стеной, развертывалась невероятная мистерия, привнесенная в наше время через сотни лет, из глубины веков, когда магия была неотъемлемой частью повседневной жизни. Теперь все иначе, но наследие прошлых времен не забыто. Паука не смущало, что через полчаса ему придется тащить труп этой несчастной красивой девушки в подвал здания, предварительно завернув его в большой отрез мешковины. Это тоже было частью игры. Древней игры, именуемой ITIL-UR – Путь к овладению реальной Властью, наследие древнейшей расы Айказар. Многие Мангуны не убивали своих жертв, те и сами умирали спустя какое-то время от той или иной болезни, обусловленной обильной потерей энергии, которую забирал Мангун, подобно вампиру, сосущему кровь. Хозяин же всегда физически уничтожал тех, у кого изымал жизненную силу, потому что во время полового акта часть его божественной энергии тоже передавалась им, а это слишком роскошный дар тем, кто никогда его не оценит и не осознает.

384

Еще один крик! Паук вздрогнул. Странно, кричала не девушка. Что это, еще один энергетический оргазм? Сегодня нужно быть готовым ко всему. Хозяин обеспокоен, значит, опасность действительно существует. Там, в коридоре, он сказал, что в доме кто-то есть. Кто? Ликвидаторы "ЩИТА"? Маловероятно, их бы наверняка засекли, если не в ближнем секторе, то уж во внутреннем-то точно. Кто же? Кто мог пробраться незамеченным в дом через два круга охраны и ускользнуть от всевидящего ока Хозяина, напугав его? Язычники. Иноземцев много рассказывал ему про них. Паук запомнил все, и ему передалось то беспокойство, которое возникало у Хозяина, когда он упоминал о них.

Язычники. Это были существа, которые не принадлежали к стаду рабов, поэтому они требовали особого внимания. Мангуны ненавидят Язычников, и причина этой взаимной ненависти тоже лежала за пределами настоящего времени, в прошлом, окутанном тьмой и тенями. И ему, офицеру МГБ, прикоснувшись к этой запредельной реальности, предстояло изучить законы их мира, чтобы успешно противостоять ему. Про Язычников говорили, что они умеют читать мысли, убивать взглядом и даже превращаться в волков, но Паук знал – все это ложь и нагнетание страха. Но вот только почему тогда Хозяин так их опасается или даже боится?

"Темный Будда". Секта тайных убийц, психочародеев. Если один из них находится сейчас где-то поблизости, нужно быть готовым ко всему. Паук подошел к двери, ведущей в спальню, и остановился перед ней, раздумывая. Он никогда не беспокоил Хозяина в эти моменты. Секс и убийство – категории интимные, требующие концентрации и уединения. Но этот крик...

Тишина. Зловещее молчание. Паук вышиб двери одним ударом ноги и метнулся в комнату, на ходу вытаскивая из напоясного чехла боевой нож. На входе он присел и, кувыркнувшись, преодолел поло-вину спальни, оказавшись около кровати. Еще в прыжке телохранитель почувствовал отчетливый запах смерти, витающий в воздухе. Выпрямившись, он дико оглянулся и тут же замер. Все уже свершилось. На кровати, в ворохе окровавленного белья, замерли два мертвых тела. Одним из них был его Хозяин. Он лежал под обнаженной девушкой, которая накрыла его своим красивым телом, словно пыта-ясь прижать его к кровати и никогда уже не позволить встать.

Телохранитель осторожно приблизился к ним и ногой оттолкнул тело Ани в сторону. То, что открылось его взору, было ужасно. Лицо Хозяина превратилось в сплошное кровавое месиво. Оба глаза его были выдавлены, и теперь бог смотрел в потолок пустыми окровавленными глазницами, будто разбитые зеркальца души теперь обна-жили его истинную сущность. Судя по безмятежному выражению лица Мангуна, можно было предположить, что он наконец-то успокоился и лег отдохнуть от постоянных интриг, битв и страхов, кото-рые гнали в поисках Власти по мрачным коридорам времени.

Паук вытянулся перед ним, словно отдавая последнюю дань ува-жения единственному в этом мире существу, которое было ему доро-го, которое открыло ему глаза на истинное положение дел в этом мире и которое дало шанс обрести силы, управляющие этим миром и существами, населяющими его. Так прошло несколько минут. Изу-веченный Хозяин будто не хотел прощаться со своим прислужни-ком и учеником, словно удерживая его слабеющей аурой перед сво-им изуродованным телом.

Юрий Кучин хотел заплакать, но человеческие слезы высохли в гла-зах, принадлежавших Пауку. Он не оправдал надежд своего Хозяина, не защитил его. Язычники... Это все они. Их враг мертв, но он оставил после себя ученика, который знает об их существовании. А это озна-чает – месть. Паук с ненавистью посмотрел на девушку. Это она, под-лая дрянь, проникла в святая святых Мангуна, скрывая свою истин-ную сущность под обликом похотливой сучки. Хозяин предупреждал – Язычники мастера перевоплощаться. Воспользовавшись моментом бессилия бога, она нанесла ему свой смертельный удар. Паук с силой пнул мертвое тело девушки ногой, а затем, словно желая удостове-риться в том, что она действительно мертва, отточенным движением воткнул свой нож туда, где должно было биться сердце.

– Тварь, тварь, сука...

Из его глаз, вопреки его стальной воле, все-таки потекли слезы. Он бросил на пол окровавленный клинок и опять застыл. Но на этот раз ступор был более продолжительным. Паук стоял так очень долго, просто не зная, что теперь делать.

## 1. (Главы-ретроспекции, 1999 г .)

Максим сидит на скамейке, расположенной в тенистом скверике, и вспоминает. Это очень важно для него сейчас – вспомнить все, что он услышал в последнее время от адептов Клана, и вплести эти вос-поминания в узор своей запутанной жизни. Вот перед ним появил-ся призрачный облик человека в черной одежде воина-тайшина. Унген.

– Проект Общества был основан на идее создания гармоничного политического Союза, который должен был не только предотвратить самую разрушительную войну столетия, но и

сохранить без ущерба друг для друга энергетические Скважины, создать тенденцию для стремительного рывка вперед, к новым горизонтам развития цивилизации людей... Тайшины провели гигантскую работу. Мастерскую работу. Они подготовили все к решающему слиянию двух Стран-"Пятновладельцев". Но тут, как всегда, вмешались Ситаны. Результат их вмешательства был катастрофическим для всех нас: тайшинов и людей. Может быть, сейчас ты сможешь оценить силу, коварство и неутомимую жажду власти, которую Ситаны ставят превыше всего. В любом случае, все планы и надежды тайшинов рухнули, словно карточный домик. Все члены Общества были вынуждены скрыться в укромных местах, потому что Мангуны устроили на них настоящую охоту. В этом кипящем котле остались только несколько тайшинов, призванных попытаться изменить течение событий. Отсюда и начинается история твоего дедушки в качестве Дуэнера, Воина-Волка... Петр Алексеевич Ковров принял посвящение в Тай-Шин в Храме Четырех Хранителей, принадлежащем тайшинам. Став одним из нас, он возглавил "ЩИТ" – организацию, которая представляла "Треугольник" – один из самых грандиозных и значительных проектов в истории человеческой цивилизации. Твой дедушка попытался повернуть программу в ее прежнее русло, но сделать это в полном объеме оказалось уже невозможно. Черная магия демонов "Корн" настолько срослась с концепцией российской, а в те времена – "советской" государственности, что даже после "победы" СССР над Германией, смерти Сталина и ряда Мангунов, один из которых, кстати, был невидимым Наставником Джугашвили и, соответственно, "серым кардиналом" Кремля, было уже поздно что-либо изменить. "ЩИТ" был "законсервирован", все материалы и архивы уничтожены, а Координатор организации приехал сюда, на Алтай, где, согласно Преданию, в самом скором времени возьмет свое начало новая цивилизация людей, свободных от Одержания духами всех мастей. Цивилизация Воинов-Дуэнеров...

Максим закрывает глаза, воспоминания становятся четче: Нежный голос раздается из света, превратившегося в воображении в облик прекрасной женщины. Полина, Иссит Тай-Шин.

– Мы уходим, Максим. Ты должен идти с нами, потому что ты тоже тайшин. Ты никогда уже не сможешь снова стать "обычным" человеком, поверь мне. Сила, которая проснулась в тебе, не сможет уже снова уснуть. Если ты останешься с людьми, то постоянно будешь чувствовать себя чужаком здесь и страдать оттого, что никогда уже не сможешь быть с нами...

– Почему я не смогу?

– У тебя может не хватить энергии, чтобы найти нас, если ты захочешь вернуться.

– Айрук рассказывал мне про тайшинов-одиночек. Он говорил, что Сила одиночки и Сила Общины равна.

– Безусловно. Силу вообще невозможно с чем-то сравнивать. Но подобное утверждение действует лишь в том случае, когда ты научился управлять Силой. Наладив взаимоотношения с Силой, ты можешь чувствовать себя одинаково сильным в любом уголке этой Вселенной. Но ты лишь прикоснулся к ней. Тебе еще многому предстоит научиться, прежде чем ты достигнешь подобного мироощущения. Не забывай – если мы уйдем без тебя, человеческое общество накинется на тебя, как на раненого зверя, отбившегося от стаи. И тогда тебе придется вступить с этим обществом в смертельную битву, сражаясь с призраками, потому что истинные преследователи будут лишь дергать за нити своих неразумных кукол, прячась глубоко под землей. Именно поэтому и был создан наш Клан. И сейчас мы должны вернуться к истокам нашей Силы, чтобы обрести истинное могущество и стать непобедимыми.

– Полина, ну как ты не поймешь? У меня семья. Понимаешь? Семья! Я не смогу оставить их.

– Почему?

– Потому что они...

– Пропадут без тебя? Вряд ли. Скорее, они пропадут с тобой. Ты будешь все время тянуть их за собой на границу неведомого, но это направление не будет радостным для них, потому что они принадлежат к иному миру, к иной системе координат. Люди и тайшины очень сильно отличаются друг от друга. И хотя внешне эти отличия невозможно отследить, между ними столь колоссальный разрыв, что можно говорить о различных путях развития в самом широком смысле этих слов. Я прошла через этот ад. Я знаю. Они не поймут тебя ни-когда. И не поверят. И даже если поверят, то идти рядом с тобой не захотят. А если и захотят, то не смогут, потому что из этой паутины возможно уйти только после целой жизни, наполненной битвами и магией. Отпусти их. Они чужаки в нашей области, так же, как ты чужак в их мире. Ты уже хотел изменить Карину, но ничего не добился. Она могла бы стать тайшином, если бы верила тебе. Но она тебе не верит, потому что все люди верят только тихому шепоту существ, которые с самого раннего детства шепчут им свои страшные сказки. У твоей жены были слишком влиятельные учителя – родители и те, кто ввел ее в мир бизнеса, неотъемлемую часть Паутины, сотканной Мангунами. Они прочно завладели ее разумом и сформировали как личность. Твои попытки влиять на нее, скорее всего так и останутся безуспешными. Она слишком упирается. И выхода из этого замкнутого круга я не вижу...

– Я попробую еще раз. Она поймет.

– Ее АРС совершенно нетренирован. Она не сможет пойти с нами. Там, куда мы уходим, действуют совсем иные энергетические законы. Карина слишком долго и упорно боролась с тобой, и это определило ее выбор. Она остается. Остается, к сожалению, даже не прикоснувшись к нашему миру, но это ее Путь. Мы не вправе осуждать этот выбор. Теперь дело за тобой. Ты еще можешь уйти.

– Один я не пойду.

– Не забывай, у тебя здесь остаются очень опасные враги. Во-первых, это ZURDNA – твой Темный Дух. Ты никогда не должен забывать про него, потому что он всегда находится где-то поблизости. Во-вторых, Мангуны, существа, которые будут искать тебя везде, чтобы уничтожить. И, наконец – Водолаз, полумангун-получеловек, мститель-убийца. Он идет по нашему следу, подобно ищейке, и его тоже нельзя сбрасывать со счетов.

– Если он придет ко мне, я его убью.

– А если он убьет тебя? Не вмешивай в эти дела свою семью. Этому убийце нужен только ты – тайшин Адучи. Он охотится за тобой, за всеми нами. Нет человека, нет проблемы. А если ты останешься, проблем у тебя будет хоть отбавляй. Твоя жизнь превратится в ад. Оставь их в покое, им будет лучше без тебя. Ты вносишь в их образ жизни разрушительную динамику. Если ИТУ и ТАЙ не приходят к Равновесию, они уничтожают друг друга! У них свой путь, у тебя – свой. Твоя жена найдет себе надежного жизнеспособного мужчину, который обеспечит ей достойный уровень жизни, будет лелеять ее и ограждать от всех тягостей этого мира, а также потворствовать ее "женственной" слабости. Ей нужен именно такой человек. Она не хочет быть сильной, как ты не понимаешь?..

## ЗАПИСИ В ДНЕВНИКЕ

"03.07.99 г., время –14.35 (день)

Я остался один. Тайшины ушли. Покинули Усадьбу, оставив ее на старого Гьма, и исчезли. Полина сказала, что они пришлют за мной. Значит, у меня еще есть время подумать и принять решение".

"03.07.99 г., время – 20.32 (вечер)

Я вспоминаю слова Полины и думаю, что она все-таки была права. Что-то изменилось во мне и в окружающем меня мире. Карина все больше и больше удаляется от меня и "уводит" за собой Нику, я чувствую это. В последнее время я все чаще и чаще ощущаю намерения жены и вижу, что она боится меня и инстинктивно пытается разорвать дистанцию, одновременно пытаясь подмять мою волю под свое мировоззрение. ИТУ и ТАИ расходятся, и ничего нельзя поделаться. Расходятся, чтобы сшибиться с невероятной силой, гася друг друга и уничтожая. "Черная Охота". Как повернуть этот губительный процесс вспять, я не знаю. И вообще, возможно ли это?".

"04.07.99 г., время –11.47 (утро)

Время обучения погружается в зыбкую дымку, воспринимается как нечто далекое и нереальное. Что это? Начинаю становиться обычным человеком? Плохо это или хорошо в моем случае?".

"4.07.99, время – 15.11 (день)

"Воин-Охотник". Зачем я создал его? Утопия это или последняя надежда на возрождение "Треугольника"? В любом случае Мирформизм – это попытка вернуть утраченное, это мой долг по отношению к дедушке, к Обществу, к моей семье... Я сделал все что мог...".

"06.07.99, время-8.17 (утро)

Сегодня ночью в Сновидении вместо Каркамаса пришел Белый Волк. Он втянул в себя через глаза моего УЛА, и я стал волком. Я бегал в его теле до изнеможения по заброшенным и запретным лесным тропам, а несколько минут назад вышел из Сновидения, мучительно расставаясь с былой силой. Коур-анг как будто специально водил меня по тайге, словно пытаюсь показать что-то. Это путешествие совершенно не походило на путешествия с Каркамасом. Интересно, кто придет ко мне завтра ночью? Может, это будут Кураны-Птицы?".

\* \* \*

– Ты меня боишься? – Максим пристально посмотрел Карине в глаза.

– Я же говорю – ты безумец! У тебя даже глаза безумца. И взгляд у тебя какой-то стал... волчий, звериный. Ты и есть зверь. Ты только притворяешься человеком. У тебя в глазах тьма. Ты весь какой-то темный...

– Ты меня боишься? – повторил Максим, не сводя с нее своего взгляда.

"Сила. Ее можно проецировать вовне через глаза – это самый короткий путь".

– Я за ребенка боюсь. Что ты ей как отец можешь дать? Ты же странный какой-то стал. И меня ты не зря доводишь. Я чувствую, ты что-то делаешь со мной. И я этого не хочу...

– Посмотри мне в глаза.

"ТАИ изливается из глаз и этим самым он впрыскивается в окружающее ИТУ, которое тут же вступает с ним во взаимодействие. Результаты этого взаимодействия могут быть непредсказуемы...".

– Нет! – Карина отвернулась, и Максим понял, что она плачет. Он встал, подошел к ней и сев перед ней на колени, обнял ее ноги.

– Не сопротивляйся мне. Я уведу тебя далеко-далеко, туда, где ты сможешь понять все без слов. Но для этого ты должна научиться чувствовать невидимое, должна отказаться от своего рационального ума...

Она вскочила и яростно набросилась на него, хлеща руками по телу:

– Не хочу! Не хочу! Не хочу! Убирайся! Ты никогда не победишь меня, никогда! Я все равно сильнее! Убирайся!

"Она слишком упирается. Она не верит тебе, и выхода из этого замкнутого круга я не вижу...".

"Если ИТУ и ТАЙ не приходят к Равновесию, они уничтожают друг друга".

## ЗАПИСИ В ДНЕВНИКЕ

"07.07.99 г., время – 13.33 (день)

Сегодня ездил к Санаеву. Отдал ему наброски "Концепций". Пожа-луй, он единственный, кто серьезно их воспринял, и кто действительно сможет отчасти разобраться во всем этом. Посмотрим...".

"10.07.99г.

Двадцатый век. Сколько жутких тайн скрывается за твоим полом-гом? Зачем мне нужно было знать о "Треугольнике", о "ЩИТе"? Как это знание может помочь мне в противостоянии Зурде? Айрук говорил мне, что Зурда является моим темным, перевернутым, "зеркаль-ным" отражением. Что он хотел этим сказать? Еще он сказал, что победить свое отражение невозможно, но можно переменить свое к нему отношение, и что залог моей победы над Зурдой в моем осознании, которое должно отталкиваться от осознания прошлого.

Прошлое... То, что я узнал – невероятно! Но мой разум уже давно перестал поражаться обилию загадок и тайн окружающих меня. О том, что мой дедушка имел отношение к ИТУ-ТАЙ, я знал и раньше. Но то, что он являлся Исситом, одним из патриархов Ордена и Координатором могущественного Союза... это просто невероятно! А раз тайшины упорно подталкивают меня к. этому знанию, следовательно, они считают, что там я смогу обнаружить что-то, что поможет мне избавиться от давления со стороны Zurdha. У меня нет оснований не доверять Исситам. Значит...

Начало века. Тайшины ищут кандидатов на роль своих единомышленников и исполнителей... В одной книге я нашел довольно интересные сведения. Там говорится о том, что зимой 1912 года резидент Третьего Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии и по совместительству сотрудник Второго отдела российского Генштаба, будучи по делам в Вене, стал свидетелем встречи трех необычных людей. Двоих из них он знал. Один – известный в то время кавказский колдун и гипнотизер Гурджиев. Другой – эсдек, ленинец по партийной кличке "Коба". Третьего человека резидент Канцелярии не знал, но по завершении беседы проследил за ним и выяснил что фамилия господина – Шикльгрубер. Итак, Гурджиев, "Коба", он же – Сталин, Адольф Шикльгрубер, он же – Гитлер. Они встречались в 1912 году за столиком венского кафе. Два будущих отца народов, спровоцировавших одну из самых кровопролитных войн в истории человечества, и маг, философ, кавказский грек Георгий Гурджиев. О связи Гурджиева с будущими диктаторами писали давно. Говорили, что Гитлер очень внимательно и с интересом следил за учением Гурджиева. А на знакомство Сталина с таинственным колдуном намекает одна обмолвка кавказского мага, о которой я тоже недавно читал. Гурджиев говорил о

некоем "князе Нижарадзе", на которого Великие Братья наложили важную и ответственную миссию. Интересен тот факт, что под именем "князь Нижарадзе" юный Иосиф Джугашвили грабил по-чтовые кареты.

Унген говорил, что в начале века проблемой "ставленников" ИТУ-ТАЙ занимался в России некий Иссит Джива. Мастер Джива... "Гуру Джива" – Гурджиев?..

1912 год... Русские большевики на пражской конференции окончательно размежевались с меньшевиками. Через несколько лет они превратятся в партию, которую Сталин видел "орденом меченосцев". Странное название? В 1912 году на конференции оккультистов в Германии образовалось магическое братство – Германский орден. Позже от него отделилось братство "Туле", символом которого стали свастика и меч. Члены братства именовали себя "новыми меченосцами". Именно из недр "Туле", членом которого был Гитлер, родилась нацистская партия. Совпадение?

Свастика – "понятное лишь посвященным в Учение Будды"... Значит, Гитлер все-таки был посвящен в это Учение? Фюрер (Бюри) – "Волк"... и его знаменитое "Волчье Логово".

Бросается в глаза поразительный параллелизм судеб обоих диктаторов: оба родились на одном (46-м) градусе северной широты, оба "мигрировали" впоследствии на север. Оба будущих диктатора в детстве учились в религиозных заведениях. Отцы обоих – сапожники. Даже медицинские диагнозы совпадают: прогрессирующая паранойя и сухорукость.

Итак, оба будущих вождя были найдены и "подняты" на самый верх социальной пирамиды неведомыми силами. Оба режима, установленные ими в двух сильнейших тоталитарных государствах, тоже очень похожи, особенно для внимательного наблюдателя. Известна ненависть обеих диктатур к мистическим обществам, обладающим тайными знаниями. И Гитлер, и Сталин объявили охоту на масонские братства. Оба вождя активно интересовались сверхъестественными возможностями человека. Гитлер просто бредил тайной властью, проявляя интерес к учению альбигойцев и других гностических сект. Он искал Шамбалу, видя в ней духовный оплот арийской расы. Сталин тоже проявлял интерес к Гималаям. В частности, известно, что их обоих интересовала АГАРТА – место рождения Майтрейи. Князя Света – подземный город-двойник Шамбалы. Что же искали там оба загадочных диктатора?

АГАРТА... Ассоциируется с легендой о подземной стране АГАРТА легенда о мистическом царстве ТУЛЕ. Согласно ей, ТУЛЕ – это подземное царство, заселенное гигантами. Прародина ариев. Тевтонский рай. ТУЛЕ также называют Белым Островом. Гитлер, как известно, бредил мифом о тысячах гигантов, спящих под золотыми оболочками в горных пещерах. Он был одержим идеей пробуждения гигантов и начала после этого Новой Эпохи. И братство "ТУЛЕ", выбравшее символом свастику и меч... Имелось ли в виду конкретное географическое место или...

"ТУЛЕ" – "Tula" (на санскрите это означает "Весы") – "Две Чаши" – "Качели" – "Два Крыла" – ИТУ-ТАЙ – РАВНОВЕСИЕ?..

Согласно многим мифам, месторождения Майтрейи именно АЛ-ТАЙ!

Белый Остров – город, находящийся в ином измерении – "БЕЛО-ВОДЬЕ" – святой город, ушедший в иной мир со всеми своими жителями... Беловодье – это Алтай!

Картина начинает проясняться...

"Треугольник". Мой дедушка был третьим Координатором Союза. А кто были первые два? Может быть, это тоже элемент загадки, разгадав которую, я стану сильнее? Унген



говорил, что один из них ученый, а второй – писатель... По поводу ученого у меня есть ряд предположений, а вот писатель мной угадывается почти наверняка. Более того, у этого писателя были помощники, последователи, сотворцы, некоторые из которых, вероятно, действуют и сейчас, рас-путывая сложные узлы тайного узора, сотканного в начале этого века.

Булгаков, Ефремов, Грин, Толстой, Стругацкие...

Их книги стоят на полке в шкафу, словно дожидаясь пока их заме-тят, прочтут и поймут что-то очень важное, грандиозное, но скры-тое между строк.

АКСИР – Волчья Тропа, Темный Петер, погружающий разум во тьму и уносящий за пределы привычного мира. Тайный, "темный" Огонь, вырывающий шамана из загона левополушарного "бычьего ума"...

"Темное Пламя" называется звездолет а романе Ефремова "Час Быка"...

Иван Ефремов.

Ученый становится писателем...

В 41-м его приковала к постели странная болезнь, завезенная из Азии. Тогда он начинает писать о "необыкновенном". В частности – "Озеро горных духов".

Все его творчество пронизано определенным знанием. "Лезвие брит-вы", "Туманность Андромеды", "Час Быка"...

Ефремов был известнейшим в стране знатоком учений Востока. В "Лезвии...", в эпилоге, один из героев романа говорит, показывая на заброшенный буддийский храм, стоящий в центре города, что имен-но в этом здании он открыл бы научный институт.

"Час Быка". Бык и Орел – два аспекта. Зевса – земной и космичес-кий. Зевс космический везде сопровождался орлом (эфир, свет, мол-ния). Бык – его земной аспект (небо, земля, море и подземное цар-ство). В японской мифологии космическое яйцо было расколото бы-ком. В то же время старояпонский бог-громовержец изображался как огненная птица. В митраистических ритуалах бык – символ Земли. Бык, которого победил Митра, как символ принесения его в жертву для космического плодородия. Из его тела появляются все растения и животные. В древнеиранской и древнеперсидской мифологии бык – лунное божество. Его атрибут – серп Луны. Считалось, что умер-шие принадлежат быку. Бык, как тотемный знак гиперборейцев, был антагонистом Дракона.

Не случайно имя одного из главных ефремовских героев в "Туманно-сти Андромеды" тоже, кстати, сваливающего с ног именно быка, – Дар Ветер – (Темный (DARK) Ветер?)

Очень характерно упоминание в романе "Час Быка" Общества "Се-рых Ангелов", которое противостоит господствующему строю Тор-маиса ("Тор" – "Мане" – "планета людей", и в то же время "Тор" можно трактовать как "Бык" – "бычьи люди", "бычий ум"). Обще-ство Серого Будды!? Аналогии слишком явные.

Под многими письмами жене Ефремов подписывался – "Волк". Странный псевдоним...

Древний Культ Хранителей, почитающих Хозяина Алтая, Духа-Волка, община ИТУ-ТАЙ, Общество Серого Будды...

Интересно, все прочитанное начинает открываться для меня со-вершенно с другой стороны! Что это: распутываю нить или выдаю желаемое за действительное?

Некоторые исследователи творчества Булгакова полагают, что именно Ефремов являлся прототипом поэта Ивана Бездомного в романе "Мастер и Маргарита". Может быть... Во всяком случае, они явно были связаны одним тайным знанием, которое

было положено в основу этого знаменитого романа.

Я полагаю, что "Мастер..." является неоценимым историческим документом, закамуфлированным под литературное произведение, коим его и воспринимают тысячи и тысячи читателей. И, возможно, именно "Мастер..." скрывает в себе описание одной из самых значительных мистерий двадцатого столетия.

"Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо". Гете. "Фауст". Эта цитата определяет смысл всего произведения. Дуада. ИТУ-ТАЙ. Свет и Тьма...

"Все вещи происходят из огненного начала как дважды выродившиеся – в свете (Wohl) и тьме (Wehe)". Я. Беме. "Theosophische Werke".

W – символ, о котором автор часто напоминает в связи с личностью Воланда.

"Мастер и Маргарита" – это роман, состоящий из двух параллельных временных потоков. Иешуа и Воланд. Сын Бога и Дьявол, говорящие об одном! Свет и Тьма. ИТУ и ТАЙ. Это учение лежит в основе романа, который Булгаков начал писать в 1928 году. В Москву навещается князь Тьмы со своей свитой...

"Черный" Воланд – повелитель теней, князь Тьмы, как сатана – библейский Дракон (derkien – "видящий"). В переводе с латыни Volans означает "Крылатый"!

Когда Воланд летит со своей свитой на темных конях над землей, Луна открывает их истинные обличья. Летящим в небе, на темном коне, в черно-синем плаще, расшитом золотыми звездами, изображался на росписях славянский бог Ветра – Стрибог. И многократное упоминание W на вещах, принадлежащих "Крылатому" Воланду... WAAT – Дух Ветра у зороастрийских мистиков... Wolf – Волк. В славянских сказках волк – воплощение Бога Громовника-Громовержца...

"Один, один, я всегда один...". Воланд не случайно повторяет это слово несколько раз. Один, или как его еще называли – Вотан (Wotan) – верховный бог северных народов унаследовавших древнюю магию ариев и скифов. "Од" – "Ветер"... Одними из его тотемных животных являются волки. Древний шаман, или, как его еще называли, "священный обманщик", заставляющий своими магическими выходками, изумляться людей собственной глупости. Покровитель мудрости и колдовства. Воин, пожертвовавший собой ради обретения тайного знания для людей. Согласно легендам Один отдал один глаз за обретение мудрости, испив из Колодца Мудрости. Консультант по магии Воланд смотрит на современную Москву лишь одним, левым, "совершенно безумным" глазом. На месте второго зияет черная пустота... Орден ИТУ-ТАЙ не случайно начал проявлять свою активность в начале века на территории России. Два Колодца нужно было привести к таинственному состоянию, именуемому Равновесие... И, следовательно, появление тайшинов в Москве было вполне закономерным явлением. Князь Тишины, Вершитель Общества Серого Будды... Это необходимо продумать более тщательно. Если, конечно, останется время....

В "Мастере", общество людей устроило настоящую "Черную Охоту" за Воландом и его попутчиками. В романе все заканчивается, как и в жизни – Ситаны не позволили привести Колодцы к Равновесию. И существа гораздо более жуткие, чем пресловутый князь Тьмы, будут все дальше и дальше уводить человечество от его великого предназначения, к краю ужасной пропасти...

Волны гасят Ветер. Людены тоже уходят, непонятые человечеством. Тема Прогрессорства у Стругацких раскрывает множество проблем, обусловленных этим непониманием.

"Трудно быть богом", "Жук в муравейнике", "Волны гасят ветер", "Обитаемый остров"...

Проблема Института (НИИЧАВО) и взаимоотношений людей и чародеев – "Понедельник начинается в субботу" и "Сказка о Тройке". А пресловутый Институт Чудаков?

"Полдень, XXII век", "Пикник на обочине", "Улитка на склоне",

"Гадкие лебеди", "За миллиард лет...", "Хромая судьба"... необходимо перечитать эти книги заново, чтобы понять одно – Стругацкие тоже "в курсе проблемы"... Та ли это проблема, которую я пытаюсь вытащить из прошлого, ухватившись за постоянно ускользающую нить? Читаю...

"Перед смертью Ефремов передает через жену Стругацким "кое-какие, интересные им материалы"... через 12 лет появляется "Хромая судьба". Как и у Булгакова, это "роман в романе": некий писатель создает свою главную книгу жизни, и сюжет этой книги – вторая линия повести. В конце, повести появляется лично Михаил Афанасьевич Булгаков и говорит писателю: "...Единственное, что меня интересует, это ваша Синяя Папка, чтобы роман ваш был написан и закончен. А как вы сделаете, какой ценой – это, право же, мне не интересно...". Далее Булгаков диктует писателю окончание его романа".

Синяя Папка... Это напоминает информацию о неких синих папках, содержащих в себе секреты "азиатских культов", найденных в личном сейфе Дзержинского.

Раса разумных киноцефалов – "Голованы". Я полагаю, что эта проблема сотрудничества двух цивилизаций основана на знании писателей о Каркамазах – "Небесных Псах". Голованы появляются сразу в нескольких романах, причем в "Волнах...", которые все-таки гасят "Ветер", упоминание, о голованах приводится в связи с метагомами-люденами.

"Людены", "Чужаки", "Иные"... Уже не люди, но и не нелюди... Выдержать это осознание можно только в одном случае – относившись к нему как к Игре...

Они именуют себя "метагомы", "мизиты" – "за-человеки". А слово "люден" произошло от "Ното ludens" – "человек играющий". В одной из восточных религий имя ночи – Лила, "игра" на санскрите. "Дети ночи", тайшины, дуэрги, "людены". "...им больше нечего делать на Земле"?..

"Они уходят, мой Капитан. Собственно говоря, они ушли. Совсем... Никто из нас не понял"....

\* \* \*

Максим сидел в темной комнате, не включая свет, и прислушивался к звукам в Доме. Здесь все было пропитано тайной, здесь все напоминало о той жизни, которая минула и растаяла, словно дым, с уходом тайшинов. Находиться в этом Доме сейчас было просто невыносимо. Пустовали жилые комнаты, пустовали Залы Четырех Направлений. А может, этот внутренний дискомфорт объяснялся излучением Силы, которая струилась из Аркола – Скважины, находившейся прямо под этим зданием. Ток энергии был настолько интенсивным, что казалось, сам воздух заряжен здесь невидимым электричеством. Только сейчас Максим понял, почему всегда, когда он находился в Усадьбе, у него возникало ощущение многомерности, глубины пространства – это Сила, бьющая из-под земли, вышибала его APC с привычного месторасположения. Именно поэтому сейчас он ощущал эту нервозность. Невозможно было бороться с мыслями под действием мощных волн, излучаемых Скважиной, внимание стремилось унести в неведомые дали, подобно стае дельфинов, уплывающих к горизонту. Этой причиной, скорее всего, объяснялась и та смутная тревога, и

невероятная печаль, разлившаяся в груди холодной лужицей жидкого льда. Одиночество. Безысходность...

Максим подумал, что это состояние сродни Чистилищу, месту между Раем и Адом. Его отвергли сейчас оба мира, он завис между двумя вселенными, не зная которую предпочесть. С одной стороны – семья, родители, Карина, Ника. Их невозможно вот так, запросто выкинуть из своей жизни, забыть. Их невозможно бросить, так же, впрочем, как и невозможно взять с собой...

С другой стороны – таинственный мир тайшинов – ИТУ-ТАЙ. Он разрушил прежнего Коврова, разбил его на мелкие кусочки, чтобы затем собрать заново. И этот "новый" Ковров – Адучи – уже не сможет жить без ИТУ-ТАЙ, который дал ему свои глаза и сердце, заменил воздух в легких на что-то иное. Он отобрал у него все вздорные мысли и поместил на их место тишину. Он дал ему знания об Одержании и "одержателях". Он открыл в нем "зуб Волка", который уже невозможно вернуть в прежнее латентное состояние. Он дал ему знания об АКСИР...

"Однажды прикоснувшись к нему, ты уже никогда не будешь прежним".

Максим выгнулся, словно от разряда, пронзившего тело, и развел в стороны руки, сразу став похожим на огромную черную птицу, приготавливающуюся вспорхнуть с земли в безграничное освобождающее небо. Это было движение, облегчающее невыносимое давление изнутри, которое часто испытывают тайшины, чувствуя, как мощная Сила разрывает их на две части. Если бы это было возможно, Максим, не раздумывая, отдался бы этому раздвоению, решая, таким образом, эту дилемму. "Тело Зверя" осталось бы там, куда влечет его человеческая привязанность и любовь. А "тело Шамана" полетело бы с темным ветром к далеким незнакомым землям, куда влечет его привязанность и любовь к Свободе – нечеловеческая страсть вечно-го Странника.

– А-а-а-а... – Максим закричал, надрываясь, вспугивая этим криком тишину, господствующую в Доме, исторгая из себя эту боль, взрывая акустическим ударом окутавшее его поле безысходности и тоски.

Нужно бежать отсюда, из этого пустынного Дома, пока он окончательно не свел его с ума, не похитил остатки теплоты и нежности, испытываемой к своим родным, не увел АРС в невозвратимые позиции. Максим вскочил на ноги и затравленно осмотрелся. Именно поэтому он и стал создавать Мирформизм, чтобы попытаться соединить в себе эти две расходящиеся вселенные. Он создавал Мост, но не было сил и времени достроить его до конца – в самый ответственный момент кто-нибудь обязательно вышибал из-под этого Моста опоры, лишая его устойчивости. Черные охотники, замершие в ожидании, когда одинокий зверь отобьется от стаи...

Максим быстро пошел к выходу, чувствуя, что не может больше находиться в этом Доме. Эта Усадьба создана для магических целей, в ней жили шаманы, такие настроения, как сомнения и жалость к себе, в ней неуместны, они лишь ослабляют энергетическое поле, вступая в диссонанс с созидательной Силой Аркола. Максим сделал еще несколько шагов и замер, уткнувшись во тьму всем телом, отскочив и изумленно вглядываясь во мрак. Перед ним стоял тайшин, закутанный во все черное. Помимо камуфляжа, он еще и экранировал свою ауру, не позволяя обнаружить себя, поэтому Максим и не заметил чужого присутствия. Теперь он стоял и вглядывался в расплывчатый темный силуэт. Это был тайшин. сомнений быть не могло. "Волк-оборотень", Темный Мастер... Или все-таки это порождение его фантазии, проекция его эмоциональной сферы, вызвавшая к жизни фантом одного из обитателей этого загадочного

жилица? В этом Доме возможно и не такое. Максим направил луч своего внимания на незнакомца, пытаясь уловить его ауру, но тщетно, тот плот-но экранировал свое излучение. Полина как-то назвала этот прием "кольчугой", объясняя, что за счет избыточной энергии, тайшин может создавать вокруг своего естественного поля своеобразный кокон, который обладает возможностью отражать чужое внимание.

– Кто ты? – гулкий голос Коврова прозвучал напряженно и сдавленно.

В ответ молчание. Максим понял, что незнакомец сам изучает его, сканирует своим щекочущим лучом волокна, из которых сплетена аура. В одно мгновение в руке Коврова появился обнаженный клинок, но в этот момент что-то изменилось, хотя человек в черном не сделал ни единого движения. По комнате прошла невидимая волна – это тайшин погасил свои щиты, открывая Коврову свою истинную сущность.

– Араскан?!

Чадоев усмехнулся из темноты:

– Да, Адучи. Я пришел за тобой.

Они не стали зажигать свет и теперь сидели рядом на диване, приглушенно беседуя друг с другом.

– Араскан, уже пора?

-Да.

– Когда?

– Сейчас.

– Сейчас? Я... не могу... сейчас. Мне нужно еще немного времени.

– У нас нет времени, Адучи.

– Куда мы пойдём? В горы?

– Можно сказать и так, но в горах находится лишь Вход. То, что лежит за ним, не имеет пространственных эквивалентов для человеческого разума.

– Мы уходим в Храм Тишины, и Храм Сумерек?

– Да. Но то, что станет отныне прибежищем для пас, находится в иной области Храма, в иной области бытия, в Запредельном. Там люди не найдут нас никогда. Храм действительно находится на пересечении двух Сфер, но мы уходим еще дальше. Наша Дорога лежит через Колодец АКСИР – прямой Путь в иную вселенную, в Большую Вселенную, к Вечно Синему Небу.

– Араскан... если я... останусь, что со мной будет? Я погибну?

– Не знаю. Знаю лишь, что тебе будет очень трудно. Хотя, в истории Общества были примеры, когда в этом мире оставался только один тайшин. Это было дважды. Но для того чтобы выжить в этом случае, ты должен будешь стать невероятно искусным, хитрым, сильным и отрешенным. Но, на мой взгляд, тебе нет смысла оставаться здесь. Ты принадлежишь к нашей общине. Единственно разумным выбором для тебя, как мне кажется, является присоединиться к нам. Ты должен понять – для тебя возврат к прежней жизни невозможен. У тебя уже начал "просыпаться" МАРГ – "тело Шамана". Община людей, в любом случае, почувствует чужака и, будет активно реагировать на тебя. Тебе придется либо стать жертвой ее палачей, либо продолжать практиковать ИГУ-ТАЙ, чтобы противостоять этому давлению. Положение складывается слишком серьезное. Ты еще не понимаешь всего масштаба той угрозы, которой подвергаются тайшины на этой планете.

– Обществу угрожают?

– И да, и нет. Вернее, да, но не в том смысле, который ты вкладываешь в это понятие. Клан существует уже много сотен лет, и за это время он пережил и периоды упадка, и периоды возвышения. Сей-час складывается такая ситуация, когда мы должны опять уйти в тень, чтобы сохранить то Знание, которым владеем. Оно еще пригодится людям, потому что самые тяжелые испытания для человечества еще впереди. Возможно, когда-нибудь настанет такой момент, когда люди будут более подготовлены к принятию этого Знания, к принятию нас, тайшинов. Тогда мы вернемся, чтобы начать новый период в развитии ИТУ-ТАЙ. Сейчас же остаться для нас равно-сильно гибели. Нам противостоит не какая-то конкретная политическая, религиозная или преступная группировка. Суть противостояния гораздо глубже. ИТУ-ТАЙ зародилась сначала как магия, затем как боевое искусство, затем как наука. Так что мы обучены противостоять своим врагам. Но понятие "враг" для нас приобрело со временем совершенно непредсказуемые очертания. Оказалось, что нам противостоит Система, зародившаяся в древности не менее далекой, чем та, которая создала ИТУ-ТАЙ. Эта Система грандиозна, она опутала своими невидимыми сетями всю планету, заселенную людьми, и поэтому мы называем ее Паутина. Изначально мы угрожаем ее целостности, будучи для нее враждебными элементами, вирусами, которые подлежат скорейшему уничтожению. Мы располагаем этим знанием, но для людей до сих пор дика мысль, что кто-то кроме них мог развиваться на этой планете, и это развитие шло параллельно с развитием человеческой цивилизации. Иная раса, более динамичная и более мобильная, имеющая свои специфические стимулы развития, всегда существовала где-то рядом с нами, но люди отказываются верить в это, считая себя единственными цивилизованными обитателями Земли. И мы, тайшины, угрожаем сложившемуся положению дел, выступая против Одержания, которое навязали нам представители этой расы. Сейчас наступают сроки, предсказанные давно. Двадцатое столетие не реализовало своих возможностей. Теперь грядет война, ужасная война, но она будет совершенно не такой, какой представляют ее себе люди. Мы должны сохранить свои силы и знания, поэтому мы уходим. Это явление наблюдается повсеместно. Дуэрги по всей планете чувствуют изменения, происходящие в мире, и многие, не задумываясь, уходят в иную плоскость бытия. Одни – по тайным тропинкам, другие группами, по уже найденным дорогам. Многие ушли еще в середине века, после трагического выбора людей в пользу рабства и войн. Другие покидают этот мир через несколько дней, в момент Затмения. В это время обе Сферы сходятся воедино, и открываются пути, которые ранее были просто недоступны, вследствие объективных законов нашего уровня. Это последний срок для тех, кто уходит. Затем границы миров опять разойдутся, и попасть в Запредельное в своем физическом теле, то есть, минуя смерть, будет невероятно сложно. В одиночку это вообще будет практически невозможно осуществить. Со временем стенки энергетической решетки нашего слоя будут уплотняться. Поэтому я говорю тебе – ты должен идти с нами. Для тебя это единственная возможность уйти целостным. То, что ты пришел сюда сегодня ночью и встретил здесь меня, свидетельствует о том, что тебе нет места среди людей. Они будут гнать тебя, пока ты не оступишься и не упадешь. Тогда они накинутся на тебя с яростью обреченных. Ты пришел сегодня в Дом, потому что подсознательно уже сделал выбор. Запределье манит тебя к себе, сегодня ночью оно привел тебя в Усадьбу. Оно же привело сюда и меня. Наши пути опять пересеклись, Адучи. Подумай об этом.

– А как же... моя семья?

– Они остаются. Альтернативы нет. Если бы была возможность, мы нашли бы способ взять и их тоже. Но законы этого мира таковы, что мы не можем сделать этого, каким бы сильным ни было наше желание. Полина уже много думала о возможности осуществить этот маневр, но и у нее ничего не получилось. Они остаются. Что скажешь ты?

Максим закрыл глаза, прислушиваясь к гулкому биению сердца в груди.

"Когда же ты станешь как все... обеспечивать... защищать... День-ги... деньги... ребенок... ты деградировал... безумец... не хочу... не хочу... ты не победишь меня... никогда... убирайся...".

– Что ты скажешь мне, Адучи?

-Да.

– Ты с нами?

– Да, я с вами.

Чадоев облегченно вздохнул, словно только и ожидал этого решения:

-Ну, вот и все...

– Араскан.

-Да?

– Мне нужно попрощаться.

– Тебе будет труднее уйти.

– Может быть. Но я должен попрощаться, увидеть их, прежде... Чадоев задумался на секунду, затем медленно произнес:

– Хорошо. У тебя есть еще сутки. У меня как раз есть дела в городе. Через двое суток мы должны уйти – это крайний срок. Помни – время для нас уже идет на секунды. Поэтому – торопись. Я буду ждать тебя здесь следующей ночью, в это же время. Отсюда мы поедем в Горно-Алтайск, откуда доберемся до места нашего конечного маршрута на вертолете.

-До Волчьего Клыка?

-Да. Не теряй времени. Иди. Прощайся с ними по-хорошему. И самое главное – сделай так, чтобы они не поняли, что ты уходишь.

– Это жестоко.

– Это необходимо. Позже ты все поймешь.

\* \* \*

Волны журчали и плескались у невысокого, поросшего травой и кустарником, берега. Яркое пронзительное солнце заливало обжигающими лучами все пространство вокруг, не оставляя места для тени даже под деревьями.

Максим лежал на большом покрывале рядом с Кариной и, не отрываясь, смотрел, как Ника ходит около самой воды, щурясь от бликов, скачущих по светящимся волнам, неторопливо накатывающим на берег и трогаящим босые ноги девочки.

Они приехали сюда опять, как и много раз ранее, на свое любимое место, на окраине леса, соседствующего здесь с Обью. Вместе. Последний раз...

Максим откинулся на покрывало и стал смотреть в небо, стараясь не думать ни о чем, а просто наслаждаться этими драгоценными минутами, впитывать их в себя, оставляя на память где-то в глубинах сердца.

– О чем ты думаешь? – Карина смотрела на него своими красивыми глазами, щурясь от солнца.

- Ни о чем.
- Так не бывает.
- Смотри, какое небо.

Карина запрокинула голову вверх.

- Правда, красивое? Хорошее. Светлое.
- Правда.

С реки раздался радостный визг. Ника увидела мальков, снующих стайками на мелководье.

– Большая стала совсем, – Карина задумчиво смотрит на дочку. – Нужно будет ей круг надувной купить на следующее лето. Пусть плавать учится.

– Да, нужно, – отстраненно пробормотал Максим и сглотнул с уси-лием ком, подступивший к горлу. "Последний раз...". "Попрощайся с ними по-хорошему...".

– Макс, ты что такой заторможенный сегодня? Все еще обижаешь-ся?

"И самое главное – сделай так, чтобы они не поняли, что ты ухо-дишь...".

– Нет, не обижаюсь, Карин. Я вас обеих очень сильно люблю! Очень!

Жена удивленно смотрит на него, улыбаясь. Из леса прилетел лег-кий ветерок, принес с собой горький терпкий запах. Пахло древес-ной смолой, свежескошенной травой и нагретой землей. Максим по-смотрел на опушку леса. Там, над цветочным лугом, роились свет-лые бабочки, а чуть дальше покачивались, еле заметно, стройные величественные сосны.

Они стали собираться домой уже вечером, когда небо стало тем-ным, и появились первые редкие звездочки, мигая, исчезая, затем опять вспыхивая, набирая яркость.

Максим тянул сборы до последнего момента, словно стараясь про-длить этот день, не дать ему закончиться. Когда солнце уже склони-лось к горизонту, он собрал кучу сухих веток и прямо на берегу зажег костер. Ника восхищенно смотрела на танцующие язычки пламени, а Карина озадаченно думала о чем-то.

"Она чувствует. Чувствует". Максим взял Нику на руки и заку-жился с ней вокруг огня, крепко прижимая дочку к себе, ощущая бешеный стук маленького сердечка в ее груди. Она впервые видела настоящий большой костер. А он получился на славу. Пламя гудело и хищно трещало сгорающим сушняком. В темно-синее небо стол-бом уносился черный дым, клубясь и растворяясь в вышине.

– Дочка, подожди секунду, – Максим опустил Нику на траву ря-дом с Кариной, а сам пошел к машине, которая стояла на опушке леса под раскидистым пологом березовых ветвей, защищавших ее весь день от палящих солнечных лучей. Там, в багажнике, лежал объемный пакет, набитый до отказа бумажками различного форма-та. Максим взял его и вернулся к костру. Через секунду вся кипа бумаги ухнула в огонь, который чрезвычайно обрадовался новому подношению, набросившись на него с яростным рыком.

– Макс, что это? – Карина всматривалась в тлеющие листы, пыта-ясь определить, что на них написано. На одном из них отчетливо виднелась надпись: "ВОИН-ОХОТНИК. Часть I". Этот лист был из картона, поэтому огонь жевал его медленно, неспешно облизывая языками пламени белый глянец.

– Ты?.. Максим кивнул:

– Решил все сжечь. Так будет правильно.



Карина улыбнулась печально, словно сожалея о чем-то, но в ее глазах Максим увидел тщательно скрываемое удовлетворение.

– Ты бы хоть почитать дал.

– Я давал. Ты не сочла интересным. Да бог с ним, пусть горит. Теперь это все равно уже не имеет значения.

– Ты же писал это четыре года.

– Ну и что?

– И все сжигаешь?

– Все!

Максим вспомнил, как Санаев не хотел отдавать ему "Концеп-ции...". Уперся, и ни в какую. Тоже почувствовал, наверное, почему рукописи так срочно понадобились Коврову. Наверняка ведь сделал ксерокопии. Ну да ладно, это теперь уже действительно не имеет никакого значения.

Максим улыбнулся. Бумага уже почти сгорела, и вместе с дымом в небо полетели мелкие кусочки черного пепла. Он проводил их взглядом.

– Ух, ты! Карина. Ника, смотрите, какая красота!

Вверху, подобно жемчужной россыпи, мерцали звезды. Целая звездная сеть, раскинувшаяся в этой бесконечной, таинственной пусто-те.

Они приехали в город поздно. Ника уснула на заднем сиденье, утомленная впечатлениями, солнцем, костром и свежим воздухом. Максим подъехал к подъезду и припарковал автомобиль около са-мых ступенек. Взяв Нику на руки, он пропустил Карину вперед, а сам пошел следом, разглядывая безмятежное лицо спящей дочки.

Когда они вошли в квартиру, Ника проснулась и обхватила его шею руками, обнимая. Зашептала на ухо:

– Папочка, а ты расскажешь мне сказку?

Максим кивнул, чувствуя, что уже не может произнести ни слова.

Когда через несколько минут он вошел в спальню, Ника еще не спала, а лежала в своей кроватке и ждала его. Он сел рядом на стул:

– Ника, доченька, спи. Я сейчас расскажу тебе очень красивую сказку. Она тебе непременно понравится. Спи малышка.

– Папа, ты уезжаешь?

– Да, уезжаю. Мне нужно поехать в другой город.

– А ты скоро вернешься?

Она смотрела на него своими большими карими глазами, в кото-рых мерцало отражение приглушенного света спальни лампы.

– Я... я... скоро вернусь...

– А что ты мне привезешь?

– Сюрприз. Это будет сюрприз. А теперь давай, закрывай глаза, уже пора спать.

Дочь удовлетворенно кивает и, закрыв глаза, ложится на бок, при-готовившись слушать сказку. Максим наклонился к ней и поцело-вал в щеку:

– Я очень люблю тебя, доченька. Спи.

– Я тоже люблю тебя, папочка, – бормочет девочка, не открывая глаз.

– Слушай. Данным давно в тридевятом королевстве жил один очень хороший Король. Он

был очень добрый и умный. У него была очень красивая и добрая жена – Королева, и маленькая дочка – кра-сивая принцесса. Они жили очень дружно и счастливо, потому что у них были друзья, которые жили вместе с ними в этом прекрасном королевстве. Одного звали Дядюшка Сон. Он дарил всем в королев-стве самые добрые и разноцветные сны. Другого называли Рыцарь. Он охранял королевство от врагов и разбойников. Еще там жили Добрый Волшебник и Фея. А еще в волшебном лесу рядом с королев-ством жили добрые звери, которые часто приходили в гости к прин-цессе. Один из них, Белый Волк, всегда приносил ей из леса букет красивых лесных цветов...

Карина ждала его на кухне. Максим подошел к ней сзади и, обняв, поцеловал в шею, прижав к себе:

- Карин, мне необходимо уехать. Она обернулась.
  - Куда это?
  - В Горный Алтай.
  - К шаманам своим? Максим кивнул:
  - Это очень важно для меня.
  - Ты же сказал, что все. С этим покончено.
  - Это в последний раз, – сказал Ковров и понял, что не соврал. Это действительно было в последний раз.
  - Когда же ты едешь?
  - Сейчас.
  - Сейчас? Ночью?
  - Да, мне нужно уехать сейчас. К утру я буду там.
  - Когда вернешься?
- "Никогда", – хотел сказать Максим, но сдержался и неопределен-но пожал плечами.
- Не знаю. Я тебя... очень люблю, Карина...

Чадоева в Доме не оказалось. Максим обнаружил на столе в зале странную записку, написанную торопливым почерком:

"А! Не могу ждать! Нужно еще кое-что сделать. Поторопись! Жду тебя завтра Г. А. Если не появлюсь до 15.30, обязательно улетай один! Вертолет на базе Г.М.П. Пилот – Саша. Все оговорено. До встречи!".

Максим растерянно перечитал записку несколько раз, затем про-шелся по Дому, прощаясь. Было непривычно осознавать, что сюда он больше уже не вернется. Впрочем, как и домой...

Ковров хотел было проститься с Гымом, который по-прежнему жил в пристройке, но почему-то передумал. Ему было очень трудно пере-носить расставание с семьей, и еще одного прощания, тем более с немым стариком, вынести было уже невозможно. Он прождал Чадоева еще несколько часов. Затем неслышно вышел из Дома и пошел по направлению к дороге. Нужно было срочно ехать в Горно-Алтайск.

Араскан не появился. Максим прождал его до пяти часов вечера, а затем неохотно забрался в кабину вертолета, подгоняемый суетли-вым молодым пилотом по имени Саша. Лопасты огромного винта дрогнули и стали стремительно разгоняться, набирая обороты. Вер-толет медленно поднялся в воздух и, сделав над посадочной площад-кой круг, полетел над зелеными холмами, окружавшими базу авиа-отряда сплошным кольцом. Через полчаса Максим задремал.

Вспышка света... Еще одна – в ее мелькании различаются стены домов, своей архитектурой напоминающие древний азиатский го-род. Всмотреться в окружающие постройки мешала какая-

то рябь, очень напоминающая дождь. Здесь шел дождь, но он не оставлял луж на неровной поверхности улиц, не мочил одежду и вообще бил своими струями снизу вверх. Превратности иного мира. АРС сно-видца вибрировал, пытаясь выстроить мало-мальски знакомую картину окружающего мира, используя для этого накопленные ассоциации и аналогии. Но в восприятие явно не укладывалась информация, принадлежавшая иному измерению, и это несоответствие как раз и порождало подобные "видения", являющиеся на самом деле результатом некорректной настройки внимания.

Адучи обернулся и едва не провалился в беспамятство. Рябь больно ударила по глазам вихрем оранжевых капель. "Азиатский город" растаял, и вместо него появились одинаковые высотные дома без окон и дверей. Бесконечные штреки безликих и однообразных улиц уныло убегали во все стороны пустынными коридорами, лишеными какого-либо движения. Тут же появились новые ощущения. Легкие покалывания по всему телу, словно невидимый ток, разлившись в воздухе, обволакивал пришельца. Адучи расфокусировал глаза, и видение улиц стало четче. Рябь уже практически совсем исчезла, уступая место отчетливым формам иного мира, окрашенным в безликий серый цвет. Сновидец шагнул вперед, и уколы по коже стали менее ощутимы. Снова замер на месте, и электричество вновь заискрило в руках и ногах, порождая неприятный зуд. Снова шаг, и все прошло. Адучи выбрал, наконец, оптимальные условия ходьбы, заключающиеся в постоянном движении с расфокусированными глазами. Только тогда серый город "не тек" и не жалил током, что позволяло сновидцу более-менее ориентироваться в лабиринте однотипных улиц-близнецов.

Город молчал. Вернее, Адучи не слышал ни одного звука, словцо в ушах лопнули барабанные перепонки. Только какой-то чуть слышимый шум, напоминающий "белый шум" крови, имитировал звук далекого водопада. Адучи повернул за угол очередного высотного здания, уходящего верхушкой в интенсивно фиолетовое небо, раскинувшееся над этим серым миром. Этот новый цвет принес ощущение головокружения и тошноты, и Адучи торопливо опустил голову, скользя взглядом по сплошной поверхности здания. В какой-то момент ему показалось, что в ней мелькнул какой-то провал, похожий на окно, но тут же непроницаемая серость вновь предстала перед ним сплошной стеной. Адучи остановился и расфокусировал глаза, охватывая взглядом максимально доступную восприятию площадь дома. Действительно, в непроницаемых с виду стенах зияли черные отверстия дверей или окон, находящиеся на разной высоте. Одно такое отверстие чернело в нескольких шагах на уровне глаз сновидца. При желании можно было подтянуться на руках и... Адучи замер. Широкофокусное зрение принесло сигнал тревоги от ощущения движения за спиной. Повернувшись, он успел заметить длинную тень, мелькнувшую в одном из штреков-коридоров. Никого. Тот, кто крался за ним, бесследно исчез, очевидно, спрятавшись в каком-нибудь здании, и теперь рассматривал сновидца изнутри этого странного сооружения, пользуясь своей невидимостью. Все дома вокруг опять обрели вид сплошных серых коробов. Адучи почувствовал, что стремительно теряет энергию. Он не знал, что ему делать дальше. Мир, в котором он сейчас находился, относился по классификации тайшинов к разряду "промежуточных пространств", в отличие от "законченных миров", имеющих довольно-таки специфические законы развития. Эти "междумиры" назывались СУМИТЫ, и очень часто сновидцы попадали в них помимо своей воли – АРС, сдвигаемый в область Сновидения, ненамеренно мог быть затянут в подобный "предбанник" сна инерционной силой движения. Сейчас этот Сумит, "поймавший" путешествующего сновидца, скорее всего, остановил его движение к какому-то "законченному миру", в котором его, возможно, ждали. Следовательно, необходимо было поскорее найти выход из этого угрюмого полумира, пока еще оставалась концентрация, необходимая для дальнейшего движения АРС.

Снова движение... Адучи развернулся и опять никого не увидел. Кто-то играл с ним в

прятки, то ли выбирая наиболее благоприятный момент для нападения, то ли просто не решаясь подойти и разгляды-вая прищельца издалека. Это мог быть кто угодно: и обитатель здеш-него измерения, и потенциальный враг, отправившийся за сновид-цем и подкарауливший УЛА тайшина. Адучи стремительно пошел вперед, пытаясь отыскать хоть какой-нибудь проем, позволяющий ему проникнуть в любое из зданий. На улице рано или поздно его энергия истощится, и тогда вполне возможен самый неприятный исход этого путешествия: внимание человека может навсегда завяз-нуть в этом сером городе. Нужно было искать выход, какой-нибудь источник энергии, который сможет взорвать этот тусклый мир в вос-приятии сновидца, сообщить его АРС дополнительное ускорение. Кадамай говорил, что такие объекты, обладающие определенным зарядом энергии, можно отыскать в любом мире Сновидения. Он назвал их "Ильтами" и советовал искать, анализируя свои ощу-ения. Ильты всегда обнаруживают себя как нестандартные элементы на фоне привычной картины мира. Обычно главная проблема – это обнаружить подобный источник. Инициировать его значительно легче, АРС сам входит в контакт с чужеродной "законсервирован-ной" энергией, провоцируя взрыв, который в результате "выталки-вает" сновидца либо в привычный исходный мир, либо в один из миров, лежащих в области Сновидения.

Адучи снова обернулся. Определенно кто-то следовал за ним по пятам, скрывая свое присутствие за иллюзией серых стен. Адучи сконцентрировался и, теряя изрядную порцию энергии, прокричал в пу-стоту коридоров: "АРК АХАШ – РИНН"... словно пытаясь напу-гать невидимого соглядатая. Звуча не было слышно, но Адучи по-чувствовал, что вибрация слов докатилась до невидимки, и тот сжал-ся, словно от удара. Это обстоятельство принесло назад резонансом всплеск сил, и на мгновение стены снова обнаружили существова-ние скрытых в них дверей. Одна из них, находившаяся прямо у зем-ли, темнела совсем рядом, в соседнем доме, и Адучи, сконцентриро-вавшись только на ней и удерживая ее в своем восприятии, ускорил свои шаги. Через мгновение он уже входил в длинный черный кори-дор, ведущий вглубь здания.

Ильт он обнаружил, уже практически отчаявшись выбраться из этого Лимба, набродившись до одурения по бесконечным коридо-рам и темным залам, отличающимся друг от друга разве что своими размерами. Залы и коридоры, залы и снова коридоры... Уже совсем заблудившись, Адучи вдруг подумал, что коридор, в котором он на-ходился, очень напоминает коридор в школе, в которой Ковров учился в детстве. И тут же в сумраке стали угадываться силуэты дверей ве-дущих в классы. Складывалось впечатление, что Адучи просто бро-дит по безлюдной школе, в которой отключили свет. Вот кабинет директора, вот – биологии, вот их классный кабинет. Дверь легко поддавалась нажатию руки и медленно отворилась. Комната, как и все остальные помещения, была затемнена и пуста. Лишь посредине стоял огромный основательный стол, заваленный каким-то хламом, какой-то свалкой всевозможного барахла. Брелки, старые тетрадки, солдатика, пробки, теннисный мячик, мятые книжки... Адучи разво-рошил кучу вещей со смутным чувством, что все это он уже где-то видел. Альбом с марками, компас, моток разноцветной телефонной проволоки... Легкий толчок изнутри заставил руку замереть в возду-хе с очередной находкой. Это был маленький скорпиончик, залитый в кружочке прозрачного янтаря. Подарок отца в их последнее путе-шествие. Вибрация, возникшая во всем теле, принесла подсказку: "Это – Ильт". И эта мысль, словно искра, упавшая в бочонок с сухим порохом, вспыхнула в сознании безболезненным взрывом и ослепи-тельным огнем...

Опять город, похожий на огромный буддийский храмовый центр. Адучи стоит посреди узкой улочки, вдоль которой выстроились ог-ромные статуи древних богов. Перед ним, в нескольких шагах, замер человек, закутанный в темный плащ. На его лице маска ИТУ-ТАЙ – белая и темная половинки, разделяющие на две равных части непод-вижные черты искусственного лица.

Человек кивает сновидцу и жестом приглашает за собой. Адучи идет за ним, чувствуя, как его внимание проваливается в "тело Ша-мана", унося с собой и его восприятие.

Бесконечное зеленое поле, уходящее границами за далекий горизонт и соприкасающееся там с прозрачным бирюзовым небом. Зеленые Холмы. Адучи пошевелился и с удовлетворением отметил, что концентрация его внимания на деталях нового мира просто потрясающая. Энергия свободно текла по телу, обеспечивая гармоничное взаимодействие с новым измерением.

– Адучи.

Он улыбнулся и, обернувшись, увидел Араскана. Шаман сидел в нескольких метрах от него, прямо на траве, и тоже улыбался:

– Ты заблудился, кеспочки, спеша ко мне?

– Да, я попал в один из Сумитов. Так это ты позвал меня?

– Я.

– Почему ты не пришел на встречу? Где ты сейчас? Араскан усмехнулся и показал на себя рукой:

– Сейчас я здесь, рядом с тобой.

– Нет, я имею в виду не УЛА.

– Я сейчас – не УЛА. И это не Сновидение... Адучи удивленно осмотрелся:

– А что же это? По-моему...

– Это одно из специфических пространств ИТУ-ТАЙ, мы называем его Зеленые Холмы. Я втянул твоё внимание в него, потому что случилось нечто непредвиденное.

– Что случилось?

Чадоев прищурился и сокрушенно развел в сторону руки:

– Я перестал быть человеком.

Адучи изумленно посмотрел на Иссита, чувствуя, что услышит сейчас что-то очень страшное.

– Как это?

– Мое физическое тело мертво. Я умер. Но у меня достаточно Силы, чтобы пересечь Зеленые Холмы в своём "теле шамана", которое сейчас полностью копирует мою физическую оболочку. Но перед тем как уйти в Холмы, у меня осталось ещё одно очень важное дело. Поэтому я здесь. Поэтому ты здесь. Я позвал тебя, чтобы предостеречь от большой опасности.

– Опасности? Ты мертв?!

– Да, но не будем обсуждать этот факт, он отнимет у тебя много энергии и собьет настройку АРС. Погаси свои эмоции и слушай, просто слушай... У тебя слишком мало времени. Ты должен делать все быстро и осторожно. Один из наших врагов – Водолаз, сын Мангунамститителя, нашел нас, и теперь он здесь. Я попытался отвести его от тебя и уничтожить, но удалось сделать только первое. Я не сумел его остановить, только задержать. Но я думаю, этого времени хватит тебе, чтобы добраться до Ворот. Там ты будешь в безопасности. Поторопись, ты должен успеть добраться туда не позднее сегодняшнего вечера. Завтра начнется Схождение.

– Араскан, а как же ты? Ты с нами?

– Не совсем, Адучи, не совсем. Но мы обязательно встретимся с тобой ещё, можешь мне поверить. А теперь иди, ты ещё должен многое успеть...

– Араскан!

Иссит Тай-Шин поднялся на ноги и посмотрел куда-то вдаль. Адучи проследил направление его взгляда и увидел вдалеке фигурку в мерцающем плаще.

– Кто это?

– Это Страж Перевала, Дух-Пограничник. Он пришел сюда за мной, дальше мы пойдем с ним вместе, он поможет мне преодолеть Границы. Иди, Адучи, иди. Тебе еще рано встречаться с ним. До встречи...

Страж медленно шел к ним по зеленому ковру полупрозрачной травы, утопая в нем по колено. Его движения смазывались, таяли за ним двоящимися силуэтами. Адучи никак не мог сфокусировать на нем внимание, безнадежно пытаясь визуализировать его как конкретный объект, лишь отчасти похожий на человека. Фигурка в пере-ливающемся всеми цветами радуги плаще остановилась и помахала им рукой. Адучи пошатнулся, испытывая головокружение, увлекающее его в очередное скольжение по уровням восприятия. В мелькании отрывочных картинок он успел увидеть спокойное и безмятежное лицо Араскана, который улыбался ему неизменной мягкой улыбкой. Затем на его лицо набежала рябь. Образы поплыли, заструились, превращаясь, то в белого волка, то в янтарный столб света, то опять в улыбающегося тайшина.

"Кушун тегер мертех", – шепот в ушах. Араскан прощается? Или это снова внутренний голос комментирует ассоциативные блоки? Знакомое ощущение полета. Луг померк и ухнул в глубину. Светлые звезды мелькали вокруг, разгоняясь до немыслимых скоростей. Рябь и желтые блики на черных стенах.

"Кушун тегер мертех".

Максим вздрогнул и открыл глаза. Навстречу ему стремительно летела безграничная завораживающая вселенная. Затем это движение стало тормозиться, и смутная тень перед глазами проявилась и стала лицом. Он по-прежнему сидел в салоне вертолета, а к нему наклонился помощник пилота и тряс его рукой, что-то говоря, судя по раскрывающемуся рту. Максим, глубоко вдохнув, резко выдохнул воздух через плотно сжатые губы и окончательно пришел в себя.

– Идем вниз. Просыпайся, – помощник пилота озадаченно смотрел на странного пассажира, кивая головой на мелькающие внизу сопки.

– Он умер, ушел за Холмы, – медленно пробормотал Максим и, не став объяснять вертолетчику эту странную фразу, отвернулся к окну. Вертолет приближался к месту назначения.

\* \* \*

Максим вошел под темный свод пещеры и, сделав несколько шагов вперед, остановился, настраивая зрение на окружившую его со всех сторон тьму. Он был здесь два раза. Первый раз с Айруком. Второй раз его брал сюда Араскан. Вход в пещеру белел уже где-то далеко позади. Максим шел по узкому коридору, освещая дорогу небольшим, но достаточно мощным фонарем. Вот здесь поворот направо. Здесь коридор раздваивается. Память услужливо подсказывает направление – левая ниша. Максим уверенно идет вперед. Араскан настойчиво добивался, чтобы он запомнил дорогу, видимо, уже тогда тайшин предвидел возможный вариант их будущего. Максим вышел в огромный зал. Здесь тьму рассеивал слабый свет, неизвестно каким образом проникающий вглубь горы.

Максим увидел Арку издалека – черное отверстие в гранитной стене. Вход в Никуда, в Неизвестное, На Ту Сторону Дня... Айрук говорил, что это один из Входов, и он ведет

в другую вселенную, в другое измерение. Араскан говорил, что это – Двери, которые скрывают тайный подземный ход, ведущий к целой системе ходов и пещер, расположенных под землей. Еще он говорил, что через эти Двери можно попасть в Храм Сумерек.

Максим смотрел на Арку, и в гулком пространстве подземного зала снова звучали слова обоих Исситов. Это опять разговорилась неугомонная память.

– Эти ходы сделаны в глубокой древности. Им несколько десятков тысяч лет.

– Как далеко они ведут?

– Очень далеко. По земным меркам – на много сотен километров.

– Ого, да ведь это целая подземная страна!

– Так и есть. Но о ней невозможно рассуждать, пользуясь привычными аналогиями, в том числе и метрическими. Там, под землей, пространство и время совсем другие чем поверхности планеты. Там все не так, как мы привыкли себе представлять. Ты можешь войти здесь, а через час выйти на поверхность где-нибудь по ту сторону горной гряды, раскинувшейся на много километров вокруг. Поэтому пользоваться этими путями может не каждый. Для этого необходимо долго готовить себя.

– Что это значит?

– Это значит, что только специально обученный человек может без вреда для себя войти в эти Двери, а потом выйти из них. За ними расположена иная реальность, и окутывает эти чужие пространства тончайшая энергетическая сеть, которая разделяет два мира, два разных уровня внимания. Если человек попытается пройти сквозь эту сеть, он подвергнется давлению колоссальной силы, которая не только вышибет его внимание из привычного месторасположения, но и двинет его глубоко в "тело Шамана". Поэтому маневр это доступен только тем, кто может выдержать подобное давление, и кто может управлять своим вниманием в процессе данного сдвига. Для обычного человека – это стопроцентное сумасшествие. Этот фактор и является, в общем, естественной преградой на пути случайных искателей кладов и приключений. Найти Арку не так уж сложно. Более того, я знаю, что здесь уже бывали люди. Экспедиции сюда стали гораздо более реальным предприятием с появлением вертолетов. Но даже если Арку обнаруживают и, принимая ее за обычную смежную пещеру, пытаются проникнуть в нее, результат оказывается одним и тем же – Неизвестное отторгает чужаков. Попробуй сам. Прислушайся к своим ощущениям и попробуй войти в нее.

Адучи вопросительно смотрит на Араскана, именно он привел его сюда опять, спустя год после первого посещения этого места с Исситом Айруком.

– Иди, иди, – Чадоев кивает на чернеющий провал входа и Адучи осторожно приближается к заветному отверстию, именуемому тайшинами Аркой. В прошлый раз Айрук накачал его Такташем, и Адучи ничего не помнил, кроме причудливых видений и мерцания разноцветных огней, напоминающих флуоресцентные конфетти, падающее сверху. Теперь он должен был войти в Арку сам, без посторонней помощи.

Шаг, еще шаг. Вот она – Бездна, на расстоянии вытянутой руки. Адучи почувствовал, что из отверстия Арки неуловимо веет прохладой. Этот легкий ветерок, струящийся из другого мира, тем не менее ощутимо толкал входившего в грудь, проникая под одежду, просачиваясь сквозь кожу, замораживая кровь в жилах. Сразу стало пронзительно холодно. Но Адучи понял, что это не перепад температуры, это реакция организма на страх, жуткий страх, который забился внутри человека, стоило ему соприкоснуться с этим странным движением, надевшим на себя маску ветра. Казалось, что чернота внутри пространства за Входом была живой! Она двигалась,

дышала, при-стально смотрела на того, кто осмелился приблизиться к ней. Дра-кон... Тело тайшина охватила крупная дрожь. Страх метался внут-ри, словно обезумевшее животное в поисках спасительного выхода. Адучи дрогнул и поспешно отскочил назад, растерянно оборачива-ясь на Араскана. Тот совершенно безмятежно стоял в нескольких шагах, с интересом наблюдая за передвижениями ученика.

– Я... не могу. Там...

– Что там?

– Пустота! Она живая! Если бы я не отпел взгляд, она бы непременно вышла оттуда и схватила меня. Асканай улыбнулся:

– Совершенно верно. Позволь же ей сделать это. Пусть пустота схватит тебя.

– Нет! Я не могу! Там... что-то очень большое. Оно поглотит меня.

– Непременно. За этим мы сюда и пришли. Ты должен войти в это пространство, каким бы пугающим для тебя оно ни было.

– Ноги не слушаются. Я шага сделать не могу.

– Не можешь – не делай. Смотри вглубь пещеры оттуда, где сто-ишь. Вымани пустоту своими глазами.

– Нет! Нет! Уйдем отсюда! Араскан, это выше моих сил!

– Ничего себе! Мы проделали такой путь специально, чтобы найти эту магическую пустоту, и теперь ты говоришь, что мы должны вер-нуться только потому, что ты испугался?

– Я не смогу туда войти!! Понимаешь, не смогу! Это выше моих сил! У меня сердце сейчас разорвется...

Адучи вдруг замолчал и, упав на колени, схватился за грудь. Его несколько раз вырвало. Араскан подошел к нему и, стараясь не ис-пачкаться в рвоте, оттащил на безопасное расстояние. Когда Адучи немного пришел в себя и, отдышавшись, восстановил дыхание, Иссит продолжил свое объяснение:

– Ну вот, ты на себе испытал защиту Бесконечности от чужого вни-мания. Сила сдвинула твой АРС, и так как ты еще недостаточно опытен в управлении своим вниманием, естественной реакцией на этот стремительный сдвиг был страх, и даже не страх, а ужас. Жуткий ужас предчувствия, что твое сознание сорвется с привычного места и навсегда погаснет, утонув в "теле шамана", принесенное туда без-жалостным Драконом, Ветром с Той Стороны. Этот механизм ис-пользовали в охране своих погребальниц и тайников древние культуры, владеющие тайнами Силы и связанные с Алтаем самыми тес-ными связями: атланты, ацтеки, майя, толтеки, египтяне, скифы и многие другие народности. Здесь нет никаких хитроумных устройств или приспособлений. Все устройства рано или поздно приходят в негодность, к тому же их легко обмануть, обойти, нейтрализовать. С Бесконечностью такие номера не проходят. Именно поэтому то, что лежит за гранью привычного мира, недоступно людям вследствие их естественной энергетической ограниченности. Запомни, к Бесконеч-ности нужно прикасаться очень осторожно, постепенно приучая себя к ней, освобождая себя от всего лишнего. Ведь Дракон – это Зеркало. Если ты приходишь к нему отягощенный злом, то неминуемо встре-тишь там жуткое чудовище, готовое растерзать тебя. Вот почему в большинстве сказок Дракон ужасен и кровожаден. Человечество никак не может перешагнуть через барьеры собственного зла. Но это необходимо сделать, чтобы подняться в Небо, чтобы заявить свои права на Силу и Свободу. Ты уже был ТАМ, за Дверью. Айрук про-вел тебя с собой, но ты ничего не помнишь. Память об этом путеше-ствии скрыта в "теле Шамана", которое в повседневной жизни людь-ми не используется. Поэтому, для того, чтобы свободно войти в этот мир, тебе необходимо вернуть себе воспоминание о вашем совмест-ном походе. А для этого тебе нужно задействовать "тело Шамана", то есть переместить туда твое восприятие. Только что ты пробовал сделать это



самостоятельно.

Адучи, пожившись, посмотрел на черный проем Арки в противоположной стороне пещеры.

– Именно поэтому ты должен воспользоваться дополнительной помощью. В данном случае тебе необходима дополнительная Сила, которая пробудит в тебе "тело Шамана". Ты можешь прибегнуть к помощи своих верных союзников. Они без труда проведут тебя за границы видимого, вглубь подземной вселенной.

Араскан кивнул ученику на Арку, словно предлагая повторно по-пробовать миновать ее. Но Адучи отрицательно покачал головой.

– Я не могу. Я очень устал. У меня нет сил даже на ногах нормаль-но стоять, не то что Курана вызвать. Иссит развел руки в стороны.

– Тогда остается единственная возможность хотя бы временно сделать тебя пустым и невидимым для Дракона. Он достал из рюкзака два одинаковых свертка и развернул их. Это были халаты, сшитые из грубой мешковины и окрашенные в черный цвет. На груди были вышиты красными нитками "Волчьи Руны" – магические символы ИТУ-ТАЙ. Один халат Асканай протянул Адучи.

– Надень его. Это что-то вроде манджака, с которым тебя знакомил Шорхит.

Затем Араскан нагнулся к рюкзаку и извлек из него футляр с кхурташем...

Максим сел на гладкий пол пещерной залы и разложил перед собой курительные принадлежности. Что делать дальше, он просто не знал. Ведь сейчас рядом не было Иссита, который провел бы его через Вход, поддерживая в этом ужасающем и незнакомом мире за Дверью. Араскан погиб. Вместе с ним пропала надежда на присоединение к группе тайшинов, которые ждали Чадоева и Адучи где-то на изнанке этого безумного мира. Единственный человек, который мог помочь ему найти тайшинов, умер, и словно оборвалась единственная нить, ведущая к выходу из Лабиринта Минотавра.

Появилась неуверенная мысль: "Может, вернуться? Домой? Домой...", но тут же погасла – вертолет улетел, потому что это было путешествие только в один конец. Перебраться же в одиночку, без альпинистского снаряжения, воды и еды через эти непроходимые горы было просто нереально. Это была верная смерть. Впрочем, такая же верная, как хождение в одиночку по бесконечным тоннелям подземного мира. Но умереть в Запредельном было гораздо предпочтительнее, чем замерзнуть где-нибудь в горах, погибнуть от истощения, сорваться с отвесной скалы...

Максим посмотрел на Дверь. Подходы к Арке были заблеваны, очевидно, здесь все-таки побывали, и причем совершенно недавно, искатели приключений. Здесь были люди... Кто они? Где они сейчас? Люди...

Максим уткнулся головой в скрещенные на коленях руки. Его душила тоска о доме, об оставшихся там родных людях, которых ему больше никогда не суждено увидеть, о тайшинах, которые тоже ушли навсегда в далекие загадочные миры...

– Максим... Максим... – Далекий голос раздавался откуда-то изда-лека. Ковров проснулся и сквозь дымку сознания прислушался к этому далекому зову. Очень знакомый голос. Опять проснулась болтливая память? Голос Полины...

– Максим...

Ковров открыл мокрые от слез глаза и, с трудом фокусируя зрение, всмотрелся в сумерки подземелья. То, что он увидел, было либо продолжением его беспокойных снов, либо галлюцинацией, навеянной близостью Арки. Перед ним, облаченная в черную одежду, склонилась Полина. В ее глазах боль. Она смотрит на Максима, словно переживая вместе с ним открытые для нее чувства и воспоминания. Позади нее стоят тайшины. Все в черном, словно призрачные тени. Их много. Максим недоверчиво всматривается в знакомые лица. Здесь Айрук, Кадамай, Лк-Ту, Лима, Кайро, Турансу, Даман, Ярт... И Полина...

-Вы?.. Вы?!..

Полина улыбнулась ему:

– Неужели ты мог подумать, что мы оставили тебя?

– Араскан погиб, – только и смог выдавить из себя Максим, вытирая руками лицо.

– Мы знаем... – Полина кивает и, как много лет назад, кладет свою прохладную ладонь

Коврову на лоб. От этого прикосновения ему сразу становится легче, проясняются мысли и уходят отчаяние и боль.

– Мы должны уходить.

Максим поспешно встает на ноги:

– Да-да, я знаю. Я готов...

Огни. Стремительные огни, летящие навстречу, словно звезды, падающие с ночного небосвода. Сумерки. Озеро. Гора. Снова огни. Тьма.

Когда тьма рассеялась, Адуци осмотрелся. Казалось, ничего не изменилось. Та же огромная пещера... Нет, это место только похоже своими размерами на пещеру, на самом деле это зал огромного тайшинского монастыря. У стен – фигурки Будд, маленькие, большие и просто гигантские. Все вокруг освещено сотнями, тысячами свечей в причудливых подсвечниках. Храм Сумерек...

Рядом с Адуци стоят тайшины. Черные халаты делают их похожими на группу монахов или скорее на стаю гигантских черных птиц, или даже теней. В глубине зала стоит возвышение, на нем – самая большая статуя Будды. У него нет лица. Так и должно быть. "Безликий". Дух Сумерек. Князь Тишины. Символ отрешенности.

Тайшины медленно идут к нему. Статуя Серого Будды поражает своими размерами. Она огромна. Вокруг нее полукругом замерли еще восемь статуй в длинных халатах или плащах. По четыре с каждой стороны. Две группы. Их лиц тоже не видно, они скрыты под масками. Размеры этих статуй меньше, но они тоже производят впечатление мощи и силы. В отличие от большой статуи, сидящей в самом центре возвышения, эти восемь – стоят. Адуци с интересом и трепетом рассматривает их. Исситы... Справа от Серого Будды – фигуры в масках. Они объемны и доступны восприятию. Слева – силуэты будто сливаются с тьмой, сгустившейся за их спинами. У них странные головы... Что это? Не может быть. "Волкоголовые"... Вместе с Духом Сумерек их девять. Девять...

Адуци чувствует головокружение. Зал начинает погружаться в темноту и таять.

Травянистый холм под безграничным и глубоким звездным небом. Гигантский диск Луны висит в небе, заливая все вокруг призрачным голубовато-белым светом.

Адучи стоит в центре круга, нарисованного на земле. В круге еще пять тайшинов: Айрук, Кадамай, Полина, Ак-Ту, Айма. Остальные шаманы стоят за кругом молчаливой стеной. Их темные силуэты в черной одежде почти не видны на фоне сгустившихся сумерек. Пятеро тайшинов внутри круга окружают Адучи плотным кольцом. Ай-рук говорит ему что-то, но гулкие слова теряются где-то на периферии сознания, не доходя до разума. Адучи растерянно мотает головой, он смутно воспринимает происходящее с ним, словно находясь в сновидении.

– Адучи, сосредоточься...

Кадамай хлопает его с размаху по спине, подбадривая. От этого удара по телу прошла волна, и в ушах возник звон, который медленно растаял, оседая на периферии внимания. Все вокруг стало более реальным, более воспринимаемым. Айрук наклонился к лицу Адучи и тихо зашептал, но этот шепот теперь не ускользает, а наоборот, проникает глубоко внутрь разума.

– Адучи, ты не можешь идти с нами. Адучи удивленно смотрит на Иссита:

– Почему?

– В тебе слишком велико желание остаться...

– Нет. Айрук, нет. Я все решил. Я уйду с вами. Тайшин отрицательно качает головой:

– Ты обманываешь сам себя, но Запредельное обмануть невозможно. Ты слишком любишь людей, своих близких, свою семью. Эту любовь к ним ты не сумел прожить, а спрятал глубоко в своем сердце, оставив, как все люди, "на потом". Но от взгляда Дракона тебе ее не утаить. Мы можем уйти глубоко в сферу Запредельного, только избавившись от подобной ноши, от всех пут, наложенных на нас миром людей. Только полностью опустошенные мы можем пройти в иные миры, минуя Стража Перевала – Дракона. В тебе же осталось слишком много человеческого. Ты не готов идти с нами. Дракон останавливает тебя при Переходе. На Дорогу, ведущую в Вечно Синее Небо, в своем физическом теле можно погрузиться только в том случае, если это тело освободилось от тяжести Земли. Ты еще не готов. Мы не гоним тебя, но ты должен отдавать себе отчет, что в подобном состоянии ты будешь обузой для нас и источником невероятных страданий для самого себя.

– Айрук, я не могу вернуться назад. Я должен уйти!

– Ты слишком долго отсутствовал и слишком долго жил среди людей. Мы не успели подготовить тебя. Ты должен вернуться.

– Нет! Я смогу, я же прошел Вход, я здесь! Это же другой мир, это Запредельное, я чувствую... Айрук смотрит ученику в глаза:

– Это другой мир, но этот мир все еще принадлежит Земле. Это лишь подступы к Сердцу Храма Сумерек. Мы же уходим дальше. Только там, в глубинах Храма, мы сможем полностью реализовать свою Судьбу, и уже оттуда отправиться в вечное путешествие по Великому Синему Небу. Но в Запредельное, на Ту Сторону Дня, ты идти с нами не сможешь.

– Значит... если я вернусь, я уже никогда вас больше... не увижу?

– Это не известно никому. Все будет зависеть только от тебя. Только ты сам сможешь решить – вести жизнь, наполненную Силой, или поскорее забыть все это. Если ты выберешь последнее, то станешь как все. Сила будет покидать тебя капля за каплей, и так же, капля за каплей, будет уходить из тебя память о тайшинах. Если же ты сможешь стать Воином и завоюешь право распоряжаться своей Судьбой самостоятельно, то у тебя появится шанс вернуться сюда, в Храм Сумерек. И когда придешь сюда, мы обязательно узнаем, что ты здесь, и кто-нибудь из нас обязательно придет за тобой.

– Айрук, скажи мне честно, я смогу выжить там один?

– Не знаю. Это будет зависеть от множества причин. Ты – Воин, никто не знает, как сложится твоя Судьба.

– Айрук, мне страшно возвращаться...

– Пойми, другие варианты для тебя гибельны. Если ты шагнешь за грани привычного мира, и даже сможешь каким-то чудом выжить там, ты никогда не сможешь смириться с тем, что оставил позади себя. Эта тяга к прошлому многократно усилится в других мирах. Именно обладание несуществующей собственностью отягощает людей в их дальнейшем движении и прижимает к Земле. Ты должен научиться проживать свою жизнь, а не отягощать себя этой непо-сильной ношей. Ты должен разобраться в своих чувствах...

Кадамай снова бьет Адучи по спине, словно подталкивая к чему-то. Удар швыряет его вперед, в темноту.

Небольшая комнатка. Адучи приходит в себя и понимает, что здесь он один. Вокруг него стоят четыре зажженных свечи, по одной в каж-дом Направлении. Он слышит их тихое потрескивание и ощущает неуловимое колыхание высоких язычков пламени.

Вот свеча справа от него слегка зашипела и...

"Озеро переливалось, словно сотни зеркальных карпов всплыли из непроглядной глубины на поверхность, подставляя ярким сол-нечным лучам серебристые чешуйки, похожие на звенья миниатюр-ной кольчуги".

"Волны с тихим шелестом мягко ударялись в ржавый борт дебар-кадера, плавно покачивая тяжелое сооружение. С реки дул нежный прохладный ветер, приятно обдувающий тело. Жара стояла просто нереальная. Воздух, казалось, загустел от обжигающих солнечных лучей, пронизывающих все вокруг.

– Арчи, дружище, иди-ка сюда. У меня для тебя есть сюрприз".

"Тим, никогда не бойся своих снов. Если что-то случится, сразу зови меня, прямо во сне. Мы же братья..."

Головокружительная череда воспоминаний длится вечность. Из нее Адучи выводит шипение свечи, находящейся сзади...

"Айрук кивнул и показал рукой на место на снегу, рядом с собой.

– Это я нашел тебя. А вообще-то, мы всегда были рядом..."

" – Это ИТУ-ТАЙ, Таинство Света и Тьмы. Континуум двух Сил. Мы являемся частью его..."

"Адучи плыл в темноте, иногда переворачиваясь на спину, эконо-мя на всякий случай силы, и тогда его взору открывалась заворажи-вающая Вселенная, мигающая огромными золотистыми звездами. Тогда начинало казаться, что он плывет в этой сверкающей черноте, и нет ни конца, ни края этому заплыву".

Шепот свечи слева...

"– Карина, я тебя очень сильно люблю".

"– Я хочу иметь от тебя ребенка..."

"– Ух ты! Карина, Ника, смотрите, какая красота!"

"– Папа, а ты скоро вернешься?"

"– Я очень люблю тебя, доченька.

– Я тоже люблю тебя, папочка".

Адучи вздрагивает и открывает глаза. Три свечи уже давно погасли. Горящей осталась лишь та, которая стоит перед ним. Свеча горит ровно и бесшумно. Адучи смотрит на огонь, а в голове его все еще звучит шепот Ники: "Папа, а ты скоро вернешься?.. Вернешься?.. Вернешься?..".

Пламя свечи заливают мозг обжигающим светом, заполняет собой все пространство вокруг, и Адучи снова падает в омут необычайных ощущений.

"Они стоят на отвесном холме, поросшем высокой травой. Араскан, Айрук и Адучи. Чадоев разводит в стороны руки, словно наме-реваясь обхватить, обнять руками череду холмов внизу, уходящую за горизонт большими зелеными волнами.

– Темный Ветер придет за нами оттуда, из-за этих прекрасных зеленых холмов ...".

Опять холм. Огромный, заслонивший собой полнеба, диск Луны. Круг. Безмолвие людей в черных одеждах. Рядом Исситы. Айма и Ак-Ту уже покинули площадь внутри круга и стоят где-то среди темных силуэтов тайшинов.

Первым к Адучи подходит Айрук. Остальные Исситы стоят поодаль, давая Мастеру Тайшин время, чтобы попрощаться с учеником.

– Ты все видел сам. Адучи кивает.

– Да, я все понял. Ты, как всегда, прав, Айрук, я не готов. Мне будет очень больно там, но и среди людей я буду испытывать эту боль, оттого что рядом нет вас.

– Это случается рано или поздно с каждым тайшином. Непостижимая Сила, управляющая миром, разделяет нас. Но это не повод для отчаяния, это скорее повод для радости о чем-то новом, которое грядет... И, в конце концов, мы все равно еще увидимся, ведь мы часть одного целого, часть ИТУ-ТАЙ. И если даже ты потерпишь поражение там, среди людей, мы все равно еще встретимся. Обязательно. Потому что твоя судьба неразрывно связана с нами, ведь ты один из нас. Пусть твое одиночество лишь укрепляет тебя. Так было всегда. Так было много лет назад. Кто-то уходит, ну а кто-то остается. Вспомни истории, которые я рассказывал тебе. Последний Ашина организовал Клан Волка, последний Тэнг организовал Общество Серого Будды. Теперь остаешься ты. Возможно, это начало нового цикла существования ИТУ-ТАЙ. И, скорее всего, именно поэтому ЗигоЪа преследует именно тебя так, как он преследовал сотни лет назад Воинов, оставшихся здесь в одиночестве. Возможно, твое желание остаться продиктовано и предусмотрено могущественными силами, которые ведут нас по дорогам этой планеты. Сейчас мы поставлены перед этим выбором. Нас ничто не удерживает в этом мире, мы сделали все, что было необходимо, и теперь уходим с легкой душой. Ты решил остаться, что ж... Прими вызов Силы, как полагается настоящему Воину: отрешенно и с благодарностью...

– Айрук, что мне делать дальше?

– Ты должен решить это сам.

– Я сжег все материалы по Мирформизму.

– Тебе только кажется, что ты их сжег. На самом деле то, чему суждено случиться, случится обязательно. Неужели ты думаешь, что Мирформизм, который ты начал разрабатывать, принадлежит тебе? Ты лишь являешься его выразителем, как каждый тайшин является выразителем какой-нибудь иной грани ИТУ-ТАЙ.

– Там остался убийца Араскана. Он ищет меня.

– Значит, встреча с ним является неотъемлемой частью твоей Судьбы. Прими и этот вызов, как подобает Воину. Используй все, чему ты научился у нас.

– Но он убил Араскана. Я не уверен, что смогу...

– Это еще ни о чем не говорит. Араскан был смертен, как и любой из нас. Мы не боги, мы тоже люди, просто изменившие свое мироощущение. Араскан был очень опытным и сильным тайшином. Но, вероятно, линия его Судьбы сложилась таким образом, что именно он должен

был принять на себя удар, предназначенный тебе. Убий-ца был где-то совсем рядом с тобой, а никого из нас, к сожалению, не было поблизости. Араскан принял наиболее подходящее, с его точки зрения, решение и увел его за собой, рассчитывая уничтожить Мангуна и вернуться за тобой или, в крайнем случае, дать тебе время, чтобы уйти. Случилось так, что он не рассчитал свои силы, видимо, недооценив противника или же несвоевременно расслабившись от предчувствия Свободы в нескольких шагах от себя. В любом случае Мангун оказался отвлечен от твоих передвижений, а Араскан шагнул в Вечность отдельно от нас, используя свою Силу для того, чтобы уйти как можно дальше по этой Дороге. И, скорее всего, он непременно отыщет нас в этой Бесконечности, а если нет, я повторяю – что ж, просто настало время, и Сила разделила нас. Но это не повод для сожаления, это повод для дерзаний и дальнейшего движения вперед. В этой огромной Вселенной миллиарды путей, кто знает, какой положен мне, тебе, Араскану? Поэтому будь готов для движения вперед, все остальное неважно, если на этом пути ты чувствуешь присутствие Силы. Этот проклятый Мангун будет искать тебя и рано или поздно найдет. Если ты будешь бдителен и силен, я уверен, ты сможешь одолеть его. К этому моменту вся твоя Сила, вся сталь твоих мускулов и мощь твоего Духа должны быть подготовлены. Тайшины побеждают не потому, что они более сильны, чем их противники. Тайшины выигрывают свои сражения, потому что умеют ждать, потому что они отрешены и терпеливы. Их Сила никогда не бездействует, она всегда готова к реализации, поэтому сумеречные воины никогда и никому не позволяют застать себя врасплох. Они помнят о зеркальном свойстве окружающего мира, и причины всех нападков ищут в себе.

Айрук шагнул назад, и его место рядом с Адучи занял Кадамай: – Мы уходим, уходим навсегда, но ты должен не просто помнить о нас, Адучи, ты должен постоянно ощущать с нами живую связь. Это возможно благодаря тому, что все мы погружены в одно общее поле, именуемое КСИН. Это поле, несмотря на свою двойственность, едино, благодаря чему мы можем прикасаться друг к другу, даже будучи разделенными многомерностью этой Вселенной: мирами, измерениями, гранями... Это одна из самых замечательных тайн Силы, и ты сможешь использовать ее, когда поймешь и ощутишь ее дыхание. Ничто в этом мире не может существовать само по себе – все взаимосвязано. Дух воздействует на все, будучи воплощен в животных, в растениях, в наших телах и наших снах. Храм Сумерек находится в горах, но там лишь его видимая часть. На самом деле вход в Храм – в шаге от тебя. Люди никогда не смогут отыскать его, потому что он находится у них за спиной. Не уподобляйся им в этой слепоте. Сделай максимум из того, что можно сделать, и Сила откроет тебе необходимые возможности. Дорога находится снаружи, но ее начало – внутри тебя. Иди по ней спокойно и уверенно, как подобает Воину, как подобает Тайшину. На самом деле секрет Пути не в том, куда мы направляемся, а в том, как мы идем по этой Тропе. Именно стиль движения и определяет потенциал Дороги. Неестественный Ритм разрушает нас. Если ты сможешь найти свой естественный жизненный Ритм, ты найдешь и свой истинный Путь. На этом Пути тебя ожидают сотни препятствий, каждое из которых может стать очередной ступенькой в твоём Обучении, которое не закончится никогда, даже с моментом смерти. Смерть приводит каждого из нас к Стражу Перевала. Для того чтобы миновать его, ты должен будешь предъявить свои права на Бесконечность. Если твоей Силы будет недоста-точно. Страж вернет тебя обратно в сферу Земли, и так будет продолжаться до тех пор, пока ты не пройдешь мимо. Сегодня мы помогли тебе погрузиться глубоко в запретную область Запредельного, мы втянули тебя в иную область Ксина совместными усилиями. Если ты сможешь, то соберешь достаточно Силы, чтобы проделать этот путь в одиночку.

– Я смогу... Я найду вас! Обязательно найду. Где бы вы ни были...

– Я очень надеюсь на это, Адучи. Ты должен справиться. Мы все будем ждать тебя. Помни –

тайна всех твоих достижений именуется АРС. Это – одна из главных тайн нашей магии, это ключ к достижению ИТУ-ТАЙ. С тобой – твои Кураны, не забывай о них.

Кадамай показал Адучи рукой за его спину. Обернувшись, он увидел их. Духи-Хранители тоже были здесь и теперь сидели на траве отдельно от всех.

– Такого не было уже давно в истории Общества. Твои Кураны – это Знак, свидетельствующий о том, что Сила расставила все подобным образом, уже зная заранее – ты остаешься. Мы догадывались, что так и будет. Не зря ведь Айрук придумал тебе прозвище "Адучи". Оно переводится как "Вожак". Сила выразила свое отношение к тебе тем, что воплотила в дарованных тебе Куранах все Четыре Принципа Развития Силы, все свои лучшие проявления, все этапы в существовании Общества Серого Будды. Она оставила тебе самых могущественных и надежных Друзей, каких только возможно себе вообразить во всех четырех Направлениях, чтобы они поддержали тебя в твоём одиночестве. Поверь мне, это невиданный подарок. Ты единственный из известных мне тайшинов, кто, будучи ещё молодым и неопытным, получил всех четырех Куранов сразу. И каких Куранов! Это очень гармоничное соответствие: два животных и две птицы. Причем эти Кураны – своеобразные Исситы своих Направлений. Они – воплощение истории Общества, и крайне символично, что эти существа принадлежат тому, кто остается...

Кадамай слегка поклонился и шагнул назад. Вместо него к Адучи подошла Полина. Она подошла к нему совсем близко и наклонилась к его уху, прошептала:

– Я знала, что ты останешься. Ты слишком любишь людей. Это замечательно, но не позволяй этой любви обессилить тебя. Потому что, цепляясь за объект нашей любви, мы обычно становимся не-подъемной тяжестью друг для друга. Ты тайшин, ты должен выбрать оптимальную тактику, ты должен использовать свои знания для гармоничного решения всех задач, которые встают на твоём жизненном пути. Иначе, какой смысл в приобретении этих знаний и возможно-стей? Не позволяй своей любви убивать себя, и в то же время не вноси в образ жизни своих близких разрушительную динамику. Первое уничтожит тебя, второе – их. Равновесие возможно, когда сердца избавляются от страхов. Ты уже знаешь, что страхи, на самом деле, не более чем призраки, нами же порожденные. Уверенно иди вперед, смотри перед собой прямо, чувствуй себя легко и свободно. Это и есть основное условие нашей магии: максимальное доверие своему высшему "Я", пробуждение своего Духа. Главное – не останавливайся. Остановка – это поражение. Ищи Силу, ищи людей, которые поддержат тебя. Мы уходим, но в мире ещё есть множество людей ищущих свою Свободу. Не исключено, что Сила сведет вас вместе. Будь осторожен. Помни о том, что Сила имеет множество проявлений. Ты остаешься, значит в этом заключается выполнение твоего Долга, который ты принял, став тайшином. Ты наследник тайного знания, ты наследник человека, который сделал все, чтобы посвятить тебя в это знание. Я говорю о твоём дедушке, Координаторе "Щита", одном из Руководителей "Треугольника". Возможно, этот Проект ещё не закончен. Возможно, именно поэтому Сила разделяет нас: ты должен остаться, чтобы доделать начатое нами и, в частности, твоим дедушкой. Миротформизм не случайно стучался и двери твоего разума, может быть это начало твоего движения вперед. А может быть, оно примет какие-нибудь иные формы и очертания, я не знаю. Я лишь хочу сказать тебе на прощание, что я всегда буду помнить о тебе, в какие бы отдаленные пространства не занесла нас причудливая линия наших Судеб. Ты не должен чувствовать себя одиноким, помни – мы всегда будем с тобой. Все. И рано или поздно мы опять непременно встретимся. Я буду ждать этого. До свидания...

Нежное прикосновение губ чародейки к его губам подобно электрическому разряду. Адучи весь дрожит. Он озирается по сторонам. По периметру круга уже горят четыре больших костра. От них клуба-ми взвивается в небо серебристый призрачный дым. Все тайшины подходят, чтобы

попрощаться. Ободряющие взгляды и улыбки. Аду-чи вглядывается в их лица, пытаясь навсегда отпечатать, отложить их в своей памяти.

Последним подошел Айрук. Он положил ученику руки на плечи и медленно и негромко проговорил:

– Араскан уже попрощался с тобой. Жаль, что его нет с нами, он много сделал для тебя в твоём продвижении по Пути Тай-Шин. Вспо-минай его с благодарностью. А теперь ступай. Я буду последним из тайшинов прощаться с тобой, потому что именно я ввел тебя в этот загадочный мир. Я ничего больше не буду говорить тебе, все уже сказано. Прощай, Адучи. Надеюсь, у тебя все получится. Мы ухо-дим, следовательно, ты можешь поступать с оставленным тебе Наследием как заблагорассудится. Ты не стеснен отныне ограничения-ми группы. Отныне это только твой выбор, вопрос твоей личной стратегии, потому что ты остаешься. А мы уходим. Нас ждет Темный Ветер, а тебя ждет Проводник. Он выведет тебя отсюда. Так как я завершаю наш последний урок, это будет Проводник-Воин. Он очень сильный, он будет испытывать и твою силу. Поэтому ты должен бу-дешь сразиться с ним, прежде чем он возьмет тебя обратно, через Границы Миров. Не бойся его – он часть тебя. Он придет за тобой из темноты твоего внутреннего пространства. Ты узнаешь его без тру-да. Он будет ждать тебя в тумане. Иди ему навстречу... Кушун тегер мертех...

Диск Луны низко в небе качнулся вместе со звездами. Адучи рухнул на колени, упираясь рукой в землю. Все внутренности словно завязали в узел, не позволяющий двигаться, говорить, даже плакать. Адучи лежал в траве безмолвно, наблюдая, как тайшины, один за другим вступают в туман. Или это был дым от костров... Их темные силуэты бледнеют, тают, словно призраки, растворяясь в текучем воздухе. Один, второй, третий... Последний силуэт остановился на мгновение и, обернувшись, помахал Коврову на прощание рукой, Адучи даже не понял, кто это был.

А дым струится над землей, как живой, подобно волнам Соляриса, в котором исчезали, будто порождение фантазии огромной плане-ты, шаманы ИТУ-ТАЙ. Вот их уже и нет. Никого...

Адучи постарался приподняться и встать, но ноги и руки не слу-шались его, и он снова и снова заваливался на бок, в полупрозрач-ную темно-зеленую траву. До тумана всего несколько шагов. Адучи ползет вперед, стараясь дотянуться до вздрагивающих волнистых клубов, тщетно пытаясь разглядеть в густой пелене хоть кого-нибудь.

– Эй... Эй, – хрипит он надрывно, протягивая руки к туману. Ти-шина. Никого. Он остался один, все-таки один...

Туман вдруг заволновался и расступился. Из него, окутанный лох-матыми клочьями дыма, медленно вышел Посредник. Дух Воина. Волк-Дракон. Адучи, наконец, встал и посмотрел прямо в глаза ог-ромному белому волку, замершему перед ним подобно заснеженной скале. В этих глазах плескалась тьма. В них вспыхивали и гасли жел-тые и зеленые искры, похожие на звезды. В них была мудрость и глу-бина, магия и сила. Адучи невольно сделал несколько шагов назад. В них была смерть. Волк зарычал, оскалив острые зубы. От этого рычания задрожал воздух, а туман отхлынул назад. Адучи медленно поклонился зверю и встал в боевую стойку, выставив перед собой ослабевшие руки.

, "Он будет испытывать твою силу".

"...ты должен будешь сразиться с ним..."

"Иди ему навстречу".

Адучи с криком бросился вперед, и тут волк прыгнул вверх, ударив лапами в грудь тайшина, повалив его на землю, придавив своим тяжелым, невероятно сильным, телом. Острые зубы впились в руки, защищающие горло. Брызнула кровь. Адучи



закричал от боли, чувствуя, как хрустят кости, попадая между волчьими клыками. Тай-шин и волк покатались по траве, яростно атакуя друг друга. С каждым укусом зверя Адучи чувствовал, что становится все слабее и слабее. Еще немного, и сил не останется совсем.

"...прежде чем он возьмет тебя обратно, через Границы..."

Волк двигался настолько стремительно, что казалось – это не живое существо, а белая молния обвилась вокруг человеческого тела.

"Он очень силен".

В нем чувствовалась невероятная первобытная сила, противостоять которой было невыносимо. Это и был не обычный зверь. Дух Вои-на. Дух Сумерек.

– А-а... – Адучи выгнулся и откинулся на спину, раскинул в стороны изжеванные руки.

"Не бойся его – он часть тебя".

Волк яростно терзал его грудную клетку, порвав горло и истрепав зубами руки. Адучи лежал еще живой, подобно тряпичной кукле, которой играла шаловливая собака. Он чувствовал, как кровь вытекает из его тела на мокрую от росы траву. А волк сидит рядом и смотрит на него, величественный, спокойный, сильный. В его глазах – жизнь. Адучи из последних сил улыбается ему. Мир вокруг бледнеет и погружается во тьму. Но эта тьма не дает ощущения покоя. Она несет невесомое тело куда-то вперед. Адучи широко открывает глаза, но вокруг ничего не видно. Вот слабые блики света вдалеке. Рядом с Адучи бежит в темноте Волк. Его шерсть посверкивает, отливая серебром. Он бежит чуть позади. Становится светлее. Вот уже все тело Курана переливается жидким текучим светом. Серия ярких вспышек. Полет прекращается. Адучи чувствует, что парит в пространстве, словно наполненный азотом воздушный шарик. Волк толкает этот шарик вниз. Адучи видит там, внизу, в темноте ослепительно белый купол невероятных размеров. Или это гигантская полупрозрачная гора, покрытая светящимся на солнце искристым снегом? Гора все ближе и ближе. Адучи кричит от восторга, охватившего его сейчас. Он знает, он чувствует – эта гора имеет огромное значение для него. Появилось смутное ощущение, что там, внутри горы, тайшины, там Араскан, дедушка, отец... Волк подхватывает Адучи снизу и снова несет его вверх, во тьму. Адучи сопротивляется, старается изо всех сил изогнуться и изменить направление полета, опять устремившись к сверкающей горе. Но тщетно, силу Коуранга невозможно преодолеть. Адучи опять кричит, но на этот раз в его беззвучном крике – отчаяние. Тьма заканчивается. Огромный зал со свечами и каменными изваяниями Девяти Будд. Адучи озирается. Он начинает понимать, что его АРС двигается слишком стремительно, отсюда и подобная скорость смены видений.

-Адучи...

Он оборачивается. Перед ним стоит облаченный в длинный синий плащ человек с головой волка. Существо что-то говорит на смутно знакомом языке, но Адучи очень трудно сосредоточиться на произносимых волкочеловеком словах. Тысячи свечей заливают мозг жидким обжигающим светом, и Адучи снова проваливается в какую-то воздушную воронку, втягивающую его тело в другой мир. Волкочеловек остался где-то на периферии внимания. Серия вспышек...

## 2. (Главы-реконструкции, 1999 г .)

За окном пронзительно загудел, проезжая, большой грузовой ав-томобиль, и Николаев, вздрогнув, проснулся. Ему снились беско-нечные сопки, поросшие высокими остроконечными соснами. Этот сон, вероятно, был навеян его постоянными размышлениями об Ал-тае, и представлениями об этом загадочном крае, виденном им толь-ко в одной из телевизионных программ.

Подсознание визуализировало, вероятно, эти фантазии и теперь во сне высвобождало их, как бы давая возможность сравнивать ре-альные впечатления с воображаемыми. Сибирь почему-то ассоции-ровалась у Николаева именно с такой вот картинкой – сплошной сосновый лес, уходящий верхушками деревьев далеко за горизонт. И хотя он жил в Барнауле уже практически второй месяц, ассоциатив-ная картинка нет-нет, да и выпрыгнет перед глазами, рождая все но-вые и новые сомнения и размышления.

Экс-подполковник МВД, а ныне формально безработный, Алек-сандр Васильевич Николаев обреченно встал с кровати и рассеянно осмотрел гостиничный номер. Он проживал здесь уже не одну неде-лю, и все было напрасно. Вся эта затея с поисками. Вся эта история с рапортом об отставке...

Дело о "долгожителях" закрыли, погибших спецназовцев похоро-нили с почестями и салютом, но жил теперь в голове человек, уходя-щий в грозу, и, словно порча, отравляя изнутри клетки головного мозга, путал мысли и манил куда-то за собой... Тогда подполковник Николаев, видимо, совершенно не отдавая себе отчета в возможных последствиях, написал рапорт о проведении доследования, с учетом новых обстоятельств, которые могут открыть для следствия новые перспективы. Начальство деликатно намекнуло ему, что дело закры-то по факту гибели главного подозреваемого в совершении всей этой серии злополучных убийств, что все эти "новые обстоятельства" боль-ше напоминают сюжет для сериала "Секретные материалы", что все это бред, ловля ветра, и вообще не свойственная МУРу компетен-ция, а все материалы по делу "эргомов" переданы в следственную группу Министерства обороны. Таким образом границы компетен-ции определены, и Эксперту предложили заниматься своими обя-занностями, забыв о самом существовании "дела N 18". Через три часа в своем кабинете, руководствуясь совершенно непонятными мотивами, подполковник Николаев написал рапорт об отставке и освобождении его от занимаемой должности в связи с обстоятель-ствами личного характера. Эти обстоятельства были несколько туманны и расплывчаты, но на коллегии офицерского состава подпол-ковник был тверд в своем решении оставить службу. Профессiona-лы подобного класса и с подобной репутацией обычно долго не оста-ются без работы. Их тут же нарасхват разбирают другие силовые ве-домства, частные службы безопасности, охранные предприятия, кри-минальные структуры. Но Николаев неожиданно исчез. Никто из его знакомых не мог сказать, куда он уехал, никто из сослуживцев не мог понять подобного поведения.

Какие стимулы и цели управляли его волей? Что влекло его в дале-кие города, о которых ранее он лишь слышал, даже не представляя себе их конкретного географического местоположения? На эти воп-росы он и сам не мог дать себе вразумительного ответа. Но и по-иному поступить тоже было невозможно. Совершенно случайно он прикоснулся к чему-то... запредельному и грандиозному там,

в Мос-кве. К чему-то тайному и запретному. К чему-то, что изменило его отношение в первую очередь к работе. Перед глазами вспыхивали и гасли визуальные образы: трупы, ритуальные рисунки, убийца в черной одежде, уворачивающийся от пуль, человек, распадающийся на сотни разноцветных бабочек... После всего этого уже невозможно жить прежней жизнью. Что-то изменилось внутри, изменив тем самым привычные суждения и взгляды. И причину всех этих изменений и нужно было найти. Во что бы то ни стало. Профессор Каменский дал ему несколько полезных советов. Он очень удивлялся услышанной от подполковника истории, и все время смотрел на Николаева с неуверенной и недоверчивой улыбкой, которая чуть позже сменилась заинтересованностью, а затем откровенным интересом. Профессор был симпатичен Николаеву. Был в нем некий научный авантюризм, благодаря которому, видимо, только он и мог выслушать бывшего муровца и даже, возможно, чем-нибудь помочь. Было видно, что Каменского чрезвычайно увлекла эта странная и мрачная история. Он хмурил брови, жевал губы, вскакивал, потом опять садился и все время задавал вопросы, требуя все новых и новых подробностей.

– Понимаете, Александр Васильевич, из фактов изложенных вами складывается весьма любопытная картина. Вероятность того, что этот человек, убивающий ваших загадочных экстрасенсов и оставляющий на месте убийства символы древних магических ритуалов, принадлежит к какому-то мистическому языческому культу, весьма высока. Смею вас заверить, учеными мало изучены эти загадочные и по сей день области – Алтай, Сибирь, Монголия. Это до сих пор своеобразная "terra incognita". Очевидно, что возможность существования какой-то концепции, древней концепции, основанной на магии, именно в этой части света вполне оправдана. Так сказать – особенности менталитета. Посмотрите вот сюда, это древний символ, его вы не найдете ни в одном печатном издании пылящемся в архиве. Откуда этот ваш убийца мог узнать о нем? Где он мог научиться так виртуозно убивать людей? Причем не просто людей, одни из них, как я понимаю, были экстрасенсами, то есть людьми с повышенными психофизическими возможностями, другие – профессионалами рукопашного боя? Откуда, скажите мне? А ведь этот убийца не просто убивал, его нельзя назвать маньяком или мясником, нет. Он подводил каждое убийство под определенный виток какого-то мировоззрения, древнего мировоззрения. Помните, вы мне показывали фотографии трупов? Знаете, что означают эти разрезы на теле? Они символизируют открывание неких "ворот", которые соответствуют определенным энергетическим областям на человеческом теле. Разрезы обуславливают открытие этих "ворот", через которые душа человека двигается к освобождению. Этот убийца забирал их с собой, проводил через тайные обряды и уводил куда-то в дали, нам с вами пока не известные. И Свастика. Это же Колесо Обновления, Новой Жизни, символ завершения созидательного труда, символ Духовности и Покоя. Убийца не испытывал жестокости по отношению к своим жертвам. Он убивал их в соответствии с каким-то загадочным ритуальным кодексом. Понимаете? Этому в современных террористических спецшколах, как я понимаю, не обучают. И одно дело, если он – одиночка, пусть и колдун, но одиночка! И совсем другое дело, если он – элемент структуры, часть системы, культа, который стоит за ним. В этом случае, мне кажется, основные неприятности у вас еще впереди. Скажите, из этих экстрасенсов остался еще кто-нибудь живой? Да? Ну, вот видите. Инцидент, следовательно, еще не исчерпан.

Николаев задумался на мгновение, а затем сухо произнес, перебивая профессора:

– Никто больше не умрет.

Каменский вздернулся и, сев напротив собеседника, импульсивно потрянул головой:

– Откуда у вас такая уверенность, Александр Васильевич? Вы видели рисунки? Это на самом деле целое мировоззрение. Один чело-век не может быть его выразителем.

Подполковник закурил сигарету, полузакрыв глаза. Человек, рас-падающийся на сотни разноцветных бабочек. Росчерк молнии на темном небе.

– Никто больше не умрет. Им это не нужно.

– Им? Кому им? Вы так уверенно говорите, будто знаете, о ком идет речь. Откуда такая категоричность в суждениях? Я понимаю – вы профессионал, но здесь обстоятельства иного рода, в этой облас-ти вы, простите, полный профан. Я, посвятивший всю жизнь изуче-нию Азии и Востока, могу с уверенностью сказать – там варится такая каша, что невозможно даже предположить какие тайны скры-ты от нас в непроходимых степях, лесах и горах этой загадочной час-ти света. Согласно некоторым данным, в Алтайских горах, в Казах-стане и Монголии до сих пор остались культы, практикующие такие ритуалы, по сравнению с которыми ритуалы современных сатанистов, вудуистов или ведунов – просто детское баловство. Или, может, вы рассказали мне меньше, чем знаете?

– Я чувствую это. Эти убийства... вы правы, они принадлежат к другой исторической эпохе. И не нам выносить суждения о них, мы слишком мало знаем, чтобы вмешиваться в этот сложный и таин-ственный процесс. Но мне кажется, что со смертью этого убийцы все закончилось. Видите ли, он действительно не просто убивал свои жертвы. Перед убийством он что-то делал с ними, он манипулировал их сознанием, высвобождал какие-то потаенные пласты психики и только потом убивал. Это можно назвать чем-то вроде вендетты, кров-ной мести, а в таких делах всегда трудно определить действительно виновную сторону. И дело не в том, что я его оправдываю или не оправдываю. Тут... несколько иная область отношения ко всему этому. Мне трудно сейчас выразить это... Этот убийца был невероятно сильным человеком. Он был способен силой своей воли подавить волю своей жертвы. Но эти жертвы, как мне кажется, и сами, в глуби-не своей души, хотели этого. В этих... процедурах он использовал какие-то психотропные препараты. Я стал свидетелем всей мисте-рии, я на себе испытал их действие. Они раскрепощают разум, они выносят на поверхность что-то непонятное, что-то, что меняет жиз-ненные основы. Мне трудно объяснить свое состояние, но я чувствую, что за этим человеком действительно стоит какая-то сила, и она зах-ватила какую-то часть моего существа. Помните, как те "шаманские Сети", о которых вы мне сами рассказывали? Теперь я знаю, что должен найти источник этой силы, иначе я просто... сойду с ума. Мне уже начали сниться непонятные темные фигуры во сне. Они разговаривают со мной. Что-то происходит с моей психикой, и я чув-ствую, что это прекратится только после того, как я уйду в грозу на горизонте...

Простите? – Профессор удивленно изогнул брови, а Николаев рассмеялся, поняв, что слишком увлекся:

– Извините, Лев Борисович, меня опять заносит. Вот видите, заго-вариваться уже стал. Я, собственно, к вам и пришел за тем, чтобы попросить о помощи. Может быть, вместе нам удастся определить направление, в котором мне нужно двигаться.

Каменский растерянно пожал плечами...

Потом были бессонные ночи и тусклые дни, опять ночи и опять дни... Ответ пришел неожиданно. Вдруг ни с того ни с сего Николаеву по-звонил старинный приятель, с которым он не виделся уже около деся-ти лет, и пригласил к себе, в Бийск. Предложение было неожиданным и крайне заманчивым. Организму требовалась передышка, и не просто передышка, а капитальное "обнуление", с сауной, дачей, лесными прогулками, купанием и прочими приятными атрибутами летнего отдыха.

Эксперт решил принять предложение, взяв небольшой "тайм-аут" в своих запутанных и сомнительных изысканиях. Кроме того, его насторожило что-то в словах, произнесенных товарищем. А было там следующее: "Приезжай, Саня, у нас на Алтае отдохнешь от своей ду-рацкой работы по полной программе...". Алтай! Уже через два дня Николаев был в Бийске, но кроме действительно приятного времяпрепровождения не сдвинулся в своих поисках ни на шаг. Дни проле-тали один за другим, и когда уже было неловко стеснять товарища своим присутствием, Эксперт сердечно попрощался с ним и выехал в Горно-Алтайск, где прожил в гостинице неделю и, также, не добившись конкретного результата, выехал в Барнаул, откуда планировал вернуться в Москву. В Барнауле ему пришла в голову совершенно сумасбродная мысль разместить в краевой газете изображения с одной из фотографий, взятой им по случаю из материалов дела "долгожителей". Он поместил в двух рамочках цветные рисунки: солнце, соседствующее с темным полумесяцем, и символ стилизованной ша-манской Свастики, заключенной в двухцветный ромб. Внизу под каж-дым знаком он указал номер своего сотового телефона. На успех он, правда, не особо рассчитывал, а скорее сделал это от безысходности. Газета вышла уже неделю назад, но звонили только какие-то идиоты, возмущенные пенсионеры, националисты или просто любопытные, которые пытались выяснить у Николаева смысл объявления и при-надлежность данных "товарных знаков". Затея с самого начала была обречена на провал, и Эксперт дал себе еще два дня, решив, что потом будет разумнее вернуться в Москву. Остаться здесь дольше просто не имело смысла. Николаев подошел к окну, хмуро посмотрел на ули-цу, залитую ярким солнечным светом. На столе переливчато заиграла мелодия – звонил телефон.

– Алло, слушаю вас.

– Добрый день. Я правильно набрал номер, это вы поместили в газете рисунки?

– Да, это мое объявление.

– Кто вы? Чего вы хотели добиться, публикуя эти знаки?

– Простите, я хотел бы сначала узнать, с кем имею честь разговари-вать?

– Мое имя вам вряд ли знакомо. Могу сказать лишь, что я имею к этим знакам некое отношение, поэтому их публикация... Немногие люди знают, что это такое.

– А что это такое?

– Не понял. Вы что, сами не знаете их значения? Зачем же тогда...

– Я располагаю очень важной информацией, связанной с этими знаками. Мне необходимо встретиться с вами, если вы действитель-но сможете прояснить для меня кое-что.

На другом конце линии молчание.

– Вы меня слышите?

– Слышу. Кто вы?

– Давайте встретимся, и я вам все расскажу. Эти знаки были полу-чены мной при очень странных, я бы даже сказал, шокирующих об-стоятельствах. Вам это о чем-нибудь говорит?

Собеседник усмехнулся:

– Все, что связано с этими символами, сопровождается странными и зачастую, шокирующими обстоятельствами.

– Так, что? Мы сможем встретиться?

– Я подумаю и позже сам сообщу вам ответ. Гудки. Николаев положил трубку и, чувствуя, как дрожат ноги, медленно сел на кровать.

Незнакомец ждал его за столиком летнего кафе, расположенного на набережной Оби, неподалеку от речного вокзала. Это был приятный молодой человек в светлом льняном костюме. Подполковник сразу обратил внимание на его глаза – очень пронизательные и умные. Трудно было определить социальный статус незнакомца. Он выглядел как-то неброско и в то же время очень элегантно и дорого. На лацкане пиджака у него блестел на солнце крохотный и, судя по всему, выполненный из платины или серебра значок в форме головы полка. Подполковник подошел и, улыбнувшись, протянул незнакомцу руку:

– Здравствуйте, меня зовут Александр Васильевич Николаев. Тот привстал и, тоже улыбнувшись и пожав руку, представился:

– Всеволод Геннадьевич Санаев.

Они сели за столик, на котором стояло два запотевших фужера с фруктовым коктейлем. Санаев предложил Эксперту один, и подполковник с удовольствием отпил свежий прохладный напиток.

– Огромное спасибо вам, Всеволод Геннадьевич, за то, что согласились встретиться со мной. Я уже, честно говоря, потерял надежду.

Санаев откинулся на спинку пластикового стула и, рассматривая коктейль в свете солнечных лучей, улыбнувшись, произнес:

– Надежду терять не нужно никогда, ее потом очень трудно снова найти. Расскажите мне, что послужило причиной вашего интереса к этой... отрасли знания?

Николаев достал из кармана пиджака сложенную в трубочку газету со своим объявлением и, расправив, положил ее на стол, ткнув пальцем в один из символов.

– Всеволод Геннадьевич, я бы очень хотел прояснить для себя, что значат эти знаки, какое мировоззрение они выражают и существуют ли люди, которые это мировоззрение разделяют? Я имею в виду сейчас, в наше время. Если вам что-то известно, я вас очень прошу, для меня это очень, очень важно.

Собеседник, прищурившись, рассматривал Эксперта.

– Давайте по-другому построим нашу беседу. Сначала вы расскажите мне, при каких обстоятельствах вы получили доступ к этим символам, и какое отношение к этим обстоятельствам имеете непосредственно вы. А также, с какой целью вам необходима эта информация. Мне кажется, что с моей стороны справедливо знать это, прежде чем что-либо рассказать вам. Ведь о встрече просили меня именно вы.

Николаев кивнул и, замявшись, достал из кармана пачку сигарет. Закурил и медленно пробормотал:

– Видите ли, Всеволод Геннадьевич, эти обстоятельства имеют несколько трагическую окраску. Я столкнулся с ними, будучи начальником следственного отдела московского уголовного розыска, и по-этому... поведать вам о них, не будучи, вы уж меня извините, до конца уверенным в вашей компетенции относительно...

Санаев пожал плечами и встал. Николаев взмахнул руками:

– Извините, извините меня, пожалуйста, Всеволод. Сядьте. Я понимаю, что это необходимо в первую очередь мне, но и вы, ради бога, поймите меня. Хотя бы в двух словах расскажите мне об этих знаках, и тогда я в свою очередь поведаю вам совершенно фантастическую историю, которую вы только когда-нибудь слышали. Слово офице-ра. Идет?

Санаев кивнул и, сев на место, отпил коктейль из своего фужера, посмотрев на Николаева, который, вероятно, выглядел сейчас самым жалким образом:

– Хорошо. Вкратце я вам расскажу. Это, – он кивнул на газету, – ИТУ-ТАЙ. Континуум Света и Тьмы, древняя магия, оперирующая собственной реальностью. Это Учение о Равновесии, мировоззре-ние, открывающее людям новые перспективы развития. Ему несколько тысяч лет, но оно действительно и по сей день...

Николаев напряженно подался вперед, внимательно слушая каж-дое слово произнесенное собеседником.

– Простите, Всеволод, а откуда вам известна эта концепция? Санаев помолчал несколько секунд, раздумывая, а затем наклони-лся к столику и негромко произнес:

– Вы спрашивали о людях, которые разделяют это мировоззрение в наши дни? Так вот, можно сказать, что я один из них...

Когда Николаев закончил свой рассказ, Санаев несколько минут сидел молча, обдумывая услышанное. Затем он встал и кивнул Экс-перту:

– Пойдемте, прогуляемся. Здесь очень красивый вид на реку. Они встали и, покинув кафе, не торопясь, пошли вдоль турникета, огораживающего набережную от спуска к воде.

– Видите ли, Александр Васильевич, я контактировал только с од-ним человеком, который, собственно, и посвятил меня в некоторые аспекты таинства ИТУ-ТАЙ. Но тот, о ком вы рассказали мне сей-час, не может быть этим человеком. Я видел его уже после описываемых вами событий. Но эта история... Вы правы, она несколько мрач-новата, впрочем, как и многое из того, что связано с ИТУ-ТАЙ. Но это не значит, что ИТУ-ТАЙ олицетворяет собой некую мрачную область. Скорее она загадочна, но ни в коем случае не негативна. Это даже, скорее всего, зависит от человека, который практикует ИТУ-ТАЙ. Мрачного человека она сталкивает лицом к лицу с его собственной мрачностью, с которой тот, в свою очередь, может сде-лать уже все что угодно. Человека легкого, оптимистичного, она мо-жет превратить в доброго и счастливого волшебника. Этот человек, ну про которого я вам рассказывал, я условно назову его... ну, напри-мер, Вадим, так вот, у меня сложилось такое впечатление, что он многого мне не рассказал. Только то, что считал необходимым. И хотя концепция ИТУ-ТАЙ сразу поразила меня своей глубиной и силой, мне кажется, она на самом деле гораздо обширней, грандиоз-ней, если хотите. Поэтому не стоит удивляться тому, что с вами про-изошло. Область ИТУ-ТАЙ безгранична и разнообразна, она мо-жет имен, множество проявлений.

Николаев опять закурил, хотя уже давно решил избавиться от этой вредной для большого сердца привычки. Просто сейчас он не мог справиться с возбуждением, охватившим его, и нужно было хоть как-то сбить это невероятное напряжение, возникшее внутри и угрожа-ющее несчастному сердцу большими неприятностями, нежели при-вычные сигареты.

– А скажите, Всеволод, кто он, ну, этот Вадим? Я могу с ним уви-деться? Может быть, именно он что-нибудь сможет прояснить для меня?

– Он, вероятно, смог бы, но я сомневаюсь, что он захочет это де-лать. Как, впрочем, и вообще встречаться с вами.

– Почему?

Санаев пожал плечами:

– Поймите, хотя вам и трудно будет это сделать, не зная всей предыстории. Вадим – шаман, настоящий шаман. Он создал цикл концептуальных программ: "Мироформизм" – "Трактат о Взаимодействии", "Воина-Охотника" – одну из самых, на мой взгляд, актуальных вещей о "неошаманизме". И в основу этого цикла он положил Миф о Двух Силах... Не сказку, а Миф – здесь нужно очень четко различать эти понятия! Это истории о Тай-Шин, тайной практике группы шаманов, существующих обособленно и тайно. Какие мотивы двигали им в создании этих произведений, я не знаю. Могу только предполагать. И хотя он и не афиширует свою принадлежность к мистическому культу, мне кажется, он не смог бы выдумать Тай-Шин, создать его из своего воображения. Потому что, когда погружаешься в эту мистерию, начинаешь понимать, как все взаимосвязано друг с другом, слишком взаимосвязано. Начинаешь чувствовать эту Силу, отмечать ее проявления. Где он взял эти знания, мне неизвестно. Непонятно мне также, затем он отдал свои записи мне. Я долго думал, почему он это сделал, и только сейчас начал понимать. Это знание обнаруживает тайники человеческой сущности. Человек получает возможность обрести принадлежащее ему испокон веков могущество и свободу. Но путь этот превращается в Путь Воина, в Путь Шамана. Потому что на страже этих тайников, оказывается, стоят очень грозные, и невероятно хитрые и коварные сущности.

– Сущности?

– Да, сущности. Помимо того, что человеческое общество создало нечто вроде глобального защитного механизма, охраняющего их целостность, оно еще и испытывает на себе влияние иной, враждебной цивилизации существ, испокон веков тайно воздействующих на людей.

– А можно поподробнее.

– Это долгая история. Что касается защитной системы, то тут все можно свести к аналогии с детской сказкой про гадкого утенка. Помните?

Николаев кивнул и бросил недокуренную сигарету в ближайшую урну.

– Это где утки и куры чуть было, не заклевали маленького лебедя?

– Именно. Человеческое общество чем-то напоминает этот курятник, где, лишенные возможности летать, птицы делают жизнь всем отличающимся от них, невыносимой. Появление людей с необычными способностями или стремление получить их, тут же вызывает у большинства ощущение собственной ущербности и чувство опасности, что, в свою очередь, порождает пресловутый конфликт "Общества и Человека".

– И курятник начинает преследовать маленьких лебедей?

– Да. И самое страшное, что преследование разбивает семьи, привязанности, дружбу. И пока лебедь не становится способным летать, его жизнь превращается в борьбу за выживание.

Санаев замолчал, и, остановившись, подошел к турникету, облокотившись на него. Николаев встал рядом. Несколько минут они молча смотрели на реку, а потом Всеволод опять заговорил:

– Но проблема имеет еще одну сторону. Дело в том, что виной подобного положения дел является как раз та, другая цивилизация существ, живущая на этой же планете, и оказывающая на людей самое разрушительное влияние. Можно даже сказать, что люди не являются самостоятельными существами, в самом широком смысле этого слова. Мы все слишком отягощены злом, завистью и агрессией, и все эти качества являются информационными



вирусами, как раз закла-дываемыми в нас этими самыми сущностями. Тай-Шин рассказы-вает людям о них, отсюда глобальный конфликт, перерастающий в битву за собственную свободу, победить в которой может только Воин-Шаман, человек, начинающий доверять своим инстинктам, начинающий чувствовать окружающий мир. ИТУ-ТАЙ – это древ-нее знание. На протяжении веков его практиковала некая полнос-тью закрытая организация, построенная на строжайшей дисципли-не, скрепленная узами мистического родства и окутанная покровом тайны. Адепты этого Учения не признавали никаких общественных норм, насаждаемых идеологий, управляющей власти и подчинялись только своим патриархам – Исситам. Вадим, очевидно, принадле-жит или принадлежал к этому обществу. Но что-то изменилось в существующем положении, и Вадим сделал поистине стратегически грамотный ход. Он обезопасил себя и своих единомышленников тем, что открыл тайное знание людям, сделал его достоянием многих, од-новременно расширяя и область ИТУ-ТАЙ. Теперь актуальность преследования адептов Тай-Шин перешла и несколько иную плос-кость.

– А как он осуществил этот маневр?

– Он начал создавать Мирформизм и ввел меня в его область. Можно сказать, что он выкинул тайные документы в толпу на люд-ной площади. Кто-то посчитал это профанацией, кто-то не понял их содержания и тут же забыл про этот инцидент, кто-то разнес эту информацию по своим знакомым... Действия толпы можно прогно-зировать, но действия каждого отдельного человека остаются непред-сказуемыми. В любом случае, судьба этого конкретного человека те-перь не представляет для враждебной цивилизации одержателей никакого интереса. Однако информация, которой он поделился, об-рела собственную жизнь, собственную динамику дальнейшего раз-вития. Несколько человек, которые заинтересовались этой инфор-мацией, создали некое подобие исследовательской организации, сво-еобразную общину современных воинов-шаманов – "Темный Ве-тер", или на нашем "внутреннем" сленге – "Волчий Клуб". В рамках этой организации мы получили возможность постигать ИТУ-ТАЙ и создавать Мирформизм, используя для этого совокупные знания и возможности.

– А все-таки где этот человек? Меня, признаться, интересует судь-ба именно этого человека.

– Который так поступил с тайными документами?

-Да.

– Сам он исчез.

-Как... исчез?

– Растворился в этой самой толпе, стал ее частью. Ушел. Никто не знает куда. Даже я. Одни говорят, что он живет на Алтае, где-то дале-ко в горах. Другие утверждают, что видели его в Новосибирске. Знаю только что у него сейчас довольно успешный бизнес. Насколько я знаю Вадима, в прошлом он был профессиональным аналитиком, и довольно успешно работал в сфере информационных технологий. Теперь же, внеся в этот бизнес технологии шаманизма, которыми он владеет, я думаю, недостатка в консультациях он не испытывает. Это ведь, по сути дела, решение второй половины извечного конфликта. Сделать так, чтобы возможности шамана стали выгодны обществу. Понимаете? Наладить с обществом паритетные отношения. По-мо-ему, очень изящно! Но, повторяю, как он это делает мне неизвестно. Может быть, он участвует в бизнесе через своих доверенных лиц, а сам действительно живет где-нибудь в предгорной тайге, открывая для себя новые горизонты Силы, общаясь с духами и животными, которые доверяют ему свои невероятные тайны. Во всяком случае, он не случайно отдал мне свои рукописи. Видите ли, Вадим является "шаманом-сказителем". Есть такая особая каста шаманов, которая переплетает воедино магию и реальную историю, невидимое и неве-домое, мифы и сновидения. Возможно, теперь и мы с вами являемся персонажами одной из этих таинственных "сказок".

Какая роль в ней отводится каждому из нас – неизвестно. В этом смысл всей мистерии. И именно поэтому, скорее всего, Вадим вообще неохотно делится какой-либо информацией помимо той, которую он посчитал нужным изложить, прежде чем исчезнуть.

Николаев разволновался:

– И что, вот так исчез и все? И больше не связывался с вами? Санаев покачал головой:

– Почему же, связывался, но очень редко. Возникнет внезапно, словно призрак, поговорит минут десять и исчезает. А последнее время он вообще стал у нас редким гостем. Хотя... Около нашего Поселка...

– Какого Поселка? – удивленно переспросил Николаев.

– Так называется наш палаточный городок в Горном Алтае – По-селок. Там собираются Дуээнерги.

– Кто?

– Дуээнерги, – Санаев, улыбнувшись, провел рукой вдоль своего лица и груди, будто разделяя этим жестом тело на две половинки. – Так называются люди, практикующие ИТУ-ТАЙ, практикующие Миротформизм, современные городские шаманы. Существует, конечно, официальное название – миротформисты, но оно более громоздкое и непонятное. И есть еще одно название, которое нами очень часто используется – "Интуиты".

– Интуиты? Это, насколько я понимаю, как-то связано с интуицией?

– Да, самым прямым образом. Один из древнейших переводов "Тай-Шин" означает – "Чувствование своего Пути во тьме". В результате этой практики человек становится более чувствителен к окружающему миру, естественным образом в нем развиваются способности, именуемые интуитивными. Но название "Дуээнерг" более концептуально, и кроме этого, отражает саму суть ИТУ-ТАЙ: два различных потенциала энергии, скрытых в человеке. Так вот, около Поселка иногда видят странного незнакомца. Он часто появляется вблизи лагеря, но никогда не подходит и держится на расстоянии. Выйдет на вершину холма в сумерках и стоит, смотрит. С ним всегда рядом темная собака или волк, в сумерках очень трудно разобрать. Очень странная парочка. Так вот, может, это он и есть. Кто он?

– Ну... Вадим.

– С волком? Прямо Тарзан какой-то...

Санаев как-то странно посмотрел на Николаева и тихо произнес:

– Вы, Александр Васильевич, многого не знаете. Волк – это... Впрочем, вам все нужно увидеть своими глазами. Сила ведь неспроста привела вас сюда, на Алтай. Сегодня я возьму вас с собой, в Поселок...

Николаев прошелся по номеру и, осмотревшись на предмет забытых при сборах вещей, вышел в коридор. Телефон зазвенел, когда он уже закрывал дверь.

– Слушаю вас.

Тихий и далекий голос в трубке.

– Вы ищете тайшинов?

Эксперт судорожно перевел дыхание.

-Кого, простите?

– Вы поняли, о ком я говорю.

Николаев кивнул сам себе и облизал пересохшие губы:

– Да, я понял. Я действительно их ищу.

– Напрасно. Вы здесь никого не найдете.

– А где найду?

– Нигде. Они ушли.

– Как ушли? Куда?

– Ушли. Возможно, навсегда.

– Но как же, а дуэнерги?

– Это не совсем то, что вы ищете. Те, кто интересуют вас, сейчас находятся вне досягаемости. Поэтому, если вам нужны именно тайшины, вы только зря потеряете время. И вообще, следует забыть об этом, не стоит искать то, чего уже нет. Это сродни поиску прошлогоднего снега...

– Простите, а вы кто? Вы один из них, да? Молчание.

– Только не бросайте трубку. Вы ведь один из них?

– Да.

– Я приехал сюда специально, чтобы встретиться с вами. Мне есть что рассказать вам, что-то очень важное, что случилось с одним... из ваших, в Москве.

– Это все уже не имеет значения.

– Имеет, для меня имеет.

– Сила имеет множество проявлений. Не закливайтесь на своей проблеме, это бессмысленно. Тайшины ушли, и все, что связано с ними, уже не имеет значения.

-Подождите, я...

Гудки отбоя, словно гул уходящего поезда. Николаев выключил мобильник и медленно пошел по коридору к столику администрато-ра. Нужно было сдать ключи от номера. Сюда он больше уже не планировал возвращаться.

Санаев ждал его в белой "Тойоте", припаркованной у выхода из гостиницы. Когда Николаев сел в салон, Всеволод удивленно посмотрел на него и спросил:

– Что с вами, Александр Васильевич? На вас лица нет. Увидели привидение?

Эксперт глубоко вздохнул и, поморщившись, помассировал рукой грудь в области сердца:

– В некотором роде.

– В каком смысле? – Дуэнерг нахмурился и сделал тише музыку, звучащую из динамиков стереосистемы.

– Он только что звонил мне.

– Кто?

– Ну, вероятно, этот ваш... Вадим.

Санаев удивленно посмотрел на собеседника:

– Да вы что? Представляю себе, что он вам наговорил. Николаев покосился на своего нового

знакомого и раздраженно пробормотал:

– Я вижу, вы не понимаете, Всеволод, насколько это важно для меня.

– Что важно? Встретиться с Вадимом?

– Да, встретиться. Я из-за этой встречи бросил все: и работу, и квартиру, все. Приехал сюда за сотни километров, вас с таким трудом отыскал, а он мне говорит: "Не зацикливайтесь на своей проблеме, это бессмысленно"...

Дуэнерг усмехнулся:

– На него это похоже.

Николаев обреченно развел руками:

– Вы, Всеволод, как мне кажется, вообще плохо отдаете себе отчет в том, к чему вы прикоснулись. Санаев насмешливо покосился на подполковника:

– Не может быть! Может, вы мне расскажете, Александр Васильевич? А то, правда, я никак не могу понять, к чему же это я все-таки прикоснулся?

– Ваша ирония неуместна, вы...

– Успокойтесь, не нужно столько экспрессии. Это вы не отдаете себе подобного отчета, Александр Васильевич. Для вас, как впрочем, и для всех нас, ИТУ-ТАЙ по-прежнему остается тайной за семью печатями; а вы уже возомнили себя ревнителем запретного культа. А действительно, вы не задумывались ни разу, почему вы вдруг бросили все: и работу, и квартиру, и примчались за много километров именно сюда, на Алтай? Не задумывались? Это ведь как иголку в стоге сена найти, а вы – раз, и нашли! И Вадима вы не видели ни разу, а ведь что-то привело вас сюда. Что? Он вам правильно сказал – не имеет это все значения, для вас должен быть важен результат – вы здесь, вы нашли то, что искали, и это главное.

– Не совсем то, что искал.

– Да вы и сами не знали толком, что искать-то. Однако нашли же. Искали ИТУ-ТАЙ, и нашли. Искали каких-то колдунов, которые умеют превращаться в стаю бабочек, так ведь сами сказали, что это был сон. Нет никаких колдунов и никогда, возможно, и не было, а если и были когда-то, так это когда было и было ли вообще? Вот что вам Вадим сказал, а вы не поняли.

– Но ведь Вадим-то есть?

– Вадим есть, но вам-то что с того? Да и есть ли? Может, его и нет вовсе, вы ведь его не видели?

– Да, но вы же сами...

– Эх. Александр Васильевич, вы же опытный муровский следователь. Вы должны верить только неопровержимым фактам, а в мире ИТУ-ТАЙ таковыми являются лишь чувственные интерпретации каждого индивидуума в отдельности.

– То есть вы хотите сказать, что для вас Вадим существует, а для меня нет?

– Можно сказать и так. Все дело в том, что существование Вадима, как конкретного человека, в данном случае не играет действительно никакой роли. Все, что он хотел сказать, он изложил в своих "Концепциях Миротормизма". Правда это или нет, каждый, кто столкнулся с ними, должен решать для себя сам. Сверх этого вы от него все равно ничего не добьетесь, поверьте мне. Так в чем же дело? Вы должны понять одну особенность постижения ИТУ-ТАЙ: не нужно смешивать суть Концепции и личность человека, ее постигающего. Да, про ИТУ-ТАЙ,

про столетия древней и таинственной Силы мы узнали от Вадима, и можно сказать, что благодаря ему стали тем, кем мы являемся сейчас. Но это не повод, чтобы канонизировать его. Он лишь проводник Силы. Не было бы его, был бы кто-нибудь другой. Просто настало время, когда Сила открыла людям свой очередной аспект. Заслуги Вадима в этом нет, наоборот, мне кажется, это исключительное бремя, которое принесло ему очень много боли и страданий. К тому же подобное отношение к Концепции – это инициатива самого Вадима. Он, например, вообще утверждает, что все это лишь плод его воображения, сказка, миф. Но я думаю иначе. Поэтому он и исчез. Исчез совершенно безболезненно для Мирформизма, потому что мы уже знаем о двойной природе человека и о незавидном положении человечества, испытывающего на себе колоссальное давление тайной подземной расы. Это знание открывает нам путь дальше, а Вадим вполне может идти сейчас сам, своей загадочной дорогой. Он сделал то, что должен был сделать, он принес нам посылку с Другой Стороны Дня. Принять ее или не принять, как ею распорядиться – это уже наше дело.

Санаев несколько секунд смотрел на собеседника, а потом, улыбнувшись, кивнул.

– Вадим рассказывал мне как-то про Серого Будду. Так вот, у статуи Серого Будды нет лица. Понимаете? Он – безликий, потому что те, кто открывает в себе дорогу в Запредельное, отказываются от себя, от своей невыносимой саморефлексии. Это значит, что они уничтожают в себе то драгоценное для каждого человека самозаключенное на самом себе "Я", которое заложили в него, вырастили и теперь манипулируют им тайные властители планеты Земля. Тайшинов не интересуют почитания. Силой пронизано все вокруг, и те, кто создали Тай-Шин, просто воспользовались этим знанием, для того чтобы сражаться за свою истинную природу и свободу, принадлежавшую нам изначально. Но это не повод, чтобы рисовать с них портреты и лепить статуи. Все статуи культуры Тай-Шин тоже аморфны, безлики. Они выражают не личностную персонализацию, а суть, идею, энергию, магическую волю. Неужели вы считаете, что, встретив Вадима, вы окунетесь сразу же в мир древних легенд и оживших преданий? Да, возможно, он один из тех, кто изучал древнюю версию ИТУ-ТЛЙ, но вы изначально не принадлежите к их кругу, так же как и я. Их время закончилось, поэтому они ушли. Мы – новая полна Тай-Шин, новое поколение людей со сверхчувственным восприятием, мы новый ниток этой системы знаний, но мы не цепляемся за то, что для нас является запретной темой. Все, что Вадим захочет рассказать о себе или о тех, кто обучал его, в случае необходимости будет им своевременно изложено, в том или ином виде. Форсировать события в данном случае бессмысленно. Саженец не вырастет быстрее оттого, что его тянут за верхушку. Вадим изучал древнюю науку, но, будучи сыном своего поколения, он нашел пути создания синтеза современных технологий и шаманской культуры. Теперь наша задача – продолжать развитие этого направления, добавляя в него новые перспективные формы. Среди нас, например, есть ученые, которые совершенно изменили свое отношение к официальной науке и создали ряд совершенно необыкновенных "ноу-хау", основанных на концепте ИТУ-ТАЙ. Понимаете, Тай-Шин – это искусство поиска своего Пути. Человек учится прислушиваться к своему естественному жизненному ритму, он раскрывает свой уникальный, индивидуальный стиль, который пронизывает всю его дальнейшую жизнь: работу, взаимоотношение с любимыми людьми, друзьями, врагами. Ответы на все свои вопросы человек учится искать в самом себе и в том великом Духе, который насыщает все сущее вокруг. И именно поэтому наша община никогда не вырождается в примитивную секту, и именно поэтому мы не придумываем себе вождей и поводырей, потому что уверены, что никто никого ничему научить не может. Мы все уже знаем и умеем. Но знание это и умения нами отвергнуты, завалены кучей привнесенного мусора, от которого мы и пытаемся освободиться. Мы не имеем возможности обучаться по древней системе в силу специфических факторов, связанных с уходом адептов Тай-Шин в непроходимые горы, где в

своем таинственном монастыре они отныне обретут свое пристанище. Но ведь это не значит, что возмозносно двигаться вперед для нас больше нет. Поэтому прислушайтесь к совету того, кто говорил с вами по телефону несколько минут назад, не зацикливайтесь на том, чего для вас не существует. Все ответы – в вас. Не расходуйте свою энергию на бессмысленные поиски того, что у вас уже есть. Учитесь тратить ее разумно. Это одна из аксиом дуэнеров, которые начинают постигать мир за гранью видимого.

Николаев, прищурившись, смотрел на солнце, опускающееся за бесконечные просторы полей, мелькающих за окнами движущегося автомобиля. Он молчал. А Всеволод, улыбаясь, легонько толкнул его плечом, словно подбадривая, и сделал громче музыку.

\* \* \*

Они приехали в Поселок уже поздней ночью. Семь больших четырёхместных палаток стояли на берегу Катуня полукругом, окаймляя просторный чистый луг, который плавно переходил в травянистый холм, а затем в серую высокую скалу, являющуюся, в свою очередь, частью огромной горы, уже невидимой во тьме. В центре этого полукруга горел огромный костер. Автомобиль Санаев припарковал возле нескольких машин, стоящих за палатками и накрытых брезентовыми накидками. Николаев вышел из салона и с интересом осмотрелся, вдыхая полной грудью чистейший горный воздух. Темные массивы гор возвышались вокруг угрожающими очертаниями каменных глыб. Всеволод вытащил из багажника две объемистые спортивные сумки и унес их в одну из палаток. Затем вышел оттуда в сопровождении четырех человек: трех мужчин и одной женщины.

– Познакомьтесь, Александр Васильевич, это Смотрители Костра. Они сегодня дежурят и их непременно должно быть четверо: по одному Смотрителю на каждое Направление. Вот эту очаровательную девушку зовут Елена. Вот этого здоровяка – Игорь. А вот эти двое мужчин – иностранцы, но, как вы убедитесь, оба прекрасно говорят по-русски. Вот это – Хэм, Хэмптон Паттерсон, американец. А это – Ишидо, он из Японии. Как видите, у нас уже подобралась неплохая интернациональная команда. И это только начало. Как сказал Вадим, человек, который обладает "зубом Волка", неизбежно окажется здесь, потому что настало время, когда "народ Волка" начинает пробуждаться от многолетнего сна и объединяться. Что это значит, я, честно говоря, понял не до конца, хотя смысл метафоры, как мне показалось, я уловил. Начинается какой-то глобальный процесс, в котором мы играем какую-то специфическую роль. Но об этом позже. Располагайтесь, у нас завтра будет очень насыщенный день, поэтому я бы посоветовал вам поспать. Николаев пожал Смотрителям Костра руки и кивнул на огонь:

– И что, вот так всю ночь и горит?

Здоровяк Игорь, улыбнувшись и посмотрев на Всеволода, пророкотал приглушенным басом:

– Точно. Вот так и горит всю ночь. Если он погаснет, нам Сева всыплет по первое число. Николаев недоверчиво посмотрел на Санаева. Тот тоже улыбался:

– Да, Александр Васильевич, я им всыплю по первое число. Костер должен гореть всю ночь, это одно из правил нашего поселения. Его смысл я объясню вам позже. А сейчас располагайтесь, Хэм отведет вас в вашу палатку.

– Всеволод, я все равно не усну, слишком много впечатлений. Нужно их переварить. Можно я вот здесь посижу, у огня?

– Пожалуйста, пожалуйста. Только завтра утром мы встаем очень рано, будете чувствовать себя разбитым.

– Я и так чувствую себя разбитым. Мне нужно время, чтобы начать собирать себя заново, а отсутствие сна для меня давно уже перестало быть проблемой.

– Напрасно. Начав практиковать Миротформизм, вы поймете, что сон – это самая важная область человеческой жизни. Ну, а сегодня – хорошо, дело ваше, адаптируйтесь, поболтайте со Смотрителями. Все они очень интересные люди, и, я думаю, вам будет не скучно в этом обществе.

Санаев ушел в палатку, а Николаев подсел к огню, заняв место между Смотрителями, которые тоже сели к огню, но в какой-то определенной последовательности. Между ними тут же завязалась беседа, потому что дуэрги, видимо, понимая состояние гостя, позволили ему сразу задавать все возникающие у него вопросы. Николаев долго думал, с какого вопроса начать. В голову по-прежнему лезли мысли о загадочном Вадиме, но, помня разговор с Санаевым. Эксперт задал совсем другой вопрос:

– Ребята, я вот видел на лацкане пиджака Всеволода значок с головой волка. Это что-то значит?

Смотрители почему-то замолчали как один, не сговариваясь, уступая первенство по ответу на этот вопрос Игорю. А тот не спеша, достал из кармана пачку с сигаретами, вытащил одну, протянул пачку подполковнику и затем, взяв из огня тлеющую красными разводами палку, прикурил, протягивая огневище Николаеву:

– Это очень много значит для нас. Этот значок – символ, это образ жизни, это концептуальный знак принадлежности его обладателя к определенному типу мироощущения.

– Странный символ. Зловещий.

Игорь кивнул, прищурившись и выпуская из ноздрей густой дым:

– Вы знаете, я где-то слышал нечто подобное: "Гром тоже пугает людей, но ливень, который приходит вслед за ним, лишь очищает этот мир, насыщая почву живительной влагой и смывая пыль с листьев".

Николаев задумался на мгновение, пытаясь уловить что-то невероятно знакомое в этой цитате.

– А почему вы использовали именно эту аналогию?

– Какую?

– Ну, с громом и дождем?

Смотритель опять смачно затянулся и выдохнул, словно дракон, упругую струю дыма, тут же смешивающуюся с дымом от костра:

– Не знаю, вероятно, как наиболее подходящую. Очень трудно, на самом деле, подыскать удачную аналогию. Вот, например, – Волк. Что вы знаете о нем?

Эксперт усмехнулся и пожал плечами:

– Зверь. Хищный. Санитар леса. Серый волк – зубами щелк...

– Все?

– Все... в общем.

Тут Игорь замолчал, а в разговор вступила Лена. Она о чем-то шепталась с Хэмом, но после

слов подполковника сразу переключи-лась на беседу с ним:

– Не густо. Отсюда и отношение. Вы попали под влияние стереоти-па, навязываемого человеку с детства. Волк в понимании людей – злобный и коварный, беспринципный хищник. Подобный стерео-тип, между прочим, характерен преимущественно для европейских стран. В средневековой Европе волк выступал олицетворением зло-бы, жестокости, хитрости, жадности и ереси. Волчица считалась там символом похоти и блуда, хотя на самом деле, о преданности волка своей семье ходят легенды. Волк никогда не изменяет своей волчице, трепетно воспитывая своих волчат. В русских сказках и баснях волк тоже представлен вечно голодным и тупым животным, которое по-стоянно становится жертвой обмана со стороны лисы. А ведь всех нас возвращали именно на этих сказках. А это самое настоящее нейро-лингвистическое программирование, если хотите. Насажение тщательно выверенной информации, составляющей в результате ус-тойчивый негативный образ. А ведь если подойти к этой проблеме с позиций углубленного и непредвзятого анализа, картина сложится совершенно иная. Ведь доходят до нас некоторые старые сказки, где сохранился и более древний образ мудрого волка, спутника и спаси-теля Ивана Царевича. Там волк обладает магической силой, способ-ной совершать удивительные вещи, причем направленные против извечной тупости царей, бояр и различных злобных сил. Между про-чим, именно в славянских преданиях Волк ассоциировался с обра-зом бога-Громовержца. В славянских мифах и сказках волка даже наделяли крыльями, что давало ему способность летать быстрее вет-ра. То есть, фактически, волк являлся таким прообразом дракона. Кроме этого, древнеславянский Волк был наделен способностью го-ворить человеческим голосом и одарен необычайной мудростью. У славян вообще существовало множество культов, посвященных Вол-ку. Многие из них практиковали боевое искусство воинов-оборот-ней, являющееся, например, аналогом японского Ниндзютсу или Мике. Волк – это древний символ доблести. Волки считались свя-щенными животными Марса и Аполлона. Это знак боевой магии. Многие воины пытаются привлечь к себе силу, которой обладают волки. Не случайно же, например, волк изображен на гербе Чечни. На Кавказе этот образ всегда особо почитался воинами. В любой схватке волк сражается до победы или же до смерти. Это символ сво-бодного существа. Вы видели хотя бы одного волка выступающего в цирке? В древнегреческой мифологии волк тоже был особенным сим-волом. Если вам известно, имя сына Гермеса – Автолика, считающе-гося очень искушенным в борьбе и обучавшего самого Геракла, оз-начает в переводе "сам волк" или "олицетворение волка". И таких примеров очень много. Азиатский мир во многом отличается от Ев-ропы. Например, в азиатском мире волк всегда почитался как сим-вол защиты, сексуальности, богатства и силы. Или еще пример. Кон-цепция, которую мы практикуем, имеет тесную историческую связь с мифологией индейцев Америки и Мексики. Так вот, в Америке есть такое племя – панисы. В своих мистических ритуалах они наде-вают на себя шкуру волка, отождествляя себя с ним, с его силой. И если подобные манипуляции отцы церкви квалифицировали бы как ересь, оборотничество и дьяволопоклонство, то панисы расценива-ют "превращение" в волка не как сговор с дьяволом, а как "превра-щение" в Волка-воина, необходимое для выживания в этом суровом и агрессивном мире.

Николаев усмехнулся:

– Теперь мне понятно, почему особо сильных и наглых уголовни-ков волками называют. Может, это и есть у них своеобразное "пре-вращение" в Волка-воина?

Елена поворошила угли и подождала, пока один из Смотрителей – Ишидо не сходит за



новой порцией сушняка. Когда сухие ветки упали в самый центр костровища, девушка опять посмотрела на под-полковника:

– Вы напрасно иронизируете. Воровской мир, на самом деле, имеет такую же древнюю историю, как история человечества. Известны многие боги, которые сами были известными ворами или покровительствовали ворами. И многие из воров, как в прошлые времена, так и сейчас, исповедуют, на самом деле, очень сложную идеологию – противостояние подавляющей Системе. Я их не оправдываю, но факт остается фактом – есть воры, которые считают себя не обычными заурядными преступниками, ворующими у всех и вся или для того, чтобы не умереть с голоду, или для того, чтобы просто не работать, а представителями особой формации бойцов, которые исторически противостоят жесткому подавляющему режиму коррумпированной системы. Подобная каста была в древней Индии, Персии, Италии. А возьмите легендарную "якудза". Внутри нее до сих пор идет борьба между "оябунами", которые по-разному трактуют само предназначение "якудза". А легендарная "банда" Робин Гуда? А более древние "воры": Гермес, Аполлон, Автолик, Прометей? Таких примеров десятки.

– Милая девушка, откуда вы все это знаете? Вы же, наверное, на-стоящих воров только по телевизору-то и видели?

– Да мы сейчас не о ворах говорим, хотя это тоже довольно-таки интересная тема. Я их не оправдываю, просто не все так однозначно и категорично в нашем восприятии мира. Я говорю о том, что Ситаны дискредитировали многие фундаментальные символы и понятия. Дело в том, что я изучаю историю противостояния людей и Ситанов, и многие факты из человеческой истории в свете моего нового восприятия предстают совершенно в невообразимых интерпретациях.

– Простите меня, Леночка, я еще не совсем понимаю многие ваши термины. Ситаны – это кто?

– Это черные Духи, населяющие планету под слоем земной поверхности. Это наши Одержатели. Те, кто хочет, чтобы люди вечно находились в своем потрясающем неведении относительно самой природы их бытия. Можно сказать, что это демоны, которые насылают на человечество порчу глупости и слепоты. Они придумали самые неприглядные стороны нашей "цивилизации". Они манипулируют странами и государствами. Не имея возможности выходить наружу, они запустили в наш мир ядовитую чуму – Мангунов, людей, которые изменяют свою природную человеческую сущность в обмен на иллюзорные блага.

– Подождите, Леночка, мне как-то непривычно слышать про все это.

– Вам еще многое предстоит узнать, Александр Васильевич, и многое понять. Существование Мангунов и Ситанов не является доказанным фактом, но начиная чувствовать историю, а не просто сглатывать приготовленную для нас информационную "кашу", начинаешь не только верить в их существование, но и ощущать их присутствие, их влияние на нас. Вот мы сейчас говорим о волке. А ведь именно Мангуны сочиняют для нас эти лживые сказки, в которых волк туп и злобен. И ребенку ничего не остается, как воспринимать его таковым. А, между прочим, отчасти именно в детских сказках и кроется секрет влияния Ситанов на нас. Дети, в силу своих энергетических особенностей, не принадлежат к касте рабов, запертых в своем, перегруженном страхом и злобой, сознании. Поэтому Ситаны придумали и научили взрослых, как вводить детей в этот искривленный мир, оккупированный демонами Света и Тьмы. Ведь именно сказки формируют основы мировоззрения будущего члена социума, которое потом корректируется в соответствии с другими программами. В этом кроется секрет порабощения людской цивилизации. По-пробую объяснить проще: мы, люди, являемся неотъемлемой частью окружающего мира. Ситаны спровоцировали такие условия нашего бытия, при которых наше внимание оказалось заблокировано в собственном замкнутом

пространстве, созданном в качестве альтернативы окружающему нас миру. Мы превратились в вирту-альных существ, которые жутко боятся мира вокруг, прячась от него в виртуальном пространстве левого полушария мозга. Отсюда – эта невероятная саморефлексия, которая заставляет нас цепляться друг за друга, поддерживая свою общность. Отсюда – замкнутый круг существования человека, который, вместо эволюции и свободы, за-нимается энергетическими манипуляциями, опустошающими его, удерживая в рамках иллюзорного мировоззрения. Ситаны изврати-ли все, и начали они с детских сказок. В этих сказках драконы крово-жадны и мстительны – и вот, пожалуйста, один из самых могуще-ственных символов на планете заочно осужден. В этих сказках Иван-Дурак, то есть Иван "Неумный", становится объектом для подража-ния и самым положительным героем. Однако мало кто знает, что в старых сказках Иван был не Дурак, и если не Царевич, то Шут. А шуты, как известно, всегда отличались поразительным умом и эру-дицией. Понятие "Неумный" пришло на смену понятию "Безумный", а в более древних вариантах "Безмолвный", что для нас, дуэнеров, является совершенно иной интерпретацией, нежели поня-тие "Дурак". Чувствуете разницу? И самое страшное, что большую часть своей лжи они внушают людям посредством наиболее автори-тетных инстанций: школы, церкви, государственной системы управ-ления, некоторые представители которой тоже рассказывают людям совершенно сумасбродные сказки, в которые и поверить-то бывает страшно. Дракон, ворон, волк – все они стали отрицательными пер-сонажами в сказочных историях, рассказываемых нам с детства. Волк был объявлен "человеческим врагом" и осужден, будучи заклея-мен-ным принадлежностью к нечистой силе. А ведь даже в мифологии встречаются очень интересные факты. Согласно некоторым леген-дам, волка вылепил из глины черт, но не смог его оживить. Тогда это сделал Бог, и как только волк ожил, он тут же бросился на черта и схватил его за ногу. Интересно, не правда ли? А есть еще и такое поверье, что демоны боятся волков. Они нападают на них целыми ордами, а когда не могут справиться с ними, то насылают на них охотников. Волки же, в свою очередь, согласно божественному пла-ну, истребляют чертей, чтобы те не превышали определенного коли-чества. Как вам, а? Между прочим, покровителем волков и одновременно охранителем стад считают святого Георгия, а также святого Михаила, Николая, Петра и Павла. Волк был эмблемой Франциска Ассизского, одного из самых добрых и ревностных христианских свя-тых. О языческих божествах я уже говорила. Считалось, что Перун принимал облик волка, когда спускался на землю. Неплохая компа-ния подобралась? И это в упоминании о самых "профессиональных убийцах леса". Глаза, зубы, когти, шерсть волка в некоторых тради-циях служат амулетами и лечебными принадлежностями. Иногда даже само упоминание волка может послужить оберегом против нечистой силы. Считалось даже, что волк, перебегающий дорогу пут-нику или бегущий по полю в близости от людей, предвещает богат-ство, удачу, благополучие.

– Вот это да! – восхищенно пробормотал Николаев, уважительно разглядывая Елену. – Вы мне тут целую теорию развернули, потряса-юще! А кто вы будете по образованию?

Девушка смущенно улыбнулась и опять пошевелила прутиком угли:

– По образованию я историк. Но когда прикасаешься к ИТУ-ТАЙ, тогда все предстает совершенно в ином свете. Вот, например, Игорь – бизнесмен. Хэм – антрополог. Ишидо – буддийский монах. Или вот вы, я вас уверяю, что если захотите остаться, то непременно увидите новые грани своей профессии, кем бы вы ни были. ИТУ-ТАЙ преоб-ражает все. Она дает нам возможность научиться видеть истинную суть происходящего, научиться чувствовать мир, избавиться от ил-люзорных страхов и наваждений, и обрести силу, с помощью кото-рой можно

не только реализовать все свои заветные детские мечты, но и обрести свободу. Свободу от навязанных ощущений, от собственной глупости и слепоты, от обетов, которых мы на себя не брали, но которым следуем по уничтожающему нас пути серой и безрадостной жизни "как у всех". И это не примитивный анархизм, это ощущение свободы чувств и предпочтений, ощущение счастья от того, что учишься не врать собственному сердцу, а прислушиваешься к нему, позволяя направлять себя по пути максимальной реализации своих возможностей и своей судьбы. Через тьму к рассвету. Опять вернусь к образу волка. Для нас это не просто абстрактный символ. Мы носим эти значки, потому что находимся сейчас во владениях Хозяина Алтая. Этими значками мы выражаем ему благодарность за приют. Но эти значки являются для нас еще и элементами магии. Мы перестали быть пищей для невидимых злобных существ, заявляющих на нас свои права. Мы стали дуэргами, воинами-шаманами, следовательно, для выживания в этом агрессивном и бушующем мире нам необходим новый настрой, повое намерение. Волки – это нечто большее, чем обычные животные. Волки научили людей свободно передвигаться по миру...

### 3. (Главы-ретроспекции, 1999 г.)

Максим открыл глаза, и сразу пришла боль. Она была везде, в каждой клеточке тела. Любое, даже малейшее движение порождало мучительные ощущения, боль еще большую, которая начинала пульсировать на воспаленных нервах. Максим застонал, пытаясь превозмогнуть это жуткое жжение в животе, груди, голове, руках и ногах. Тут же по обостренному зрению ослепительной молнией ударил яркий солнечный свет. Это кто-то откинул полог палатки, в которой лежал Ковров. Над ним склонилась красивая темноволосая девушка, шепча кому-то позади себя:

– Очнулся. Тише. Позови Дениса, он...

Что должен был сделать Денис, Ковров уже не слышал, потому что опять потерял сознание.

"...Желания, страх, уязвленное самолюбие и жалость..."

"Преобразование снов в безусловную реальность".

"Где ты?.. ты... ты..."

"...умственная инерция тормозит..."

"...Многомерность Вселенной..."

"...самые светлые сны..."

"Чувства как вода. Отпусти..."

"Они уходят. Ты знаешь..."

Максим очнулся и понял, что по-прежнему жив, и даже более того, совсем ушла боль, которую так трудно было терпеть. Единственным неудобством теперь было ощущение нехватки воздуха, словно из сумрачного помещения, где он находился, выкачали всю дыхательную смесь. Ковров приподнялся и, нащарив руками выход, откинул полог палатки, затем выполз наружу, осматриваясь и вдыхая полной грудью свежий морозный воздух. Вокруг были горы. На многие километры во все стороны лежала целая горная империя, гордая и величественная, грозная и необъятная. Максим откинулся на брезентовую стенку палатки и, прищурившись от яркого солнца, хрипло

рас-смеялся. Он был жив, жив!

– Вам еще рано выходить наружу. – Темноволосая девушка, кото-рая звала в прошлом сновидении какого-то Дениса, быстро шла к палатке, обеспокоено разглядывая его. Максим улыбнулся:

– Ничего, ничего, мне уже лучше.

Она подошла к нему и присела, не меняя обеспокоенного выраже-ния лица:

– Вам, правда, лучше?

– Да, значительно. Вы кто?

– Я? Вы – кто? Очень хотелось бы знать. И как вы вообще здесь оказались? Максим растерянно осмотрелся:

– А действительно, как я вообще здесь оказался?

– Вы что, ничего не помните?

– Смутно...

– Странно. Вы были с группой?

– Да. Нет. Насколько я помню, я прибыл один. Девушка нахмурилась:

– Один? В одиночку сюда никто не прилетает. Вы ведь прилетели на вертолете? Максим кивнул:

– Да, я прилетел на "вертушке", но совершенно один. Один...

– Вы альпинист, спелеолог или так... искатель приключений?

– М-м, можно сказать, что спелеолог-искатель приключений.

– Я так и подумала. Именно вот с такими как вы и происходят подобные инциденты. Вы, между прочим, еще легко отделались. То, что с вами произошло...

– А что со мной произошло?

– Вы что, на самом деле ничего-ничего не помните?

– Где вы меня нашли?

Девушка обернулась и неопределенно махнула рукой куда-то в сторону горной гряды.

– Вы лежали у входа в Чертовы Ворота, весь в крови... Максим удивленно посмотрел на собеседницу:

– Чертовы Ворота?

– Да. Это грот в третьем уровне Жуткой.

– "Жуткой"? Это что, название такое? Прямо какое-то гиблое ме-сто.

Девушка недоверчиво и напряженно смотрела на Коврова. У нее было такое выражение лица, словно она не могла разобраться, гово-рит ли с ней этот странный молодой человек всерьез или разыгрыва-ет ее. Она по-прежнему хмурилась.

– Оно и есть гиблое. Какой же вы спелеолог, если лезете в пещеру, даже не зная ее названия? Что-то вы недоговариваете, загадочный незнакомец, или скорее наоборот, переговариваете? Что же вы все-таки здесь делали, один, без спецснаряжения и маски?

Максим встал на ноги, чувствуя в них противную дрожь, которая осталась, видимо, после той жуткой схватки с волком:

– Как, простите, вас зовут, спасительница?

– Анастасия. Можно просто – Настя. А вас, таинственный сталкер?

– Максим. Я ведь, Настя, правда, не знал, что эта пещера называ-ется Чертовы Ворота,

иначе, конечно, был бы благоразумнее.

– Да уж, благоразумие вам бы не помешало. Это на самом деле страшное место. Там, наверное, скрыты какие-то геомагнитные аномалии. Никто из тех, кто знает об этой пещере, давно уже туда не суется.

– Почему?

– Страшно, – девушка поежилась, словно одно упоминание о Во-ротах вызывало в ней дрожь. Видимо, было что-то, что послужило причиной этого страха, но Максим пока решил этого не выяснять. Он и так мог предположить, какое впечатление могла вызвать Арка у случайных свидетелей ее истинной сущности.

– Вы что, не почувствовали ничего необычного, когда пытались туда войти? – Настя запахла куртку, будто эта тема сама по себе понижала температуру вокруг людей, которые ее обсуждали. – Там что-то есть во тьме. Что-то очень ужасное. Оно не позволяет смотреть на себя, оглушая страхом до изнеможения, до...

– Рвоты, – продолжил Максим, вспоминая заблеваные подступы к Арке. Девушка смутилась:

– Некоторые авантюристы вроде вас еще пытаются разгадать тайну Чертовых Ворот.

– Но у них ничего не получается?

– Это вы о себе?

– И о себе тоже. Между прочим, каким образом вы обнаружили там меня, если никто, а особенно люди знающие, вроде вас, туда и носа не показывают.

Девушка опять смутилась. Она нервно повела плечами и, скрестив руки перед собой, отвернулась в другую сторону:

– Между прочим, если бы не наша группа, вы бы истекли кровью через полчаса. Вы так и не ответили, что там делали?

Ковров усмехнулся и, тоже кутаясь в ветровку, засунул руки в карманы:

– Я прибыл сюда, чтобы поймать свое последнее сновидение. Настя фыркнула:

– Ну, точно. Эта чертова пещера прямо тянет к себе разных фанатиков, особенно накануне затмения. Максим насторожился:

– А при чем здесь затмение?

– При том. Например, наш командир, Денис, считает, что в момент затмения активизируются геомагнитные аномалии на территории определенных участков планеты. А раз наша экспедиция совпала с затмением, да еще с таким, он и решил проверить эту гипотезу на практике. Вот так мы и оказались в Жуткой, и нашли там вас. Вообще-то, вы должны благодарить Дениса за эти его странности, я, например, была против этого похода. Эта пещера свела с ума многих сталкеров типа вас и Дениса. Одни говорят, что видели там призраков, другие – духов горы, третьи разговаривали после посещения Жуткой с камнями и животными, четвертые вообще больше никогда не произнесли ни единого слова. Проклятое место. Вы вот в кровище лежали, бредили, и все рвались к какой-то горе. Денис считает, что у вас было обширное кровотечение. В местах с геомагнитными аномалиями такое, говорят, случается. И галлюцинации... Согласно гипотезе одного нашего товарища, в этой пещере есть такие резервуары, которые вбирают в себя испарения подземных газов. Видимо, отсюда и все эти эффекты.

Максим задумчиво кивнул и, посмотрев на Настю, пробормотал:

– Это был не газ, Настенька. Это была смерть. Очередная смерть. Если бы вы знали, как я устал умирать. Но это будет случаться снова и снова, пока я не перестану сражаться сам с собой, со своим тем-ным "Я". В этой войне ведь победителей не бывает, только побеж-денные и горы трупов – темных и светлых, всяких...

Девушка опять напряглась и озабоченно посмотрела на него:

– Вы опять бредите? Максим грустно улыбнулся:

-Нет, не беспокойтесь. Я в здравом уме и твердой памяти. Просто я хочу предупредить вас, Настя, чтобы вы в свою очередь предупре-дили всех своих знакомых и в первую очередь Дениса – никогда боль-ше не ходите к этой пещере. Ни-ко-гда. Это плохо закончится. Там, за Чертовыми Воротами, находится Запредельное. Люди еще не го-товы к нему, с каким бы спецнаряжением они туда ни пытались войти. Там смерть. А ее не нужно дразнить ни при каких обстоятель-ствах, тем более из любопытства. Свои тайны она раскрывает только тем, кто к этому готов, кто умер такое количество раз, какое необхо-димо для того, чтобы прекратить внутреннюю бойню в самом себе, чтобы войти в эту Пустоту таким же пустым, легким и исполненным безграничным трепетом и благодарностью. Эти Ворота уместней было бы назвать не Чертовыми, а Драконьими, потому что за ними живет Дракон, настоящий Дракон. Победить его возможно только одним способом – самому стать драконом, "видящим", свободным крылатым существом, умертвившим свое ненаглядное и любимое Эго. А мне кажется, ни вы, ни Денис, ни остальная ваша братия, умирать пока не собираются, верно? Девушка задумчиво посмотрела на Коврова:

– Кто вы?

– Никто. Тот, кто хотя бы раз побывал за этими Воротами, уже не может считать себя кем-то конкретным.

– В каком смысле?

– Я имею в виду какой-либо социальный статус. Назад оттуда мо-гут выйти только тени, поэтому можете считать что я – тень.

– Вы сейчас действительно очень похожи на тень. Идите в палат-ку, я сейчас принесу что-нибудь поесть, вам нужно восстанавливать свои силы. А о том, что вы мне сейчас говорили, я думаю, вам лучше рассказать самому Денису. Они должны появиться через несколько часов. Мне кажется, ему будет интересно пообщаться с вами. Тем более что, как я понимаю, у вас наблюдается общая тенденция к различного рода мистике и нездоровым фантазиям. Как раз с ним-то вам удастся найти общий язык, я, признаться, вас не очень-то понимаю.

Максим пожал плечами и, нагнувшись, протиснулся обратно в душную палатку. Он чувствовал, что действительно очень проголо-дался, и ему действительно нужно было восстановить свои силы.

К вечеру в палаточный городок вернулась остальная группа спе-леологов – шесть человек. Максим познакомился со всеми и теперь сидел около костра с эмалированной кружкой в руках, наполнен-ной обжигающим чаем. Все с нетерпением ждали, когда он прояс-нит свое появление в этом чрезвычайно удаленном от цивилиза-ции месте. Особенно не терпелось побеседовать с Ковровым высо-кому светловолосому парню, который, как выяснилось, и оказался начальником группы, Денисом. Он прямо-таки ерзал от нетерпе-ния на своем месте, ожидая, когда же, наконец, Ковров адаптирует-ся к новой компании и начнет свой рассказ. Наконец он не выдер-

жал и, прервав треп своей команды, обсуждающей последний по-ход, спросил:

– Максим, может, все-таки расскажешь нам, как ты сюда попал, один?

– Он прилетел на "вертушке", – ответила за Коврова Настя, и все спелеологи посмотрели сначала на нее, затем на Коврова, перегля-дываясь между собой.

– Так я и подумал, – пробормотал Денис. – Но где тогда твое снаря-жение? Мы ничего не нашли. И самое главное, на кой черт тебя потя-нуло в эту проклятую пещеру?

– За тем же, за чем туда тянет и всех вас, – опять вставила Настя, нахмурившись, – он полез туда ловить сновидения.

– В каком смысле? – удивленно спросил Денис, демонстративно обращаясь персонально к Коврову, стараясь получить ответ именно от него.

Максим улыбнулся:

– Ребята, я вам, конечно же, все расскажу, но чуть позже. Сейчас приду немного в себя и расскажу. А вы-то сами, что здесь потеряли? Настя проговори-лась, что вы прибыли сюда специально под затме-ние. Это правда?

Денис бросил на смутившуюся девушку испепеляющий взгляд и, вздохнув, пробормотал:

– В целом да, правда. Но наши исследования носят несколько бо-лее обширный характер, нежели об этом осведомлены некоторые из-лишне болтливые члены нашей группы.

– А что это за исследования, если не секрет?

– Не секрет. Но я думаю, тебе это покажется неинтересным, ты ведь не ученый.

Максим фыркнул и, поставив перед собой, к ногам, кружку с чаем, сделал наигранно важное лицо:

– М-да? На основании чего вы сделали такой скоропалительный вывод, Денис? На основании моей не совсем презентабельной вне-шности? Я, между прочим, именно ученый.

Все дружно произнесли: "Уау" – и опять загудели наперебой. Де-нис удивленно развел руками:

– Вы ученый? Какой именно?

– Я мироформист.

– Кто-о?

– Мироформист.

– Эт-то что за наука такая?

– Это очень древняя наука. Вернее нет, что это я болтаю – скорее, это наука будущего. Опирая на научной терминологией, она изучает взаимосвязь элементов, составляющих определенные сегменты на-шего пространственно-временного континуума, и возможность почувствовать эту взаимосвязь и даже более того, управлять ей.

Опять послышалось "уау", но на этот раз с несколько иной инто-нацией. Денис озадаченно замолчал.

– Так что вы здесь ищете, спрашиваю я вас, именно как ученый?

Один из спелеологов, Саша, поднялся и пошел к одной из палаток. Вернулся он оттуда с рюкзаком и высыпал из него на освещенную костром площадку, на которой постелили полотенце, целую грудку мелких вещей.

– Вообще-то, мы изучаем аномалии замкнутых геопород – пещер, гротов, туннелей, арок, каскадных пропастей. Но параллельно с этим мы занимаемся археологией. Вот что мы уже успели отыскать здесь за последние пять дней.

Максим наклонился к находкам, рассматривая подвески, бляшки, заколки...

– Им несколько десятков тысяч лет, наверное, – прошептал Саша благоговейно, – нам за них археологи будут ноги мыть и воду пить. Смотрите, вот кость мамонта, вот клыки марала, птичьи кости, а вот, смотрите, какой орнамент, это вообще отпад...

Они разглядывали чудесные находки еще около часа, обсуждая их и рассказывая различные легенды и предания. Как-то сама собой речь опять зашла о затмении, и Денис признался, что они действительно прибыли сюда, чтобы встретить здесь схождение солнца и луны.

– Почему именно здесь? – Максим ткнул пальцем себе под ноги, где на много метров вниз лежала многовековая горная порода. Денис посмотрел на него недоверчиво, словно от него требовали объяснений самых примитивных и предельно очевидных истин.

– Это же горы! – сказал он значительно. – Горы! Они скрывают в себе целую подземную страну, состоящую из различных полостей, каждая из которых, в свою очередь, может скрывать в себе удивительные тайны! Какой же ты специалист по взаимосвязи, если не понимаешь таких простейших вещей?

– Ну почему же, понимаю. Горы, пещеры... – Максим протянул руки к костру, и всем присутствующим показалось, что пламя стало ярче и потянулось к рукам язычками огня. – То, что скрыто под землей, всегда повергало человечество в ужас.

Костер вдруг внезапно полыхнул огнем, и в вечернее небо полетели сотни искр, словно огненные мухи, засуетившиеся в темной синеве вечера. Люди восхищенно зашептались между собой.

– Хотите, я расскажу вам легенду о подземном человечестве? Все присутствующие дружно закивали.

– Говорят, что в прежние времена здесь, на Алтае, жила Чудь. У всех народов ее именовали по-разному. Одни так и называли – "Чудь", другие именовали ее "подземный народец Сихиртя" или "Сиите". В-общем, названий было много, а суть была одна – здесь существовал незапамятные времена некий неизвестный древний народ, живший на Алтае до прихода нынешнего населения. В Сибири с "чудским" периодом связаны легенды о несметных подземных сокровищах, древних заброшенных рудниках, овечьих тайнами курганах. Информация о Чуди размыта, противоречива, а иногда откровенно сомнительна. Единственное, что объединяет все эти предания, это способ ухода Чуди, везде он обозначается единым направлением – под землю. В Сибири говорят, что Чудь "ушла неизвестно куда", целый народец исчез при самых загадочных обстоятельствах! Предания повествуют, что Чудь ушла в подземные ямы, вырытые ей же. Говорят, что "чудцы" вырыли ямы, установили подпорки, навалили на древесный полог груды камней и подрубили подпорки, таким образом похоронив себя заживо и скрыв свои импровизированные могильники. Что заставило их поступить таким образом, не знает никто. На Алтае исход Чуди связывают с появлением березы и загадочного "Белого Царя". Скорее всего, под понятием "Белый Царь" подразумевался снег. Считалось, что раньше Алтай был вечнозеленым, и очень странные существа жили тогда в этих местах. Но потом, в период большого оледенения, пришел на Алтай снег. Как я уже говорил, в алтайской мифологии сохранился целый пласт сказаний о людях-карликах, или гномах. Их еще называли "шароворовые". И вот, когда алтайцы, поселившиеся в районе Усть-Канской степи, пытались спасти карликов, которые гибли от снега, гномы отказались от помощи и ушли "в тепло". До сих пор археологам удается иногда обнаружить орудия труда очень маленького размера. М-м, да, есть еще очень интересная гипотеза, согласно которой известный писатель Толкиен написал свои "Хроники Колец", мифологизировав не скандинавские, а алтайские легенды, которые и



легли в основу единой евроазиатской мифологии, основанной на древнем праязыке. И гномы, добывавшие серебро в рудниках Мории, и разбу-женный ими "Ужас Бездны", и эльфийские воины, владеющие осо-бой астральной силой, – имеют под собой вполне конкретных персонажей, взятых именно из алтайской истории. Говорят, что даже карта его "Средиземья", Среднего Мира у алтайцев, по своим очертаниям фактически совпадает с очертаниями Алтая. Вообще это очень инте-ресная и обширная тема. Недавно мне довелось познакомиться с очень интересными материалами. Действительно, складывается крайне любопытная картина. Приведу вам всего несколько примеров. Они наглядно продемонстрируют вам взаимосвязь различных мифов, ко-торые, как вы поймете, говорят об одном, но разными языками. Взять, например, скандинавские мифы. У скандинавов упоминаются некие ремесленники, изгнанные под землю. Это были некие "цверги" – кар-лики, которые владели мудростью и многими ремеслами. Упоминает-ся там также некий великан Мимир – хозяин источника мудрости у корней мирового дерева Иггдрасиль. Говорят, сам Один, повелитель могущественных богов – асов, отдал ему свой глаз за мудрость, содер-жавшуюся в источнике, и остался одноглазым. Асы населяли волшеб-ный город Асгард, но атрибуты своего могущества были получены ими от мудрых карликов – цвергов, которых не допускали в Асгард и кото-рые живут под землей, боятся света и при лучах солнца превращаются в камень. В восточной мифологии тоже упоминается поколение су-ществ, некогда населявших землю и отождествлявшихся с карликами. Эти существа были одноглазыми и называли их "кэпкэуны". Соглас-но преданиям, они должны вернуться на землю перед концом света. В связи с кэпкэунами упоминаются некие "уриаши" – покровители шахт и рудников. Они так же закованы в горах, откуда выберутся лишь в конце времен. А теперь вернемся к алтайской мифологии. Вам навер-няка знакомо имя Эрлика – бога подземного мира. С этим именем связаны противоречивые мнения. Одни считают его демиургом чело-вечества, другие – владыкой адского подземелья. Считается, что имен-но Эрлик дал первому шаману бубен и научил его путешествовать между мирами. Согласно почти всем алтайским верованиям, Эрлик является изобретателем кузнечного искусства, музыкальных инстру-ментов и целого ряда иных незаменимых элементов человеческого общежития. О неких подземных кузнецах упоминал и Николай Ре-рих. В частности, он говорил, что в пределах Алтая можно слышать легенды, связанные с какими-то древними племенами, среди которых упоминается одно – "курумчинские кузнецы", тоже как-то связанные с подземельем. Есть и еще одна легенда о том, что в скифское время существовали "стерегущие золото грифы", которым противостояли одноглазые демоны – "аримаспы". Многие исследователи снизывают мифических грифов с пазырыкской культурой, к которой относятся легендарные курганы, распространенные по верхнему бассейну Катуня, включая высокогорное плато Укок на границе с Китаем. Считает-ся, что в этих курганах похоронены предки современных алтайцев, богатыри трехметрового роста. Вот такая странная взаимосвязь. Подземные кузнецы, владеющие мудростью и мастерством, подземные одноглазые демоны, загадочный подземный народ, именуемый Чудью, скифские воины-пограничники... Все переплелось, и очевидной точкой этого переплетения является Алтай. Так что же скрывается под землей? "Чудские копи", оставшиеся после исчезнувшей неведо-мо куда Чуди, остатки которых застали на Алтае русские рудокопы, располагались на очень богатых месторождениях, но были совсем не-глубокими. Те, кто разрабатывал их, словно нашли там что-то и сгину-ли неведь куда, оставляя в спешке и орудия, и руду. Какая же сила до сих пор препятствует разработкам многих перспективных рудников? Видимо, все-таки существует нечто, что скрыто под землей и что по-вергает человечество в ужас на протяжении всей истории, с момента появления первых людей.

Максим замолчал. Спелеологи тоже молчали, лишь где-то недале-ко, в нескольких сотнях метров, затрепал и обломился в пропасть небольшой каменный козырек, порождая

непродолжительный шум. Затем опять наступила тишина.

– Ну вот, а спрашиваешь "зачем", – Денис задумчиво покачал головой, – "затем". Мы ведь действительно живем в интереснейших местах! Здесь бог знает, что творится на самом деле. Подземных де-монов мы, правда, еще не встречали, но интересного много повидали. Знаешь, сколько сейчас людей махнуло в горы? На Белухе вообще целое паломничество. Одни ждут предсказанного "конца света", другие ждут контакта с инопланетной цивилизацией, еще одни – божественных манифестаций, кто-то – встречи со Старшими Братьями или какими-нибудь Махатмами. У каждого свои стимулы. Мы здесь – чтобы наблюдать активизацию геологических аномалий. Здесь их целых две – Чертовы Ворота и Ущелье Ворованных Криков. В Ущелье мы попасть не сумели, а к Воротам прошли и тебя вот нашли. Ты случайно не из этих, не из курумчинских? Может, все-таки расскажешь про свои приключения?

– Конечно, расскажу. Но я не из кузнецов, нет. Я из других... Максим запахнулся в куртку и поежился.

– Только я еще не все вам рассказал. В скифской мифологии и в украшениях алтайских курганов очень часто используется образ грифона. Это существо с телом льва, змеиной шеей, крыльями, орлиной мордой и перепончатым гребнем. Как видите, в нем сочетаются различные фрагменты животных, причем животных-антагонистов, которые представляют в алтайской мифологии Верхний, Средний и Нижний миры, имеющие солярную и лунарную природу, мужское и женское начало, Свет и Тьму. Эти мифологические животные, очень напоминающие легендарных драконов, не случайно упоминаются применительно к Алтаю, который словно балансирует на лезвии меча между Светом и Тьмой. Именно здесь, на Алтае, лежат выходы из мрачного подземелья, здесь вершины священных гор упираются в небо, здесь должна произойти последняя битва людей. Что победит в итоге: Свет или Тьма? Есть еще одна легенда. Она гласит, что не навсегда ушла Чудь. Что когда вернется счастливое время, и придут люди из Беловодья и дадут всему народу великую науку. Тогда Чудь вернется, причем со всеми добытыми сокровищами. Но гласят также мифы, что жуткие подземные демоны в конце времен поднимутся к поверхности земли и вступят в сражение с серебряным воинством Мангдышире – небесного воина. Кто прав? Вопрос, видимо, остается открытым, но дело в том, что это время уже близко, очень близко. И если предположить, что легендарные "воины-пограничники" канули в седой древности вместе с драконами, оборотнями, и прочими мифическими персонажами, и в Среднем мире больше некому охранять ворота в миры подземелья, то стоит задуматься, что же в итоге возьмет верх: Свет или Тьма? Кто появится из этих ворот: древние мастера или адские порождения? Или... может быть, возможно иное решение проблемы? И Свет и Тьму можно уравновесить? Или это очередная утопия, очередной миф?

Максим замолчал и, наклонившись к термосу с чаем, налил себе полкружки, затем, сделав несколько обжигающих небо глотков, обвел взглядом всех присутствующих. Спустя минуту тот самый археолог Саша, который показывал им находки, проговорил:

– М-да, нагнал ты жути на ночь.

Максим пожал плечами и улыбнулся:

– Это же только легенды, эпос, так сказать.

– Секунду, Максим, – у Дениса был такой вид, словно он мучительно продирался сквозь вал новой информации, обрушившейся на него, – ты все-таки поразительно умеешь запутать мозги и уйти от ответа. Ты это специально делаешь, да? Я уже, честно говоря, начинаю теряться в этом переплетении легенд и мифов. Ты-то, ты, что здесь делал? И притом именно в затмение,

и именно в одной из са-мых интенсивных геомагнитных аномалий?

Максим задумался на минуту, а затем, почему-то шепотом, произ-нес:

– Мир преобразился. Вы что, ничего не заметили? Все дружно закивали головами – спелеологи ждали очередную ис-торию.

– Как ученый, я искал здесь подтверждения ряда гипотез, некото-рые из которых, как это тебе будет ни странно, Денис, основаны имен-но на рассказанной мной легенде. Парад планет является очень ред-ким явлением. В эти самые мгновения, как я предполагаю, открыва-ются двери подземных городов и небесных чертогов. Все три Мира пронзает единая Ось, по которой можно свободно двигаться как вниз, так и вверх. А можно остаться посередине... Говорят, что в эти се-кунды Дракон, охраняющий тайны человечества, пропускает всех желающих вступить на Лунную Дорогу без боя.

– И что, ты нашел подтверждение своих гипотез?

– Не помню. Что-то случилось со мной, очевидно, в тот самый мо-мент, когда и произошло затмение. Видимо, все-таки какие-то всплес-ки магнитного поля здесь действительно имеют место. Я потерял сознание на самых подступах к Воротам, дальше – тьма.

– Ну, хорошо. – Денис, прищурившись, посмотрел на Коврова и недоверчиво спросил: – Но как ты сюда попал, а Макс?

– Я же уже сказал, на вертолете. Как же сюда можно попасть еще?

– То-то и оно, что никак! А вертолет ведь не троллейбус. Чтобы сюда закинуть одного человека – нужно столько бабок ввалить! Да и как ты договорился с пилотом? Это же не шарашкина контора, там же только плановые вылеты с заранее заявленными группами. Ты что, Макс, новый русский что ли? Я вот что понять хочу. Да и без оборудования ты, ни еды, ни палатки, ни спецнабора. Странно все как-то. Такое впечатление создается, что ты не на исследования сюда летел, а собрал последние бабки, и, подмазав пилоту карман, приле-тел сюда помирать.

– Диня, ну что ты пристал к человеку? – вмешалась в разговор Настя. – Видишь, он никакой сидит? Он же еще в себя не пришел. Потерпи, завтра он тебе все подробно расскажет. Правда, Максим? Ковров, улыбнувшись, кивнул девушке, чувствуя что, в самом деле, начинает уставать от общения со своими спасителями. Денис подо-зрительно посмотрел на Настю и пронзительно вскрикнул:

– Заговор! Не позволю. Пленного нужно пытаться, пока не прошел психологический шок.

Все засмеялись и стали подниматься и расходиться по палаткам. Максим тоже встал и медленно зашагал к своему брезентовому до-мику. У самого входа он обернулся и увидел, что Денис по-прежнему сидит у костра и задумчиво смотрит ему вслед.

Рано утром вся группа опять ушла в горы. В палаточном городке остались только Настя и Максим. Они сидели около костра и молча-ли. Настя – потому что опасалась показаться навязчивой и излишне любопытной. Максим – потому что его одолевали какие-то мрачные предчувствия. Что-то было не так вокруг, какая-то угроза явственно витала и воздухе.

– Максим, как ты себя чувствуешь? Ковров вздрогнул и рассеянно пробормотал:

– Я? Да, спасибо, лучше...

– Что это с тобой?

– А что со мной?

– У тебя такой вид...

– Вид? Нет, Настя, все в порядке, – Максим повернулся к девушке и, улыбнувшись,

заговорщицки прошептал: – Насть, ты можешь ока-зать мне одну услугу?

– Какую?

– Ты можешь вернуть ребят?

Девушка изумленно посмотрела на Коврова:

– Зачем?

– Ну, есть причина. Верни их. Это очень важно.

– Ты что, Макс, серьезно? Они же ушли час назад! Где я их сейчас искать буду?

– Ну, ты же знаешь, где они. Верни их, пожалуйста. Я... я хочу пока-зать вам что-то по-настоящему интересное. Вы такого еще не виде-ли! Но необходимо сделать это сегодня, до полудня.

– Макс, что же ты утром никому ничего не сказал?

– Настя, у меня с головой что-то после этой... этих Ворот. Вот сей-час вспыхнуло в памяти – раз... а ребята уже ушли. Обидно будет, если мы это не увидим, особенно Диня будет переживать.

– Да что это-то?

– Помнишь, я вчера рассказывал про подземные города? Так вот, я знаю, где располагается вход в подземную страну кузнецов. Он здесь, рядом.

– Ты... меня разыгрываешь?

– Настя, как ты думаешь, я нанял вертолетчика, прилетел сюда за сотни километров, и все это для того, чтобы найти очаровательную девушку-спелеолога и начать ее разыгрывать? Ее и ее друзей? Я го-ворю абсолютно серьезно. Бели ты хочешь увидеть вход в подземные коммуникации древней цивилизации, догони сейчас группу и вер-ни их. Отсюда мы пойдём туда, куда я вас поведу. Со всем необходи-мым спецснаряжением, – добавил Максим значительно.

Когда через десять минут он остался в лагере один, его движения стали стремительнее и четче. Он метнулся в палатку, накинул на себя теплую куртку с капюшоном, надел вязаную шапочку и, взяв в палатке длинный охотничий нож, используемый спелеологами "на кухне", вышел наружу. И сразу увидел человека, который уже не-сколько часов кружил вокруг лагеря, рассматривая его в бинокль. Незнакомец был невероятно широкоплеч. Сразу чувствовалось, что он очень силен и опасен. У него был неприятный холодный взгляд бледных, чуть красноватых, словно воспаленных, глаз.

– Кто ты? – Максим зажал нож в руке, спрятав острый клинок за запястьем, и встал, широко расставив ноги.

– Ты Ковров? – незнакомец говорил отрывисто, словно экономя слова. В его холодных выцветших глазах была скрыта ненависть и чувство удовлетворения.

– Ты кто?

– Я пришел за тобой.

Максим медленно стал приближаться к неподвижно стоящему че-ловеку, который спокойно разглядывал Коврова. Когда расстояние между ними сократилось до нескольких метров, незнакомец достал из кармана небольшой продолговатый пенал.

– Знаешь, что это? – равнодушно спросил он, – баллистический нож "Овод". Пробьет все твоё барахло и тело насквозь. Поэтому замри на месте и брось пику на землю, подальше от себя. Вот так. Все-таки я тебя нашел...

– Ты – Водолаз?

Человек хмыкнул и покачал головой:

– Уже вызнали... Значит, объяснять ничего не нужно. Ты ведь, видно, понятливый, девчонку пожалел, отослал. Почувствовал меня? Максим хмуро кивнул. Водолаз нахмурился:

– Мне говорили, что вы способны на такое. Все-таки вы больше звери, чем люди, да и что с вас взять – Язычники...

– Зачем ты убил Араскана?

Водолаз опять ощерился своей безжизненной холодной улыбкой:

– Я вас всех убью. Я уничтожу все ваше осиное гнездо. Поэтому я вас здесь и нашел. Всех вместе. Они ведь тоже где-то здесь...

–Кто?

– Остальные, – Водолаз кивнул на горные громады возвышающи-еся вокруг. – Я вас всех замочу, всю вашу языческую братию.

Он снял с плеча объемистый рюкзак и, не сводя глаз с Максима, поставил его у своих ног, показав на него рукой:

– Чтобы у тебя не было никаких лишних иллюзий, я хочу сразу расставить все точки. Сейчас ты отведешь меня в логово своей про-клятой секты в этих чертовых пещерах. И не кривись, отведешь. Ина-че все эти люди, – Водолаз ткнул рукой в сторону палаток, – будут мертвы. Все. И эта девочка тоже. Поэтому, не ерепенься. Покажешь, где прячутся твои дерьмовые Язычники, я убью тебя первым. Быстро и безболезненно. Потом я уничтожу всю вашу кодлу. Больше никто не пострадает. Отвечаю. Вот здесь, – он взвесил за лямки рюкзак, – автомат с двумя магазинами, гранаты и плазменный огнемет "Фо-тон". Слышал про такую штучку? Как говорят американосы – Ноу-хау. Хорошая вещь! Так что кончать я вас буду с чувством и расстановкой. Вот так вот. No future. Будущего нет, как там тебя. Максим? Ну что, двинулись?

Они медленно пошли по узкой тропинке. Максим шел первым, а Водолаз чуть позади, внимательно отслеживая каждое движение Язычника. Отец предупреждал его, что от них можно ожидать чего угодно. Баллистический нож в левой руке он на всякий случай снял с предохранителя.

Максим лихорадочно соображал. Смутные страхи обрели плоть. Появление этого человека здесь могло означать только одно: исто-рия ожила! Мангуны существуют. Все, что рассказывали ему Исситы, сбывалось. Отражения в сумеречном озере подсознания. Зеркаль-ная проекция темной половины души, вызывающая разум на оче-редной поединок. И если до сих пор Зеркальщик лишь показывал ему свои устрашающие проекции, то теперь он явился к нему в фи-зическом воплощении, в образе убийцы-альбиноса. "Черная охота". Этого Мангуна нельзя выпускать из пещеры. Нельзя. Но что реаль-но можно сделать в сложившейся ситуации? Попробовать атако-вать его? Максим чувствовал, что тело еще не восстановилось даже наполовину после чудовищной атаки Духа Сумерек. В таком состо-янии, без привычного оружия, справиться с Мангуном будет просто невозможно. Завести его в Лабиринт и там оставить? Это была край-не заманчивая идея, но от нее пришлось отказаться – при входе в пещеру Водолаз вытащил из рюкзака наручники и длинный сталь-ной трос, который он прицепил к одному из колец. Другое кольцо он защелкнул на запястье Коврова.

– Это чтобы не потеряться, – объяснил он с улыбкой, доставая из рюкзака прибор ночного

видения инфракрасные очки – и надевая его на голову:

– А это чтобы лучше видеть тебя, Язычник. Иди вперед и не делай глупостей. Я буду все время сзади, и буду видеть тебя. Если что-то будет не так, в любом случае ты умрешь первым. Затем умрут те мо-лодые альпинисты. Все, пошел.

Они шли по длинным темным коридорам, минуя один подземный зал за другим, пока не вышли, наконец, к Арке. Максим остановил-ся, что-то вспоминая. Замер сзади и Водолаз.

– Почему остановился?

Максим осмотрелся и сразу вспомнил, где он оставил свою сумку. Она стояла за одним из выступов, где ее не смогли обнаружить спас-шие Коврова спелеологи. Там, внутри, два "волчьих клыка" – два остро отточенных ножа, если успеть ими воспользоваться...

– Почему остановился? – повторил зловещим шепотом свой воп-рос Водолаз.

– Пришли.

– Куда пришли? – Водолаз снял с лица ненужную здесь инфраоптику – зал освещался бледным светом, поступающим через невиди-мые отверстия в стенах. Максим кивнул на зияющий чернотой вход в другое измерение.

– И что?

– Это – Вход. Тайшины там.

– Ну, так и топай. Максим развел руками.

– Думаешь, это так просто сделать?

Водолаз посмотрел на Коврова, затем на вход и, спрятав во внут-ренний карман куртки "Овод", стремительно достал из своего рюк-зака короткоствольный автомат, снабженный глушителем.

– Что же тут такого непростого?

– Вход охраняется. Не тайшинами, нет. Его охраняет Дракон. Ему твои пули не причинят никакого вреда. По твоей роже я вижу, что ты мне не веришь. Проверь сам. Подойди поближе...

Водолаз, криво усмехнувшись, повел срезом глушителя:

– Сам и подойди.

Максим сделал несколько осторожных шагов по направлению к Арке и остановился. Знакомое уже ощущение электрического тока, заструившегося по телу, подсказало решение. Сила сдвигает АРС. Нужно выманить Водолаза сюда, как можно ближе к Входу. Если он сразу не потеряет сознание, в любом случае он испытает кратковре-менное замешательство. Тогда можно будет попытаться втолкнуть его в Арку, и если он там окончательно не свихнется, можно успеть добраться до своего рюкзака и достать оттуда ножи.

– Дальше не могу, – пробормотал он беспомощно.

– В чем дело? – Водолаз подозрительно следил за каждым его дви-жением, готовый в любое мгновение нажать на спусковой крючок автомата.

– Подойди, сам поймешь.

– Не умничай. Отойди в сторону.

Максим поспешно отошел на несколько шагов. Удерживать свой АРС в привычном положении было невероятно трудно, особенно с таким энергетическим и физическим истощением. Водолаз сделал несколько осторожных шагов к Входу и замер, прислушиваясь к сво-им ощущениям. В его глазах мелькнули растерянность и ужас. Он что-то понял и отскочил назад, не давая Максиму возможности зас-тать его врасплох и атаковать.

– Что это за чертовщина?

– Дракон. Древнее буддийское поверье. Никто не знает, кто он и как выглядит. Но многие испытали на себе отголоски его силы. Говорят, что Вход охраняет Пустота.

– Как вы проходите туда?

Максим задумался, но лишь на мгновение. Он уже знал, что надо делать.

– Тайшины входят туда при помощи Такташа – Священного

Ключа.

– Где этот ключ? Он у тебя есть?

Максим кивнул и сделал шаг по направлению уступа, за которым была спрятана сумка. Водолаз тут же среагировал. "П-с". Пуля ударила в камень рядом с ногой Коврова. Он замер, вопросительно по-смотрев на своего конвоира.

– Все передвижения только по моей команде, – Водолаз действительно был профессионалом. Теперь он демонстрировал не только свои навыки и превосходство, но и обостренную интуицию.

– Ты понял?

– Понял.

– Куда потопал?

– К своей сумке. Я оставил ее вон там, за выступом. В ней Ключ.

Водолаз сходил за сумкой сам, все это время не спуская глаз со своего пленника. Открыв сумку, он тщательно перебрал ее содержимое. Зачехленные ножи сразу переключались в его сумку. Он опять хищно ощерился:

– Что умник, царапаться любишь? Ладно, я тебе предоставлю такую возможность. Позже.

Максим равнодушно наблюдал за его манипуляциями. Из сумки появился кхурташ, затем пакеты с остатками Амеркута и Корчуна. Максим машинально отметил, что порошка едва хватит на две порции. Ничего, этого как раз достаточно. Даже более чем.

Водолаз хотел швырнуть кхурташ на пол, но Максим предупреждающе окликнул его.

– Осторожно! Это и есть Ключ. Повредишь его, другого способа проникнуть внутрь у тебя не будет.

Мангун тщательно осмотрел трубку и вопросительно посмотрел на Коврова:

– Что это за штука и как она действует?

– В нее нужно засыпать вон тот порошок из мешков, прямо вот в эту чашу, затем необходимо все это поджечь и начать курить. Дым обладает магическим свойством, он проведет тебя через Ворота, сделав невидимым для Дракона.

– Чушь какая, – Водолаз усмехнулся, взвешивая кхурташ в руке, – я так и думал, что вы наркоманы долбаные. Обкуриваетесь до чертей и дуреете. Если ты думаешь, что я возьму эту гадость в рот, то ты очень ошибаешься. Поищи другой способ.

Максим отрицательно покачал головой:

– Другого способа не существует.

Такташ вошел внутрь, и тотчас Максим почувствовал, как нали-вается силой тело, становится ясным разум – это первая стадия пе-ред сдвигом APC в "тело Шамана". Скоро последует вторая – сам сдвиг непосредственно. Нужно быть готовым к ней. Он зажал губа-ми мундштук и опять вдохнул в себя холодный дым. Водолаз внима-тельно следил за ним с расстояния в несколько шагов. Автомат в его руке был направлен Коврову в грудь.

– Ну, видишь? Со мной все в порядке.

Максим кивнул Мангуну на кхурташ, будто приглашая присоеди-ниться к процедуре курения. Но тот стоял неподвижно, продолжая отслеживать малейшие изменения в самочувствии и поведении Языч-ника.

Максим уже видел вспыхнувшую разноцветным свечением ауру Мангуна. Это давало некоторое преимущество в расстановке сил. Теперь можно было, как на экране томографа, читать цветовые гам-мы его эмоциональной сферы. Кроме того, динамика тела значи-тельно увеличилась. И если атаковать полудемона было все еще опас-но, то стремительно сорваться с места и исчезнуть в Арке, было сей-час более чем реально. Но этот вариант никуда не годился – здесь оставался ослепленный маниакальной ненавистью Мангун со сво-ей демонической злобой и разрушительным мастерством убивать. Оставались ничего не подозревающие об этой опасности молодые спелеологи. Оставалась его семья, которая вообще еще ничего не знала.

– Ты забалдел уже что ли? – окрик Водолаза был как нельзя кстати, Максим вынырнул из нахлынувшей на него одуряющей дремы – это внимание стало погружаться вглубь энергетического тела. Удерживать его дальше на одном месте было уже просто невозможно.

– Я? Это... Такташ... Он действует... Если ты не выкуришь его... я уже... не смогу... тебя вести... туда... Скорее...

– Ага, сейчас. Вставай, придурок, и иди, выведешь их всех сюда, если хочешь, конечно, чтобы не пострадали невинные. Я жду ровно пятнадцать минут. Если через пятнадцать минут ты не вернешься, я выжгу вас оттуда огненной плазмой, закидаю вход гранатами и от-правлюсь в лагерь альпинистов. Затем я вернусь в Барнаул. Ты по-нял? Все. Время пошло. Топай.

Максим отстраненно кивнул и, набрав в рот побольше дыма, вы-дохнул его, стараясь, чтобы струя ушла как можно дальше в пещеру. Еще раз и еще. Это последняя надежда. Даже в слабой концен-тра-ции, смешавшись с затхлым воздухом подземелья, Такташ должен распространиться повсюду, отыскивая своего нового "почитателя".

– Ты что, не накурился что ли? Максим пьяно усмехнулся:

– Надо... Еще... Еще... иначе не дойду... Яду мне... яду...

Он чувствовал, что уже теряет нить рассудочного мышления – ини-циативу у Дэрг стремительно перехватывал темный Марг. А тончай-ший дым уже плыл невидимкой во все стороны. Запах Странствий. Драконий яд. Вот он уже витает неслышно над головой Мангуна, словно темный нимб, венчающий великомученика.

– Ты сейчас совсем отключишься. Вставай, выродок!

Максим встал и медленно двинулся вперед. Из мундштука, выпавшего павшего из его безвольной руки, тонкой змейкой продолжал стру-иться Такташ. Водолаз никогда в жизни не слышал о веществах по-добной силы, поэтому он и не придал этому слабому дымку никако-го значения. Он никогда в жизни не употреблял наркотиков, даже сигарет, поэтому сейчас безразлично наблюдал за обмякшей фигурой Язычника, который еле ворочал полусогнутыми ногами, входя в чер-ный провал смежной пещеры, словно продавливая невидимое пре-пятствие, вставшее на его пути. У самого входа Максим остановился и обернулся, улыбаясь:

– Я не буду сражаться с тобой... Пошел ты... Победителей не быва-ет... Зеркало...



Слабый сладковатый запах коснулся чуткого обоняния Мангуна. Тот машинально вдохнул его поглубже, анализируя состав и воз-можную принадлежность, и тут же резко выдохнул, сморщившись, и выстрелил из автомата в направлении источника запаха. Пуля с гул-ким треском пробила чашу кхурташа, и остатки дыма хлынули в пе-щеру, заливая все вокруг густым приторным ароматом безумия.

Когда спелеологи вошли в пещеру, их взору предстало ужасное зрелище: на полу, в нескольких метрах от входа в Чертовы Ворота, лежал человек. Человек без лица. Там, где должно было быть лицо, жуткой маской краснела дыра, представляющая собой сплошное кровавое месиво. Рядом с трупом лежала сумка и автомат, из которо-го, вероятнее всего, и был произведен последний в жизни этого чело-века выстрел. Зачем он это сделал, скорее всего, навсегда так и оста-нется еще одной мрачной тайной Чертовых Ворот, непосредствен-ная близость которых объясняла во многом этот ужасный поступок.

– Это он? – дрожащим голосом спросила бледная Настя, стараясь не смотреть на труп. Молодые люди переминались на месте, не ре-шаясь больше сделать ни шага вглубь страшной пещеры.

– А кому здесь еще быть-то? – Денис играл желваками и, прищу-рившись, пытался рассмотреть в сумерках подробности самоубий-ства. – Нашел все-таки сновидение свое. Пойдемте отсюда, здесь опасно находиться дольше. Эх...

Группа гуськом вышла назад в смежный зал, и даже там молодые люди старались не произносить вслух никаких слов, не то подавлен-ные увиденным, не то, опасаясь нарушить тишину проклятой пеще-ры. Кто знает, задержись они около Ворот чуть дольше, может, их зрение смогло бы уловить призрачную фигурку маленького мальчи-ка, сидящего на корточках около окровавленного трупа и беззвучно плачущего о своей трагической судьбе, нереализованных возможностях, бесцельно прожитой жизни, посвященной глупой и бессмыс-ленной мести. По мере того как остывало мертвое тело самоубийцы, фигурка мальчика бледнела, тускнела и, наконец, уже почти совсем растаяв, взмыла в воздух, превратившись в полоску света, и втянув-шись в черный овал проклятых Ворот. Пустота принимала свое рас-каившееся чадо.

#### 4. (Глава-реконструкция, 1999 г .)

Они стояли на вершине холма и смотрели вниз, на разноцветные квадраты лугов, уходящие за горизонт огромным полотном, покры-вающим Землю. Санаев посмотрел на Николаева и ровным голосом проговорил, показывая рукой на череду поросших высокой травой полян и нависшие над ними, клубящиеся белой ватой, облака:

– Вот источник нашей Силы. Вот суть нашего мироощущения. Вот объект нашей любви и нашей защиты. Эта Земля, эта планета. Тай-Шин – это в первую очередь наука о Любви. Мы учимся любить все живое на этой планете и за ее пределами, потому что чувствуем свою непосредственную связь со всем этим. Миротворчество, боевое искус-ство, физику и математику, психологию и астрономию, экстрасенсорику и медицину, и еще бесконечный ряд иных дисциплин, которые формируют наше отношение к окружающему нас миру, но самое главное в Тай-Шин – это способность чувствовать. Только тогда возможно постижение истинной мудрости. Практикуя искусство ощущений, мы узнали, что Вселенная, вмещающая нас, не только агрессивна, но и изобильна.

Резонанс Сил дает нам возможность получать то, что нам необходимо в нашей жизни. Мы перестали бе-гать за вещами и событиями, сжигая драгоценную энергию, затраченную на эти бессмысленные поиски. ИТУ-ТАЙ поменяло знаки на нашем мироощущении. Теперь все, что нам действительно необ-ходимо, само притягивается к нам, потому что мы не являемся изолированными объектами, скитающимися по миру, мы сами являем-ся миром. Поэтому все, что включает в себя мир, находится от нас на расстоянии вытянутой руки, и мы можем пользоваться всем этим.

Николаев, прищутив глаза, посмотрел в небо, где темнел движущейся точкой силуэт орла, парящего между пирамидами облаков. Дуэнерг поймал направление его взгляда и теперь тоже смотрел вверх, на заоблачного скитальца, вычерчивающего в небесной синеве причудливые узоры траекторий полета.

– Он тоже один из нас, он часть всего живого. ИТУ-ТАЙ объеди-няет все. Открыв тайны существования и манипулирования АРС – Центром Восприятия, мы можем становиться всем, кем захотим: людьми, духами, животными, птицами...

Николаев удивленно посмотрел на Санаева:

– В каком смысле?

– В буквальном.

– Это что, значит, мы можем превращаться в животных или птиц физически?

– Безусловно. Но этот маневр доступен лишь тем, кто в совершен-стве овладел движением и фиксацией АРС. Тем же, кто уже доволь-но-таки далеко ушел по тропе магии ощущений, но еще не может менять свою физическую форму, доступен уровень передачи своего сознания другому разумному существу, особенно Курану.

– Курану?

– Да, Духу ИТУ-ТАЙ, имеющему облик животного или птицы. Практикующий это искусство цепляет свой ЛРС за АРС Курана и таким образом получает возможность путешествовать в его теле, все воспринимая так, как если бы он сам был этим существом. Но даже подобный уровень для любого из нас пока является лишь теорети-ческим, о физической трансформации я вообще не говорю. Говорят, на это были способны только древние шаманы, практикующие зак-рытые версии Тай-Шин. Про Куранов же мне рассказывал Вадим. И нам всем очень хочется верить ему, потому что этот миф уже захва-тил нас. А значит, остается лишь ждать того момента, когда мы – современные дуэнерги, достигнем того уровня и тех возможностей, которые позволят нам вступать во взаимодействие с дуэнергами из мира зверей.

– Всеволод, ты думаешь, это возможно?

– Конечно. Для меня стало многое возможным из того, что было совершенно недоступно ранее. Поэтому все мои остальные потен-циальные возможности зависят исключительно от моей инициати-вы, моей силы и моей твердости. Только так можно чего-нибудь дос-тигнуть на этом Пути. Вон там, – дуэнерг протянул руку в направле-нии, где луга сходились с горизонтом, – в высокой траве стоят "ка-менные бабы", каменные изваяния тюрков – памятники древним воинам. Эти старинные статуи оставлены нам как память о тех страш-ных и суровых временах, когда жизнь человека не стоила ничего. Люди жили в постоянном ожидании – когда же из-за перевалов вне-запно в облаках пыли с воинственными кличами появится конница враждующего племени и обрушится на долины, убивая людей, сжи-гая юрты, уводя с собой пленных и скот. Это были воистину тяжелые времена. Мужчины с детства учились владеть оружием, женщины были привычны к постоянным гонениям и лишениям. Именно в та-кой атмосфере и был создан

Клан Тай-Шин. И, наверное, именно поэтому он достиг той силы, которая позволила этому Учению вы-держать главное испытание – испытание временем. Теперь все не так, все по-другому, но это лишь иллюзия. Изменились лишь деко-рации. Охота на "маленьких лебедей" лишь изменила формы, но суть ее осталась прежней. Цивилизация людей идет все дальше и дальше по пути саморазрушения. Просто этот процесс принял более изощренные формы. Грядущий XXI век, будет эпохой катастроф и глобальных потрясений. Это будет качественно новый уровень аг-рессии и властных амбиций – его можно скорее назвать эпохой ок-культурных междоусобиц, периодом воздействия на сознание путем манипуляций с подсознанием. Вот где будет настоящий кошмар. Люди, наконец, обратятся к своему внутреннему пространству, в надежде обнаружить там более сильное оружие для своих бесконеч-ных войн. Но то, что они там обнаружат, повергнет их в ужас. Всплы-вут самые страшные и темные магические техники, в обиход войдут самые изощренные методы убийства и подчинения своей воле. В этих условиях мироощущение шаманов станет настолько же актуальным, как и сотни лет назад. Древняя и могучая цивилизация дуэнеров создала Тай-Шин с расчетом на то, что это намерение будет дей-ственным и одинаково эффективным во все времена. Мы, дуэрги, не хотим больше быть теми, кем нас хотят сделать, – рабами, пищей. Мы изучаем законы мироздания для того, чтобы расширить диапа-зон наших возможностей и перевести агрессию, скрытую в нас, в иное качество, сделав ее силой познания и освобождения. Мы – Во-ины нового мироощущения, мы ревнители Равновесия. Когда-то, дав-ным-давно, как раз в те времена, когда кровь лилась рекой и камен-ные "балбалы" выстраивались около захоронений великих воинов, отмечая количество убитых ими врагов, община Тай-Шин была со-всем иной. Вадим рассказывал мне и об этом тоже. Ее адепты вы-нуждены были защищать свои жизни и жизни своих соплеменни-ков всеми доступными методами. Так родились легенды о духах-убий-цах, об "оборотнях", о "безликих". Во всяком случае, так называли их некоторые. Они появлялись из ниоткуда, словно и вправду бесте-лесные духи, и, сея смерть и ужас среди нападающих, бесшумно ис-чезали во тьме, будто и не было их вовсе. Но после них оставались трупы их врагов. Одни считали их великими воинами – богатырями, другие полагали, что это – черные алдачи, духи смерти, посланцы Эрлика, подземного бога. Кто-то утверждал, что это защитники мир-ных очагов – серебряное воинство Маигдышире. Но были и те, кто утверждал, что это – тайшины, воины оборотни, живущие в Сумер-ках, на Той Стороне Дня. Прошло много сотен лет с тех пор, Тай-Шин трансформировалось в Мирозформизм, на смену магии при-шла наука, но по-прежнему на планете льется кровь, и люди убива-ют друг друга. Мне кажется, что самое мрачное время человечества еще впереди, поэтому мы и создали "Темный Ветер". Это наш Долг по отношению к этой чудесной планете, которой угрожают страш-ные потрясения. Посмотрите вокруг: истощая планету, мы истоща-ем сами себя. И то, что происходит сейчас, имеет устрашающую ди-намику роста. Лесные массивы вырубаются со скоростью пятьдесят гектаров в минуту, и лесной фонд планеты сократится почти напо-ловину уже в ближайшие годы. К этому же времени могут исчезнуть сотни тысяч видов и подвидов растений и животных. Цивилизации угрожает "энергетический голод", от которого она будет спасаться самыми губительными для окружающей природы методами. Неко-торые специалисты считают, что ресурсы традиционных видов топ-лива в Европе, Южной и Центральной Америке иссякнут уже к 2010 году, на Ближнем Востоке – через пятьдесят лет, в России, Китае, Юго-Восточной Азии – к концу XXI века. Экологическая катастро-фа уже дает свои разрушительные результаты: деградация атмо сфе-ры, распространение губительных нефтяных пленок на обширной поверхности Мирового океана, что означает гибель фитопланктона, дающего до 80% свободного кислорода, образование антропогенных пустынь на месте степей и лесов. Над целыми странами выпадают сернокислотные дожди. Имеет место загрязнение планеты радиоак-тивными отходами, которые

консервируют в отработанных соляных коях, рудниках, океанических впадинах. Отдельные компоненты этих отходов имеют период полураспада, в несколько раз превышающий историю человечества. Критическое загрязнение атмосферы избыточной углекислотой, пылевыми частицами, продуктами работы двигателей внутреннего сгорания. Фтористые соединения, входящие во многие продукты бытовой химии, поступающая в газообразном состоянии в верхние слои атмосферы, разрушают озоновый слой. А утончение озонового слоя угрожает привести к исчезновению наиболее чувствительных к ультрафиолету живых видов – прежде всего человека. Представьте себе, ежегодно в земную атмосферу выбрасывается около 270-280 миллионов тонн углекислого газа, около 90 тонн различных углеводородов, около 180 тонн двуокиси серы. 70 миллионов тонн окислов азота. А ведь планета имеет ограниченные возможности к самоочищению. Существует также вполне реальная угроза "термического" загрязнения биосферы. Парниковый эффект уже начал проявляться, и глобальное потепление климата на планете неизбежно. Если не будут придуманы какие-то специальные мероприятия, то случится страшное: вобравший в себя растаявшие полярные льды Мировой океан, в самое ближайшее время, поглотит не только Венецию, но и целиком Нидерланды, а также многие прибрежные зоны на всех континентах. И это будет только началом. События скоро будут развиваться в геометрической прогрессии. Скоро возникнут, и будут стремительно распространяться эпидемии, и даже пандемии еще более смертоносных, чем СПИД и рак, заболеваний. Ведь все вирусы имеют тенденцию к мутациям в неблагоприятной среде. Например, скорость мутаций вируса СПИД, в несколько раз превышает скорость мутаций вируса гриппа. Так что вероятность передачи СПИДа в будущем воздушно-капельным путем не исключена! Неблагоприятная среда вообще чревата всякими негативными сюрпризами. Уже сейчас наблюдается "сдвиг" некоторых генов практически у всех новорожденных детей в районах с неблагоприятной экологической средой, к которым, между прочим, уже относится и Алтай! Представляете, "жемчужина Сибири", одно из красивейших мест в мире, исторически значимое, легендарное "место Схождения Миров", загажено, подобно самой паршивой помойке! Думаете, это случайно? Выбросы отходов производства в алтайские реки, захоронение химических отходов в выработанных рудниках, место падения ракетных ступеней с гептилом, ядовитейшим веществом, "желтые дети", радиационное наследие Семипалатинска... Это целенаправленное уничтожение святыни, это создание благоприятной почвы для рождения Зла. Нет большего преступления перед планетой, чем уничтожение этого благословенного края. Дух Алтая не потерпит подобного отношения к себе. Это очень могущественный и древний Дух, он заставит уважать себя и тех, кто пытается унижить его нечистотами, и тех, кто торопливо скупает в свою собственность его священные земли. Белый Волк поднимает голову, Алтайский Дракон пробуждается под толщей земли! Люди вплотную подошли к роковой черте самоуничтожения. Катастрофа уже за дверью – откройте ее, и безумие ворвется в дом. Видимо, только тогда люди поймут всю серьезность своего положения. От Алтая зависит судьба всего человечества! Когда перестает работать сердце, весь организм погибает в считанные секунды. Я, например, вообще не исключаю грядущую возможность "бешенства" генных структур у планетарного вида "гомо сапиенс". Планета ведь резонирует с нами. Мы ее клетки, мы частицы ее огромного организма. Но только когда люди это поймут, боюсь, будет уже поздно. Помимо вырождения биосферы, нас в самом ближайшем будущем ожидает и ряд страшнейших геологических катастроф: сдвиги в пластах земной коры, смещение вулканического пояса. Ожидается серия землетрясений, невиданных по своим разрушительным масштабам. И все это только "благодаря" тому, что люди забыли об уважении. Они забыли, что все вокруг наполнено жизнью, и уважения требуют не только растения и животные, но и духи предков, захоронения которых оскверняются сегодня с невиданной беспечностью.

– Но ведь этот процесс можно повернуть вспять? Санаев задумчиво посмотрел на своего собеседника.

– Все зашло уже слишком далеко.

– В каком смысле? – Николаев нервно засунул руки в карманы. Может быть для того, чтобы скрыть дрожь пальцев, выдающих его смятение.

– Потому что человеческая цивилизация не может контролировать технологический прогресс, в самой основе которого скрыт дестабилизирующий фактор.

– Но почему?

– Потому что, на самом деле, это не прогресс, а регресс, причем динамичный. Нам лишь внушают, что мы прогрессируем, на самом деле мы угасаем. Нас душит инерционная петля нашего ограниченного виртуального мышления. Мы пренебрегли чувствами и инстинктами, в угоду противоречивому интеллекту, который загнал нас в тупик представлений об окружающем мироздании. Мы скоро, очень скоро поймем, что все наши устремления и цели иллюзорны, и более того, навязаны нам враждебной цивилизацией паразитов. На нашей планете уже тысячи лет создается почва для направленного зла. Но мы никак не можем этого понять и осознать. Ведь очевидно, что появление какой-то конкретной проблемы должно вызвать резонансный всплеск активности по нейтрализации этой проблемы, особенно если она угрожает человеческой жизни. А что на самом деле? У людей внимательных и умных наверняка создается впечатление, что развитие новых перспективных технологий, будто кто-то сознательно под тормаживает. И на самом деле так оно и есть. Вот только люди несколько ошибочно интерпретируют события. Специалисты по промышленному шпионажу или аналитики скажут, что появление на рынке новых перспективных технологий взорвет устоявшееся положение вещей. Транснациональные корпорации не готовы менять уже отлаженный технологический процесс. Поэтому талантливых изобретателей не так уж и много. Их изобретения опасны для нашей цивилизации, как это ни парадоксально. Поэтому мы до сих пор дышим вредными выхлопами, едим гормональные продукты, лечимся разрушительными антибиотиками. Все поставлено на конвейер. И этот конвейер приносит неплохие доходы определенным представителям нашей, так сказать, цивилизации. Их методы нейтрализации перспективных технологий отличаются друг от друга, но результат остается неизменным – нас тормозят. Но дуэрги знают, кто в действительности стоит за спинами политиков, промышленных и финансовых олигархов, – Ситаны. Хотя в это и трудно поверить, но эти подземные духи сознательно ограничивают человечеству движение вперед. Ситаны постоянно задают людям обманчивые направления, куда их ведут за собой Мангуны, существа, подконтрольные Ситанам на энергетическом уровне. И Ситаны, и Мангуны, в силу специфических энергетических законов, ослеплены жаждой власти. Это их основной стимул развития. А какая же власть возможна без подвластной живой силы? Кто же позволит этой силе развиваться? Ситаны ведут нас в пропасть, и этот процесс уже практически невозможно повернуть вспять. Близится эпоха биосоциальных и психо-социальных потрясений.

– А какая роль во всем этом отводится дуэргам?

– Равновесие. Мы должны сделать все, чтобы постараться изменить существующее положение, даже видя полную бесплодность своих попыток. Это наш Долг, это наше Наследие Хранителей. Тай-Шин открывает нам новые возможности, но взамен мы обязаны сделать все, чтобы охранять один из основных источников Силы ИГУ-ТАЙ – нашу планету. Мы будем стараться использовать наши знания и нашу магию для того, чтобы придумать что-нибудь фундаментальное, действительно способное изменить технологии, науку, образ жизни. Мы будем создавать более совершенные социальные структуры. Мы будем пытаться инициировать Большие Колодцы в режиме Равновесия.

– Вы думаете, "Темный Ветер" сможет реально существовать?

– Для нас нет такого понятия – "реально". ИТУ-ТАЙ стирает границы между реальностью и иллюзией. Мы не общественное объединение, мы, прежде всего, шаманы, воины. Мы расширяем границы нашего сознания, а это, в свою очередь, открывает нам пути к более действенным средствам реализации наших планов.

– Но ведь вы говорили о Ситанах и Мангунах. Они будут активно противостоять дуэнерам.

– Безусловно. Они не переставали противостоять нам никогда. Тай-Шин и создавалась с таким расчетом, чтобы ускользнуть от этого противостояния. Просто новое время диктует иные формы этого ускользания. Если раньше дуэнерги тщательно скрывали свое существование, свои стимулы, методы и свое местонахождение, то сейчас нами предпринята попытка к смене тактики. Это позволит расширить информационное пространство, что в свою очередь откроет нам пути к более эффективным действиям по реализации нашей непосредственной задачи – Равновесия. Все дело в том, что Мирформизм гораздо более динамичен, чем любое учение или религия. Более того, он не является ни тем, ни другим. Мирформизм – это просто способ чувствовать мир вокруг нас, все остальное – следствие индивидуальных интерпретаций. Посмотрите на те религии и учения, которые сейчас существуют в обществе. Они замкнулись, обросли догмами и обрядами, они потеряли цель и теперь сражаются друг с другом, вместо того чтобы делать одно общее дело. Наши религиозные организации сами претендуют на мировое господство, а это – первый шаг к скольжению в область Корн, где управляют властолюбивые и коварные Ситаны. Ведь что сейчас творится в среде мистического самоопределения людей? Почти все религиозные конфессии сражаются за власть. Почти все тайные общества стремятся к власти. Постепенно искусство выживания превратилось в искусство тайновласти. Это не-прекращающаяся война. Это чуждое влияние иной цивилизации. Шаманы Тай-Шин сражались, потому что у них не было иного выхода, они сопротивлялись агрессии, направленной против них хищниками, уничтожающими человечество. Но любое действие вследствие резонанса влечет за собой противодействие. Мирформизм изменил тактику: мы не завоевываем, потому что демонстрируем превосходство правды над грубой силой, но мы и не отдаем свою силу и свободу закулисным темным пастырям, потому что уже не являемся рабами. В этом наше преимущество перед любой организацией "духовных просветителей". Мирформист может исповедовать и христианство, и ислам, и любое другое религиозное учение, потому что он владеет ИТУ-ТАЙ, способностью гармонично жить в окружающем его мире. Но в свою очередь христианину или мусульманину, вследствие бесосновательно ограничивающих его рамок и обязательств, касаться ИТУ-ТАЙ будет, скорее всего, запрещено, ведь Равновесие раскрепощает, выводит из-под влияния "духовных вождей". Человеком, который может видеть суть предметов, уже невозможно будет управлять на основе догм, которые на самом деле являются не более чем цепями, иллюзиями. Человека, который ощущает себя неотъемлемой частью мира, невозможно заставить уничтожать этот мир. Мангуны до сих пор не смогли нейтрализовать Тай-Шин по одной простой причине: одержимые Властью, они еще активно противостоят и друг другу, подчиняясь только иницировавшему их Ситану. Но и Ситаны, являясь своеобразной общностью существ, готовы на все, чтобы сконцентрировать у себя максимальную Власть в этой общности. Они готовы уничтожить все и вся, лишь бы удовлетворить свой невероятный голод властных амбиций. Люди должны понять одно – катастрофа уже в нескольких шагах от них. Если она грянет, то не минует никого. Нужно расширять диапазон своих знаний и своих возможностей, потому что только так можно изыскать средства, чтобы воспрепятствовать развитию катастрофы. Но сделать это невыносимо, пока нашим сознанием управляют. Пора избавиться от предрассудков и обывательской тупости, и взглянуть в глаза нашей истинной природе. Это очень мучительный и продолжительный процесс, но пути

к свободе всегда лежат через ломку стен закостенелого сознания и энергетической ограниченности. Мы ни-кому не навязываем наше мировоззрение, более того, мы его даже не пропагандируем, потому что, как я уже говорил, не являемся ни уче-нием, ни религией. Сила сама приведет того, кто к этому готов, в нужное время в нужное место. Но мы не можем не предупреждать людей о последствиях этого шага – после принятия ИТУ-ТАЙ окружающий мир откроет для своего детища невероятное количество завораживающих тайн, но, одновременно с этим, община людей и ци-визация нелюдей обрушится на новоявленного дуэнера всеми своими разрушительными гранями. Поэтому, мы должны быть гото-вы к самому активному противостоянию со стороны враждебных нам существ. И именно поэтому я все чаще и чаще прихожу сюда, на луга, где стоят статуи древних воинов, среди которых есть и воины Тай-Шин. Они помогают мне набраться мужества перед грядущими битвами. Смотрите, Александр Васильевич, видите, вон они стоят, молчаливые и отрешенные. Пойдемте, спустимся к ним. Иногда мне кажется, что они вот-вот заговорят со мной. Это страшное и завораживающее ощущение. Пойдемте, вы сами все увидите...

## эпилог

"Ну вот, Андрей, – произнес с некоторой торжественностью голос Наставника. – Первый круг вами пройден".

А. и Б. Стругацкие. "Град обреченных".

Максим пришел в Дом Тишины в сумерках. Тусклое солнце уже скрылось за горизонтом, когда он вошел неслышно в заброшенный сад, заросший высокой, начинающей уже желтеть, травой. Гым перестал ухаживать за садом. Немой садовник понял, что случилось, и поступил так, как посчитал нужным, а может, что решение нашеп-тал ему кто-то во сне. Заброшенный дом должен был слиться со сти-хией, питающей его. Трапы, кустарники и деревья со временем укро-ют его своим пологом, солнце иссушит древесину, дождь размягчит ее и сделает менее твердой. Дом превратится в огромный склеп, в котором будут покоиться невероятные чудеса и воспоминания о пос-ледних шаманах Тай-Шин. Планета будет бережно беречь свои тай-ны, как и сотни лет до этого, обволакивая их зеленью, засыпая зем-лей и стирая все тропинки, ведущие к ним, расставляя на всех тай-ных ходах своих неизменных часовых: деревья, дикое зверье и бес-плотных духов, неслышно скользящих в воздухе, подобно легкому дуновению ветерка.

Максим стоял под раскидистыми ветвями рябины, усыпанной крас-но-желтой листвой, и смотрел на Усадьбу. Как много было здесь пе-режито, какие невероятные тайны открылись ему здесь, какие восхитительные дали были показаны!

Максим глубоко вздохнул. Воспоминания одно за другим возни-кали перед его глазами, поражая своей насыщенностью и динамич-ностью – это АРС стремительно менял свои позиции под действием Силы, струящейся из-под земли. Центр Восприятия возвращался на те положения, которые ему задавали Мастера Тай-Шин в процессе сложной настройки энергетика ученика на силовые потоки, обычно не задействованные людьми. Перед глазами вставали знакомые лица. Казалось, протяни руку – и коснешься кого-нибудь из старых знако-мых: вот Айрук, Араскан, Кадамай, Полина, Унген, Айма... Виде-ния тают и возникают вновь, словно дразня Адучи утерянным на-всегда обществом тайшинов. Так, бродя по саду и вспоминая свое

прошлое, Максим дождался ночи. В полуподвальном помещении зажегся свет. Это проснулся Гым, очевидно, что-то почувствовав. Максим ощущал напряжение в ауре старого Садовника, который, прищурившись, смотрел из своей каморки через пыльное стекло наружу, в темноту ночного сада. Ковров грустно улыбнулся. Гым уже смирился с уходом владельцев Дома, но все еще не мог поверить в то, что они ушли навсегда и оставили его здесь. Он все еще ждал, он верил, что в один прекрасный день они вернуться и все будет по-пре-жнему. Это чувство больше напоминало ожидание ребенка, кото-рый искренне верит в появление сказочных персонажей или в скорейшее возвращение родителей, которые ненадолго отлучились из дома.

Максим двигался совершенно бесшумно. Стараясь не давать по-вода к несбыточным надеждам, Ковров решил не будоражить стари-ка своим присутствием и, быстро попрощавшись с Домом, опять ис-чезнуть. На этот раз навсегда. Он вышел из зарослей, окаймляющих сад, и неслышно поднялся по ступенькам дома, отомкнув своим ключом дверь. Дожди все-таки уже успели начать свое разрушительное дело – петли заржавели, и дверь пронзительно скрипнула. Максим поморщился и проскользнул в темноту коридора, прикрыв ее за со-бой. Дом словно почувствовал его появление. Слабый ток невиди-мой энергии от стен приветствовал одну из бывших обитателей, вернувшегося сюда, чтобы проститься. Максим медленно обходил комнаты, насыщая глаза их обстановкой, сидел в зале, вслушиваясь и шорохи и всматриваясь в темноту, в надежде, что сейчас, как и в прошлый раз, в проеме двери неожиданно появится закутанный в темную одежду силуэт. Тщетно. Обитатели Усадьбы ушли слишком далеко, чтобы можно было надеяться на их появление. Дом забро-шен, покинут, забыт. Разве что только воспоминания – призрачные образы тех, кто безвозвратно канул в неизвестность, еще живут здесь.

Максим вдруг подумал, что Дом тоже должен тосковать. Араскан говорил, что все, даже "неодушевленные", предметы могут чувство-вать. А Усадьба, помимо всего прочего, была построена на мощней-шем Арколе, источающем из глубин планеты таинственную Силу. Кроме того, здесь жили шаманы, и этот Дом вполне мог "ожить" и жить теперь самостоятельной жизнью, в одиночестве...

А ведь здесь могут поселиться люди. Чужие люди. Эта мысль пона-чалу показалась Максиму абсурдной, но затем он понял, что это вполне реальная перспектива. Заброшенный коттедж рано или поздно кому-нибудь попадет на глаза, и тогда предотвратить вселение нового обеспеченного хозяина будет уже крайне затруднительно. Все разре-шительные документы будут оформлены, новый жилец выгонит из подвала бомжа Гыма и, сделав в помещении "евроремонт", будет во-зить сюда своих друзей и хвастаться им невероятной красотой окружающего ландшафта. Хотя, долго в этих стенах не выдержит ни один человек. Ему с первых же дней будут обеспечены бредовые сны и гал-люцинации. И если человек не совсем законченный идиот, он быстро продаст этот коттедж и съедет, обивая пороги церковей и экстрасенсов, избавляясь от навязчивых видений и симптомов неизвестных заболеваний. В этом случае Усадьба шаманов превратится в Дом-убийцу, потому что внимание, бесконтрольно сдвинутое с привычного места энергетическим потоком подобной силы, который находится под до-мом, уже не сможет вернуться обратно и попросту "разобьет" энерге-тический кокон человека изнутри. Сюда ни при каких обстоятель-ствах нельзя допускать людей! Этот Дом – часть иной реальности, запретной реальности для обывателей.

"Эту Усадьбу построил для нас твой дедушка, генерал Ковров...". Тайшины ушли.



Значит...?

Двери внезапно открылись, и Максим, целиком погруженный в свои размышления и опять прокарауливший пришельца, стремительно обернулся, чувствуя, как бешено забилось сердце в груди. В дверном проеме стоял растерянный Гым. Фонарь в его руке мелко задрожал и упал на пол. Садовник что-то промычал тихонько и вдруг заплакал.

"А что это за дом?"

– Пойдем, посмотрим. Может, это несколько освежит твою память, потому что в этом Доме ты уже бывал, и не один раз".

"Сейчас здесь никого нет, но вечером, я думаю, ты застанешь здесь много старых знакомых".

"Этот дом принадлежит Обществу. Его построил для нас твой дедушка. Это не просто здание, это одно из средоточий нашей Силы, как и та Долина Четырех Хранителей, куда тебя водил Айрук. Мы называем этот дом Усадьба Язычников или Темная Усадьба. Хотя официальное его название – Дом Тишины. Он построен здесь не случайно. Под ним находится очень мощный Аркол – Колодец, Пятно Силы".

Максим вытащил из кармана портмоне и, достав из него все содержимое, протянул Гыму. Тот закивал головой, что-то радостно бормоча. Он еще не понимал, что должно было произойти. Максим сжал зубы до боли в скулах и, посмотрев Садовнику в глаза, медленно произнес, тщательно выговаривая слова, стараясь, чтобы глухонемой понял его:

– Гым, это – деньги! Много! Тебе хватит надолго. Я – ухожу. На-всегда. Никогда больше не приду. Никто больше не придет. Ты тоже должен уйти. Понимаешь? Дом – пу, огонь... Здесь нельзя больше жить. Уходи.

Немой внимательно всматривался в движения губ тайшина, удивленно изогнув брови, но в его глазах все еще плясали радостные огоньки:

-Я-яне-ее...

– Гым, я ухожу. Идти. Понимаешь? Ты тоже – иди, уходи отсюда. Здесь огонь. Жарко. Костер. Дома больше нет...

Дом загорелся сразу, словно сам желал своей гибели. Ковров, как огненная саламандра, стремительно метался по комнатам с факелом в руке, поджигая все на своем пути. Дом не должен достаться людям. И одиночество тоже не самая лучшая участь. Огонь все сделает как надо, он все завершит. Тайшины всегда использовали огонь, чтобы уничтожить следы своего пребывания в этом мире. Ковров остался, значит, он должен был закрыть эту дверь за ушедшими шаманами.

Пламя гудело, яростно делая свое дело, перекидываясь со стены на стену, заглушая облегченный треск умирающей древесины. Через одно из окон Максим увидел внизу на улице Садовника. Тот стоял в глубине сада, робко сложив перед собой худые руки. На его полурадостном-полурастерянном лице блуждали бликующие отсветы пожара. Гым так еще и не понял, что произошло и почему один из вернувшихся хозяев поджигает свой дом, его, Гыма, дом. Но раз он так делает, значит, так надо. Они всегда делали то, что надо. И всегда заботились о Гыме. Немой садовник посмотрел на пачку денег, зажатую в его руке, и опять засмеялся.

Пламя уже начало пожирать наружную сторону стен, когда из окна второго этажа метнулась вниз темная тень. Ковров упал на траву и, тут же оказавшись на ногах, исчез в густых зарослях сада. Оттуда он, невидимый, наблюдал, как огонь стремительно охватывает всю Усадьбу. Дом сгорит, но Аркол останется, и еще нужно будет много сделать для того, чтобы отвести людей от этого места. Хотя Арколы сами защищают себя. Сила сама сделает так, чтобы никто, кроме тайшинов, не смог занять это место вновь.

Где-то вдалеке послышался надрывный вой пожарных сирен. Через несколько минут призрачные отсветы мигалок осветили прилегающую к Дому территорию. Но все это было уже бесполезно – огонь сделал свое дело быстро и качественно. Усадьба шаманов перестала существовать. Клубы дыма и гари уносили с собой в вышину все ее тайны. Когда пожарники окружили пылающий каркас и первые капли воды полетели в огонь, от дома практически уже ничего не осталось. Еще через десять минут на месте заброшенного коттеджа дымилась только груды обгоревших головешек. В стробоскопических бликах мигалок Максим видел сквозь пелену слез, застилавших глаза, как вокруг этих руин бродит долговязый старик. На его лице, перемазанном сажей, блуждает растерянная улыбка. Он смотрит на деловитых пожарников, сматывающих мокрые шланги, и, показывая руками на пепелище, бормочет что-то. Максим вслушивается в это бормотание.

– Дом... сгорел... и-и... огонь... дооом...

Максим поспешно отвернулся от этого зрелища и запрокинул голову вверх:

– ТЭРЬ!

Безграничное черное небо, усыпанное мириадами сверкающих звезд. Огромная Луна отстраненно смотрит из что и глубины вниз, на тлеющие угли, молчаливый темный лес, человека, замершего среди кустов с запрокинутой головой.

Лунная Дорога – Волчья Тропа, Путь Серого Будды. Вот она змеится между созвездий призрачным серебром, уходя все дальше и дальше в Бесконечность. Поутру она растает, словно морок, иллюзия, сотканная из мерцающей ткани сновидений. И будет новый день, новые проблемы и заботы. Ночь скоро закончится, как закончится впоследствии и день, который грядет. Тик-так. Время. Как ход маятника в тишине Вечности. На Лунной Дороге времени нет. Как, впрочем, нет и ее самой. Это лишь отсветы далекой Луны на зеркальной, постоянно меняющейся глади Реки Времени. Тик-так. Конец эпохи? Начало новой? Кто может сосчитать волны стремительной Реки, несущей воды свои в океан Безвременья? Тьма неизбежно сменяется светом. За ночью следует утро. И идущий в сумерки обязательно выходит к рассвету...

Человек стоял в кустах, раскинув в стороны руки, будто два крыла, словно собираясь преодолеть притяжение земли и взмыть в эту завораживающую тьму, высоко в небо. В глубокое Вечное Небо над Алтаем.

# Note1

"Что сделано, то сделано" (лат)